

ЗВЕНЬЯ

ЗВЕНЬЯ

1

ПРОГРЕСС

ФЕНИКС

ATHENEUM

**ВСЕСОЮЗНОЕ
ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МЕМОРИАЛ»**

ЗВЕНЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 1

ПРОГРЕСС ФЕНИКС ATHENEUM
МОСКВА 1991

Выпуск подготовили:
Редакторы-составители
Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский
Редакторы

Г. В. Белкова, А. Ю. Даниэль, А. И. Добкин, Ф. Ф. Перченюк

Техническая подготовка выпуска к изданию финансировалась советско-американским фондом "Культурная инициатива".

Часть средств от реализации книги передается в фонд помощи жертвам репрессий.

ISBN 5-01-003604-5 (Прогресс)
ISBN 5-01-003603-7

ISBN 5-85042-021-5 (Феникс)
ISBN 5-85042-020-7

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.	7
ИЗ ПИСЕМ В «МЕМОРИАЛ».	11
ВЛАСТЬ, НАРОД, КУЛЬТУРА	
Сергей Максудов. Потери населения СССР в годы коллективизации. Послесловие И.Г. Дядькина.	65
60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публикация Е.Н. Разумовской.	113
Ф.Ф. Перчёнок. Академия Наук на «великом переломе».	163
В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТРЕЖИМ	
Предисловие к разделу.	239
Заявления политзаключенных 1923-1924 гг. из Пертоминска и Соловков. Публикация А.Мельник и А.Сошиной. Примечания А.Е.	245
Соловецкие политскиты. Список заключенных (1925). Публикация Е.Б. Жемковой и А.Б. Рогинского.	252
Д.М. Бацер. Соловецкий исход. Публикация А.Даниэля.	288
НАД КАРТОЙ ГУЛАГА	
Предисловие к разделу.	301
А.Мельник, А.Сошина, И.Резникова, А.Резников. Материалы к историко-географическому атласу Соловков.	303
А.Н. Канева. УхтПечлаг. 1929-1938.	331
ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ	
Два документа комиссии А.М. Шанина на Соловках. Публикация И.И. Чухина.	357
Реабилитационное определение по делу работников ГУЛага. Публикация Д.Г. Юрасова.	389
А.Л. Войтоловская. Суд на следователем. Справка-дополнение Н.Петрова.	400
ПАНОРАМА	
После обстрела Московского Кремля. Публикация В.Седельникова.	439
В.Седельников. ЧК и архивы.	451
Из ранних свидетельств о «деле ПБО». Предисловие и примечания И. Вознесенского.	464
В.И. Вернадский. Из дневников 1921 г. Публикация М.Сорокиной.	475
Ю. Айхенвальд. Лагерь начинается с гардероба.	488
«Что же с нами делают?..» (Письма к А.Н. Толстому — депутату Верховного Совета СССР). Публикация Е.Ю. Литвин.	505
Дело Джалал-Абадских школьников. К истории молодежных антисталинских организаций. Послесловие С.Печуро и В.Булгакова.	528
Еврейский антифашистский комитет у М.А. Сулова. Из воспоминаний Е.И. Долицкого. Публикация А.Вайсберга.	535
Я.Я. Эттингер. Когда началось «дело врачей»?	555
Норильское восстание 1953 года в воспоминаниях Б.П. Дубицкого и Л.А. Пожарского.	560
М.М. Молоствов. Ревизионизм — 58. Послесловие В.В. Иофе.	577
Указатель имен.	593
Список иллюстраций.	619

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

I

«60 лет колхозной жизни глазами крестьян».

Фото Е.Антоненко, Ю.Ермолова, М.Чиркста. 1970-80-е гг.

II

Соловки.

Пароход «Глеб Бокий» у причала Управления Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ. 1920-е.

Савватьево. Фото Ю.Бродского. 1987.

Сергиев скит на острове Большая Муксолма. Фото Ю.Бродского. 1987.

Вышки на Кирпичном заводе. Фото Ю.Бродского. 1987.

Ухтпечлаг.

Фото из архива В.П. Надеждина.

Чибьюский нефтепромысел в 1937 году.

Первые дни на Чибью. 1929.

Первые лежневки. 1929-30.

Пекарня. Работают заключенные. 1929-30.

III

Строительство Беломоро-Балтийского канала.

Из фондов Карельского государственного музея.

Работа в котловане шлюза №11. 1932.

Тачколазы.

Детский труд на канале №182. 1933.

Женская бригада им. Фирина на канале №165.

Краснознаменная фаланга нацменов на шлюзе №1.

Сотрудники ГУЛага во время поездки в Повенец. Слева направо: Н.А. Френкель, Г.Д. Афанасьев, М.Д. Берман; третий слева — главный инженер строительства Вержбицкий.

Начальник строительства С.Г. Фирин. 1932.

Митинг перед взрывом перемычки. 1935.

IV

Строительство железной дороги Салехард — Игарка (1949-54).

Восточный участок.

Фото Э.Иванова и А.Вологодского. Экспедиция «Мемориала». 1989.

Плакат на здании КВЧ 9-го лагпункта 3-го отделения.

На трассе.

Орудие труда.

В КВЧ 9-го лагпункта.

Жилой барак 9-го лагпункта.

Штрафной изолятор.

Полотно железной дороги.

Больничное кладбище 2-го отделения.

Сегодняшний интерес к отечественной истории — закономерная реакция на тотальное отчуждение от собственного прошлого, которое в течение десятилетий навязывалось общественному сознанию. Главная цель, которую ставит перед собой Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», заключается в том, чтобы преодолеть это отчуждение. Мы надеемся, что наш альманах внесет свою посильную лепту в решение этой грандиозной задачи.

Мысль, воспитанная на мифах, не в состоянии смириться с их крушением; на обломках рухнувших легенд немедленно вырастают новые. С нашей точки зрения, противоположностью мифу станет не анти-миф, а факт. Факт, погруженный в контекст эпохи, а иногда — вступающий с нею в конфликт. Поэтому все наши публикации строятся на факте, будь то архивный документ, устное или письменное свидетельство, статистические данные, экспедиционные материалы или что-то еще. Свою задачу мы видели в том, чтобы по мере возможности оценить достоверность публикуемого сообщения и снабдить его необходимым комментарием. В сборнике нет статей, трактующих исторические проблемы в глобальных — философских или социологических — аспектах. Мы лишь готовим материалы к суду истории, но суда над историей не проводим. Это — другой жанр.

Мы не испытываем также специального интереса к событиям и лицам, оказавшимся в свое время на авансцене истории. Это не значит, что мы принципиально не публикуем связанные с ними материалы; однако прежде всего в поле нашего внимания — судьбы народа, судьбы рядовых граждан.

Из-за ограниченного объема сборника в нем почти не нашли отражения многие темы, которые сейчас активно разрабатываются в «Мемориале». Так, в альманахе практически не затронуты национальные и религиозные преследования, а также репрессии послесталинской эпохи. Совсем не представлены материалы, связанные с Отечественной войной. В следующих выпусках альманаха мы надеемся заполнить эти лакуны.

Составители пользуются случаем принести свою благодарность Г.Г. Суперфину за сделанные им замечания и поправки. Мы также глубоко признательны за помощь В.Аллою, О. Блинкиной, Ю.Бродскому, Т.Громовой, Т.Долгой, Л.Ереминой, Е.Жемковой, Н.Кравченко, И.Осиповой, Б.Равдину, И.Тумановской, О.Цатурян, — всем тем, кто участвовал в работе над альманахом и способствовал его выходу в свет.

При подготовке сборника к печати мы стремились прежде всего к добросовестности и корректности в подаче материала. При этом мы старались сделать его доступным для широкого круга читателей, исходя из того, что размеры пропасти, отделяющей академическую публикацию от общедоступной, сильно преувеличиваются. Во всяком случае, мы попытались перебросить мостик через эту пропасть. Насколько это удалось — судить читателю.

Декабрь 1989 г.

ИЗ ПИСЕМ В «МЕМОРИАЛ»

Бессознательные подтасовки и намеренные фальсификации настолько замутили наши представления о прошлом, что синдром Орвела («если все принимают навязанную ложь..., тогда эта ложь поселяется в истории и становится правдой») является нашей реальностью. Теперь «двойная бухгалтерия» советской истории перестает быть тайной. К зарубежным — до сих пор малодоступным — публикациям постепенно прибавляются отечественные. Пока это — в основном публицистические, культурологические или художественные обобщения, построенные подчас на весьма ограниченном круге источников. Но есть надежда, что либерализация архивной политики приведет к широкому выявлению и обнародованию источников, и в первую очередь — массовых, без которых нельзя подступиться к анализу процессов, приведших страну к культурной и экономической деградации. Однако официальная документация из государственных и ведомственных хранилищ разной степени закрытости — это еще не всё. Необходимым дополнением к ней является информация «личного происхождения», массовым потоком стекающаяся сейчас в редакции газет и журналов (уже видевшие этот поток в конце 50-х — начале 60-х гг.), в различные — формальные и неформальные — общественные организации, в том числе и в архив «Мемориала».

Понятно, что основанные на ретроспекции источники, преобладающие в этом потоке, имеют множество фактографических изъянов: ведь субъективность, оценочность, оглядка на личные и коллективные установки сегодняшнего дня, вытекающие отсюда искажения, — вообще свойственны мемуарному жанру. В этом смысле устный рассказ, письмо и объемные воспоминания мало чем отличаются друг от друга. Если еще учесть давление средств массовой информации, формирующих идеологические и сюжетные стереотипы, а также более редкое, но зато более сильное воздействие возможного инициатора текста (например, интервьюера в устной беседе), то недостатки источников этого рода для строгой реконструкции прошлого станут вполне очевидными. Не меняют картину и становящиеся доступными осколки личных архивов (хотя они редки среди почты «Мемориала»): дневниковые и эпистолярные материалы советской эпохи, за редкими исключениями, чудовищно искажены автоцензурой, а о достоверности таких, например, документов, как свидетельства о смерти и реабилитационные справки — не приходится и говорить (подобные документы, кстати, позволяют предвидеть, что при широком освоении официальных архивов к историкам и в печать хлынет огромное количество фальсифицированных данных).

И все же информация, поступающая в «Мемориал», драгоценна — для историков, социологов, психологов, всех, изучающих эволюцию общественного сознания. Оторванный от семьи ребенок, попавший во враждебную среду детприемника или спецдетдома; номенклатурный работник, и в заключении сохраняющий сознание своей избранности (как следствие — в его лагерных мемуарах отмечены встречи лишь с равными по рангу); маленький человек, конечно идущий под топор палача; художник-сервилист, маскирующий свой комплекс Сальери требованиями исторической необходимости, — эти и многие другие, страшные в своей обычности, образы нашего недавнего про-

шлого нуждаются в научном исследовании. Необходимо осмыслить секретоманию, всеобщий страх, сакрализацию государственной машины, влияние мифологем типа Павлика Морозова и Лидии Тимашук на массовое сознание и другие явления, рожденные эпохой террора. Материал для этого есть.

Предлагаемая вниманию читателя публикация существенно отличается от других материалов, помещенных в альманахе. Из десятков тысяч писем и документов, поступивших за последний год в архив «Мемориала», мы — почти наудачу — отобрали сорок текстов и печатаем их без каких бы то ни было комментариев. Лишь в некоторых случаях дается краткая справка о судьбе автора или того человека, о котором идет речь. Такая справка приводится только тогда, когда в самом материале эти сведения представлены неполно. После каждого текста указано место его хранения. (АМ означает архив «Мемориала»; ЛО — Ленинградское отделение «Мемориала»)*.

Письма и записи устных воспоминаний приведены в отрывках, причем внутри этих отрывков также произведены небольшие сокращения. (Сокращены, в частности, многие чисто эмоциональные места; как правило, это вопросы, жуткие в своей повторяемости: за что? где похоронен? кто виноват? как жить дальше?). Сокращения не оговариваются. Орфография и пунктуация подлинника сохранены в тех случаях, когда, с точки зрения составителей, они важны для социальной и личностной характеристики автора.

Мы сознаем, что подобный неакадемический подход может вызвать критику со стороны квалифицированного читателя. Однако данная публикация и не должна рассматриваться как попытка ввести в научный оборот новые факты. Наша задача была другой: в сферу изучения вводятся свидетельства тех, кто не был, как правило, активным действующим лицом так называемой «большой истории», но является представителем тех миллионов, через которые — и над которыми — эта «большая история» вершилась. (Ред.)

* Составители горячо благодарят работников группы писем московского «Мемориала» (и, в первую очередь, ее координатора — М.Е. Линник), а также руководителя историко-архивной секции ленинградского отделения В.В. Иофе за осуществленный ими первичный подбор текстов для данной публикации.

Земля прозрачнее стекла.
И видно в ней — кого убили,
И кто убил. На мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

А.Тарковский.

...Нейдет у меня набросок памятника жертвам сталинизма, я в нем не вижу тех уничтоженных членов Ленинской гвардии, тех революционеров, военачальников, вождей, которых Сталин умертвил. То есть, я их вижу, но не нахожу в себе той жалости, того сожаления, того участия, которые толкнули бы меня на творческий путь. Я не вижу генеральских шпал, я вижу лишь простых, серых зеков, в бушлатах, телогрейках, в ватных брюках, в третьего срока валенках, кордом подшитых, или же в кордовых «ЧТЗ», в истертых ушанках, с красными носами на синих лицах, унижающихся перед «начальничком», наглым хамом полуграмотным, вижу колонны, шагающие на работу или с работы, строем по четыре в ряд, с руками за спиной, а вокруг их «вохру» с винтовками наперевес, с примкнутыми штыками. Я вижу тюремную камеру 4 × 2 м, в которой набито по 12-14 человек. Вижу дележ в обед полугнилой тюльки, разложенной кучками по числу обитателей таких хором, на грязной тряпке, когда один человек отворачивается спиной к рыбке, а один спрашивал его: «Кому?». И таким образом происходил дележ этих нескольких калорий. То же было с пайкой хлеба, когда каждый мечтал получить горбушку. Вижу вагон-зак с конвоирами-садистами, запихвающими в «четырёхместное купе» до 20-ти бедняг, которых выпускали поссать и посрать только дважды в сутки. Воду тоже давали два раза в сутки. И лежать надо было все время, так как сесть было негде. Но головы должны быть повернуты обязательно в сторону решетки. И считали нас без конца, особенно ночью, светя в глаза сильным электрическим фонарем. Я за свой семилетний срок побывал в тридцати вагон-заках. Вижу пересыльные тюрьмы, а в каждой свои порядки, вижу Кировскую пересылку, в которой пришлось быть четыре раза. В первый раз, когда там был, была зима. Бараки деревянные, камеры 6 × 6 со сплошными нарами, в два этажа, две огромные параша до 200 л примерно и нас по 100-120 человек. Спали впритык, на одном боку, поворачива-

лись на другой бок по команде. И все это кишело клопами. В Вожаеле было хорошо, было все кроме свободы, но она уже была не за горами, и наконец она (условная, неполная) наступила. Вижу бараки в подкомандировке «Карьер» в лаг. пункте «Косью». Там женщины и мужчины спали вповал на сплошных нарах в бараке, в котором в бачке замерзала вода. Все они спали в одежде, на голых досках, конечно, без одеял, не снимая обуви и головных уборов. Не легко было отличить, кто мужчина, а кто женщина. Никому из них, доходяг, не приходила на мысль копуляция. Любую из этих бедных женщин можно было получить за пайку хлеба, а добывали они гравий из карьера вручную, возили на тачках наверх к ветке железной дороги и грузили вручную же вагоны.

...Много образов сохранилось у меня о лагерях. Для меня они и тюрьма являются ликом сталинизма. Среди зеков встречал немало бывших советских нотаблей, таких, от которых до ареста зависела судьба, свобода и жизнь очень многих неповинных ничем людей, на совести которых было много жертв произвола. Это были в прошлом заслуженные партийцы, большинство из них в лагерях были придурками, стукачами, в общем, подонками. Признаться, я не видел среди них много таких, какими воображаешь себе настоящих коммунистов, верующих в партию помимо всего и поступающих так, как должен поступать настоящий боец революции. Их я встретил трех или четырех. А рабочих, голодных колхозников, средней интеллигенции было тысячи и тысячи в поле зрения моего. ...

Черт побери, все прошлое, вся моя жизнь за семилетний срок (+ один день) в качестве «зека» так и встает перед глазами. Но не вижу памятника жертвам таким, как ты ожидаешь от меня, не чувствую такого священного возмущения за то, что Сталин в числе миллионов жертв уничтожил ядро партии. А во всех многочисленных литературных произведениях о сталинских репрессиях, которые читают ежедневно, в основном говорится поименно, подробно, с возмущением о тех уничтоженных вождях партии, которых я не знал ни по литературе, ни по семейным преданиям. Я лишь сейчас узнаю о них, о многих слышу впервые. Ведь я-то не жил в Союзе вплоть до 1944-го, а нормальную советскую жизнь я начал узнавать лишь с 1952-го, выйдя на волю в Сыктывкаре. ...

Да, я одна из жертв сталинизма, но для того, чтобы создать что-нибудь мало-мальски талантливое на эту тему, надо мне было родиться и вырасти не во Франции, а в Советском Союзе, в духе не свободы, а угнетения и страха за завтрашний день.

Из письма Р.А. Душник-Блестена товарищу по заключению. Валга, Эстония, АМ 0187/89. Автор воевал во французской армии, попал в плен, после побега сражался в армии

Крайовой. В 1944 г. был интернирован и помещен в лагерь под Тамбовом. В 1945 г. получил 7 лет, отбывал в Шахтинском лагере и Усть-Вымьлаге.

Я Аверьянов Николай Петрович 1921 года 2 января рожденья по национальности мордвин. Опишу о себе и о своих родителях 1932 года апреле м-ца моего отца Аверьянова Петра Матвеевича ночью арестуют и забирают незнай куда. После ночью на праздник Пасху мая м-це арестуют маму Аверьяновой Варвара Егоровна и 7 детей в том числе и я, выгоняют из дома сажают на 2 лошадей нас больших детей привязывают 4 человека возжами чтобы не убежали а 3 маленькие голы уложили спать увозят на станцию Атяшево 30 км. Дома осталось все богатство, лошадь, корова, теленок, 2 поросенка и 7 овец. Лошадь, корову и овцы забрали колхоз. А теленок и 2 поросенка и имущество растащили. Привозят нас на станцию Атяшево и сваливают тарный склад, там на складе запертая на замок был мой отец и несколько семей. На второй день привозят старшего брата отца Аверьянова Федора Матвеевича 3 детьми. Тарный склад был примерно 100 м заполнили несколько семей. На 3 день подают вагоны и грузят нас вагоны по несколько семей, закрывают на замок. Туалета нет вагоне. Мужики ножами сделали дыру и вагоне опрavelялись. Без стыда и совести. Люди стали дикими. Повезли по железной дороге целый шалон. Сколько дней ехали не помню. Вагоне 7 человек умерли от голода. Доехали до города Томска и высаживают нас несколько семей. И выгрузили с вагона несколько человек мертвыми детей, стариков и молодья. Томска нас отправили пристань река Чулым погрузили на баржу, поплыли по реке Чулыма, сколькоплыли не помню, выгрузили нас какой-то пристань и пошли пешком км 7 до села Пасечное Боготовского района по дороге у нас 2 детей умерли, Настя и Ваня. Бросили нас живи как хочешь. Отец и брат отца еще 3 мужика сделали землянку, жили землянки 5 семей брат отца Аверьянов Федор М. вместе женой 3 детьми умерли. У нас четыре дети тоже умерли. Землянке осталось отец, мать и я. Идем по селу. Валяются одни мертвые люди, голод и эпидемия. Ноябре месяце отец мать и я убегаем из села. Шли пешком до города Ачинска 200 км от села Аченске билеты денег нет пришлось милостинки собирать, взяли билеты до ст. Атяшево. Доехали до Атяшево и пошли домой, пришли домой ночью утром уже пришли арестовать отец и мать. Отец и мать убегают Чувашию а меня забирают милицию. Милиция держали 30 дней. Отца и мать не могли поймать и меня отпустили, жил я где попало. Милостинки собирал. 1933 года арестуют младшего брата отца Аве-

рьянова Ивана Матвеевича жену 2 детьми выгоняют и жили где попала у Ивана была одна корова взяли колхоз. Отец и мать скитались по Чувашии до 1935 года. Отец заболел и перестали преследовать. Жили отец мать и я на квартире, начали делать саманные кирпичи, построили дом перешли жили нормально. Я начал учиться вечерное школа окончил 6 классов настоящее время отец и мать умерли я остался женой жить доме здоровье неважное как у меня и жены живем к-зе «Красный Садовод» 2 года не держим корову, селе жить без коровы очень плохо.

Товарищ председатель Глазычев не могут ли нам возвратить корову колхоз забратою 1932 года.

Прошу ответить на моего письма извините пишу безграмотно
К сему Аверьянов

Можно много писать о сталинских репрессиях, у нас селе раскулачивали и бедных, средних. Село у нас 220 домов, сейчас остались 100 домов одни старые люди.

Письмо Н.П. Аверьянова. с. Морд. Сырэси, Мордовская АССР. АМ 258/89.

Работая председателем Совета, убедился, что историю своего села — казачьего хутора Сетраки — знаю мало. Много беседовал со старожилками, кое-что узнал.

Страшную трагедию пережили сетраковцы при расказачивании. В 1919 году Ставропольский карательный полк за одни сутки уничтожил триста восемьдесят сетраковцев, которые приняли первый удар. Зверство карателей на всю жизнь осталось в моей памяти. Мама рассказывала, как мою бабушку, полуторагодовалого брата — ровесника Октября и трехлетнюю сестру казнили (отрубили головы и надели их на копыя). Тысячи людей этот отряд уничтожил в станице Мешковской, Мигулинской, хуторах Мрыховский, Меловатский.

Зажиточно жили сетраковцы. В хуторе было 513 дворов с населением до 3-х тысяч человек. Особенно поднялось материальное состояние крестьян до коллективизации. Страшные перегибы в период коллективизации. Резко снизилось производство с/х продукции. Свыше 2-х тыс. голов волов, до 3-х тыс. голов лошадей было обобществлено и размещено в десяти бригадах двух колхозов, организованных в Сетраках. Начался большой падеж скота, народ начал возмущаться, местные власти приняли меры. За 1929-1930 годы было репрессировано до 100 человек лучшей трудовой прослойки населения.

В 1930-1932 годах в Сетраках раскулачили и выслали в Сибирь 180 семей, в которых насчитывалось четыреста шестьдесят человек.

Их дома разорили и вывезли в Ал. Лозовку в районный центр. Сорок человек возвратились на родину, а судьба остальных неизвестна.

Голод 1933 года унес свыше 200 жизней хуторян-сетраковцев.

1934-1937 годы. Начали сглаживаться в людской памяти страшные годы, а во второй половине 1937 года на хутор обрушилась новая беда — 82 мужчины в возрасте 35-42 года были взяты в «ежовые рукавицы», через 10 лет вернулись 4 человека, а остальные 78 стали жертвами «великого террора».

1200 насильственно отобраанных жизней в одном хуторе. В страшной Отечественной войне погибло 176 человек. Вот такая трагическая статистика «сталинизма». А сколько вдов, одиноких матерей, сирот, измученных голодом и горем, взявших на свои плечи все и вся, непосильный труд. В юношеские годы — годы войны — мне пришлось работать с этими женщинами. Много видел слез, пролитых за старые и новые, прибавленные войной, раны...

Из письма Л.С. Брехова. Хутор Сетраки Ростовской области. АМ 3558/89. Отец автора письма, колхозный плотник С.И. Брехов, был арестован в 1937 г. и погиб в лагере в Нижней Туре.

Акт Яковлевского Райсельсовета об изъятии «имущества» у нашей мамы Левкоевой Марии Николаевны (матери семерых детей) после ареста и ссылки отца и передаче его колхозу им. Сталина, красноречиво свидетельствует о нашем «богатстве». Истинное наше богатство заключалось в многодетной, дружной, трудовой семье и большой библиотеке (кстати, в акте не указанной), собранной нашим отцом в течение жизни, которой пользовалась значительная часть населения округа, неизвестно куда исчезнувшей после изгнания мамы с малыми ребятами из дома, незамедлительно срытого с лица земли.

А К Т

19 июля 1931 г. мы нижеподписавшиеся в лице председельсовета Кукушкина и предс. Колхоза Иванцова сего числа имели опись и передачи имущества у гражд. Левкоевой Марии Никол. согласно постановления Нарсуда 98 участка от 5 июня 1931 г.

Причем оказалось имущества в нижеследующем:

1. Дом деревянный 12 × 12 крытый жел. — 150 р.
2. Кухня 7 × 7 — 25 р.
3. Сени 5 × 7 — 30 р.
4. Двор 28 × 20 во дворе амбар 5 × 5 и две конюшни. Крытый железом — 125 р.

5. Баня крытая тесом 5 × 6 с котлом — 35 р.
6. Овца серой масти 1 — 10 р.
7. Стулья 2 венских — 4 р.
8. Стол соснов. — 5 р.
9. Диван простой со спинкой — 6 р.
10. Гардероб ветхий — 2 р.
11. Стол кухонный — 2 р.
12. Яблонь 29 из них одна груша
13. Слив 20 корней
14. В саду огород капуста, помидоры
15. За садом картофель
16. Досок 1 ¹/₄ вер. 20 шт. — 10 р.
17. Полутесу ³/₅ 6 шт. — 1 р. 50
18. Ларь для хлеба — 3 р.
19. Кровать детская — 2 р.
20. Бочек 4 штуки — 2 р.
21. Кровать железная ветхая — 1 р.
22. Чугун на 1 ¹/₂ ведра — 1 р.

Вышеописанное имущество Яковлевский Райсельсовет передает в ведение Яковлевского колхоза им. Сталина

31/VII-31 г.
Передал — Кукушкин
Принял — Иванцов

к делу №223/с

ПРИГОВОР

копия

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

11-го сентября 1936 г. Спецколлегия Ивановского Облсуда в гор. Владимире в помещении Нарсуда в составе: председательствующего ВИГЕ, членов С/К АМИНЕВА и ИСТАРОВОЙ, при секретаре РО-ЗЕНТАЛЬ, рассмотрела в закрытом судебном заседании дело по обвинению:

1. ЛЕВКОЕВА Дмитрия Григорьевича — 1875 г. рожден., грамотный, в 1930 г. был приговорен органами ОГПУ за а/с деятельность к высылке сроком на три года — наказание отбыл, семейное положение жена и ребенок 13 лет, по происхождению из семьи служителя религиозного культа села Дубеньки, Судогодского р-на, Ивановской обл., до ареста был служителем религиозного культа, т.е. священником в церкви села Дубеньки.

2. ХУДЯКОВУ Марию Евдокимовну — 1877 г. рожден., малограмотная, ранее не судилась, девица, одинокая, по происхождению из кр-н середняков села Языково, Судогодского р-на, Ивановской области, до ареста была председатель церковного совета.

3. ГОРЬКОВУ Евдокию Федоровну — 1879 г. рожден., не грамотная, ранее не судилась, одинокая, по происхождению из семьи мельника-торговца села Языково, Судогодского р-на, Ивановской обл., — в преступлении, предусмотренном по ст.58-10 ч.1 УК.

Рассмотрев судебно-следственный материал, выслушав показания свидетелей и объяснение обвиняемых Спецколлегия УСТАНОВИЛА:

Обвиняемые ЛЕВКОЕВ, ХУДЯКОВА и ГОРЬКОВА будучи враждебно настроены против политики партии и Сов. власти, среди колхозников и единоличников села Языково и др. селений Судогодского р-на, систематически вели к-р клеветническую и пораженческую агитацию против мероприятий партии и Сов. власти, так например:

Обвиняемый ЛЕВКОЕВ зимой 1935 г. находясь в доме свидетеля Бойкова Ивана, во время распития спиртных напитков, внушал последнему произвести к-р действия над портретами вождей ВКП(б). (л.д. 116).

В марте м-це 1936 г. обв. ЛЕВКОЕВ в пути следования в город Судогду в присутствии свид. Сапогова Григория, вел к-р клеветническую и пораженческую агитацию по адресу Сов. власти и колхозного строительства. (л.д. 95-98).

Аналогичную к-р клеветническую агитацию по адресу Сов. власти обв. ЛЕВКОЕВ проводил и среди других свидетелей. (л.д. 89-90, 111-112).

Обвиняемые ГОРЬКОВА и ХУДЯКОВА среди колхозников и единоличников села Языкова распространяли религиозные убеждения, вели к-р клеветническую агитацию и в отношении колхозного строительства и Сов. власти. (л.д. 100-102, 95-98).

В июне м-це 1936 г. обв. ГОРЬКОВА и ХУДЯКОВА с'агитировали и собрали женщин колхозниц более 30 человек с которыми устроили молебствие о дожде и тем самым сорвали ударную колхозную работу, что подтверждается свидетельскими показаниями как на предварительном так и на судебном следствии. (л.д. 96, 9., 100-105).

Обвиняемые ЛЕВКОЕВ, ХУДЯКОВА и ГОРЬКОВА виновными себя на предварительном следствии в предъявленном обвинении признали, в судебном же заседании, категорически отрицали, однако материалами дела и свидетельскими показаниями в достаточной степени изобличаются, т.е. в преступлении, предусмотренном по ст.58-10 ч.1 УК.

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК Спецколлегия

ПРИГОВОРИЛА:

ХУДЯКОВУ Марию Евдокимовну и ГОРЬКОВУ Евдокию Федоровну на основании ст.58-10 ч.1 УК к лишению свободы сроком на

три (3) года и поражение прав после отбытия наказания в порядке ст.31 п.«а» УК на два (2) года каждую.

Зачесть им предварительное заключение с 18/VI по 11/IX- 36 г.

ЛЕВКОЕВА Дмитрия Григорьевича на основании ст.58-10 ч.1 УК к лишению свободы сроком на восемь (8) лет и поражение прав после отбытия наказания на основании ст.31 п. «а» на пять (5) лет.

Зачесть ему предварительное заключение с 26/IV по 26/VI и с 13/VIII по 11/IX-36 г.

Суд. издержки в сумме 90 руб. отнести за счет осужденных в равной доле с каждого.

Меру пресечения в отношении осужденных избрать содержание под стражей.

Приговор окончательный и может быть обжалован в касс-порядке в Спецколлегию Верховного Суда РСФСР в 72-х час. срок с момента вручения копии приговора осужденным.

П.п. Председательствующий — ВИГЕ

Члены — ИСТАРОВА и АМИНЕВ

Копия верна: Секретарь С.К. Облсуда — (подпись)

Печать НКЮ Областной суд Ивановской области

Из письма и материалов, присланных Г.Д. Карахан. Москва. АМ 2666/89. Д.Г. Левкоев первый срок (1930-33) отбывал в Кандалакше, второй (с 1936 г.) — в Темир-Тау. Погиб в заключении.

Здравствуйте дорогие товарищи незнакомые, я желаю вам написать письмо и описать свою горькую жизнь в детстве, я уроженка Кубани Краснодарского края Лабинского района, ст. Упорной. Я Серикова Анастасия Григорьевна год рождения 1918 7 января, мне уже 71 идёт год я малограмотная, нам не было время учиться мы голодные сидели и ждали смерти ета в 33 году. Но а как раньше проходила жизнь я все помню, мне было в то время 13 или 14 лет, когда налаживали разверску и говорили: Вывози. Только папа вывезет зерно, картошку, снова приносить квитанцию, еще вывози. Несколько разов накладывали разверску и уже нечива было вести, шестерым дитятам нечего было есть, но актив тогда сказал: Забираем быков с повозкой — и забрали. Плакала мама, плакал и папа, и мы все дети плакали. Папа сказал: Чем дитей будим кормить, на чем пахать? Но через время еще принесли извещение «вывози», несколько пудов наложили. Папа сказал, — нет ничиво, дети голодные сидят, есть нечего. Забрали корову у нас последнюю. Плакали мы все, кричали, молоком мы только жили. Через время еще принесли извещение на много пудов зерна.

Папа сказал, — нет у меня ничего, тогда актив выгнали нас с хаты, сами они взяли вещи наши, вынесли, на дворе сложили на кучу, нас выгнали на улицу, хату замкнули, бламбу положили и ушли, а мы все дети были малые, даже грудной среди нас был ребенок, малыш. Ести у нас было нечего, кроме узелка муки, спасли. Но и подошла ночь. Родители говорили: «Что делать будем?». Пошли до соседей, ночевали голодные, и у соседей есть было нечего, у них все также забрали, как и у нас. В колхоз нас не принимали, сказали на папу: «Ты — подкулачник, тебя надо выслать на Соловки, ты зажиточный и враг народа». А у нас была хата под соломой и одна комната и сенцы большие были, где все хранили: зерно, муку, продукты. У нас даже не было кровати, а нары, а мы, детвора, спали на русской печи все. Был у нас большой огород, сад большой, быки и одна корова. Но папа был казак, а мама с Полтавы была, с бедной семьи, и папа с бедной. Папу посадили в тюрьму, он там умер с голоду, мы его больши не видели. Перешли мы жить в пустую хату чужую, у нас умерло двое дитей с голоду, умер брат старший с голоду, но он еще был болен чем-та внутри. А мы сидели голодные, где найдем картошину на огороде или лучину, фасолину, ходим по огородам. Эта была весна 33 года трудная.

А мамин брат жил в Червленной за Грозным и приехал домой за справками для работы и пришли до нас, а мы пухлые сидим, смерть была на носу. И дядя Яша нас забрал. Маму, меня и сестру меньшую и спас нас от смерти троих. А была у нас 8 человек семья, все умерли с голоду. А сколько лежали мертвые по улицам, по городам, по дворам и в домах. Все время ездил подвода на белой лошади, собирали мертвых и везли на кладбище и кидали как собак в траншеи, верхом накидывали мертвых и чуть присыпали землей. И сейчас эти бугры длиннай стоять, не осели кости, а сиренью заросли, и все туда старухи в поминальные дни сходятся и поминають. Людей жителей осталася десятая доля с тех лет. И уже все старухи считанные, что мужья померли в тюрьмах, а станица долго оставалася пустая, но уже ее населили переселенцами со всех мест.

Из письма А.Г. Василенко. Станица Зассовская Краснодарского края. АМ 2564/89.

Летом 1932 года, спасаясь от голода, я ушел из дома в поисках еды. Доехал до Москвы. В августе устроился на завод №36. Получил хлебную карточку, паспорт, общежитие. В октябре после операции (паховая грыжа) в 1-ой Пироговской больнице мне врачи не разрешили работать на этом заводе (завод изготовлял краски для авиацион-

ной промышленности — вредные условия труда). Не без помощи дирекции завода меня взяли проводником (сначала стажером) молодежной бригады скорого поезда Москва — Одесса. Где и работал до того злосчастного холодного, в конце декабря дня, когда ко мне подошел на Брянском (ныне Киевский) вокзале, где я работал, нетрезвый милиционер и потребовал предъявить документы. Я предъявил паспорт вместе с хлебной карточкой.

В комнате тут же при вокзале, куда меня привел милиционер, человек в шинели с повязкой «дежурный» на рукаве, заглянул в мой паспорт, окинул меня глазами сверху вниз и обратно, сказал: «Годится». Другой находившийся здесь милиционер меня проводил, толкая коленом, потому я заревел, спрашивая: «За что?». В комнате с зарешеченным окошком из-за слез я не мог ничего отвечать спрашивавшим меня: «За что припух?». «За то, за что и ты, — отвечал другой парень. — Не будут же они выполнять разрядку теми опухшими, что лежат в вокзале. А такому, как он, статью найдут»...

Я вдов с пенсией 81 руб. 84 коп., как бы займы доживаю положенное мне, будто бы в тусклом фонаре на обочине дороги. Для меня сегодня самой лучшей реабилитацией было бы оплатить мне за погруженные мною примерно 400 низкобортных платформ баласта за время принудительного моего пребывания в фаланге заключенных.

Из письма Я. А. Цыганкова. г. Гомель. АМ 827/88. В начале 1933 г. автор был осужден как СОЭ (социально опасный элемент) на 1,5 года, которые отбыл в лагере около ст. Укурей Забайкальской ж/д.

Я Новикова Мария Лукьяновна хочу знать где погиб наш отец Новиков Лука Аристархович где он захоронен документов у нас его нет никаких кроме свидетельство о рождении родился он 9-го июня 1897 года.

А забрали его в 1937 году. Забрали его в 12 часов ночи 20-го сентября, работал он на молотилке и с работы его забрали. Работал он безменно, днем он воду возил для людей и для машины на которой молотили зерно, а ночью сторожевал и складал полову общим домой он совсем не приходил.

А теперь напишу как нас раскулачили 1929 году, в эту пору мне было четыре года. В то время у нашего отца было семеро детей. С 29-го по 35-ый год местная власть, сельский совет гоняли нашего отца издевались как им только хотелось и без всяких причин, заберут его свяжут руки назад и гонят 18 километров до большевройцкой милиции сами верхом на лошадях а его гонят и секут хуже скотины,

приведут его в милицию а там разберутся, что без всякой причины и отпустят его и так продолжалось издевательство до 35-го года, а потом осудили его дали ему семь лет вольной высылки он на это был согласен он ожидал документы, но документов ему не дали пиревели эту судимость на год принудиловки потом эту принудиловку пиременивали на год тюрьмы, год тюрьмы он отбыл за шесть месяцев и пришел, это время пришел к нему бригадир, это уже было в 36-ом году, и бригадир ему сказал Лукьян подовой заявление теперь тебя примут в колхоз и сразу отца послали на работу, заготовливать лес. Какая это радость была для всей нашей семьи что нас приняли в общество, но не долго радовались, в 37 году его забрали а мать наша все эти годы вместе с нами сколько приняли страданий жить негде водила нас по чужим хатам голых голодных и страдавших от холода, во время раскулачения все у нас забрали и голых выгнали с хаты общим выкинули как котят. За все наши годы странствия трое дитей умерло а одна в 36 году народилась.

Когда умерали дети мать убирает покойную и пирекреститца слава тебе господи отмучилась, покойною уберет а малютку на то место положит думала что она наберется болезни и помрет, а она дал бог жива до сех пор а как нам можно было жить каждый день ходила бригада мать где либо разживетца сварить нам и если не успеет поесть то они выливают из чегуна и говорят вы кулатские дети жить не должны вам все равно подыхать даже карманы вывертали и вытряхивали чтобы нам и крошки не осталось. В 33-м году был такой случай, в чужой хате у нас только и было богатство сундук так раньше называли общим деревянный ящик. Пришли два наших односельчана повыкидали с ящика рваное тряпье там видят брать нечего а мать была одета в шубе с овечьих шкур раньше такая одежда была и платок был на ней теплый назывался он валеный платок и они стали ее насильно раздевать и раскрывать и тут мы видим что мать так терзают и бросились к ней подняли крик. Они начали над ней топотать и кричать на нее что ты дитей научила но всеже не раздели, наша оборона «подействовала» общем всего не напишешь а если все писать то получитца большая книга.

А типерь мы вас просим сможете вы найти то место где он захоронен, умер или его убили.

Когда забрали его был он в белгородской тюрьме ездила мать пиредать еду ему сначала в ЭНКВД брала разрешение чтобы пиредать еду и придет туда неделями в очереди стояли столько миру было страсть. А потом с белгорода его отравили, получили мы от него первое письмо Амурская железная дорога он попросил денег, получаем второе письмо, он пишет, деньги пришли хранятца около меня в кассе а мне их не дают а потом получили 3-е письмо г. Свободный, и написал суда не видели и не слышали но сказали что 10 лет,

а потом пишет, прошол я все комиссии признали меня здоровым отобрали нас таких людей готовят к отправке, а куда будут отправлять незнаем. Наслышки есть, на Франца Иосифа землю, и больше не было ни одного письма что с ним сделали куда его дели ничего мы незнаем, нас, его детей, еще пять человек три дочери и два сына. Хотя нам и самим скоро помирать, но хотим знать где он сложил свою голову в ту ночь когда его забрали, с нашего села забрали пять человек из них на одного друг прислал что он умер, двое через 10 лет вернулись домой и дома умерли, а нашего отца неизвестно где дели.

Я сама 25-го года рождения, помню все нашу страшную муку от начала и до конца, когда кулачили мне было четыре года и я все помню с четырёхлетнего возраста как и что над нами делали. И наверное такого забудешь никогда.

18 лет мы ходили по квартирам и даже по земле ходили с опаской, глупых людей очень много было идешь а он встречаетца и тебе в глаза говорит, что кулачка ходишь. И мы вели себя тише воды ниже травы встречаешься со своим злодеем кланеешь ему и называешь по имени отчеству. Нельзя обидеть его — мы же враги. А так рассудить какой наш отец был кулак если он даже неграмотный а был большой трудяга работал себя не щадил.

Из письма М.Л. Новиковой. с. Осиповка Белгородской обл.
АМ 1550/88.

Я, Дубовицкая Ксения Ивановна, 1919 года рождения, уроженка Тамбовской обл. Никифоровского р-на, село Восточная Старинка.

В 1929 году в один, как я помню, воскресный день, в наш домик пришли трое каких-то людей и предъявили отцу, Дубовицкому Ивану Павловичу, 1887 года рождения какой-то большой налог денег. Он говорит, дайте мне хоть 2-3 дня срока для того, чтобы я занял где-то эту большую сумму денег. Нет, отвечают те люди, давай сейчас. Сейчас, говорит отец, у меня денег нет, как видите, у меня трое детей один одного меньше. Тогда эти люди начали конфисковать наше имущество, которое состояло из 2-х овец и одной телки, и все одеяние, как постели и прочие вещи деревенские, и даже сняли с меня, как помню сейчас, желтенькое платьице, сшитое женой старшего брата Григория из маминой юбки, и все это погрузили и увезли, и мы остались «в чем мать родила». Через день арестовали отца, затем пришли снова в наш дом эти люди и выломали у нас пол, а еще через 2 дня нас выгнали из дома. Меня мама отдала в батрачки на ст. Никифоровка, сестра завербовалась и уехала в Ленинградскую область на торфяные разработки, а мама с младшим братом Петром остались

в деревне у соседей. В 1935 году мне дали разрешение проживать в гор. Климовске. Отца в 1935 г. освободили, он устроился на Климовский машиностроительный завод в цех №20 плотником, проработал до 29 сентября 1937 года.

Когда прогудел заводской гудок, отец спешил домой, так как он работал где-то еще на фабрике «игрушек», помогал кому-то строить дом. А у соседей была уже засада милиции...

Я лично искала отца в Подольской тюрьме на Зеленовке, в Серпуховской тюрьме, но отца нигде не было. Прошло полвека жизни, т.е. 50 лет, и все эти годы у меня не выходило из головы, где отец, что с ним, чья я дочь?

В 1985 году я все же решила разыскивать отца. Примерно в апреле 1986 года к нам на квартиру приходил молодой человек и оставил записку, чтобы я явилась в спецотдел завода или в Подольск на Б.Серпуховскую ул., д.29. 4 мая я поехала в Подольск. Меня встретил молодой человек и спросил — Вы Ксения Ивановна? Я ответила — да. И он без всяких предисловий рассказал, что мой отец Дубовицкий И.П. был арестован 29/IX-1937 г., а 30/IX его расстреляли — приговор приведен в исполнение. Я успела только крикнуть: «За что?». После я немного пришла в себя, и он предложил мне познакомиться с делом, но я отказалась, зная о том, что там настоящая клевета, потому что мой отец был честным человеком — он рос сиротой, кроме топора и рубанка у него ничего не было, т.е. его работающие честные руки. Потом этот молодой человек сказал, что моего отца 10/VIII-1957 г. реабилитировали, а справку вручили моей матери, но моя мама жила все время со мной и никаких справок мы не получали, а потом он спросил, что мне нужно, я ответила, что мне уже ничего не нужно, пенсия у меня есть, жильем меня обеспечил завод, но мне нужен документ, что мой отец не враг народа, а честный человек, и этот документ я получила из органов УКГБ СССР 16/VII-1986 г., а с завода из архива мне дали справку от 22/II-1988 г. о том, что мой отец плотник 20 цеха Климовского завода 1 октября 1937 г. уволен за прогул.

И вот вся история нашего любимого отца, погибшего в расцвете лет по неизвестным причинам.

Из письма К.И. Дубовицкой. г. Климовск Московской обл.
АМ 2444/88.

В 1940 году мы окончили Казанскую среднюю школу Верхнедонского района Ростовской области. Прошло много лет, но обида и боль за арестованных в 1937 г. наших учителей, неизвестно где сло-

живших свои безвинные головы, не дают нам покоя. Судьба разбросала нас по всей стране, но мы переписываемся, в 1981-1983-1985 годах встречались в своей школе. И вот по поручению одноклассников я решила написать то, что мы вспоминаем не раз.

Помню в 6 классе к нам пришел учитель физики Минаев Григорий Дмитриевич. Его дочь Ирина училась в нашем классе, а жена Клавдия Александровна преподавала у нас математику. У меня нет фотографии Григория Дмитриевича, но его образ и сейчас перед моими глазами. Он был высок и строен, красив, темноволос. От него веяло умной и доброй силой. Мы любили своего учителя и его предмет. Как замороженные слушали его интересные рассказы о законах физики, наблюдали и делали сами незамысловатые опыты.

Выходец из простой казачьей семьи с хутора Солонцы, что в 12 км от Казанской, Григорий Дмитриевич хорошо понимал учеников и помогал невывучившему урок усвоить необходимые знания. А чтобы расширить наши знания, организовал кружок. Помню мальчишки мастерили простые приборы. В школе-то ничего не было. Она недавно из ШКМ (школа крестьянской молодежи, нас еще звали шекезмовцами) была преобразована в среднюю. Впервые услышали мы от учителя о шаровой молнии, наблюдали за звездами.

Однажды Григорий Дмитриевич вел у нас урок зоологии вместо долго болевшей учительницы. Открылась дверь и учителя позвали. Больше он не вернулся на урок. Григорий Дмитриевич не пришел к нам и на следующий день на урок физики. Не пришла в школу и его дочь Ира. Мы с ужасом узнали, что вчера в школе он был арестован как враг народа.

Мы, семиклассники, не поверили, что наш любимый учитель может быть врагом, и решили идти к тюрьме, которая была недалеко от школы. У тюрьмы стоял часовой с винтовкой. Плача, мы просили его: «Дяденька, отпустите Григория Дмитриевича. Он не враг, он очень хороший. У нас урок физики». Часовой отгонял нас от тюрьмы, но мы снова подходили, умоляя отпустить учителя.

Пришла его жена Клавдия Александровна и стала уговаривать нас идти в школу, иначе ее могут обвинить, что она послала нас к тюрьме, и тоже посадить. Это было в 1937 году.

1 сентября 1985 г. на 50-летний юбилей нашей Казанской средней школы собирались ее ученики — выпускники разных лет. Приехал и бывший наш директор школы Ширенков Валентин Михайлович. Вот что он рассказал: вызвали его в райком и спросили: есть ли в школе учителя-казаки? Он назвал двоих. «А нам по разнарядке надо троих арестовать. Ну ничего, третьего найдем в какой-нибудь начальной школе», — сказали они.

А на другой день пришли в школу, чтобы арестовать Минаева Г.Д. Шел урок, директор с трудом уговорил их не арестовывать

учителя на уроке, не травмировать детские души. Вызвали Минаева с урока и арестовали.

Другим учителем-казакон был Мацинин Иван Харитонович. Учитель истории. Он работал у нас немного, поэтому о нем мы помним, что он был могучего телосложения. Вот что пишет о нем наша классная руководительница Ширенкова В.И.: «Мацинин И.Х. был громадный и добрейший человек, мы — учителя — все его очень быстро полюбили. Взяли его ночью дома».

Уже много позже я узнала, что третьим арестованным «врагом народа» был мой первый учитель Каргин Никита Андреевич.

В 1930 г. у нас на хуторе Рубеже (в 7 км от райцентра ст. Казанской) была открыта школа в доме раскулаченного Дронова Максима Степановича. Соломенная крыша, две комнаты и чулан.

В одной комнате жил наш учитель, а в другой — учились мы. Было всего два класса. Наш первый класс состоял из 6 учеников, второй — из 4-х.

Жил Никита Андреевич один. Трудно ему приходилось. Уж и не знаем, как он питался. Был он молод, очень добр. До этого у нас на хуторе, кроме 6-7 человек, никто не видел учителя, поэтому Никита Андреевич был для нас каким-то высшим существом. Он очень много знал, много умел. И все полюбили его.

Зимой он для хуторян устраивал в школе вечера. Под руководством учителя мы ставили небольшие пьесы, читали стихи, пели, танцевали. В нашу художественную самодеятельность он привлекал и молодежь хутора. На наши «представления» набивалось людей полный класс, коридорчик и комната учителя. Помню, когда началась весна, нам не хотелось уходить из школы. Тем более, что мы не были голодны, т.к. учитель в школе организовал обеды. Уж не знаю, откуда брались продукты, но каждый день школьная уборщица готовила нам суп или картошку варила.

После уроков мы уходили в лес, на луг. Собирали цветы, устраивали игры, соревнования на знание названий цветов, трав, деревьев, птиц. Весной мы посадили свой огород школьный, ухаживали за ним. Во втором классе обеды были уже со своего огорода.

А 1-го Мая со знаменем ходили на демонстрацию за 7 км в станицу Казанскую. Всю дорогу пели песни. После демонстрации Никита Андреевич купил (конечно, за свои деньги) конфеты и пряники и раздал нам по целому кульку.

Учитель не раз выступал на хуторских сходках, рассказывал о будущей прекрасной жизни, о своих учениках, о том, как создать условия для лучшей учебы, в чем носить школьные принадлежности и т.д.

Никто из троих арестованных по разнарядке учителей — «врагов народа» — не возвратился домой.

...Я давно простила Сталину даже нашу нищету, голод, рабский, чаще всего не оплачиваемый труд в колхозе без выходных (рабов и то кормили. Крепостные же работали 5 дней на помещика и два дня на себя), но никогда не могла простить уничтожения наших учителей и миллионов других честных людей.

Из письма Н.И. Быкадоровой. Станица Бессергеновская
Ростовской обл. АМ 4856/89.

...Все те, кто попал на Соловки, в чем-то все-таки были виноваты. Вы меня не убедите. Пример: мой двоюродный дед Литвинюк Улиан Семенович был в 1936 г. также репрессирован, а за что? С Радомышля (района) звонят: надо еще помочь району из села Манино посевным материалом. Улиан Семенович работал гл. бухгалтером колхоза. Ответил, что колхоз все возможности помощи исчерпал. Район настаивает поделиться минимумом зерновых. У.С. больше ничего не говорит в оправдание, прикладывает (извините) телефонную трубку к мягкому месту и издает... утробный звук, и положил трубку. Через 4 часа Улиана Семеновича «черный ворон» забрал. Суд. 20 лет лагерей... Скажите: незаслуженно наказали У.С. или нет?.. Так что, Вы не подстраивайтесь под волну оскорблений И.В. Сталина. Имейте свое мировоззрение и ждите новых политических волн. Если Вы молоды — Вы их дождетесь... И.В. Сталину страна досталась утопической, вредители сидели в каждом руководящем кресле из числа царских вельмож и интеллигентов — они были грамотны, и очень тяжело было разобраться: за или против советской власти этот чинуша, они умели политически грамотно замечать вредительские следы. И почему В.И. Ленин осуществил в стране НЭП? А ведь социализм надо было строить. Скажу одно: через три года после войны И.В. Сталин отменил карточную систему, и всего было достаточно. Идет третий год перестройки, цены растут, в магазинах нули. И это на 72 году существования соц. строя...

Из письма Ю.Д. Василенко сотруднице Соловецкого музея-заповедника А.Мельник. АМ 5230/89.

Хотя мне уже много лет, но в моей памяти остались те черные дни сталинской власти. Я жила тогда в Ленинградской области, п/о Назиевстрой, поселок небольшой, но репрессии были большие. Не

стало главного инженера Воскресенского, прораба Тушевского, П. Львова, родственника Николаева В.С. и др.

Горели дома, болота, были крушения поездов, люди жили в бараках, зарплата мизерная. В столовой готовили запеканки из очисток, кругом колонии заключенных, сезонные рабочие-торфяницы работали с 5 утра до 11 вечера. Однажды ехала в поезде и за ворот сыпали dust от вшей всем подряд. Огороды отбирали. Приезжали к нам голодающие люди с Украины. В магазинах все было, только не на что было купить.

Вот все, что я смогла вспомнить.

Из письма В.Ф. Петровой. г. Калининград Московской обл.
АМ 1367/89.

...Считаю нужным рассказать еще о 1934 годе, когда я, нищая машинистка, попала в кампанию «за золото». В конце апреля (накануне 1 мая) меня из машинного бюро (Правление Госбанка), где я работала, вызвал в коридор очень молодой человек в штатском и предложил поехать с ним недалеко на трамвае. Я, конечно, поехала, бросив работу в машбюро. Привез он меня в Бутырскую тюрьму, в камеру с еще одной женщиной, от которой я узнала, что я, наверно, арестована «за золото». Меня начали ежедневно таскать на допрос и требовать, чтобы я отдала золото, которого у меня нигде, конечно, не было. От следователя Козлова (запомнила его фамилию) я узнала, что мой муж тоже арестован, и мать — тоже, ребенок брошен один в квартире (о нем потом, к счастью, позаботилась соседка — ему тогда был год с небольшим). Однажды ночью меня вызвали в маленький зал со сценой, в зале несколько рядов были заполнены людьми. На сцену вышли какие-то люди и начали кричать, чтобы я скорее отдала золото, а то сейчас вынесут моего ребенка и разрежут на части, раз для меня мое «золото» дороже сына. Окончания этого «представления» я не помню, так как была в безумном состоянии.

Потом запомнилась очная ставка у этого следователя Козлова с моей старой матерью. Она плакала и просила меня: «Леся, отдай золото, зачем так мучиться!», а я ведь знала, что никакого золота в моей семье не было и нет.

В середине мая меня отпустили на свободу, а также и мужа, и мать. Когда я приехала домой, то от соседки узнала, что этот Козлов привозил мою мать и она повела его в чуланчик на черной лестнице (прежде в домах Москвы были лестницы так называемые «парадные» — из комнат и «черные» — из кухонь на улицу). Он нашел коробку из-под «ландрин» — было такое дешевое монпасье фабрики

Сиу в металлических коробках — и в ней были медные новенькие 3-х и 5-тикопеечные монетки, которые моя бедная мать собирала и бергла. А ведь они, новенькие монетки, были блестящие. И она, будучи не очень «в норме», решила, что это золото, особенно когда этого от нее требовал следователь. Моя бывшая соседка рассказывала тогда, как матерился этот Козлов, выходя из чулана и неся в руках коробку с медными монетками...

Из письма Е.А. Кавельмахер. Москва. АМ 3224/89.

Хочется написать, очень хочется и поверьте, страшно... Но все же решила написать, бо эта боль была со мною всю мою жизнь, она никогда не забудется.

Жили мы тогда на Украине Черниговска область г. Борзна (это районный городишко). Была я школьницей, ходила в 7 класс средней школы №1. Директором школы №1 был Шкарупа Андрей Игнатович, прекрасный педагог, любимец всей школы. Он же был в нас классный руководитель и выкладывал математику. После окончания гражданской войны, он 3 рядов Красной Армии был направлен на рабфак, сын крестьянина бедняка, что еще после рабфака кончал, я не знаю. Но в г. Борзна был сначала директором начальной школы №6, где я училась с 1 по 4 класс, а он видно 2 года проработал директором школы №6 и перевели его директором средней школы №1. И вдруг (это было в 1937 году) приходим мы в школу, а наши все женщины вчителя сами не свои...

Оказывается ночью арестовали нашего любимого учителя и директора Шкарупу Андрея Игнатовича, вчителя немецкого языка (совсем еще молодого, он 1 год работал в школе), а от фамилию забыла, вчителя Павленко, вчителя Василенко (он вроде был директором школы №2), вчителя Безлюдного и всех мужчин со всего района. Их обвинили в СВУ (спилка визволения Украины). И как забрали, так все они бедные незнаемо где и погибли. Жен их и детей з квартир выкинули, на работу нигде не брали, детям учиться не разрешали, это мол «враги народа», имущество все конфисковали, выгнали на улицу в чем стояли... Куда потом делись жены Павленко и Шкарупы я не знаю, может их потом арестовали, но их в Борзне не было. А от жена Василенко так бедно жила, одета была хуже нищей, одни старые лохмотья на ней и ходила по милостыню. Ее бедну народ очень жалел, но дать кусок хлеба или картошину боялся, бо если только кто увидит, что поддерживает жену «врага народа», так сразу же тоже посадят. А все, все знали, верили, что они ни в чем не виноватые. И тогда делали так: со двора отрывали доску от забора, делали

щель и, как она идет, то в эту дырку протягивали руку з куском хлеба или картошкой... и она бедна брала... но боялись и таким путем милостыню давать... и она умерла на дороге от голода...

Из всех учителей нашего района в 1954 году вернулся один вчитель Безлюдный...

Из письма А.П. Терех. г. Борзна, Черниговской обл. АМ 1373/88.

Мой отец, Хойкинен Исая Матвеевич, 1883 г. рождения, уроженец Ленинградской области Кингисеппского района д.Кикерицы. Отец — колхозник, инвалид труда, работал конюхом в колхозе «Искра». Ухаживал за лошадьми, работал честно, добросовестно. Люди всегда уважали моего отца. Он был почетный человек в обществе.

11 ноября 1937 г. ночью подъехала машина и его арестовали, был произведен обыск, но ничего не нашли нужного, забрали только Библию и два молитвенника. Очень долгое время мы ничего о нем не знали, потом сообщают, что он находится в Ленинграде в тюрьме и осужден на 8 лет. Тюрьма называлась 2-я пересылочная на Выборгской стороне. Я сразу же поехала на свидание с отцом. Там я увидела такой кошмар, такие были замученные люди: полуслепые, глухие, еле стояли на ногах. Их было не знаю какая численность, ничего не было слышно, кричат непонятым голосом. Я отца долго искала, а когда он меня окликнул, то сразу же не узнала его. Свидание было очень короткое. Я узнала, что он осужден на восемь лет, т.к. ходит в церковь, другого обвинения у него не было. Голова у отца была вся избита, плохо слышал, глаза видят очень плохо, ребра да и все части тела были избиты. Потом его отправили в лагерь, откуда мы получали письма. Как началась война, так мы больше ничего не знаем об отце.

Вместе с отцом тогда были арестованы: Койвистолайнен Матвей Павлович, Хакенен Иван Иванович, Койвистолайнен Иван Иванович; всего в деревне 13 человек арестовали. Написанному прошу верить, это было все правда.

Из письма Е.И. Ойнас. Архив ЛО «Мемориал» (Б-157).

Убедительно прошу Вас включить в памятник «Мемориал» Хлыстова Дмитрия Григорьевича, год рожд. 1907, член партии, мой муж. Взятото по доносу 8 декабря 1937 г. И еще группа товарищей членов

партии, взятых по списку 16 декабря 1937 г.: Фиолетов Павел Александрович, Соколов Михаил, Беспалов Василий, Михайлов Николай, Борисов Василий, Чуваев Алексей, Чеканов Иван, Панцерный Павел, Каминский Эмиль, Зверев Дмитрий и многие другие тов.

Состояли они на учете в г. Мытищах, были взяты в Мытищи в НКВД. А жили мы в Болшевской трудовой коммуне, а их брали прямо с работы. Водил их в милицию Бородин Николай Мартыныч, секретарь парткома в коммуне, может он и шас жив, живет он в Болшеве, поселок «Новый быт» в своем доме. Он отвозил их под видом на собрание в райком, а сам сдавал их в НКВД в Мытищах.

Из письма М.И. Жаровой. Москва. АМ 2455/89.

...В 1938 году мама временно прописала на своей площади студентку 3-го Медицинского института Томилину А.К., которая сначала вошла к ней в доверие, обещала помочь своими связями узнать об арестованном муже и облегчить его участь. Вместо этого она незаконно оформила ордер на часть занимаемой комнаты при содействии бывшего в то время председателем Мосгорсуда Васнева, который, якобы, был ее дядей. Все суды о ее выселении решались в ее пользу. В послевоенные годы этот Васнев был осужден за растление малолетних. Окончив институт, Томилина поступила в санчасть номерного завода и открыто грозила, что посадит маму и заберет всю комнату. 24 июня 1941 г. маму арестовали.

Когда начались бомбежки Москвы, Томилина скрылась и больше в нашей квартире не появлялась. У меня сохранилась копия предъявленного маме обвинительного заключения по следственному делу №2904 от 5 августа 1941 г., утвержденного майором Госбезопасности Влodziмирским, в котором говорится, что показаниями свидетельницы Томилиной А.К. моя мама изобличается в антисоветских настроениях, недовольстве арестом мужа и в угрозе мести за него. Фигурировала в обвинительном заключении, конечно, и помощь отца из США. Имеется также и копия приговора №132 Военного трибунала войск НКВД Саратовской области, вынесенного в составе председательствующего Щербанова и членов Ценкевич и Каплина при секретаре Коблове, в котором мама была осуждена к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Мама рассказывала, что на допросах следователь (его фамилия, к сожалению, не осталась в памяти) издевался и угрожал изнасилованием. А в это время ее сын Алексей сражался на фронте. Он писал Сталину с просьбой освободить мать, но ответа не дождался, погиб в августе 1943 года в боях за Харьков. Его имя

в числе других лейтенантов высечено на памятнике-мемориале в поселке Дергачи на подступах к Харькову. Он успел, правда, узнать об освобождении мамы осенью 1942 года, которое было вызвано тем, что к Саратову подходили гитлеровцы и многие заключенные были, как вспоминала мама, «активированы по болезни». На станции Саратов маме довелось оказывать медицинскую помощь академику Вавилову: у него сделался сердечный приступ, когда заключенные ползли на коленях по путям.

В декабре 1943 года мне удалось привезти маму в Москву. Долгое время она была прописана в Подмоскowie, а потом жила в Москве, у брата. Подавать на реабилитацию, когда это стало возможно, мама категорически отказалась. Она была навек испугана и страшно боялась любого обращения к официальным властям.

Из письма И.Н. Румянцева. Москва. АМ 0164/89. Елизавета Васильевна Румянцева, о которой идет речь, находилась в заключении с 24.VI.41 до 209.IX.42. Ее первый муж эмигрировал в начале 1920-х, второй — Николай Сергеевич Алфёров, был арестован в 1937 и в 1938 погиб в лагере.

...И 8 мая пришли и арестовали маму, а нас взяли в детдом троих детей. Я была самая старшая. Мне было 14 лет, другому брату 12 лет, а третьему — 6 лет. Находились мы в детском доме №5 гор. Кузнецка. В этом детском доме было очень много детей из Москвы: Александра Дробнис, Чапский Карл, Демченко Феликс, Логоновский Юрий, Бальковская Ванда, Виктор Вольфович. Нам некоторым было уже по 14 лет. Нам надо было вступать в комсомол, но нам сказали: если вы отречетесь от своих родителей и сообщите по радио, мы вас примем в комсомол. Но это сделал один Логоновский Юрий, он закончил 10 классов, ему надо было устраивать свою жизнь и он по радио отрекся от своих родителей, признал их врагами народа. А мы все дети сидели в детдоме и слушали его речь по радио. И когда он пришел в детский дом, мы все ополчились на него. Шура Дробнис тоже закончила 10 классов, но она сказала: лучше пойду уборщицей, все невзгоды переживу, но от родителей не откажусь. Я училась в железнодорожной школе. Смотрели на нас действительно как на врагов, а пионервожатая всегда говорила: «Яблоки недалеко падают от яблони». Эти слова как ножом резали по сердцу.

Из письма А.Я. Беловой. г. Кузнецк, Пензенская обл. АМ 3147/89. Ее отец Упекин Яков Павлович был арестован 13.Х.37 и погиб в заключении. Мать, Анна Григорьевна, арестованная в 1938 г. (после отправки письма Сталину), получила 8 лет и освободилась в 1946 г. из Карлага.

...Родилась в Ленинграде в 1910 г. Целых 22 года была в разлуке с городом по воле злых людей. Семья наша была большая: отец Эдуард Вацлавович, мать — Анна Иосифовна, три сестры: Людмила, Вероника, Ромуальда и брат Володя. Отец работал мастером на заводе «Красный Автоген №1», мать домохозяйка. Дети учились. Кроме 10-ти классов я еще окончила музыкальное училище по классу рояля и дома часто музицировала. После учебы работала на заводе «Красный Автоген №2» счетоводом. В 1934 г. от кровоизлияния в мозг умер отец, в 1937 г. произошло необъяснимое: меня в 27 лет и мою младшую сестру Ромуальду 18-ти лет арестовали. Пришел муж Вероники с двумя мужчинами... запомнилось: «Собирайтесь с вещами». Суда не было. На третий день, где-то в арестантской объявили о высылке из города на целых 10 лет! Пункт 58-10, ничего нам не объяснив. В дороге нас с сестрой разъединили. Сколько слез...

Все 10 лет я отбывала в Карлаге в разных лагпунктах. Рыла арыки, все работы вручную, никакой механизации. У женщин часты были обморочные состояния, за невыполнение норм выработки лишали обеда... Более слабым поручали пасти скот. Жили в бараках, на соломе, на трезьярусных нарах, заедали клопы.

О судьбе сестры так и не удалось ничего выяснить до сего времени. У матери узнала после отбытия срока — своих 10 лет: ее с братом Володей после нашего с сестрой ареста, выслали в Воронежскую область, осталась в Ленинграде только сестра Вероника, муж которой приходил меня арестовывать.

У меня в лагере в 1941 г. родился мальчик. Об отце ребенка мне ничего неизвестно. (Всего было две встречи). Ребенок рос в детском саду. В 1947 г. была освобождена по истечении срока наказания. Выехала с сыном к матери, где и прожила целых 12 лет. Работала бухгалтером в местном совхозе. Часто писала в Москву, просила объяснить, за что же я была репрессирована. И вот — только в 1959 г. получила извещение: «Реабилитирована за отсутствием состава преступления»...

22 года жизни: незнание своей вины, тяжелый физический труд, разлука с родными, изгнание из города, оскорбления и унижения. Вернулась в Ленинград без сына, он воспитывался в интернате. Сейчас ему 48 лет, живет в Воронежской области, где жила моя мама. С сыном не общаемся. В Ленинграде выделили комнатку в коммунальной квартире, где мы с мамой прожили более 12-ти лет. Мама начала болеть, одолел паралич, умерла в 1979 г. После смерти матери вышла замуж, муж прожил недолго — умер от сердечного удара. Брат Володя умер еще в ссылке. Так и живу я вот уже более 30 лет в

этой шумной коммунальной квартире с тесной кухней в доме, который ленинградцы называют «колбасным» за его длину (по ул. Бабушкина, 61).

Посещаю клуб ветеранов, участвую в концертах — аккомпанирую на рояле. Уже много лет — член домового комитета, всякие нагрузки по жилконторе. Воспоминания тяжелые — не сон же это? — арыки, бараки, нары, постоянные домогания и унижения со стороны начальства. С сестрой Вероникой — она и по сей день живет в Ленинграде с мужем, который меня арестовал — не встречаюсь. У них дача, машина, большая пенсия. Удастся ли разгадать загадку — в чем вина нашей семьи? Кому мы помешали? Мне уже 79! Усталость, недопомогание...

Из письма Л.Э. Кундеш (Зеленовой). Архив ЛО «Мемориал» (Б-41).

Извините за беспокойство вас, это я пишу Шарифа Устинова, я даже не знаю, как начать свой диалог, как теперь говорят. Мне хочется писать о родных, погибших в лагерях, семья была большая, я одна осталась мне 79 лет, вот пишу, свою душу отважу, я узнала, что Каганович жив еще, благодаря его наша семья не стала. Мы все с К.В.Ж.Д. Харбина железнодорожники, а он был в то время министром дороги, и вот по его приказу всех и посадили, тысяча тысяч людей, остались дома старые очень, да дети, несовершеннолетних тоже брали, не вернулись домой 5 братьев, 2 сестры, отец сам, сноха и зять наш, они все моложе меня были, кроме свекра и мужа. Все по-смертно реабилитированы, я хочу писать, за что — за что они погибли, тысячу раз задаю себе этот вопрос...

Из письма Ш.Ш. Устиновой. Москва. АМ 443/89.

У нас по вечерам собирались дома почти все работники горкома, одни мужчины. Меня они как-то допускали, говорили: «Ну, ты свой парень!». Обычно собиралось много народа. Я постоянно не присутствовала, так как в качестве хозяйки уходила, приносила чай и т.д. Но я слышала, как перед XVII съездом они сидели и подсчитывали количество голосов, которые должны были быть отданы за Сергея Мироновича. Перечисляли делегации, которые должны были отдать за него свои голоса: Казахская, Астраханская, Закавказская,

Ивановская, Ленинградская и т.д., подсчитывали число голосов. Это были их предварительные разговоры перед съездом.

Когда они приехали со съезда, я была потрясена их состоянием, все было просто убиты; муж мой, правда, ничего об этом не говорил, но из разговоров я поняла, что подсчитывая голоса, они пришли к выводу, что Сергея Мироновича обсчитали — должен быть Киров Первым секретарем. Но работа продолжалась, мой муж часто ездил с Кировым, ездил с ним на Беломор-канал, еще куда-то, он все время с Сергеем Мироновичем, как говорят сейчас, общался...

Моего мужа сняли с работы с января 1935 г. Из партии не исключили. Он остался без работы, ждал. А через три месяца, в апреле, его вызвали в Москву и сообщили, что он передается в Наркомтяжпром и назначается директором института ВАМИ в Ленинграде. Он принял эту должность и успешно работал до 1937 г. В начале 1937 г. он был награжден за какие-то достижения в алюминиевой промышленности. А 18 января этого же года его вызвали в Москву. 22 января (помните, были траурные дни 21 и 22 января) муж приезжает в Ленинград довольный, счастливый, и рассказывает, что, наверное, около полутора часов разговаривал с Орджоникидзе. «О чем же вы разговаривали?» — «Да больше всего о Сергее Мироновиче».

Мой муж получил от Наркомата персональную машину в подарок и благодарности за все дела.

На следующий день он пошел на работу, вернулся он часов в 6 как всегда, а часов в девять пришли за ним...

Разрешали передачи: съестное и белье — выдавали его и брали чистое (не каждый раз, а раз в месяц обмен грязного на чистое). В очереди на передачи всегда стояло очень много народа, приходилось подолгу стоять. Раз в месяц брали по 25 рублей. Апрельская передача вернулась 2 или 3 мая за ненахождением адресата, а передачу съестную (хлеб, колбаса и т.д.) в апреле еще приняла. Я думала, что его куда-то отправили. Перед этим я получила от него открытку, где он просил у меня прощения за то, что мне пришлось пережить и за то, что еще придется пережить. Эту открытку передал в последний раз сам следователь. Обычно он меня, выписывая пропуск, провожал до самого выхода. А тут спросил: «Вы найдете дорогу?». Я сказала: «Найду» и пошла. Я еще не дошла до лестницы, а он меня догоняет и говорит: «У вас есть куда-нибудь уехать? Соберитесь с дочкой и уезжайте. Не надо вам здесь оставаться».

9 мая мне очень поздно вечером, часов в 9, звонят и в очень грубой форме говорят: «Что же вы не берете? Долго мы еще будем хранить грязное белье вашего мужа? Приезжайте и берите». Я приехала и мне показали в подвале три или четыре уже запылившихся мешка с бельем. Я взяла свой, мне ничего не сказали. Когда я развернула мешок, я чуть не потеряла сознание: это был комок крови, где что

было, нельзя было разобрать — где рубашка, где кальсоны: все слиплось в крови...

В справке о реабилитации мужа сказано, что его расстреляли 27 мая 1937 г. Но белье окровавленное я получила 9 мая, а деньги мне вернули 3 мая, т.е. он был убит еще в апреле, а дело его было оформлено «законным путем» только через месяц.

Родионова Н.Б. Архив ЛО «Мемориал» (Б-58). Н.Б. была арестована 3.IX.37, вернулась в Ленинград в 1956 г.

Будучи помощником Военного Прокурора Закавказского Военного Округа по делам специальной подсудности, я, с января 1954 г. по август 1964 г. работал по пересмотру уголовных дел на лиц, репрессированных в 30-40-е годы.

По всем делам проводилось новое предварительное следствие. За указанный период времени мною рассмотрено очень большое количество уголовных дел. Много было допрошено: десятки сотен свидетелей. Встречался и допрашивал ранее осужденных. Было допрошено много бывших следователей, других оперативных работников КГБ, фальсифицировавших уголовные дела.

Это был трудный период моей жизни и работы. Говорят, человек ко всему привыкает, но я не мог привыкнуть. Слишком много было переживаний...

За время работы по пересмотру дел я убедился, что главным виновником-организатором всех незаконных репрессий являлся Сталин. И только он, по сговору с Ежовым, Берия, Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Ворошиловым, Ждановым, Вышинским, Ульрихом, Гоглидзе, Кобуловым, Меркуловым и многими другими. В подтверждение сказанному привожу известные мне конкретные факты.

В период начала массовых репрессий Председатель ЦИК Аз.ССР Мусабеков обратился лично к Сталину с заявлением, в котором писал: «...в органы КГБ проникли враги, истребляют партийные, советские, военные кадры», просил принять меры. Сталин на заявлении Мусабекова учинил резолюцию — «Дурак, какое его дело — арестовать», и он был арестован. Мусабеков, коммунист с дореволюционным стажем. В 1955 г. он реабилитирован посмертно. В связи с проверкой дел я осматривал дело Мусабекова и видел сам фотокопию заявления и резолюции Сталина. Полагаю, что и сейчас она при деле, желательно отыскать ее и объявить широкой общественности.

Второе дело, характеризующее Сталина, как палача. Еще в юношеские годы Сталин подружился с его сверстником Буду Мдивани,

который, как и Сталин, вел революционную работу в дореволюционной Грузии. Их дружба продолжалась до 1937 года, бывая в Москве, Буду Мдивани жил в квартире Сталина. Буду Мдивани в 1937 году был заместителем Совнаркома Грузии. Сталина он всегда звал «Коба». В 1937 г. Буду Мдивани был арестован и расстрелян, в 1956 году реабилитирован.

В процессе проверки его дела в пакете было обнаружено письмо Сталину. Буду Мдивани писал — «Коба, я арестован, и, знаешь, обвиняют меня в том, что я хотел убить тебя. Какая чушь, вспомни, сколько ночей я провел у твоего изголовья». Я читал это письмо. Оно Сталину не отправлялось. Читая письмо Сталину, я, да и не только я, был убежден, что без личного распоряжения Сталина Буду Мдивани не мог быть арестован, как личный друг Сталина. О большой и длительной дружбе Сталина и Буду Мдивани знала вся Грузия.

Или вот другое уголовное дело, а вернее, дела.

Сталин сам утверждал, что его учителями были рабочие Тифлиских железнодорожных мастерских и назвал фамилии трех рабочих, фамилии я уже не помню. Все эти трое рабочих в 30-е годы были арестованы, расстреляны, а в 50-е годы реабилитированы. Один из них реабилитирован по собранным мною лично материалам. Портреты их были вывешены в здании Института марксизма-ленинизма при ЦК КП Грузии. Каждому ясно, что учителей Сталина арестовали и расстреляли только по личному распоряжению Сталина. Кто мог бы проявить инициативу арестовывать учителей Сталина и расстрелять их?

Хочу описать характерный факт так называемой организации открытых судебных процессов в 1937-1938 гг. в связи с тем, что многие, защищая Сталина, заявляют — «ведь осужденные признавали себя виновными даже на открытых публичных судебных процессах».

В Аджарской автономной республике была арестована большая группа руководящего состава, в том числе Председатель Президиума Верховного Совета республики Лордкипанидзе, имевший дореволюционный партийный стаж, несколько наркомов, председателей колхозов и другие. На следствии их избивали; несмотря на это, они отказывались оговаривать себя и других лиц. Руководство КГБ Грузии решило организовать в Аджарии открытый судебный процесс. В Батумской тюрьме была сформирована группа арестованных, в которую были включены Лордкипанидзе, несколько наркомов и трое председателей колхозов, а всего 11 человек. Всех их продолжали избивать, убеждая, что если они не дадут «нужные» следствию показания, то будут расстреляны, а их семьи будут репрессированы.

Истязаниями эти люди были доведены до безумия и невменяемости и, по существу, не имели возможности сопротивляться. Для воздействия на арестованных в Батуми из Тбилиси выезжали секре-

тарь ЦК КП Грузии (фамилию его сейчас не помню — но он впоследствии был арестован, расстрелян) и зам. прокурора ГССР Сулухия. Эти так называемые представители руководства ГССР уговаривали арестованных согласиться оговорить себя и других должностных лиц, а объясняли это необходимостью повышения бдительности советского народа и заверяли, что каждый из них после суда будет назначен на приличную должность, но только за пределами Грузии. В частности, Лордкипанидзе заявляли, что он будет назначен директором совхоза на Украине. В итоге измученные арестованные согласились на дачу ложных показаний на открытом судебном процессе. После этого избивание их прекратили. Арестованные этой группы были переведены на санаторное питание и содержались в одиночных камерах тюрьмы. Следователи после этого оформляли протоколы допроса арестованных.

Длительное время с арестованными шла репетиция, какие они должны будут давать показания на вопросы суда. Перечень вопросов суда им был объявлен. После того, как арестованные окрепли, а видимые признаки избиваний исчезли, обвиняемые-подсудимые были выведены на суд. Судебное следствие транслировалось по радио, в зале было много народа. Лордкипанидзе признавал, что он являлся руководителем контрреволюционной шпионо-диверсионной террористической организации, готовившей убийство Берия и др., а также имевшей цель отторжение Аджарии от Грузии и присоединение ее к Турции.

Из 11 человек было расстреляно 8 человек немедленно после суда. Трое были осуждены на 10 лет лишения свободы. Один из них, председатель колхоза, давал показания в 1956 году в процессе проверки этого дела. Давал показания по этому делу и бывший Зам. Прокурора ГССР Сулухия, который до разоблачения был военным Прокурором Тбилисского гарнизона. В 1964 году он был жив.

Откровенно говоря, я удивлен молчанием юристов, которые пересматривали и пересматривают уголовные дела на незаконно репрессированных в 30-40 и 50-е годы. Каждый из них знает факты беззакония, имевшие место в сталинский период. Думаю, их следует призвать, ведь все они коммунисты. И тогда советскому народу легче было бы оценить и определить свою позицию по отношению к роли Сталина и его ближайшего окружения по умышленному истреблению советских и партийных кадров.

Из письма И.А. Гузеева. Винница. АМ 4854/89.

Много нами прочитано и просмотрено по телевидению, но я хочу добавить еще 1935 г.

Это спецпереселение в Вахшскую долину Тадж. ССР, нас много, которым хотелось бы узнать, за что они перенесли такие убытки.

Напишу, как это происходило. Люди, туда переселенные, были из разных краев Союза, большей частью Ленинградской области, Псковской, Астрахани, Кубани и Украины.

Апрель 1935 года. В ночное время врываются в дом работники НКВД, ставят всех членов семьи к стене и производили обыск, ворошили все и везде, не найдя ничего им нужное, забирали главу семьи и сыновей, достигших 18 лет (в частности, у нас), а маму предупредили, чтобы к 20 апреля быть готовыми к отъезду всем остальным членам семьи, а с мамой оставалось нас трое, папу и старшего брата забрали. Мама собрала все необходимые вещи, которые уместились бы на одну телегу, все остальное: дом, придворные постройки — остались безвозмездно.

20 апреля 1935 г. нас повезли в г.Гдов Ленинградской обл. (переселялись мы из Ленинградской обл. дер. Кр. поселок), где был пункт сбора, затем погрузили в телячьи вагоны вместе с отцом и братом и под стражей повезли, не знали куда. Везли нас 18 дней в Среднюю Азию Тадж. ССР, Вахшская долина. Выгрузили нас под открытое небо под пальцами солнцем с $t 60^{\circ}$, где в песке можно было испечь яйцо, босой ногой нельзя ступить на землю. Из этой кучи людей слышались всюду стоны и плач детей, которые просились пить, пить..., а вода была далеко, ее нужно было нести из арыков, выкопанных заключенными, вода была глинистой, оставалась в ведре половина глины. Затем нас разместили в бараки, сделанные из камыша, где по стенам ползали фаланги и скорпионы, а бывали и змеи. Разместили нас по обе стороны барака, посредине дорожка, где проходили к своему месту, а оно составляло по 4-5 м² для всей семьи, несмотря на количество членов семьи, в общем, наше жилище представлялось как скотское стойло. Начались болезни — брюшной тиф и дизентерия, мертвых вывозили штабелями, хоронили без гробов, умирали старики и малые дети, мед. помощи почти не было. Стоял вагончик, где была одна мед. сестра и врач. Большая часть населения выстояла. После полевых работ все члены семьи делали кирпичи из глины и самана, к зиме построили домики, где не было потолка, полы тоже не настилали досками, смазывали их глиной, так началось освоение Вахшской долины. Через три года зацвела долина, посадили деревья, большей частью плодовые, выращивали хлопок и овощи, фрукты, а надзор был везде на полях, и в поселках. Работали от зари до зари, особенно во время сбора хлопка.

Первая норма была 50 кг, но такую норму трудно было выполнить, так как впервые встретились с такими видами работ. Кто не

выполнял норму, сажали в изолятор до выполнения ее, но какой был народ! Шли строем, под стражей в изолятор, не сгибали головы, шли с песнями. Между бригадами началось соц. соревнование, выполняли и перевыполняли норму сбора хлопка, даже на ночь оставались спать в бороздах хлопка, чтобы больше собрать и собирали по 100 и более кг, но это было только благодаря патриотизму народа, надзора уже не было. И так некоторые колхозы стали миллионерами.

Выезд людям был запрещен, паспортов не было, в 1939 г. молодежи разрешили учиться в высших учебных заведениях, т.е. разрешили выезд в г. Сталинабад, ныне Душанбе. Но страдание людей не кончилось. В 1937-38 г. начались репрессии. Забирали мужчин почти через дом без суда и следствия.

Почему это я написала, нам многим, которые были в Средней Азии, хочется узнать, освоение Вахшской долины было ли сталинской нормой? А если да, то почему нигде, никогда не вспоминалось, как это происходило.

Нас называли кировцами, что мы виновны в смерти т. Кирова.

Да, в 1948 г. был разрешен выезд по их усмотрению, были выданы паспорта, но со статьей въезд в города: Ленинград, Москва, Киев, Одесса запрещен.

Ветераны труда: Шубина, Шубин, Минаева, Михеева, Филиппова, все живем в Нарве.

Из коллективного письма. Нарва, Эстония. АМ 1203/88.
Отец Г.К. Шубиной, К.Ф. Филиппов, на спецпоселении был арестован и погиб в заключении.

Мои родители, сестра и я родились в Латвии. По национальности — русские. Наша семья жила в Риге. Я училась в 6-й русской основной городской школе, а потом в Рижской правительственной русской гимназии им. Ломоносова. Папа работал регентом и дьяконом Покровской православной церкви и бухгалтером в частном предприятии по изготовлению памятников. Официальное название не помню. Мама не работала до 1939 г., а потом работала рабочей на заводе «Ригас Аудумс».

В 1941 г. 14-го июня (в день моего 16-летия) ночью нашу семью арестовали. Был совершен обыск и объявлено: «15 минут на сборы».

В грузовой машине привезли на товарную станцию Тернякалнс. Уже начинало светать, и там я увидела массу людей, которых так же как и нас, грузили в товарные зарешеченные вагоны. Кричали ужасно дети. Плакали женщины. Понурились головы, стояли мужчины. Помню, как мама, державшаяся очень твердо, говорила: «Хорошо,

что вместе, это самое главное». Последнее, видимо, придавало ей силы. Но этому сбыться было не дано. На следующую ночь залязгал засов, вошли с фонариками люди и стали называть по фамилиям мужчин, уводя сразу же их из вагона. Что-то эти чужие, в формах НКВД люди бормотали, что будете потом вместе, и мы верили...

15 июня днем наши эшелоны двинулись в путь. Помню толпы людей, наверное, вся Рига была в этом скорбном прощании.

Судьбе было угодно еще раз дать нам посмотреть на нашего папу. Где-то на территории Латвии эшелон сделал остановку и напротив нашего окошка, через путь, мы увидели за решеткой папу. Он ободрил нас, что им сказали: «Все будете вместе». Их эшелон тронулся и это было последним свиданием. Больше мы и также другие семьи никогда уже не слышали о наших мужчинах...

Г.К. Иванова. г. Ленинград. Архив ЛО «Мемориал» (Б-178).

...До 1939 г. в гор. Гродно находилась польская школа подхорунжих (что-то типа суворовского училища). В этой школе учились юноши 14-16 лет. С приходом советской власти в Западную Белоруссию в 1939 г. войска НКВД загнали учащихся и преподавателей школы на 5-й километр вверх по реке Неман от г. Гродно и всех расстреляли, побросав трупы в овраг. Затем солдаты НКВД засыпали огромную свалку человеческих тел. Ни одному из детей этой школы (14-16 лет) не удалось спастись. После того как школу расстреляли, отец нашей преподавательницы (ему было тогда 13 лет) с друзьями по двору ходил на место расстрела. Он рассказывал, что закопали убитых плохо. Множество рук и ног торчало из земли...

Наш г. Гродно строится, растет, и скоро новые микрорайоны подойдут к тому месту. Как жить в доме, выстроенном на костях?

Из письма Ю.Криницкого. Гродно. АМ 2537/89.

Карпина Луиза Денисовна	1875 г.р. — умерла в дороге
Карпина Хильда Давыдовна	1906 г.р.
Карпина Сальма Давыдовна	1910 г.р.
Карпина Эмми Матвеевна	1908 г.р.
*Карпина Эрна Эдуардовна	1930 г.р.
Лукиных Елизавета Фоминична	1900 (?) — умерла в дороге
*Лукиных Людмила Павловна	1925 г.р.
*Лукиных Ираида Павловна	1927 г.р.

Докторова Анна Фоминична	1904 г.р. — умерла в дороге
Докторов Валентин Николаевич	1924 г.р. — умер в дороге
Докторов Константин Николаевич	1923 г.р. — погиб на фронте
Докторов Борис Николаевич	1931 г.р. — пропал в дороге
Леметти Екатерина Фоминична	1898 г.р. — умерла в дороге
Леметти Елизавета Ивановна	1891 г.р.
*Леметти Людмила Матвеевна	1928 г.р.
*Леметти Роза Ивановна	1918 г.р.
(с крошечным сыном Валентином Михайловичем, 4-х лет)	

* — живые

Это наша семья, которая в ночь на 26 марта 1942 г. была насильно выселена из домов под Ленинградом в д.Южки Парголовского района и сослана в Красноярский край, где в паспортах всех поставили штамп с надписью: «Имеет право проживать ...» и указан район Красноярского края, всем, кроме детей.

Мне кажется, что вам не собрать полной картотеки: кроме нас, туда выслали почти всю деревню, предварительно арестовав всех мужчин, а ведь эти высланные разбросаны теперь по всему Союзу и вряд ли они все переписываются с вами...

Из письма Э.Э. Ягодкиной. Таллин. АМ 2556/89.

...В начале ноября 1941 г. я понесла в УНКВД (ул. Энгельса, 33) очередную передачу отцу и увидела такую картину — прямо на асфальте перед зданием УНКВД горел громадный костер, в котором жгли бумаги. Работники УНКВД бегали взад-вперед, выносили из здания охапки бумаги, папки «личных дел» и пр. — и бросали все это в огонь. Я поняла, что УНКВД готовится к эвакуации. Передачу уже никто не принял. Сгорали документы репрессированных людей — сгорали судьбы людей. Ко мне подошла женщина: «Бежим, тюрьму взорвали — с людьми!». Мы побежали и увидели взорванное здание тюрьмы, обрушенные кирпичные стены старой кладки метровой толщины. А из подвала, перекрытие которого, видно, выдержало нагрузку обрушенных стен — неслись крики, стоны людей — и стук.

Мы бросились к группе женщин и, обливаясь слезами вместе с ними, пытались разгрести завалы. Но где там! А наши войска уже отступали через город. Никто нам не мог помочь... Мы разгребали завалы над подвалом тюрьмы несколько дней, пока еще доносился стук из подвала, потом все стихло... Кто это сделал, во всяком случае не люди, а нелюди.

Вошли в город какие-то моторизованные немецкие части, промчались через центр и остановились на окраине Ростова. Их было совсем мало. Дней через 5-6 наши снова вошли в город. Я обратилась с запросом об отце в военную прокуратуру. 22 мая 1942 года получила ответ, подписанный и.о. зам. военного прокурора Ростовской области А.Климиным, что мне надлежит обращаться в УНКВД (документ сохранился).

Когда я пришла в справочное УНКВД, мне сказали, что отец умер — когда, отчего — ничего не сказали. А женщины, которые там тоже узнавали о своих мужьях, рассказали мне следующее. Когда УНКВД собралось эвакуироваться из Ростова, то сидевших в его подвалах заключенных вывезли на вокзал, погрузили в вагоны, отогнали в тупик, закрыли, и ночью, облив бензином, подожгли... Вокруг стояли охранники с автоматами. Когда люди в вагонах стали кричать, кое-кто из жителей бросился на помощь — в них стреляли. Так они и сгорели... Всю жизнь я старалась себя убедить, что это — легенда, иначе можно потерять рассудок.

Из письма Л.А. Владимировой. Челябинск. АМ 247/88. Отец автора письма А.И. Владимиров был арестован в Ростове-на-Дону 4.VII.41; 17.VIII.41 его жене объявили, что «суд не нашел состава преступления», однако Владимирова не выпустили.

Может быть, кого заинтересует такой эпизод — трагедия. «Мемориал» заинтересуется, или еще кто-то, а нет, то порвите, но я решил почему-то написать.

В 1941 г. мы жили на шахте 21 «Снежноантрацит» Донецкой области. Когда наши власти ушли, а немцы еще не пришли, в один из дней по дороге мы увидели колонну людей. В оборванной одежде, измученные, под конвоем. Я их лица и сейчас почему-то помню, жалкий очень вид у них был. Провели их дальше, там есть балка с лесом-кустарником. Мы побежали вперед, там в балке уже расхаживали вооруженные люди и стояли пулеметы. Колонна вошла в балку и люди начали копать ямы. Нас прогоняли, но мы далеко не ушли, потом услышали выстрелы и застрочили пулеметы и поднялся ужасный крик. Мы испугавшись, убежали. Дома взрослым рассказали, что видели. Они сказали, что это заключенные из тюрьмы г. Сталино.

Зачем их расстреляли, кто они были?

Из письма Игнатенко Е.А. Харьковская обл. АМ 3978/89.

...В 1942 году, в начале января, я был арестован... Я находился в камере №72, это маленькая камера в тюрьме бывшая «Шпалерка». В камере находилось до 15 человек, нары — сплошной настил из досок, заключенные лежали на настиле и внизу под настилом. Утром, часов в шесть, два надзирателя заходили в камеру и проверяли, сколько умерших, те, которые были еще живые, но совсем обессиленные, их считали мертвыми, надзиратели за ноги волокли их в морг, некоторые заключенные, когда их волокли, говорили, я еще живой, куда вы меня тащите, но ему отвечали — считай, уже мертвый. Только в одной камере за неделю из 15 человек в живых оставалось 3-5, вместо умерших камера пополнялась новыми заключенными. Среди них особенно много было профессоров, военных, историков, литераторов, работников райкомов и даже прокуратуры...

После приговора меня уже отвели в камеру №5. Это очень большая камера, в которой после суда было человек до ста. Здесь находились осужденные в возрасте от 10 лет и до 80, всех национальностей — поляки, эстонцы, евреи, финны, русские... Нары из досок были сплошные. На верхнем настиле лежали все те, которые не были людоедами, под настилом на полу лежало человек 15-20 людоедов, которые вылезали из-под нары по ночью, стаскивали с верхних нары человека, тащили под нары и в сыром виде съедали его. Мы обращались к надзирателям, чтобы они приняли меры к людоедам, а они нам отвечали — чем больше вас съедят, тем меньше нам работы. Умирало в этой камере по 10-15 человек в сутки.

В конце марта всех тех, кто мог двигаться и держаться на ногах, собрали и увезли в Кресты. В Крестах в камерах людей было мало, заключенные находились только в одном первом крыле, человек 400. Остальные камеры были пустыми. Там, где мы находились, камеры на замки не закрывались, кто мог ходить, те ходили по коридорам, по всем этажам и крыльям тюрьмы, многие поднимались на купол, который хорошо виден с Невы, бросилась вниз, кончая жизнь самоубийством.

В мае месяце ночью сделали обыск, собрали всех заключенных, кто мог ходить и по улице Комсомола у Финляндского вокзала строем повели в Нижегородскую тюрьму.

...В начале июня 1942 г. всех заключенных, кто мог самостоятельно двигаться, человек 800, при большом усиленном конвое со служебными собаками ночью привели на Финляндский вокзал и поездом отправили на станцию Ладога. На Ладоге погрузили в баржу и отправили на противоположный берег.

...Пока нас везли до Соликамска, в живых осталось всего 200 человек, которые и были доставлены на пересылку лагеря города

Соликамска, где тех, кто мог ходить, распределяли по лагерям района.

С.И. Волошин. Из воспоминаний. ЛО «Мемориал». С.И. род. в 1912 г., арестован в 1942, освобожден в 1954. Живет в Ленинградской обл.

...Бывший царский генерал Греков оказался в Австрии — как и когда, не помню. Работал сторожем в музее Штрауса под Веной. Шла ли еще война или уже кончилась — не помню, но в один из выходных для музея дней приехали на машине наши военные и очень огорчились, что музей заперт. Разохались и кто-то из прохожих посоветовал обратиться к сторожу, который конечно же не откажет им в любезности и откроет для них музей. Так и получилось: офицеры побывали в музее, очень благодарили. Прошла неделя и та же машина, но с другими людьми подъехала к музею. Они тоже попросили Грекова показать музей, а потом пригласили его отобедать с ними в ресторане. Греков согласился, сел к ним в машину. Он удивился, когда проехали Вену, но попутчики сами объяснили ему, что обедать будут не в Вене. Наконец куда-то приехали. Офицеры выскочили из машины и, переменив тон, отчеканили: генерал, пожалуйста в тюрьму. Потом ревтрибунал и на 10 лет в Тайшет. Какова его судьба потом — не знаю.

Из письма В.М. Гейштор. г. Малоярославец. АМ 386-ю. Приведенный эпизод записан автором со слов Г.С. Бердяева, бывшего узника Тайшетлага.

Известен всем факт, что с окончанием войны «Сталин дал приказ» — на демобилизацию. Сперва на Западе, потом, после разгрома Японии, — на Востоке. Но мало кто знает, как она окончилась. Только коренные дальневосточники сейчас могут сказать, кто такие «рокоссовцы». Плакал, наверное, не раз маршал, не смея им ни помочь, ни утешить своих боевых соратников. «Рокоссовцы», как правило, самые боевые, ударные полки, их так прозвали потому, что по просьбе Рокоссовского их пополняли штрафниками и зэками. Кое-кто из них уцелел к 1946 году, но в Россию права на возвращение не получил. В общем, кончили свою жизнь эти полки на Курилах, на Камчатке и даже в б.Провидения (та же Колыма). По дислокации вместо демобилизации. Но, главное, суть не в этой несправедливо-

сти, а в том, что никто не сможет сказать, сколько Берия отгрел в свои лагеря бывших фронтовиков. Делалось это даже не по 58-й статье — просто в части, подлежащие расформированию, направлялась комиссия Госконтроля (ее возглавлял, по-моему, Шкирятов) и при малейшей недостаче применялся закон об утрате воинского имущества. По тяжести это тянуло не больше, чем за хищение социалистической собственности. Я лично знал двух бывших фронтовиков, пострадавших этим способом. Один прошел всю войну, был оставлен единственным офицером гвардейского дивизиона для сдачи хозяйства и не сумел предъявить приходно-расходные документы на трофейную муку, мешками сложенную в огромном пакгаузе японской армии, в каком-то Гензане. Дивизион расположился на территории склада, даже не ведая, что в пакгаузах. Случайно обнаружили, что стена повреждена бомбой, стали печь блины и делиться с корейцами. Все объявили: «Наш трофей!». И ... дообъявлялись. В общем, лишился комбат и орденов, и родни — загремел на 15 лет в Забайкалье. Другой случай еще чуднее. Готовясь к боям в Японии, еще задолго до этих боев, стали вдоль границы создавать ПВО. Граница велика — сил мало. Выручили американцы — по ленд-лизу дали радиолокационные станции с условием считать их секретными. Раз секретная станция, значит, секретно все, что входит в комплект. Стало быть, секретны и ящики с запчастями, радиоломпамы и прочим. Русский солдат привык плоское катать, а круглое бросать. Пару раз эти ящики бросили. Однажды вскрыли, смотрят — битое стекло, естественно, вытряхнули — чистоту навели. А тут комиссия того же ведомства. Чего не хватает? Трех электронно-лучевых трубок. Ага! Утрата секретного военного имущества! Итог — 10 лет начальнику РЛС. Вышел спустя много лет при Хрущеве.

От таких комиссий на Дальнем Востоке в 40-50 гг. тряслись все хуже, чем от проверок Г.К. Жукова. Однако суть еще не в этом. И эти два мои знакомца, и многие другие, бывшие офицерами и побывавшие в лагерях, утверждали, что лагеря создавались специально офицерские, велась пропаганда, что Сталин несправедливо обошелся с фронтовиками, разогнал любимых генералов, расформировал части, сажает ни за что. Говорилось и другое — «Лаврентий Павлович — единственный защитник и опора». То есть, надо думать, что заговор бериевский готовился широко, основательно, задолго и мы ничего об этом не знаем до сих пор.

Е.Н. Михайлов. г. Таллин. АМ 791/88.

Мой отец Алехин-Смоляров Михаил Сергеевич, работник НКВД был арестован на работе в сентябре 1938 года. Маме сказали, что он осужден на 10 лет без права переписки. Спустя много лет она мне рассказала, что шофер отца ей передал, что он видел отца мертвым во дворе внутренней тюрьмы на Лубянке.

В 1948 году по моим подсчетам, когда уже срок у отца кончился, я начала ходить в приемную МГБ с просьбой разрешить мне переписку с отцом. Я была очень наивной и верила, что он еще жив. В июне или начале июля 1949 года часа в 2 ночи за мной приехали, произвели обыск и увезли на Лубянку. Никаких компрометирующих материалов у меня не нашли, кроме нескольких старых журналов «Колхозные ребята», «Костер», «Пионерская правда», где оказались статьи и фотографии Косиора, Ягоды, Косарева и немного дрови и порох, который хранился у отчима, в его кабинете. Часов через 10-12 мне было предъявлено обвинение в том, что я являюсь дочерью врага народа и обвиняюсь еще в том, что хранила газеты и журналы со статьями и портретами врагов народа, а также порох. После чего меня повели в камеру, где находилось несколько женщин. Раздались крики: еще одного ребенка привели! Меня спросили, есть ли в семье репрессированные, когда же узнали, что отец, то сказали, что больше 5 лет не дадут. Со мной вместе в камере сидела журналист Злотникова Фрида Лазаревна, она-то мне подсказала, что надо от обвинения «хранение газет и журналов с портретами и статьями врагов народа» отказаться, так как за это я получу 8 лет лагерей, а не ссылку. Эта женщина в тюрьме 3 раза пыталась покончить с собой, так как не хотела, чтобы у ее дочери было клеймо «дочь врага народа». Два раза ее вынимали из петли, а последний третий раз петля оказалась из уже гнилой ткани и не выдержала тяжести тела. В середине августа «следствие» по моему делу в основном было окончено. Когда же меня вызвали на прокурорский допрос к прокурору Дорошу, он спросил: есть претензии к следствию? Я сказала, что вторую часть обвинения, о хранении газет и журналов не признаю, так как они предназначались для хозяйственных нужд. Дорош сказал, чтобы следователь мне предъявил другое обвинение. На другой день, впервые в дневное время, следователь вызвал меня, написал другое обвинение, старое на моих глазах порвал, а новое дал подписать. Через несколько дней меня перевели в Бутырскую тюрьму.

Из письма М.М. Алехиной-Смоляровой. Москва. АМ 745/88. М.М. была приговорена к 5 годам ссылки.

Дело №02-19

Копия

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

11-16 февраля 1952 г. Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда в составе:

Председательствующего — БАРКАНОВА
народных заседателей — АЛЕКСЕЕВА и АЛЕКСЕЕВОЙ
с участием прокурора — ЧЕБАНОВА
и адвокатов ШАРКОВА, КРОЛЕНКО и ШАФИР
при секретаре КАТЫРЕВОЙ

рассмотрела в закрытом судебном заседании дело по обвинению

1) СЕНА Льва Ароновича, 1907 года рождения, уроженца гор. Вильнюс, еврея, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, женатого, несудимого, награжденного медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», доктора физико-математических наук, работавшего научным руководителем электровакуумной лаборатории Ленинградского научно-исследовательского института постоянного тока, проживающего в гор. Ленинграде, на ул. Некрасова, дом 36, кв.5;

2) СКОБЕЛЕВА Виктора Ефимовича, 1907 года рождения, урож. гор. Ленинграда, русского, гражданина СССР, беспартийного, с высшим техническим образованием, женатого, не судимого, служившего в Советской армии с 1941 г. по 1945 г., награжденного орденом «Отечественной войны 2 степени», медалями: «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», кандидата технических наук, бывшего доцента политехнического института им. Калинина, до ареста временно не работавшего, проживавшего в гор. Ленинграде по ул. Плеханова дом №60, кв.16;

3) ГАЛЛАЙ Якова Самуиловича, 1906 года рождения, уроженца гор. Одессы, еврея, гражданина СССР, беспартийного, судимого в 1949 г. нарсудом Выборгского района гор. Ленинграда по совокупности ст.ст. 109 и 120 ч.II УК РСФСР к одному году ИТР с удержанием 25% заработка, срок наказания отбывшего, женатого, кандидата технических наук, работавшего научным сотрудником Центральной научно-исследовательской лаборатории главного управления хлопчатобумажной промышленности гор. Ленинграда, награжденного медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», проживающего в гор. Ленинграде, Петровская ул., д.1/2, кв.31;

— всех троих в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч.I и 58-11 УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия

УСТАНОВИЛА:

1) Подсудимый Сена, являясь членом горно-лыжной секции при доме ученых Лесном в 1940 г., а затем в 1946 г. под видом этой секции совместно со Скобелевым и Галлай организовали аполитическую, безыдейную, политически вредную группу из числа некоторых научных сотрудников и других, присвоив ей название «Горно-лыжный клуб — рахиты в яме» (ГЛКРВЯ).

Сена при участии Скобелева и Галлай разработали устный устав «клуба» согласно которого значились в числе «учредителей» ГЛКРВЯ и назывались: Сена «комендантом», Скобелев — «президентом», Галлай — «ученым секретарем».

В зимнее время под руководством Сена, Скобелева и Галлая члены «клуба» систематически выезжали в один из поселков Ленинградской области, где по окончании зимнего сезона ежегодно 1940 год, а затем 1946-1950 годы устраивали шутовские маскарады с разыгрыванием сцен подражания буржуазной культуры и пошлых кинофильмов. Все это фотографировалось и из фотоснимков создавались фотоальбомы, в которых авторы, под видом забавных картинок возводили антисоветскую клевету на быт, культуру и отдых советских граждан.

При сборах во время выезда в город под руководством и при участии Сена участниками «ГЛКРВЯ» распевались на мотивы популярных советских и русских народных песен вульгарные и пошлые, насыщенные издевательствами над современной действительностью в СССР, по существу антисоветские песни, пародии и куплеты, в составлении которых принимал участие подсудимый Сена.

Песенки перепечатывались на машинке и выпускались в виде сброшюрованных сборников «Рахитиздата ГЛКРВЯ».

В период 1946-1950 годы подсудимый Сена совместно со Скобелевым и Галлай устраивали «вечера», на которых залы и фойе оформлялись в виде рахитичных чудовищ. В официальной части таких «вечеров» под руководством Сена, Скобелева и Галлай, некоторые члены так называемого ГЛКРВЯ под видом безобидной юмористики в своих выступлениях с политически вредными докладами, демонстрацией через эпидиаскоп карикатурно-пошлых рисунков и инсценированной в 1948 году защитой «диссертации» на соискание степени кандидата «рахитических наук», протаскивали чуждые и враждебные советским людям идеи и настроения, клеветали на советскую действительность и ученых.

В 1948 г. под руководством подсудимого Сена и с участием Скобелева и Галлай «клубом» был нелегально выпущен и до 1950 года демонстрировался короткометражный кинофильм «На склонах Кавголовских гор», производство «Рахитфильм», в котором авторы протаскивали клевету на советскую действительность и советских

ученых. В искаженном виде, ложно рисовали культуру и быт советских людей, карикатурно-клеветнически изображали отдых советских ученых, пропагандировали аполитичность и чуждые взгляды, насаждали и культивировали пошлые вкусы.

[Далее следуют аналогичные обвинения против Скобелева и Галлая. — *Ред.*]

Указанными действиями Сена, Скобелев и Галлай совершили преступление, предусмотренное ст.ст. 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР.

Виновными себя Сена, Скобелев и Галлай признали по изложенным фактам. Их вина также доказана заключением экспертной комиссии, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей Корышева, Капитонова, Успенского и другими.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319, 320 УПК РСФСР судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА

СЕНА Льва Ароновича, СКОБЕЛЕВА Виктора Ефимовича, ГАЛЛАЙ Якова Самуиловича на основании ст.ст. 58-10 ч.1 и 58-11 подвергнуть заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять (10) лет каждого, с последующим поражением прав по п.п. «а» и «б» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять лет каждого.

Срок наказания исчислять: Сена и Скобелеву с 9 июля 1951 г., а Галлай с 12 июля 1951 г.

Меру пресечения Сена, Скобелеву и Галлай оставить прежней — содержание под стражей.

В силу ст. 33 УК РСФСР лишить медалей: Сена Л.А. «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», Скобелева В.Е. — «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», Галлай Я.С. — «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

Изъятые вещи и ценности возвратить Сена Л.А., Скобелеву В.Е. и Галлай Я.С. Арест имущества, принадлежащего Сена, Скобелеву и Галлай, снять и имущество также возвратить Сена, Скобелеву и Галлай.

Оплатить за экспертизу эксперту Соколовой Нине Николаевне за участие в процессе согласно предъявленного счета за 40 рабочих дней.

Приговор может быть обжалован в Верховный суд РСФСР в течение 72 часов с момента вручения копии его осужденным.

п/п Председательствующий — Барканов

п/п народные заседатели — Алексеева и Алексеев

Копия верна: Председательствующий

Зам. председателя Ленгорсуда (Барканов)

Секретарь (Катырева).

Только вчера я был «беспартийный большевик» и обязательный член всех обкомовских совещаний по с/х, желанный гость обл. газеты, а сегодня, 4/VII-37 г. «враг народа», «контрик». 2 жарких сталинградских месяца в переполненных камерах внутренней тюрьмы УГБ с ежедневными вызовами на 15-18 часов. Допрос пока милостивый: «Говори, в чем заключалась твоя вредительская деятельность вместе с Тулайковым?» — «Не было такой». — «Тогда сиди». Сидеть, правда, было тяжело, т.к. не опираться на спинку, руки на коленях, накармят селедкой, а пить не дают. Но я придумал выход. С вечера до утра, сидя против меняющихся лейтенантов, я стал сочинять авантюрно-приключенческий роман «Необычайные приключения Алаторцева и Франчески Гааль». Это меня так занимало, что время тянулось менее мучительно. Со 2/IX (после узнал, что во всех тюрьмах Союза) начался допрос III степени. Били и кулаком, и сапогом — неделю кровью мочился. Потом посадили на «конвейер» — непрерывный допрос. После шести с половиной суток увидел себя в зеркале (кабинет убирали и временно завели в кабинет начальника, где в диване было зеркало). Испугался себя, думал, свихнусь. В камеру пришел, как в дом родной. В середине декабря перевели в одиночку. 18 января 1938-го в 12 часов ночи (примерно — часов нет) вручили обвинительное заключение. Справа: «Утверждаю — Вышинский». Пункты 58-й статьи страшные: п.1 — измена Родина, п.6 — шпионаж, п.7 — вредительство, п.8 — террор (!), п.9 — диверсия, п.10 — контрреволюционная агитация, п.11 — состояние в контрреволюционной группе.

Ну, думаю, распыл. И сразу заснул, как каменный. Утром вижу, что все пункты, кроме 7 и 11, легонько зачеркнуты карандашиком. Оказывается, я все-таки не такой уж враг. В 4 часа дня 19-го вызывают на «суд» — Военной коллегии Верх. Суда СССР, т.к. оказывается, террор мне все-таки сохранили (!). Правда, не чистый, а через п.17, т.е. не сам я террорист, а группочка такая. Вызывали из разных комнат по одиночке. «Вы подлежите Суду Воен. Колл. по ст.58, п.п. такие-то. Что можете сказать в последнем слове?» — Прошу очную ставку. — С кем? — С любим. — Зачем? Ведь Вы же признались в совершенных преступлениях? — Нет. Несмотря на то, что они (жест в сторону следователей, «суд» закрытый) меня били и мучили бессонницей, в контрреволюционных преступлениях я себя виновным не признаю. Чтобы спасти себя от увечья, я ложно показал, что написал в несуществующий с/х журнал несуществующую статью, в которой выступал против некоторых положений Лысенко и Вильямса. — «Этого достаточно, увести». Через 5 минут снова вве-

ли — 10 лет исправит.-трудовых лагерей и 5 лет поражения в правах.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Потом узнал, что по моему делу проходило 523 человека (начиная с первого секретаря и председателя исполкома), из которых нас осталось после «тройки» 39 мужчин и одна женщина. Ну не счастливцев ли я?..

Из письма Ф.К. Лангельда к М.С. Гай-Гулиной. 1974 г. АМ 266/88. Автор письма пробыл 10 лет на Колыме, в 1949-54 — поселение в Красноярском крае.

В 1935 г. в Магадане, Дальстроем — Гл. Управление строительства Дальнего Севера — были куплены в Голландии 3 океанских парохода: «Ягода» — большой, поменьше «Джурма» и «Кулу». Капитанами были — на первом Н.И. Вильчек, на втором — А.Д. Рябонь, на третьем — Пережогин. В 1937 г. по провокационному доносу в НКВД 2-го помощника капитана А.П. Никольцева Вильчек и Рябонь были в Магадане расстреляны как «враги народа».

П/х «Ягода» принимал 8000, «Джурма» и «Кулу» — по 6000 человек заключенных. В огромных трюмах пароходов, на их твиндечных и шильтердечных палубах были сделаны трехъярусные нары, на них располагались заключенные, мужчины и женщины, но в разных трюмах, сопровождаемые усиленной охраной НКВД. Пароходы из Владивостока и Находки шли в порт Нагаево, в 7 км от Магадана, 5 суток, расстояние почти одинаковое от них — 1427 миль или 2568 км. В 1937 г. Ягода был за дело расстрелян, п/х «Ягода» был переименован в п/х «Дальстрой». В Нагаево пришел новый четырехмачтовый товаро-пассажирский пароход «Николай Ежов». Этот выскребыш Сталина потом был расстрелян, корабль стал называться «Феликс Дзержинский», он заключенных не возил.

По подсчетам вольнонаемного состава, близко работавших с доставкой заключенных на пароходах в порт Нагаево, было завезено до 8 миллионов «врагов народа» на Колыму, живыми из этого количества выехали на материк единицы.

Пароход «Индибирка», принадлежащий Дальстрою, в первых числах декабря 1939 г. вышел из порта Нагаево с более 1600 человек заключенных для доставки их на материк, это уже по существу были освобожденные, вольные люди, так как на переследствие с Колымы не увозили бы их. При подходе к проливу Лаперуза судно попало в жестокий со снегом шторм, опытные капитаны не заходят в такую погоду в пролив, однако капитан «Индибирки», некто Лапшин, не протормовав в Охотском море, 13 декабря 1939 г. вошел в пролив

Лаперуза, потерял ориентировку и оказался вместо о.Сахалина у о.Хоккайдо, пароход после 12 часов ночи выбросило на скалистый берег острова, опрокинуло на правый борт, в пробоины и люки трюмов хлынула вода, волны разбивали все, что находилось на судне, вода заливала трюмы, в которых погибли свыше 1600 человек. У тех немногих, кому удалось удержаться за комингсы трюмов, полопались перепонки в ушах от ударов волн в корпус судна. Капитан Лапшин справедливо расстрелян, помощник капитана Песковский приговорен к 10 годам; из команды погибло 3-4 человека.

Японцы на месте захоронения погибших установили монумент, и говорят, что они чтут память погибших.

Из письма Г.А. Кима. Владивосток. АМ 4694/89.

...Сначала собрали всех попов, дьяков, старост и др. в бывший Саровский монастырь, Мордовской АССР, а потом в 1937 году, всех их перевезли в ИТК №12, в 12 км от Алтышева, Алатырского р-на Чувашской АССР. Летом 1938-го года в лагере баня рухнула и ее до августа месяца не ремонтировали; за это время все старые, малодвигающиеся церковно-служашие завшивились. Страшно было смотреть на замученных заключенных, которые сидя в траве били вшей! Слепые заключенные их давили зубами, а двигающиеся заключенные били ногтями. Одежда на них была вся порватая, изношенная до ниточки, заплатанная и перезаплапанная. В том же бараке, кто мог подметать, содержались в отдельном углу. Многие ходили в лапотный цех плести лапти, а не сможешь ничего делать, то подыхай! Вши ходили даже в траве. Я ходил то в столярный цех, то убирать в цехах мебельной фабрики, поэтому получал хлеба 600 г и трехразовое питание, а этим попам выдавали только хлеба, и чаю и баланду чуть-чуть сладковатую. На обед их водили в дождь и снег в босых ногах. Они до того были слабые и ослепшие, один зрячий за руку водил остальных, так они тянулись в столовую, как журавлиный косяк. Местные священнослужашие, арестованные в Чувашской АССР, держались крепче, одежда и обувь на них были сносные и часто получали из дома передачи. Написал я жалобу в МВД СССР о том, что в ИТК №12 заключенных не моют, нет бани, и вши ходят по траве... Тогда приезжал из Чебоксар следователь Михайлов и начальника Кузьмина осудили на 2 года.

В 1941 году началась война и нас, способных к работе, увезли в Куйбышев на строительство гос. авиационных заводов. Я больше не знаю о судьбе попов и др. «Мы умрем от голода, холода», — кри-

чали они нам, обливаясь горячими слезами. Им давали 550 г черствого хлеба и горячей баланды через 2-3 дня. Конечно, они погибли от голода...

Из письма И.И. Долгова. АМ 054/89.

...С 1949 по 1955 гг. я была в Тайшетлаге, в так называемой «Мамской колонии» для беременных и кормящих женщин-заключенных. Там был роддом, больница и «детская зона», а также бараки для obsługi детей и для рабочих по лагерю. Попастъ в этот лагпункт считалось счастьем, т.к. там режим был не такой строгий, как на рабочих колониях и жилось сытнее. Сюда свозились беременные женщины с маленькими детьми со всех лагерей начиная с Магадана, Печоры, Казахстана и пр. Женщины здесь рожали и кормили своих детей до двухмесячного возраста, а потом, когда ребенка отнимали от груди, саму мать отсылали на рабочие лагерь, а ребенок оставался в «детской зоне». Наш лагерь располагался в глубокой тайге, точно-го номера л/п я не помню. Помню только, что на расстоянии нескольких километров от нас была ж/д станция Невельское и небольшой поселок.

Время от времени уже после смерти Сталина, к нам вдруг привозили большой этап беременных женщин. Тогда им отводили отдельный барак, обносили его колючей проволокой и никуда в зону не выпускали новоприбывших, а все объясняли, что это прибыли какие-то «особо опасные» преступники. Первый такой этап был из Печорских лагерей, где в 1954 году произошли восстания. Первое восстание перебрасывалось из лагеря в лагерь. Начальство разбежалось. Заключенные захватили склады с продовольствием, организовали снабжение населения, так как к восставшим присоединился и город Печора, населенный в основном бывшими заключенными, отбывшими свои сроки. В городе были выброшены черные флаги, в знак солидарности с бунтовщиками. Возглавил и организовал восстание какой-то инженер (забыла его фамилию). Был какой-то штаб и вообще хорошая организация всего этого дела. Заключенные требовали пересмотра дела, снятия номеров, общения с женщинами и другие какие-то пункты.

На Печору приехал Маленков, вступил в переговоры с восставшими, обещал исполнить требования, а также обещал не преследовать организаторов восстания. Но пока требовал, чтобы все заключенные вернулись к своей работе. Добившись тишины и покоя, Маленков забыл о своих обещаниях и все оставалось по-прежнему. Только главари восстания тихонько куда-то исчезли.

Тогда восстание вспыхнуло заново, опять все оставили работы, возобновили прежние требования. Тогда были вызваны войска, оцепили весь район, согнали безоружных восставших в одну громадную толпу. Эта толпа сцепилась между собой руками и ногами, образовав какую-то монолитную, неразрывную массу. По периметру этой толпы стали женщины, в надежде, что солдаты не решатся стрелять в женщин. Но солдаты вооружились пескоструйными аппаратами, начали поливать толпу песком, под большим давлением. Песок выбивал глаза, проникал под кожу, защиты от него не было. Сплоченная масса людей распалась. Тогда начались кары, расстрелы, вторые срока. А женщин, забеременевших в эти вольные дни, отправили в наш лагерь рожать.

Все эти события на Печоре я знаю со слов участниц восстания, очевидцев происходившего там. После Печоры к нам прибыли беременные из Колымы, где также произошел бунт, но я плохо помню рассказы об этом восстании и потому не могу воспроизвести события там...

Из письма Н.В. Мальцевой. Ленинград. АМ 0193/89.

В 1947 г. в возрасте 17 лет я был осужден по статье 58-10 на срок восемь лет за то, что вырезал бритвой на газетном стенде таблицу с выигрывшими номерами займа, чтобы проверить облигации дома, а под таблицей оказалась какая-то важная статья в другой газете и снимки наших бывших вождей того времени с перерезанными мною лицами. Задержали, в штатском двое, на месте совершения. Это и породило 58-10. Просидев шесть месяцев в Крестах, получил группу 3б — это полная дистрофия, далее был этапирован в гор. Княж-погост, а оттуда в Ижемское штрафное отделение за дезорганизацию производства. Так называлось невыполнение норм из-за физической слабости. В Ижме, а вернее, между Ижмой и Ухтой был кандалный штрафной лагерь, ведущий работы в каменном карьере и на известковых печах, туда и я попал. Все это, что мною прочитано и услышано о всякого рода местах заключения у нас и там, меркнет по сравнению с великой Сарочай-горой, так назывался лагерь. Самый большой срок, на который попадали в Сарочай, был 3 месяца, но этот срок выживали единицы. Обычным было утром, при проверке, сажать умершего ночью товарища играть с собой в шашки, чтобы получить на него пайку, а ночью класть рядом и так несколько дней, пока окончательно не стухнет. Нач. лагеря, жаль, не помню его фамилии, молодой ст. лейтенант, на доклад бригадира о выполненной работе однажды сказал: «Мне не нужна ваша работа, а нужно, чтобы

вы мучились и медленно подышали». Условия на Сарочае довели до бунта, который выразился в разгроме каптерки и хлеборезки, а за это все заключенные, человек 700-800, были выведены на подъездной путь, выстроены в одну линию и какой-то приехавший чин в майорских погонах объявил, что все мы мразь, подонки и враги народа, но наша народная власть очень гуманна и добра, а посему многих из нас прощает. Затем каждого пятого вывели из строя и вместе с группой зачинщиков бунта расстреляли на наших глазах из двух «максимов», стоявших в кузове студебеккера. Я стоял вторым...

Из письма Маликова. Архив ЛО «Мемориал» (Б-23).

В 1952 г. я был арестован в Москве по доносу родственника, в разговоре с которым я не скрывал своих антисталинских убеждений. В начале сентября 1952 г. Военный трибунал Московского военного округа под председательством подполковника Орлова вынес мне приговор — 25 лет. Меня этапировали в Речлаг (Воркута), в 17 отд. Заключенных было в этом отделении 3200 человек; во всем Речлаге, как я потом узнал от бывшего заключенного, а затем главного инженера Шахтстроя, — около 100 000 заключенных.

...Умер Сталин (во время моей последней отсидки в карцере). «Бериевская» амнистия касалась только тех осужденных по 58 ст., срок которых не превышал 5 лет. Из нашего отделения, из 3000 человек, по амнистии 1953 г. освободился один человек... Основную массу «наших» заключенных составляли бывшие пленные, много было также немцев из Восточной зоны.

...В августе 1953 г. произошел известный Воркутинский бунт заключенных. Начался он после прибытия в Воркуту транспорта с заключенными из Караганды. (Там уже были незадолго до этого волнения заключенных). Они подбили все второе отделение Речлага бросить работу и требовать освобождения («арест Берии показал, что нас в лагере держат незаконно») или хотя бы приезда одного из членов Политбюро. В течение нескольких дней один за другим присоединялись к забастовке другие отделения Речлага, в итоге стал весь Северный район Воркуты. Отделения Речлага узнавали о забастовке по внешним признакам — например, возвращались порожняком товарные вагоны, которые должны были идти с углем, утром не было обычной сирены с забастовавшей шахты и т.д., разносили информацию и транспортники (в большинстве тоже бывшие зеки).

Через несколько дней нас всех собрали на футбольном поле. Генерал Деревянко, начальник Речлага, объявил: «Вы просили члена ЦК, — вот приехал кандидат в члены ЦК, командующий войсками

МВД, генерал армии Масленников». Генерал армии Масленников приехал в Воркуту не один, с ним приехала дивизия войск МВД. Ему были переданы от нас две тетрадки — одна с перечнем фактов издевательства над заключенными, другая — с перечнем требований. Нам объявили: «Комиссия будет работать в лагере, а с утра — на работу!». Масленникова освистали. Через день нашу зону оцепили войска с пулеметами. По радио объявили приказ — «всем выходить из лагеря». Партиями по 100 человек нас отводили в тундру. Там — команда: «Садись!». Люди на корточках сидели несколько часов. Затем по 100 человек отводили к столам. За ними — лагерное начальство и «стукачи» из заключенных. Последовала команда: «Садись», и людей начали сортировать — одних обратно в лагерь, других — в штрафные лагерь.

Я на сортировку не пошел, остался в зоне и сразу был направлен в штрафной лагерь. Отбыл там около 2 месяцев, затем был направлен на 30-ю шахту. В штрафлаге я узнал, что во время волнений на 29-й шахте было убито около 30 человек, ранено около ста. Там я отбыл до апреля 1954 г., и все это время мы выходили на рабочие места, но не работали. За забастовку на рабочем месте я три раза отсидел в изоляторе. В апреле 1954 г. я был отправлен во Владимирскую тюрьму. Ехали мы в «столыпинском вагоне», в каждое четырехместное купе набивали человек по 30 заключенных.

Во Владимирской тюрьме мне зачитали постановление генерального прокурора: год тюрьмы, почему-то как «активному члену организации украинских националистов». Режим в тюрьме был сносный — нам полагался 1 час прогулки в день, папиросы, настольные игры (шахматы и домино), книги.

В апреле 1955 г. я был направлен в Инту, в Минлаг (пункт строгого режима при Сангородке). Большинство заключенных там составляли «бандеровцы». После тюрьмы мне полагалось 6 месяцев строгого режима. Работа — раскорчевка леса по колено в воде. Мы на работу практически не ходили; сломали забор в общую зону, растянули проволоку и бегали в общую зону. Мне было вынесено несколько постановлений о заключении в ШИЗО (штрафной изолятор), но почти все они не выполнялись, т.к. в это время администрация растерялась и не знала, что делать, только однажды меня взяли во время облавы в общей зоне и со словами: «Мы тебя давно ищем» заключили в ШИЗО. В сентябре 1955 г. пришло постановление об отмене приговора 1952 г. Везли в Москву на «пересуд» уже не так, как во Владимир год назад — с комфортом, в купе всего два человека, да и охрана стала относиться к политическим с большим уважением.

Повторное следствие оставило мне только статью 58-10 (анти-советская пропаганда) и по ней Мосгорсуд дал мне в конце августа

шесть лет. Через месяц Верховный Суд РСФСР отменил этот приговор, заменил срок на пять лет. Освобожден я был по амнистии 21 сентября 1956 года.

Л.Р. Ленгник. Архив ЛО «Мемориал» (Б-46).

1949 год. Иркутская область. Поселок Майск. Что это такое? Это уже не станция Китой Восточно-Сибирской дороги, но еще и не город Ангарск, это место Ангарском станет позже. А пока это сибирская тайга, куда вывезено демонтированное в Германии оборудование химического завода. Мой отец занимался монтажом, а здесь он в должности главного инженера строящегося химкомбината искусственного жидкого топлива с раннего утра и до поздней ночи пропадает на стройплощадках. Одновременно строится комбинат и город. Начали строительство пленные японцы. К тому времени, когда отец привез на строительство свою семью — жену и двух детей — японцы, оставив после себя землянки, в которых они жили, меховые варежки и шапки-ушанки, обменивавшиеся на буханку хлеба, уже уезжали в украшенных ими кедровыми ветками теплушках к себе в Японию. Строительство города и завода перешло к новой рабсиле — Китойлагу. На высоком берегу над поймой Китоя притока Ангары были выстроены двухэтажные пятикомнатные коттеджи для начальства — Генеральный поселок. Места были дивные, сказочные. Грибы, ягоды росли у порога дома, утром под окнами оказывались следы волков. Однако дети спокойно ходили в тайгу, родителям не приходило в голову опасаться за детей — их в тайге и в поселке никто не трогал.

А между тем все тропки в будущем городе там и сям были перегорожены рядами колючей проволоки. Заключение на строительстве были заняты многие тысячи человек, да и не только на строительстве. На всех вредных химических производствах работали заключенные.

Мы жили в коттедже. Я помню, как в прудутренной мгле бесконечные колонны серых ватников тянулись мимо окон нашего, до страшного благополучного (как я сейчас понимаю) коттеджа, на строительные объекты в городе или на комбинате, или в тайгу — на лесоповал, на расчистку стройплощадки. Иногда лязгали наручники, всегда глухо лаляли огромные овчарки конвоиров. Но мы, благополучные, были глухи и безжалостны. Зеков ведут — эка невидаль! И откуда столько уголовников — наверно всех сюда, со всей страны, сгоняют. Других мыслей не было до тех пор, пока в нашем доме не появилась новая домработница — тетя Женя.

До сих пор помню ее огромные грустные карие глаза, ласковые тонкие руки, мягкий украинский говор. У тети Жени на Украине остались дочки-двойняшки, а она, отбыв в заключение пять лет, осталась в Ангарске на поселение, выезд домой ей был запрещен.

Когда тетя Женя поверила, что в нашей семье ее не обидят, она рассказала, как оказалась в заключении. Дочки были больны, она не вышла на работу, работала на каком-то, вероятно, «секретном» заводе — пять лет с последующим поражением в правах за «саботаж». Это было перед самой войной. И она считала, что легко отделалась, хотя потеряла семью, где дети — неизвестно. Только в 1954 году она смогла выехать на Украину разыскивать своих дочерей.

А я стала после рассказов тети Жени задумываться и внимательно смотреть по сторонам. Имеющий глаза — да видит, имеющий уши — да слышит...

Е.Непомнящая (Левина). Москва. АМ 5610/89.

Я, Дальская Евгения Михайловна, попала в детский дом в тридцатых годах. О своих родственниках ничего не знаю.

По-моему, если есть хотя бы один процент вероятности, то необходимо заняться наведением справок.

О себе. По паспортным данным я Дальская Евгения Михайловна 5 июня 1933 г. рождения, русская, г. Кузнецк (область, край не указаны). При оформлении документов эта деталь всегда привлекала мое внимание. Говорили, так не бывает, должна быть указана область, но так есть.

Своего свидетельства о рождении я не видела ни одного раза. 24 августа 1949 года, еще будучи в Пеньковском детском доме Ульяновской области, я получила паспорт в Тагайском отделении милиции. Были какие-то неясности, в свидетельстве были две фамилии. Решили выдать паспорт на Дальскую Евгению Михайловну, т.к. я значилась по данной фамилии. Другой фамилии я не знала, мне о ней никогда не говорили.

В то время свидетельство о рождении при получении паспорта оставалось, как мне говорили, в паспортных столах.

При выпуске из детского дома свидетельства я не получила. Только паспорт, но меня всегда беспокоил этот вопрос.

Спустя некоторое время я обратилась в Тагайский отдел милиции, чтобы мне дали данные свидетельства о рождении, но ничего определенного не получила. Сказали, что документы уничтожены за давностью.

Решила обратиться в ЗАГС г. Кузнецка Пензенской области. В паспорте был номер свидетельства о рождении, на основании которого мне выдали паспорт. По этому номеру я и просила Кузнецкий ЗАГС дать мне данные свидетельства о рождении на Дальскую Евгению Михайловну. Мне сообщили, что по данному номеру зарегистрирован другой человек. Что делом занималась врач (вроде Попова). Дальская Евгения Михайловна у них не значится. В конце была приписка, что было очень тяжелое время и они (кто они?) вынуждены так поступить, чтобы ты осталась в живых.

Кто я в действительности? Когда, где и при каких обстоятельствах я стала Дальской Е.М.? Не знаю.

Жила в Куйбышевской области, в Богородском детском доме №35 или 36, в Кинель-Черкасском детском доме.

Решила навести справки через Куйбышевское облоно о моих родителях. Мне сообщили, что данные дать не могут, а получить их можно только по усмотрению милиции. В какую милицию — не общалось.

И при всем том я помню некоторые моменты себя дома. Маму за швейной машинкой (ножной). Я прошу у нее иголку с ниткой. Запомнились занавески на окне, вышитые ризелье. Помню за столом обеденным с семьей. Себя в саду. Кустарник такой высокий и частый, а я ощущаю себя такой маленькой. Мне тяжело преодолеть эти «дебри». Недалеко от сада канавы. Обычно такие канавы я видела по линиям железных дорог.

И последнее. Настежь раскрытая дверь. Вдали комнаты темнота, справа кровать пустая, что-то случилось. Почему-то я одна. Страшно. Я спряталась за створку двери...

Из письма Е.М. Дальской. г. Пушкино, Московской обл.
АМ 284/88.

ВЛАСТЬ, НАРОД, КУЛЬТУРА

Сергей Максудов

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Потери народонаселения СССР в результате катастрофических событий нашей истории (войны, голод, коллективизация, репрессии и т.д.) давно и устойчиво интересуют общественное мнение в стране и за рубежом. До недавнего времени практически все архивные данные, позволяющие непосредственно оценить размеры потерь, были закрыты, достоверность же опубликованных цифр вызвала серьезные сомнения. Поэтому особую значимость приобретают косвенные способы оценки, в частности методы демографической статистики. Однако и здесь отсутствие или закрытость одних источников и недостоверность других затрудняют исследования. Сейчас положение начинает меняться. Интересующегося читателя отсылаем к статье В.В. Цапина «Статистика жертв сталинизма в 30-е годы», опубликованной в журнале «Вопросы истории» №4 за 1989 г.; в этой статье впервые вводятся в научный оборот недоступные ранее материалы «несуществующей» переписи 1937 г. Итоги расчетов В.В. Цапина близки к цифрам, полученным автором публикуемой ниже статьи.

Сергей Максудов (А.П. Бабенышев) — один из наиболее серьезных ученых, работающих в этой области. Проблемой оценки потерь народонаселения СССР в результате различного рода репрессий он занимается с начала 70-х годов; за границей опубликовано свыше двух десятков его работ на эту тему. Данная статья, написанная специально для альманаха «Звенья», резюмирует и обобщает предыдущие исследования автора.

С.Максудов избегает специальной терминологии; однако в тексте содержится в неявном виде множество посылок, хотя и очевидных для ученого-демографа, но отнюдь не способствующих «облегченному» восприятию статьи. Тем не менее ход мысли автора может стать доступным и для неподготовленного читателя — при определенном усилии с его стороны. Мы надеемся, что старания такого прилежного читателя будут вознаграждены тем удовлетворением, которое он получит, оценив корректность и научную строгость работы. Ценность ее составляют не столько общие оценки потерь (приводимая С.Максудовым итоговая цифра — 9,8 млн. — выдвигалась и некоторыми другими исследователями), сколько разработка методики расчетов, позволяющей оценить и исходные данные, и результат с определенной степенью точности; причем в ряде случаев оказывается возможным уточнить распределение потерь как по территориям СССР, так и по временным интервалам. Очень важной представляется попытка дифференцировать потери по причинам, их вызвавшим (голод, репрессии, снижение уровня жизни и т.д.).

Более развернутый вариант настоящего исследования см. в: Maksudov S. Collectivization and Population Losses in Ukraine and the USSR (in print); Максудов С. Потери населения СССР. Boston, 1989.

Ред.

«Их имена Ты, Господи, сам носи...»

Столетие, с угрожающей реальностью поставившее вопрос о существовании человека на земле, приближается к завершению. Вновь, как и тысячу лет назад, люди ожидают конца света, и мыслится он теперь не как воплощение божественной воли, а как дело рук человеческих. Десятки миллионов погибших с начала века («во имя...» и «ради...») служат весомым предупреждением или прологом.

Этого не случится, если народы перестанут быть марионетками в руках вождей, партий, правительств, почувствуют ответственность за свою историю и свою судьбу. Однако недостаточно знать настоящее, необходимо помнить прошлое, понимать его предопределяющее воздействие на будущее. Лишь «Иван не помнящий родства» может, запутавшись в происходящем, «нажать кнопку».

Мы должны знать, кто были наши отцы и деды, как и когда они жили, когда и почему умерли. Мы должны вспомнить каждого замученного. Составление нового «Синодика опальных» — долг и единственная надежда на спасение нашего народа. Память — первый шаг из исторического небытия к уважению человеческой личности, к самоуважению. Сегодня эта работа, по счастью, начинается, но от окончательных результатов мы еще очень далеки. Даже суммарные оценки: «Сколько всего на круг» — расходятся на десятки миллионов.

Цель этой статьи — рассмотреть самые общие оценки потерь советского населения в эпоху коллективизации, используя для этого демографические данные. Под потерями будем понимать умерших раньше своего часа, убыль, превышающую некоторую гипотетическую норму, «естественную смертность». Потери в этом смысле — это не число репрессированных. Кроме погибших в тюрьмах и лагерях, они включают скончавшихся от голода, эпидемий, недостаточной медицинской помощи, а главное, общего ухудшения условий жизни в стране в результате социальных преобразований, называвшихся «коллективизация» и «индустриализация» и означавших раскулачивание, террор и закрепощение жителей города и села.

ПРИЧИНЫ ПОТЕРЬ

Годы коллективизации не были чем-то однородным. На первом этапе 1927-29 гг. экономическому и полицейскому давлению подвергалась сравнительно небольшая группа населения (3-4% сельских дворов). На эту сравнительно зажиточную часть крестьянства была возложена повышенная доля поставок зерна по низким ценам, и, в

случае невыполнения этих обязательств, их судили, приговаривая к штрафу в пятикратном размере, полной конфискации имущества или даже тюремному заключению на 1-3 года. Так, только на Украине в 1929 году индивидуальному (повышенному) налогообложению было подвергнуто 155 тысяч хозяйств (3%)¹. Эта цифра примерно в два раза выше числа кулацких хозяйств на Украине по оценке гнездовой сельскохозяйственной переписи 1929 г. (1,4%)². На XI съезде КП(б) Украины говорилось, что в 22 округах (из общего числа 41) было распродано имущество 33 тысяч сельских хозяйств (14,7% семей, относимых к кулакам)³. Приведенные оценки наказываемых крестьян сильно различаются между собой: 155 тысяч, 70 тысяч, 225 тысяч только в 22 округах. Дело в том, что различные советские учреждения вкладывали в понятие «кулак» разный экономический и политический смысл, а местная администрация просто относилась к кулакам всех своих личных противников, всех неугодных и неполноценных лиц⁴.

Второй этап (1930-31 гг.) был периодом уничтожения кулака «как класса». Как известно, планируя раскулачивание, комиссия Политбюро во главе с Молотовым наметила арестовать около 60 тысяч потенциальных противников (списки составлялись ОГПУ), семьи этих крестьян и еще около 150 тысяч сельских семей сосланы в северные районы страны, миллион хозяйств (3-4%) должны были лишиться своего имущества и земли⁵.

Потери сосланных составили несколько сотен тысяч человек. Это видно из того, что из примерно 300-350 тысяч вывезенных семей в 1940 году в местах ссылки оставалось 220 тысяч семей (930 тыс. человек). Следует, правда, принять во внимание, что часть этой убыли составили убежавшие, реабилитированные (около 6% только в 1930 году), переехавшие в город⁶.

Однако репрессии против кулаков не играли в тот период определяющей роли в повышении убыли населения страны. Более важным было снижение уровня жизни. Введение карточной системы и специального снабжения на заводах сильно ударило по широким кругам горожан, но прикрепленных к производствам и учреждениям.

Достаточно указать на то, что рыночные цены в стране, по сравнению с 1928 г., выросли к концу первой пятилетки в 30 раз⁷.

Третий период коллективизации, начавшийся в 1932 г., был наиболее тяжелым. С этого времени государство перестраивает организацию колхозов таким образом, чтобы независимо ни от чего получать определенное количество продуктов сельского хозяйства. Встречные поставки промышленных товаров в село становятся необязательными, цена на заготавливаемые продукты сохраняется постоянной (в десятки раз меньше их рыночной стоимости), но главное, в случае плохих урожаев деревня оказывается вынужденной отдать го-

сударству почти все, не оставляя себе даже минимального количества зерна для пропитания. Эти страшные порядки оборачиваются трагедией массового голода. В 1932 г. была запрещена продажа зерна в областях, не выполнивших заготовок, что поставило под удар широкие слои сельского населения, всегда покупавшего часть зерна на рынке.

На Украине и Северном Кавказе практиковался бойкот, так называемое занесение на «черную доску» колхозов, не выполнивших план. В селах закрывали магазины, школы, медицинские пункты, сельсоветы и другие советские учреждения. На дорогах устанавливались знаки, запрещающие проезжающим вступать в контакты с «преступными» местными жителями. У провинившихся изымали скот в счет государственных поставок на год и три месяца вперед. Эта специальная мера лишала обреченных на голод крестьян последней поддержки: мяса и молока⁸. И главное — повсеместно шли обыски, изымали последнее, необходимое: горшок каши, миску картошки, каравай хлеба. Никого не интересовало, что будет есть зимой крестьянская семья.

Потери населения в эти годы включают не только непосредственную гибель от голода. Резкое ухудшение питания увеличило смертность. Особенно велики были потери детей.

Голод 1933 нанес деревне страшный урон. Но и в последующие годы 1934–36 положение было лишь немного лучше. По сведениям ЦСУ, урожай зерна в среднем за год составил в 1934–36 около 67 млн тонн. Из них государство забрало в виде хлебазаготовок 26,4 млн тонн, на семена ушло около 13,3 млн тонн. Фураж при имевшемся поголовье потребовал примерно 9 млн тонн, и два миллиона тонн — минимальная оценка потерь. Таким образом, на каждого из 120 млн жителей села в течение четырех лет оставалось по 440 граммов зерна в день⁹.

Следует понять, что это никак не было средней нормой потребления. Огромная неравномерность распределения по территориям, по социальным слоям, наконец, по годам (очень тяжелые 1933 и 1936 и более благополучные 1934 и 1935) показывают, что широкие круги сельского населения иногда вообще не имели хлеба.

Кроме гибели от голода и плохих условий жизни, потери населения на третьем этапе коллективизации вызывались все возрастающим потоком полицейских репрессий. Закон от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности позволял подвергать наказанию, вплоть до расстрела, за оплошность, небрежность в работе, мелкое воровство. Поломка в моторе трактора, павшая лошадь, добранная на поле морковка — все это могло повлечь за собой суровое наказание. Трифонов рассказывал об относительном масштабе потерь: в первой половине 1933 года по закону от 7 августа было

осуждено в 5 раз больше, чем во второй половине 1934, и в 20 раз больше, чем в первой половине 1935. В.П. Данилов назвал наконец абсолютную цифру: 54 645 человек в 1932 году¹⁰.

Высокий урожай 1937 года завершил период массовых потерь сельского населения от коллективизации. Но в это время в стране уже вовсю разворачивалась новая кампания уничтожения населения — Большой террор.

Десятки страшных, хотя и вполне обыденных историй, рассказывают сегодня очевидцы на страницах газет и журналов. Но о сотнях тысяч или даже миллионах подобных происшествий мы никогда не сможем узнать. Для оценки общего размера потерь естественно использовать иные, научные, методы. Работ такого рода уже проделано немало, поэтому следует сначала кратко остановиться на их результатах.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ

Политическая актуальность рассматриваемого вопроса, к сожалению, нередко предопределяла невысокий научный уровень его решения. Диапазон такой заданности простирался от официального утверждения 60-70 годов: никаких потерь не было¹¹, до заявления профессора И.Курганова о гибели 110,7 млн человек, в том числе 55 млн в довоенный период. Курганов является типичным представителем направления, которое, некритически используя сведения, смешивая потери со снижением рождаемости, стремится к получению огромных цифр¹². Методика такого подхода была достаточно подробно рассмотрена и не будем здесь на ней останавливаться¹³. Обе полярные оценки не выдерживают соприкосновения с элементарными историческими сведениями и здравым смыслом. В промежутке между ними размещается множество разнообразных результатов. Еще в 1964 году Данна Дальримпл собрала 20 различных оценок потерь советского населения и получила среднее значение 5,5 млн человек. Этот нехитрый прием, предполагающий, что все мнения равновероятны, показывает, что важны не столько сами результаты, сколько методика их подсчета¹⁴.

По характеру используемых источников можно разделить оценки потерь на три группы:

- 1) опирающиеся на наблюдения очевидцев;
- 2) использующие секретную информацию, документы;
- 3) рассчитанные демографическими и иными методами.

Свидетельства очевидцев имеют необычайную ценность, когда речь идет о конкретном факте или событии, когда мы узнаем о потерях семьи, дома, камеры, лагпункта. Но попытка распространения

подобных сведений на большую территорию: область, республику, всю страну — резко снижает их достоверность.

Ссылки на секретные советские источники малоубедительны. Создается впечатление, что руководители в середине 30-х годов потеряли контроль над изучением статистики населения, они не знали и не хотели ее знать. Об этом говорят многочисленные свидетельства очевидцев о трупях, брошенных на улице, братских могилах, вымерших селах; на это указывает отсутствие статистических публикаций в 1933-37 гг.; это подтверждает печальная судьба организаторов переписи населения 1937 года¹⁵.

Очевидно, в советском обществе тех лет циркулировали слухи об огромных потерях. Так, английский ученый, работавший в лаборатории Павлова, пишет, что один высокопоставленный руководитель назвал цифру погибших от голода 15 миллионов¹⁶. Утверждают, что Скрыпник говорил о 8 млн, умерших на Украине и Северном Кавказе еще до середины 1933 года¹⁷. А. Орлов, бывший в те годы начальником отдела ОГПУ, говорит, что в докладе, предназначенном для Сталина, число умерших голодной смертью оценивалось в 3,3-3,5 млн.¹⁸

Все эти сведения представляются не слишком надежными прежде всего потому, что изучение потерь требовало огромного специального исследования, и маловероятно, что какое-либо советское учреждение проводило эту работу. Главным же недостатком оценок, опирающихся на слухи или личные наблюдения, является невозможность их научной проверки. Не исключено, что эти цифры верны, а может быть, неверны, мы не располагаем способом оценки их достоверности. При этом, как уже отмечалось, конкретные факты, сообщаемые очевидцами, имеют огромное значение. Важная библиография таких источников выпущена недавно библиотекой Гарвардского университета¹⁹.

Переходя к расчетам потерь, остановимся лишь на демографических методах. В частности не будем рассматривать оценок численности ГУЛага и смертности в лагерях. Прошедшие на Западе дискуссии показали, что этот важный вопрос нуждается в специальном изучении с помощью новых данных²⁰. Демографические расчеты обычно бывают двух типов: обобщенные, использующие сводные параметры рождаемости, смертности и численности населения, и дифференцированные, учитывающие численность каждого поколения мужчин и женщин и повозрастные таблицы смертности. Точность результатов во втором случае намного выше.

Наименее серьезным подходом является расчет по обобщенным показателям в предположении постоянного прироста населения в течение длительного периода. Этот неизменный значительный рост, постулируемый в качестве нормы, авторы любят сравнивать с фак-

тической численностью населения и приходят к выводу об огромной нехватке — «потерях». Именно так получил свои огромные цифры И.Курганов. Подобным же образом оценивает потери Роберт Конквест. За норму он принимает перспективные расчеты с постоянными коэффициентами рождаемости и смертности, сделанные Новосельским и Паевским, прогнозы о численности населения по пятилетним планам, сведения о приросте населения в три миллиона человек в год, сообщавшиеся товарищем Сталиным. Сравнивая эти данные с фактической численностью населения, Конквест пришел к оценке потери сельского населения от коллективизации в 14,5 млн человек²¹.

Мнения о потерях в размере 15-20 млн человек придерживается и американский демограф Мюррей Фешбах. Он считает, что около 5 млн умерли во время раскулачивания, 5 млн унес голод и 5-10 млн погибли от репрессий. Обоснования своих данных автор не приводит, ссылаясь в качестве иллюстрации на кривую нормального роста численности населения²².

Следует остановиться и на работе советского ученого Иосифа Дядькина, который за свои исследования был приговорен к тюремному заключению. Автор построил по имеющимся статистическим сведениям математическую модель нормального развития советского населения и с ее помощью оценил потери населения и погрешность самой оценки. Серьезность и добросовестность этой работы не вызывает сомнения и ее недостатки связаны главным образом с неточностями официальной советской статистики, положенной в основу расчета²³.

Следует отметить, что расчеты, опирающиеся на обобщенные демографические показатели, вообще мало надежны. Дело в том, что точность этих данных невелика, их ошибка 3-5%, а порой и выше. Так, например, ЦСУ в послевоенные годы пересчитало данные для 1928 г., при этом оценка численности населения оказалась на 877 тыс. меньше, чем в прежних публикациях, коэффициент рождаемости увеличился с 4,21% до 4,43% (на 5%), а смертности — с 1,81% до 2,33% (на 30%)²⁴. Следовательно, оценки потерь, опирающиеся на коэффициенты, опубликованные до войны, могут быть преувеличены на 300-400 тыс. человек в год. Погрешность обобщенных демографических показателей обычно носит систематический характер (преуменьшение смертности и рождаемости), за период 10-12 лет ошибка расчета может превысить величину оценки потерь. Поэтому результаты такого типа следует рассматривать скорее как экспертные оценки, проиллюстрированные с помощью демографических данных.

Известный русский экономист С.Прокопович оценил таким способом потери в 9 млн человек²⁵. К такому же выводу пришел демограф второй эмиграции В.Марченко²⁶. Франк Лоример в одном из

вариантов своих расчетов получил 5,5 млн²⁷, причем старый русский демограф А.Зайцев считал эту оценку преувеличенной²⁸. Б.Ц. Урланис в одной из работ оценил численность населения страны в 1933 г. в 158 млн человек, что в сопоставлении с данными о численности в другие годы (например, 160 млн в 1930 г.) указывает на потери не меньше 5-7 млн.²⁹ Правда, в другой своей работе, специальном исследовании численности поколения 1910 г. рождения, Борис Цезаревич никак не отмечает возможность потерь от голода³⁰.

Таким образом, единственным методически верным подходом представляется расчет численности каждого поколения мужчин и женщин по таблицам смертности и данным переписей населения. Правда, и при этой методике возможны сильно различающиеся результаты — от 2,6 млн у С.Виткрофта³¹ до 20 млн С.Розфилда³². Авторы, ставшие постоянными оппонентами-соперниками, недавно провели очередную раунд дискуссии на страницах американских журналов³³. Это столкновение уже было проанализировано и в западной, и в советской прессе, и поэтому не будем останавливаться на нем более подробно³⁴. Замечу только, что недостатком подхода этих авторов является отсутствие содержательного анализа используемых демографических данных. Так, из 50 различных вариантов расчетов Розфилда некоторые кажутся достаточно достоверными, но он и не пытается показать, что они более обоснованы, чем другие.

С похожим релятивизмом мы сталкиваемся в работе американских демографов Б.Андерсон и Б.Сильвера. Авторы построили демографические модели и показали, что оценка потерь зависит от заложенных в модель предпосылок³⁵. При гипотезе высокой смертности и низкой рождаемости повышенной убыли вообще нет, а при низкой смертности и высокой рождаемости она составила бы 24 млн человек. Для поколений старше 12 лет в 1939 г., то есть без учета рождаемости, интервал потерь 0,5 млн — 5,5 млн человек.

Несмотря на условность модели, Андерсон и Сильвер довольно точно указали на пределы возможной ошибки. Однако сами пределы так велики, что это не приближает нас к ответу на вопрос: какая именно оценка потерь населения является достоверной.

В Советском Союзе изучением размеров потерь населения в годы коллективизации занимался, очевидно, Ю.А. Корчак-Чепурковский. Он посвятил специальную работу рассмотрению результатов прогнозов численности населения Украины и СССР, сделанных в свое время М.Птухой, А.Хоменко, С.Новосельским и В.Паевским, и всячески дает понять читателю, что расчеты демографов были верны, а их расхождение с реальностью может быть использовано для оценки этой самой суровой советской действительности:

«Исчисления М.В. Птухи, С.А. Новосельского и В.В. Паевского, принимая во внимание высокую технико-методическую сторону их

выполнения, представляют и теперь большой интерес для исследователя историка-демографа, который попытался бы проследить демографические последствия событий, помешавших нормальному развитию населения нашей страны»³⁶.

Таких многозначительных замечаний в работе Корчак-Чепурковского десятки. Он отмечает повышенную убыль мужчин и стариков, более высокие потери украинского населения по сравнению с потерями СССР и так далее³⁷.

Кроме исследований Корчак-Чепурковского, материалы, необходимые для более надежных демографических расчетов потерь, содержатся в трудах С.Новосельского и В.Паевского, М.Птухи, А.Хоменко, Р.Сифман, Ж.Бирабена, хотя сами эти авторы не ставили перед собой задачи оценки повышенной убыли населения³⁸. Так, Ж.Бирабен построил распределение населения СССР в 1926 и в 1939 гг. по полу и возрасту в одногодичных интервалах³⁹. Эта группировка, отличающаяся от данных Новосельского и Паевского, служит хорошим контролем для оценки надежности расчета.

В заключение укажем на книгу Ф.Лоримера, ставшую примером классического исследования населения Советского Союза⁴⁰. К результатам этой работы мы будем еще неоднократно возвращаться. Дело в том, что Лоример был единственным из исследователей, серьезно проанализировавшим используемые данные (материалы переписей, таблицы смертности, коэффициенты рождаемости), внесшим в эти данные необходимые, на его взгляд, коррективы. Не со всеми этими поправками можно согласиться, особенно если учесть факты, которые не были известны Лоримеру, важно, однако, что эти сведения представляют единую систему, которая, на мой взгляд, служит хорошей оценкой минимального уровня потерь.

Разбор различных расчетов повышенной убыли населения показывает, что имеющиеся результаты дают практически любые цифры потерь, однако трудно сказать, какой из этих вариантов верен. Следовательно, в настоящее время проблема заключается не в проведении еще одного расчета, а в обосновании расчетных параметров, в выборе исходных данных, в оценке достоверности этих сведений и погрешности результата.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА

Исследования многих авторов показали, что для получения надежных результатов оценки потерь необходимы детальные демографические расчеты, учитывающие всю совокупность имеющихся сведений. В частности, важное значение имеют самостоятельные вычисления потерь для территории Украины, учет изменения численности

национальных групп, исследование рождаемости и возможных пределов ее ограничения с помощью имевшихся в тот период средств контрацепции.

Непосредственный расчет заключается в оценке изменения численности каждого поколения мужчин и женщин в период между переписями 1926 и 1939 годов. Для такой оценки используют коэффициенты дожития — показатели, рассчитываемые по таблицам смертности. Расчет показывает, каким должно быть изменение численности в «естественных» условиях. Результаты вычислений сравниваются с фактическим изменением численности, и превышение расчетной убыли над реальной служит оценкой потерь. Рассчитанные данные выступают при таком подходе как некоторая норма смертности. Подобную методику использовали многие авторы, в том числе Франк Лоример, Ю.Корчак-Чепурковский, С.Новосельский и В.Паевский. Сам подход редко вызывает возражения, но достоверность результата зависит, как уже отмечалось, от правильного выбора исходных данных. В частности, необходимо оценить надежность данных о численности населения по переписям 1926 и 1939 годов, ошибку, возникающую из-за неточного указания возраста при переписях, достоверность таблиц смертности 1926-27 гг. для СССР и 1925-26 гг. для Украины, пригодность этих таблиц для оценки уровня нормальной смертности населения страны в 1927-38 гг., уровень рождаемости в 1927-38 гг. для СССР и Украины, погрешность вычислений. Необходимо также получение правильного представления о внутритерриториальной миграции населения.

Рассмотрение этих факторов и их влияния на оценку потерь населения было главной задачей работы, результаты которой приводятся в настоящей статье.

ПЕРЕПИСЬ 1926 ГОДА

Перепись 17 декабря 1926 г. оказалась по детальности опроса и публикации единственной и неповторимой. Она вышла в 56 томах, не считая многотомных «Кратких итогов» и «Предварительных сообщений»⁴¹.

Численность населения переписью 1926 г. была, по-видимому, несколько занижена (147 млн человек, в том числе 71 млн мужчин и 76 млн женщин): она оказалась меньше, чем предварительные данные административного учета⁴².

Так, в Европейской части страны было исчислено на 1 января 1926 г. 120 340 тыс. человек. С поправкой на прирост населения за год по норме хлебофуражного баланса оценка составила 122 957 тысяч. Переписью (по предварительным результатам) было учтено

121 300 тысяч. Впоследствии численность населения по переписи была увеличена почти на 800 тысяч, но и в этом случае расхождение составляет почти 900 тыс. человек⁴³.

Важным результатом переписи явилась публикация численности по возрастам в одногодичной группировке, осуществленная единственным раз в истории СССР. Однако при указании своего возраста очень многие округлили его⁴⁴, что вызвало необходимость перераспределения по половозрастным группам, так называемого сглаживания. Оно было проведено рядом авторов.

Исправляя сведения о детских возрастах, большинство ученых не меняют численность населения, учтенного переписью, а лишь несколько перераспределяют ее. Это представляется неверным известному украинскому демографу Ю.А. Корчак-Чепурковскому, который, разрабатывая структуру населения Украины в однолетней группировке, увеличил численность детей моложе пяти⁴⁵. Однако другой известный украинский демограф М.В. Птуха считал, что недоучет детей переписью маловероятен, и отверг эти поправки⁴⁶.

Франк Лоример полагал, что численность младших возрастов в переписи 1926 года преуменьшена и откорректировал ее по сведениям о рождаемости в 1924-26 гг., увеличив тем самым общую численность примерно на 600 тысяч человек⁴⁷.

По сравнению с переписью 1939 г. перепись 1926 г., очевидно, недоучла население. В стране еще не было паспортного режима, счетчиков участвовало 200 тысяч (в 1937 г. — миллион, в 1939 г. — 400 тысяч), они проходили только двухдневное обучение, на селе не фиксировалось постоянное население (только наличное), не было контрольного бланка, не применялся сплошной контрольный обход. А главное, учету населения не придавалось такого всемирно-исторического значения, как в дальнейшем. Менее строгий учет населения в 1926 г. по сравнению с 1939 г. должен был привести к занижению размеров потерь населения в 1926-38 гг. Возможная ошибка неполного учета, судя по переписям последующих лет и по данным текущей статистики, составляет примерно 0,5%⁴⁸.

ТЕКУЩИЙ УЧЕТ НАСЕЛЕНИЯ В 1926-1938

После проведения переписи 1926 г. советские статистики убедились, что система учета населения работает достаточно хорошо. Но скоро наступление на крестьян полностью изменило демографическую ситуацию в стране и привело к последствиям, которых никто не ожидал. На некоторое время была парализована и система учета населения. Последние достаточно надежные сведения относятся к лету 1931 г., когда в связи с введением карточной системы был орга-

низован административный учет населения. Он проводился весной и в начале лета, когда население было более подвижно, чем зимой. Это должно было привести к некоторому занижению численности по отношению к переписи 1926 г., проводившейся в декабре. Кроме того, оценка 1931 г. проходила в намного более напряженной политической ситуации, чем перепись 1926 г. Коллективизация, уничтожение кулачества «как класса» всколыхнули и стронули с места массу сельских жителей, которые толпами перемещались по стране и вряд ли поддавались строгому учету административными органами. Это позволяет предполагать, что численность населения в 1931 г. учтена с меньшей (или, по крайней мере, не с большей) полнотой, чем в 1926 г.

Данные о повозрастной численности в 1931 г. опубликованы в довольно странной группировке и не поддаются удовлетворительному сглаживанию. Общая численность учтенного населения представляется довольно правдоподобной и хорошо согласуется с материалами о рождаемости, смертности и численности населения.

После 1932 г. демографические сведения исчезают из печати.

Справочники ЦУНХУ (ЦСУ) в течение 1933-1938 гг. ежегодно повторяют одну и ту же цифру — 165,7 млн на 1 января 1933 г., словно в этот момент прекратился учет населения. По-видимому, надежного учета действительно не было. Сама цифра 165,7 млн вызывает большие сомнения. Вряд ли население СССР в те годы достигало такой численности. Не случайно эта столь популярная цифра, повторявшаяся свыше семи лет в предвоенный период, ни разу не упоминается ни в одном из послевоенных справочников.

Создается впечатление, что руководители страны и даже демографы не имели в 1932-1937 гг. реального представления о последствиях проводимых социальных мероприятий. Они, очевидно, догадывались, что голод и массовая смертность в деревне меняют демографическую картину, но как и насколько — не ведали.

В официальных докладах, планах и научных статьях тех лет постоянно называются цифры численности населения в стране, которые, видимо, никогда не были достигнуты (165,7 млн в конце 1932 г., 168 млн в конце 1933 г. и т.д.).

Эта инерция мышления завершилась трагическим исходом переписи 1937 г., результаты которой оказались столь неожиданными, что были уничтожены вместе с ее организаторами⁴⁹.

В послевоенные годы ЦСУ опубликовало численность населения в конце 1936 г., опираясь, видимо, на результаты переписи 1937 г. Появились демографические данные для последующих лет (1937-40 гг.). Сведения для периода 1927-1930 гг. были откорректированы, численность населения была несколько уменьшена для 1928 г. — на 877 тыс. человек. Этими исправленными данными, по-видимому, можно пользоваться при рассмотрении движения населения в стране⁵⁰.

ПЕРЕПИСЬ 1939 ГОДА

Эта перепись была не просто статистическим учетом населения, она проводилась как мероприятие исключительной важности.

«Задачи предстоящей переписи населения нашли свое исчерпывающее выражение в программе переписи, утвержденной СНК СССР и разработанной при личном участии и под руководством главы советского правительства В.М. Молотова. Переписной лист и инструкция к его заполнению являются документами выдающегося значения... Программа переписи проникнута великими идеями Сталинской Конституции»⁵¹.

Одной из «великих идей», сформулированных, правда, в несколько угрожающей форме, было указание ЦК ВКП(б) и СНК: «Провести перепись без единого пропуска, без ошибок». Что может случиться с теми, чьи результаты будут ошибочными (или покажутся таковыми), организаторы переписи слишком хорошо знали.

Постоянно возникает вопрос: насколько можно верить результатам переписи 1939 г.?

Определенно можно утверждать, что перепись не занизила численности населения, ведь даже самые закоренелые «вредители» поостереглись бы «занижать» после урока, полученного в 1937 г. Таким образом, потери, рассчитанные для периода 1926-1939 гг. как нехватка населения к 1939 г., могут быть несколько больше, но уж никак не меньше найденного уровня. Это позволяет использовать результаты переписи 1939 г. для оценки передвижки населения в 1926-1939 гг.

Но не была ли переписью 1939 г. численность населения заметно преувеличена? Не были ли из страха наказания сочтены «мертвые души»? Исключить такое предположение трудно. Слишком запуганы были советские статистики. Кроме того, тогда, как и теперь, учет так называемого «спецконтингента» поручался самому ведомству внутренних дел и представленные цифры автоматически прибавлялись к фактическим результатам переписи. И, естественно, если погибшие и умершие в лагерях включены в перепись 1939 г. как живые и здоровые, оценка потерь 1931-1938 гг. будет занижена на эту цифру⁵².

Довод против предположений о значительной подтасовке переписи заключается в том, что даже опубликованные сведения представляются крайне неблагоприятными. Они позволяют оценить повышенную убыль населения между 1926-1939 гг.; они ставят вопрос: почему ухудшалось соотношение между мужчинами и женщинами (явление, наблюдающееся обычно только во время войны); они отмечают убыль по сравнению с 1926 г. украинцев — на 3 млн, казахов —

на 870 тыс., нескольких тысяч бурятов, уйгур, так называемых народов Севера и т.д. Эти данные, свидетельствующие о явном демографическом неблагополучии, также должны были быть подтасованы, если бы фальсификация имела место. Ориентировочная оценка позволяет предположить, что возможное преувеличение численности населения переписью 1939 года составляет 1,5 — 2 млн человек.

Следует иметь в виду, что при оценке потерь за весь период советской власти, то есть включая Вторую мировую войну, искажение в ту или иную сторону данных переписи 1939 г. не играет существенной роли, так как преуменьшению убыли в период 1926-1939 гг. будет соответствовать почти такое же преувеличение потерь в последующие годы (1939-1950).

Группировка населения по возрасту была опубликована в довольно сжатом виде без разделения по полу⁵³. Сведения не охватывали проживавших в отдаленных районах и не указавших свой возраст. Естественно, что все исследователи, использовавшие результаты переписи для тех или иных расчетов, пытались откорректировать возрастную структуру населения. Например, Лоример проделал эту работу, ориентируясь на результаты переписи 1926 года⁵⁴. Ж.Бирабен, меньше других авторов связанный с конкретными результатами переписи 1939 года, учел в своей работе публикации ЦСУ 60-х и 70-х годов⁵⁵. Его сведения довольно близки к официальным данным. Небольшие различия наблюдаются лишь в возрастах 15-19 и 30-34, а также после 80 лет.

ТАБЛИЦЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 1926-1927

Таблицы смертности 1926-1927 гг., составленные Новосельским и Паевским, являются одним из самых основных результатов, связанных с переписью 1926 г. Они составлялись на основе данных переписи и сведений о смертности за два года (1926-1927). Они охватывают Европейскую часть СССР с пропуском некоторых районов, для которых надежные сведения о смертности или численности населения отсутствовали. На этой территории проживали примерно 120 млн человек из 147 млн, учтенных переписью 1926 г.⁵⁶

Коэффициенты 1926-1927 гг. заметно отличаются от значений в дореволюционных таблицах. Они меньше по величине, и характер их изменения несколько иной. Другое соотношение и между мужской и женской смертностью. Среднее число живущих женщин меняется с возрастом более плавно и расходится с уровнем 1907-1908 гг. больше, чем у мужчин.

Очень важным является вопрос: насколько таблицы Новосельского и Паевского правильно отражают уровень смертности по всей

стране в тот период? Ведь возможны ошибки за счет неполного охвата территорий и погрешностей в учете смертности отдельных возрастных групп.

Определенным образом влияет на величину табличных коэффициентов смертности неполнота данных, собираемых при переписи: она несколько завышает их. В противоположном направлении действует неполнота учета смертей. Авторы таблиц 1926 г. приводят один пример: опрос селькоров в сельской местности на территории, где проживало примерно 500 тыс. человек, показал, что в 1928 г. было не зарегистрировано примерно 2,5% похорон. Они отмечают, что особенно велик был недоучет грудных детей, умерших в первые дни жизни, и женского населения старших возрастов 50-70 лет.

С.А. Новосельский и В.В. Паевский даже считали, что заметное снижение женской смертности относительно мужской вызвано отчасти этим дефектом.

Фактическая ошибка коэффициентов таблиц для взрослого населения вероятно меньше 2,5%, так как эта цифра включает значительное количество детских смертей и, кроме того, оценка сделана для сельской местности, а значительная часть населения (около 20%) уже проживала в городах, где регистрация была намного точнее. Таким образом, коэффициенты смертности в таблицах 1926-27 гг. представляются достаточно реальными.

Важным фактором является согласованность этих таблиц со сведениями переписи 1926 года о по возрастной численности населения. Эти данные были обработаны Новосельским и Паевским, так что ошибки в возрасте как бы компенсированы ошибками в коэффициентах смертности. Так что, если исправить таблицы смертности и оставить без изменения по возрастной численность, ошибки расчета только возрастут.

Таблицы смертности 1926-27 годов были построены для города и села, для различных территорий и национальных групп, причем повсюду отмечаются те же закономерности: невысокая смертность в старших возрастах, мужская смертность выше женской и т.д. Особенно важно, что таблицы для Украины, построенные Ю.А. Корчак-Чепурковским, очень близки к таблицам для всей страны (большинство возрастных коэффициентов на Украине несколько меньше). Дело в том, что сбор статистических сведений на Украине был более надежным, так что украинские таблицы служат подтверждением общесоюзных.

Важно сходство таблиц смертности 1926-27 гг. с таблицами 1938-39 гг., которые, как известно, охватывали всю страну. Для всех возрастных групп показатели в 1938-39 гг. оказались меньше, чем в предыдущих таблицах. Из этого следует, что таблицы 1926-27 гг. обладают определенным «запасом прочности» и пригодны для оцен-

ки смертности для территории всей страны. Поправки к таблицам, принятые Лоримером, несколько преувеличивают смертность в старших возрастных группах, но они могут служить для оценки возможного преувеличения уровня смертности.

Хорошей проверкой таблиц смертности служат расчеты численности населения. По таблицам 1926-27 гг. они были проведены для периода 1926-31 гг., 1926-23 гг. (обратный расчет), 1939-41 гг., и во всех этих случаях полученная расчетом убыль населения была выше, чем зафиксированная статистическим учетом ЦСУ. Это значит, что по отношению к текущему учету населения таблицы скорее преувеличивают, чем преуменьшают смертность⁵⁷. Очевидно, что и для периода 1932-38 гг. будет наблюдаться та же картина, то есть таблицы вполне пригодны для расчета потерь.

РОЖДАЕМОСТЬ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

После окончания гражданской войны рождаемость в стране возрастает до 44 на тысячу, а затем постепенно начинает сокращаться (таблица 1). Социальные причины этого снижения очевидны. В стране происходит перестройка государственной и экономической системы. Рушится старый мир. Меняются представления о религии, семье, браке, распространяются (особенно в городах) противозачаточные средства. Деревня выбрасывает огромные массы населения в город. Рвутся семейные связи. Снижается общая смертность и особенно детская смертность, что также способствует снижению рождаемости. Этот постепенный процесс изменения характера воспроизводства населения длится меньше 10 лет и обрывается новой катастрофой — голодом 1933-1934 гг. Данные ЦСУ и материалы Р.И. Сифман отмечают снижение рождаемости на 20-30% (таблица 3). Могло ли оно носить волевой характер? Насколько в тот период было распространено внутрисемейное регулирование? Теоретически это не исключено. Как известно, голод с наибольшей силой разразился на Украине и Северном Кавказе, а именно в селах Украины аборт к тому времени уже получили, по мнению М.В. Птухи, заметное распространение⁵⁸.

Однако более вероятно, что цифры ЦСУ неполны и занижают рождаемость. Такое уж было время и положение в стране. Эшелоны увозили миллионы так называемых раскулаченных в неведомые ЦСУ земли. Опубликованные сведения ЦСУ не отмечают даже повышения младенческой смертности в 1933-1934 гг., которое, безусловно, имело место. Официальные цифры довольно хорошо согласуются с численностью поколений, учтенной переписями 1959, 1970 гг. (таблица 3). Это подтверждает, что приводимая статистика относится к совокупности выживших, без учета повышенной смертности.

Данные Ж.Бирабена содержат, по-видимому, ошибку того же рода (таблица 3). Используя для реконструкции рождаемости послевоенные переписи, он невольно ориентируется на число выживших, исключая тем самым катастрофическую смертность.

Данные Р.И. Сифман, полученные по выборочным сведениям о плодovitости, вероятно, немного занижают уровень рождаемости. В этих сведениях, собранных путем опроса в 60-е годы, не учтены матери, погибшие вместе со своими детьми. Как известно, от голода нередко погибали целые семьи, целые деревни.

Материалы по Белоруссии (таблица 3) показывают заметное снижение рождаемости в 1933 г. (на 15%), после чего она в течение 4-5 лет остается практически постоянной. Таким образом, по этим данным, рождаемость 1933-1934 гг. не опускалась ниже уровня 1935-1936 гг. и даже очень мало отличалась от 1937-1940 гг. (на 10%).

О небольшом падении рождаемости свидетельствуют и материалы выборочного обследования частоты рождений. Интервалы между рожденьями снизились в 1930-1934 гг. по сравнению с 1925-1929 гг. на 10% и практически равны интервалам 1935-1939 гг., когда рождаемость в среднем составляла 3,7%⁵⁹.

Некоторые факторы, влияющие на рождаемость, были более благоприятны в 1930-1934 гг., чем в другие годы. Так, в этот период увеличивается число женщин в возрасте 20-45 лет в связи с включением в эту группу все более многочисленных поколений. Начиная с 1935 г., их число, напротив, уменьшается, так как в этот возраст вступают поколения малочисленные, рожденные в годы войны 1915-1920 гг. Это, видимо, и вызвало снижение рождаемости в 1937-1941. Птуха приводит следующие данные по Украине: в 1930 г. число женщин в возрасте 20-29 лет было 3043 тыс., в 1935 г. — 3463 тыс., а в 1938 — 3245 тыс.⁶⁰ Второй фактор, влияющий на рождаемость, — это повышение числа браков. Третий — некоторое увеличение рождаемости в молодом возрасте. Птуха указывает, что на Украине в 1925 г. 35,5% рождений приходилось на матерей в возрасте 15-24 лет, а в 1929 г. — уже 38,2%.

Трудно предположить, что заметное снижение рождаемости было сознательной реакцией населения на коллективизацию и голод. Против первого свидетельствует довольно высокая рождаемость в 1929-1931 гг., когда коллективизация и раскулачивание были в самом разгаре; голод же был слишком стихийным и неожиданным для деревни, чтобы заранее оказать влияние на отношения полов. Напомним, что в годы гражданской войны рождаемость опускалась незначительно, хотя голод и болезни характерны и для того времени.

Общее снижение рождаемости в 20-х годах вызвано было, главным образом, увеличением городского населения с его меньшей

плодовитостью; рождаемость же в русской деревне оставалась еще очень высокой.

В таблице 2 показано число рождений на Украине в 1934 году, оцененное по уровню плодовитости и абортов. Рождаемость была на 30-40% ниже, чем в «мирные» годы. Можно считать, что снижение рождаемости в целом по СССР было меньше, чем на Украине, и не превышало 20-30%. Коэффициент 3% является, вероятно, порогом волевого регулирования рождаемости для того времени, без отвлечения больших масс мужского населения. Ниже этого уровня мы имеем дело уже не с ограничением рождаемости, а с повышенной детской смертностью.

Поэтому резкое снижение рождаемости в 1932-1933 гг. (с 3,6% до 2,76% — таблица 3) фиксирует, очевидно, фактическое уменьшение численности детей, их повышенную смертность в младенчестве.

Таким образом, данные о рождаемости за 1927-1931 гг. и 1937-1939 гг., приводимые ЦСУ и различными авторами, расходятся незначительно. Для получения представления об уровне рождаемости в 1932-1935 гг. приходится пользоваться косвенными сведениями, расчетами по уровню плодовитости (таблица 3).

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Выше было сказано, что передвижка населения в 1927-1931 гг. хорошо согласуется с данными текущего учета и свидетельствует, что уровень смертности в стране в эти годы был несколько меньше, чем зафиксированный таблицами Новосельского и Паевского. Продолжим этот расчет на последующие 7 лет вплоть до конца 1938 г. По-прежнему будем предполагать, что смертность равна табличным значениям 1926-1927 гг., хотя, как уже отмечалось, таблицы 1938-1939 гг. дают заметно меньшие величины коэффициентов. Этот уровень смертности позволяет считать, что мы не завышаем оценку потерь населения. Рождаемость принимаем по известным официальным данным, а для катастрофических лет (1932-1935) — рассчитанные выше значения. Исходную численность населения берем в двух вариантах сглаживания: 1) Новосельского и Паевского; 2) Бирабена.

Первый вариант является простым повторением расчетов, выполненных в свое время этими авторами, но с учетом фактической (а не гипотетической) рождаемости населения. Потери населения рассчитываются как разница между ожидаемой и фактической численностью населения в начале 1939 года (фактическая, то есть зафиксированная переписью, и ожидаемая, полученная расчетом от данных переписи 1926 года по таблицам смертности). Согласно оценке Лоримера (табл. 5), повышенная убыль в возрасте старше 12 лет

составила 4,8 млн человек (3,8% от численности всего населения, 5,8% мужчин и 2% женщин). Наибольшие потери приходятся на поколение 40-60 лет (8% от численности), остальные возрастные группы потеряли около 2% своего состава.

При расчете по данным Бирабена и таблицам смертности Новосельского и Паевского (таблица 4) потери в возрасте старше 12 лет равны 5,7 млн (4,4% от всей численности, 6,2% мужчин и 2,8% женщин). Как и в предыдущем расчете, высокие потери отмечены у поколений старше 40. Основное различие с результатами Лоримера приходится на поколения старше 60 лет, что объясняется более высокими коэффициентами смертности этих возрастов в таблицах, используемых Лоримером.

Второе заметное различие обнаруживается в поколениях 12-19 лет. Расхождение здесь связано главным образом с распределением по возрастным группам, в частности поправками, внесенными Лоримером в численность младших возрастов. Эти коррективы, как отмечено выше, вероятно, справедливы, но я воздержался от них, опасаясь преувеличить потери.

Следует отметить, что потери детей в возрасте до 12 лет в 1939 г. не рассматривались Лоримером. Однако можно утверждать, что расхождения в этих возрастах должны были быть близки к данным, рассчитанным по Ж.Бирабену, так как коэффициенты рождаемости у Лоримера не отличаются заметно от принятых в расчет (таблица 3). В обоих случаях таблицы смертности для этих возрастных групп не расходятся, и оценка потерь детей, родившихся после 1926 г., должна быть равна примерно 4 млн.

Общая разница между расчетом Лоримера и вычислениями по данным Бирабена составляет 823 тыс., что может служить определенно оценкой возможной ошибки расчета за счет погрешностей в таблицах смертности.

Таким образом, движение населения в 1926-1938 гг., с учетом потерь, может быть представлено в следующем виде (таблица 6): *численность населения возросла на 22 млн человек, родилось 70 млн и убыло 48 млн (26 млн мужчин и 22 млн женщин). Повышенная убыль составила 9,8 млн, мужчин на 2 млн больше, чем женщин, около 60% убыли приходится на детей и пожилых (старше 60 лет в 1939 г.). Потери взрослого населения (20-59 лет) составили 2,3 млн мужчин и 1,3 млн женщин.*

ТОЧНОСТЬ ПОЛУЧЕННОЙ ОЦЕНКИ

Полученные результаты найдены при определенных предположениях и, естественно, достоверны с точностью до этих предположений. Каждая из гипотез может быть оценена с некоторой вероятно-

стью, и могут быть выдвинуты предположения о возможной ошибке за счет неверных предположений. Некоторые погрешности приводят к преувеличению потерь, другие к их преуменьшению, третьи могут действовать как в ту, так и в другую сторону. Одни ошибки могут быть достаточно хорошо оценены по имеющимся материалам, о других можно составить лишь самое общее гипотетическое представление. Не исключено, что существуют не учтенные нами обстоятельства, искажающие результаты.

Рассмотрим принимавшиеся в расчет допущения и возможную величину погрешности, к которой они могли привести.

1. В работе предполагалось, что численность населения по поколениям в отдельные годы можно восстановить передвижкой известной возрастной группировки, опираясь на имеющиеся сведения о рождаемости и задавая для каждого поколения гипотетическим «естественным» уровнем смертности. Это предположение проверялось для соседних «мирных» периодов, и оказалось, что данные, полученные расчетом, и оценки ЦСУ численности населения довольно близки. Систематическое занижение численности расчетом отмечается для всех временных интервалов и составляет в среднем 120 тысяч в год. Такая тенденция вызвана некоторым преувеличением уровня смертности, принятого в расчет (на 3% в среднем) и преуменьшением величины рождаемости на 2-3%.

Естественно предположить, что такое же занижение численности в расчете должно иметь место и в «немирные» годы. Это тем более справедливо, что для катастрофического периода расчетная смертность принималась на постоянном уровне таблиц 1926-1927 гг., которые для всех возрастных групп дают значения более высокие, чем таблица 1938-1939 гг. Превышение расчетной смертности над фактической в 1927-1931 гг. составило 900 тыс. человек. Его можно считать оценкой возможного преуменьшения размеров потерь.

С другой стороны, расчет Лоримера показывает на возможное преувеличение размеров потерь на 0,8 млн человек.

2. Преувеличение рождаемости в 1932-1935 гг. может привести к завышению размеров потерь. Так, например, если мы воспользуемся для оценки рождаемости только официальными сведениями ЦСУ (таблица 3), повышенная убыль детей окажется на 1,5 млн меньше.

3. Ошибка в оценке численности населения переписью 1926 г., по сравнению с завышенным учетом 1939 г., может достигать, очевидно, 1,7 млн человек.

4. Миграция населения за рассматриваемый период была невелика. Отмечают, правда, что из Средней Азии в Китай бежали во время коллективизации несколько сотен тысяч (около 200-300 тыс.) кочевников, главным образом казахов и уйгуров. Оценка потерь

населения будет преувеличена на число этих неучтенных эмигрантов.

5. Несовпадение дат учета населения переписями 17 декабря 1926 г. и 17 января 1939 г. приводит к некоторому преувеличению потерь старших возрастов (на 200-250 тыс.) и преуменьшению потерь новорожденных примерно на такую же величину.

6. Неверный учет возраста населения переписями приводит к сравнительно небольшой погрешности. Она оценивается для каждого расчетного периода как расхождение между результатами, полученными по материалам различных авторов. Эта ошибка — около 40 тыс. человек — и может приводить как к преувеличению, так и к преуменьшению потерь.

7. Погрешность при вычислениях за счет использования приближенных исходных данных и в результате операций округления невелика. Она является случайной, нормально распределенной величиной и может оцениваться как корень квадратный из суммы ошибок, полученных на каждом шаге. Естественно, что такая погрешность тем больше, чем больше расчетный период. На рассматриваемом временном интервале она не превышает 100 тыс. человек.

Таким образом, мы получили оценку возможного преувеличения потерь 3 млн и возможного преуменьшения потерь тоже 3 млн. Появление сведений о численности населения по переписи 1937 г. в разmere 162 млн позволяет, вероятно, говорить о потерях в 11,5 млн человек с ошибкой преувеличения в 3 млн и ошибкой преуменьшения в 1,5 млн.

Для еще большего сужения этого интервала необходимо привлечение новых историко-демографических сведений, закрытых пока в советских архивах. В частности публикация численности населения и половозрастного состава по переписи 1937 года и данных о реальной смертности в стране с учетом убыли в лагерях и тюрьмах помогут уточнить как размеры потерь, так и их распределение по годам и причинам убыли.

ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА

Как отмечалось выше, большая часть потерь населения в рассматриваемый период связана с голодом и ухудшением условий жизни, и они в значительной степени падают на поколения 1928-1934 гг. рождения. Можно предположить, что численность этих поколений в различных регионах страны может служить индикатором потерь от голода. Для анализа воспользуемся данными переписи 1959 года.

В обычных стабильных условиях, при сохранении примерно одинаковой рождаемости (как это и было в дореволюционной России),

более молодые поколения имеют большую численность и общая кривая изменения по возрастной численности мужчин и женщин приобретает характер треугольника (пирамиды), в котором у вершины — малочисленные старики, у основания — новорожденные, а между ними плавно меняющиеся поколения. Но в период 1924-1938 гг. такая тенденция наблюдалась в стране только на азиатских окраинах: Кавказе, Сибири, Средней Азии. В районах Европейской части страны отмечалась противоположная картина — падение рождаемости в продолжение 30-х годов. В результате поколения 30-34 лет (1924-28 г.р.) оказались при переписи 1959 г. более многочисленными, чем поколения 25-29 лет (1929-33 г.р.), а поколение 25-29-летних многочисленней 20-24-летних (1934-38 г.р.). Однако последняя закономерность отмечается не везде. На ряде территорий родившиеся в 1934-38 гг. оказались при переписи в большем числе, чем предыдущие пять поколений. Будем сравнивать поколения женщин, живущих в сельской местности. (Мужчины более подвижны и больше подвержены специфическим потерям.)

Расчеты по регионам показывают, что численность женщин, живущих в селе и родившихся в 1929-33 гг., на большей части территории оказалась выше, чем у родившихся в 1934-38 гг. Исключение составляют территории Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана, Украины и Дальнего Востока. В этих регионах отмечается нехватка в численности поколений 25-29 лет. Поскольку речь идет о переписи 1959 г., территории Казахстана и Дальнего Востока следует рассматривать с учетом интенсивной миграции, происходившей туда в 1939-58 гг.

Рассмотрим более подробно, как меняется соотношение численности поколений по отдельным областям Украины. Мы видим, что в 15-ти из 18-ти областей Украины в границах до 17 сентября 1939 г. отмечается заметная нехватка в численности поколения 1929-1933 гг., и ни в одной из западных областей и прилегающих к Украине территорий РСФСР нет ничего похожего.

Расчет показывает нам географию распространения этого явления в пределах Украины и, отчасти, его интенсивность. Наиболее сильное падение численности мы видим в Днепропетровской, Черкасской, Луганской, Харьковской, Киевской, Кировоградской областях. Несколько меньшее снижение отмечается в Запорожской, Полтавской, Николаевской, Херсонской, Крымской областях. К третьей группе относятся: Донецкая, Сумская, Житомирская и Винницкая области, причем в Винницкой положение выглядит наиболее благополучным. Наконец, областями, не показавшими заметной убыли, оказались Черниговская и Хмельницкая — север и запад Украины. Отмечу сразу, что все утверждения об интенсивности голода носят лишь самый ориентировочный характер, мы можем лишь говорить

об отсутствии повышенной убыли данного возраста или о ее большей или меньшей степени.

Остановимся на областях РСФСР, в которых также отмечен провал численности поколения 1929-1933 годов рождения. Такое же сильное падение численности, как и в самых тяжелых районах Украины, мы видим в трех областях Северо-Кавказского края: Ростовской, Краснодарской, Ставропольской.

В Поволжье наиболее интенсивное сокращение (примерно такое же, как у второй группы областей Украины) отмечено в Саратовской и Волгоградской областях, и небольшая убыль наблюдается в Куйбышевской, Пензенской, Горьковской областях и Татарской АССР. Кроме того, в РСФСР отмечается провал в численности поколения 25-29 лет в двух уральских областях: Оренбургской и Челябинской (в первом случае падение довольно заметно). В Омской и Амурской областях небольшая численность населения не позволяет определенно судить, привнесено ли это сокращение численности 25-29-летних послевоенной миграцией или это потери местного населения, пережившего коллективизацию.

Таким образом, заметный провал в численности поколений 1929-33 гг. рождения отмечается на всей Украине, кроме присоединенных после 1939 г. областей, на Северном Кавказе, в Казахстане, отдельных областях Поволжья и в нескольких других областях РСФСР, то есть на тех территориях, где, по многочисленным свидетельствам очевидцев, свирепствовал голод 1933 г.

Практически не было непострадавших территорий. Дело в том, что хотя голод охватывал только часть страны, а страшный смертельный голод коснулся только сельского населения Украины, Северного Кавказа, Казахстана, некоторых районов Поволжья и Сибири, но ухудшение питания и условий жизни задело всю страну.

Потери Северного Кавказа можно оценить, исходя из той же пропорции убыли к численности населения, которая найдена для Украины. В действительности, они возможно были несколько выше.

Мы видим, что на жителей Украины, Северного Кавказа и казахов, составляющих вместе примерно 25% всего населения страны, приходится более 65% всех потерь. Это лишний раз подтверждает, что главной причиной потерь был голод, поскольку они сосредоточены среди групп населения, пострадавших от голода больше других (таблица 7). Можно предположить, что соотношение среди пострадавших от голода мужчин и женщин было по всей стране примерно одинаковым, таким же как на Украине. В этом случае повышенная убыль населения страны (без Украины, Северного Кавказа и казахов) включает для поколений старше 12 лет около 450 тысяч умерших от голода и ухудшения условий жизни (300 тыс. мужчин и 150 тыс. женщин). Около 800 тысяч человек было унесено другими при-

чинами. По всей стране это дает около миллиона погибших от репрессий.

Примерно такую же цифру потерь от террора можно получить, исходя из соотношения убыли мужчин и женщин. Предположим, что гибель мужчин и женщин от голода в возрастах 20-59 лет была приблизительно одинакова (в действительности, судя по потерям старших поколений, мужчины умирали чаще). Предположим также, что подавляющее большинство погибших от репрессий составляли взрослые мужчины. В этом случае 1 млн — разница между повышенной убылью мужчин и женщин 20-59 лет и будет являться ориентировочной оценкой потерь от прямого физического уничтожения людей репрессивным аппаратом в 1927-1938 гг. Конечно, эта оценка крайне приблизительная.

Читателям, привыкшим к огромным десяти- или стомиллионным результатам, эта цифра может показаться скромной. Это совсем не так — это больше, чем фронтовые потери русской армии за всю первую мировую войну, причем этой цифрой не исчерпываются все репрессированные, а только погибшие. Не следует забывать, что большой террор начался сравнительно незадолго перед этим. Тюрмы и лагеря были полны, но число просидевших много лет было еще сравнительно невелико. Напомним еще раз, оценка основана на предположении, что НКВД представило в бюро переписи 1939 года правильную отчетность, в противном случае потери от репрессий будут выше на величину этой ошибки.

Таким образом, почти 90% повышенной убыли населения страны связано с коллективизацией и голодом. Каждый пятый человек, умерший в стране в 1927-1938 гг., умер от голода.

ГОЛОД

Страшны и многообразны формы голода. Трудно и страшно писать о них. Голод стал нормой жизни. Мало кто в стране получал хотя бы минимально удовлетворительное питание. Разве что самые высшие руководители и людоеды. Но обе эти категории составляли ничтожную часть населения. Миллионы людей ложились спать с мыслями о еде. Миллионы голодных вспоминали караваи и окорока, существовавшие в доброе старое время. Миллионы были готовы на все ради куска хлеба.

Общее недоедание, отсутствие мяса, масла, молока, яиц, овощей, рыбы, а часто картошки и хлеба — были уделом каждого, независимо от того, жил он в городе или в деревне⁶¹.

Когда в 1933 году была разрешена продажа хлеба по коммерческим ценам, тысячи людей с утра до ночи толпились в очередях у

магазинов. Стояли, вцепившись друг в друга, опасаясь отойти, страшаясь потерять место. Очевидец рассказывает, как он с самым первым поездом отправлялся из пригородной деревни в Харьков для того, чтобы занять в коммерческом магазине очередь за хлебом. При этом чаще всего хлеб кончался раньше, чем подошла его очередь. За хлебом по карточкам тоже надо было часами выстоявать в очередях, но зато вероятность «отовариться» там была выше.

Голод разделил людей. Многие утратили одно из важнейших человеческих качеств — сострадание, желание помочь ближнему. «Самому мало», — такой ответ обычно слышали люди, не имевшие ничего. Совсем ничего. Тут нужны были океаны человеческой доброты и отзывчивости, а встречались лишь скудные, хотя и драгоценные капли. Фотографии сохранили нам фигуры людей, деловито шагающих по своим делам мимо скрючившегося в канаве ребенка; женщин с хозяйственными сумками, спокойно беседующих о чем-то своем, а неподалеку у дороги валяются трупы; возчиков, восседающих на телегах, из которых торчат руки и ноги...

Сколько их было — безнадежно молящих глаз, протянутых за подаванием рук, разрушенных надежд. Шестилетняя Таня Покидько сорвала на грядке у соседа, Турки Гаврилы, головку чеснока. Турка избил ее так, что она, добравшись до хаты, умерла. Ее отец Степан, бывший красный партизан, взял четырех уже опухших детей и пошел просить помощи у районного начальства. Получив отказ, он оставил детей в кабинете секретаря райисполкома Полонского, сказав: «Лучше вы их съешьте, чем я буду смотреть, как они мучаются». Детей отдали в интернат, где двое из них вскоре погибли. Степан повесился на березе во дворе райисполкома.

Соседка семейства, Федорчук, пожалела маленьких Николая (шесть лет) и Олю (двух лет) и обещала давать им по кружке молока в день. Однако молока дети не получили. Омелий, глава семьи, сказал жене: «У соседей у всех дети давно уже умерли, а мы будем их кормить. Себя надо, пока не поздно, спасти».

Мальчик 7-8 лет украл на базаре печеную рыбу. Толпа остервенело бежит за ним, догоняет, топчет ногами и расходится только тогда, когда детское тельце перестает дергаться.

Селянин Василь Лучко жил на хуторе Лукашенко Полтавской области с женой Оксаной, дочкой 11 лет и двумя сыновьями — шести и четырьмя лет. Жена его, энергичная сельская активистка, ездила за продуктами в Полтаву, Миргород. Однажды сосед Василя зашел к нему и увидел, что его старший сын повешен на дверях:

«— Шо ты сделал, Василь?

— Повесил хлопца.

— А где другой?

— В кладовке лежит, я еще вчера повесил его.

— Зачем ты это сделал?

— Есть нечего. Ксанка как привозит хлеба, все дает детям, детям. А теперь как привезет, она и мне даст»...

Можно бесконечно пересказывать эти истории о людях, потерявших человеческий облик. Как охрана застрелила мать троих детей за то, что женщина воровала по ночам мерзлую свеклу, как ее труп был оставлен для устрашения на улице, рядом с домом. А ее маленькие дети умерли от голода.

Как вдоль железной дороги на коленях стояли крестьяне, крича: «Хлеба, хлеба!», а железнодорожная охрана спускала шторы на окнах, запрещая не только бросить им кусок хлеба, но и просто смотреть на них.

Как на секретаря сельрады села Шиловка Полтавской области напали ночью три людоеда. Секретарь с трудом отбился, а утром в домах этих «людей» нашли головы и руки зарезанных детей, чугунок с человеческим мясом.

Сотни очевидцев рассказывают о страшных событиях того времени. В это трудно поверить и невозможно не верить, ибо человеческая фантазия не способна выдумать такое.

Но и обычные истории про добрых, отзывчивых людей, помогавших другим, когда это было возможно, нельзя читать без слез. Вот агроном рассказывает, как он ехал в скором поезде Шепетовка-Баку. На станции Гребенка в вагон сели две крестьянки с детьми. Маленький хлопчик лет четырех, которого мать держала на коленях, заныл: «Мама, кушать...» Женщина посмотрела на ребенка взглядом, исполненным боли, развязала котомку, достала из нее что-то черное, испеченное как коржик, отломил по маленькому кусочку и дала детям. Пассажиры зашевелились, полезли в сумки и чемоданы, доставая у кого что есть.

— Дывись, мамо, хлиб! — закричала девочка, когда кто-то протянул краюшку черного клейкого хлеба, который выдавали по карточкам. Дети разом кинулись на него, хотели вырвать каждый себе и есть... только есть. Глаза их загорелись, как у голодных зверят. Это продолжалось одно короткое мгновение. Со всех концов вагона пассажиры несли еду, и в следующую минуту дети уже жадно ели, завистливо глядя на то, что им приносили.

Обе матери не выдержали и разрыдались. Следом заплакали и дети, а потом, наверное, и все женщины в вагоне. Мужчины отворачивались, смахивая слезы. Наступила психическая разрядка, что-то прорвалось. То, что люди думали каждый про себя, передалось всем, овладело целым вагоном.

Женщинам в этой истории повезло. Нашелся сердобольный железнодорожник, который купил им билет, хотя у них не было справок

из сельсовета. Но тысячи и тысячи крестьян пешком уходили из родных мест, не смея рассчитывать на железную дорогу. Шли, падали, вставали и опять шли.

Писатель рассказывает. Народ спешит по своим делам: кто на работу, кто в кино, трамваи ходят, а голодные среди народа ползут — дети, дядьки, дивчины, и кажется — это не люди, какие-то больные собаки или кошки паскудные. Какая-то женщина поползла поперек тротуара, ее дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянулась даже, ползет быстро, старается, откуда еще сила. И еще платье отряхивает, запыхалось.

Некоторым удавалось устроиться на работу на шахтах и на стройках; начальство, нуждавшееся в рабочих руках, порой закрывало глаза на социальное происхождение. Однако многие уже были непригодны для тяжелого физического труда. Они просили милостыню, собирали объедки, часами выстаивали у домов. Милиция вылавливали крестьян на вокзалах, на рынках, на улице, грузила на машины и увозила. Куда? В некоторых случаях в совхозы и на другие государственные предприятия, нуждавшиеся в рабочей силе, чаще же всего — просто подальше от города.

Многие приезжали в город, чтобы выменять вещи на продукты. Эти мешочники проникали далеко на север, добирались до Москвы, повторяя в обратном направлении маршруты гражданской войны. На железнодорожных станциях их ловили и все отбирали.

Сергей Фурса рассказывает, как на станции Юзовка милиция обыскивала людей и забирала у них все, что находила. У одного крестьянина отобрали пять фунтов крупы и две буханки хлеба. Он умолял оставить их, объясняя, что дома у него больная жена и дети, просил окружающих за него заступиться. Ничего не помогло. Через полчаса он бросился под поезд.

К инженеру Ломака в Брянскую область приезжала сестра. Он покупал ей крупу и муку, и она отвозила их домой на Украину. Один раз на станции Купянск железнодорожная милиция отобрала все продукты. Картошка, посланная багажом, также была конфискована ГПУ.

Страшные трагедии разыгрывались, когда, вернувшись домой, добытчики не заставали в живых близких. Смерть царила в селе. Братские могилы на несколько десятков человек выкапывались впрок, — никто не сомневался, что через несколько дней их заполнят и понадобятся новые. Как рассказывает Лев Копелев, телеги, собирающие тела скончавшихся, стали обычной приметой деревенского быта. Будто так и должно быть: ни прощания с покойником родных и близких, ни отпевания. Заботливая власть присылает на дом своих уполномоченных, интересуюсь, не помер ли еще хо-

зяин или кто другой из семьи, и если умер, помогает сбросить мертвое тело в большую общую яму.

Что люди ели? Правильнее спросить, чего они не ели. Желуди считались деликатесом; отруби, полова, мороженая свекла, листья сушеные и свежие, древесные опилки — все шло в ход, наполняя человеческие желудки. Кошки, собаки, вороны, дождевые черви и лягушки стали мясным рационом человека.

Весной, когда появилась трава, дизентерия и понос стали даже большей опасностью, чем голод. Но и нормальная человеческая еда грозила искалеченным людям смертью. Один из научных работников Харьковского технологического института, отправленный вместе с группой студентов в село, рассказывает:

«Когда вышли ужинать, со всего села начали сбегаться голодные дети и даже взрослые и просить хлеба или затирки. Студенты, пораженные страшным видом голодных детей, стали давать им куски хлеба и сваренную затирку. Дети и взрослые с жадностью бросились на еду... Через полчаса или час после этого дети, которые после долгого голодания с жадностью наелись хлеба, с криком и плачем стали падать на землю и корчиться от боли. Среди студенток начались истеричные крики... Тогда руководство приказало студентам зайти в помещение школы, а детей отвести в село...»

Пошли в поле полоте буряки. И тут снова несчастье. Колхоз прикрепил к нашей бригаде одного селянина, точить тяпки. Колхозник молча выполнял свое задание до обеда. Во время обеда студенты от щедрого сердца дали ему немало хлеба и вареной каши, не опасаясь беды. Голодный человек хорошо поел, а через какие-нибудь полчаса тут же умер у всех на глазах...»

Люди разучились есть. Еще один свидетель рассказывает, как в большом селе Киевской области выдали весной по килограмму гречки на человека. Люди ели ее, не помолов (да и негде было), а некоторые — прямо сырой. И многие умерли от этого вполне диетического продукта.

Весной для работающих в поле восстанавливается общественное питание. Правда, не везде и в очень ограниченных размерах, так как прошлогодние угрозы по поводу «напрасной траты зерна» всем памяты. Так, например, директор райзо Черноусского района приказал перебрать посевной материал и непригодную картошку продать колхозникам. За эту вольность его сняли.

Положение сельского населения в середине 30-х годов было настолько ужасно, что попавшие в тюрьму считались счастливыми: у них был, хотя и крошечный, но надежный кусок хлеба.

Но главной заботой лета 1933 г. была охрана урожая. Ставилась задача сохранить каждое зернышко. Не от птиц или грызунов. От людей. На полях были сооружены дозорные вышки. Конные разь-

езды притаились в засадах. Сельским жителям не должно было достаться ни одного колоска колхозного хлеба. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом за все, не зря был прозван в народе законом о колосках.

Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка. Специальное распоряжение запрещало жатву раньше времени, и вдова — мать шестерых пухнувших от голода детей, срезавшая у себя на огороде несколько колосков, — получила три с половиной года заключения в трудовой колонии. Здесь она и умерла через две недели. Хищение зафиксировали голова сельрады, председатель колхоза и агроном. Они смололи снопы, взвесили их, затем через несколько дней, когда пшеница созрела, вновь повторили операцию и определили, сколько граммов зерна государство недополучило (или могло недополучить) из-за преступного желания матери накормить своих детей. Труд государственных чиновников, каждый из которых съел в тот день больше хлеба, чем собиралась несчастная мать скормить своим детям, оправдал себя. Они доказали, что преступные действия вдовы лишили государство 100 граммов причитающегося ему зерна.

Охрана урожая стала делом государственной важности. В операции участвовали не только взрослые, но и совсем маленькие дети. Как утверждал Постышев, в то лето 500 тысяч пионеров сторожили поля от своих родителей.

Правда, другие очевидцы рисуют менее патетическую картину.

«Разговаривая друг с другом, усталые колхозники шли с поля. И вдруг, что за явление? На краю деревни они догоняют странное сборище детей, старух и стариков под охраной головы сельрады Зозули Самойло, вооруженного ружьем и пистолетом, верхом на коне. Плетется толпа медленно. Детишки в запачканных, сто раз заплатанных портках и рубашках, все босиком и почти у каждого через плечо котомка, а в ней — вещественные доказательства этих великих преступлений. Важных преступников вышел встречать сам начальник районной милиции Смирнов. "Гони их всех в сарай, а завтра разберемся, кого куда!" А утром несколько детских трупов похоронная бригада увезла на кладбище. Мертвые уже вне закона».

Много усилий тратилось на то, чтобы скрыть происходящее. Конечно, о голоде знала вся страна, но правдивой и полной информации ни у кого не было. Н.Хрущев, занимавший тогда высокий пост в Московском горкоме партии, пишет, что достаточно подробно узнал о масштабах голода лишь через несколько лет. П.Григоренко, отправившийся в деревню спасать отца, только там смог оценить весь ужас происходящего.

ТАСС выпустил специальное опровержение, категорически отменяя все сообщения о голоде, появившиеся за границей. Агенство

клеяило позором черную клевету на прекрасную советскую действительность. Пришлось решительно ограничить поездки иностранных корреспондентов.

Чтобы скрыть от населения чудовищные подробности голода, дела о людоедстве были изъяты из компетенции обычных судов⁶²:

Харьков Сов. секретно
22.5.1933 г. Всем нач.облотделов ОГПУ УСССР и облпрокурорам.
№17 (198) к Копия: Райотделам ОГПУ и райпрокурорам.

Отдел кодификации законов при Наркомюсте СССР письмом своим от ... с.г. за №175-К разъяснил:

Ввиду того, что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, а поэтому все дела обвинения в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ. Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное ст.142 УК, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве.

Это распоряжение примите к неуклонному исполнению.

Зам. Наркома Прокурор республики
ОГПУ УСССР *Карлсон* *Михайлик*

Покров тайны был настолько непроницаем, что даже крупные руководители местного масштаба не были уверены, что в центре представляют себе реальное положение дел. Н.Хрущев вспоминает:

«Микоян рассказал мне, что товарищ Демченко, бывший тогда первым секретарем Киевского обкома партии, однажды приехал к нему в Москву. И вот что Демченко ему сказал: "Анастас Иванович, знает ли товарищ Сталин или хоть кто-нибудь в Политбюро, что делается на Украине? Так если нет, я приведу вам пример, чтобы вы имели об этом хоть какое-нибудь представление. Вот недавно в Киев прибыл поезд, нагруженный трупами людей, умерших с голоду. Это был поезд, подбиравший трупы вдоль железнодорожного полотна от Полтавы до Киева. Мне кажется, что хорошо бы, чтобы кто-нибудь проинформировал товарища Сталина про это положение»⁶³.

Не только секретари обкомов обращали взгляд к Кремлю в это трагическое время. Сотни тысяч людей, ежедневно читавших в газетах о мудром вожде, писали ему в надежде, что он узнает и поможет:

«Я Вас любила и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти», — пишет комсомолка, ученица 8-го класса, дочь красного партизана из села Стовбина Долина Харьковской области.

Девочка рассказывает вождю, что у них в доме уже больше месяца нет ни кусочка хлеба. Мы не знаем, умилялся ли товарищ Сталин, читая это наивное детское письмо, или хмурился. Во всяком случае, кусок не застревал у него в горле. Очевидцы вспоминают, что он охотно участвовал в многочисленных кремлевских пирах, вообще вождь человечества всегда любил покушать и не отказывал себе в этом невинном удовольствии. Правда, как свидетельствуют современники, где-то в начале 30-х годов товарищ Сталин перестал спать по ночам.

В заключение приведу маленькую историю о том, как преломились те далекие годы в нашем времени. У матери моего знакомого, живущего в Австралии, обнаружилось психическое расстройство, а, проще, душевная болезнь. В 30-е годы она работала бухгалтером-экономистом в Полтаве. Сейчас она потеряла память, и ее охватил страх. Бедная женщина боится соседей. Ей кажется, что они следят за ней, когда она ест. Она пугается и одновременно испытывает чувство вины: бедные, у них нет своего дома, им нечего есть. Иногда она печет пироги и нарочно ставит их на окно: пусть соседям будет что красть...

Демоны тех далеких и страшных дней терзают душу этой несчастной женщины. Мне кажется, что сегодняшнее советское общество переживает нечто подобное. Оно лишено памяти, но смутное ощущение вины и страха живет в его историческом подсознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Кукушка воробью пробила темя,
За то, что он кормил ее все время».

Эти слова Шекспира удивительно точно отражают то, что случилось в стране 50 лет назад. Крестьянство, кормившее страну, было поставлено перед жестокой альтернативой абсолютного экономического и социального подчинения или голодной смерти. Эта была вторая жесточайшая гражданская война, в которой погибли миллионы.

Цель работы — получение оценки потерь населения в эти страшные годы. Расчет был проведен передвижкой данных переписи 1926 года с помощью таблиц смертности 1926-1927 гг. к 1939 году. Сравнение результата расчета с данными переписи позволяет оценить размеры потерь. Аналогичные вычисления для сравнительно мирных лет показывают, что сам подход и использованные данные пригодны для оценки повышенной убыли населения.

Расчет показывает, что потери населения составили 9,8 млн человек. Максимальная ошибка плюс минус три миллиона, хотя веро-

ятность такого размера погрешности не велика. Большая часть этих потерь была результатом коллективизации и голода, завершившего преобразование деревни. Ослабленное и униженное сельское население подчинилось и беспрекословно выполняло распоряжения власти. С этого момента поставки зерна государству увеличиваются в 2-3 раза по сравнению с предшествующими коллективизации 1926-1928 гг., при том, что урожай оставались такими же или даже были меньшими.

Но победителям в той страшной войне оказалось не так уж весело. Это была пиррова победа. Продукция зернового хозяйства, которая в 1923-1928 гг. (за 5 лет) почти удвоилась, в течение 25 лет после коллективизации колебалась вокруг одного и того же низкого уровня, при том, что население в стране росло. Животноводство, потерявшее свыше ста миллионов голов скота (лошадей, коров, быков, овец, свиней), так никогда и не оправилось от этого удара. Не приходится сомневаться, что сегодняшний кризис сельского хозяйства в СССР уходит корнями в те далекие годы, в ту «победу», оказавшуюся поражением.

Земля и сельские жители, как смогли, отомстили победителям. Земля перестала давать урожай, а крестьянин перестал с любовью относиться к земледельческому труду. Это была страшная и справедливая месть.

ТАБЛИЦА 1
 Движение населения страны в 1925-1939 годах*

Год	Коэффициенты ‰		Численность в млн чел. на конец года		
	Рождаемость	Смертность	Прирост (убыль)	Население страны	Рабочие и служащие
1925	43,9	24,5	2,9	144,0	8,6
1926	42,5	21,5	3,1	147,0	10,0
1927	43,4	21,0	3,1	150,2	10,7
1928	44,3	23,3	3,1	153,4	11,4
1929	39,8	(22)	2,8	156,2	12,4
1930	39,2	(23)	2,6	158,8	15,4
1931	(37)	(26)	1,8	160,6	20,2
1932	(35)	(40)	-0,8	159,8	24,2
1933	(32)	(50)	-2,8	157,0	23,5
1934	30,1	(23)	1,0	158,0	24,8
1935	31,4	(21)	1,6	159,6	25,9
1936	35,7	(21)	2,4	162,0	27,2
1937	38,7	18,9	3,4	165,4	28,6
1938	37,5	17,5	3,4	168,8	29,9
1939	36,5	17,3	3,4	172,2	31,6

* Сведения по данным ЦСУ и расчетам отдельных авторов; () — по оценке.

ТАБЛИЦА 2
Соотношение рождений и абортон на Украине в 1934 г.

	Город	Село	Всего
Численность жителей (тыс.)	7160	21840	29000
Численность женщин 15-20 лет (тыс.)	2000	6400	8400
Рождений (тыс.)	100	608	708
Абортон со сдвигом во времени к гипотетическому рождению Рождений и сдвинутых абортон (тыс.)	300	480	780
	400	1088	1488
Рождений на 1000 жителей	14	27,8	24,4
Абортон на 1000 жителей	42	22,0	26,9
Рождений и абортон на 1000 жителей	56	49,8	51,3
Рождений на 1000 женщин 15-50 лет	50	95	84
Абортон на 1000 женщин 15-50 лет	150	75	94
Рождений и абортон на 1000* женщин 15-50 лет	200	170	177

* В 1926 г. было на 1000 женщин 15-50 лет 162,1 рождений и 18,9 абортон; в 1929 г. соответственно — 132,6 и 42,7.

ТАБЛИЦА 3

Коэффициенты рождаемости населения СССР в 1924-1939 гг.
в современных границах (на тыс. чел.)

Год	1**	2	3	4**	5	6	7	8**
1924	42,9*	43,1	42,7	43,1	44,5	—	39,8	42,0
1925	44,2*	45,0	44,4	44,7	43,0	—	41,2	44,0
1926	44,0	44,0	43,1	43,6	43,8	43,8	40,1	44,0
1927	43,4	43,7	42,8	45,0	42,3	42,9	38,1	43,4
1928	44,3	44,3	42,5	43,7	45,3	41,7	36,8	44,3
1929	39,8	41,8	38,7	41,4	39,5	40,2	35,8	39,8
1930	39,2	41,2	37,4	(39,2)	43,8	38,9	36,0	39,2
1931	—	(32,6)	32,9	(36,9)	34,3	32,6	34,6	37,0
1932	—	32,6	28,8	(34,6)	36,5	32,7	33,7	35,0
1933	27,6 ?	(32,6)	25,9	(32,4)	30,1	26,6	28,7	32,0
1934	26,5 ?	(32,6)	27,0	(30,1)	30,1	27,8	28,5	30,0
1935	30,4	31,6	29,0	30,1	31,4	31,4	28,0	31,4
1936	32,9	34,3	30,8	33,6	35,7	35,7	28,4	35,7
1937	38,7	38,7	38,8	39,6	38,7	39,4	29,7	38,7
1938	37,5	37,5	37,7	38,3	38,7	37,2	30,4	37,5
1939	36,5	36,5	36,6	—	37,3	36,4	—	36,5

* Европейская часть СССР; ** — границы СССР 1939 года; ? — сомнительные данные; () — рассчитанные авторами коэффициенты.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ 3

1 — СССР в цифрах. М., 1958. С.432; Народное хозяйство СССР в 1956 году. М., 1957. С.269; Естественное движение населения Союза ССР: 1923-1925 гг. М., 1928; СССР за 15 лет. М., 1932; Социалистическое строительство СССР. М., 1935; Население СССР: 1973. М., 1975; СССР в цифрах. М., 1961-1969; Народонаселение стран мира. М., 1978. Коэффициенты за 1933-1934 гг. не публиковались, но внесены во внутренний справочник ЦСУ для служебного пользования. Данные за 1931-1932 гг. отсутствуют.

2 — Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С.8-49; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.23-33.

3 — Biraben J.N. Naissances et repartition par age dans empire russe et en Union Soviétique // Population. 1976. N2; Biraben J.N. Essai sur Revolution demographique de l'URSS. // Population. 1958. N2. P.29-62.

4 — Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946.

5 — Рассчитано по данным Сифман (Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С.43) о плодovitости. Для сопоставления рождаемости и плодovitости в качестве нормы принималось среднее значение за 1926-1930 гг.

6 — Рассчитано по численности поколений в переписи 1959 г., с учетом дожития. Эти коэффициенты оценивают как бы не число родившихся, а число выживших, то есть повышенная убыль детей в 1932-1935 гг. относится к неродившимся.

7 — Данные для Белорусской ССР. Из работы: Раков А.А., Маськов Л.И. Из демографической истории Белоруссии. // Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. №IV. Минск, 1973.

8 — Принимаются нами в расчет как наиболее вероятные.

ТАБЛИЦА 4

Изменение численности населения в 1927-1938 гг.
(в тыс. чел.) (данные Ж.Бирабена)

Год рождения	Возраст в янв. 1939	Численность населения				Повышенная убыль		
		перепись 17/I-39		расчет на 17/XII-38*		М	Ж	Оба пола
		М	Ж	М	Ж			
1931-38	0-7	15716	15586	17408	17252	1692	1666	3358
1927-30	8-11	8515	8505	8890	8886	375	381	756
1924-26	12-14	6173	6213	6128	6120	-45	-93	-138
1919-23	15-19	7581	7841	8220	8128	639	287	926
1909-18	20-29	14901	15647	15597	15816	696	169	865
1899-08	30-39	12240	13265	12512	13448	272	183	455
1889-98	40-49	6931	8624	7687	9212	756	588	1344
1879-88	50-59	4875	6242	5457	6601	582	359	941
ст. 1878	ст. 60	4668	7078	5569	7451	901	373	1274
всего		81600	89000	87468	92914	5868	3914	9782
всего	ст. 12	57369	64909	61170	66776	3801	1867	5668

Расчет по таблицам смертности Новосельского и Паевского.

* — при условии нормальной смертности.

ТАБЛИЦА 5

Изменение численности населения в 1927-1938 гг.
(в тыс. чел.) (Расчет Лоримера)

Год рождения	Возраст в янв. 1939	Численность населения				Повышенная убыль		
		перепись 17/I-39		расчет на 17/XII-38*		М	Ж	Оба пола
		М	Ж	М	Ж			
1931-38	0-7	15937	15652					
1927-30	8-11	8237	8263					
1924-26	12-14	6044	6150	6290	6239	246	89	335
1919-23	15-19	8110	8320	8435	8439	325	119	444
1909-18	20-29	15101	15719	15743	15955	642	236	878
1899-08	30-39	11870	13612	12175	13724	305	112	417
1889-98	40-49	6734	8592	7805	8986	1071	394	1465
1879-88	50-59	4925	6007	5644	6270	719	263	982
ст. 1878	60							
	и ст.	4707	6487	4943	6575	236	88	324
всего		81665	88802					
всего	12							
	и ст.	57491	64887	61035	66188	3544	1301	4845

* — при условии нормальной смертности.

ТАБЛИЦА 6

Изменение численности населения в 1927-1938 гг.
(в границах 1926 г. в млн чел.)

	Мужское население	Женское население	Оба пола
Численность 1 января 1927 г.	71,0	76,0	147,0
Численность 31 декабря 1938 г.	81,6	89,0	170,6
Родилось	36,6	35,0	71,6
Убыло	26,0	22,0	48,0
«Естественная убыль»	20,1	18,1	38,2
«Повышенная убыль»	5,9	3,9	9,8
Повышенная убыль поколения рождения до 1927 г.	3,8	1,9	5,7

Возможная погрешность расчета за счет:

- Неточности таблиц смертности в 1926-27 гг., используемых в качестве оценки нормального уровня смертности в стране в 1927-38 гг. + 0,9; -0,8;
- Ошибки в оценке рождаемости -1,5;
- Погрешности учета населения переписями 1926 и 1939 гг. + 1,5;
- Ошибки в возрастной группировке + 0,05; -0,05;
- Погрешности в связи со смещением дат учета + 0,25; -0,25;
- Ошибки в оценке эмиграции -0,3;
- Погрешность вычислений + 0,1; -0,1;
- Возможное преувеличение размеров потерь -3,0;
- Возможное преуменьшение размеров потерь + 3,0.

ТАБЛИЦА 7
 Распределение потерь по территории СССР
 в 1926-38 гг. (тыс. чел.)

Возраст:	0-12	13-59	ст. 60	Всего
Территория СССР				
М	2067	2900	901	5868
Ж	2047	1494	373	3914
всего	4114	4394	1274	9782
* Украина				
М	773	1466	371	2610
Ж	685	895	182	1762
всего	1458	2361	553	4372
** Казахстан, Средняя Азия, РСФСР				
М	220	320	110	650
Ж	280	280	90	650
всего	500	600	200	1300
Северный Кавказ, Кубань, Ставрополь- ская обл., Ростовская обл.				
М	180	360	90	630
Ж	180	220	45	445
всего	360	580	135	1075
*** РСФСР (без Северного Кавказа), Белоруссия, Закавказье, Казахстан, Средняя Азия				
М	834	754	330	1978
Ж	902	99	56	1057
всего	1736	853	386	3035

* — смотри таблицу 8;

** — только казахское население;

*** — без казахского населения.

ТАБЛИЦА 8

Движение населения Украины в 1927-38 гг.
и размеры потерь (в тыс. чел.)

	М	Ж	Оба пола
Численность 17.12.1926	14184	15005	29189*
Рождено в 1927-38 гг.	6159	5869	12028
Убыло	5939	4931	10870
Умерли «естественной смертью»	3329	3169	6498
Потери	2610	1762	4372
В т.ч. потери родившихся до 1927 г.	1837	1077	2914
После 1927 г.	773	685	1458
Сальдо миграции	350	250	600
Численность 1.1.1939	14754	16193	30947

Погрешность таблиц смертности 1926-1927 гг. +400; -400

Ошибки в оценке рождаемости +500; -200;

Погрешность учета населения переписями +200; -400

Ошибки возрастной группировки +100; -100

Ошибка в оценке миграции +200; -600

Погрешность вычислений +100; -100

Возможное преувеличение размера потерь 2083

Возможное преуменьшение размера потерь 1500

* С поправкой Ю.Корчак-Челурковского на недоучет поколений 0-2 года на 11,9%.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История селянства УРСР. Т.2 Київ, 1967. С.124.
- ² Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С.71-72.
- ³ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Т.2. М., 1979. С.343.
- ⁴ Данилов В.П. Указ. соч. С.314.
- ⁵ Сидоров В.А. Ликвидация в СССР кулачества как класса. // Вопросы истории, М., 1967. С.28; В.П. Данилов и Н.В. Тепцова (Коллективизация, как это было. // Правда. 1988. 26 авг., 16 сент.) говорят о 1-1,1 млн раскулаченных семей.
- ⁶ Вопросы аграрной истории Вологды. Вологда, 1968. С.53; Ивницкий Н.А. Указ. соч. С.298-299, 346.
- ⁷ Кульчицкий С.В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926-1937). Киев, 1979. С.120.
- ⁸ См. подробное: Maksudov. Ukraine's demographic losses 1927-1938. // Famine in Ukraine 1932-1933./ Ed. R.Serbin and B.Krawchenko. Edmonton, 1986.
- ⁹ Потери и фуражное потребление зерна приводим по Jasny N. Socialized agriculture of the USSR. Stanford, 1949. P.752-760, 786-797.
- ¹⁰ Трифионов М. Очерки по истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С.263; Данилов В.П., Тепцова Н.В. Указ. соч.
- ¹¹ Не просто не было потерь, а было, напротив, улучшение и процветание. Например, Г.П. Подъячих рассказывает о достижениях, зафиксированных переписью 1939 года: «Утвердился социалистический способ производства в городе и деревне, навсегда исчезла безработица, значительно поднялось благосостояние трудящихся» (Подъячих Г.П. Население СССР. М., 1961. С.5). Или другой пример: «К 1939 г. численность населения в тех же границах возросла до 170,6 млн человек (на 16%). Этот рост объясняется почти повсеместным и в целом устойчивым снижением смертности за счет улучшения работы органов здравоохранения» (Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1978. С.11) и т.д.
- ¹² Курганов И. Три цифры. // Новое русское слово. 1964. 12 апр. Затем неоднократно перепечатывалась в этой же газете и в журнале «Посев». Автор утверждает, что прирост населения России в начале XX века — 1,7% в год — должен рассматриваться в качестве нормы для периода 1918-53 гг. В результате он обнаруживает нехватку в 110,6 млн человек, в том числе 55 млн для довоенного периода. При этом, конечно, никаких объяснений, почему во всех развитых странах прирост в тот период быстро снижался, а в СССР должен был оставаться постоянным, автор не дает.
- ¹³ См. подробнее: Максудов С. Потери населения СССР в 1931-38 гг. // СССР: Внутренние противоречия. Нью-Йорк, 1982, №5. С.104-191 и Версов Д. Историческая демография СССР. [США]. 1987. С.109-110.
- ¹⁴ Dalrymple D. The Soviet famine of 1932-34. // Soviet studies. 1964. Vol.XV. P.250-284.

¹⁵ Максудов, Солодов. Начало тридцать седьмого: перепись. // Минувшее. Вып.1. 1986. С.255-274.

¹⁶ Мэйс Дж. Украинская национальная проблема и ее решение Сталиным. // СССР: Внутренние противоречия. 1983. №6. С.73.

¹⁷ Tawdul A.J. Of ex-soviet official charges: «Russia warred on own people». // New York American. 1935. 19 August. P.2.

¹⁸ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983. С.43.

¹⁹ Famine in the Soviet Ukraine 1932-1933: A Memorial Exhibition. // Widener Library. Harvard University. Cambridge, 1986.

²⁰ Rosefielde S. The first «Great leap forward» reconsidered: lessons of Solzhenitsyn's «Gulag Archipelago». // Slavic Review. 1980. Vol.39. N4. (December). P.559-87; Reply. // Ibid. P.612-15; An assessment of the sources and uses of Gulag forced labour 1929-56. // Soviet Studies. 1981. Vol.23. (January). P.51-87; Reply to Nove. // Slavic Review. 1982. Vol.41. N1. (Winter). P.766-71; Davies R.W. and Wheatcroft S.G. Steven Rosefielde's kliukva. // Slavic Review. 1980. Vol.39. N4. (December). P.593-602; Wheatcroft S. On assessing the size of forced concentration labour in the Soviet Union: 1929-56: // Soviet Studies. 1981. Vol.33. (April). P.265-95; Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics. // Ibid. 1983. Vol.35. (April). P.223-37; Birman I. Limits of economic measurements. // Slavic Review. 1980. Vol.39. N4. (October). P.603-607; Gregory P. Valueless Goods and social bads in measurement of Soviet output series: 1928-1932. // Ibid. P.608-11; Hanter H. The economic costs of the Gulag Archipelago. // Ibid. P.589-92; Nove A. Letter to the editor. // Slavic Review. 1981. Vol.40. N4 (Winter). P.691-93 and Ibid. Vol.41. N4. (Winter). P.771-73.

Thurston R.W. Fear and belief in the USSR's «Great terror»: response to arrest, 1935-39; Robert Conquest. // Slavic Review. 1986. Vol.45. N2. (Summer). P.213-244.

²¹ Conquest Robert. The Harvest of Sorrow. Oxford. 1986.

Другой вариант расчета Р.Конквеста заключается в том, что он сравнивает число сельских семей в 1929 г. (25,9 млн) с числом семей в 1938 г. (19,9 млн), задается численностью одной семьи в 4,2 чел. и получает снижение в 25,1 млн человек, живущих в селе, вместо увеличения на 10,3 млн. Итого убыль села составила 36 млн человек, из которых 24,3 млн переехали в город и 11,7 млн составляют потери. Известно, однако, что сельское население составило в 1937 г. не 83,6 млн, как почему-то думает автор, а 117,1 млн, что полностью исключает предложенную оценку потерь.

До некоторой степени автор оказался в плену больших цифр, уже опубликованных им в книге «Большой террор», так что количественные оценки, к сожалению, слабая сторона этой превосходной работы.

²² Feshbach. The Soviet Union: population trends and dilemmas. // Population Bulletin. 1983. Vol.37. N.3. P.7.

²³ Dyadkin I.G. Unnatural death in USSR: 1928-1954: New Brunswick, 1983.

От эмигрантской литературы такого рода книга Дядькина выгодно

отличается тем, что его действительно интересует научный результат, а не пропагандистский эффект.

²⁴ Урланис Б.Ц. Динамика населения СССР за 50 лет. // *Население и народное благосостояние*. М., 1968. С.23; *Население СССР: Справочник*. М., 1974, С.9.

²⁵ Прокопович С.Н. *Народное хозяйство СССР*. Т.1. Нью-Йорк, 1952. С.86.

²⁶ Марченко В. Тренд численности советского населения 1926-1939. // *Программа изучения СССР: Труды*. Нью-Йорк, 1953. №35. С.13, 22.

²⁷ Lorimer F. *The population of the Soviet Union*. // Geneva, 1946. P.134-35.

²⁸ Зайцев А.А. Динамика населения СССР на 1952 год. Мюнхен, 1953. С.70.

²⁹ Урланис Б.Ц. *Проблемы динамики населения СССР*. М., 1974. С.319.

³⁰ Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968. В этой работе автор, правда, вводит в 1941 году не слишком понятные поправки на убыль в результате миграции (90 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин — 4% от численности поколения). Возможно, что кроме собственно миграции здесь имеются в виду потери от репрессий и коллективизации.

³¹ Wheatcroft S.G. *Population dynamic and factors affecting it in the Soviet Union in the 1920s and 1930s: Part 2*. // *CREES discussion papers: SIPS*. Birmingham. 1976. N2; 1980. N20; 1981. N21.

Famine and factors affecting mortality in the USSR: the demographic crises of 1914-1922 and 1930-1933. Boston, 1981. — (Reported in // *Vevey Switzerland*. 1981. July).

Wheatcroft S.G. *New demographic evidence on excess collectivization. Deaths: yet another kliukva from Steven Rosefielde*. // *Slavic Review*. 1985. Vol.44. N3. P.505-507.

³² Rosefielde S. *Mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of forced industrialisation, 1929-1949*. // *Soviet Studies*. 1983. Vol.35. (July). P.385-409.

Rosefielde S. *Excess collectivization deaths, 1929-1933: new demographic evidence*. // *Slavic Review*. 1984. Vol.43. N1. (Spring). P.83-88.

³³ Wheatcroft S.G. *A note on Steven Rosefielde's calculation of excess mortality*. // *Soviet Studies*. 1984. P.277-81; *Op. cit.: New demographic... 1985; Ukrainian Famine. // Problems of communism*. 1985. March/April. P.132-134.

Rosefielde S. *New demographic evidence on collectivization deaths: a rejoinder to Stephen Wheatcroft*. // *Slavic Review*. 1985. Vol.44. N3. P.508-516.

Mace J. *Correspondence*. // *Problems of communism*. 1985. March/April. P.134-138.

³⁴ Maksudov. *Correspondence*. // *Soviet Studies*. 1984. N4. P.622-23; Максудов С. *Дискуссии на Западе о потерях советского населения в эпоху коллективизации*. // *Минувшее*. Вып.4. 1987. С.369-393; Данилов В.П. *Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40 гг. в СССР*. // *Вопросы истории*. 1987. №3. С.116-121.

³⁵ Anderson B.A., Silver B.D. Demographic analysis and population catastrophes in the USSR. // *Slavic Review*. 1985. Vol.44. N3. P.517-53.

³⁶ Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. М., 1970. С.301-302.

³⁷ Там же.

³⁸ Новосельский С.А., Паевский В.В. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения. // Труды Демографического института. Т.1. Л., 1934. С.7-37; *Смертность и продолжительность жизни населения СССР: 1926-1927 гг.: Таблицы смертности*. М., Л., 1930; Корчак-Чепурковский Ю.А. Указ. соч. и другие работы; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Хоменко. А.П. Семья и воспроизводство населения. М., 1980; Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // *Брачность, рождаемость, смертность населения в России и СССР*. М., 1977; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

³⁹ Biraben J.-N. Naissances et repartition par age à l'empire Russe et en Union Soviétique. // *Population*. 1976. Vol.3. (Mars-Avril). P.441-78.

⁴⁰ Lorimer F. Указ. соч.

⁴¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. ТТ.1-56. М., 1928-32.

⁴² Уклонялись от переписи раскольники и другие принципиальные противники учета, в мусульманских районах прятали вторых, третьих и т.д. жен. Следует отметить, что никто из исследователей, как в СССР, так и за рубежом, не делал определенных указаний относительно неполноты общей оценки численности населения переписью и не пытался внести исправления.

⁴³ Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. Вып.1. М., 1929. С.37.

⁴⁴ Гозулов А.И., Григорьянц М.С. Народонаселение СССР. М., 1969. С.62.

⁴⁵ Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. М., 1970. С.302.

⁴⁶ Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С.444.

⁴⁷ Lorimer F. Указ. соч. С.231-236.

⁴⁸ В 1970 г. в течение 10 дней после переписи проводился сплошной контрольный обход, при котором проверялась правильность записей и уточнялись сведения о временно отсутствующих или временно проживающих. Во время контрольного обхода было зафиксировано дополнительно 207753 человека и при проверке контрольных бланков — 789 тыс. человек, а всего — 1074 тыс. человек, что составляет 0,51% общей численности наличного населения страны (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С.7).

В 1970 г. контрольный обход был выборочный и охватил 50% помещений. При этом были выявлены 264 тыс. лиц, пропущенных счетчиками. При проверке контрольных бланков было также обнаружено дополнительно

348 тыс. не переписанных лиц. Таким образом, проверка выявила 612 тыс. человек, 0,25% численности населения или 0,5% от числа охваченных проверкой (Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т.1. М., 1972. С.4-5).

⁴⁹ См. Максудов, Солодов. Указ. соч.

Цифра, появившаяся в справочниках, — 163,77 млн на 1 января 1937 г.; вероятно, она исчислена, исходя из результатов переписи 1939 г. По мнению Ф.Д. Лифшица, перепись 1937 г. была очень точной (ошибка 0,33%). // Демографические тетради. Вып.8. Киев, 1973. С.329.

⁵⁰ Социалистическое строительство в СССР: 1936 год. М., 1936. С.539; Население СССР: 1973. М., 1975. С.7.

⁵¹ Воблый В.К., Пустоход В.И. Переписи населения. М., 1940.

⁵² В начале изучения вопроса в середине 70-х годов мне представлялось, что искажение переписи 1939 г. достигает нескольких миллионов, что и объясняло сравнительно неполные результаты, небольшую величину потерь от репрессий. (Maksudov. Pertes subies par la populations de l'URSS. // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1977. Vol.XVIII (3). (Juil./Sept.) P.223-265. Сегодня похожие соображения высказывает демограф М.Тольц: Сколько же нас тогда было. // Огонек. 1987. №51. (Декабрь).

⁵³ Плановое хозяйство. 1939.№6. С.5-15.

⁵⁴ Lorimer F. Указ. соч. С.143.

⁵⁵ Biraben J.-N. Указ. соч.

⁵⁶ Смертность и продолжительность жизни населения СССР: 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.;Л., 1930.

⁵⁷ Максудов С. Потери населения СССР в 1931-1938... С.163-167.

⁵⁸ Птуха М.В. Указ. соч. С.446.

⁵⁹ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. С.104-105.

⁶⁰ Птуха М.В. Указ. соч.

⁶¹ Факты, приведенные ниже, взяты из воспоминаний людей, переживших те страшные годы. Часть этих воспоминаний опубликована, часть хранится в архивах зарубежных украинских организаций.

⁶² Украинский сборник. 1955.№2. С.97.

⁶³ Воспоминания Н.С. Хрущева. Бостон, 1970. С.73-74 (англ.).

И.Г. Дядькин

Послесловие к статье С.Максудова

Широкого читателя, понятно, интересует не столько математическая «кухня» расследования демографических тайн, сколько две вещи: «окончательные» цифры безвременно погибших в 1918-53 гг. людей и степень доверия к методам их исчисления. Поэтому я сначала без обиняков назову две демографические оценки этих цифр, сделанные в 70-80-е годы независимо и по разным методикам С.Максудовым (А.П. Бабенышевым) и мною (эти оценки до сих пор известны только читателям Сам- и Тамиздатов).

Еще одно предварение — оба автора под погибшими понимают, во-первых, умерших из ЧИСЛА ЖИВШИХ (т.е. исключают потерю населения от вынужденного или естественного снижения рождаемости), во-вторых, умерших ИЗБЫТОЧНО над так или иначе обоснованным уровнем естественной смертности.

Оценка погибших по С.Максудову (в млн человек)*:

1918-26 гг. — от 10 до 14, более вероятно 10,3
1927-38 гг. — от 7 до 13, более вероятно 9,8
1939-49 гг. — от 21 до 29, более вероятно 26,5
Всего — от 38 до 56, более вероятно 47.

Оценка погибших по И.Дядькину (в млн человек)**:

1918-23 гг. — 9 (точность не оценена)
1927-36 гг. — от 13 до 15
1937-40 гг. — от 3 до 3,4
1941-49 гг. — от 31 до 34
1950-54 гг. — от 0,3 до 0,6
Всего — от 56 до 62.

Теперь о степени доверия к этим оценкам.

С работами Бабенышева и с ним самим я познакомился только в этом (1989) году. Оба мы в 60-70-е годы начинали непрофессионалами. Однако в отличие от «казенных» профессионалов, предававших до 1987 г. научную добросовестность в угоду идеологии, вели исследования как подобает в таких вещах: точно описывали происхо-

* Максудов С. Потери населения СССР. [Бенсон], 1989. 298 с.

** Дядькин И. Демографическая статистика и неестественная смертность в СССР 1918-56 гг. // Реферendum: Журнал независимых мнений. / Ред. Л.Тимофеев. [М.], 1989. №29/30. 18 марта - 15 апреля. С.15-17.

ждение исходных данных, явно указывали методику расчетов, строго оговаривали допущения и их возможное влияние на «прочность» результатов и т.п. Такие расчеты открыты для нормальной критики и, при желании, официальные специалисты могли бы противопоставить этим оценкам недоступные нам архивные материалы.

Я остался непрофессионалом, а Бабенышев стал за это время профессионалом: его оценки опираются на знание почти всей советской и западной литературы по этому вопросу, мой, как я и оговаривал, — только на скудные официальные советские публикации после 1956 г. Во время встречи он крепко и дельно критиковал мою методику, за что я благодарен ему. Здесь неуместно подробно объяснять, почему я не согласился с некоторыми его замечаниями и не пересмотрю свои оценки до тех пор, пока не будет уточнено по архивам движение населения страны в сталинские годы. Кратко же суть в том, что моя методика независима от других и еще обладает «запасом прочности» к возможному завышению численности населения в 30-е годы официальными демографами — оно не сильно исказит оценку общего числа жертв, но может значительно перераспределить ее по соседним периодам. Об этом, в частности, свидетельствует факт совпадения ВЕРХНЕЙ итоговой оценки Максудова (56 млн) с моей НИЖНЕЙ оценкой той же величины при различиях во временных интервалах оценок.

Пока же с удовлетворением признаю: оценки С. Максудова более обоснованы, и не случайно первая появившаяся оценка штатного историка В.В. Цаплина числа жертв 1927-38 гг. совпала с более осторожной, чем моя, оценкой Максудова (жаль, что Цаплин сам не сослался на своего предшественника).

По-видимому, на настоящем этапе изучения проблемы можно с доверием отнестись к следующим НИЖНИМ оценкам трагических жертв террора и военных побед любой ценой:

В годы Гражданской войны и до массовых репрессий погибло
не менее 9 млн человек,

в годы коллективизации и большого террора —
не менее 10 млн человек,

в годы Отечественной войны и продолжавшихся репрессий —
не менее 25 млн человек.

Дядькин Иосиф Гецевич (р. 1928) — физик, кандидат физико-математических наук; в 1980 г. осужден по статье 190¹ УК РСФСР за распространение в Самиздате работы «Статисты», содержащей анализ потерь населения в СССР в период коллективизации и массовых репрессий. Освобожден в 1983 г.; живет в г.Калинине. (Ред.)

60 ЛЕТ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ ГЛАЗАМИ КРЕСТЬЯН

Публикация Е. Н. Разумовской

В течение почти 20 лет (1971-1989) я вместе со студентами музыкального училища при Ленинградской Консерватории собирала фольклорный материал на территории русско-белорусского пограничья: южные районы Псковской области, западные — Смоленской и Калининской, северо-восточные — Витебской. Публикуемые тексты — это выдержки из экспедиционных дневников, писем, фрагменты расшифрованных магнитофонных записей, хранящихся в фольклорном архиве училища.

Поэтический текст в народном сознании не отделяется от бытовой речи и тех конкретных обстоятельств, которые вызвали его к жизни. Речь наших информантов пересыпана пословицами, присловьями, поговорками, анекдотами, быличками, песни также исполняются «к слову» — всё это обычная ситуация, знакомая каждому собирателю фольклора, а отнюдь не искусственная компоновка материала. Контекстом оказывается — во всей ее неповторимости — биография исполнителя, в свою очередь встроена в исторический процесс. Многие тексты перекликаются друг с другом, сходны и темами и образами. В этом проявляется и традиционность коллективного сознания крестьян и «заклценность» их на болезненных мотивах общей судьбы: раскулачивание, репрессии, война, голод, неоплачиваемый труд, несправие, пьянство, духовное, культурное и нравственное оскудение.

С течением времени, анализируя собранный материал, я поняла, что он может быть историческим документом, иллюстрирующим государственную политику в деревне, что эти свидетельские показания могут пригодиться для будущего суда истории. Особо важным представляется материал, собранный в Смоленской области, так как для изучения этой местности существует параллельный документальный источник, пока уникальный своей открытостью для исследователя: Смоленский областной партархив, вывезенный в годы войны на Запад и ныне находящийся в Колумбийском университете (США)*.

Большинство наших собеседников — ровесники века, и многие из них уже ушли из жизни. В общении с ними у нас постоянно возникало и чувство стыда за старшее поколение нашей интеллигенции, допустившей раскрестьянивание, и ощущение собственной вины, обостренное пониманием полной беспомощности, невозможности своими руками что-либо изменить в трагической судьбе сегодняшней деревни. Мы были лишь равнодушными наблюдателями болезни, а, может быть, и агонии.

* Первая большая публикация на русском языке: Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Кн. I. 1929: Кулаки и партейцы. Публикация и комментарии С. Максудова. Анн Арбор, 1987. Ср. также: Огонек. 1989. №26. С.4-7.

Данная публикация сохраняет — особенно в песенных текстах и в расшифрованных фонозаписях — некоторые черты местного диалекта. Сельскохозяйственные и обрядовые термины, а также другие диалектизмы, не проясненные контекстом, толкуются в примечаниях (их интонационное выделение в тексте передается курсивом). По техническим причинам неслоговое «у» передается здесь как «у».

После каждого текста в скобках дан ключ к архивному шифру: заглавными буквами обозначается место записи, цифрами — год записи (ВВ — Верхнедвинский р-н Витебской обл.; ВС — Велижский р-н Смоленской обл.; ГВ — Городокский р-н Витебской обл.; КП — Куньинский р-н Псковской обл.; ТК — Торопецкий р-н Калининской обл.; УП — Усвяцкий р-н Псковской обл.).

Семенова Арина Федотовна, 1902 г.р., д.Перелазы

«Вы за песнями пришли? Теперь на этом свет стоит: хто коси, а хто песни пиши. Мне не песенки петь, а только горяшко терпеть: прожито — порублено. Первое моё горе — как родителей раскулачили. Я тады уж замуж зайшла, так нас не тронули, потому как мой Василий в 17-ом году как раз в Питере миколаевским солдатом служил и с колокольни в жандармов стрелял. Как батьку забрали да мамку выселили, так я, как пташечки прилетят, всё *голбсила*. Выйдешь у поле и начинаешь:

А ше-ра ку-ку-ше-чка!

А ко-ли ты по-дья-те... [ла]к мо-ей го-ло-ву-шке

дню-же бли-зё-ше-нько?

А ти не мо-я всё-то жа... лкы-я ро-дн-те-лка под-ли-те-ля

с чу-же-да-л(н)-ней сто-ро-ну-шки?

Не, не могу... Как возьмешься голбсить, всё горе соберётся. Зря расстроишься... А у поле голбсишь — поле морем наливаешь (слезам своим)¹.

Второе горяшко — задарма робили всю жизнь. Трудодней робили мног, а получали ничох. И всю жизнь засуха на столе была — хлеба хлеборобу не хватало. Теперь стало получше: и зажились мы с Васькой с *мозолька*, и пенсию по 12 рублей получаем. Сыто стали жить, но денег всё равно не хватает. Эхма! кабы денег тьма...

Третье наше горе — из трёх затьёв двое никудышных: пьют и жёнок бьют. А слова не скажи, не заступись — matka будет виноватая и дочкам зря попадёт. Тольки и остаётся, в поле гонявши², жизнь свою обидную песнями облегчать. В поле гонявши и песни не петь? Тольки и петь у поле!

Я пою-пою припевки,
но не очень хорошо.

Люди думают — с веселья,
а у мене горяшко большо.
Я от горя боком, боком,
ну, а горе всё за мной.
Я от горяшка в реку —
горе стоит на берегу.

Особенно много играем у поле на Ягорья, как скот гоним у первый раз. Ягорий — праздник у числе, 6 мая. Это старинушка старопрежня, мы и теперь яго соблюдаем. Пастухи утром ранешенько ходят по домам, поздравляют, красные яйца собирают. Яички дорят пастухам, чтоб коровы не бодались — яны ж особенно у первый день носятся по полю одуревши. За подарки пастухи хозяевам песни играют:

$\text{♩} = 60$ 17а6,

1. Как и - деть же Я - го - рли со ци - сто - го по - ля.
О - лё - лё - лё - лё, о - лё - лё - лё !

2. О - вмо - ци - вси - ся, о - бро - си - вси - ся.
О - лё - лё - лё - лё, о - лё - лё - лё !

А цей его двор? Ён далёко знакомён*.
Столбы тóценные, позолóценные,
высокий тын, широкая вулица.

Потом выгоняешь свою коровку на двор, обносишь ее иконкой, хлебом с солью и гонишь на поле свячёной вербой. На поле вся деревня собравши. Делаем на костре яичницу и обходим всё стадо со сковородкой, хлебом — солью, иконой и крашеными яйцами. Обносим коров 3 раза под песню:

А святой же Ягорий, где ты был-пробува?*

А я был-пробува, в цистом поле ноцевал.
В цистом поле ноцевал, коровушек выпасал —
на зялёную траву, на ключёвую ваду,
чтобы гладки были, чтобы ясны были,
чтоб побрыкивали да й позыкивали.

* После каждой строки — припев (см. нотный текст).

У этой песни такой же голос, что и у первой. Видишь: есть Ягорий, Юрий, Ягорка, Игорь — разные имена, а всё одно. Так и песни разные бывают — а всё про одно и одним голосом.

Обнёси стадо, мы стелим скатерть по траве, ставим горилку, закуски и пируем. Домой идем, плясавши — *росу толчем* (чтоб трава хорошо росла). В старину бабы на Ягорья специально надевали длинные саяны с красным поясом и мочили юбки по ягорьевской росы — *тягались по росы*, чтобы детей было поболе. Тую свячёную вербу, что скот гнали, мы немног в землю потёрнем (чтоб рожь хорошо росла), а немног с собой унесём и за иконку спрячем (чтобы скот домой возвращался). Видишь, в старину было всё продумано, одно к одному. А после колхозов всё наше выводить стали. Всё в землю закопали: как мы гуляли, как мы танцевали, как мы пели. Правительству наши песни не нужны.

А мы всё же что й то помним! И на свадьбах, и на святках веселимся по старинушке. Каждый год на *Коляду* «цыгане» ходят: надеются, намажутся, чтоб не узнать, бабы мужукам, а мужуки бабам. Ходят с картам, гадают, угощения и подарков требуют. Один беременной бабой нарядился — подушку к животу привязал и платком укрылся — ни за что не признать! Молодые старых песен не играют — не умеют, а которые бабы постарше, те играют:

$\text{♩} = 104$ 17а 17

При-е-ха-ла Ко-ли-да с По- ло- цку, с По- ло- цку
 на се- ре-н(н)-ком ко- ни-ку, ко- ни-ку
 Как и- деть Ко-ли-да да к Ва-сп-лю под во-кно. Ко- ли- да мо- ло- да.
 Ве- зеть Ко-ли-да воз пи-ро-гов, воз пи-ро-гов,
 ре-ше-то бли-нов,ре-ше-то бли-нов. Ко- ли- да мо- ло- да.
 Ва-сп-ли-ха до-бра ру-ба-шо-нку да-ла. Ко- ли-да мо- ло-да.

«Коляда́» — эта песня-собируха, под неё подарки собирают. А Василиха — это я, Васькина жена. Мне мой Васька соснился в ве-

щем сне. На Васильевску Коляду³ заночевала я у подружки, залезла на печьку, шубой прикрылась и говорю: «Шуба-шубарец с батьковых овец, а клин да пола с чужого двора. Ложусь на новом месте, приходи жених к невесте». И правда, в тот же год, в *мясоедь*, пришел мой Василий мене сватать». (УП71-73).

Булгакова Харетина Васильевна, 1895 г.р., д.Стеревнево

«Спроси у етого стола, скоко яму лет — стоко и мне. И неграмотная, что эта *мостничина*⁴. Просилась, плакала у школу, а батька пригрозил: "Работать надо! Будешь реветь — голову отсеку!" Но не матюгался, как теперь — что ты! Старинные ж люди *блюдкие* были — ничох не кидали, что было завéдено. Матюгаться было — грех.

Один старик рассказывал. Пошёл его батька поле орать. И пропал. Сочили его, сочили — не нашли. А через скоко там лет домой возвращается. "Где был?" — "На тым свете". — "А что ты, говорят, там ел-пил, какую одёжу носил?" — "А лучше вашего! Вы без молитвы сели и ругаетесь за столом. Так ета ёжа⁵ нам, чертям, достается, все мы едим". — "А одёжу какую носил?" — "А как вы одёжу кинете, мол, ну ее к черту! — так мы ету одёжу подхватим".

В конце войны, как начали пахать, по шесть человек впрягались. А военные бывало на нас: "Ой, мои бабоньки, на вас токо ярмо надеть!" — "А что ето ярмо?" — спрашиваем. — "А хомут для лошади!". Придем домой, а есть нечего. Ребятишки голодные. Сядем и песни играем:

Я корова, я и бык,
Я и баба и мужик.

Прожили мы свою жисть ни за что. Мужуков на войну погнали — даже и письма не прислали — сразу их убили. Вот те и радость, вот те и сладость. Сейчас жисть — рай. По двадцать рублёв пенсии стали получать. А жить уже нечем — больные.

Бабка моя старая, долго живши, говорила: "Я в последний замуж собралась. Мойво жениха Лопатником звать. Нейдет что й то гад!" Как бабку хоронили, кукушек много прилетело, всё плакали яны над бабкой. Яны ж, как женщины заголысят — всё хуже кукуют, плачут. Вот и я хочу помирать, как кукушки закукуют. Лятит кукушечка, кукует. Тады и плачешь: "Дорогая моя кукушечка! Куды ты лятишь? Ты лятишь туды-сюды ко мне: кого ж ты приняешь, кого ж ты приведешь ко мне?..". Плачешь-горюешь. А голосом теперь не могу, боюсь голосом реветь — сейчас мое сердце зальется. А я ж хочу до весны дожить, чтоб с кукушками меня хоронили. (УП75).

Старовойтова Анастасия Протасовна, 1886 г.р., д.Заголодь

«Я где родилась, там и сносила. Отдали меня в соседнюю деревню в большую семью. Отдали — так будешь жить. У моего тестя сынов много было и все работящие. Не делились, одной семьей жили, оттого и богатели — правду говорят: какие мы сами, такие и сани. Только эта правда киселем подавилась: в 1928 году всех наших мужиков как один забрали, больше мы их не видели. С тех пор жизнь враскол пошла... Как в колхоз пошли, так и петь перестали — кинули своё милое, пошли искать постылое... Раньше бывало пятеро мужиков на одну поллитру соберутся — и уже пьяны. А теперь одному ведра мало — свиньей всегда будешь, а человеком не всегда. Капли воды той нет, что было...

Нет того человека, у кого горя не было. Моё великое горюшко, что сынок Вася погиб. Восемнадцать годков ему было, как на войну взяли. Один он у меня сынок был... Прислал письмо, что мама, меня теперь пулемётчиком поставили. Ну и всё. Через несколько время мне извещение: погиб Вася... Весной, как кукушка с того берега из лесу заголубит, пойду к озеру за баньку, там схоронюсь и поговорю с ней. Ну как?.. Ну, милая кукушечка, ну шерая! Ну ты же прилятела с таким жалким голосочком... Сядь ко мне поближе да расскажи мне: может это сынок мой прилетел, а не кукушечка...

$\text{♩} = 480$ ult. 46 26

Ми-лый мой сы-но-к(ы) Ва-сю-тка! Ой, ой...

Ти не ты ж е-то на е-той ве-рё-во-чке си-дидь?

И не ты ж е-то мне ве-сто-чку та-ку-ю го-во-ришь

Ой, жалостную... Обрадуй, мой сынок, мое сердечушко и мою головушку своим словечушком и своим голосочком! Ну, милый же дятёночек! Подкатись ты ко мне или сизым селезенюшком или подляти ты ко мне белым лебедем! Расскажи ты моей головушке всё и послушай же ты мои словечушки, что я буду тебе говорить! Мой ми-

лый сынок жалкий! Прилети, мой дятёночек, ко мне поближе! Неужели ж ты не слышишь моего голосочка? Неужели ж ты не понимаешь мои словечки? Сынок мой миленький, прилети ко мне поближе!.. Ох, мой детёнок жалкий, сердешный...» (УП72)

Базелева Ненила Платоновна, 1890 г.р., д.Сафоново

«Я была одна дочка у батьки с маткой. Потому немолодая замужшла (двадцать шестой год уж был) и *примáлася* — к себе брала. Не выбирала — как отдают, так и шла. Жених через дорогу жил, на хуторе (все тогда по хуторам жили). Посватался и пошел на войну. Три года в плену отбыл, у пана там работал. Как отпустили домой, так мы и поженились. А тады немног — год отжили — и опять взяли на войну. Тады ж войны были почти всё через год: год пошёл и на́ год пошёл... А потом мы хорошо зажили: свой лес был, *драча*⁶, жеребец хороший, объездный. А тады, милки, как уже стала ета власть, так тады нас раскулачили. Вы ж, можа, не знаете, что это — раскулачили? Которые хозяины хорошие, тых и раскулачивали — забирали у них всё. И у нас усё забрала, всё-всё, до *шуминки*⁷, и вот ету хату. Одних детей токо кинули и саму́. А хозяина забрали на «черного ворона». У нас десятеро детей было — так пять штук помёрло, пока хозяина не было. А тады хозяин как-то пришел с «черного ворона», как-то остался, не отправили яго. Так ён на войне был, инвалидом вернулся. И сынок был на войне. Под Ригой яго ранило — и ослеп. Сынок с малолетства гармошку любил, даже на войну её брал. И шас играет, хоть и *сляпый*. Бывало, как батька был забран, сынок припевки играет, а я всё свово роднёшу вспоминаю:

Погляди, мама, в окошко:
мой роднёшенька идеть,
успокой моё сердечко,
чтоб не стала я болеть.

Ой, на белой на березе
веточка качается.

Скоро с миленьким роднёшей
любовь распрощается.

Припевки разные бывають. Помню, еще у девках я была, ходили по нашей деревне два нищих. У нас заночевали и рассказали песню: государь наш Николай сидит на крыше и продаёт вино. ”За тую припевку, — говорили, — по пять лет нам дали. Идем теперь с Сибирякаторги“... Мою двоюрóдную тоже посадили, уже как стала ета

власть. За Бога её посадили: она у монастыре училась, оттуля разные книги привезла — целый сундук книг у ей забрали... Сестра грамотная была, а я не: не отдали родители учиться — пряхть надо было. Ну, я хоть и неграмотная, а людям много помогала. От старика научилась наговаривать, ён за Белавиним жил. Стишок етот один ото всех болезней: и от *волоса*, и от *зуба*, от от *встрётного-поперетного* (*сглаз* его), и от *рези*, и от *лома* (кости ломает)... И людям и скотинке помогает. Нашепчешь на воду и дашь выпить либо помочишь водичкой больное место. И с собой даёшь. Ну, как я наговариваю? — Как я Бога прошу, как я Бога молю... Вот коли примерно рука у тебе болит, тада нада:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь! (3 раза)

Господи, помоги...

Заря-заряница,

Заря — красная девица,

Заря вечерняя,

Заря вутренняя!

Ишла Царица Небесная

с-под ясной зорюшки,

с-под красной солнушки,

по чистому полюшку,

по синему морюшку.

А пытаеть Иисус Христос:

”Да куды ж ты идешь?” —

”Иду к женщины Лены

болезни помогать,

болезнь поправлять,

болезнь присыпáть.

Чтобы её ручки не болели,

не ломили,

не крошили,

не знобили. (3 раза)

(А коровке наговариваешь:

чтобы ина не болела,

чтобы ина пила-ела, что хотела,

и спáла,

и весело гуляла.)

Вас же три сястрицы:

Коль-кольница,

Резь-резница

и Ломь-ломница.

Нейдитя ее ручку крошить,

Нейдитя ее ручку знобить,

а идитя на раздолье-поле:

ляжить Латырь-камень,
не оббит ни дождям, ни ветрам,
ни красным погодам,
ни ясным солнцем,
ни ясным звёздам.
Чтоб рассыпáлось и выходило
с ее жил
и с костей,
и с ретивого сердца,
и с буйной головé
сорок суставов,
сорок пáстылов
со всякого часу,
со всякого сглазу,
со всякой минутки:
с встретной,
перётной,
с радостной,
с зáвистой.
Не я ж пособляю,
не я ж помогаю!
Пособляеть-помогаеть
Увладычица Печальная!
Ина ж помогаеть,
ина и пособляеть
по сей день,
по сей час,
по мой наговор.

Господи!
Стань ей, Господи, на пóмочь!
Чтоб з ее свалилася и скатилася
вся худобá,
как с лебеда белого кóтится вода! (3 раза)
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
амин, амин, амин, амин!
Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Надо три раза всё с начала поговорить — и будет так! И, слава Богу, всё хорошо будет! Я помню, усё помню, ни одного слова не забыла. И люди, как кто заболает или коровка заболает — сейчас ко мне бегут. А я воду даю. И сынок мой сляпый тоже воду дает. И всем мой стишок помогает.

Я всех людей жалею, всех мне жалко. Милые вы мои дружочки, жалкие да болезные! Как же вам плохо живётся! *Межечужки* вы бед-

ные — живете меж чужих людей, по всему свету вас раскидало... Я ночью подушку обниму и голову *по горю* (у нас голбсють по горю тым же голосом, как и по покойнику):

И милая ты моя подушечка!
Верная подружечка!
Я ж тебе теперь обниму
и всё своё горюшко тебе расскажу,
и всю тебя слезам оболью...
Охти мне, не могу я больше...» (КП88-89)

Колошина Анна Артемьевна, 1919 г.р., д.Рудня

«Мой век — состав большой, поезд не перевезет, что пережито. Нас одиннадцать у матки было. Жили бедно. С семи лет у поле погнала. В тридцатые годы были такие налоги, что отец платья не мог купить. Когда к *Пятру* подарили черное каленкоровое платье, от радости две недели в поле песни играла. В 32-м был большой голод, ели лепёшки с травы. Шла замуж в лаптях: дошли до сельсовета, расписались и спать легли — вот и вся свадьба. Через полгода муж ушёл в армию на 3 года. Токо вернулся, а через 4 месяца война. Я 7 похоронок получила: муж, 4 брата и 2 зятя убитые... После войны робили, как звери, за одни палки, что против фамилии ставили. А палкам будешь сыт?.. Наши три колхоза в сельсовете и теперь самые нищие, нищие из нищих. Людей осталось мало, а работы много. На поле работать некому: на 2 деревни колхозников — 3 мужчины и 2 женщины. Остальные — одни старухи. Детей целый воз — все в городах. Сейчас, правда, жисть — всем жисть: по 20 рубликов получаем, сыты, одеты. А завяли. Жисть наша за морем, а смерть за плечом. Под бярёзку — вот наш замуж! Пора нам лежать на Божжей постельке.

Жили мы бедно да весело. До войны всё поле звенело от голосов — пели песни скрозь всё лето. Правда, не всё петь разрешали. Стёшке, соседке, пять лет дали за частушки:

Самолёт летит,
открыта форточка.
Идет колхозничек,
сбоку торбочка.

Шла корова у колхоз,
слезы капали на хвост:
"Отрубите хвост по гриву —
не хочу больше в колхоз".

Коммуниста любить —
надо измениться:
крест на шее не носить,
Богу не молиться.

У нас токо одна жёнка не дала мужу иконы выбросить: "Ты партийный — гляди в другой угол, коли хошь!". А так все коммунисты из кута иконы повыбросили — Ленина повесили. А как немец стал подходить, то слух пошёл: у кого икон нет, сжигать будут дома. Так эти коммунисты старухам в ноги кланялись, чтоб иконам поделились. Зато все живы остались.

До войны в Усвяте был конский базар. А как его закрыли, один цыган подошёл к памятнику Ленина и говорит: "Лучше б ты был жив, а дела твои помёрли". Ну, его сразу взяли.

Немцы тоже всякие были. Некоторые показывали карточки с детьми, говорили: "Нам война нихт! Нас заставляют. Мы богато живём, нам чужие земли не надоби". А зверствовали у нас больше власовцы и финны. Потом наши пришли и тех, которые с немцами работали, поубивали. До войны тоже, пока колхозы устанавливали, наши наших убивали — как траву косили». (УП75).

Шваркунов Максим Федорович, 1914 г.р., д.Лысая гора

«Я в ликбез ходил, на букве "в" остановился. Учиться некогда было — в 15 лет бригадиром поставили. Потом председателем поставили, и бухгалтер остальным буквам доучил.

В нашей деревне все были работающие, жили крепенько и не хотели своё отдавать, как в колхозы погнали. Все были против, потому как этой жизни не знали. Взяли всех наших мужиков в село Урицкое (12 км отсюда) и расстреляли. Четыре брата Паничевых из Есипово сковали эту власть. Из бедняков были, непутёвые хозяева. После революции, как поделили землю по едокам, все в середняки выбились, а они — нет: больно шибутные были. Как пошли колхозы, они стали коммунисты, ездили по деревням, наганам махали — загоняли в колхоз. Лютовали сильно, даже расстреливали людей на месте. За это двоих забрали в Ленинград, в Кресты посадили. Говорят, их там расстреляли. Один брат в войну партизанил, за это немцы его жёнку повесили. А другой, Макар Паничев, всю войну прошёл, до майора дослужился, а после заблудил: зажился, силу занял и погиб — 10 лет ему дали, он в лагере и погиб. В большой жизни человек всегда заживется». (УП73).

Дорожинская Прасковья Константиновна, 1917 г.р., пос. Усвяты

«Я выросла в Мелюхах в бедной семье. Одиннадцать человек нас было. Лет с шести работала в хозяйстве. Отец горелку не пил. По ночам делал дуги на продажу. Дети не учились, на праздники и на гулянку не ходили: некогда было. А еще потому, что одеть было нечего. Папа был в комитете бедноты. Депутаты эти от бедноты никогда не работали, всегда мякину ели, даже в те годы, когда жить можно было — разжиться работой. А мы мякину не ели — все настырные были на работу. Папа работников никогда не брал — все сами. В 29-м году папу раскулачивали: хотя и был он в комитете бедноты, а на него всё равно заявление дали, что богатый. Ночью комитетчики пришли с фонарями, оружие искали. Как раскулачили нас, папу разбил паралич на нервной почве... В 37-м все "черный ворон" по ночам ездил: кто кого продал, того и брали. У нас больше латышей брали, русских меньше». (УП77).

Малашонок Егор Макарович, 1905 г.р., д.Березовка

«Я советскую власть в деревне устанавливал. В 1930-1931 годах был председателем комбеда, в 32-33-м — председателем сельсовета. Кончил совпартшколу. Я строил пятилетку первую и вторую. Мы строим — мы и спросим! Чтоб в жизни и политике разбираться, надо все тома Ленина прочитать. Я в нашей жизни разбираюсь: раньше кулак был главный враг советской власти, а нынче идеология становится на классовую борьбу... Колядовать — это глупость, тёмность сионисская! Сионизма у нас, конечно, еще много, но это надо искоренять!» (Реплика сына: «Он всё забыл — в алкоголь всё перешло: путает блядство с политикой»). (УП77).

Кислова Ефросинья Васильевна, 1909 г.р., д.Рябцево

«Я горя тяпнула больше всех. Мою жисть писать — библия будет... Знаешь, есть песня — про меня сложена, вясной её играют, у пост, как кукушки заголбсят:

♩ = ♩₂

1. Че-рез ре-чу-шку до-со-чка на то-нки-я,
ги-бкы-я.

2. На то-нки-я, ги-бкы-я дай ни-к(ы)-то по ей
ня хо-дить.

3. Дай ни-кто ж по ей ня хо-дить, то-ли-ко я, мо-ло-да,
с го-ря йшла.

Только ж я, молода, с горя йшла,
на Дунай слёзы ронила.

На Дунай слёзы ронила,
свово милого бранила*.

“Ах, ты милый мой дружок,
ты не бей мене без вины,
без вяликою без беды:
я й заплачу — не воймуся,
носовым платком не вотрუსя“.

Говорят, бутылки горе побеждают. Вот и я — выпью, одним
глазом плачу, а другим песни играю:

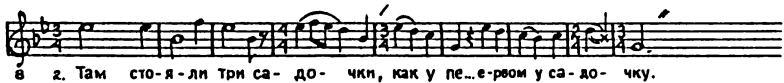
Я от горя в чисто поле —
горе катится за мной.
Я от горя в тёмный лес,
оглянулась — горе здесь:
горе плачет, горе скачет,
горе песенки поёт.

Мойво мужика перед войной “черный ворон“ забрал. За что?
За то, что в латышский театр ходил. Старые люди говорили, что
латыши к нам в 1907 году приехали, купили земли на болотах, от-
строились. Всё своим горбом поднимали — работящие были. Жили

* В дальнейшем — аналогичная двухстрочная строфа с ценным повтором.

хорошо. Деревни свои номерами звали. 10 номеров здесь было. В 1928 году, как колхозы пошли, к ним всё "черный ворон" ездил, человек триста или больше увёз. Порасказнили их. Остался только 2-й да 5-й номер, да и то по нескольку дворов. Ну так вот, перед самой войной приехал сюда к нам латышский театр. Один концерт они дали, а на другой день ночью всех мужиков, которые на концерт сходили, "черный ворон" забрал. Говорят, за политику, а что это — политика — колул её знает! Больше мы своих мужиков не видели... Во время войны голодали... Как немцев прогнали, снова колхозы поставили, снова голод: хлеб государству, а нам костёр. Что за тыи трудодни получишь? Посыпки свинячей!.. Я ночью один мешок льна украдал, за это 10 лет сидела, а сына в детдом отдали. Сижу в лагере, сынка маткиной песней вспоминаю.

♩ = 140

А вторым же у садочку,
там солóвьи распевали.
Там соловьи распевали.
Как у третьем у садочку*.

Как у третьем у садочку
мать сына снаряжала,
за дубовый стол сажала,
уму-разуму пытала:
"Ах, ты сын ты мой, сыночек,
да й кого тебе жальче?"

* В дальнейшем аналогичная двухстрочная строфа с цепным повтором.

''Жаль мне жёны по закону,
жаль мне тёщи по привету,
жальче нету родной мамки:
что мене тяжко носила,
тяжко носила, больно родила,
тёмны й ночки не всыпала,
яры й свёчи не вгасала,
перемены дожидала.
Чтой-то долго свету нету,
чтой-то нет ни перемены.
Знать, не будет долго свету,
Знать не будет перемены''. (УП72).

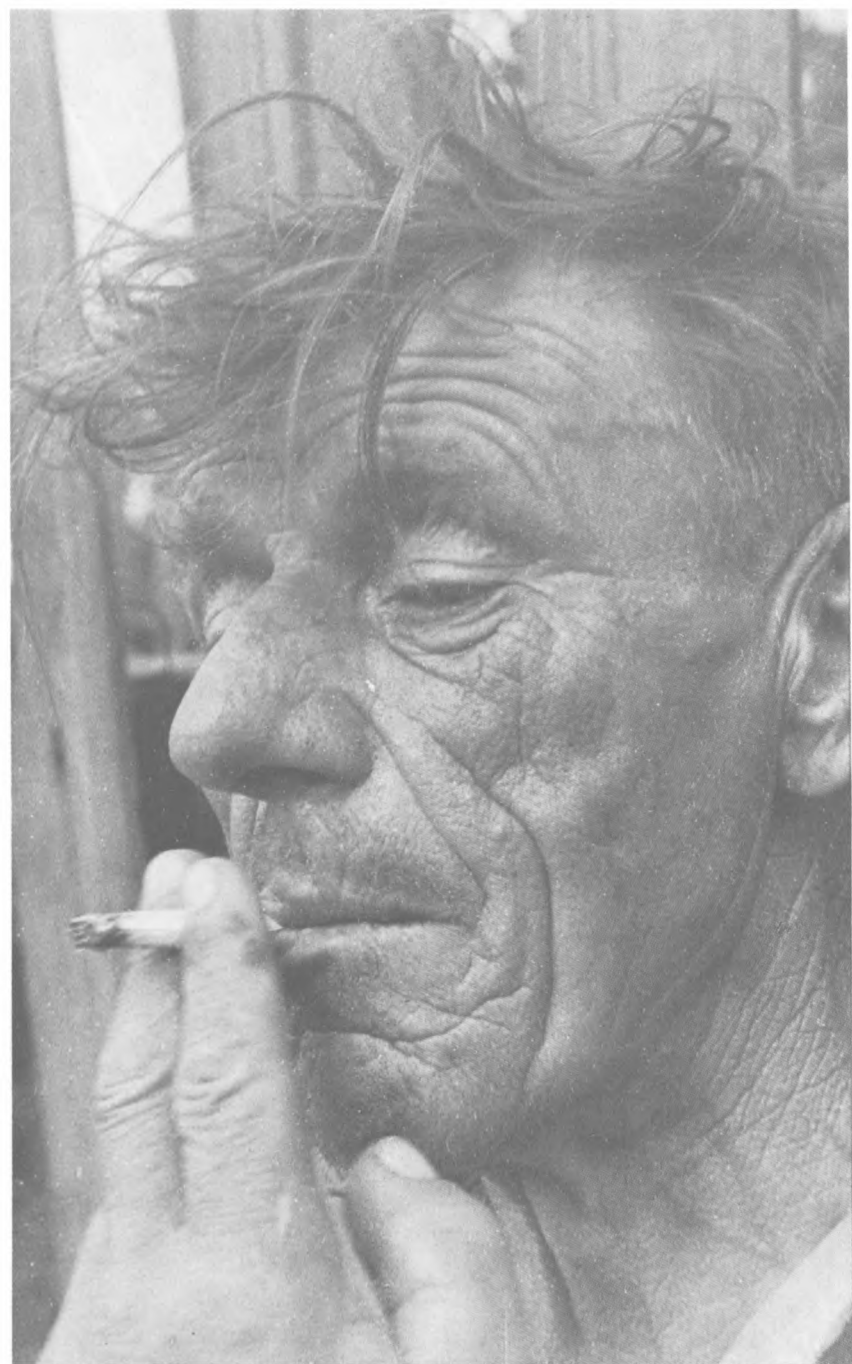
Медведева Анна Васильевна, 1918 г.р., д.Пестюхино

«Я в тридцать шестом замужшла из Калошина в Пестюхино. Наша сторона была православная, а ихняя единоверская. Мы их *мосолам*⁸ дразнили, а они нас *жлябам*⁹. Церква была общая, в Стеревнёво, токо им на причастие давали по три ложки мёду, а нам по одной. Тады, как мы женились, свадьбе не играли: плохо жили, хлеба досыта не едали — коллективизация разорила. И не венчались — церкву уже сломали. Ни *приглашённых* [родственников], ни *сборных* гостей [’хто свадьбу смотрит с окон и с дверей’] у нас не было — угощать нечем было. Токо свои, самые близкие. Как сваты пришли к нам свататься, сразу с порога завалили ногам наши кочерги, которые у печки стояли — чтоб невесту сразу зацепить. А после стали торговаться: ''Мы приехали к вам пастухи. У нас овечка белая потерялась, к вам побегла. Так мы приехали овечку выкуплять''. Всякую чепуху трепали, а тады отец мой: ''До шуткам шутить! Делом заниматься надоть!'' В тот же день и просватали батьки, по рукам ударивши перед иконами после моления — *богомолёнье* называется. А *наделяли*¹⁰ в день свадьбы копейкам. Потом нас три раза обвели кругом стола — *благословили*, и повезли невесту к жениху. А девки тады привязали голик к саям, чтоб самим замуж ийтить. Привезли к жениху, на квашню посадили — и спать. Вот те и вся свадьба. Наутро в понедельник, в *отвёды*¹¹ хрёстная моя разбила горшок на пороге, а черепки на стол снесла — это девичество разбитое. А я перед тем, как встала, сама рубашку свякровке снесла (у единоверов, видишь, мода такая была). Вообще у них всё строго было. Николай мой уже отцом был, закурил как-то в сенях, а батька евонный прикрикнул: ''Свинья! Ты ещё морду не перекрестил, а чёртова ладана напустил. Брось сей се-

Пароход «Глеб Бокий» у причала Управления Соловецких лагерей
особого назначения ОГПУ. 1920-е.

Савватъево. Фото Ю.Бродского. 1987.

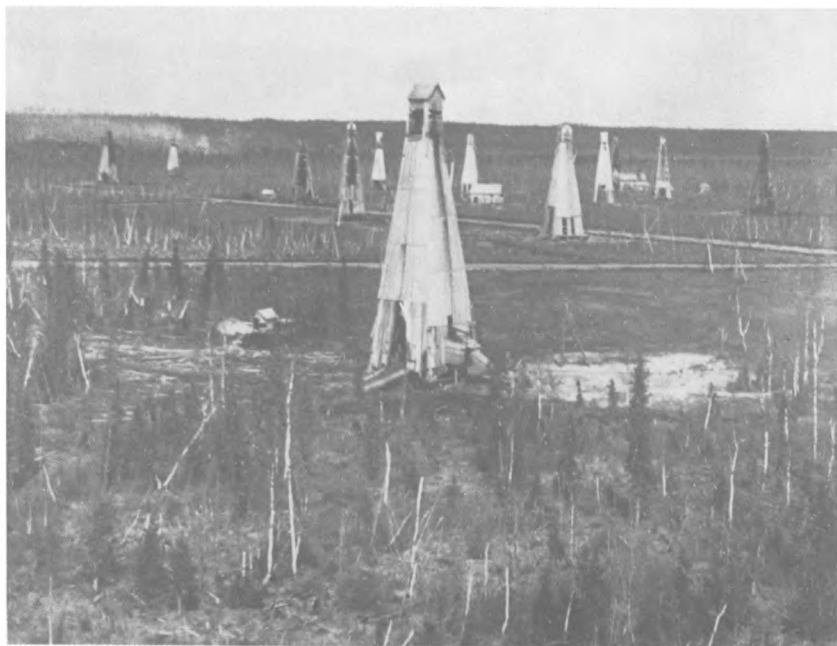

Сергиев скит на острове Большая Муксолма.

Фото Ю.Бродского. 1987.

Вышки на Кирпичном заводе. Фото Ю.Бродского. 1987.

Чибьюский нефтепромысел в 1937 году.

Первые дни на Чибью. 1929.

Первые лежневки. 1929-30.

Пекарня. Работают заключенные. 1929-30.

кунд!“. И бросил... Ещё у них обязательно мыли святой водой вымя у коровы после отёла — это перед тем, как доить её для людей. И коронили не так, как у нас: у *домовь*¹² клали хрест своего литья, такой красивый, разукрашенный голубым стекляшкaм.

Жили мы бедно да весело. Чуть родишь ребёнка, *хресьбины* справляешь. Приходят к роженице у *наведы*¹³ кумовья и соседи, приносят кашу, кисель. Хресьбинская каша сильно вкусная: толченую картошку посыпают вареным зерном и поливают маслом (если пост, то постным маслом). Раздаёт кашу бабка-повитуха, которая ребёнка *бабила* — приняла на свет. Чуть зазевается бабка, по лбу деревянной ложкой получает, каждый старается стукнуть, чтоб ребёнок умным был. Пока взрослые обедают, дети стараются украсть кашу со стола. Схватят горшок и бегом за порог — чтоб ребёнок быстрее рос и на ножки быстро встал. Съедят кашу за дверью, горшок песком наполнят, сверху цветы поторнут (зимой снегом горшок набивают и чащой от ёлки или венником украсят) — и в хату: ”Ваша каша хороша, а наша еще лучше! Ваша каша масляная, а наша нарисованная!“ — ”Да, добра, красива ваша каша! За такую кашу денег не жалко“. Ребятки прикроют кашу тарелкой и обойдут стол, а взрослые кидают на тарелку копейки. Что соберут — бабке за кашу отдадут.

На *Святках* ходили по дворам, *цыганили*. Одевались цыганам, нищими, один покрывался выворотной шубой — чёрт был (ребята этого ”чёрта“ боялись, *рятунки*¹⁴ кричали). ”Цыгане“ входили в избу, плясали, пели, гадали, дары просили. В Рождественскую Коляду (сочельник) варили *куттю*, блины пекли. Поставишь куттю на вокошко, сама выйдешь на вулку, блином машешь и кричишь три раза: ”Мороз, Мороз! Ходи к нам куттю есть! Ты сейчас морозь, а летом не ходи, под камешком сиди, огурцы не морози, под колодою лежи и овёс не морози. Ты куттю съел, на серую кобылу сел — да поехал прочь!“ А в Новый год пекли блины ”Богу на портянки“. Девки на святках по-всякому гадали: с сапогом, с петухом, под вокном ”судьбу слушали“, иголки ”мололи“, ”суженого-ряженого“ зазывали на сон.

На *Масленку* на горе песни играли, с горы катались — чтоб лён родился. На конях катались на реке, по улице гуляли — и всё с песням! Песен этих до лешего было... Напоследок пели: ”Нас Масленка обманит, на Бóльший пост посадила — на горький хрэн да на редьку, на чёрную на капусту“. Первое воскресенье поста *сбор* называлось, говорили ”сбор — вода с гор“ — собирались на *ярмалки* в больших деревнях, в гости ездили. Но песен не играли: в пост нельзя песни играть, грех это.

Перед Пасхой в Чистый четверг *яйцом мылись*: катаешь белое яйцо по лицу и рукам и приговариваешь: ”Как это яичко беленько да кругленько, так и моё личико и мои ручки будут беленькими да круг-

ленькими“ . Потом идешь в хлев и моешь яичком вымя у коровки тоже с приговором.

На *Ягория* (6 мая) выгоняли скот. Гнали свячёной вербой. Потом её в озимую рожь торкали, и бабы плясали по траве — ”росу топтали“ , чтоб рожь хорошо уродилася.

На *Троицу* блинов напекут, куттю сварят, рыбы с озера напекут и идут в духовскую субботку поминать родителей. Березу наломаем, покладем этот *май* на могилки. И на улице коло вокошек вкапывали молодые березы — такое заведение было. Пастухи плели венки коровам, надевали на рога — *венчали коровок*. Пригонят венчаную корову и говорят: ”Хозяюшка, вот тебе венец, а ты мне пару яец!“ . Хозяйки давали пастухам сыр, сало и зеленые яйца, крашенные крапивой и березовыми листьями. А еще на Троице во ржи русалки жили, кричали: ”Девки, мальцы, идитя к нам колыхаться!“ Пойдешь — зашекочат до смерти. А на *Ивана* (7 июля) ведьмы-*закликухи* бегали, травы собирали и молоки у коров отбирали. Чтоб закликух не было, носили *катки* по деревне и вокруг полей — намажут дёгтем колесо от телеги, насадят на шест, зажгут и несут; потом этот шест коло поля торнут, костры разожгут — огнём ведьму пугают. Ещё ведьму песней пугали: ”Огонь раскладываем, ведьму прогоняем. Не ходи, ведьма, в жито, не топчи жито!“ Ещё пели ”Лезь, ведьма, вон с мово жита! В моём жите залом заломан“ . *Залом* — это когда с четырёх сторон поля колосья наклоняешь и в землю живьём закапываешь — *замыкаешь поле*. Эти песни я не умею играть — их токо старые бабы помнят. А залом я и щас делаю на своём огороде, охранявши его: кто залом тронет, у того руки болеть будут или даже отсохнут.

В *Петров* пост (до 12 июля) справляли *толóки*. Пять-шесть хозяев собираются вместе работать. Взрослые нагребают навоз на телегу, ребята везут на поле, бабы вилам разбивают. С поля возвращавшись, на улице водой обливались, чтоб здоровым быть и чтоб урожай был хороший. А потом пируют за общим столом. ”Зателёпа!“ — кричат последнему, кто с поля пришёл. И всюду — и на поле и за столами — песни играют до воли, и толóчные и всякие.

Это всё больше до войны было. Есть было нечего, а жили мы весело. По привычке, видно... После войны уж не до песен было: надо было детей воспитать, а кормить нечем. Как где куст-болото, так баба голосить, а голосу не хватает. Покричишь — и *побéдится* тебе (победишь, значит, беду, перетерпишь)... У мене вот двадцать лет, как сын утонул (непутевый вырос в *безбатьковщину*, рано начал пить — вот и залился по пьянке). Дак я каждый год вясной, как кукушка кукует, кричу на болоте, ягоды собиравши. И слова мне будто кто диктует или подсказывает, знаю тады, что говорить.

Теперь все сыты-обуты, пенсии колхозники стали получать, живём богато да невесело. Раньше лапти носили да песни играли, а теперь сапоги носят и телевизор смотрят. И кругом все несчастливые: видно деньги счастья на дают. Деньги есть — живешь, и нет — живешь. А совесть один раз потеряешь — и навсегда. Раньше люди чувствовали Бога, чувствовали и совесть. Не стало Бога — не стало и совести. Особенно у мужиков: за бабьими головами живут и пьют каждый день. Ни одна баба без мужика не пропала, а мужик без бабы вошью зарастет. И при бабке шас безбабьковщина: ну какой ён бабка, коли пьёт ежедневно или на собак сено косит? (у нас так прозывают того, кто в тюрьме сидит). И матки шас попадают не лучше: раньше от мамок учились песни играть, а шас — горелку пить. Потому и истощение получилось народным песням. Раньше пели про поля чистые да речки глубокие, а шас:

Я сегодня заработала
четыре трудовня:
бригадиру посулила,
председателю дала». (УП75)

Шпакова Степанида Родионовна, 1894 г.р., д.Стеревнево.

«Меня отдавали в 1914-м — как раз Николаевскую объявили. Отдавали за парня, с которым не виделась и не гуляла. Дак я сильно плакала на сватовстве. А на *наделе* одна мать под скрипку голосила, а я — не. Меня стращали: "Не плакала за столом, так поплачешь за столбом!", а я им: "Пусть тот ревет, хто берет!". Жених по нашей моде не заезжал за *княгиней*¹⁵, а встретились прямо в церкви. Там красота: все люстры горят, иконы золотом переливаются. Семь пар сразу венчалось. С одной стороны ряд женихов, с другой — ряд невест, и батюшка по очереди каждую пару к алтарю выкликает. После церкви разъехались: невестина родня к себе, женихова — к себе. Вечером поехал жених выкупать княгиню. Как собралися гости, старик с Пысей свадьбу зачинал. Стал коло печки, пирожкам стучал и приговаривал: "Разрешите, — говорит, — вас с свадьбой поздравить и дозвольте, хозяева, молодым песню сыграть!". *Игрицы* запели "Пресвятой Кузьма-Демьян, скуй нам свадьбу крепкую, вековечную, долговечную: ветры веют — не развеют, дбжжи мочат — не размочат, люди судят — не рассудят". После выкупа княгини пели за столами смёшные песни "У нашего друженьки оборки — тряпушечки", "Мы сватов обманили: старой бабой обделили". После поехали к *князю* и там на пиру пели, плясали, чудили по-всякому, цыганили. А назавтра после свадьбы я бегала к тетке плакать — по дому ску-

чала. Правда в припевке поётся: "Кабы замуж, кабы замуж да и в среду домой!"

Веселее раньше жили. И строже. Невеста ж — отрезная краюшка! Её ж родители выдали — как от дому отрезали. Она так и голосила: "Родители — нарезники мои! Отрезали вы мою волошку, скрутили мою головушку, отлучили от родинушки, приневолили мене к чужим людям! Яны ж мене не пожалеют, яны же мене только осудят-оговорят! Яны ж мене только тяжёлую работушку заставлять будут..." И правда: молодая невестка — самая подневольная у мужнином доме и чуть что — попрёки да побои. Меня, правда, муж не обижал. А от других слыхала: "Тот не мужик, что жану не бьёт". И еще: "Пусть бы бил — лишь бы был". А теперь надо по-другому: «"Тот не мужик, что не пьёт" и "Пусть бы пил — лишь бы был". Потому как тверёзных нет в деревне — все пьют.

Мене маменька ругала,
что я с пьяненьким гуляла.
А я маменьке в ответ:
"Теперь тверёзных мальцев нет".

Мой шурёнок, что телёнок,
только разница одна:
мой шурёнок вечно пьяный,
а телёнок никогда.

Раньше играли свадебную песню "За ревнивым мужуком не ходишь хорошо", а шас надоть: "За пьяным мужуком..." — достанется либо вор, либо пьяница. Потому девки не успеют зайти, как разводятся:

Как пойдете, девки, замуж,
не справляйте сундуков,
а справляйте чемоданы —
легче бечь от мужуков.

Ну, и девки теперь хороши. Невеста — а пузо до носа достаёт! Теперь хоть семь раз роди перед свадьбой! И припевки бессовестные ирают:

Эх, Ванька Маньку полюбил,
Маньке саночки купил.
Доехали до села —
Манька в санках родила.
Хорошо тебе, товарищ:
тебе мама родила,
а мене рожал папаша —
мама в отпуске была.
Пьяна я, пьяна я,
пьяна вся моя семья,

пьяны мои дети —
любо поглядети.

Я раз в свашках была. Так ехали в свадьбу и *княгиню* по дороге потеряли — жених один домой приехал. Вот до чего упились!

Мой увнук тоже пить горазд. А мужа и сына война прибрала — пристрожить некому... В ту войну¹⁶ мало убили — три человека с сельсовета, а шас — с каждой хати, с каждой хати и по несколько человек! Как похоронки приносили, так голосили прямо у доме.

Покричат и затихнут. Поминки не устраивали — нечем было поминать... Раз у начале войны шла я по дороге с конём, забылась и давай у полный голос припевки играть (до того песни любила!). Тут как выстрелили, я сразу замолкла и домойки припустила... Я и шас люблю играть: как идёшь за ягодам, девчата песни поют, а я им за музуканта *дыликаю*. Раньше у мене голос был ядрёный, дыхание долгое — так *дыликание*¹⁷ хорошо выходило. Помню после войны (мы ещё тогда рукам жали) на *обжинках* понесли мы сноп с *Бороды*¹⁸ на колхозный двор. Шас бригадир с горелкой к нам, напоил — и пошли плясать под моё *дыликание*. Плясали до тех пор, пока соседка Харетина не взмолилась: "Кончай, Степанида! Я ў леший яблос сбилась, под тебя плясавши!"

Шас я пою мотивно, токо слушать противно. Но и шас бабы просят иногда поиграть. Особенно на Масленку. Я все масленские песни хорошо помню с детства: в моём Каверине как раз была большая гора, куда со всех деревень сходились Масленку кричать и кататься на *лédнях*¹⁹. Катались прямо в Комлю²⁰ с горы. А еще катались на леднях вокруг жердины: воткнул жердину в лёд посреди реки, привяжут к ней ледни веревкам и кружатся, как на карусели. Теперь может ребятишки еще катаются с горы, ну а бабы туда конечно не ходят. Бабы выходят на улицу покричать песни, а потом идут пировать к кому-нибудь ў хату. Соберёмся мы на улице, бабы говорят: "Заводи, заводиха!" Я сперва заведу "А мы Масленку дожидали, у вокошечко поглядали", все подхватят. А потом поём любые — их много, масленских, всю ночь можно играть. Я больше других люблю про соловьёво гнездо:

♩ = 80

Ва 1

1. П-ш(н)-ли до-вни с-пад у-зо-ру, с-пад у-зо-ру, лю-ли, с-пад у-зо-ру

2. Не-с(ы)-ли жа-ры по по-до-лу й по по-до-лу, лю-ли, по по-до-лу.

Рассыпали по дубрѡву,
 по дуброву, люли, по дуброву*.
 Зелѣный дубров загорелся,
 Соловьѣво гнездо всё й сгорело,
 добры детки спелѣли.
 К яму прилетала перепѣлка:
 ”Здоров, братец-соловейка!
 Ти всё й дома здоровенько?“
 “А у нас дома й нездоровье:
 соловьѣво гнездо всё й сгорело,
 дробны детушки спелѣли“.
 “А я табе й говорила:
 не вей гнездо на болоте,
 на чѣрною й на смороде,
 а вей гнездо й ли дороги“.
 Там ишли-пройшли скоморохи,
 яны вынули по ножочку
 и сделали по гудочку.
 А вы, гудики, не гудите,
 моего батьку не будите!
 А мой батька спит с похмелья,
 с вяликого й перепоеу,
 а матушка за рякою
 курит вино й зелянѡе,
 поит зятя молодого:
 ”Ты пей, зятѣк, не упивайся,
 на мою дочкú й не сподавайся²¹
 моя дочкá й малолетна,
 толоть-молоть не вздолѣет,
 постелюшку не постелит,
 с тобою спать не насмеет». (УП75)

*Из общих бесед в автобусах и на автостанциях по дорогам
 «Невель - Усвяты - Велиж» и «Великие Луки - Кунья - Усмынь»*

«В 1930 году начали строить колхозы. Тады нас поскребли и по-
 ссылали».

«Пока устанавливали власть, хуже войны было».

«Все государству, а нам охвостья».

* Аналогичный повтор после каждой строки.

«Сначала был голод. 50 рублей за фунт хлеба даёшь — нигде не продадут. Потом уже выдавали пуд жита в месяц на четверых. Хоть прожить можно».

«Бывало 8 душ детей, а хлеба месяцами не было. И купить нечего».

«Сильно стали принуждать в 34-м: землю отбирали, налогам обложили — пошли с хозяином в колхоз».

«У одной женщины мужик помёр. А её заставляют в колхоз идти: "Если не пойдешь — хату отберём, детей у приют отдадим!". А мать им в ответ: "Все лучше, коли возьмете. У мене яны всё равно с голоду помрут". После собрания один уполномоченный сказал другому (та женщина слышала): "Я с тобой работать не буду — ты колхоз не создаёшь, а разорьешь"».

«Теперь молодые не верят, что раньше такое подчинение было».

«Кто людей топит, тот всегда живет». (УП78-КП80).

Грибачев Сергей Антонович, 1891 г.р., д.Пристань

«Я родился в Шершнях в бедной семье. В голодные времена с матерью по людям ходил (нищенствовал значит)... В Германскую войну золотой крест дали. А тут как раз революция. Крест я на революцию пожертвовал, мне документ за него выдали. После Гражданской вернулся в деревню, и мне как бедняку выделили участок земли на болоте. Своими руками его осушал и пни выкорчевывал. Работал день и ночь, поднял хозяйство, женился. В колхоз не пошел. К 37-му году у меня уже было 4 коровы. Тут меня и раскулачили. Обозвал я по-матерному председателя, а он сразу машину вызвал: "Забирайте его — он обругал партию и правительство!". В усытской тюрьме держали на воде и хлебе. Хлеба давали по 200 грамм на день. Присудили 4 года по статье 58. За свои труды и попал: за то, что болото раскопал, лес рассёк да хорошим хозяином был. В Ухте железную дорогу строил. Там люди мёрли, как мухи, а на их место новых привозили. За 800 г хлеба (давали и по 300 г) никто добровольно прокладывать железную дорогу не пойдет — вот государство и нашло выход, принудиловку эту. Когда срок вышел, остался я на стройке вольным. В армию меня не взяли по здоровью. Весной 45-го на общем перекуре кто-то сказал, что немцев с лица земли сотрут, а я возразил: "Это Гитлеру конец придет, а немцы останутся — куда ж народ денется?" За это получил еще 10 лет. В 56-м году вернулся в колхоз. Теперь получаю пенсию 22 рубля: 10 лагерных и 12 колхозных. А председателя того, что меня посадил, наши и застрелили: он во время войны немцам служил». (УП76).

Максименко Сергей Иванович, 1903 г.р., д.Мыший Бор

«В 36-м году у нас председателем колхоза был Синицкий с Усвят. Его захотели посадить. Предъявили ему обвинение в незаконных самозакупках хлеба (тогда товарищи с района покупали излишества хлеба у колхозов с согласия колхозников). А еще обвинили, что срывал подписку на займ, то есть не придерживался принудительной политики. Тогда два-три человека подпишутся под заявлением — и сажали в тюрьму. А если не сознавались, то забивали на допросах насмерть. В усвятской тюрьме вместе с Синицким сидели прокуроры — за взятки. Они его научили: "веди на себя" — на допросах во всем сознавайся, а на суде отрицай. Он так и сделал, как они научили — и остался жив». (ГВ76)

Коробухин Михаил Тимофеевич, 1935 г.р., д.Дрозды

«Жили мы бедно: мальцы до 10 лет носили одну рубашку без портков. Нас трое братов было да бабка с маткой. Батьки не было, его в 37-м взяли. И не вернулся. Бабка с осоки блины пекла, с липы кулеш варила (*затирка* называется). Распухали руки — ноги с голода. Матка говорила: как колхозы пошли, жернова били, чтоб свой хлеб не мололи, а мельниц не построили — вот и сидели без хлеба. На трудодень давали по 1 кг *костра*²². Кормили себя с мозоля: вили с братами *гниву* (веревка для плотов). Пучок гнивы стоил 10 копеек. Мы втроем 10 тысяч гнив свили... Немцы сожгли деревню. Пустое место было: *буян*²³ и волки выли. Магазинов не было. Ходили в Белоруссию за хлебом и солью. Пуд ржи стоил 800 рублей, стакан соли — 70... Белоруссия и теперь снабжается лучше». (УП76)

Бруева Анна Егоровна, 1910 г.р., д.Курилово

«Налоги давали невыносимые. Отбирали скот, одежду. Комсомольцы — нечистая сила, крыши сымали — насильно гнали в колхоз (в каком году, не помню). Потом хватали добрых людей, гнали в белый свет, как в тёмную бутылку. Многие померли с голоду — кому какое назначение вышло... Старой жизни не дождался, ни с какой сторонюшки не докликаться, потому как у людей кровь стала скотинная». (КП88)

Кузьмина Ефимья Ивановна, 1908 г.р., д.Стеревнево

«В 1914 году батьку повезли на войну в Урицкое²⁴. Мы с братом тады радовались: "Слава тебе, Господи, что батьку взяли — мы те- перя батькин пиджак свободно носить будем!" (ён не разрешал). А мамке нашей тады 28 годков было. Яна на посиделках всё играла песню "Ох, ты Ваня — разудала голова" — батьку-то Ванькым зва- ли. Поёт и плачет:

1. Ох, ты Ва- ня, ра- зу- да- ла- я го- ло- ва, ку-
да (о)тпра- вы- ля- и- сся да- лё- ко в по- ход?

2. С ке- м(ы) кн- да- ешь е- ту зи- му зи- мо- вать да
ле- то тё- пла... ле- то тё- пло- е гу- лять?

3. Ты гу- ляй, гу... ляй ты ми- ла- я мо- я да
ле- то тё- пла... ле- то тё- пло- е (х)а- дна.

Колхозы у нас с 29-го года. Как раз в том году мы оженлись. Оба бедные, денег на свадьбу не было. Не венчались — церкву закры- ли. Привёз князь княгиню к себе, а свякрова спрашивает: "Ти на ква- шню, ти на стул сажать?" (значит, коли честная — то на квашню, чтоб детей было поббле, а нечестную на квашню нельзя — на стул содют). Вот и вся свадьба.

Об хозяйину я счастливая. Как его взяли на войну, я всё голосила в поле. Пойдешь в бобовник или в ягоды, а там кукушка будто дожидает тебя. Поплачешь с ней — и будто полегчает. У нас многие жен- щины так голбсют. Аксинью с Боровиц "соловьём" прозвали за то, что страсть как любит в болоте голосить.

В войну нас выселили за Беладино. В *выселках* жили в землянках — я с тремя малыми ребятками была. После войны рукам жали и лён толкли. Работали и по ночам, а за трудодни ни копейки не платили. Только сторож ночной получал 3 рубля в месяц.

Беднее мы жили, нуждой тисканы, но веселее. Бывало, куска хлеба нет на столе, а мы все песни играем. А теперь все прет — а песен не надо. Как псы, каждый в своем доме, сидим — все сыты, все прикрыты. Токо обижаемся на других и на власть. О б и д ч и в а я ноне жисть. А я советской власти всегда подчиняюсь. Теперь, спасибо советской власти, 20 рублей дают — и живешь. А не давали бы — и тоже жили б. Хорошо таким, как я: скоко есть, стоко и нужно». (УП75)

—————

Филимоненко Дарья Ивановна, 1895 г.р., д.Церковище

«Я всю жизнь прожила — невысок прыгала. Когда батька купил здесь землю, мне шестнадцать лет было. Никак не могла привыкнуть к новому месту. Пойдем у лес с невесткой, станем лицом к Велижу и голосим вдвоем... Другей раз пришлось голосить, как мужиков на войну уводили. Женщины тогда караул кричали. Шли по большаку, детям обставленные, и голосили. Я тогда мужа, сына и двух братьев провожала — никто не вернулся. Мы всего с войны приняли, сколько горя притерпели — и всё под ногу...

Я другой век живу: меня немец чуть не застрелил. Гнали по большаку наших пленных, а мы, стоявши да глядевши на них, плакали. Один совсем *зашленький* такей. Я домойки, кусок хлеба схватила да ему кинула. А немец на хлеб наступил и на меня винтовку наставил. Бабы кричат: "Ой-я, голубка, ён тебе застрелит!" А другой немец у того винтовку ногой сшиб. Тоже всякие немцы были. И наши всякие... Полицаев выбирали на общем собрании, чтоб порядок был, чтоб хлеб и мясо поровну делили. Потом их зря убили. А партизаны? Какие у нас партизаны? В болоте прятались, ничего не делали. Прийдут ночью, все отберут, что хотят.

Как нам пенсию дали, я чуть до неба не вскочила от радости: как с неба кусок хлеба. А другие недовольные были: мол, двенадцати рублей мало, мол, обидели уравниловкой первых колхозников... А теперь, спасибо советской власти, двадцать дают — так у мене всех до²⁵, рупь за рупь заходит. И поросёнка ещё выращиваю. Соседка иногда молочком угостит. Жисть мне — токо рот разевай да живи. Мне ж мног не надоби — старость подкралась, ведьма косматая.

Я такая зарожденная — мне надо работать. Шесть лет мне было — я уже с мамкой на посиделки ходила, помогала прясть. Залетось²⁶

поехала на две недели к дочери в Ленинград. У городе ж домой приходишь, как у Божий рай: топить не надо — тепло, за водой иттить не надо — открыл кран и мой посуду горячей водой. Дочка на работу, а я четыре дня просидела у окна, а на пятый: "Дуся, отпусти меня обратно! Мне тут делать нечего, скучаю. Дома хоть перья на подушку переберу". И уехала». (УП73)

Вавилова Зинаида Борисовна, 1914 г.р., д.Северики

«Мне самой природой создано песни играть. Коли гармонь где фыркнула — аж косточки все заходят — не могу стоять! И щас у меня лёгкость — на свадьбе всегда танцую. Мне пить-есть не давай — давай погулять да песен попеть.

Я не знаю, как у вас,
а у нас в Киргизии
девяносто лет старуха —
командир дивизии.

Я не знаю, как у вас,
а у нас в Саратове
девяности лет старухи
гуляют с ребятами.

Девяносто лет старуха
тайну бережёт одну:
кладёт пенсию на книжку
для полётов на Луну.

Девяносто лет старухе,
неохота умирать —
она просится у Брежнева
у космос погулять.

Каждый рождается со своим. Я вот — баба от скуки на все руки. Но на наши руки было муки. В 32-м году я убежала от колхозов к брату в Ленинград. Отец сам на лошади довёз до Невеля: "Спасайся, — говорит, — дочка, а мне всё равно тут подыхать". Голодно было и в Ленинграде. Простой рабочий жил плохо. Радио нигде не было, не то что телевизора. Поступила я на фабрику "Красное Знамя", поселили в общежитии (в комнате 24 м² — 10 человек), дали карточку (400 г чёрного хлеба, 400 г белого). Пока домой на пятый этаж дойдешь — хлеба нет. Обедали на фабрике по карточкам. Так было плохо, что многие обратно в деревню убегали. Я вернулась домой как

раз перед войной: мне по своему лесу проще было пройти, чем по Ленинграду — в лесу ж каждый куст знаком... В 43-м по нищим ходила с грудной дочкой, в тюрьму на пять дней попала. "Господин бургомистр, — говорю, — прикажи нас убить! Нам всё равно — днём раньше, днём позже". Как выпустили, никто не пустил ночевать, на льду провели ночь. А дочка — кусок гнилого мяса, талым снегом её кормила, больше нечем было. Наутро — сама чуть жива. Кинула торбу к чёрту, кое-как выползла с озера на дорогу. Гляжу, немец идёт в мою сторону. Я ему дочку протянула: "На, неси — я не вздолею!" А он: "Что я могу? Я солдат". Но всё же взял и понёс. И корочку хлебца сунул ей в рот пососать. Два дня я с Невеля домой добиралась, ноги — живые раны. А дома — бурьян: ни пить, ни есть, ни лечь, ни сесть... В городе после войны хоть карточки были, а в деревне — ничего, ходили опухшие. Не так живёшь, как хошь, а как жизнь сложится... Хотя это всё позади, а помнить надо: если всё токо современное брать, а прошлое выкинуть, то никакой истории не останется. И будешь звать: "Правда, где ты?", а она так тихонько: "Я здесь, но боюсь отозваться".

Теперь весь свет *помешан* — все по всему свету разъехались. Ленинград теперь — наш провинциальный город: всех детей и внуков туда посылаем. Основная сила деревни — пенсионеры. Нахлебничков много, а работников нет — хлеб сеять некому. Людей надо, а на людей внимания мало — вот и разбегаются кто куда, а кто остаётся, не хочет много детей. Забыли, что ничего дороже нас нет. На что мы столько людей поубивали, посылали — чтобы жить как и раньше?

Не всё кто-то виноват, но и сами виноваты. Раньше ругались: "Дай тебе Господь большой лени!" — это на человека, а на корову: "Ах ты, окаяница!". А нынче всё матюгом — и на корову, и на матку, и на детей... Никто не доказал, что Бога нет, а как лихо придёт, все Бога вспоминают: Бог и в народе, и в природе, и в песне. Без Бога — не до порога, а с Богом — по всем дорогам.

Сейчас жизнь людей набаловала: огородились друг от друга, в гости не ходят, каждый у себя дома телевизор смотрит, пока ослепнут (глум этот надоел до смерти). А своё, натуральное, что положено для человека, забыли. Молодежь цену жизни не понимает, потому и пьёт. Если б, как мы после войны, за колхозным зерном в Белорусию пешком бы ходили да по 20 килограмм на себе волокли, то не до питья было б... Сейчас что свадьба, что похороны, что праздник годовой или советский — одна пьянка. Забыли люди свои обычаи. А мы с Василием (мужем) старинушку любим. И сейчас не смотри, что старики — наряжамся хоть на свадьбу, хоть на Коляду: он — "цыганка", я — "цыган", либо он — "невеста", я — "жених". И нам весело и людям. В 75-м году в Севериках свадьба была, так мы

пришли на пир *заменными молодыми*²⁷. Нас хлебом-солью встречали, зерном на пороге обсыпали, завели за стол и *наделяли* — 17 рублей *наделяшек* набрали! Так за тые рубли мы гостей потешали, как умели — всё больше современными припевками (их мне как чёрт на память пишет):

Говорят, в колхозе худо,
а в колхозе хорошо:
до обеда ищут лошадь,
а с обеда колесо.

Бригадир, бригадир,
лохматая шапка!
Кто поллитру поднесет,
тому и лошадка.

Как у нашем у колхозе
председатель временный,
счетовод считать не умеет,
бригадир беременный.

Председатель на машине,
бригадир на лошади,
а колхозница с мешком
захуярила пешком.

Трактор пашет глубоко,
а земля сохнет —
скоро ленинский колхоз
с голоду подохнет.

В прошлом году всей бригадой встречали Новый год в клубе. Я Ваську Снегуркой нарядила: обернула простыней, на голову — "фату" из занавески, в уши — "серьги" с карнизных колец, губы и щёки накрасила. Так все *рятунки* кричали! Женщины даже заругались на меня: "Мы ж запасных штанов не набрали!". Все довольные были. Потому что русский народ что любит? — посмеяться вволю». (УП75-78).

Беллева Надежда Федоровна, 1930 г.р., д.Кресты

«Отца незадолго до войны назначили председателем колхоза, До него был партийный председатель, его убили. А отец — беспартийный, но ему всё равно приказали, и он подчинился (он же не виноват!). В 41-м отца взяли в армию. Как немцы пришли в Алексеевку, свои же доказали, что мать — жена председателя. Мне тогда один-

надцать лет было. Немцы взяли меня с матерью и повезли под Кре-сты вешать. Довезли до дома председателя сельсовета и заперли там вместе с его семьей. Они бедно-бедно жили (одно название, что председатель), а мы жили хорошо: всё же отец хозяйство возглавлял, так у нас всё было. Я такую бедность в первый раз видела и всё удивлялась. Его тоже назначили, тоже невиноватый был.

Ночью председателя сельсовета повели вешать, а нам говорят: "Идите домой и ждите. Придём и за вами". Зима была, а мы налегке собрались — всё равно ж помирать! Пока обратно домой шли, совсем смерзли. Пришли — а там голые стены, одна печка холодная стоит — соседи всё до последней нитки растащили, видно думали, что нас уже повесили. Залезли мы с мамой на печку и плачем. Проплакали до утра, а утром — стук в дверь, пришли значит за нами. Мама в голос завывала и пошла смерти отворять — а там наши ложки». (КП83)

Паничев Кирилл Бенедиктович, 1904 г.р., д.Есипово

«Когда немцы входили в Усвят, то по радио кричали: "Вот идут завоеватели мира!" А эти завоеватели начали раздевать всех подряд: у кого сапоги, у кого часы отбирали. Гитлер воли им дал — что хотели, то и делали. За одного немца по 25 русских убивали: поставят в строй, 25 отсчитают и в расход. А тот, кто убил, уходит. Их карательная полиция, а наша воспитательная. Вот у нас учитель был, директор школы Михаил Степаныч Пятернев. По два часа на каждом собрании за советскую власть говорил, а немцы пришли — стал на них работать. Поставили его старшиной волости. Ну, потом конечно наши его расстреляли». (УП75)

Симаньков Тимофей Демидович, 1925 г.р., д.Михайленки

«Здесь фронт проходил. 4 раза переходили то к немцам, то к нашим. В Будницкой церкви прятались, неделю сидели в церкви без ёжи. Потом в Усмынь нас выселили. Вернулись домой — один *быль-ник*²⁸ до потолка. От Велижа до Витебска на 100 километров деревень не осталось — всё сожгли. И народу погибло много: немцы придут — вешают, партизаны придут — корову требуют, не дашь — стреляют. Партизаны разные были: которые по совести, а которые грубо обращались, хуже немцев — не партизаны, а хулиганы. Ночь

дрожишь — вдруг придут. Боялись и тех, и тех... После заживались на своём горбу, вручную. И робили *за колы* (трудодни ставили против фамилии). И то всё переживаешь: тую палочку поставят или нет. Картошку варили в немецких касках. Хлеба негде было достать: привезут в магазин и дают только кадрам — власть не всех ровно ровнюет». (BC78)

Фадеева Татьяна Павловна, 1905 г.р., д.Осмоловичи

«Я в войну с семилетней дочкой была у партизанах в Шалбовском бору. Немцы сделали облаву. Мужчин всех убили, а женщин с детьми отправили в концлагерь. Я в трёх концлагерях два с половиной года провела. В Люблине жили под открытым небом, совсем не кормили. Дочка умерла с голода. Что там было, умом нельзя предгавить... После войны тоже не жили, а горевали. Не было ж ничего — на себе орали и бороновали, колхозную землю лопатой копали. А бригадир стоит, подгоняет... А песен было — до одури! И на работу, и с работы — всё с песней». (ГВ76).

Общая беседа в д.Стрелки

«4 года жили в лесу с партизанами. С детьми были. И рожали там. Жили в землянках. Як карательная экспедиция, уходили подальше в лес и спали на ельнике в снегу... После войны голодовали: ели мёрзлую картошку, траву всякую. По 6-8 баб впрягались в плуг и тягали. Бороновали на себе и на коровах. Из Верхнедвинска ходили пешком 30 км, носили на себе по 30-40 кг». (BB84)

Будькина Мария Никифоровна, 1903 г.р., д.Тарасово

«Когда в 43-м году вернулись с выселок, тут пустое место было: всё сгорело и волки выли. Говорили: то не волки, а немецкие овчарки одичалые. Жили в землянках. Пахали на себе. Когда в огород шли, детей от волков прятали в корзины. Ноги пухли с голоду. Пешком ходили в Белоруссию за хлебом и солью. Мы и сейчас в Белоруссию

за всем ездим: за хлебом, за мукой, за сахаром... На 20 рублей пенсии сдохнешь, если б не участок. А было ж и 12 рублей, и совсем колхозникам пенсии не было — такое тоже было». (УП76)

Боровикова Евдокия Васильевна, 1904 г.р., д.Лобынщина

«До войны наша Лобынщина — большая деревня была: 58 дворов. И мужиков было много — до пяти в одной семье. С войны вернулось 8 человек и те — покалеченные. 23 штуки одних похоронок пришло, а скоко без вести пропавших — не сосчитать. После войны жисть была — лучше не вспоминать. На себе пахали, лён руками выбирали до 15 соток каждый день. Работали не за деньги, а за палочки. Голодали: ели траву, коренья. Хлеба и соли совсем не было, и купить их было не на что. Малые дети и инвалиды, которые с войны вернулись, сильно от голода умирали. Инвалид Степан Шелков унёс с поля 5 снопов, чтоб своих кровных спасти, а соседка донесла. И получил 5 лет за 5 снопов, несмотря что инвалид... Выходных и отпуска колхозникам ни разу не было до 74-го года, а после — один выходной в неделю. И пенсий долго колхозникам не было — сильно обижало нас государство. Потому и сносились прежде времени. И у мене вот давление, и мотор барахлит. Считаю, почти каждую зиму в больнице валяюсь. Но не поддаюсь болезни: коровку держу, хоть и трудно. Хочется ж и молочка, и масельца, и сметанки, а в магазине их не купишь. Чуть что — разгоняю неприятность песням. Заиграю песню — как рюмку перекину. Это я в батьку. Батька, бывало, лапти плетёт и поёт. Батька любил *долгие* песни, особенно про брата и сестру. Справедливая для брата эта песня — получил, что заслужил:

♩ = 120 *54 а 2*

1. Я в(ы) го-рю-шке ро-ди-ла-ся
и в го-рю-шко за-му-ж(ы) вый-шла.
2. Из го-рю-шка за-мыж за-йшла.
Про-сн-ла-ся же-на ў му-жа.

Просилася жена ў мужа:
"Пусти, мой муж, к брату в гости!"
"Вставай, жена, завтра рано,
Печку стопи, пообедаем,
тады брата спроведаеш".
Я й полем шла — протянулася,
другое йшла — на двор увзойшла.
Ажно мой брат за столом сидит,
за столом сидит, сѣдя обедает:
"Убирай, жена, хлеб-соль со стола!
Идет сестра холодная,
холодная, голодная".
А я, млада, услышала,
услышала, заплакала,
заплакала, назад пошла.
Тогда мой брат удогонь побег:
"Вернись, сестра, у мене беда:
вороной конь на стойле упал,
молодая жена на куте лежит".
А я ему ответила:
"Живи, мой брат, за горами,
а я к тебе ни ногами.
Живи, мой брат, за лесочком,
а я к тебе ни разочку".» (УП78)

Слепнева Галина Степановна, 1917 г.р., д. Усмьнь

«Мне было семь лет — я уже в поле гонялась. А щас дети? — "А мне некогда, мне нада книга!" Теперь одни *гультаи* — гуляют вместо работы — и дети и взрослые. А мы серпам жали: как станешь раком, так от темна до темна... Было плохо, но было много раз лучше. Щас техники мног навезли, а толку мало: всё в поле погнило. Хозяйство пошло на убыт, потому что руководство слабенькое. Теперь колхоз не хозяин, а хозяина везут нам с района. Теперь не голосуют. А раньше (до войны) приезжали и сидели с нам два дня, предлагали, поворачивали с разных сторон — нет ты! нет ты! — выбирали председателя... *Побаску* бабка старая говорила. Бог кормил-кормил курей, а яны всё ядуть-ядуть никак не кидают. — "Да катитесь вон, бесталанные! Кормитесь самы!" С тех пор яны век свой ядуть. Так и мы. Скоро нас как птиц пустят: идите, ешьте, что хотите, кормитесь самы. А нам и взять неоткуда и работать некому — *гультаи* мы бесталанные.

Сразу после войны это было, весной. Мы ж голые и босые: у лаптях зиму ходили, старая одёжа поносила, а новую где взять? Днём на быках пашешь (два быка у колхозе было), зелёная с голоду, а ночью, ребяток уложивши, ткёшь. Я *став* расставила, сию тку. Слышу мотор. Гляжу у окно — «козёл» пришёл, вылезает вчетверых, стучают у дверь, заходят. Все в синих пиджаках новеньких. Сапоги, милая моя, горят на ногах! Два у дверях стоят, а два ходят-глядят: как это? что это? Тебе, говорят, бабка, надо в музей²⁹. А с хлебом как? — спрашивают. А я за тыщу пятьсот трудодней по 100 грамм *шума с костром* получила — и то рада, что ребятишкам хлеб. Я в печку — как раз спекла — и несу ему. Покушайте, говорю, моего хлеба — протягиваю к носу. А ён так отстаёт-отстаёт и к двери. Не пужайтесь, говорю, поросёнок конечно того хлеба есть не будет, а ребятишки мои ядут. Лучше я вас своим молочком угошу. Налила по чашке, яны выпили да пошли. Я *дребезга*-баба была, начальству могла ответить. А тут с ногой острая парализовка вышла — видно, разнервничалась. Те четверо видно с самого веру были, может Москва их по людям послала ехать: скоро после того с нас сняли госпоставки хлеба. А молоко, мясо, яйца, шерсть, картошку — это мы всё выполняли. Годовой налог с каждого двора: 400 литров молока, 40 кг мяса, 50 яиц, 6 мешков картошки, 2 кг шерсти плюс займы. Огород нарезали после войны по 25 соток — весь запахивали под картошку, чтоб не помереть с голоду.

Откоснулась от нас *головка*³⁰, откоснулся и Бог. Нас создали на волю. Раньше: то нельзя, это нельзя, грех это, совестно. А шас воля моя и доля моя — что хочю, то и творю. Ежели с хлебом край Бог, притиснут — зарежут за буханку. Убьют человека — как в окошко выбросят. Теперь люди боятся не мертвых, а живых. Увидишь, идет — закладай двери! У нас в том году один тракториста убил. Правда, обя пьяные были. Дали ему пять лет, а через три месяца он уж пришел с тюрьмы — весь рот золотой и *треблину* нажил (пузо значит нарастил от тюремной жизни). Ежели бы зажили покрепче — надо голова за голову. Или Бога бояться. Стадо ж не ходит без пастуха — так и люди без Бога. Старые-старые люди говорили моей матери на Ордынке, как она туда ходила (под Москвой знаменитая Ордынская церква была, туда со всех концов монахи собирались): всё пойдет друг на друга — сын на отца и брат на брата, отрякнётся от нас Бог. Так и вышло. Остался у нас один *дивесить*³¹ — чёрт на хвосте. Так и живем *от Бога отрякнутые*. А знаешь, кого встарину так звали? Колдунов да *самотратчиков*³². Все мы ныне сами себя традим». (КП81)

Паничева Анастасия Алексеевна, 1924 г.р., д.Хлевище

«Мой прапрадед поляк был. Будто сбежал он с Кракова под Смоленск после восстания — отрубил уряднику голову топором. Я в него видно. В пять лет ходила в рижку чёрта глядеть — бабка сказала, что в двенадцать часов ночи чёрт приходит в рижку греться. Хвост, говорит, у него шелобокий, глаза ясные, а роги большие. Я и пошла глядеть тое чудо. Стала на пороге и шепчу: "Чёрт-чёрт! Ходи — глядеть тебя пришла!" А он шасть! мимо меня на улицу и сел недалёко. Я пригляделась (луна как раз была) — это ж дядькин кот, а не чёртик. Бабка, старая карга, солгалá... С шести лет я коров гоняла в поле. Четыре лета отгоняла, а потом на почту устроилась и в школу пошла, 4 класса кончила. На ярмалках дралась не хуже мальчишек. Была бы мальцем — из тюрьмы б не выходила.

Говорят, кто скуп — сам себе не глуп. А наши кулаки не кулаки, а дураки были: прижимистые были, работающие и языком трепали, вроде меня. Их всех в тридцатые годы — под метлу. б деревень у нас ликвидировали к 39-му году, лесом они давно заросли. Будешь смелей — побьют поскорей.

А моя душа не берёт барыша: никогда не жила сыто-прикрыто и всю жизнь — делов, как дров. Зато ни денег, ни запасов. Но видно нынче что-то большущее под горой подохло, это подумать только: с марта месяца мне дают 20 рублей, а не 8,50, как раньше³³. Теперь не на одно курево да лекарство хватит — и на хлеб есть и останется про запас. Одним словом, года за два куркулём стану, если не подохну. Но я не спешу на тот свет — там кабаков нет. Может, косая и подбирается уже — пусть подбирается: я её между коленками зажму да высеку, если не вовремя придет. Сила в руках у меня ещё есть — весь колхоз бы перепахала. Да вон на одной ноге много не проскочишь. А когда две были, с Сибири домой пешком пришла. С ФЗО убегла. Нас, мальцев да девок, много набран было в это ФЗО и в Сибирь увезён, как война началась. А там голод и холод в общежитии. Мы и стали тикать понемногу. Хорошо, что не попалась — упекли бы в тюрьму. Пришла домой. Хотела на войну — не взяли. А послали с бабам окопы рыть для фронта. Я там сильно простыла, ангина пошла. Военный доктор велел сестре укол сделать. Через тот укол я и калека: газовая гангрена началась на ноге, отрезали — гуляй, Настя, по свету! Была Настя да сломалась. Тую сестру увидела б — своими руками задушила.

Я что зарабатываю шитьем да вязаньем, Марье отдаю — она ж меня кормит. У нас с Марьей скота: тринадцать кур, петух, две свиночки маленькие, пять кошек, два кота — вот сколько скота. Живу-то я — не живу, а существую, для того чтоб бабам юбки шить да

кофты вязать, а пока ноги были, я не о такой жизни мечтала. Сижу, как в тюрьме, и лезет в башку такое, что неохота ни жрать, ни лёгким уснуть. О своем будущем твердо знаю, что его нет, а прошлое мое, порой смѣшное, порой страшное — ни детства, ни юности я не видела. А старость одинокая и безнадежная уже подходит, и никто не в силах ее остановить.

Ну, бабы, знаешь: где две бабы, там базар. Сидят собравши бабы и начнут брехаться. А я им что-нибудь смѣшное-потешное скажу, чтоб посмеялись (язык-то у меня ловко подвешен). Ну, скажу, знаете, бабы, как толстая Настя у Лúках³⁴ пирожкам торговала? "Эй, говорит, налетай! Пирожки свежие: как куснёшь — так уснёшь, как захочешь — так ускочешь". Тисть! вилкой пирожок — хрясть! вилкой зуб. "Ой, говорит, какие свежие — даже вилку сломала". Так бабы умирают со смеху. Или вот ребятки-школьники придут, обступят меня: "Тетя Настя, расскажи!" А я им: "Ладки-ладки, поповы ребятки, горох молотили, обичи сломали, за замёт закидали. Поп с застолля поломал колля. Попадья с печки разбила плечки. Петух с поду разбил сковороду. Мышки з ямки побили склянки".

Или про Хомку да про Ярёмку — тоже со смеху помирают. А я ж этого ничего не видела и не слышала. Откуда оно растёт — чёрт его знает. Как приходит, так и уходит, если не записать. Мне, когда сижу долгое время одна, молча, любое может влезть в голову. А чуть кто появится, всё как дым улетаёт. Вот я и пишу вам, чтоб не потерялось. А вспомнить еще раз то, что писала, не сумею. И может быть никогда... Я сама не могу себе объяснить почему, но так выходит: если думать, то придумывается, но очень скоро забывается. А чуть за что зацеплюсь — то за солдата, то за бедного, то за богатого, то за ведьму, то за чёрта там или за попа — и пойдет в башку чепуха. И лезет, лезет, лезет... Пиши — не забудешь, не напишешь — второй раз уже не придумаешь. Вот такая петрушка у меня в мозгах... Третьего дня задремала я в уборной. Проснулась, иду домой и говорю: "Бродяга ж ты, Машка! Где твой солдат Яшка?" Ну, так просто сказала сама себе. Обожди, думаю, что-то к этому Яшке прилепится. Ну и написала вам про кобылу Машку и солдата Яшку. Хорошо, что Марья спала. А проснись она — писанину спугнет и улетит... Или вот про Сатáну. Ета Сатáна так мне надоедала: то ходила, то бегала, то скакала да притом красивых девушек хватала да в подземелье таскала. А когда я её написала — надоедать перестала.

Если я выкрою время писать, то зараз полтетради, пять-шесть сказок в один день напишу. Это в те дни, когда я не хочу ни шить, ни вязать, ни вышивать (по воскресеньям или в какой другой праздник)... Я когда в школу ходила, мне всегда попадало по русскому письменному: предложения никак не отделяла. И по сей день у меня нет ни точек, ни запятых в моей писанине. Там уж как-нибудь

разбирайте. Может и не нужно вам столько чепухи — так вы её в корзину. А сейчас сколько её толкается в моей башке! Но писать не на чем. Тетради, как привезут в магазин, забирают в школу, а на почте у нас бумаги нет в продаже. Так вот сажу-вяжу, а они потолкуются и пропадут, выскочат и убегут. А ещё сколько этой чепухи за это время прилетело в головы и вылетело! Так что окромя бумаги ничего не посылайте: деньги ж не снег, вы их не нагребете и не нарисуете, а надо заработать. У вас за воду и ту надо платить и каждую мелочь в магазине покупать. А у нас вода бесплатная и картошки своей вволю... У нас тепло стало, всё зазеленело, и травка и лес. Птички поют. Все выползли, копаются в огороде, скот выпустили в поле. Огород ещё не пахан: лошадей нет. Не знаем, как будет. Одна лошаденка на две деревни, не скоро до нас очередь дойдет. А тракториста не наймешь — водкой платить надо. А где её взять? До магазина в Стеревнёво сейчас не дойти — все дороги размыты. Да и денег таких у нас нет. Только не вздумай, Алёнушка, ничего присылать, окромя бумаги, не порти дружбу. Я ж тебе ничего не пошлю в ответ: у меня своего ничего — только костыли да машинка. Если не хватит нам наших пенсий (моя 20 да Марьиная 38), дак не беспокойся: я умею деньги делать... Не обижайся, Алёнка, что называю на ты. Когда-то генерал денщика спросил: "Почему ты Бога называешь на ты, а меня на вы?" А денщик и говорит: "Бог-то один, а вас, окаянных, много на мою голову". Так и ты у меня одна. Спасибо, что нашла меня. Я ж раньше своей чепухи не писала. А встретила тебя — пишу и сплю, и жру, и башка не так болит. Хоть и пустое, может, это, но мне легче — меньше лезет в башку о себе лично...». (УП74-83)³⁵

Степанова Ефросинья Тимофеевна, 1917 г.р., д. Устье

«У нас один петух на три области поёт: наше Устье с этой стороны Западной Двины, а с той стороны Межа в Двину входит, так там с левого берега Дорожкино Калининской области, а с правого Сертёя Смоленской, и получается, что петух закричит или собака забрешет в одной деревне, а в двух других слышно. И колокол раньше звонил на три области, токо они губерниями назывались. Мы были сертейского прихода. В Сертее две церкви были, обе деревянные, Большая, "Успение" называлась, стояла на горе, а маленькая, "Пятенка" — на кладбище. Пятенку мой дед строил, один, по обету (дед был *осилок* — балки на голове держал). В 1930 году обе церкви *раскопали*, и началась эта суматоха — раскулачивание. Кто нейдет в колхоз и не может выплатить твердый налог, того "черный ворон" забирал.

Пробовали сначала сделать коммуну. Пришла 43-я стрелковая дивизия, свезла вместе две деревни, Жигули и Панково, со всем хозяйством и барахлом; десять красноармейцев осталось, остальные уехали делать коммуны в других местах. Вилкам да винтовкам загоняли нас в коммуну. Всё добро своё свезли: скот, сало, хлеб, яички. Пока всё свое не скушали, хорошо было. А там и разъехались по домам. Из коммуны сделали колхоз имени 43-й стрелковой дивизии.

С 1932 года повсюду стали колхозы. Установили двухпроцентный фонд: каждый должен отдать колхозу зерно на случай неурожая. Один сосед сказал: "Зачем засыпать в колхоз? Будет неурожай — мы и так дадим голодающим бесплатно". За это ему 5 лет дали... Девоч в те годы заставляли вырубать делянки — за 3-4 сотки давали 3-4 метра ситца по 34 копейки (иначе его не купить было)... Отец говорил, что косил пану "с половины" на панских землях: половину пану, половину себе. А теперь надо косить на 10 колхозных коров, тогда уже дают косить на 11-ю, свою. Вот люди и не вздохнут держать коровку: в нашей половине деревни после войны было 25 коров, а сейчас 8. У некоторых по *полкоровы*: на двоих одна. В бригаде у нас 5 женщин из двух деревень. Остальные пенсионеры. А мужуки, как токо паспорта дали, сразу ушли с колхоза на лесосплав». (КП84)

Мозаков Арсений Семёнович, 1905 г.р., д.Огороды

«Бьются за колхоз, а не за колхозника. Издьякаются местные власти над своими. Если б так делали, как указания дают! Брежнев установки даёт правильные — ён же не знает, что здесь такое творится! Тут без войны война. Надо косить и принесть так, чтоб председатель не увидел. Увидит — отберет до последней травинки. Потому как надо сперва на колхозных коров накосить, а я и на свою полкорову не вздохею». (ТК81)

Сапёрова Анна Ивановна, 1909 г.р., д.Церковище

«Куда молодежь из деревни девается? — А всё к вам туда: город сильнее деревни. Раньше молодежь не убегала — каждый за своё держался. А после своё разорили, а колхозное не наладили. В 1952 году старший сын убежал в город без паспорта. Тады трудно было убежать: прокурор ночью на машине дежурил. А ён всё равно убег, за то

что какая его жисть у нас молодёжи? Всю жисть в грязи живем. Это токо так хвалят: в деревне жить — здоровым быть. Хвалят да с двору вают. Нет, в деревне жить — затуркали-заплевали. И как это жисть наладить, чтоб выпустили весь народ с сельской местности?» (УП71-72)

Сергеев Петр Наумович, 1917 г.р., д.Церковище

«Я работаю в строительной бригаде колхоза "Верный путь". У нас в бригаде 9 человек, и все 9, включая бригадира — горькие пьяницы. Один побывал в сумасшедшей больнице в Сафонове, принес оттудова таблеток успокаивающих: жёлтенькие такие, маленькие, как шестая часть от ногтя. В каждой таблетке, говорит, по 300 градусов. Я четыре таблетки принял и правда, как пьяный стал — руки ватные, ноги не слушают, шатает всего. Еле-еле домой дополз, на печке отлежался. А другие и больше брали. Один сразу 25 штук отхватил, так его синего в больницу повезли и с трудом откачали... Для чего пью? Чтоб с Богом разговаривать! А как на другой день башка трещит — с чёртом говоришь, потому и надо опохмелиться. Я тогда у Любы [дочери] одеколон или духи найду, как бы не сховала. Выпью — и легче станет». [Реплика жены: «На этих людей токо атом нужён!»]. (УП72)

Из разговоров на похоронах в д.Щепуново

«Три сына у ней, и все пьют. Руки-ноги поломан от пьянки. Младший, Ванька, с матерью жил. Бил её по-всякому: палкой, головой об стенку... Она с синяками да переломами не раз в больнице лежала. Корова, говорит, побила. А врач ей: "Тебе на тую корову давно в суд подать надо!". Теперь, видишь, етот Ванька у гроба сидит, плачет-убивается, себя зверем обзывает, валерьянки требует».

«Брось, ето до первой рюмки. Напился горелки — и грёху никакого».

«Если мы горелку пить не будем — государство пропадет!»

«Горелка язык развязывает, а кто с языком — тот с пирогом».

«Ныне горелка всё решает. Во всём белом свете от неё беда».

«Деньги стали платить — вот и пьют. Народ стал злее — всё денег мало. И токо ругаются».

«Раньше если на танцах парень выругается, ни одна девка с ним не пойдёт. По одежи народ был некультурный, а по ругани — сильно культурный».

«Была тёмная старинушка. Теперь не живём, а цветём. Но сами себя ведём неправильно: решила пьянка и конец! Молодые тратят себя сами: каждый день пьют и убиваются, оглохли пить. Раньше так не пили — когда своя земля, пить некогда. А теперь ни хреста, ни пояса, ни стыда, ни совести». (УП71)

Баранцова Матрена Ивановна, 1891 г.р., д.Пожары

«В Гражданскую муж два года провёл в комсоставе. В 1922 г. переселились на хутор, 14 гектар земли нам дали, 13 годов на хуторе прожили, потом — гроб! — колхозы... Сперва было нехорошо, а тады привыкать стали, разживаться — бах! — война... Не по совести раньше делали: богатые хозяйства разоряли, мужуков увозили. Никто не вернулся. И моего б на "черном вороне" увезли, если бы не комсостав. А кулаки своим трудом жили, наживались. 2 коня да 3 коровы — вот тебе и кулак!.. Много издевались наши над нашими, а батрак и в эту жисть остался батраком — не хочет работать.

Раз теперь Бога нет, Бога не признают, то всё можно. Вот, к примеру, мужик, что гонял в колхоз. Прозвище ему было Ленин, и ребят евонных лениновыми звали. А какой ён Ленин?! Болтун был, жёнку бил, по чужим бабам бегал. И лениновы ребята выросли горькими пьяницами... Раньше как ребят учили: "Не балуй — Боженька рассердится!". Темный народ был, но боялись греха. Никто вперед старшего ложку в суп не совал. Малым детям говорили: "Не топчите рожь, а то на том свете по гвоздям ходить будете". А теперь и тракторам, и машинам топчут. И никто ничо не боится.

У нас до войны было 40 дворов, а шас 7. А жителей всего 13 человек. До войны одних женщин было 85! Как выйдут зараз сено гресть и запоют артельно — любо послушать. А на свадьбах какие песни играли! И шас играют, токо артель маловата — 3-4 бабы — вот и все *игрицы*. Я на свадьбе всегда завожу свою любимую, как невеста с женихом встречается:

♩ ≈ 140 6а 11

1. Плы-ла ву-ти-ца,плы-ла ше-ра-я по си-не-му мо-рю,

по си- не- му мо- рю.

2. За ей се- ле- зень, за ей се- зе- нький,

за ей у- до- го- нку,

за ей у- до- го- нку.

3. "Постой, вутица, постой, шеря,
с тобой пощечем". (2 раза)
4. Я в бор полечу — (2раза)
Ягод наклююся. (2 раза)*
5. Я в мох полечу —
водички напыюся.
6. Пошла Катенька, пошла милая
на вулицу гуляти.
7. За ей Сашенька, за ей беленький,
за ей удогонку.
8. "Постой, Катенька, постой, милая,
с тобой поговóрим".

Дальше немног забыла... Свадебные песни сильно интересные. А нонешние, какую ни играй — одним тоном. Где их токо нахватали? С заграницы, верно...». (УП77)

Петрова Прасковья Фоминична, 1902 г.р., д.Пестюхино

«Я на ферме 20 лет отработала: по 10 коров рукам доила и по 10 теляток рóстила, да кормá каждый день по 35 килограмм на спине таскала (километр надо было ийти с *берёмой*³⁶, — вот и сносилась).

* Дальше — та же система повторов.

Редко когда давали 10 копеек или 200 грамм зерна за трудодень — больше "палочки" писали. После войны, может 10 лет, бабы на себе плуг тягали, по 7-8 человек впрягались. Копали лопатой. 5 соток скопашь — 1 килограмм муки дадут, 6 соток — 2 килограмма. А всё с песней — и на работу, и с работы:

Поработала в колхозе
заработала я честь:
на руках одни мозоли
и на жопу нельзя сесть.

У колхозе я работал
и домой не заходил —
председателю колхоза
всё равно не угодил.

Бригадир у нас хороший,
от всегда с улыбочкой:
если нада лошадёнка,
приходи с бутылочкой.

Всю пшеницу за границу,
всю картошку на вино,
а голодные колхознички
пожалте на кино!

Я песняхоркой была, про меня говорили: "У нас одна Прасковка весь народ веселит". Как выйду в поле, сразу завожу:

Мы чужие крыши кроем,
а свои некрытые.
Мы чужих мальчишек любим —
свои позабытые.

И правда, кинули мы своё милое, пошли искать постылое. Извёл Ленин старую жисть, и вся жисть враскол пошла. Раньше друг друга жалели, а теперь народ безжалостный стал. Раньше Бога да батек боялись, а теперь что? Небо раздолбали, расковыряли летавши — вот Господь и наказывает. Скоро небо на землю упадет. Сейчас все вумные, образованные, а не знают, как дальше жить. А раньше знали, и старые люди предупреждали: не будет народ Богу верить — и Бог век укоротит. Усей свет проволокой скошеляют, на каждом угле проволоку повесят. Усохнут леса, и реки пересохнут. Ни в одной семье не будет мира. Напоят золотой чашей весь народ, и будет сын батьку убивать, а батька сына. И матери будут детей в серёдке сжирать. Будут искать того человека, хто Бога знает, и не найдут... Господь сказал: хто Мене где помянет, с тым и Я. А мы кого поминаем? Одних чертей! Вот черти в нас и вселились. Теперь чертей

нет — все в нас. И всё лесом зарастает — и поля, и деревни. Постройки скоро все в землю уйдут. Скоро-скоро в деревне не будет никого... В Библии про всё написано: как сознавать надо, как веровать. Но эта книга не к этим людям и не к етому закону. Закон уже другой пошёл: ни церковей, ни праздников — дико стало. Деревянную нашу церкву в коллективизацию разорили: по бревнышкам разобрали, хотели в Усвят везти клуб строить, да только кинули и сгнили те брёвна. Хорошо, что бабы ночью успели иконы по домам разобрать. Кто сховал, а у кого муж-коммунист — по реке пустил (такей старинный закон — богов по воде пускать, а сжечь или там сломать — край Бог!). В войну, как на *выселки* уходить, мы богов у ямку закопали в лесу. А как вернулись, прокурор с Усвят приехал и запретил иконы держать. Одна стереви́нская, Вольга Баранова, пошла как-то на огород, смотрит — а там рекой доску к берегу прибило. Подняла Вольга доску — а ето Богородица, та самая, какую она ещё до войны в реку кинула. Так даже мужик ейный, коммунист, и то сказал: "Пусть висит, раз сама дорогу домой нашла через столько время!"

Зажилась я на етом свете, жду вот Ивана Лопатина (смерть значит). А на тым свете расскажу, какая теперь жисть светлая, какие Советская Власть машины придумала — что сама запоминает и слово в слово за тобой повторяет. И старухи сыты стали: по 20 рубликов на *кружок* всем дают, дают и на песочек, дают и на хлеб — вот яны и не умирают. А тут ещё старым умереть не дают — магнитофоном подогревают». (УП75)

Светенков Иван Сергеевич, 1905 г.р., д.Лобачево

«Я скрипку с детства люблю. Отец на гармошке играл, а я лет в пять сделал маленький ящичек наподобие скрипки, натянул проволоки и палочкой пробовал играть. Отец увидал — и бтдал меня в ученики к Трофиму Лазуте из Рябцево. С 12-ти лет я уже с отцом на свадьбах играл: он на гармошке, я на скрипке. И щас играю на свадьбах. Но больше люблю играть с цимбалами. Цимбалы со скрипкой — самая компаньонская игра: скрипка поёт, а цимбалы звук дают. Особенно хорошо у скрипки получается, когда невеста на *вечеринке* прощается с *боярками* и голосом плачет, а ты тон выводишь — звуком тон даёшь, подражаешь на плач. Ну, современная невеста конечно не плачет, а матки некоторые и сейчас караул кричат, как дочку за стол сажают и *наделяют*. И из родни плачут. Особенно голóсит та, у которой горе домашнее. А ты в это время *наделяную* выводишь — выражение жалобное у скрипки с голосом получается. После *на-*

дела невесту везут в сельсовет расписываться. А раньше везли в церковь *под венец*. И лучше было: семья крепче — отвечали перед Богом. До войны еще церкви позакрывали, попов посылали. А зачем? Попов судить — на то есть черти.

Раньше жили сплоченнее, особенно молодежь. Как *сберётся* на гулянку человек 15 девок и человек 30 парней, выберут дом для танцев, пригласят музыкантов. Здесь и скрипка, и гармошка, и цимбалы. Поют и танцуют до ночи. А что танцуют? Кадрили, простые и *хрестовые*, польки, *лентя*, падеспань, чардаш, краковяк. Кадриль и *скобаря*³⁷ запретили теперь играть. Помню, после войны приезжал к нам уполномоченный с района и на собрании говорил, что это отсталая музыка, а надо играть советские песни и марши для поднятия духа у населения. Сейчас всё запрещают — того нельзя, этого нельзя — вся жизнь в притиснениях. Кругом план и экономия, а интересу нет, потому как не своё». (УП73)

Из общих бесед в д.Пухново

«Колхозы у нас устанавливали с 1931 года. Мой брат строил коммуну в Бараново, да не состоялась... Жил наш сосед Роман Мельников. Он сильно-сильно робил. И детей своих рабочих живьем мучил — робили день и ночь. Он не содержал работников никого. Но с этого своего труда он землю купил, маслобойку, веялку ручную, имел жеребца. Его за это раскулачили. А кого раскулачивали? — Тружеников! Который сам до капли крови трудился. А который содержал работников, прислуг — он сумел увернуться. Он и сегодня сидит где-нибудь в королях! А который трудился кровавым мозолем, того посчитали богатым, того и сегодня нет. И детей нет половины... Вот скажите, что я неправду говорю! Пусть мене забирают к старости — мне всё равно помирать скоро. Можя и теперь будет так, как было: вот я говорю, а меня запишут, всё-всё запишут, и "черный ворон" подойдет...».

«Раньше пан, а щас замучил план».

«Кто был пан, тот и есть пан!»

«Не, паны — такие, что был ничем, а стал всем. Раз он стал со старца, с лапотника паном, не работавши, не кушавши труда — он не робил и робить не будет».

«В конторе все коммунисты. Наши коммунисты-лапотники токо голосовать умеют: "Кто за что? И я за то!". Спроси у них: "Скоко будет дважды два?" — "Скоко надо, стоко и будет". Все предсе-

дателю подмазывают, один другого покрывает. А председатель: "Мажьте, мажьте, что я говорю!"».

«У нас нет того председателя, чтоб пять-шесть лет был: карман напихнёт и уезжает. А коли застроились здесь — дворы как у панов-королёв стоят. А у нас как не было, так и нет ничего».

«Наши коммунисты не робили, а токо сосали нас и государство. Они нас, дураков заикатых, и купят и продадут».

«У каждого по две машины: своя и государственная. Своя стоит в запасе, на государственной ездят».

«Едут по полю проверять урожай. Ну, что? *Ли дороги*³⁸ всюду красиво! С машин не слезут, не пройдут, не поглядят. Я говорю этому пузатому, что к нам приезжал, и его, говорят, в Соловьёве чуть бабы не убили, я говорю: "Давай пройдем! Проведу я вас немножко по полю. Хватит вам ездить!" — "Ну, я не за тем приехал, чтоб по вашему полю ходить!" — "А за чем ты приехал? Раз ты не за тем приехал, чтоб поле глядеть, так давай нам, что было после войны: план takiej на молоко, масло, яйца, мясо, чтоб выполнить нельзя, да по тыщи займа. Вот такие давали, как и ты приехал. И они с людям не разговаривали — дали план и поехали. Пока до того доотобрались, что сдевали с людей последнюю рубаху, голыми по полю отправляли. Ну, было ж так? Было!».

«И придут — всё пообберут у хате: машину швейную, подушку... Брали-брали, брали-брали, пока брать больше нечего. Драли кожу».

«Я хоть солдатка была — мне было легче. А у сестры (мужик у ей помёр) двое детей осталось: два и четыре года. До того добрались, что было у ей пуда три бураков под полóm — полезли под пол, выгребли!».

«Никаких не было учётчиков. Один бригадир. Он нами распорядился — мы и пошли на своё место. А в конторе кто был? Председатель и ещё счетовод. И всё. Это до войны. А щас скоко их на одного рабочего придёт, дармоедов? Сходите и сосчитайте! Хоть и перестройка, но они робить не пойдут, не! Где же они пойдут, когда они не робляли? Эта перестройка токо, что они волнуются, что их выгонят. А выгонят — на другое место перелетят — им еще лучше будет! И зарплату как они получали против рабочего, так и будут получать. Ну, честно это правда, душевная правда! Я говорю действительную правду — вы токо не пишите, а послушайте».

«Приди к нам у контору сейчас: они там не делают ничего, токо дверям хлоп-хлоп! хлоп-хлоп!.. Ходишь по тым кабинетам, а куда иттить, не знаешь».

«Кому робить? Некому! Заросли, обросли и всё! И всё валят, что это мы недоделали. А где же вы, начальство? Чего ж за рабочим не глядели? Деньги ж вы получаете! Вам же плотют больше, как рабочему!».

«Что они этой перестройкой сделают? Ничего не будет теперь. Поздно! Это всё зря, всё зря! Перевернут токо сверху вниз и всё».

«Нет, Вася, не будет так, поверь мне, не будет. Токо получают они много — ещё больше будут получать. А эта нищета как нам, так и нашим детям. Как была беднота бедна, так и будет бедна. Как батьке моему не пришлось жить в королевском доме, так и мне не пришлось и детям моим не будет. Лучшей жизни не приходит мученику и труженику. Приходит жизнь к тем, кто не работал и работать не будет».

«Есть же семьи слабые. У этих как не было, так и не будет, за то что у них за спиной нет никóго. Никóго! А у сильного? Он всё равно в руководстве — он уже зашёл, он зажился, у него теперь кругом знакомства — его знакомый район, его знакома Москва. Он всем будет. Он будет капиталист. Он всё вышеет, а колхоз всё нижеет».

«Я слушала тут передачу. Забыла фамилию, выступал один. Половина зала поднялася, чтоб он не говорил. Запретили ему говорить на конференции етой. Он говорил против, как и я сейчас. Его уже перевели в другое министерство, сняли. Он уже не на том месте. Потому что он говорил всю-всю правду. И так оно и будет. Я старый человек и всё вижу кругом. И будет хуже худшего. И оно теперь никак справедливо не установится. Потому что сильно поздно за это взяли. Надо было раньше, когда их залезло в голову меньше, этих всех, которые негодные».

«В первую очередь надо браться с головки — рыбина гниёт с головы. Всех этих коммунистов повыгнать с контор ихних, чтоб робить научились. А то щас робить некому: на одного рабочего десять начальников».

«Кто был леней, кто был дурней, тот лез в партию. Их всех-всех принимали. Только б полез — его примут. Кто робить не хотел, кто хотел больше пить — каждый лез туда. Кто больше пьяница, тот в партии. Что он ни наделает, ему всё прощён — за это он туда лез. Не доробит — ему прощён. Напьётся — опять прощён. Надо ж его наказать — его надо сперва с партии исключить, не исключивши наказать нельзя. А я как непартейная провинилась — так я и наказана. Може у вас не так? У нас — так!».

«Он понимает токо, что руку поднять. За то его и держат, и деньги плотят большие».

«Старый режим разогнали, а теперь хотят вернуть. Ничего не получится — люди разучились работать».

«Ну, Горбачёву не будут докладывать, что так. Всё будут оправдывать».

«Оправдывать будут почему? Рука руку моет! И только этот Горбачёв собьётся, смучается, и эта перестройка пойдет вся впус-тую. И робить их теперь не заставишь. Их бы заставило робить,

когда б их выгнать всех и чтоб они во где робили — в колхозе! Это перво-наперво. И никаких этих подрядов, ни нарядов! Простыми рабочими в поле!».

«Выгнать надо, может, половину с Кремля, может, и больше. Ты погляди в кино, скоко их там сидит — миллионы!»

«В одном Пухнове Горбачёв не перевернёт жизнь — а во всём государстве?»

«На одно Пухново десять Горбачёвых нада — тогда может что и будет. А на всю страну скоко их надо?» (КП88)

Корпусов Сергей Ефимович, 1925 г.р., д.Бараново

«У нас чуть что — давай менять быка на индюка! То "всё для народа", а то вдруг перевернут этот народ кверху тормашками. Живешь — переробдишься — опять живёшь. Теперь вроде жизнь дали. Да кому давать? Некому: кто умер, кто съехал. И всё равно зарастём мы травой... Одна радость — гармошка. Особенно, как мех легко идёт — день и ночь играл бы. Где свадьба, где гости — там токо Корпусов!». (КП88)

Старовойтова Татьяна Степановна, 1899 г.р., д.Дворец

«С разумом никто не родится — все учатся. Нас учили: не спускай с сердца Бога — тебе во всём подмога, тебе попреку не будет до веку. Ещё нас учили: рыбина любит глубину, а человек — добрину. Подходом люди живут: как ты к яму подошьшь, так и он к тебе. Нада *увáга*, нада совесть, нада забота. Но что говорили, тое забыли... Можа и правда: меньше знаешь — меньше переживаешь. Токо ета можа на что похожа? Ведь без веры един скот, а человек — ён всегда с верой. Бог долго ждёт да больно бьёт. Вот по жизни и жильцы стали: ни Бога, ни совести — живут, как хотят... Тады люди были совестней. Тады работали сами на себя: что сробишь, тое и снимешь. Каждый сам себе стоил. Теперь вся земля кустарником заросла — некому робить. Одни пенсионеры, молодёжь разъехавши. А мужчины попились. В одном Стеревнёве в том году 5 человек по пьянке удавилось. И женщины пьют. У нас токо куры не пьют. Убила горилка людей, и нечистый дух в них вселился... В войну вволю мы травки поели: ели липу, лебеду, шейки с осоки. Теперь опять бяда:

и пить и есть что ёсь, а жизни нетути. Жили бы, как в раю, коли б все вопросы не решались водкой. И люди работать не хочут: кажинный на часы смотрит, а не на работу. Была бы здоровой — озолотилася... Спустила ета жисть всех людей, и сами сбились с дороги — какая власть, такая и масть». (УП177-80)

—

Медведева Александра Васильевна, 1912 г.р., д.Всеселово

«Мы жили в другое время. Сейчас работают: в 10 часов планировка, в 12 — обед до 2-х, солнышко за лес — домой пошли. Это в 5 часов с работы пошли! А мы бывало в 10 утра все уже мокрые и до черноты в поле. Иногда и ночевали...

В старину верили в Бога. Верили и в чёрта. А теперь сами чертями стали. Ни Бога, никого!

Бог — это своя совесть. Вот мой Бог: не обидь человека, не укради у человека, дай помощь, если он погибает. Вот это будет Бог. И раньше боялись этого Бога. "Не трогай, а то Боженька ручку отрежет!" — ну и не трогаю, боюсь Боженьку. Если хочу что взять — глядь на Боженьку — а он ухо отрежет! А сейчас скажи, что не трогай. Да сто раз скажешь, а она [внучка] возьмет — "А я хочу!".

Мы жили в другое время. И не надо равнять то к этому». (КП88)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикацию аналогичных текстов, записанных в данном регионе, см. в работе: Разумовская Е.Н. Плач с «кукушкой»: Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья: По материалам экспедиций 1971-1981. // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С.160-178.

² *Гоняться в поле* — пасти по очереди личный скот крестьян.

³ *Васильевская Коляда* — канун Нового года (1 января по старому стилю — день св. Василия Великого).

⁴ *Мостничина* — доска, половица; здесь — столешница.

⁵ *Ёжа* — еда.

⁶ *Драча* — приготовленная под пахоту целина с выкорчеванными (выдранными) пнями.

⁷ *Шум* — сор.

⁸ *Мосёл* — большая кость; употребляется как ругательство со смыслом «скупой», «скряга».

⁹ *Жляб* — злой, тупой (искаж. от «злобный»).

¹⁰ *Наделять* — одаривать жениха и невесту в день свадьбы деньгами или вещами.

¹¹ *Отводы* — третий день свадьбы (раньше — понедельник), когда невесту «отводят от дома» — везут прощаться с родными, забирают ее вещи и разрезают свадебный каравай.

¹² *Домовё* — гроб.

¹³ *Наведы* — обычай приходиться к роженице с поздравлениями («наведывать» ее) через две недели после родов.

¹⁴ *Ряту́нки кричать* — звать на помощь.

¹⁵ *Князь и княгиня* — ритуальное название жениха и невесты в свадебном обряде.

¹⁶ Имеется в виду советско-финская война 1939-1940 гг.

¹⁷ *Дыливание* — подражание голосом инструментальному наигрышу на слогах «дили-дили».

¹⁸ *Обжинки* — обряд, приуроченный к окончанию жатвы;

Борода — последние несжатые колосья в поле, предмет различных ритуальных действий (завиванье, хороводы и т.п.).

¹⁹ *Лёдень* — вырубленный в реке кусок льда или обледенелая доска для катанья с гор.

²⁰ *Комля* — река, левый приток Ловати.

²¹ *Сподаваться* — обижаться («давать обиду»).

²² *Костер* — отходы от обмолота зерна, мякина.

²³ *Буян* — пустырь.

²⁴ *Урицкое* — село, сборный воинский пункт.

²⁵ *Всех до* — всего хватает.

²⁶ *Залётось* — год назад.

²⁷ *Заменные молодые* — ряженые «молодые», обычно переодетые в одежду противоположного пола старик и старуха, появляющиеся в некоторые моменты свадьбы в роли молодоженов.

²⁸ *Былъник* — полынь, вообще сорная трава.

²⁹ Г.С. Слепнева — замечательная рукоделица, вся изба у нее украшена изделиями собственной работы: занавесками, набожниками, покрывалами, дорожками и т.п.

³⁰ *Головка* — любое начальство, здесь — государство.

³¹ *Дивесить* — дефицит.

³² *Самотратчик* — самоубийца.

³³ Пенсия по инвалидности.

³⁴ г. Великие Луки.

³⁵ В указанные годы от А.А. Паничевой записано на магнитофон 18 сказок, 396 текстов прислано ею по почте; кроме того, зафиксировано множество быличек и всевозможных клише, которыми пересыпаны ее речь и письма.

³⁶ *Берёма* — тяжелая ноша.

³⁷ *Скобарь* — здесь псковские частушки.

³⁸ *Ли дороги* — возле дороги.

Ф.Ф. Перчёнок

АКАДЕМИЯ НАУК НА «ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ»

Середина двадцатых годов. Передышка. Надежды. НЭП. Ленинград.

Отошли в прошлое хлебные пайковые осьмушки, заменявшиеся, бывало, ста граммами натурального овса, и столовские обеды из травяного супа с ржавой селедкой. Научным работникам всех пяти категорий не надо самолично являться за пайком в Аничков дворец, волоча самодельные саночки либо тележку. Не отбирают комнат вместе с библиотекой, лабораторией, кабинетом. Реже врываются с обыском. Реже отказывают в пайке (хотя по-прежнему надо доказывать, что твоя научная специальность нужна Республике). Вновь пущены трамваи по центральным, «буржуйским» районам Питера. Профессора не работают в порту, где погрузка-разгрузка давала им, кому позволяло здоровье, средства к питанию. Вещи проданы и обменены. Настали времена, когда никто из академиков, кажется, не умирает ни от голода, ни от непосильного быта, ни от полного упадка духа: в 1918-20 так скончались В.В. Радлов, Я.И. Смирнов, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.С. Федоров, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов, И.С. Пальмов.

Будто отхлынула смывающая все волна. В 1918-23 побывали под арестом: из академиков — С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, А.А. Белопольский, В.И. Вернадский, И.Ю. Крачковский; из почетных академиков — Н.С. Таганцев; из членов-корреспондентов — А.А. Кизеветтер, Н.К. Кольцов, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.А. Дмитриевский; расстреляны почетный академик великий князь Николай Михайлович (историк) и член-корреспондент Т.Д. Флоринский (киевский славист). Ничтожно мало в сравнении с тем, что ждет впереди. В середине двадцатых, с февраля 1923 по начало 1928, из персонального состава Академии наук, кажется, только два члена-корреспондента, Д.И. Абрамович и К.В. Харлампович, прошли через арест и угодили один в Соловки, другой в Казахстан.

Часть науки втоптана в грязь. «Нам буржуазная статистика не нужна!» — заявил вскоре после Октября один из помощников Зиновьева в ответ на попытку спасти статистические материалы прежнего Министерства торговли и промышленности. Такое отношение встречала не одна статистика. К середине 20-х эмигрировали или высланы

не только многие «светила науки» — вышвырнуты вон сами науки и направления: правоведение, политэкономия, социология, философия, многие разделы истории, славистики, вообще — гуманитарных наук.

В «разворошенном бурей быте» энтузиасты науки собираются вокруг ученых-организаторов и возделывают новые оазисы вдоль того потока свободной мысли, что еще не вполне перегорожен. Институт прикладной ботаники, Физтех, Радиевый институт, Оптический, Институт экспериментальной биологии: всё науки естественные, с практической направленностью.

«Взрыв творчества» — едва ли продукт новых условий. Он продолжается повсюду. Его проявления — не только предреволюционный взлет отечественной науки, но и бурная научная жизнь по ту сторону красных фронтов, новые университеты на «белых» территориях, Украинская Академия наук при гетмане, Институт исследования Сибири при Колчаке, геологические и гидрографические экспедиции в раздираемой на части Сибири; а в двадцатые годы — пять русских и три украинские высшие школы в одной только Праге...

В высших учебных заведениях восстановился учебный процесс. В аудиториях сидят слушатели. Приутихли мобилизации в армию и на трудповинность. Вернулась из провинции часть профессоров. Открытия, закрытия, разделения, слияния и прочие скороспелые преобразования вузов продолжают, но частота и лихость их, по сравнению с 1917-23 годами, явно поумерились. Классовый прием, рабфаки и Пролетстуд. Подготовка студентов отчаянно слаба. Чистка профессуры дала необратимые результаты. Академические свободы потеряны безвозвратно.

С начала 1923 года у вузов и научных учреждений СССР — формальное право непосредственного книгообмена с заграницей. Академия создала у себя Бюро по международному книгообмену, оборот его измеряется десятками тысяч книг в обе стороны. Лакуны в научной литературе (с 1914 г.) не заполнить, но изоляция от мировой науки как будто начинает ослабевать. Редкие, для немногих, иногда за свой счет, — но снова командировки в Европу...

Часть науки подведомственна Наркомпросу (Академия наук, высшая школа), часть — Научно-техническому Отделу (потом Управлению) ВСНХ. В этой второй системе больше денег, здесь под крылом отраслевая, прикладная наука. Система НТО ВСНХ растет, проявляет склонность к поглощению не только отдельных ученых (смазывание ставкими и возможностями), но и готовых учреждений. НТО ищет способа оторвать от АН самые лакомые куски. Геолком, подчиненный НТУ ВСНХ, желает, чтобы ему были переданы учреждения Академии, имеющие отношение к геологии. Возникший в Москве Институт прикладной минералогии, тоже подчиненный НТУ

ВСНХ, стремится стать главным геологическим учреждением страны и оттеснить Геолком. Коммунисты, главенствующие в ИПМ, обвиняют Геолком в отсталости — пока не во вредительстве. Центр-архив (во главе его М.Н. Покровский) с конца 1923 г. ведет тяжбу с АН за горы архивных документов. Короче, нарастает всеобщая борьба ведомств и учреждений за раздел и передел поля научной работы.

Отношения двух главных владетелей науки изначально включают в себя соперничество, интриги, рознь. Следует признать, что в НТО-НТУ, где раньше командовали Н.П. Горбунов, Л.Д. Троцкий, В.М. Свердлов, порядка все же больше. Сказывается и общая хватка ВСНХ, где умершего Дзержинского сменил Куйбышев. Наркомпрос всегда был царством прожектов и разглагольствований.

Есть система научных учреждений, независимая от вышеназванных, — Коммунистическая Академия и примыкающие к ней Институт красной профессуры и комуниверситеты разного уровня и профиля. Процесс их почкования-размножения не набрал полной силы, первое местное отделение Комакадемии будет открыто в Ленинграде в 1930 году. Начало и середину двадцатых годов, быть может, следует назвать инкубационным периодом этой системы. Две школы философов-марксистов бьются за первенство, но до 1927 года неясно, кто же из них (это будет «школа А.М. Деборина») одержит верх и окажется на время официальным толкователем Учения; только после этого развернется вся «внешняя» экспансия победителей. Вылупляются историки-марксисты, в Москве их учит летать Покровский. Прежде чем стаи оперившихся птенцов слетятся клевать на смерть «буржуазную» науку, им еще предстоит расстаться со взглядами сегодняшнего кумира — Бухарина.

Комакадемия многими — нарком просвещения Луначарский в их числе — осознается как вершина научной пирамиды, как учреждение, должествующее венчать здание советской науки. Право присуждать высшие научные премии в стране (премии имени Ленина) дано именно ей. В надвигающейся схватке научных ведомств она будет смотреть на бывшую Императорскую Академию Наук как на ближайшую естественную свою жертву.

Время кажется снисходительным к одной новой научно-культурной системе. Речь идет о своеобразном общественном организме, пустившем корни по всей стране. Имя ему — массовое краеведческое движение: две тысячи местных организаций, 50 тысяч активистов, множество музеев, держащихся на общественной инициативе. В 1921 году, собравшись со всей России для объединения дотоле разрозненных центров, краеведы обратились к АН с просьбой взять движение под свое покровительство. Так возник организационный центр движения — Центральное бюро краеведения при АН, председателем которого стал Ольденбург. В 1924, правда, ЦБК изъято из подчинения

Академии, но руководство не сменено. Ленинградские краеведы, в методическом отношении возглавляющие движение, разрабатывают концепцию «гуманитарного краеведения», которое, в противовес узкому «производственному краеведению» (оплот последнего — Москва), стремится изучать не одни лишь природные ресурсы и хозяйство, но всю «целокупную культуру». К местности и к городу ленинградцы подходят как к «собирательной личности», совокупность краеведов рассматривают как «нечто вроде всеобщего ополчения науки в стране». Из этого движения обещает вырасти «вольная народная русская академия»; пока же оно дает смысл существованию провинциальной и выброшенной в провинцию интеллигенции: спасение повсеместно гибнущих памятников культуры, сбережение старины, охрана природы...

Движение краеведов — крупная общественная организация, в традиционном смысле этих слов. Тривиальна мысль о том, что развитые общественные организации являются важнейшей структурной частью общества, признаком и опорой его нетоталитарности: это в полной мере относится и к сфере науки.

Двадцатые годы — время живого существования научных обществ. По стране их многие сотни, в Ленинграде — около ста, не считая научных кружков в вузах и музеях. В них вовлечены практически все научные силы города. Ленинград — «столица», местопребывание руководящих органов ряда обществ общероссийских... Подавляющая часть гуманитарных обществ закрыта в 1923 г., когда они проходили обязательную регистрацию. Но существуют полулегальные «профессорские кружки» и иные стабильные формы общения научной интеллигенции на частных квартирах.

Независимые демократические научные объединения тормозят развитие монополизма, всегда, как вирус, дремлющего в науке. В научных обществах встречаются в диалоге исследователи разных школ и разных поколений, от приобщающихся к науке до уходящих на покой последних могикиан. Но, может быть, еще важнее, чем интеллектуальная жизнь, то общественное мнение и тот моральный климат, хранителями которых являются многие научные объединения. После неблагоприятного поступка коллеги просто не подадут руки. Деятельность ученых обществ — это «вторая жизнь» науки. Она больше ускользает от «всевидящего взгляда», чем то, что представляется в Гублит или читается с кафедры в студенческих аудиториях. Само существование этой неунифицированной «второй действительности» не может не беспокоить. Но сейчас, в середине двадцатых, чисто научных обществ почти не трогают. Нелегальные и полулегальные (в частности, религиозно-философские), объединения преследуются; смертельные удары, с массовыми арестами, обрушатся на них в 1927-28-29 гг.

Секретомании пока как будто нет. На рынке селедку и прочую жирную снедь заворачивают в крупномасштабные военно-топографические карты, и никто этого не замечает, кроме специалистов.

Цензура (за пределами командных идеологических высот) нельзя сказать чтобы зверствовала. Цензоры встречаются со своими «клиентами» лицом к лицу, хотя и через кассовое окно. «Не пушают» скорее из самодурства, чем из принципа, а иногда — всего лишь по дикому невежеству. Так, цензор, пропускавший в печать университетский курс петрографии Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, красными чернилами зачеркнул в заголовке слово «петрография» и заменил его на «ленинграфия». Дело было вскоре после переименования Петрограда, и для восстановления заголовка пришлось-таки похлопотать¹.

Необузданное самодурство власти — привычная норма. В новой социальной пирамиде пробиваются вверх не лучшие, культ мозолистых рук служит прикрытием для них. «И откуда вы выбираете гоголевски-щедринских типов!» — скажет вскоре Вернадский Г.М. Кржижановскому.

Культы Сталина ничто не предвещает. Дорогу ему прокладывают другие культы: в Ленинграде — культ Зиновьева.

Вот характерная сценка. Во Дворце Труда — «смычка» трудящихся с академиками. Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург рассказывают о своих заграничных поездках. Перед концом речи Ольденбурга дверь у эстрады, где стоят двое часовых, таинственно распахивается — выпархивают две девы в золотистых платьях, с золотистыми волосами. Молча садятся за стол перед кафедрой, возбуждая общее недоумение. Через несколько минут дверь распахивается вновь — входит «сам» Зиновьев в шарфе, кивает на ходу Ольденбургу, садится в приготовленное кресло. Выждав конец рассказа С.Ф., произносит длинную речь, которую записывают «золотые» девы, оказавшиеся стенографистками (так рождается многотомное собрание сочинений Зиновьева). Выходит после овации сначала один, минуту спустя — стенографистки. Садится внизу в бывший личный автомобиль Николая Второго²...

В общем, тенденции — разнонаправлены, тяготы жизни — переносимы, мера опасностей — не осознаваема. Развилки всех путей. Живая память обо всем оборванном. Середина двадцатых годов. Обманчивый и коварный НЭП.

Российскую Академию Наук ведет между рифов Сергей Федорович Ольденбург, Непременный Секретарь РАН. Бессребреник, аскет, добытчик пайков, писчей бумаги, дров и охранных листов для деятелей культуры, заступник вдов и сирот. Его квартира в здании РАН

¹ Архив Геогр. о-ва СССР. Ф.48. Оп.1. Д.98 (1). Л.103.

² Там же. Л.54.

загромождена личными архивами, которые оставлены ему на сохранение уехавшими из Петрограда, ушедшими в эмиграцию. Он воспринимает революцию как возмездие. Верит в народовластие, в Россию, в новых людей, в братство ученых. Предан молодежи, сам переживает возвращенную молодость, выглядит иногда глубоким стариком. Комок энергии, всегда готовый действовать и, если зовут, заседать. На него сыплются упреки в соглашательстве с властью, но искренние просьбы С.Ф. об отставке неизменно встречаются у академиков единодушную ответную просьбу: остаться до лучших времен на своем посту. Академия давно была бы закрыта, если б не он: это не преувеличение, за этим утверждением — ряд фактов.

1925 год. Двухсотлетний юбилей РАН. Ждут иностранных ученых. Получены новые помещения и дополнительные ассигнования на ремонт. Крупнейшее из общеакадемических учреждений, Библиотека АН (третья по богатству книжных фондов в стране), переезжает наконец в восьмизэтажное здание, специально для нее построенное еще в 1914 году; началась разработка книжных залежей минувшего десятилетия. налажена выписка иностранных газет и журналов. Резко увеличены штаты, и директор БАН академик С.Ф. Платонов набирает знающих иностранные языки образованных интеллигентов, не смущаясь тем, что до 1917-го они были гвардейскими офицерами или занимали крупные административные посты: ни одного коммуниста, ни одного комсомольца.

Но процесс обволакивания Академии чуждыми ей структурами набирает силу.

В июле РАН переименована в АН СССР и объявлена высшим научным учреждением Союза. Ее вывели из-под Наркомпроса РСФСР и подчинили непосредственно Совнаркому СССР. В сентябре — одиннадцатидневные юбилейные торжества, сначала в Ленинграде, потом в Москве. Две тысячи приветственных адресов. Заседания, приемы, банкеты. Гости из 24 стран мира. Старейший из них — 90-летний санскритолог из Бомбея, профессор Моды — заканчивает свое приветствие возгласом: «Боже, благослови Россию, русский народ и его Академию наук!»³

На другой день после признания Академии высшим научным учреждением страны СНК образует специальную комиссию для разработки ее Устава: В.П. Милютин (председатель), управделами СНК СССР Н.П. Горбунов, представители всех союзных республик; от АН СССР — неперемный секретарь АН С.Ф. Ольденбург и вице-президент В.А. Стеклов. Текст Устава пишет Стеклов, вскоре затем (1926) умерший. Проект Устава встречает в АН противодействие,

³ Ростов А. (Сигрист С.В.). Дело четырех академиков. // Память: Историч. сб. Париж, 1981. Вып.4. С.470.

его обсуждают полтора года. 31 мая 1927 года Совнарком СССР утверждает тот текст, который в ряде пунктов не совпадает с мнением большинства академиков.

Правду сказать, первый советский устав АН выглядел не так уж плохо, несмотря на ряд нечетких параграфов, открывавших путь к невыгодным для АН толкованиям. Были, понятно, выброшены содержащиеся в прежнем (1836 года) уставе параграфы о неприкосновенности академических средств, исключительном праве АН на некоторые доходные издания, например календари, о том, что получающий академическую пенсию «может пользоваться ею и вне государства», и еще: «поступающий [...] в главное управление цензуры экземпляр каждой печатаемой внутри империи книги, по миновании в нем надобности, передается в библиотеку Академии»⁴. Но в главе под названием «Особые права АН СССР» осталось следующее:

1. Право бесцензурного издания своих трудов (достаточно подписи неперменного секретаря).

2. Право бесплатной пересылки корреспонденции и других отправок в адрес АН и из Академии, включая значительные по весу посылки (например, с предметами экспедиционного снаряжения).

3. Право бесцензурного получения зарубежных изданий (и пересылки туда своих).

4. Право самостоятельных закупок за границей и беспощинного получения из-за границы книг, карт, приборов, коллекций и т.д.

Два следующих пункта были сформулированы впервые (была ли раньше нужда в формулировании этих естественных прав?):

5. Право беспрепятственного вывоза за границу академических грузов (включая рукописные произведения! — впрочем, «по постановлению Общего собрания и Отделений» и «по соглашению с Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли»).

6. Право подвергать грузы Академии таможенному досмотру не на границе и не в портах, а в учреждениях-адресатах (т.е. в присутствии ученых)⁵.

Первейшей задачей АН СССР новый устав назвал: «развивать и усовершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения»⁶. Этой формулировкой подтверждено, что Академия и впредь будет не властна определять границы своего «круга ведения»: наука разгорожена по ведомствам, и Комакадемия, например, своего не отдаст.

⁴ Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С.96-97.

⁵ Там же. С.128-129.

⁶ Уставы... С.120 (§2, п.«а»).

Академии вменено в обязанность «приспособлять научные теории [...] к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР»⁷: наметился поворот к прикладному знанию, чреватый, пока еще неясно, недооценкой знаний фундаментальных. Тот же перекос обеспечивался в уставе и введением утверждаемых Совнаркомом планов работы АН.

Ранее АН состояла из трех отделений, два из которых были гуманитарными. Устав слил Историко-филологическое отделение и Отделение русского языка и словесности в одно Отделение гуманитарных наук, и это означало, что центр тяжести в работе Академии резко смещается в сторону негуманитарного знания. Позже — *post factum* — стало ясно и другое: измененная структура — без ОРЯС, консервативности которого власти особенно опасались, — понадобилась для того, чтобы облегчить проведение в действительные члены новых фигур. Академики полагали, что обсуждают основы жизни Академии на десятилетия. Им оказалось невдомек, что изменение устава можно подчинить всего лишь ближайшей намеченной кампании, с тем чтобы и далее менять устав как угодно часто.

Устав закрепил чрезмерное сосредоточение власти в руках Президиума АН. Дела, «не терпящие отлагательства», позволено Президиуму не только решать, но и приводить в исполнение — с тем лишь, чтоб о принятых мерах было доложено ближайшему собранию академиков⁸. Одновременно появился и пункт об исключении из АН СССР действительного члена, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».

Еще при обсуждении проекта академик Н.К. Никольский писал, что новый Устав узаконивает «тот строй управления Академиею, который сложился явочным порядком в переходные годы военного коммунизма» — «со всеми его уже успешными обнаружиться аномалиями». В самом деле, та особая роль, что выпала в предыдущие годы Ольденбургу и Стеклову, закреплялась на будущее в чрезвычайных правах Непременного Секретаря и Вице-Президента. По словам Никольского, дело велось к тому, чтобы превратить Академию «во всесоюзную Канцелярию по научным делам». «Военная субординация в высшем научном учреждении, бюрократическое монополизирование научной и научно-организационной мысли, замена коллективной творческой работы административным канцеляризмом, подчинение научного персонала Секретариату и объединение в нем функций делопроизводства и управления научной частью никогда научному делу пользы не приносили, — писал Никольский. — Еще первый регламент Академии Наук (1724 года, проредактированный в 1727 го-

⁷ Уставы... С.120 (§2, п. «в»).

⁸ Там же. С.125 (§37).

ду) знал, что "науки никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу". К несчастью, в истории академической науки этой свободе суждено было остаться только в предсмертных предначертаниях Петра»⁹.

Наконец, новый Устав обозначил и те механизмы, с помощью которых предстояло проникнуть в академическую Троицу: увеличение числа академических кафедр с 45 до 70 и новую процедуру выборов в АН, в которых на равных правах с академиками должны были участвовать «представители ученых учреждений союзных республик, по выбору последних»¹⁰.

От момента, когда академики вынесли свои окончательные и взвешенные суждения по проекту Устава, до утверждения Совнаркомом собственной версии Устава прошло почти четыре месяца. На это время падают решительные начинания власти в отношении АН.

Еще в декабре 1926 завязалось «дело Линденера», минералога, ученого секретаря КЕПС¹¹ и организатора экспедиций Академии. Б.А. Линднер стал жертвой карточной страсти и проиграл казенные деньги. То было время какой-то эпидемии чудовищных растрат, а государственные игорные дома были открыты днем и ночью. Теперь арестованного Линденера побуждают дать ложные показания против академика А.Е. Ферсмана в обмен на смягчение участи. Отказавшись от этого, он получит (в июле) 10-летний срок, попадет на Соловки, затем — после ходатайства КЕПС («было бы нецелесообразно лишать науку выдающегося специалиста») — в Хибинь. Позже В.И. Вернадский напишет своему сыну: «Дошедшее до суда дело Линденера (мне близкого человека [...]) и не дошедшие до суда, приостановленные другие истории лишили АН твердой почвы. По существу, таких злоупотреблений много меньше, чем в других учреждениях — но они были, и этим моральная сила АН сломлена»¹².

В марте в Академии образовалась партийная ячейка. В нее вошли семь технических сотрудников и долго не было ни одного научного работника. Поначалу парторганизация была скорее органом внутреннего надзора, чем каналом воздействия на АН. Но канал этот таил в себе фантастические возможности: всего через несколько лет мозг страны, всесоюзная Академия Наук, будет рапортовать о выполнении очередных заданий... Василеостровскому райкому.

В середине мая «Ленинградская правда» напечатала фельетон «Академический ковчег». Академия переполнена, утверждал фелье-

⁹ Архив АН СССР (ААН). Ф.518. Оп.4. Д.9. Л.20.

¹⁰ Уставы... С.122 (§18, п.«б»).

¹¹ Комиссия АН по изучению естественных производительных сил России (СССР). От нее пошло примерно полтора десятка научно-исследовательских институтов.

¹² Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну: Русская наука в 1929 году. // Минувшее: Историч. альманах. Париж, 1989, Вып.7. С.431.

тонист, «сановными царскими бюрократами» и «остатками аристократических фамилий». «Чем это можно объяснить? Уж не тем ли, что маменькины дочки и папенькины родовитые сынки, господа прокуроры, тайные советники и камер-юнкеры оказались необычайно способными к высокой творческой работе в неизведанных отраслях науки? Подобное объяснение нам кажется чрезвычайно сомнительным. Для нас несомненен факт *подбора*, естественного классового подбора». Фельетон кончался фразой: «Аппарат Академии Наук СССР не может пользоваться правами экстерриториальности и не может быть ковчегом для бывших»¹³.

Рассчитанный на темного читателя, фельетон передергивал факты и напропалую лгал. Потрясенный Ольденбург написал письмо в «Ленинградскую правду» и длинный список фактических поправок «к сведению редакции»: «Комиссия по изданию Славянской библии образована и работает при Академии Наук ввиду того, что библия, совершенно независимо от ее содержания, является ценнейшим памятником славянского языка. [...] В академическом вестибюле никаких портретов "высочайших особ" не имеется, если, конечно, не включать сюда фигуру Петра I на знаменитой ломоносовской мозаике "Полтавская баталия". [...] Г.Н. Соколовский, университетский юрист по образованию, никогда не управлял делами ни одного из царских министерств [...]. В.К. Нищенко никогда прокурором не был [...]. А.Ф. Шидловский никакого отношения к аппарату Академии не имеет; он научный сотрудник Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР, где, как прекрасный знаток нашего Севера, ведет работу по библиографии. "Князей", а значит и "княжен" Пилкиных никогда не существовало. [...] Баронов у нас, как известно, было много, и значительное большинство их принадлежало к материально совершенно не обеспеченной трудовой интеллигенции, что и имеет место по отношению к двум Штакельбергам, которые всегда жили исключительно на трудовые деньги»¹⁴. — Газета даже не ответила Ольденбургу. Отмыться не удалось.

Школой шумных нападков на АН было Ленинградское отделение Секции научных работников (подразделение государственных профсоюзов). Здесь подавали пример несколько лиц из ЛЕУ и других вузов: М.В. Серебряков, В.А. Зеленко, В.М. Догадов... Уполномоченным Секции по АН сделался Р.А. Орбели — брат двух будущих академиков, работавший в библиотеке АН.

Внутри Академии очагом смуты и притягательным центром для склочников стал местком. Председателем месткома одно время

¹³ Горин М. Академический ковчег. // Лен. правда. 1927. 15 мая.

¹⁴ ААН. Ф.208. Оп.1. Д.288. Л.22-22 об.

был тот же Рубен Орбели; выше всех выбился здесь сейсмолог П.М. Никифоров (по распространенному мнению, связанный с ОГПУ)¹⁵.

Мощнейшим тараном антидемократической перестройки в науке стала созданная в Москве ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. Это была организация из числа тех, что говорили от имени «всей советской общественности». Далеко не все партийные интеллигенты сочувствовали ее деятельности, но ее поддерживал высший партийный аппарат. Процесс создания ВАРНИТСО (внутренние конспиративные документы, внешние декларации, первоначальный состав) контролировали такие люди, как В.М. Молотов и А.Я. Вышинский. Инициатор ВАРНИТСО — А.Н. Бах: биохимик, вернувшийся в Россию в 1917 году после 32-летней эмиграции со славы старого народовольца и занявший место едва ли не главного научного эксперта ВСНХ. Зародилась ВАРНИТСО в апреле 1927, в инициативную группу входили, кроме Баха, В.М. Свердлов, Ф.Н. Петров, Б.И. Збарский, А.А. Ярилов. Эта группа делала погоду в НТУ ВСНХ и выражала интересы той части научного и околонаучного сообщества, которая желала укрепления московского научного центра за счет всемерного ослабления Академии наук и тяготеющих к ней научных организаций. В закрытых документах, написанных этими людьми, их программа предстает без грима: формальная независимость ВАРНИТСО от партии, с небольшим вначале числом ученых-партийцев в ней и с правом критики, демонстрирующей всем эту «независимость»; индивидуальный отбор в ВАРНИТСО, по типу приема в «партию нового типа»; немедленная кампания в печати против АН; использование ошибок и промахов руководящей группы АН и линия на моральное уничтожение лидеров прежней науки; нанесение по преимуществу не прямых ударов по этим лидерам, а репрессии против тех, кто может оказать им поддержку; ослабление материальной базы АН; разрушение ее связей с союзными и автономными республиками; завоевание командных высот в АН, а затем и полное овладение ею¹⁶. Исходя из этих целей, в ВАРНИТСО постоянно сортировали всех ученых на своих союзников, противников и колеблющихся. В начальный период борьбы за Академию руководители ВАРНИТСО считали близкими себе среди академиков лишь Н.Я. Марра и А.Ф. Иоффе. Период становления ВАРНИТСО длился примерно год, но в течение этого времени она была уже активно действующей силой. На учредительной конференции в мае 1928 Бах

¹⁵ Это мнение отразилось, в частности, в дневниках В.И. Вернадского (ААН. Ф.518. Оп.2. Д.17. Л.19, 23 об.).

¹⁶ Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук. // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №4.

стал ее председателем. В том же месяце (это было время Шахтинского процесса) приступило к работе и Ленинградское отделение Ассоциации.

Кто еще рвался в ту пору (отчасти конкурируя между собой) навязать свою волю Академии и давать ей «ценные указания»?

Во-первых, она подчинялась Совнаркому СССР, во власти которого было открывать и урезать средства. С апреля 1926 функционировала «Комиссия СНК по содействию работам АН СССР» под председательством секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, ведению которой и подлежали все вопросы, касающиеся Академии (в том числе — такие большие, как направление работ АН и ее связи с границей, включая поездки туда). В «комиссию Енукидзе» входили Луначарский, Милютин, Горбунов, В.Н. Кнорин, затем еще М.М. Литвинов. В ее заседаниях участвовали Ф.Н. Петров и Е.П. Воронов. Она стала как бы наследницей комиссии по разработке устава АН («комиссии Милютина»). Для оценки отчета АН за 1925-26 финансовый год и ее плана на 1927-28 год — первого представленного наверх плана — была создана отдельная комиссия во главе с Милютиным, куда вошли Бах, Д.Б. Рязанов, Покровский, П.С. Осадчий, Вышинский, В.П. Волгин, Горбунов. Если к названным лицам, каждое из которых значилось на нескольких командных постах, прибавить председателя Госплана Кржижановского и председателя ВСНХ Куйбышева, то приблизительно очертится тот московский круг, который вершил судьбы Академии. Текущие дела АН решались Отделом научных учреждений СНК СССР (заведующий — Воронов), который подчинялся Управлению Делами СНК (Горбунов). Воронов, случалось, посылал эмиссаром в Ленинград собственную секретаршу — А.В. Травину.

Но то все Москва, которая хоть и близко, но все же не рядом. А совсем рядом — Ленсовет (Н.П. Комаров, И.И. Кондратьев), губком (с 1927 обком; Б.П. Познер, А.И. Угаров), «Ленправда» (редактор М.А. Рафаил), уполномоченный ОГПУ по Ленинграду С.А. Мессинг. Из местного начальства здесь выделены те, к кому Непременный Секретарь чаще обращался с просьбами.

С февраля 1926 ленинградской партийной организацией руководит С.М. Киров. Он в Ленинграде после Зиновьева — все равно что Фрунзе в армии после Троцкого: политическая фигура двумя рангами ниже. Киров в первый период своей деятельности в Ленинграде — это символ провинциализации Питера, орудие подчинения его Москве. Когда он вырвется в партийные вожжи и кое-что подымет в Ленинграде, это предопределяет и его судьбу, и судьбу города. О переводе АН СССР в Москву Киров в последнюю свою весну узнаёт из газет и помчится в Москву, и уже ничего не сможет изменить. А после 1 декабря 1934 г. чистка Ленинграда низведет город на по-

ложение рядового областного центра. Во внутривнутрипартийной игре между «колыбелью Октября» и кремлевской столицей Всесоюзная Академия наук была той картой, которую каждый из партнеров жаждал держать в своих руках.

1928 год открывает полосу Великого перелома.

Видимо, еще до объявления выборной кампании в недрах властвующего аппарата составлен первый список желаемых и приемлемых кандидатов. Зам. наркома просвещения М.Н. Покровский, рассмотрев список, пишет в секретариат А.И. Рыкова, что большинство имен не вызывает возражений. Отводит группу партийных публицистов типа Ю.Ларина, у которых нет научных работ: «Едва ли нам удобно выдвигать более слабого кандидата, чем имеющиеся уже в Академии». Предлагает пополнить список фамилиями трех коммунистов, «вполне могущих стоять на одном уровне с теми академиками по гуманитарным и общественным наукам, которые в настоящее время в Академии уже имеются», — это Покровский пишет всерьез! И далее называет: Н.М. Лукин, В.М. Фриче, Ф.А. Ротштейн. Покровского «несколько смущает» отсутствие имен коммунистов-теоретиков, занимающих ответственные должности: «Нет почему-то ни Бухарина, ни Луначарского, ни Скворцова-Степанова. Если их стесняются выдвинуть именно потому, что они занимают "посты", то ведь это воздержание может быть истолковано и обратно — тем, что "сановные" коммунисты гнушаются званием членов Всесоюзной Академии»¹⁷. Ближайший результат: места в списке занимают Бухарин, Рязанов, Кржижановский и сам Покровский.

31 марта Горбунов в беседе с глазу на глаз указывает Ольденбургу, что «Москва желает видеть избранными Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов», затем добавляет, что «Москва, отдавая должное всем личным качествам и служебным Д.Н. Халтурина, желала бы видеть на его месте партийного»¹⁸. Д.Н. Халтурин — управделами Правления АН, он прекрасно ведет делопроизводство по административно-хозяйственной части. Требование сменить его сильнее всего ошеломляет Ольденбурга, и он говорит, что в этом случае вынужден будет сложить с себя вице-президентские дела, которые лежат на нем после смерти Стеклова. Горбунов просит пока так дело не обострять.

Несколько слов о распределении обязанностей в Президиуме АН. А.П. Карпинскому, президенту, 82-й год, его энергия и память слабеют. Президент в эту эпоху — скорее символ Академии, чем ее руко-

¹⁷ Цит. по: Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Осн. направления гос. руководства наукой. М., 1971. С.178-179. Есаков В.Д., Левина Е.С. Академик Николай Иванович Бухарин. // Бухарин Н.И. Методология и планирование науки и техники: Избр. труды. М., 1989. С.19.

¹⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.50. Л.21.

водитель, что вполне устраивает «Москву». С.Ф. Ольденбург — самый давний и опытный администратор в руководстве АН: непререкаемый секретарь с 1904 г. Вице-президентов, согласно новому уставу, должно быть двое, но избран лишь один — А.Е. Ферсман. Громадную долю обширных вице-президентских обязанностей как звалили на себя в 1926 г. (временно и дополнительно) Ольденбург, — так и несет. Он давно — ключевая фигура во взаимоотношениях АН с большевиками, а после смерти Стеклова эта его роль выросла еще больше¹⁹.

17 мая. В секретариате Обкома ВКП(б) утверждена закрытая «Директива о проведении кампании по выборам кандидатов в члены Академии наук СССР» и создана комиссия по руководству выборами.

Май. Академию лихорадит. Весь месяц работает комиссия РКИ: проверка работы АН. Атмосфера мелких придирок к каждому счету, к каждому взятому со стороны работнику...

Май - июнь. Торопливое выдвижение кандидатов учреждениями и группами ученых. Предположения выдвинуть уехавших (конкретно — философа Вяч. Иванова, ботаника В.В. Лепешкина, физика А.А. Эйхенвальда). Осторожное выяснение, утратили ли они советское гражданство. Слухи: «насколько известно», проф. В.В. Лепешкин весьма желал бы снова работать в СССР»²⁰. Неприятные неожиданности: академик И.П. Бородин не скрывает, что в письме Лепешкину рекомендовал ему не возвращаться сюда до окончания большой работы в Америке²¹. — Чувство единства русской культуры разбивается об устав: избирать можно только граждан СССР.

Пред нами письмо, на нем помета: «Для частного совещания» (в то время академики часто собирались на дому для непротоколируемых совещаний, обычно за чашкой чая). Автор — киевский историк В.П. Бузескул. Адресат — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук И.Ю. Крачковский: «Я по-прежнему держусь того мнения, что справедливость требует избрать в члены Академии проф. Н.И. Кареева, который давно этого заслужил. [...] Возраст его, конечно, большой, но он не утратил свежести мысли и работоспособности, и я смотрел бы на его избрание как на акт справедливости». (Кареева не выставят). «Необходимо было бы иметь в среде Академии

¹⁹ В 1917-18 именно Ольденбург сделал решающий шаг в переходе от конфронтации к диалогу между АН и властью. Установилась возможность прямо, минуя «инстанции», обращаться к Ленину (в середине 20-х гг. аналогичным выходом «на Рыкова» обладал Стеклов), и это не раз спасало Академию в критические моменты. Блестящую психологическую характеристику Ольденбурга, данную сотрудницей Пушкинского Дома Е.П. Казанович (15.01.23), см.: Минувшее, 1986. №1. С.329-330.

²⁰ ААН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.89. Л.92.

²¹ Там же.

представителя по истории искусства или археологии, преемников Н.П. Кондакова, Я.И. Смирнова. Если бы здоровье Б.В. Фармаковского не пошатнулось, я бы назвал его; теперь, за болезнью его, единственным кандидатом является, как мне представляется, Д.В. Айналов». (Айналов выдвинут, но вакансии по этой специальности не откроют: история искусства — это не то, что нужно пролетарскому государству в эпоху социалистической реконструкции). «Если кандидатура Д.М. Петрушевского встретила бы непреодолимые препятствия, то можно остановиться на Д.Н. Егорове». (Более непреодолимыми окажутся препятствия на пути Егорова). «Скажу еще, что, по моему мнению, придется избрать представителя того направления, которое теперь занимает такое видное место, и я бы остановился на Рязанове»²². (Справедливо. Так думают и другие академики. Из всех, кого продвигает в академию власть, Рязанов сочетает в себе качества серьезного исследователя и организатора. Он создал образцовый по своей организации Институт Маркса и Энгельса. И по отношению к Сталину Рязанов держит себя независимо. Зато и продержат его в академниках лишь два года).

Срок выдвижения кандидатов истек 14 июня. Здесь из-за хитроумных оттяжек на местах потерялось еще несколько кандидатур: оказалось, не позднее этого дня должен быть штемпель ленинградской почты! Среди безвинно опоздавших — кандидаты, выдвинутые Институтом народов Востока (Е.Д. Поливанов и др.), Московским текстильным институтом (Л.С. Лейбензон и др.). Самоотводы начались до срока регистрации (психолог К.Н. Корнилов, математик И.И. Иванов).

Перед началом регистрации в печати началась новая, и более злая, кампания нападок на АН. Снова статья про «академический ковчег»: издевательства над славянской библией и над портретом К.Романова, украшающим «приемное зало Академии» (портрет вел. кн. Константина Константиновича кисти Репина висит в общем хронологическом ряду президентов АН), и опять — все тот же список «бывших», в котором повторены прежние, опровергнутые несообразности и прямая ложь.

«Низшие служащие Академии горько шутят: "Вернись Россия к монархическому строю, у Академии Наук готово для нее правительство. Кроме коронованной головы, все чины имеются..."»²³.

Запомним идею. — Не здесь ли зародыш сценария ГПУ, с которым встретимся год спустя?

Лето. Повсеместная травля инженеров, поиски вредителей среди технической интеллигенции. В ответ — бунт ученого-металлурга

²² ААН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.89. Л.67-68 об.

²³ Маровский В. Академический ковчег — целехонек. // Лен. правда. 1928. 17 июня.

В.Е. Грум-Гржимайло. Из его записки, адресованной начальнику Главметалла и в президиум НТУ ВСНХ: «Учение Маркса есть отсталое учение, уже потерявшее всякую под собой почву. Оно было создано в период расцвета мускульного труда и почти полного отсутствия технического знания и промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет. Как труд рабов, необходимый в древние времена, заменился работою пара и гидравлической силы, так труд пролетариата заменится электричеством. Наш инженерный идеал, зарю которого мы уже видим в железопрокатных заводах Америки, есть завод без рабочих. Это даст людям такое обилие жизненных ресурсов, что в классовой борьбе не будет смысла. Капитализм прекрасно справляется с задачей насаждения этой будущей культуры: гражданин САСШ уже сейчас в 12 раз богаче русского и во столько же раз лучше обеспечен жизненными ресурсами. Из сказанного очевидно одиозность диктатуры мозолистых рук. Но... фактически власть в России у большевиков... Это факт, с которым надо смириться. Большевики хотят сделать опыт создания социал[истически] пост[роенного] государства. Он будет стоить очень дорого»²⁴. Грум — первый металлург страны, он приобрел мировую известность как автор гидравлической теории плазменных печей. Когда в январе 1927 в Академию избирали первых членов-корреспондентов по техническим наукам, он, естественно, оказался среди них, а теперь выдвинут в академики. В свое время в Екатеринбурге его сопротивление «делу Клера» (1923-24), явившемуся прообразом «Шахтинского дела», заставило Грума покинуть государственную службу и основать в Москве собственное хозрасчетное Бюро металлургических и теплотехнических конструкций. Теперь, в ответ на Записку, его вызывают Куйбышев и Межлаук. Первый вопрос: чем вызвано это выступление? «Я ответил, что это единственный способ с моей стороны помочь моим товарищам, друзьям и русской промышленности, обратив внимание властей на невозможность занятой правительством позиции: из 21 инженеров, работающих в стеклоделии, сидит 15». Второй вопрос: что делать с Грумом? «Я заявил, что Бюро дает мне полную независимость, закрыть его нельзя, и купить меня тоже нельзя, ибо я вполне удовлетворен сделанным мной в жизни. Гидравлическая теория поставлена крепко и повернет мировую теплотехнику на русский угол; в ней уже работает целая плеяда моих учеников. Таким образом, жизненная задача моя кончена, мое дело не умрет, потому что ничего не имею встать хоть к стенке. Мы хорошо поговорили, и я сказал все, что следовало»²⁵.

²⁴ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.47-48. Записка от 18 июля 1928.

²⁵ Там же. Л.46-47 (из письма к А.П. Карпинскому).

Понятно, что после этого Грум не пройдет и предварительного отбора в академики. Он умрет в октябре 1928, и эмигрантская пресса приведет отрывки из его предсмертного письма: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте. [...] Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса»²⁶.

Август - октябрь. Кандидаты идут к выборам сквозь хор хвалы и поношений. Группа в 40-45 предпочтительных для власти кандидатов выделена печатью почти сразу, и избраннейшим из них (вроде Бухарина и Деборина) расточаются такие титулы, что этим продвижением полагалось бы сгореть со стыда. Самые же нежелательные награждаются скупым, сквозь зубы, признанием научных заслуг и хлесткой формулой: «воинствующий философ религиозного мировоззрения» (об Э.Л. Радлове, ближайшем ученике Вл.Соловьева), «он всегда был реакционером в философии» (о крупнейшем психологе-экспериментаторе Г.И. Челпанове), «ни общественного, ни культурно-бытового значения» (о византийском церковном праве — предмете исследований В.Н. Бенешевича)²⁷. Или вот так, помягче: «Лейтмотив философских построений проф. Шпета, при всей его "музыкальности" и выразительности, звучит диссонансом в стране строящегося социализма и прозвучал бы какофонией в стенах Академии, провозгласившей уже несколько лет тому назад лозунг единства труда и науки»²⁸.

Печать всемерно утверждает принцип коллективно-анонимного продвижения кандидатов. Как сама собою разумеющаяся, подается мысль, будто с теми, кого поддерживают многие и многочисленные коллективы (от имени последних предлагаются, как правило, сразу списки «достоинейших»), — будто с этими кандидатами никак не могут конкурировать выдвигаемые единичным научным сообществом (таковы кандидатуры А.Г. Дояренко, В.И. Ковалевского, Л.И. Аксельрод) или «группой ученых». Последняя подписная формула искусственно навязана, она позволяет скрыть мнение наиболее авторитетных ученых, конкретные же подписи рекомендующих последовательно снимаются даже в стеклографическом тираже отзывов, предназначенном для узкого круга участников выборной кампании («группами ученых» предложены, в частности, Д.Н. Егоров, В.Я. Железнов, П.П. Гензель, Н.Н. Лузин, М.М. Покровский, А.И. Томсон, А.П. Нечаев, Г.Г. Шпет, Э.Л. Радлов, В.В. Сиповский). Понятно, что коф-кто из нежелательных кандидатов все же выдвинут

²⁶ Последние новости. Париж. 1929. 2 июля.

²⁷ Лен. правда. 1928. 4, 12, 13 октября.

²⁸ Лен. правда. 1928. 17 октября.

рядом авторитетных научных учреждений (таковы Л.С. Берг, В.Е. Грум-Гржимайло, Д.Ф. Егоров, Н.К. Кольцов, А.А. Ячевский); против таких приходится придумывать другие — идеологически компрометирующие — аргументы.

Кандидаты отказываются от баллотировки один за другим. Среди них члены-корреспонденты с дореволюционным стажем — языковед В.А. Богородицкий, энтомолог Н.М. Кулагин, историк литературы Е.В. Петухов; еще — члены-корреспонденты с 20-х годов: литературовед В.В. Сиповский и философ Радлов; далее — историк Д.И. Багалея, геологи М.А. Усов и В.И. Лучицкий, ботаник и цитолог А.А. Сапегин, машиновед В.П. Горячкин... В.В. Сиповский снимает себя с конкурса после присланного из Владикавказа клеветнического «отвода» и в ответ на телеграмму от группы ученых, выставивших его кандидатуру, с «советом» ее снять²⁹.

В довершение всего, в сентябре умирают два академика — Ф.И. Успенский и П.П. Сушкин. «Для Академии огромная потеря в этот момент», — записывает Вернадский в дневнике: «Отсутствие двух влиятельных, умных и неподкупных людей чрезвычайно тяжело. [...] То, что поражает в русской жизни, — грубость и отсутствие чести, — проявляется очень ярко сейчас в академической жизни»³⁰.

Из Москвы прибывает правительственная половина Особой комиссии по выборам — «представители союзных республик» (Туркмения, например, представлена В.П. Волгиным и И.А. Севастьяновым, Узбекистан — Л.К. Мартенсом и П.М. Керженцевым). В эти дни И.П. Павлов направляет своим коллегам по Академии два письма:

«Ввиду явной политической постановки работы комиссии по избранию новых членов Академии, постановления естественно для учено-

²⁹ ААН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 99. Л. 29-32.

³⁰ ААН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 14. Л. 41-42. — Неверно было бы представлять среду академиков как свободную от соперничества и личных амбиций, от пристрастных и ошибочных суждений друг о друге, да и от трусости или эгоизма. Трения и разнодействия между действительными членами АН были немалые: математик В.А. Стеклов не считал настоящим научным учреждением Пушкинский Дом; А.Н. Крылов из своего европейского далека (он там в командировке с 1921 по 1927 год) в полуофициальных письмах предлагал послать к такой-то матери и КЕПС, и еще многие академические учреждения; прагматичный П.П. Лазарев готов был согласиться на передачу учреждений КЕПСа в подчинение ВСНХ; С.Ф. Платонов мог, разойдясь во мнениях (на общем собрании) с Н.А. Котляревским, не подать ему затем руки; А.Е. Ферсман был способен написать на рукописи другого академика, идущей в печать: «Что за дурак писал?»; А.Ф. Иоффе, благосклонно принимаемый в правительственных кругах, видимо, выдавал там то, что, с точки зрения других академиков, должно было оставаться секретом АН; и т.д. и т.д. Трения, расхождения, личные свойства академиков учитывались и использовались для расщепления и деморализации АН как до «великого перелома», так и в особенности в ходе его. Тема эта, однако, столь далека от всестороннего прояснения, что мы предпочли оставить ее за рамками данной статьи.

го связанной с большими волнениями, я должен отказаться от участия в этой работе. Серьезная операция, перенесенная мною в прошлый год, оставила вредные следы на моем сердце. Так как я сейчас, и в большом масштабе, веду, как мне кажется, важную научную работу (а для нее я еще годен), то я нахожу справедливым предпочтительно побережь себя для нее. Академик Иван Павлов»³¹.

В другом письме: «Считаю своим долгом остановиться на важной особенности предстоящих выборов новых членов Академии Наук. Впервые в истории нашей Академии, сколько я знаю, Правительство перед выборами заявляет о желательности для него определенных кандидатов. На исполнении этого желания часто грозно настаивают все органы Правительства (печать, теперешние представители высших учебных заведений и общественных учреждений). Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии и тяжело ляжет на академиков. Было бы справедливее со стороны правительства самому назначить нужных с его точки зрения лиц в состав Академии»³².

Нет места на описание разных ухищрений и жульничеств, с помощью которых приехавшая команда, заседая без усталости, переиграла своих партнеров. Заметим только, что о настроениях и намерениях «противника» правительственные эмиссары были прекрасно осведомлены, чего не скажешь о противостоявшей им стороне. К тому же, мнения академиков различались. Пришельцы же были монолитно-едины. И они почти всё смогли. Убедили признать бесспорными кандидатами Кржижановского (как великого плановеда), Бухарина. В первом туре обсуждения явно не потянул на первоочередного кандидата (в сравнении с другими геологами) коммунист И.М. Губкин — тогда успешно провели его по наукам техническим (где конкурс был 12 человек на место). По наукам техническим прошел и «красный» электротехник В.Ф. Миткевич, с 1921 г. возглавляющий Особое техническое бюро по военным изобретениям. Пожертвовав желанным Вильямсом, настояли у биологов на исключении из кандидатов Л.С. Берга (при первом заходе) и Н.К. Кольцова (при третьем). Баха, когда возникли трудности у биологов, без особого труда перевели к химикам — и там, конечно, утвердили (число химических кафедр в АН почти утраивалось: шла кампания «химизации»). Скрепя сердце, после схваток и только благодаря умной дипломатии Ольденбурга, согласился на китаиста В.М. Алексева (пишет в статье об уничтожении культуры при соцстроительстве!), — но зато добились оставления за бортом ираниста А.А. Фреймана и продвижения

³¹ ААН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.89. Л.262.

³² Там же. Л.308.

А.Н. Самойловича (хотя тюрколог-то, а именно В.В. Бартольд, среди действительных членов уже был).

Труднее всего оказалось протолкнуть троих: Лукина, Деборина, Фриче. Но тут сработал прецедент — прием, уже опробованный в высшей школе: «на паритетных началах» старые профессора соглашались принять к себе на кафедру какого-нибудь коммуниста (балласт, по их оценке), а за это им позволяют взять еще одного человека — уже по своему усмотрению. Так было на кафедре А.Г. Дояренко в Тимирязевской академии³³ (потом и сам Дояренко «загрemit» по делу Трудовой крестьянской партии, но это непредугадываемо).

В комиссии по историческим наукам стороны сначала легко договорились о Покровском, Рязанове и — Грушевском, Петрушевском. На оставшиеся два места академики хотели М.К. Любавского и А.Е. Преснякова и ни за что не соглашались на Лукина (находили в нем склонность к идеологическим погромам). Власть же продвигала Лукина, соглашалась на Преснякова и слышать не хотела о Любавском. Результат соглашения: проголосовали и за Любавского, и за Лукина (в обоих случаях 9 «за», 3 «против»), а кандидатуру Преснякова постановили «оставить без баллотирования ввиду заполнения наличных свободных мест по историческим наукам»³⁴ (Любавского потом уберет ОГПУ).

В комиссии по философским наукам председательствовал не Вернадский, как вначале намечалось, а Крылов. Именно Вернадский предложил эту идею: учредить в АН кафедры философских наук. Он имел в виду не философию как таковую. Философия, по всегдашнему убеждению Вернадского, — не наука, а особая, отдельная область творчества (подобно религии или искусству), в Академии же должна идти речь о философских науках, прежде всего — психологии, логике, истории философии. Этой точки зрения не разделяло большинство, склонявшееся к избранию не психологов или логиков (они выдвинуты), а философов. Вернадский соглашался выбрать философа, исследующего историю философии, — но не марксиста (после того как Радлов и Крогиус сняли свои кандидатуры, из немарксистов остался Шпет), а если бы даже пришлось марксиста — то не представителя диалектического материализма, ибо именно это течение отличается нетерпимостью и стремится навязать науке свои обветшалые схемы (из противников Деборина до конца участвует в предвыборной борьбе марксистка Л.И. Аксельрод). Философские обоснования Деборина Вернадский во всеуслышание называл «детскими».

Выход нашли такой: выбрать математика Лузина (Вернадский за него: анализ, связанный с математической логикой, аксиоматикой

³³ Последние новости. Париж, 1928. 29 апреля.

³⁴ ААН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.101. Л.8 об.

и т.п., безусловно относится к числу философских дисциплин), но также и Деборина. В горячих спорах участвовали все, позицию Вернадского разделяли трое. Потом шесть академиков и шесть партийцев голосовали. Деборин прошел со счетом 8:4, Лузин — 10:2. Против Деборина — Вернадский, Жебелёв, Коковцов, Щербатской. Решили дело голоса математиков Крылова и Я.В. Успенского, поданные «за». (После завершения выборов Лузина переведут к математикам, в другое подразделение АН, и останется Деборин на время в философском кресле один.)

Самым неприемлемым казался Фриче. Даже Ольденбург, всеми силами старавшийся здесь угодить власти, за глаза называл его «дураком от марксизма»³⁵. На частных собраниях академики до ссоры спорили с Ольденбургом и Марром. Под конец «представители республик» дали понять, что они согласны принять любых двух кандидатов (по языкам и литературе европейских народов) в обмен на принятие одного Фриче. Одновременно пустили в ход угрозу, заявив: правительство не держится за принцип единой АН и может предпочесть путь развития отдельных учреждений, предназначенных для избранных специалистов. Накануне последнего дня, в час ночи, выйдя с собрания у Марра и остановившись во дворе, члены бывшего ОРЯС решили плюнуть — и на другой день проголосовали за Фриче³⁶.

Следующим процедурным шагом было утверждение отобранных кандидатов в отделениях АН. При этом в одном заседании кандидатуры утверждались для баллотирования, а в следующем (через месяц) происходила эта баллотировка (все еще не окончательная!). Эта многоступенчатая, длинная, постепенная процедура, сама по себе, казалось бы, дающая возможность все взвесить и обсудить, в условиях диктатуры работала как антидемократический многослойный фильтр.

Два «представителя союзных республик», Луппол и Волгин, полуконфиденциально предупредили академиков: если хоть один правительственный кандидат будет в Отделениях провален, — откажутся и все остальные³⁷. Ультиматум.

19 ноября арестован зав. отделением БАН А.А. Сиверс, 24-го — библиотекарь В.Е. Вальденберг (государствовед, историк-византист, б.профессор), в ночь на 25-е — В.Н. Бенешевич, член-корреспондент АН, кандидат в академики, не поддержанный отборочной комиссией историков. Другой член-корреспондент, А.А. Ильин, историк и картограф, примерно тогда же исключен из Секции научных работников как бывший уездный предводитель дворянства.

³⁵ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Запись от 13 октября 1928.

³⁶ Там же. Д.50. Л.48.

³⁷ Там же. Запись от 18 ноября 1928.

Самым громким уроком этого времени стало «дело академика Жебелёва». Жебелёв единственный из всех академиков входил во все три избирательные подкомиссии, где обсуждали кандидатуры Лукина, Деборина и Фриче, — и везде выступал против. Он нечаянно подставил себя под удар, поместив статью в пражском русском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*», где ленинградские авторы напечатались рядом с М.И. Ростовцевым и другими эмигрантами: обычная тогдашняя практика. Сборник вышел в сентябре, и сначала на него не реагировали. А в середине ноября, как по команде, всюду начинается шумная кампания против Жебелёва, которого требуют «отсечь» и «исключить».

По некоторым источникам, «дело Жебелёва» помог развязать член-корреспондент АН СССР И.А. Орбели. Задетый статьей Жебелёва памяти Я.И. Смирнова (там говорилось про то, что ненапечатанные материалы скончавшегося 10 лет назад академика Смирнова находятся у Орбели), он, по словам Е.Г. Ольденбург, «обезумел» и в припадке гнева стал кричать про нелояльность Жебелёва, про несоветский тон его статьи, обратил на статью внимание коммунистов Эрмитажа, затем обкомовского секретаря Познера — и дело пошло...³⁸

Когда 21 ноября на закрытом заседании СНР обсуждали и исключали Жебелёва (подхалимски-погромный тон задавали политпросветчик В.А. Зеленко, психиатр В.П. Осипов, славист Н.С. Державин и историк-этнолог В.Н. Кораблев), — в этот момент Орбели вступился за Жебелёва. Через четыре дня Вернадский отметил в дневнике: «В Академии Материальной Культуры научные сотрудники под председательством Орбели вынесли обвинительный приговор Жебелёву и признали секцию научн[ых работников] правильной. Орбели уговорил это провести, говоря, что это поможет Жебелёву, так как иначе его будут считать главой контрреволюционного гнезда, находящегося в АМК. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру»³⁹.

В печати появилось покаяние Жебелёва, но текст был чужой. Неприятную обязанность по его написанию взвалил на себя Ольденбург⁴⁰.

В этой войне у отступавших были свои вожди и провидцы. 20 ноября, когда на частном заседании у Карпинского обсуждалась серьезность положения, Вернадский говорил, что он не смотрит розово на то, что ожидает Академию потом — в случае принятия в нее ком-

³⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Запись от 20 ноября 1928.

³⁹ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.49.

⁴⁰ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.39, 55. Письмо Жебелёва, датированное 26 ноября 1928, опубли. в «Лен. правде» 30 ноября 1928.

мунистов, — но иначе действовать нельзя: надо спасать АН. Тем не менее, одну позицию он считал необходимым удержать — и в тот же день подал Записку, где еще раз возражал против уже принятого решения и напоминал об опасности, связанной с намеченным избранием Деборина: «Русская философская мысль почти не имеет возможности выйти в нашей стране наружу, за исключением диалектического материализма. Едва ли может быть сомнение, что такое положение дел есть преходящее временное явление, ибо в XX веке невозможно долго удержать свободную мысль в искусственных пределах. [...] То привилегированное положение, в каком диалектический материализм находится в нашей стране, неизбежно ставит его в тепличные условия, приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда и неизбежно происходило со всеми охраняемыми — официальными — философскими учениями. Свободная мысль — есть основа философского творчества: она не терпит и не сносит оков»⁴¹.

Характерна сцена, разыгравшаяся однажды «на чашке чая» у Карпинского:

Вернадский предложил выработать приемлемую общую формулировку для принятия всего полного списка всеми.

И.П. Павлов: Это лакейство, что Вы предлагаете!

Вернадский вспылил и резко заявил, что Иван Петрович непозволительно себя ведет. Он должен прийти в себя.

Павлов: Большевикам надо себя показать, нечего их бояться, никаких предварительных сговоров не нужно!

Ольденбург: Иван Петрович может, и ему разрешается так говорить, его не тронут, он в привилегированном положении.

С.П. Костычев: Надо класть черняки⁴², нечего остерегаться.

И.П. Бородин: Вот уже одиннадцать лет все пугают и пугают — и, слава Богу, все академики...

Павлов: Мы же не коммунисты, чтобы о чем-нибудь договариваться заранее, мы действуем свободно, сохраняя каждый свою индивидуальность!

Ту же мысль повторили Костычев, Лавров, Перетц, Бородин⁴³.

Понятно, что на выборах (5 декабря в Отделении физико-математических наук, 12-го — в Отделении гуманитарных наук) были избраны все намеченные кандидаты. Голосовали записками, ставя плюсы или, вместо минусов, нули. Омрачало картину отсутствие на заседании ОГН нескольких человек «по болезни». Затем стороны

⁴¹ Коммунист. 1988. №18. С.71-72.

⁴² Черные шары, означающие голоса против.

⁴³ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.54-54 об. (дневник Е.Г. Ольденбург, запись от 27 ноября 1928).

продемонстрировали свою готовность к перемирию. Общее собрание согласилось с представленным ему июньским решением Президиума АН об исключении из АН эмигрантов. Бюро СНР признало возможным вернуть Жебелёва в СНР.

Гадко, видно, было у академиков на душе. «Нельзя, чтобы они были избраны единогласно», — говорил и Иоффе за чайным столом⁴⁴.

В половине третьего 12 января открылось Общее Собрание АН СССР. Присутствовало 30 академиков из 39. Все было обставлено торжественно: гости, представители печати, яркий свет, кино. Каждый из академиков, кто ставил кружок-нолик, думал, что это делает, быть может, он один: в основном голосовали против, по общему мнению, члены ОФМН. В результате необходимых по уставу двух третей не набрали Деборин (18 «+», 12 «0»), Лукин (16:14), Фриче (16:14). Кроме того, Бухарин, Кржижановский и Губкин прошли так, что если бы им добавилось по одному неизбирательному голосу, они также оказались бы забаллотированными. После чтения баллотировочного листа Президиум АН собрался в кабинете Халтурина. Придумали выход: перебаллотировка с участием вновь избранных академиков. Ольденбург написал соответствующий документ.

17 января на Экстраординарном Общем Собрании из 78 академиков присутствовало 43, да и из тех двое ушли до голосования. Человек десять из старых оказались (или сказались) больны, человек десять из новых прислали письма с извещением о своей болезни или невозможности присутствовать по каким-то обстоятельствам. Остальные отсутствовавшие не затруднили себя объяснениями. Обсуждалось постановление Президиума от 12 января. Первым встал И.П. Павлов и заявил, что на Академию все время оказывается давление, свободное мнение выражает не Президиум, а только Общее Собрание. С.Ф. Платонов защищал от Павлова «представителей союзных республик». М.А. Мензбир сказал, что не может принять сторону Президиума, но когда дошло до голосования, вместе с большинством поднял руку «за». Из новых академиков против постановления Президиума голосовали Петрушевский, Владимирцов и Сакулин. Устное предание передает один из драматических эпизодов заседания: Крылов, увещевая Павлова, предложил присоединиться «к резолюции Савельича» и пояснил: «Плюнь, батюшка, да поцелуй у злодея ручку»⁴⁵.

⁴⁴ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.86.

⁴⁵ По устному сообщению Я.С. Лурье. (Приведено в: Память. Вып.1. С.389.). У Пушкина в «Капитанской дочке: «Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку».

Из письма П.Н. Сакулина к С.Ф. Ольденбургу (19-20 янв.1929): «Тяжело мне было 17 января голосовать против предложения Президиума, и Вам (как я заметил) было неприятно видеть мою руку, поднятую вместе с руками меньшинства. [...] К сожалению, предложенный Президиумом выход далеко не безразличен для судеб Академии: он роняет престиж общего собрания и подчеркивает привилегированное положение известной группы ученых. Последнее обстоятельство необычайно важно. Важно не только установить отношения с партийной группой ученых, но и сделать эти отношения *нормальными*. Совершенно очевидно, что данная группа входит в Академию не для того, чтобы работать в ней, а для того, чтобы *контролировать и руководить*. Ныне на всех участках идеологического, вообще культурного фронта с особой обостренностью проводится принцип, который я называю идеологической и методологической диктатурой. [...] Предстоящие перевыборы в той или другой степени приведут к умалению суверенных прав Академии. Теперь момент очень ответственный. Партийной формуле «контролировать и руководить» в области науки самым решительным образом нужно противопоставить *свободу* научной мысли. Вступая в Академию, ученый должен знать, что он может приобрести «руководящую» роль не потому, что у него в кармане партбилет, а потому, что он импонирует другим значительностью своих научных заслуг. Положение вещей в настоящее время таково, что только одна Академия в состоянии защищать подобную позицию. Ученые всей страны смотрят на нее с верой и надеждой, как на цитадель науки»⁴⁶.

Обращение АН СССР в Совнарком, принятое ею (28-ю академиками из 78-ми!) 17-го числа, напирало на то, что при баллотировке в ОГН близкими по специальности учеными злополучная тройка была избрана почти единогласно, «произошло резкое и трудно объяснимое расхождение» результатов, «не исключена возможность случайности при голосовании» — и потому АН ходатайствовала «о предоставлении ей, в виде особого исключения, произвести, в отступление от устава Академии Наук, вторичное баллотирование» 31 сего января⁴⁷. Обращение это не имело полной силы, его потребовалось потом подтвердить большим числом голосов.

В эти месяцы правительство играло с Академией наук, как кошка с замученной мышью. В ноябре, в разгар дела Жебелёва, прошли торжества по случаю 200-летия академической типографии и получил награду ее директор-распорядитель В.В. Нордгейм, фамилия которого незадолго до того была затронута в одном из газетных фельетонов. В январе, уже после «инцидента», торжественно открылся со-

⁴⁶ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.107-110.

⁴⁷ Лен. правда. 1929. 25 января.

зданный по идее Щербатского Институт буддийской культуры, а деньги на издательское дело Института беспрепятственно перевел хамбо-лама — духовный глава бурятских ламаистов. Теперь, в феврале, правительство сперва заставило АН поволноваться в ожидании ответа, а затем срочно вызвало академическую делегацию в Кремль.

Ночным поездом в Москву выехали Ольденбург, Марр, Платонов, Ферсман, Тарле, Крылов, Комаров. Поезд шел медленнее теперешней «Красной стрелы», да еще запоздал из-за морозов, и все утро верхушка Академии провела в вагонном совещании. С вокзала начальники — неперемный секретарь Ольденбург и вице-президент Ферсман — проехали прямо к Е.П. Воронову в Кремль. Обедали все вместе, гурьбой отправились в Кремль к 6 часам.

Председательствовал в СНК Рыков, дело АН стояло первым, прения продлились три часа. Ольденбург сделал доклад, поразивший наркомов: С.Ф., обычно сдержанный и осторожный, резко и прямо отвергал нападки на Академию. Выступали Кржижановский, Луначарский, Милютин, Рязанов, Куйбышев. Последний был главным сторонником закрытия АН (он председатель ВСНХ и уже год с небольшим член сталинского Политбюро), Куйбышев требовал действовать против Академии «огнем и мечом»⁴⁸. Его линию поддержали Г.И. Петровский и представитель профсоюзов (Н.М. Шверник?). Тут взял слово Марр. «Он произнес речь, произведшую огромное впечатление. Глубоко и до конца резко. Еще таких речей Сов[нарком] не слышал. Марр не помнит, что он говорил, и не может повторить»⁴⁹ (из дневника Вернадского). Настроение переломилось в пользу АН. Рыков поставил на голосование вопрос: удовлетворит ли СНК ходатайство о перебаллотировке тт. Деборина, Лукина и Фриче? Высказались большинством «за», Куйбышев остался «против».

Вечером следующего дня в ЦЕКУБУ состоялась товарищеская встреча (она же — чаепитие) прибывших ленинградских академиков с московскими. В результате прошедших выборов доля москвичей среди действительных членов АН резко возросла, но большинством они еще не стали. А.Н. Крылов (из застольных речей на том чаепитии): «Как человек морской, я скажу кратко и ясно. Нечего рассуждать, надо поступать, как приказывает Правительство, — надо выбрать этих троих, и делу конец. Мы должны их выбрать, иначе Правительство пошлет Академию со всеми академиками к чертовой матери!» (В этом месте Горбунов нагнулся к Ольденбургу: «Это что значит? Наглость? Или "чего изволите"»⁵⁰).

А в Ленинграде уже готовилась новая кампания в печати.

⁴⁸ Пять «вольных» писем В.И. Вернадского... С.436.

⁴⁹ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.15. Л.15, 15 об. — Заседание СНК состоялось 5 февр. 1929.

⁵⁰ Там же. Д.57. Л.163 об. - 164.

Производственная конференция Балтзавода: «На двенадцатом году пролетарской диктатуры пора уничтожить старый гнилой пережиток тайных баллотировок. В Советской Республике каждый честный гражданин должен голосовать открыто»⁵¹.

Из постановления рабочих «Красного треугольника»: «Мы требуем, чтобы вся деятельность Академии Наук проходила под контролем всей пролетарской общественности»⁵².

Коллектив ВКП(б) Ленинградского комуниверситета: «Пускай ученые обскуранты знают, что рабочий класс, идущий под знаменем единения науки и труда, во имя этого единения не задумается перешагнуть через них, а если нынешняя Академия Наук с ними не справится, то и через Академию»⁵³.

Кольцовский журнал «Чудак» поместил в эти дни издевательски-развязный текст «Академики тоже выбирали»⁵⁴, сопроводив его портретами восьми академиков, голосовавших против перебаллотировки (все в каких-то ливреях: фотомонтаж).

Девятого — Павлова, на снимках нет, он не упомянут в тексте. Нобелевского лауреата обхаживают давно. После Октября он заявил о своем решении уехать, но Горький сумел его уговорить. Ленинского письма-предписания, адресованного Зиновьеву, видимо, показалось мало, и 24 января 1921 Ильич подписал специальный декрет СНК о создании условий для Павлова: Госиздату «в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд»; дать ему с женой «специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам», и оставить им — пожизненно — занимаемую квартиру⁵⁵, — все это позволило Ленину через несколько дней официально отвергнуть предложение шведского Красного Креста о переезде ученого в Швецию⁵⁶.

Особое положение Павлова было сохранено ему и в послеленинское время. Ивану Петровичу и при Ленине и при Сталине сходило с рук то, за что другие поплатились бы жизнью: он публично, даже в

⁵¹ Лен. правда. 1929. 13 февраля.

⁵² Там же. 7 февраля.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Чудак. 1929. №6.

⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.262-263. — Ср. свидетельство А.В. Луначарского (июнь 1921) о том, что Ленин «приказал, например, осыпать всякими пайками и деньгами проф. Павлова, и это было сделано». Подобные шаги, как отмечает Луначарский, делались по отношению к нескольким «так называемым европейским светилам культуры», которых беспрестанно приглашала к себе граница и за бедственное положение которых большевикам слали тяжелые упреки. «Кроме Павлова, об ученых у нас персональных запросов из-за границы не было» (Лит. наследство. М., 1971. Т.80. Ленин и Луначарский. С.288-290).

⁵⁶ Подробно вопрос освещен в статье В.Есакова «...И академик Павлов остался в России». // Наука и жизнь. 1989. №9, 10.

студенческой аудитории, высмеивал «Азбуку коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского и (при Ленине) говорил, что «если то, что делают большевики с Россией, — это эксперимент», то для такого эксперимента он «пожалел бы предоставить даже лягушку»⁵⁷. Ему построили (позже) «столицу условных рефлексов» в Колтушах. И раньше других ленинградских академиков (их — только в 1932 году) прикрепили к заборной лавке кооператива ГПУ, где выдавались такие продукты (дополнительный паек), о которых и думать забыли, что они еще могут где-то быть в России. И всегда внимательно следили за Иваном Петровичем (к началу 30-х годов в Ленинграде — в НКВД — скопилось уже пять томов с данными наружного наблюдения за его домом)⁵⁸.

Накануне 13 февраля, дня повторных выборов, состоялось предварительное полуофициальное совещание в малом конференц-зале АН. Присутствовали 33 академика — меньше половины. Кто болен (сильные морозы), кто в командировках. Некоторые, видимо, просто не желают участвовать в фарсе (Бородин Карпинский уговаривал не приходить, если тот собирается голосовать против).

В два часа дня 13 февраля — выборное собрание. Налицо 54 академика из 78. Гости, кино. Появление в зале Бухарина, Покровского, Кржижановского и Рязанова встречено аплодисментами, что взволновало Карпинского: так не должно быть! — но Ольденбург был внешне спокоен: что делать, теперь так будет. Тайное голосование (кроме АН, оно осталось, кажется, только на съездах партии при выборах ЦК) прошло быстро и гладко. Против Деборина и Фриче подали свои голоса двое, против Лукина — трое. Белые (пустые) бюллетени считались за «+». Когда разъезжались, на улице стоял народ, фотографы и киношники снимали всех, и тут Бухарин подошел к Ольденбургу: «Воображаю, как Вам было трудно это время!»⁵⁹

В семь вечера открылось торжественное традиционное годовое Общее Собрание; зал был залит светом, как никогда. Непременный секретарь прочел свой годовой отчет, а после всех речей, кратко и с чувством заключая торжество, сказал, что тут нет «мы» и «вы», а есть только «мы». «Мы стоим на рубеже новой жизни» (из отчета Ольденбурга). «Мы вступаем в Академию Наук как колонна материалистов-диалектиков» (из речи Кржижановского). «Академия оживлена, она пополнена новой революционной кровью» (стандартная газетная фраза тех дней)⁶⁰.

⁵⁷ Цит. по: Поповский М.А. Управляемая наука. Лондон, 1978. С.16.

⁵⁸ Устное сообщение Р.Маяка А.Рогинскому (1970-е гг.).

⁵⁹ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.50. Л.68 об.

⁶⁰ Все три цитаты — Лен. правда. 1929. 14 февраля.

Границы между «мы» и «они», как легко было почувствовать в момент вступления в АН «колонны материалистов-диалектиков», отнюдь не стерлись этим актом.

Социальное размежевание совершилось в 1917 году, и его опасность для науки сразу же была осознана учеными. В марте 1918 президент Карпинский писал наркому Луначарскому о событиях пятимесячной давности: «наступил один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преэссенциальность, которая одна может явиться надежным залогом жизненного творчества», «глубоко ложное понимание труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического [...] легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки»⁶¹.

Постоянная реанимация духа гражданской войны подготовила новых волонтеров. Все средства пропаганды и партийно-государственная практика вколачивали мысль, что личность и врожденный талант ничего не значат, незаменимых нет, любого можно поставить на любое место, массой же можно успешно заменить любую человеческую единицу. Нормальные механизмы многомерного самоопределения человека, свободного искательного самоотнесения себя к тем или другим частям единого и неделимого общества, единого и нераздельного человечества, — эти механизмы были глубоко разрушены. Энергия всех естественных самоопределений (национального, религиозного, культурного, партийного) трансформировалась и искусственно направлялась в единственное русло: «кто был ничем, тот станет всем», или, как пелось в другой тогдашней песне, «кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!» В этой атмосфере за взятием каждой крепости (крепости науки, например) с непреложностью должны были следовать резня, грабеж, уничтожение чужеродных ценностей.

Академия наук не встраивалась без новых коренных переделок в здание административно-командной системы, которая и сама-то создавалась как орган ломки и вечной перестройки. Налицо была — и в «освеженной» Академии — ее идейная несовместимость с системой: независимость и неунифицированность взглядов, неприятие идеологического диктата. Больше того: вобрав в себя группу коммунистов (причем во главе с Бухариным и Рязановым, как раз оказавшимися в опале), Академия только укрепила свое положение в качестве оплота идейного плюрализма. Налицо было и «классовое» несоответствие Академии системе: поднималась новая социальная пирамида, выдвиженцы и авантюристы рвались занять места на верхних этажах и жаждали низвергнуть «бывших». Отметим еще чисто

⁶¹ Документы по истории Академии наук СССР: 1917-1925 гг. Л., 1986. С.38-39.

структурные отличия АН: ее уникальность, реликты ее автономии, непронизанность всех ее клеточек управляющими нитями аппарата. Эта всесторонняя несовместимость едва не стала, как мы видели, причиной отторжения АН от государственного организма. Но, коль скоро отторжения не произошло, адаптация АН к новым структурам должна была включить в себя неоднократные хирургические вмешательства. Без террора было не обойтись. Точнее — без всей системы репрессий, включающей в себя лишение слова, увольнение, выселение, заключение и «высшую меру».

Сопrotивление, которое Академия наук оказала перед выборами и, против ожидания, продолжала оказывать после них, требовало безотлагательного и безжалостного применения репрессий, которые в сознании правящей партии казались наиболее универсальным методом снятия проблем. К тому же шагу подвело и ведомственное развитие советского государства: карательные структуры искали себе пищи и простора. Армия для внутренней войны сложилась, все ее рода войск — партийный аппарат, ОГПУ, РКИ, огосударствленные профсоюзы, агитпроп, пресса — состояли под единым командованием, армия не могла не стрелять. Сталинскому штабу война на два фронта — с крестьянством и интеллигенцией — нужна была и для преодоления крамолы (оппозиции) во внутривластной казарме: всеми средствами и всюду требовалось умертвить любую независимую силу, в которой чудился зародыш новой партии. Догма однопартийности постоянно толкала на превентивную войну с собственным народом. Репрессии против АН стали, таким образом, частью борьбы за утверждение единомыслия и сохранения единовластия в Союзе ССР.

Среди новых академиков влиятельнейшим сторонником ломки был, без сомнения, М.Н. Покровский. Послереволуционный Покровский — прежде всего организатор и распорядитель, а затем глава новой исторической школы. С мая 1918 г. он был бессменным заместителем наркома по просвещению, но решал и направлял куда больше, чем нарком Луначарский. По инициативе Покровского и под его руководством создавались или пересоздавались ГУС (Государственный ученый совет), САОН (Социалистическая академия общественных наук, позже Комакадемия), Центрархив, ИКП (Институт красной профессуры), РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук), общество историков-марксистов. Великим своим изобретением Покровский считал систему рабфаков и утверждал, что рабфаки, в сочетании с многими ИКП, дадут в скором времени вузы, «орабоченные снизу доверху». «Мы можем иметь науку по качеству не ниже Германии и Америки, а по составу работников науки — плоть от пло-

ти и кость от кости всей массы трудящихся»⁶², — уверял он уже в 1927 году.

В апреле 1929 Покровский бросил нетерпеливый призыв: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца»⁶³. По Покровскому, век академий отжил и наука в пролетарском государстве должна быть организована по-новому — предельно централизованно, без малейшего параллелизма. Об этом — его речь на Пятом съезде Советов (май 1929): «Вот мы об Академии наук много хлопочем, много с нею носимся, и, конечно, это — почтенное учреждение, но незаметно у нас выросла внутри хозяйственного наркомата своя Академия наук, крупнее той, которая существует двести лет. Я не говорю уже, что в других наркоматах, в Наркомздраве, в Наркомземе и т.д. есть своя наука. [...] Пролетариат берет теперь в свои руки деревенское хозяйство, начинает строить его по-социалистически и, конечно, выстроит. Но он должен обратить внимание и на это отображение нашего деревенского хозяйства в высоких сферах, которое проявляется в нашем рассыпном фронте, в научно-исследовательской работе»⁶⁴. Централизация науки, в понимании Покровского, — это подобие коллективизации, а призыв его отобрать науку у прежних ее работников и передать четырем тысячам рабфаковцев, кончающим в 1929 г. вузы, очень напоминает призывы к раскулачиванию.

Крайние централистские устремления тогда далеко не всеми разделялись наверху. Рязанов, знакомый с замашками Покровского (последний потеснил его и в Комакадемии, и в Центрархиве), отнюдь не хотел отдавать под власть Комакадемии свое главное детище — Институт Маркса-Энгельса. А именно Комакадемия претендовала на роль головного научно-административного учреждения страны. Покровский хотел упразднения старой АН или поглощения ее своей Комакадемией, Бухарин и Рязанов стояли за постепенное сближение двух академий.

Как профессиональные нелегалы, коммунисты-академики собрались 25 февраля 1929 на первое заседание своей «фракции», заложив этим основы великой секретности теперь уже внутри АН. Согласия в их «колонне» не было — в этом, может быть, частичная разгадка наступившего предгрозового затишья. Шла схватка за власть в верхах, «линия» в отношении АН оставалась не до конца определенной. Разыгрывались тихие маневры вокруг выборов двух вице-президентов АН. В пору этих затянувшихся выборов налетел

⁶² 2-я сессия ЦИК СССР 4-го созыва: Стеногр. отчет: Ленинград, октябрь 1927 г. Л., 1927. С.186.

⁶³ Цит. по: Последние новости. Париж, 1929. 5 декабря.

⁶⁴ Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сб. документов. Л., 1975. С.43-44.

однажды короткий шквал, когда Академия испытала что-то вроде преждевременного смятения, почти паники. Прошел слух, что во главе правительства ставят Куйбышева (называли уже и Молотова, но затем выяснилось, что смещение Рыкова отложено). Тогда же СНР лишила академика Ф.И. Щербатского не только избирательного права, как бывшего земского начальника, но было постановлено отобрать у него и хлебную карточку (шквал пролетел, все вернулось).

Один вице-президент был выбран старый — Ферсман. Во время предварительных выборов (7 марта) Ферсман прошел в вице-президенты лишь при четвертой баллотировке, а Рязанов — сразу. Перед окончательными выборами Рязанов снял свою кандидатуру под предлогом болезни, но явно выполняя волю партийных верхов. Две соперничающие внутривнутрипартийные группы сошлись на кандидатуре равно далекого от них Вернадского — тот наотрез отказался, равно как и Левинсон-Лессинг. Ольденбург на приеме у Горбунова заикнулся было о Бухарине — получил твердый ответ, что это дело не пройдет. Наверху загорелись провести Покровского — но Академия еще не дошла до такого послушания. Когда стало ясно, что Покровского завалят, утвердили, вместе с Ферсманом, Кржижановского (15 мая). Кржижановский внешне принадлежал к более мягкой породе коммунистов, которые, независимо от своих личных свойств, надежно прокладывали в АН дорогу жесткому курсу.

Главной тактической задачей власти было физическое овладение аппаратом АН и всеми ее учреждениями, и в следующие месяцы 1929 года в каждый данный момент концентрированный удар (печата, ревизии, комиссии по чистке) был направлен на что-то конкретное, а от большинства академиков и академических сотрудников требовалось немного — держаться в стороне и не протестовать громко.

В апреле началась ревизия АН по финансово-административной линии. В конце месяца на XVI партконференции Куйбышев заявил о предстоящем обострении классово-борьбы, а Я.А. Яковлев познакомил с программой начавшейся тотальной чистки: провести ее так, чтобы вычищенные не имели больше возможности снова устроиться на государственную службу. Победа крутого курса была ясна, опять ждали смещения Рыкова; но одновременно передавали его слова в Политбюро: он будто бы стучал кулаком по столу: «Лето покажет, кто из нас прав...» Но вот в мае появилось сообщение о расстреле П.И. Пальчинского и других инженеров, и с этого момента все события разворачивались под непрерывный аккомпанемент расстрелов.

Подступило лето — обычный черный сезон демократии. В этом году в заграничные поездки академиков отпускали более легко. За рубеж отправились, в числе других, Вернадский, Марр, Ольденбург, Павлов, Лузин, Бернштейн.

1 июля в Ленинграде началась чистка «госаппарата», в расширенном толковании этого понятия. Через это сито должны были пройти в городе свыше 230 тысяч человек.

В июле стало известно, что «для пересмотра аппарата» АН назначена Правительственная комиссия во главе с Ю.П. Фигатнером, членом коллегии наркомата РКИ и членом президиума ЦКК ВКП(б).

Кто входил в комиссию? В позднейших публикациях называли трех академиков: Ольденбурга, Ферсмана и Комарова, но первый был в отъезде в самый важный, начальный период работы комиссии, а имя второго не встречается в протоколах. Из «рядовых» работников АН исправно заседали П.М. Никифоров (директор Сейсмологического института) и не имевший отношения к науке В.И. Шауро (секретарь месткома, из вахтеров, потом смотритель зданий). От «научной общественности» — Ф.В. Кипарисов и П.И. Воробьев. Трое рабочих, представителя заводов (Путиловского, Балтийского и Пролетарского). И самые таинственные личности: инспектор НК РКИ тов. Садовский и член Коллегии РКИ тов. Разоренов, оба из ГПУ.

Начали 30 июня с выбора Президиума: Фигатнер (председатель), Садовский (секретарь), Кипарисов. В тот же день провели общее собрание сотрудников АН, где Фигатнер сказал примерно следующее. Проверке будут подвергнуты все, кроме академиков. Кто поможет «вскрыть недостатки» — останется под защитой и через год, и через два. В специальные запечатанные ящики можно опускать и анонимные заявления. На вопрос Д.Д. Руднева: «Здесь все время идут разговоры, что будут учитываться только отрицательные стороны, что нужно доносить. А как будут учитываться хорошие стороны?» — Фигатнер под жидкие хлопки ответил: «Мы ни о каких доносах не говорим, это слово не употреблялось, этого слова в нашем рабочем лексиконе нет»⁶⁵.

Первым делом Фигатнер «организовал самокритику»: среди тысячи работников АН было выявлено около двадцати подходящих человек, которые были собраны на свое совещание, где они «впервые» занялись «критикой системы Академии наук» (из подобравшейся группы потом сформировался новый захватнический орган власти в АН — Локальное бюро СНР при АН).

В распоряжение Комиссии поступили адресованные ей бумажки (анонимных — немного). Несколько своих произведений представил библиотекарь В.И. Бергер: фельетонно-злые наскоки, плюс прямые «наводки»: «особенно суровой проверке подлежала бы в будущем пока не заинвентаризованная библиотека бывшей Римско-католической духовной академии, поступившая в Академию наук после того, что Государственная Публичная Библиотека от этих книг бла-

⁶⁵ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 18.

горазумно отказалась»⁶⁶. Письмо этнографа К.В. Вяткиной было о «классовом расслоении» в ее учреждении и о тех, кто «не проявляет инициативы» и «не организует плановости»⁶⁷.

Оперативная тройка (Президиум) вела напряженнейшую негласную работу. Для мотивировки увольнений подготовлены были специальные списки. Например, список сверхштатных сотрудников (уволить, прикрываясь экономией средств и «рационализацией»), список лиц старше 60 лет, список окончивших духовные академии. Один реестр озаглавлен «Имеющие высшее образование, занимающие низшие должности» (уволить «за несоответствие» специалистов, вынужденных работать техсотрудниками и служащими). В список под названием «Занимавшие ранее высшие и другие должности в привилегированных учреждениях» попали учительница музыки Смольного института, преподавательница педагогики Института св.Елены, помощник архивариуса Синодальной библиотеки-архива, преподаватель училища при реформатской церкви и т.д. Нечего и говорить о том, что были учтены все бывшие офицеры, крупные чиновники, титулованные особы, обладатели придворных званий, владельцы недвижимости, члены политических партий, а также подвергавшиеся аресту после октября 1917. Перечень находящихся в отпуску сотрудников тоже был наготове, но из отпуска, кажется, не вызывали, предпочитая расправляться по частям и формировать проскрипционные списки малыми порциями.

Внешне провека «аппарата АН» была организована следующим образом. По порядку, одно за другим, проверялись все сорок с лишним подразделений Академии. Руководитель подразделения делал сообщение-отчет, затем приглашались высказываться сотрудники. Этому предшествовал или за этим следовал «опрос» (фактически — допрос) намеченных жертв, проводившийся Комиссией без лишних свидетелей, после чего аналогичная процедура, с использованием вытянутых сведений и с большей целенаправленностью, повторялась повторно на общем собрании сотрудников АН. Местком санкционировал прекращение научных занятий, и все приглашались на собрание. Вел Фигатнер. Садовский называл очередную фамилию, названный выходил к кафедре, Садовский зачитывал трудовой список, затем шли высказывания и вопросы. Окончательно судьбу каждого Комиссия решала в его отсутствие, в своем узком заседании.

Часть заседаний проходила в стенах академических учреждений, общие же собрания — в высоком и просторном Большом конференц-зале Академии. На первое заседание пришли многие, потом охотников присутствовать поубавилось, а на итоговое собрание зал

⁶⁶ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 4. Л. 42 об.

⁶⁷ Там же. Л. 115-116.

опять набился до предела, люди заполнили все проходы, толпились у входа. «Первая сессия» комиссии Фигатнера заняла почти весь август.

По опыту прочих учреждений знали, что «чистить» (увольнять) будут по категориям. Увольнение по первой категории означало: за границу не пустят, места в государственном учреждении не дадут и хлебные карточки отнимут; позже выяснилось, что «первая категория» предвещает почти неминуемый арест. Самой легкой расправой было предоставление права уйти по собственному заявлению.

Первыми в очередь были поставлены два учреждения АН, составляющие ее служебный аппарат, — Управление делами (постоянный штат — 41 чел.) и Секретариат (15 чел.). Выбор первых мишен был глубоко обоснован. Комиссия Фигатнера стремилась дестабилизировать внутреннее положение в Академии, а именно эти подразделения обеспечивали, хотя и не без сбоев, слаженность и согласованность в работе АН: один из последних островков стабильности в океане безалаберности и всяческого непостоянства. По замыслу перестройщиков, на смену служебному аппарату автономной АН должен был прийти аппарат контролирующий, направляющий, директивнопроводящий, швыряющий Академию туда-сюда по приказам сверху.

Халтурин сделал доклад о работе Управления делами. Главные вопросы работы УД не стали, однако, предметом обсуждения. Говорить стали о другом: каков социальный состав сотрудников УД, почему на работу в АН попали такие-то и такие-то лишенцы, почему сами нанимали кучера (а не доверились в этом вопросе Бирже труда)? Еще: почему Халтурин пользуется мягкими вагонами и зачем ему квартира в Москве (он бесконечно мотается по делам АН в столицу и вынужден иногда по многу дней проводить там в ожидании и заседаниях)? Вцепились в дополнительную зарплату, которую Халтурин получал по Якутской комиссии, и тут выскочил техпом С.Н. Елизаров из Библиотеки: «Он просто-напросто крал из кармана бедных якутов!»; здесь в зале возник шум, раздался голоса: «Призовите к порядку!» — и за Халтурина вступился помалкивавший академик Комаров, глава Комиссии по изучению Якутской АССР⁶⁸. Халтурин держался спокойно и с достоинством. Он уже подал заявление об уходе, преемником его был назначен, против желания своего, А.В. Васильев (бывший полпред в Монголии). В августе они приходили на службу оба: Халтурин вел дела, Васильев при нем учился...

Общим отделом УД заведовал Г.И. Демусяк. В свое время он работал у архиепископа Флавиана секретарем и библиотекарем; до революции служил в Комитете русской иконописи и в Археологиче-

⁶⁸ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 42-43.

ской комиссии; после 1917 был научным сотрудником Музея революции, а в АН его пригласили на должность помощника ученого секретаря Библиотеки. У Фигатнера все это никак «не увязывалось» в сознании: «Какой же Вы помощник, когда у Вас ученой подготовки нет, представьте, что бы было, если бы меня сегодня назначили китайским императором!»⁶⁹ Впрочем, Фигатнер выглядел умницей в сравнении с оказавшимся на собрании Я.Х. Петерсом, председателем Центральной комиссии по чистке:

«Петерс: Я считаю, со своей точки зрения, что этот гражданин находится в Академии не по назначению. Какая же от него может быть польза в научном учреждении! В Академии наук нужно изучать природу. А как может изучать природу святой? Какая работа ведется им за 180 рублей? За 180 рублей я исполняю определенную работу. На это я смотрю как на зломыслие.»

Фигатнер: Товарищ Петерс, мы не входим в дальнейшую оценку той работы, которую выполняет Георгий Иванович. Если можете сказать что-либо относительно его работы, полезна, хорошо поставлена или плохо — пожалуйста, а в смысле достоинства и отрицательных качеств, мы потом вынесем решение. Если у вас есть что-либо в этой части, тогда пожалуйста.

Петерс: Я считаю, что качества не может быть никакого, если он будет на этой работе. У нас есть профессора, научные работники, которые исполняют определенную работу. (Шум, голосов не слышно).

Фигатнер: Пожалуйста, не шумите и не помогайте мне, иначе у нас из этого ничего не выйдет»⁷⁰.

При опросе М.М. Гренстрандта (пом. зав. Хозяйственного отдела УД) неожиданную активность проявил «слесарь Путиловского завода Иванов»: он «прочел в стенгазете», что Гренстрандтом была произнесена такая фраза: «Лучше поднять порядок, чем красный флаг».

«Гренстрандт: Я таких слов не говорил. [...]

Иванов: А такого выражения Вы не употребили: "если десять лет дураков не было, теперь появились коммунисты"»?

Гренстрандт: Этого я тоже не говорил.

Иванов: Ведь стенгазета тоже врать не будет. Где-нибудь в беседе с кем-нибудь проговорились»⁷¹.

Секретарем Общего отдела УД АН был В.В. Гельмерсен. В Академию его пригласили во время юбилейных торжеств, когда понадобились знатоки языков: Гельмерсен владел не только тремя глав-

⁶⁹ ААН. Раз. IV. Оп. 12. Д. 1. Л. 26.

⁷⁰ Там же. Д. 3. Л. 81.

⁷¹ Там же. Д. 1. Л. 20.

ными европейскими, но и шведским, датским, итальянским; на него легли обязанности по переписке АН с границей и общение с иностранцами — гостями АН. Его дела последнего времени — заказ за границей книг и приборов, расчеты заграничных командировок. Он переводчик немецких поэтов и график-силуэтист, его экслибрисы экспонировались на международной выставке в Лос-Анжелесе. Он был когда-то помощником заведующего библиотекой Его Императорского Величества (в библиотеке Николая II насчитывалось свыше 100 тысяч томов) и получил низший придворный чин камер-юнкера. Уволен (через полгода арестуют).

Делопроизводством в том же отделе заведовала В.Ф. Гильдебранд. Ее криминальный список: у матери был двухэтажный дом (при семье в 13 человек), сама окончила привилегированное заведение (Екатерининский институт), коммунистов называет плебеями, в АН ее пригласил предшественник Халтурина Я.Я. Майхровский (отсидевший два года в Соловках и теперь, больной, снова арестованный).

Из УД уволены Гильдебранд, пом. бухгалтера К.Л. Койранская (скрыла свое прежнее членство в кадетской партии), счетовод И.Ф. Бородулин (сын торговца, не унаследовавший богатства), Гренstrand (сменил финский паспорт на советский лишь четыре месяца назад). А потом — еще группы в сентябре, и в ноябре, и в декабре, и в январе.

С Секретариатом АН на публике не возились, обошлись без долгих обсуждений. Судьба зав. Секретариатом Б.Н. Моласа и двух его помощников — Г.Н. Соколовского (до революции якобы служил в МВД) и Э.Э. Шольца (камергер) — была, возможно, к этому времени предрешена. А старший делопроизводитель Секретариата Ю.М. Рышков взят еще 11 мая, и он вычищен по первой категории «какчислящийся за ГПУ».

Следующими в очередь были поставлены гуманитарные учреждения АН — Библиотека (БАН), Пушкинский Дом (ПД), Археографическая комиссия (АК).

При обсуждении проблем БАН в зале начался живой и обстоятельный разговор, но умный анализ не интересовал Комиссию, и назавтра ее работа продолжилась в тесных стенах, в отобранном кругу лиц. Через пять дней Фигатнер смог доложить всем: не может оставаться ученым секретарем БАН Ф.А. Мартинсон, который при проверке не сумел назвать ни одной работы Ленина, «и даже статьи Ленина, посвященной вопросам библиотеки, и то не читал»⁷². Блестящему библиографу и философу Ф.Ф. Скрибановичу не простили его жизни в Европе в 1923-28 (туда позвали беды собственных детей,

⁷² ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 231.

назад долго не принимал ВЦИК), переплетчику И.А. Гергенсу припомнили прежнее «подозрение в шпионаже», а Платону Григорьевичу Васенко — дореволюционную работу «Бояре Романовы». Заведывавшего иностранным отделом БАН С.К. Пилкина (старый чиновник! камер-юнкер! прапорщик!) не спасло и сверхслужебное рвение: «*Фигатнер*: Мне дико слышать, что в стенах Академии имеется свой цензор.

Пилкин: Дело в том, что мы получаем некоторое количество заграничных журналов, в которых часто появляются статьи антисоветского содержания, к нам обращаются представители ГПУ с просьбой указать, какие меры мы принимаем, чтобы эти антисоветские статьи не проникали дальше, и вот нам пришлось завести просмотр такого рода журналов, чтобы явно выраженное антисоветское направление не проникало дальше. И Михаилу Михайловичу [Милевскому] поручен просмотр этих статей.

Фигатнер: Кем поручен?

Пилкин: Мною поручен. Он отмечает эти статьи и представляет затем мне. Таким образом, я вижу, какой журнал можно выдавать и какой нельзя»⁷³.

На временной службе машинисткой в БАН — Н.П. Дурново. Ее отовсюду увольняли, с 1922 она не имеет постоянной работы, перебиваясь частными уроками языков, техническими переводами. Ей вопрос: какое отношение имела к царскому министру? — «Я дочь Петра Николаевича Дурново», — отвечает она с достоинством.

Н.В. Мамышевой библиотека заменяет все радости и удовольствия жизни. За тридцать лет службы библиотекарем она не взяла ни разу отпуска, не пропустила ни дня. Работает по 14 часов в сутки, живет при БАН, совершает едва ли не еженощные обходы: так необходимы постоянные наблюдения за зданием, водой, освещением. Но персональную прибавку к зарплате Фигатнер объявляет злоупотреблением: «Нельзя же считать, что выполняете функции охраны в здании только потому, что сами себе заведуете»⁷⁴.

Садовский докладывает: «при личном разговоре» с пом. библиотекаря В.Г. Конради было выяснено, что она обладала крупной недвижимостью на Полтавщине и участвовала в антропософском движении. За нее коллеги горой, наперебой говорят о ее работе в Красном Кресте и знаниях в области искусства, о том, какой она организатор дошкольного образования. С восторгом описывают необычные для помещиков отношения ее с крестьянами, которые сами завили в ревком о ее неприкосновенности, а в голодное время по своей инициативе привозили ей в город продукты. — Уволена, все уволены.

⁷³ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 221.

⁷⁴ Там же. Д. 244.

Какая-то лавина сбрасываемых в пропасть индивидуальностей. Из-под академиков вышибается почва, на которой они стоят: мощный культурный слой научного сообщества. Неуклонно просачиваются вверх «средняки» (сегодня забылось, что слово это, в применении к ученой среде, обозначало тогда слой «рядовых» ученых; в АН средняками называла себя группка во главе с Никифоровым — и премного гордилась двусмысленным этим званием. А центральная пресса, рядом со сводками о том, что в колхозы повалил середняк, сообщала, забегаая вперед событий, что средняки уже вершат все дела в АН СССР).

Садовский со смаком читает послужной список А.И. Заозерского, кончающийся словами «в настоящее время арестован органами ГПУ», — и Фигатнер рад возможности «пошутить»: «Ясно, что ему никакие вопросы не могут быть заданы, так как его нет в природе этого зала, но, может быть, кто-нибудь может сказать о его работе?» Как ни странно, берет слово С.В. Рождественский: «Я о нем могу сказать как об историке. Александр Иванович принадлежит к числу очень крупных специалистов» и т.д.

«Садовский: Дальше у нас есть то же самое — арестованный с 18 апреля 1928 года гражданин Абрамович-Барановский.

Из зала: У меня вопрос к администрации: почему они до сих пор состоят в штатах Академии наук?

Рождественский: Александр Иванович Заозерский уже уволен.

Фигатнер: Но в штатах он числится.

Рождественский: Он уволен с 25 июля.

Фигатнер: Но, по-видимому, это ваше решение не прошло все инстанции, потому что мы получили о нем сведения как о числящемся в штатах. А Абрамович-Барановский?

Рождественский: Он еще окончательно не уволен.

Из зала: Я просил бы комиссию обратить на это известное внимание.

Фигатнер: Будьте уверены, что комиссия обратит внимание на все то, на что необходимо обратить внимание в связи с проверкой»⁷⁵.

Когда уже далеко зашла чистка БАН и УД, вернулся из-за границы Ольденбург. В своем Азиатском музее отстоял — на время — М.М. Гирса и В.А. Эбермана. Уговорил плачущего Карпинского (тот «больше не может видеть этих несчастных людей, которым он ничем помочь не может») ⁷⁶ — уговорил его не уходить из Президентов. В остальном присутствие неперемennого секретаря мало что изменило.

⁷⁵ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 229-230.

⁷⁶ ААН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 51. Л. 16 об.

В Зоологическом музее — история с герпетологом С.Ф. Царевским, который был дьяконом с 1921 по 1924, потом перестал принимать участие в церковном служении, но сана не снял. Фигатнер спросил его, как Царевский относится к дарвинизму. Тут директор Музея член-корреспондент АН А.А. Бялиницкий-Бируля крикнул на весь зал: «Дарвин был не только верующим, но и церковным старостой своего прихода в Англии!» Растерявшись, Фигатнер ляпнул: «Это было в Англии, но в Советском Союзе этого не допустили бы!»⁷⁷

В Якутской комиссии никто не вступился за графа Я.Н. Ростовцова: был гофмейстером, секретарем императрицы Александры Федоровны. Вопросы проверяющих не смогли унижить его: «Графское достоинство было дано деду моему за труды по освобождению крестьян!»⁷⁸

В конце августа комиссия по чистке устраивает себе перерыв. Ольденбург пишет просьбу об освобождении его от неперемогимого секретарства («я считаю, что каждый ответственный работник должен уходить вовремя, пока не наступит ослабление работоспособности»)⁷⁹. Его отставку не принимают. Через несколько дней на «академическом обеде» в столице Воронов передает ему: «Москве желательно видеть С.Ф. на посту Президента АН»⁸⁰. А Президент снова и снова появляется у Ольденбурга «в очень тяжелом, беспомощном состоянии, не находит выхода из создавшегося положения, переживая его крайне тяжело, плачет, жалуется»⁸¹. Во время одного такого визита, в середине октября, — рвется хотя бы душу отвести перед всеми: «Он не хочет сейчас уходить из Президентов, боясь, что его уход могут счесть за демонстрацию, но он желает собрать у себя академиков, чтобы высказать им свое отрицательное отношение к текущему моменту. С.Ф. сказал, что он считает подобное заявление Президента сейчас неудачным, но А.П. остался при своем»⁸².

...После почти двухмесячной паузы в работе его комиссии явился из Москвы Фигатнер. Первые два дня его нового наезда в Ленинград прошли в совещаниях с Ольденбургом, содержание которых неизвестно.

Возможно, в эти дни некто довел до сведения Фигатнера, что в БАН лежат выигрышные документы, включая отречение от престола обоих Романовых. Если это так, то, вероятнее всего, информатором был новый зав. Русским отделением БАН В.П. Викторов — ис-

⁷⁷ Ростов А. Указ. соч. С.472. (Мемуарист относит этот эпизод к Г.И. Демуську: ошибка памяти).

⁷⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.221.

⁷⁹ Там же. Д.51. Л.18 об.

⁸⁰ Там же. Л.19 об.

⁸¹ Там же. Л.21 об.

⁸² Там же. Д.52. Л.6.

торик, партиец, переброшенный из Военно-политической академии им. Толмачева. Но не менее вероятно, что общий план использования документов, политически компрометирующих Академию, был наметчен заранее, — и тогда Викторов был просто исполнителем-поисковиком.

О том, что в АН хранится много важных документов по новейшей политической истории, было известно давно. Об этом писали, и не раз, и даже упоминали кое-что из того, что было потом инкриминировано Академии. Верховным архиводержателем считал себя Центрархив РСФСР. Академии наук не раз предписывалось передать ему такие-то и такие-то категории архивных фондов. Академия оттягивала выполнение предписаний под благовидными предлогами (неразобранность фондов! АН — учреждение союзного, а не республиканского подчинения!).

В августе комиссия по чистке наткнулась в архиве ПД на запечатанный пакет, который был передан туда с обязательством не вскрывать его до 1946 года (обычный случай в архивной практике). Вскрыли. Увидели документы, связанные с летними переговорами 1917 года о выезде семьи Романовых в Англию. Позубоскальствовали в печати над сотрудниками ПД, что «свято блюдут гофмейстерский приказ»⁸³, — дальше дело не раздували. Надо сказать, что подобных материалов, переданных на хранение в АН при условии выполнения ею определенных требований, было в АН немало, причем с дореволюционных времен.

21 октября, в 11 часов, комиссия Фигатнера пришла в БАН. Викторов сделал доклад о материалах, которые хранятся в архиве Библиотеки. Фигатнер пригласил Ольденбурга прямо в комнату №14, где и начали осмотр бумаг. Тут же наткнулись на конверт с надписью Г.Е. Старицкого (брат жены академика Вернадского), где «оказались» подлинные отречения от престола Николая II и Михаила. На вопрос Фигатнера, знал ли С.Ф., что эти документы хранятся в АН, тот отвечал, что не знал. На вопрос, как они попали в библиотеку, ответил предположением: «так как на конверте надпись сенатора Георгия Егоровича Старицкого, то, очевидно, в смутное время сенатор Старицкий передал эти документы академику Шахматову на сохранение, а затем Шахматов передал следующему директору, так они хранились до настоящего дня»⁸⁴.

Из записей Е.Г. Ольденбург: 22 октября. «Было создано экстренное заседание Президиума. В Москву было отправлено донесение о работе Комиссии Фигатнера и было прибавлено, что в 1926 году было сообщено в Москву в Комиссию Енукидзе об архивах, передан-

⁸³ Лен. правда. 1929. 22 августа.

⁸⁴ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.52. Л.8 об.-9.

ных в Библиотеку Академии Наук, и был ответ, что оставить все вплоть до создания Центрального Архива»⁸⁵.

В ночь с 23 на 24 октября прошли большие аресты в городе вообще и среди работников АН в частности. Взятый Григорий Николаевич Соколовский (ближайший помощник Моласа, вытязнувший в предшествующие дни на своих плечах техническую подготовку октябрьской сессии АН) и Александр Игнатьевич Андреев (ученый секретарь АК).

В Ленинград срочно прибыли председатель Центральной комиссии по чистке Я.Х. Петерс и член президиума той же комиссии Я.С. Агранов. 24 октября, в час дня, Петерс, Агранов и Фигатнер пригласили Ольденбурга в малый конференц-зал для «обмена мнениями» в присутствии двух стенографисток. Состоялся форменный допрос. Впрочем, тройка была безупречно вежлива, даже извинялись перед Ольденбургом, что потревожили его. Среди вопросов: докладывал ли академик Платонов Президиуму АН о том, что в архиве хранятся акты отречений Николая II и Михаила? переданы ли *все* документы, политически важные, из Академии наук? За ответы поблагодарили. Через час был вызван «на разговор» Платонов. В конце встречи он обратился к допрашивающей тройке: «Ведь вы так же, как я, не придаете политического значения этим документам, а лишь историческое?» — и получил утвердительный ответ⁸⁶.

Оригиналы отречений были не единственной «находкой», вокруг которой был поднят шум. Несколькими днями позже Бухарин, прибывший на сессию, объяснил Ольденбургу, что еще опаснее «архив» партии с.-р. (1918), возбудивший у власти вопрос: кто и когда передал его в БАН? Кроме него, в БАН хранился «архив» (это слово упорно употреблялось вместо более точного выражения «архивные материалы») ЦК партии к.д. (1905-15), список членов Союза русского народа, «часть архивов» П.Б. Струве, А.Ф. Керенского и т.д. Изъяв первую партию подобных бумаг в БАН, ПД и АК, проверяющие опечатали затем (ненадолго: важна сама акция) хранилища этих учреждений, обставив дело пуще-важным церемониалом: Фигатнер лично явился к Ольденбургу и просил назначить для присутствия при опечатании кого-либо из академиков. Вечером 25-го Фигатнер укатил в Москву — явно за инструкциями, — а следствие продолжилось под руководством Петерса и Агранова.

Съехались на сессию академики, и Бухарин, смеясь, сказал Ольденбургу, что скоро выяснится и его, Ольденбурга, личное положение. — Знал ли он вполне о придуманном плане? Во всяком случае, телеграмма, направленная в ЦК ВКП(б) от имени всех академиков-

⁸⁵ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.52. Л.9 об.

⁸⁶ Там же. Д.57. Л.234.

коммунистов и Ленинградского обкома партии, содержала фразу: «Материал достаточный для уличения Ольденбурга в крупных упущениях, Платонова даже в прямом обмане»⁸⁷. В последний день сессии, 30 октября, Москва прислала ответ в виде телеграммы Рыкова Карпинскому (оглашена на закрытой части Общего собрания): «Мною получено сообщение председателя комиссии НК РКИ Фигатнера об обнаружении в архивах Академии очень важных с государственной точки зрения документов. Ввиду того, что о существовании этих документов не было доведено до сведения правительственных органов, я считаю необходимым немедленно отстранить академика Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря и прошу сессию Академии наметить новую кандидатуру»⁸⁸.

Из дневника Е.Г. Ольденбург. 30 октября 1929: «В семь часов он вечера вернулся. Я пошла в переднюю, услышав, что кто-то пришел. Из дальней передней Сергей быстро прошел в нашу ближайшую, где мы раздеваемся, он бросил пальто и шапку на стол перед зеркалом, и, как-то задыхаясь, сказал: "Отставлен Рыковым..." "За ним шел Вернадский, Ферсман, Борисяк, после всех Молас... Я как-то сразу не поняла... Что-то случилось ужасное, тяжелое... Я смотрела на Сергея. "Отставлен Рыковым из Непременных Секретарей", — повторил он отрывисто, проходя в свой кабинет... Все пошли за ним. Он сел за свой громадный письменный стол, зажал голову руками и смотрел вниз. Все стояли вокруг. Было молчание... [...] Первый заговорил Вл.Ив. Вернадский. Он говорил, что тут какое-то недоразумение, что это не может быть, что скоро все выяснится... Но Сергей поднял голову и твердо, глядя прямо на всех, сказал: "Нет, ничего не надо выяснять... И так все ясно. Очевидно, они решили... Это было обдумано заранее..." И он снова сжал себе голову... Тогда заговорили все... Говорили сразу... Сергей молчал»⁸⁹.

Всю эту ночь С.Ф. Ольденбург и его жена не спали. Жгли ту часть архива кадетской партии, которая хранилась у С.Ф. дома, и Бог знает что еще. К утру все в квартире было покрыто слоем пепла.

«31 октября, четверг.

Что писать? Что записывать? Оборвалось все... В доме тихо. Эта ужасная тишина и пустота. В доме точно умерший... Да, конечно, так бывает, когда кто умрет... И у нас в доме умерший... Ему нет определенного имени, но чувствуется... Пусто и тихо... Не звонит телефон... Ни к нам никто не звонит, ни мы ни к кому не звоним... Там, в Академии, наверху, над нами слышны шаги, движение... идет работа... В окна, во дворе, взглянешь — опять видно: идет работа...

⁸⁷ Есаков В.Д. Советская наука... С.197.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.238-238 об.

В окна на улице посмотришь — к главному подъезду идут люди, подходят автомобили... Идет работа... Но все идет помимо Сергея... Он больше никому не нужен...»

«1 ноября, пятница. Эти две ночи мы спали одетые... Да какой это сон... Я лежу и слушаю — Сергей не спит. Горит лампа... Он читает. В доме тихо... Бедный Сергей, бедный мой Сергей... Все же я послушала Владимира Ивановича и приготовила все вещи для тюрьмы, на случай ареста...»⁹⁰

Поползли слухи. Будто бы Ольденбург подвергнут домашнему аресту. Будто бы на срочной — по телеграмме — отставке его усерднее всех настаивал Н.П. Горбунов. Будто бы от ареста его спасло заступничество Марра. Платонов звонил, звал поехать в Москву — объяснять, оправдываться; С.Ф. решительно отказался. Через полторы недели стал ходить на свою директорскую службу в Азиатский музей. За полтора месяца, следовавшие после снятия, к нему заходили из академиков только Вернадский, Марр, да один раз Щербатской.

В газетах много писали о найденных документах. Подчеркивалось: некоторые из них столь актуальны, что «могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции»⁹¹. О неназываемых документах, поступивших в АК в 1922, утверждалось, что хранение их «должно караться военным судом»⁹². При этом узкий круг упоминаемых всюду бумаг был один и тот же. Чаще всего фигурировали «материалы охранки» (на деле — личный архив бывшего шефа жандармов В.Ф. Джунковского, имевший бытовое, историческое и литературное значение и принятый в Рукописный отдел БАН на условии распоряжения владельца своими бумагами до его кончины).

На заседании Бюро СНР 13 ноября Фигатнер сообщил подробности: изъяли документы митрополита, «сидящего сейчас в Соловках»; вскрыли «архив ЦК меньшевиков»; нашли архив бывшего члена ЦК с.-р. В.К. Агафонова (это профессор-геолог и почвовед); в АК «документы военного характера» поступили из канцелярии Ольденбурга; Джунковский «почти до июня 1929 г.» допускался для работы к своему архиву, делал выписки; отыскивали серебряные вещи, погоны, медали, даже кубки (все это в ящиках Измайловского полка, сданных на хранение в 1918-19)... Начав ряд обличительных фраз со слов «мы обнаружили», Фигатнер далее продолжал: если бы 10 лет назад получили военные документы — удачней шла бы гражданская война; если бы имели эсеровские материалы — то предупредили бы ряд мятежей;

⁹⁰ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.239-240 об.

⁹¹ Лен. правда. 1929. 6 ноября.

⁹² Лен. правда. 1929. 6, 11 ноября.

документы охраны тоже облегчили бы борьбу. «Академия наук превратилась в хранилище всего того, что враждебно советской власти, советской общественности. [...] Чем можно доказать, что Академия наук должна была хранить материалы контрразведки, материалы, которые были приняты на хранение только в 1927 году! Зачем это нужно было Академии наук? Зачем нужны были Академии наук материалы охраны, шпионского характера, зачем нужен был материал военного характера, который не подлежит ее ведению? Зачем ей нужен был материал ЦК эсеров, кадетов? Правда, Сергей Федорович был членом ЦК кадетов, но это дело его личное, зачем же он подвергал опасности Академию наук, сдавая этот архив на хранение, и не свой личный архив, а архив партии? Спросил он об этом разрешения?»⁹³

Под прикрытием речей в ноябре-декабре 1929 совершилось ограбление АН. Лица, мобилизованные комиссией Фигатнера (вплоть до военных топографов), прочесали фонды БАН, ПД, АК. Были изъяты отдельные листы, пачки, папки, связки, свертки, коробки, картоны, ящики, сундуки. Почти сто папок прокламаций (в составе «дел департамента полиции»). Ящик стихотворений 17-го года (там одно — про «загрязнение свободы» большевиками). Уникальные собрания нелегальных изданий, тайно переданные в БАН еще до революции. Книжки, уже внесенные в библиотечный каталог. Картины, ордена, одежда, масса «мелочей, не имеющих никакой цены» (выражение скороспелой описи одного фамильного архива). В числе потерь Пушкинского дома — архивы Семеновского полка (444 связки бумаг) и Главного управления по делам печати. Подавляющая часть инкриминированных АН политических материалов была выдернута из личных фондов и коллекций (фондообразователи берегли не только семейные реликвии, но и документы эпохи). Замки взламывались, печати срывались. Игнорировались завещания о сроке вскрытия пакетов и условия передачи бумаг, книг и вещей на временное хранение. Все перетасовывалось и растаскивалось в разные концы. Что-то ухватили для своих нужд ОГПУ и комиссия Фигатнера. Кое-что ушло в Госфонд (для распределения по музеям и распродажи). Немного попало в Музей революции, Институт Маркса и Энгельса, Истпроф... Гораздо больше — в Институт Ленина. Львиная же доля досталась, как и следовало ожидать, Центрархиву РСФСР: «Акт. Ленинград, декабря 6-го, 1929 года. Акт. Мы нижеподписавшиеся представитель Библиотеки Академии Наук Викторов, В. с одной стороны и фельдегерь ППОГПУ ЛВО Есиков с другой, составили настоящий акт в том, что первый сдал а второй принял 134 (сто тридцать четыре) ящика с материалами работ Правительственной Комиссии

⁹³ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 5. Л. 1-7.

по чистке аппарата Академии Наук, предназначенных для отправки в Центрархив»⁹⁴. (В тот же день 28 ящиков было принято тем же фельдъегерем ОГПУ из Пушкинского Дома; и продолжались подобные акции по крайней мере до конца декабря).

С 5 ноября в АН работала еще одна правительственная комиссия — Следственная комиссия Петерса, куда входил и Фигатнер. Ферсман в своей «докладной записке» (6 ноября) назвал основным виновником Платонова, с его «чисто коллекционерским подходом» и «недоверчивым отношением» к Центрархиву⁹⁵. По предложению Ферсмана, Платонов подал в отставку, и 9 ноября она была принята Президиумом АН. Затем подал в отставку Ферсман, и с 26 ноября на два с лишним месяца Кржижановский остался единственным вице-президентом АН. И.о. неперменного секретаря после отставки Ольденбурга стал В.Л. Комаров. Кржижановский ввел практику уstrarивать время от времени в своей квартире «товарищеские чаепития», куда приглашался «академический актив»⁹⁶. Эта практика далеко переползла и в 1930 год, когда Комаров сделался вторым вице-президентом, а неперменным секретарем избрали Волгина. Здесь, на квартире Кржижановского, отобранной группой академиков и неакадемиков, в обход Президиума АН, решались едва ли не все важнейшие дела. Президента Карпинского никогда туда не приглашали, он об этих чаепитиях слыхом не слыхивал.

Первейшей задачей оставалось — «пересмотреть людской состав». К началу декабря из 960 штатных сотрудников АН комиссия Фигатнера сняла 128, из 830 сверхштатных — 520. Когда 13 декабря Фигатнер докладывал Ленинградскому бюро СНР об этих промежуточных результатах (чистка продолжалась), главный итог он подвел в словах: «Сейчас Академии в старом виде нет, она сломлена»⁹⁶. Кипарисов сформулировал задачу на будущее: «поставить Академию наук под стеклянный колпак»⁹⁸, а в речах статистов появились апелляции к пролетарскому суду.

«Дело АН» современники называли еще «делом историков». Были и другие названия у этой громкой истории: «дело Платонова», «дело Платонова - Тарле», «дело четырех академиков». Не наше, к огорчению, право — погрузиться в семнадцать основных томов следственного дела, в два толстых реабилитационных тома, во внутриведомственную и надведомственную переписку. Без них нет в руках той суммы фактов, которая позволила бы анализировать глубинные

⁹⁴ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 7. Л. 4.

⁹⁵ ААН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Л. 8. Л. 504-505.

⁹⁶ ААН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 52. Л. 16 об., 23 об.

⁹⁷ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 5. Л. 66.

⁹⁸ Там же. Л. 65.

вещи — психологию участников чудовищной инсценировки, социально-психологические механизмы агрессии, слома, деградации. В свою очередь, без такого первичного конкретного анализа не сдвинуться к обобщениям о решающем (завершающем) периоде становления тоталитаризма.

В настоящее время нам известны имена почти полутора сотен человек, арестованных в связи с «делом АН» в период с октября 1929 по декабрь 1930. Наверняка учтены не все. Темны судьбы многих «вычищенных» и куда-то исчезнувших. Не до конца очерчен круг арестованных по московскому филиалу «дела», тем более неполны списки арестованных в провинции. Почти не знаем тех, кто угодил под стражу ненадолго и вернулся из-под следствия на волю (как будущий академик Б.Д. Греков). Общее число прямо пострадавших по «делу АН», включая административно высланных, следует, видимо, оценить в несколько сотен человек. Примерно на четыре пятых это гуманитарная интеллигенция. Две трети арестованных — историки и близкие к ним музееведы, краеведы, архивисты, этнографы.

Главный герой — Сергей Федорович Платонов. Крупный историк, специалист по социальной истории России. В конце двадцатых он и Тарле противостоят Покровскому и Лукину, а также следующему эшелону — «неистовым ревнителям» типа Цвибака, Зайделя, Томсинского, Фридлянда, Ковалева. В прошлом Платонов — известный деятель женского образования: профессор Бестужевских курсов и Женского педагогического института, в который он вложил и личные средства. После Октября он, по словам дочери, «разочаровался в своем народе»⁹⁹. Нашел, однако, новые точки приложения сил (Главархив, переселенческое управление, публичные лекции) и начал новую служебную карьеру. Летом 1919 попал в Чека, но ему повезло: был выпущен вечером того же дня по личному приказанию Зиновьева и, как сам говорил, во время этого «приключения» «ни разу не получал впечатлений, которые бы заставили страдать душу»¹⁰⁰. Избран в академики в 1920 г. Именно ему приписывали злую эпиграмму на Ольденбурга («Академик Ольденград // Коммунистам лижет зад. // Секретарь его Молас // Коммунистам лижет фас!»¹⁰¹), хотя сам-то Платонов превосходно приспособился к системе, а в истории с выборами коммунистов в АН держался в проправительственном крыле. Дело Платонова неожиданно стало, кажется, его звездным часом. Показания, данные им под стражей (мы знаем лишь цитаты из них), полны безупречного достоинства:

⁹⁹ Блок А.А. Собр. соч.; В 8 т. Т.7. М.; Л., 1963. С.315.

¹⁰⁰ Письмо Н.С. Платоновой к В.С. Шамонойной от 19 июня 1919. (Копия). — Собр. автора.

¹⁰¹ Ростов А. Указ. соч. С.472-473.

«Касаясь своих политических убеждений, должен сознаться, что я — монархист. Признавал династию и болел душой, когда придворная клика способствовала падению бывшего царствующего дома Романовых».

«Самый факт существования Советской власти в течение 12 лет не является показателем окончательного закрепления форм постоянного строя, поэтому считаю диктатуру рабочего класса переходной к демократическому строю».

«Правительственная партия должна ориентироваться не только на рабочий класс, а преимущественно на крестьянство как главную силу нашей страны, в противном случае брожение среди крестьянства и восстания неизбежны»¹⁰².

«Клятвою утверждаю, что к антиправительственной контрреволюционной организации не принадлежал и состава ее не знаю, действиями ее не руководил ни прямо, ни косвенно, средств ей не доставлял и для нее денег от иностранцев или вообще из-за границы не получал. Считал бы для себя позором и тяжким преступлением получать такие деньги для междуусобия в родной стране. Не могу отступить от этих показаний, единственно истинных, под страхом ни ссылки, ни изгнания, ни даже смерти»¹⁰³.

В «деле АН» местами угадывается сходный почерк с «делом Промпартии». Одинаков прием валить часть главной «вины» на мертвых. Если вдохновителями «Промпартии» следствие объявило «вредителей» Пальчинского (расстрелян до суда), Хренникова (умер во время следствия), Грум-Гржимайло и пр., то инициатором «Все-народного союза борьбы за возрождение свободной России» был, наряду с Платоновым, назван его давний друг — московский академик М.М. Богословский, скончавшийся в 1929.

Главный сюжет придуман был такой.

После революции Платонов решил собрать в учреждениях АН монархистов — как старых слуг царя, так и монархическую молодежь. Подлинники отречений Государя и великого князя Михаила Александровича он сохранял в АН вот почему: Государь отрекся в пользу своего брата, а тот — в пользу Учредительного Собрания; поскольку большевики разогнали Учредительное Собрание, государственный строй России не изменен законным образом — следовательно, престол остается за династией Романовых.

Далее. Смещение акцентов в работах Платонова о Смутном времени (раньше воспевал Минина и Пожарского, теперь — Скопина-

¹⁰² Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова. // Вопросы истории. 1989. №5. С.126-127.

¹⁰³ Копия реабилитационного определения Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 г. — Собр. Д.Юрасова.

Шуйского, призвавшего шведов) связано со взятым курсом на интервенцию, в которой главную роль должна играть Германия, заинтересованная в возрождении Российской империи. Во время научной поездки в Германию Платонов беседовал со своими друзьями — прусскими историками, побуждая их уговорить Гинденбурга дать стотысячную армию для похода на Ленинград, где Платонов провозгласит монархическое правительство. Тарле же начал переговоры с Францией, чтобы она предоставила Германии (которую Версальский договор лишил авиации) французскую авиацию для поддержки того же похода.

Премьером, по «сценарию», намечен был Платонов, министром иностранных дел — Тарле, народного просвещения — Рождественский, вероисповедания — Бенешевич, военным министром — Габаев (раскритиковавший в одной из статей выжидательное бездействие декабристов на Сенатской площади). Престол Платонов хотел предоставить своему ученику по Военно-юридической академии вел. князю Андрею Владимировичу. О том, как утвердилась в «сценарии» эта фигура, вспоминает С.В. Сигрист: первым на допросах «это имя назвал якобы проф. Рождественский. Далее добивались показаний от других. Зав. отделением Пушкинского Дома Михаил Дмитриевич Беляев, разделявший со мной заключение с конца февраля 1930 г., говорил мне в июле, что его вызвал Мосевич и держал девять суток в темном карцере, угрожал расстрелом и высылкой старухи-матери, если ничего не «вспомнит». Тогда он вспомнил, что раз, будучи в гостях, беседа с Ниной Сергеевной [Платоновой] по поводу фельетона Заславского, в котором тот издевается над всеми эмигрировавшими Романовыми, заметил, что среди них нет популярных фигур, на что Н.С. ответила: «Папа говорит, что его ученик по Академии Андрей Владимирович был бы подходящим Царем и быстро приобрел бы популярность». Обработанный Мосевич перевел его в двойник, где неделю Беляев отсыпался и отъедался, потом вернулся в прежнюю 21-ю камеру, где он мне первому это рассказал. Разговор действительно имел место, но собеседники ему не придавали значения. Для нас, убежденных и образованных монархистов, было ясно, что кандидатом мог быть лишь старший брат Кирилл Владимирович. У холостого Андрея Владимировича к тому же не было наследника. И смешно было думать, что он станет Царем «по знакомству» с Платоновым»¹⁰⁴.

Следствие по «делу Платонова» вели начальник секретно-оперативного управления С.Г. Жупахин¹⁰⁵, начальники отделов А.А. Мосе-

¹⁰⁴ Ростов А. Указ. соч. С.481.

¹⁰⁵ Должность Жупахина названа здесь по С.В. Сигристу (А.Ростову). Согласно др. источнику, Жупахин был в ленингр. ГПУ начальником Экономического отдела,

вич и А.Р. Стромин, далее — В.Р. Домбровский, А.М. Алексеев, А.Н. Шондыш, Алдошин и другие, вплоть до молодых практикантов ОГПУ (Макаров). «Сценарий» явно сочиняли по ходу «дела». Рождались новые хитросплетения сюжета — и открывались для арестов новые «амплуа». Отчетливо просматриваются полосы, когда вдруг начинают усиленно брать бывших военных, или «шпионов», или краеведов. В выборе исполнителей на «заглавные роли» в ряде случаев не ошиблись (сломались и стали сотрудничать со следствием Измаилов, Рождественский, Мерварт, Готье, Бенешевич) — каждая такая удача должна была разжигать аппетиты и фантазию «сценаристов».

Из воспоминаний С.В. Сигриста:

«Хочется поведать случай, напоминающий тулуп Гринева в "Капитанской дочке" Пушкина. Во дни Временного правительства вернувшийся из ссылки в Курейке Сталин снял комнату у вдовы-учительницы Горской, у которой была красивая 19-летняя дочь Наталья Сергеевна, ученица Платонова, вышедшая потом за энтомолога барона А.А. Штакельберга, своего и моего сверстника. Она отказалась давать против нас показания, и Стромин еще в январе лишил ее передач и держал в одиночной камере. У нее пошли фурункулы, и тогда ей разрешили передачи, но держали в одиночке и выводили на 10-минутную прогулку после полуночи на пустой женский двор. Мать сумела съездить в Москву и добиться приема Сталиным, который был в прекрасном настроении после победы на XVI партсъезде над правыми — Бухариным и другими. Он утешил мать: "всё при вас устрою". Позвонил начальнику ОГПУ в Ленинград и приказал сейчас же выпустить Н.С. Штакельберг и прекратить следствие в ее отношении, ибо Сталин за нее ручается»¹⁰⁶.

Первые серии арестов катились по колее, проложенной комиссией Фигатнера, и поначалу давили людей в общем в той же последовательности. В ранних партиях арестованных — разные «бывшие», снятые с руководящих должностей в аппарате АН: зав. Секретариатом Б.Н. Молас, его помощник Г.Н. Соколовский, зав. Архивом А.С. Путилов, зав. издательством Якутской комиссии граф Я.Н. Ростовцов. В первых же партиях — в соответствии с первоначальным пакетом обвинений — сотрудники БАН, ПД и АК, в том числе по БАН — ученый секретарь Ф.А. Мартинсон, зав. Иностранным отделением С.К. Пилкин, старшие ученые хранители Ф.И. Покровский и Ф.Ф. Скрибанович, по АК — зам. председателя (Платонова) член-корреспондент АН Василий Григорьевич Дружинин и ученый секретарь А.И. Андреев. Аресты работников трех учреждений, которыми

который ведал делами «вредителей». Во всяком случае, в разработке «дела АН» сотрудничали несколько отделов ленинградского ГПУ.

¹⁰⁶ Ростов А. Указ. соч. С.478-479.

руководил Платонов, выявили удар против него, но было неясно, кончится ли дело его отставкой.

14 ноября 1929 был арестован 36-летний пушкинист, старший ученый хранитель ПД Н.В. Измайлов. Он был женат на дочери академика Платонова; имел 5-летнюю дочь. В обвинительном заключении приведут его показания: воспитанный в монархическом духе, он еще более в нем укрепился, женившись на Наталье Сергеевне; посещающая тестя и участвуя в разговорах с ним и Тарле, он стал свидетелем разработки интервенционистского плана.

1 декабря арестовали Сергея Васильевича Рождественского. И до, и после 1917 Рождественский преподавал в том институте, который под именем Женского педагогического был основан в 1903 вел. князем Константином Константиновичем (Платонов с самого начала был там директором). Рождественский — крупнейший специалист по истории народного просвещения в России, член-корреспондент с 1920, заместитель Платонова по БАН в продолжение всего директорства его (с 1925). Дочь С.В. была художницей: при обыске чекисты наткнулись на принадлежавшие ей изображения обнаженной натуры («А, профессор, занимается порнографией!»¹⁰⁷).

Из воспоминаний Н.П. Анциферова:

«При следующем допросе Стромин [...] с торжествующим лицом протянул мне рукопись. С болью я прочел показания старого Сергея Васильевича. Он писал, что, проживая в санатории Дома ученых в Детском Селе, он участвовал в экскурсии, которую я проводил в Александровском дворце. В качестве руководителя экскурсии я произвел на него впечатление человека, подходящего для их организации. И он предложил мне вступить в нее, а я тут же дал свое согласие. "Что ж, вы и теперь, избалованный показаниями вашего профессора, будете продолжать отрекаться от участия в их организации?" — "Да, буду. Это показание, хотя и написано его рукой, сделано *сломленным* человеком". Стромин изменился в лице. Неужели же он был так наивен, что рассчитывал на мою растерянность?!»¹⁰⁸

Но эта сцена была разыграна через несколько месяцев. А гораздо раньше на закрытом активе ленинградских партработников Киров уже сообщил, что Рождественский признал свое соучастие в заговоре академика Платонова, цель которого — восстановление монархии и провозглашение царем вел. князя Андрея Владимировича¹⁰⁹. В феврале о тех же показаниях Рождественского говорил в Москве

¹⁰⁷ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.49. Л.81.

¹⁰⁸ Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний. // Память. Вып.4. С.91-92. Также в журн. Звезда. 1989. №4. С.136. Первая публикация отличается обширными примечаниями.

¹⁰⁹ Ростов А. Указ. соч. С.475.

Рыков¹¹⁰. Неизвестно, какими мерами вынудили старика «признаться». Его держали в одиночке первого корпуса ДПЗ без передач, прогулок, газет, журналов, без смены белья (как и всю первую группу заключенных).

Теперь мы почти безошибочно можем утверждать, что задания на оперативную разработку «дела Платонова» были даны задолго до его ареста. Но в то время едва ли кто предполагал, что ГПУ тронет академиков. Один лишь Платонов, по воспоминаниям, лучше других угадывал будущее, чему свидетельство — его экспромт на французском языке: «On nous dit que l'homme propose, // On nous dit que Dieu dispose. // Proposer ou disposer — // Nous serons tous au ДПЗ»¹¹¹.

Платонов был арестован, по одному источнику, в ночь на 14 января 1930 («старый Новый год»), по другому — 12 января (но возможно, что это дата ордера на арест). Приехал за ним сам Жупахин в сопровождении Мосевича и Стромина. Арест сопровождался обыском в квартире и изъятием «ценностей». Вместе с Платоновым забрали его младшую дочь Марию (не так давно она сопровождала его в Германию, где они виделись с эмигрировавшей дочерью С.Ф. — Надеждой Сергеевной Краевич). Марию Сергеевну поместили в одиночке женского корпуса ДПЗ, академика — в комнате гостиничного типа, не с решеткой, а с сеткой на окне. Ему был создан улучшенный режим: мясной обед, сладости к чаю, уборка камеры уборщиком из подследственных. Привезли платоновские вещи: С.Ф. спал на привезенной из дома кровати, работал со своими книгами, за своим письменным столом. Начал было писать воспоминания. Родные неоднократно посещали его во время следствия, привезли в камеру любимую его кошечку. Сохранилась даже записка¹¹², посланная им легально своим арестованным дочерям (вскоре взяли и старшую, Нину,

¹¹⁰ Сегодня. Рига. 1930. 23, 27 февраля.

¹¹¹ Буквальный перевод: «Нам говорит, что человек предполагает, // Нам говорят, что Бог располагает. // Предполагать или располагать — // Мы все окажемся в ДПЗ». (фр.). — Приводится в воспоминаниях А.Ростова. Указ. соч. С.473.

¹¹² Вот эта записка, написанная 9 июля 1931 в ответ на поздравление (С.Ф. Платонову исполнился 71 год): «Дорогие Ниночка и Маруся! Спасибо от всего сердца за Вашу память на 16.VI. Этот день был особым праздником: были гости — родные. Марушеньку очень благодарю за ее художественные экспромты. Они интересны: в одной картинке можно увидеть kota в кресле, а на обороте — он же курица в лукошке. Но серьезно: до конца жизни не забуду твоего лоскутка, как дорогого голоса в разлуке. Радуюсь тому, что ты бодра, и крепко целую. Ниночка, милая! Мемуаров я не пишу. В пояснение к письмам от мамы 1885 года я написал некоторые воспоминания — «для детей» и разобрал кое-что из моих бумаг. Писать мемуары в данной обстановке не собираюсь; но собрано и вспомнано много. Выяснены некоторые родословия первой половины и середины XIX столетия. Крепко, милые, любимые, вас целую и желаю всего лучшего. Любящий вас Папа». — Собр. автора.

близко стоявшую к Тарле). Два раза в месяц Мосевич возил Платонова гулять на Острова (в закрытом автомобиле)¹¹³.

С Платоновым работал Андрей Андреевич Мосевич — один из крупных тогдашних чекистов. Впоследствии, после убийства Кирова, он оказался одним из «крайних» и попал в ГУЛАГовскую систему, что в 1937-38, при «отстреле» очередного поколения чекистских начальников, спасло ему жизнь. Мосевич благополучно проработал начальником Севдвинлага до послевоенных годов и, вспоминая прошлое, говорил, что «спас Платонова от расстрела»¹¹⁴: о чем здесь речь — пока неясно. Когда обнаружилось, что арест дочерей и учеников и угрозы расстрела не действуют на Платонова, Мосевич нашел оригинальный ход, о котором впоследствии рассказал собиравший сведения о «деле Платонова» Сигрист:

«Мосевич сказал, что потомки судят о разных декабристах по их поведению на допросах и наши потомки будут судить о Платонове, читая его показания, в которых он лукавил и прикидывался сторонником советского режима. Тогда честный и мужественный академик объявил себя монархистом: отрицая всякие заговоры, сказал, что до революции разделял программу Союза 17 октября, что сознательно отстаивал Академию от вторжения коммунистов и окружал себя честной монархической молодежью. Нас — молодых ученых — характеризовал так: "честные научные работники, которые не могут мириться с режимом, при котором без ярлыка какой-нибудь Комкадемии нельзя издать объективного научного труда". Когда Мосевич спросил: как мог набожный Платонов пригласить заведовать отделением Пушкинского Дома еврея Коплана, то получил ответ: "Какой он еврей: женат на дочери покойного академика Шахматова и великим постом в церкви в стихаре читает на клиросе". После этого Коплан получил пять лет концлагеря!»¹¹⁵.

28 января 1930 были арестованы еще два академика — Е.В. Тарле и Н.П. Лихачев.

Тарле не любил открывать эти страницы своей биографии, но известно, что он винил в своих злоключениях Покровского, который испытывал к Тарле личную неприязнь. Покровский давно обвинял его в антимарксизме, антантофильстве, пропаганде русского империализма. В феврале 1928 он писал Бухарину по поводу одного из выступлений Тарле на историческую тему: «Надо бы его смазать хорошенько, чтобы он восчувствовал, что его не выслали из СССР не за его добродетели, а по неизреченной милости Советской вла-

¹¹³ Условия содержания С.Ф. Платонова в тюрьме описаны по воспоминаниям Сигристы, а также по устному сообщению внучки Платонова — Н.Н. Федоровой (1978).

¹¹⁴ Устное сообщение А.Б.

¹¹⁵ Ростов А. Указ. соч. С.475-476.

сти»¹¹⁶. На «западном участке исторического фронта» (так выражались!) Тарле считался противником номер один. Тарле как кандидат в кресло будущего министра иностранных дел — это был столь заманчивый эпизод, что, похоже, за право вставить его в свой спектакль чекисты-москвичи спорили с ленинградцами. Во всяком случае, в «деле Промпартии» имя Тарле звучало многократно. Тарле допрашивался и давал собственноручные показания свыше 70 раз. Некоторые его рукописи были похожи на научные работы. Н.П. Анциферова поразил тон и стиль этих показаний, где разбиралась деятельность разных журналов, организаций, издательств с точки зрения их вреда для линии ВКП(б). Свое участие во «Всемирном союзе борьбы» Тарле вначале отрицал, затем то «признавался», то отказывался от своих показаний.

Н.П. Лихачев был не только крупный историк, но также один из крупнейших русских собирателей и искусствоведов. Его коллекция икон, поднесенная царю, составила, вместе с собранием Академии художеств, Иконную палату Русского музея. Многообразные памятники письменности, собранные им по всей Европе, а также в России и в странах Востока, были подарены Лихачевым Академии наук и превратились в Институт книги, документа и письма. Лихачев был крупнейший специалист, кажется, по всем вспомогательным историческим дисциплинам: палеография, сфрагистика, генеалогия, флигранология, нумизматика, археография, источниковедение, дипломатика... От него в тюрьме добились немногого: что до революции был членом правой организации «Русское Собрание», но после 17-го года занимался одной лишь научной работой.

В марте 1930 «Социалистический вестник», а за ним другие эмигрантские издания распространили слух, что показательный процесс академика Платонова в Ленинграде назначен на 11 апреля. Называли председателя суда (Винокуров). Передавали, что Платонов отказался от защитника: будет защищать себя сам¹¹⁷.

Слух кажется нам сомнительным ввиду отказа Платонова сотрудничать со следствием, хотя не исключено, что в Ленинграде готовы были выпустить спектакль, где главный обвиняемый не признает своей вины, но изобличается показаниями других. Надо сказать, что весной и летом 1930 развернулось своего рода «соцсоревнование» между ленинградскими чекистами, ставившими «дело АН», и московскими, взявшимися за «дело Промпартии». Москвичи — главным образом, благодаря вдохновенному исполнителю Л.К. Рам-

¹¹⁶ ААН. Ф.1759. Оп.4 Д.11. Л.1. (Письмо от 10 февраля 1928, оригинал: видимо, не отправлено).

¹¹⁷ Сегодня. Рига. 1930. 5, 6 марта.

зину — явно вырвались вперед и уверенно готовили свою ноябрьско-декабрьскую «премьеру»¹¹⁸.

Ленинградцы, однако, старались не ударить в грязь лицом, и, возобновив аресты, загребли новые слои. Привезли из Соловецкого лагеря В.Н. Бенешевича, протоиерея Михаила Митроцкого и разных других лиц, осужденных в Ленинграде в предыдущие годы. Бенешевич был посажен в полутемный подвальный карцер и, готовясь к худшему, написал на стене карандашом: «Здесь сидел до смерти проф. Бенешевич»¹¹⁹. Были арестованы его брат и жена (дочь почетного академика Ф.Ф. Зелинского, уехавшего в Польшу). Арест этот был далеко не первым в жизни Бенешевича, — и он написал под диктовку «признание» о своих переговорах с римским папой во время последней научной командировки в Рим. Будто бы папа обещал поддержать заговор Платонова, если православные примут унию. Бенешевич оговорил протоиереев Н.К. Чукова (он должен был, по «свидетельству» Бенешевича, стать кардиналом Московским и Крутицким) и Н.В. Чепурина (кардиналом Ленинградским и Ладожским). Кроме них, были арестованы о.Павел Аникиев (настоятель церкви при Женском педагогическом институте, духовник семьи Платоновых; взят 5 мая), о.Павел Митроцкий, иеромонах И.П. Астанин (в монастыре Игнатий), пастор А.Ф. Фришфельд и т.д.

Весною в ДПЗ появились военный историк Г.С. Габаев, работавший после 1917 по музейному делу, бывший полковник (арестован в Курске, где жил («в минусе»)), и взятый из ссылки военный юрист С.С. Абрамович-Барановский, бывший генерал-майор. Этим завершился подбор участников «военной секции» «заговора», начавшийся с ареста Измайлова, который в ранней молодости был офицером лейб-гвардии Измайловского полка. На протяжении зимы 1929-30 были взяты бывшие военные, в основном гвардейские офицеры: А.А. Петров (из Бюро АН по международному книгообмену), П.И. Зиссерман (из ПД), Ю.А. Вержбицкий (из Книгохранилища АН), Г.П. Соколов (из военной библиотеки), А.Ф. Малов (из АК), П.А. Купрянов, В.Ф. Пузинский (из Главархива, бывший полковник), А.В. Бо-

¹¹⁸ Аресты в Москве, произведенные в 1928 сразу после Шахтинского процесса, захватили работников НКПС. Главных обвиняемых, Н.К. фон Мекка и А.Ф. Величко, не удалось, однако, подготовить к открытому процессу, и они расстреляны весной 1929; приговоры по «делу о вредительстве на транспорте» вынесены закрытым порядком. Аналогично получилось тогда же и в Ленинграде с «делом о вредительстве в золотоплатиновой промышленности» (П.И. Пальчинский и др.). Решающие аресты в Москве прошли весной-летом 1930: А.А. Федотов, В.А. Ларичев, С.А. Хренников, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинин, Л.К. Рамзин. Последний взят в середине августа (чуть позже «московской секции» «Всенародного союза»), в сентябре уже давал обширные показания, а 11 ноября 1930 в «Известиях» напечатано обвинительное заключение по «делу Промпартии».

¹¹⁹Ростов А. Указ. соч. С.476.

родин (из БАН, бывший подполковник). По «сценарию», «военную секцию» организовал Измайлов. Тот примерно до мая своей вины не признавал, затем сдался; его нужные следствию показания подтвердил Петров.

Из воспоминаний Г.С. Габаева (1945 г.): «6 марта 1930 г. я был вновь арестован и через месяц по этапу доставлен в Ленинград и помещен в один из двойников ДПЗ. Я пробыл без допроса полгода, совершенно недоумевая, за что я арестован. Чувствуя сильное ухудшение здоровья и ослабление памяти, я подал просьбу об ускорении допроса. 13 сентября я был вызван следователем Алдошиным, от которого узнал, что я арестован по делу академика Платонова и вообще Академии наук. Я указал, что к Академии никакого отношения не имею, с Платоновым же личного знакомства не имел, я знал его только по службе под его начальством в Главархиве в 1918-19 года, что с 1926 г. я убыл из Ленинграда и ни с кем, кроме детей своих, переписки не имел, что легко проверить. На первом допросе мне было предъявлено несколько фантастических обвинений, которые я легко опроверг. На втором допросе через несколько дней Алдошин сказал: "Ведь вы намечались на должность военного министра в правительстве Платонова". Я ответил, что никак не могу этому поверить и никогда не принял бы такой должности, т.к. совершенно к ней не подготовлен, к тому же не генштабист, не экономист и не карьерист. На последнем (шестом или седьмом) допросе 18 ноября Алдошин мне сказал: "Да, вы правду говорили, без вас вас женили, но вас называли и Тарле, и Измайлов, и Рождественский". Я ответил, что последних двух вовсе не знаю, а Тарле, хоть и видел на заседаниях в Главархиве, но лично знаком не был и ни разу с ним не говорил. Я просил дать мне очные ставки, но мне было отказано»¹²⁰.

На апрель-июль пришлись основные аресты по «шпионской линии» «дела АН».

Во главе «шпионской сети» «Всенародного союза» разработчики сценария решили поставить востоковеда А.М. Мерварта: он, «состоя в германской секретной службе, лично и через привлеченных им лиц, систематически занимался сбором секретных сведений о политическом, экономическом и военном положении в СССР и передавал их своим шефам Германского Генерального консульства в г. Ленинграде»¹²¹. Вот некоторые из его «агентов»: Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гульбин (коллеги Мерварта по работе в МАЭ), Криштафович, Д. Бенешевич, Клер (геологи — владельцы «секретных сведений»), П.П. Бабенчиков (его археологическая карта Гераклеи, с нанесенными на нее пещерами, предназначалась «для передачи гер-

¹²⁰ ОР ГПБ. Ф.1001. Ед. хр.33. Л.55-55 об.

¹²¹ Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

манскому генеральному штабу»), Н.М. Окинин (пом. зав. радиоцентром по технической части). Все они «в разное время были привлечены Мервартом к шпионской деятельности и по его заданию за определенную плату собирали и передавали интересовавшие его сведения, заведомо зная, что они будут использованы во вред СССР»¹²². Сюда же подверстана была и жена Мерварта, арестованная, выпущенная и вновь водворенная в ДПЗ. В письмах Мерварта к ней от 11 и 23 июля 1930 он склонял ее дать угодные следствию показания, писал, что за это им обещано немедленное освобождение¹²³. Несомненно, Мерварт испытал тяжелое давление Жупахина и его подручных. Жена его на прогулках еле двигалась по тюремному двору и, жестикулируя, говорила сама с собой. Она и в лагерь поехала тяжело больной. А Бабенчиков подписал свой протокол, видимо, уже в состоянии глубокой душевной депрессии. В камере всюду — на потолке, в окнах и за стенами — ему мерещились враги.

«Сценаристам» не откажешь в логике выбора «резидента»: вся биография Мерварта работала на них. Уроженец Мангейма, немец по рождению, Густав-Герман Мерварт принял присягу на подданство России в 1912 году. В русских документах его именовали и Германом Христиановичем, и Густавом Христиановичем. Перейдя в православие, он еще раз сменил имя: стал Александром Михайловичем, по крестному отцу. В 1914-24 гг. Мерварты — в затянувшейся командировке от АН (этнографическая экспедиция в Индию, затем вынужденная задержка на Дальнем Востоке, включая Харбин). Перед той поездкой, готовясь к ней, они объехали Европу. Съездили за рубеж в 1927, посетили в Голландии родителей Мерварта. Круг связей Мерварта необычен, занимается он, единственный в стране, дравидологией, преподает в университете и в Институте живых восточных языков, заведует Отделом Индии и Индонезии в МАЭ (Музее антропологии и этнографии)¹²⁴.

Удачно смотрится «шпионская деятельность» группы Мерварта рядом с «немецкими делами», организованными в Ленинграде в

¹²² Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

¹²³ Там же.

¹²⁴ Насчет даты ареста Мерварта есть две версии, и обе документированы. В пользу 13 января 1930 свидетельствуют реабилитационное Определение ВК ВС и записка-сообщение директора МАЭ в Президиум АН от 14 января 1930 («по дошедшим до меня сведениям», имя рек «в ночь с 13-го на 14-е сего января арестован» (ААН. Ф.4. Оп.4. Д.1040. Л.78). Но вот справка из МАЭ: этнограф Мерварт «не является на службу (вследствие ареста) с 14 декабря 1929 г.». Эта дата подкрепляется финансовым документом о прекращении выдачи ему зарплаты и служебной запиской об увольнении Мерварта. В обеих бумажках — ссылка на истекшие два месяца с момента взятия под стражу, что и служило законным основанием действия. (Там же. Л.73, 79-80). Возможно, обе даты справедливы: имел место повторный арест. По «делу АН» известно не менее десятка подобных случаев.

том же тридцатом году (арестами оборваны встречи в Анне-шуле старых выпускников немецких школ города, разгромлены последние немецкие культурные и научные общества). По «немецкой» линии академического дела сел, видимо, профессор ЛГУ А.Г. Вульфус (19 апреля). Да и вообще, среди арестованных по «делу АН» немало лиц с немецкими фамилиями: Виттенбург, Грюнвальд, Либталь, Шольц, Фришфельд, Штакельберг и т.д. С сыном вместе взят профессор-педиатр Э.Б. Фурман, оговоренный Мервартом.

Летом 1930 следовательская бригада всюю раскручивает краеведческий сюжет «сценария». Трудно, опять-таки, отгадать, кто главный автор этой блестящей идеи — вплести в «дело» всероссийскую организацию краеведов и тем придать ему художественную завершенность и размах. Стромин, мы знаем, много занимался «режиссурой» краеведческих сцен.

Краеведов, экскурсионных и музейных работников ГПУ хватало и в 1929, и в 1928, и даже в 1927-м. Тогдашние аресты били по Ленинграду, по его музеям (страдающим от распродаж), по пригородным дворцам (отдаваемым Бог весть каким организациям). Весной и летом 1930 удар обрушился на главные нервные узлы краеведения и одновременно на массу практических работников и в столицах, и на периферии. Были арестованы ученый секретарь ЦБК Д.О. Святский, ведущий графовед страны Н.П. Анциферов (взят в Соловках), глава исторического краеведения в Москве С.В. Бахрушин, краеведы Бабенчиков (Севастополь), В.И. Смирнов (Кострома), М.И. Смирнов (Переяславль), Г.Э. Петри (Ленинград). Б.Ф. Чирсков (Детское Село) и многие-многие другие, которых мы с равным основанием могли бы включить в списки пострадавших историков, или «националов», или «религиозников», или «бывших» (в краеведческом движении были представлены они все).

Из воспоминаний Н.П. Анциферова: «Дня через три меня вызвали на допрос. В комнате следователя сидел тот же Стромин. Его круглая, плоская физиономия вежливо улыбалась. Он начал: "Прежде всего я должен выразить свое глубокое сочувствие постигшему вас горю. Надеюсь, что вы не вините нас в смерти жены". Он помолчал. "Поверьте, я вызвал вас из Соловков не для того, чтобы усугубить ваше тяжелое положение, а для того, чтобы его облегчить. А это будет зависеть всецело от вас". — "Что же вы хотите от меня?" — "Вы должны помочь нам разобраться в деятельности ЦБК. Нами раскрыта подпольная контрреволюционная организация. ЦБК сделалось одним из орудий ее деятельности. Я окажу вам полное доверие и ознакомлю с интересными для вас документами". Он достал объемистую рукопись. "Вот показания академика Тарле".»¹²⁵

¹²⁵ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.86 (в «Звезде» — С.133).

Замысел был — представить Центральное бюро краеведения как информационно-организационный центр «Всенародного союза борьбы», периферийные краеведческие общества — как филиалы «контр-революционной организации» на местах, поездки краеведов — как связующие «цепочки». Стромин выжимал из своих подследственных «признания» в этом ключе.

«Наконец Стромин решил, что дал мне достаточно времени для обдумывания своего положения, и вызвал меня для продолжения допроса. Он попросил меня рассказать о заседаниях президиума ЦБК. Едва я начал, как он прервал меня: "Неужели вы думаете, что нас могут интересовать эти ваши легальные заседания в Мраморном дворце? Вы должны рассказать мне о *тайных* совещаниях на частных квартирах". — "О таких собраниях я ничего не знаю". — "Так ли? А вот, припомните", — и он показал мне протокол, составленный по всем правилам секретарского искусства. Дата. Имена присутствующих. Речи выступавших. Среди имен были: С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр, И.М. Гревс, Семенов-Тянь-Шанский, Анциферов. Ольденбург сообщал о восстаниях на Доюу, в Новгородской области и где-то еще. И ставил вопрос, что делать краеведческим организациям в случае свержения на местах советской власти. Затем Стромин прочел мою речь. В "протоколе" было записано, что я предложил, чтобы во избежание анархии краеведческие организации брали власть в свои руки. "Что же? Вспомнили?" — спросил Стромин. Я возмутился: "Не мог же я предлагать такую нелепость. Краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?!" — "Значит, этот протокол вас не убеждает?" — "Вам лучше известно происхождение подобного протокола!" Стромин мрачно молчал. Потом изрек: "Я вынужден применить к вам другие меры. Вам придется изменить тактику"¹²⁶.

Неожиданный, рядом с предыдущим, пласт «загремевших» — геологи. После шахтинского процесса их уже брали в Ленинграде и, дав срок, везли в районы Севера, «подшефные» ленинградскому ГПУ. Так, Н.Н. Тиханович сделался старшим геологом Ухтпечлага, И.И. Гинзбург занялся природными радиоактивными водами под Ухтой, В.К. Котульский (чуть позже) — проблемой никеля в Мончегундре. В «академический» набор 1930 года, попали: преподаватель Горного Д.Н. Бенешевич, проф. ЛГУ П.В. Виттенбург, старший геолог Угольного геологоразведочного института А.Н. Криштафович, помощник Ферсмана по Минералогическому музею В.И. Крыжановский, проф. Свердловского горного М.О. Клер (аресты в этой категории — с конца февраля по июль). Их набрали в основном по «шпионскому» поводу. В самом деле, кому не очевидна связь с заграницей

¹²⁶ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.87-88 (в «Звезде» — С.134).

Пауля-Людвига (Павла Владимировича) фон Виттенбурга, что недавно выпустил совместную книгу с французом-географом? А бывший швейцарский подданный Клер! Бенешевич, брат которого виделся с римским папою! Криштафович, объехавший в 1909-23 всю Европу, Китай, Египет, трижды побывавший в Японии, проработавший год на Филиппинах в американской экспедиции, переписывающийся со всем светом! Только Крыжановского взяли, видно, с другой установкой — просто в порядке очередного подкопа под Ферсмана. Опять, как и в случае и Линденером, обещали свободу за показания против Ферсмана, опять просчитались.

В этой серии арестов ощущаешь не только шпиономанский соц-заказ, но и конкретный, срочный заказ ГУЛАГа. Подзадержав для подверстки к «главарям» Криштафовича, Клера и Бенешевича, пропустят прочих через ранние приговоры и спешно отправят вкалывать по специальности: угольщика Полевого — старшим геологом на Воркуту, полярного геолога Виттенбурга — в Вайгачскую экспедицию ОГПУ. (С дальним корыстным прицелом забирают, рискну предположить, и машинисток — уже упоминавшуюся Н.П. Дурново, Т.И. Блумберг-Коган (из Выборгского райкома партии), Т.А. Корвин-Круковскую (вычищенная из МАЭ, она служила машинисткой в нижегородском «Кожсиндикате»). Чекистов легко понять: в дальних краях люди для делопроизводства им ох как нужны. И точно: Дурново на Соловках как раз и была машинисткой.)

8 августа в Москве арестовали академика М.К. Любавского (проф. МГУ, консультант Центрархива), трех членов-корреспондентов, работавших в крупных библиотеках (Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев), и проф. Бахрушина (обвинение печати: уходил в областную историю с целью «не отвечать на основные вопросы современности»). Примерно тогда же (точней не знаем) взяты еще два члена-корреспондента (С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский), И.А. Голубцов, много молодежи, в том числе будущий академик Л.В. Черепнин. Вся эта группа московских историков «причастна» к «московской секции» «заговора», наиболее видные члены «секции» привезены в ЛенДПЗ. «Руководство секцией» согласился взять на себя Готье, на уступки следствию пошел «разоружившийся» Бахрушин, под давлением Жупахина на предварительном следствии оговорил себя и других Любавский, потом отказавшийся от своих показаний. Из ленинградских историков в это время взят М.Д. Приселков (13 августа).

14 сентября в Минске в числе «нацдемовцев» был арестован действительный член АН БССР историк В.И. Пичета, затем тоже препровожденный в Ленинград. 6 декабря он «как враг пролетарской диктатуры» еще до окончания следствия исключен из числа академиков решением СНК Белоруссии.

Последняя волна арестов прокатилась в ноябре 1930 (А.А. Бялыницкий-Бируля, Б.М. Энгельгардт, Н.А. Пыпин, А.А. Достоевский, П.А. Садилов); отдельные аресты по «делу АН» происходили и позже. В январе 1931, после процесса «Промпартии», следствие было, наконец, закончено, проект приговора послан на утверждение (в Политбюро?), а большинство обвиняемых переведено в Кресты и размещено по четыре человека в одиночных камерах.

Много примечательного случилось в Академии за время «дела АН».

Закончилась выборная кампания 1929-30. Надо было заполнить освободившиеся за смертью академиков пять кафедр. Порядок отбора не меняли, и все шло своим чередом, как вдруг с 16 октября 1929 встречам двух половин отборочной комиссии стали мешать странные обстоятельства: то «представители республик» неожиданно для академиков отправляются вместо заседания на Острова и в Эрмитаж, то Воронов срочно едет отдохнуть на юг. Луппол и Волгин (точно как в 1928-м!) посетили Платонова с заявлением: если хоть один из намеченных Москвой кандидатов не будет отобран, а затем и избран — откажутся они все. Академики уговорились собраться у Карпинского, чтоб обсудить сей ультиматум, но тут вернулся из Москвы со своей чрезвычайной комиссией Фигатнер. А утром 21-го, как помним, началась история с комнатой №14 — и выборные дела остановились.

В конце января, через 10 дней после ареста Платонова и буквально накануне заседаний избирательных комиссий, появились статьи о некоторых кандидатах: о «типично буржуазном и притом реакционном» историке Д.Н. Егорове, «реакционере на историческом фронте» С.Б. Веселовском, об М.В. Довнар-Запольском, «общественное лицо которого не внушает особого доверия»¹²⁷. Все они претендовали на кафедру, которую ранее занимал М.М. Богословский, и противостояли кандидатуре В.П. Волгина. На другой день комиссии отобрали: у историков — Волгина, у химиков — Писаржевского, у литературоведов (на место умершего Фриче) — Луначарского (с ним конкурировали Переверзев и Шишмарев, но Луначарский единогласно признан «наидостойнейшим»). В стремительнейшем темпе — и в дни, непосредственно следовавшие за арестом теперь уже Тарле и Лихачева — отобранную тройку пропустили через утверждение в отделениях и (днем позже) в Общем собрании. Все заняло неделю. Два месяца спустя Волгин стал непременно секретарем АН.

Но были еще две кафедры, на которые «пролетарская общественность» требовала пропустить «ученых, политически и идеологи-

¹²⁷ Лен. правда. 1930. 24, 26 января.

чески близких пролетариату»¹²⁸: языковая (после А.И. Соболевского) и биологическая (после П.П. Сушкина). На первую достойнейшими кандидатами были Н.Н. Дурново и Л.В. Шерба, вторую по справедливости должен был занять Н.К. Кольцов¹²⁹. Все было сказано академиком про этих лиц: «общественными организациями» все трое признаны «недостойными избрания в действительные члены Академии, как недостаточно отметившие себя в современной науке и советской общественности»¹³⁰; «Н.К. Кольцов вовсе не крупный, а только модный и популярный в известных кругах ученых», «ждать от него воспитания здоровой пролетарской смены или думать, что он может еще что-то дать по существу для нашей советской науки и социалистического строительства, — это дело совершенно безнадежное»¹³¹. Академики, несмотря на все сопутствовавшие обстоятельства, не захотели проштамповать продиктованное решение — пришлось их мнение перечеркнуть и избрание на две кафедры «отложить до следующих выборов»¹³². (В выборную кампанию 1930-31, как и далее до конца жизни, Кольцов опять в «полные академики» не прошел, остался «половинным академиком»¹³³; а у языковедов одержал победу деятель СНР Н.С. Державин; зато у историков опять вышел скандал с забаллотированием Ф.А. Ротштейна¹³⁴).

Несмотря на то, что в конце 1929 специальным постановлением невозвращенцы были объявлены вне закона, причем для лиц, уже находившихся за рубежом, было прибавлено, что постановление будет

¹²⁸ Лев. правда. 1930. 26 января.

¹²⁹ Н.К. Кольцов давно был оценен в своем отечестве как крупнейший биолог. АН впервые предложила ему баллотироваться в действительные члены еще в 1915, но тогда К. попросил снять свою кандидатуру, т.к. в случае избрания должен был покинуть Москву и перебраться в Петроград. Устав 1927 такого требования уже не предъявлял, и независимая научная общественность настойчиво выдвигала кандидатуру К. Московское общество испытателей природы, во главе со своим президентом акад. Мензбиром 25 мая 1929 собралось на чрезвычайное заседание, чтобы подтвердить, что Общество остается при прежнем своем мнении и, как и год назад, представляет АН для баллотировки одну кандидатуру по отделу биологии — К. (ААН. Ф.2. Оп.1-1929. Д.76. Л.14).

¹³⁰ ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319.

¹³¹ Лев. правда. 1930. 26 января.

¹³² Прием откладывания дела в долгий ящик на этот раз был также использован по отношению к Ф.И. Шмиту и Д.Н. Егорову: кандидатуры их «рассмотрением отложены впредь до выяснения вопроса о византийской кафедре» (ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319). Прием отработан еще в выборную кампанию 1928-29 на историке искусства Д.В. Айялове, этнографе Д.К. Зеленине, географе В.П. Семенове-Тян-Шанском и ряде других кандидатов.

¹³³ Перед обсуждением в комиссии, 29 октября 1930, зав. делопроизводством АН М.Комарович письменно запросил постоянного секретаря, считать ли действительными прошлогодние (отложенные) заявки по биологической кафедре, — В.П. Волгин ответил резолюцией: «Нет» (ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319).

¹³⁴ Ф.А. Ротштейн был провален при голосовании в Отделении общественных наук АН семью голосами «против». Впоследствии, в 1939, он все же стал академиком.

иметь обратную силу, — несмотря на это, появились новые эмигранты. Академик В.Н. Ипатьев, уже с 1927 деливший примерно поровну свою жизнь между СССР и Германией, в 1930 г. принял приглашение на работу в США. Он нашел за океаном такие льготные условия для работы, каких не могла ему даже пообещать АН СССР: великолепную оборудованную лабораторию, право приходить на работу когда угодно и, если нужно, по неделям отдыхать, право самому выбирать научные проблемы для разработки. Одновременно с ним остался на Западе другой академик-химик — А.Е. Чичибабин. Во Франции он был избавлен от траты сил на преодоление всяких «бесполезных сопротивлений», возникавших в СССР на каждом шагу, и смог продолжить научную работу при полном душевном спокойствии (это, пожалуй, было главным, чего он искал) и по своей инициативе, хотя и без большой материальной поддержки. Ипатьев и Чичибабин не теряли надежды вернуться на родину, а их коллега академик Я.В. Успенский (математик) поступил решительнее. Уехав в полугодичную командировку в США (в предыдущую поездку он там женился), Успенский в октябре 1929 прислал письмо с просьбой считать его выбывшим из академиков и назначить выборы на освободившуюся кафедру. АН продлила Успенскому командировку, однако тот ответил на это категорично: «Я не возбуждал ходатайства о продлении срока моей командировки, но просил считать меня выбывшим из состава Академии»¹³⁵. Общему собранию АН не оставалось ничего другого, как удовлетворить это желание (29 ноября 1930).

В АН резко расширилась зона секретности (часть переписки Президиума и ранее шла под грифом «Не подлежит оглашению»). Почти сразу за событиями в 14-й комнате учредилась Секретная часть Управления делами АН СССР. В ноябре 1929 туда, в частности, была передана изрядная доля официальной переписки АН за предшествующее время, материалы Комиссии по вопросу о Константинопольском археологическом институте (думали восстановить дореволюционную научную базу в Константинополе), материалы Комиссии по Кольскому полуострову (тут вопрос: по военно-стратегическим соображениям или же потому, что обширные районы полуострова отошли под власть ГУЛАГа?). «Налаживал» это дело С.С. Федотов, заведовавший Секретной частью с декабря 1929 по март 1930.

Спешно, за месяц с небольшим (февраль-апрель 1930), разработали новый Устав и утвердили его. Ввели в текст устава и «материалистическое мировоззрение» (§2, п.4) и «социалистическую реконструкцию» (§2, п.5)¹³⁶. Отбросили трехлетней давности формулировку параграфа об исключении из АН: «Действительный член Акаде-

¹³⁵ ААН. Ф.2. Оп.17. Д.144. Л.80.

¹³⁶ Уставы... С.130.

мии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР» (§22)¹³⁷. Отныне не предусматривалось исключать за невыполнение обязанностей академика. Не требовалась теперь для исключения «явная» вредоносность — достаточно стало неявной (недоказанной). Главное же — пришла пора перешагнуть через ту неопределенную безличность, которая вызвала в свое время реплику А.Н. Крылова по поводу §22: «Какой же порядок этого лишения? Кто и как устанавливает злокозненность действ[ительного] чл[ена] Академии и т.д. или вообще для этого достаточно, напр[имер], письма Н[епременного] секр[етаря] в ГПУ?»¹³⁸. Комиссия под председательством В.П. Волгина выработала и провела новую формулировку: «Действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук лишаются своего звания постановлением Общего собрания, если их деятельность направлена во вред Союзу ССР» (§19 Устава 1930 г.)¹³⁹. Голосуя за эту формулировку (трое академиков уже сидят!), академики, может быть, надеялись остаться хозяевами положения. На деле вышло прямо противоположное. Академики — все до единого — делались теперь соучастниками репрессий.

Первым и срочным испытанием их моральной капитуляции стало «дело Платонова»: прежде чем карающие инстанции вынесут свой приговор, академики должны его заранее санкционировать. Еще не осужденных — предать.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР*

2 февраля 1931 г.

Президиум: Президент Академии наук СССР А.П. Карпинский
Вице-президент Г.М. Кржижановский
Непременный секретарь В.П. Волгин

Председатель (В.П. Волгин. — Г.С.): Товарищи, позвольте объявить чрезвычайное Общее Собрание Академии наук открытым.

Товарищи, получившие приглашение на торжественное заседание, должны удалиться, так как настоящее заседание не есть торжественное заседание.

Всем вам, конечно, известно, что из числа действительных членов Академии наук пять человек находятся в течение дово-

¹³⁷ Уставы... С.123.

¹³⁸ ААН. Ф.459. Оп.4. Д.68. Л.19 об. (Письмо к П.П. Лазареву от 17 сентября 1927).

¹³⁹ Уставы... С.133.

* Публикация Г.А. Савиной.

льно длительного времени под стражей, из них трое находятся под стражей уже больше года.

Президиум Академии наук еще до декабрьской сессии (1930 г.) пришел к заключению, что для Академии создается положение совершенно недопустимое. С одной стороны — Академия, которая стремится стать живым научным органом социалистического строительства, с другой стороны, — Академия терпит в своей среде лиц, которые очевидным образом задержаны по какому-то весьма серьезному обвинению политического характера. Это нечто внутри противоречивое.

Президиум Академии наук обратился в декабре в высшие правительственные органы через Ученый Комитет ЦИК Союза, которому он подведомствен, со следующим отношением:

«Академия наук СССР считает необходимым...» [читает]¹⁴⁰.

В настоящее время я как непрменный секретарь Академии наук получил совершенно официальное сообщение, имеющее отношение к четырем из вышеперечисленных лиц, т.е. к академикам Платонову, Тарле, Лихачеву и Любавскому. Это сообщение гласит, что четыре перечисленных мною академика арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности, в организации контрреволюционного заговора, поставившего себе целью низвержение существующего советского строя и восстановление конституционно-монархического образа правления, что материал доказывает с совершенно неопровержимой убедительностью факт их реального участия в этом заговоре и что, наконец, они сами подтвердили это участие собственным признанием.

Так обстоит дело, товарищи.

Вы припомните, что один из параграфов нашего Устава обязывает нас вывести из своего состава тех членов Академии наук, которые проявляют деятельность, явно идущую во вред СССР.

Для меня не подлежит никакому сомнению, что тот случай, о котором я только что вам сообщил, вполне соответствует §19 Устава Академии наук. На основании этого параграфа я и предлагаю Общему Собранию Академии наук исключить академиков Платонова, Тарле, Лихачева и Любавского из своего состава.

Предлагаю тем, кто желает высказаться по поставленному мною вопросу, взять слово.

Президент А.П. Карпинский: Надо сказать, что этот параграф был включен без ведома Академии, он был включен прямо Правительством в наш Устав. В других академиях ничего подоб-

¹⁴⁰ Текста запроса Президиума АН СССР в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР и ответа Ученого Комитета обнаружить не удалось.

ного не существует. Везде Академия соединяет в себе лиц всевозможных религий, всевозможных настроений и различие мнений никогда не служило причиной задержки того, для чего Академия наук вообще предназначена, а именно: для выяснения научных истин. Только истина и является тем предметом, которым ученые большие и маленькие занимаются и [которому] подчиняются. Мнения ученых могут быть совершенно различными, но, конечно, они не должны приводить к какому-то действию. Должна быть полная свобода мнений и возможность высказывать их всенародно. Если некоторые предполагают, что вместо того правления, которое у нас существует, вместо Республики (впрочем у нас настоящей Республики тоже нет), наше управление подчинено известной партии, то это вовсе не вызывает необходимости исключения [из Академии наук], потому что в противном случае мы будем представлять [собой] единственное в своем роде учреждение. Я об этом жалею, потому что масса всех других академиком стоит на совершенно законной почве. Те академики, я знаю, что они подвергались ударам в свое время за свою революционную деятельность. Например, Тарле. Его посылали во Францию, для того, чтобы он как историк Великой Французской революции там высказал свой взгляд на развитие Великой Французской революции. Его там чествовали как хорошего историка Французской революции — одной из великих революций, какие только были. Так что я, в сущности, жалею, что такое постановление было введено Правительством в наш Устав, которому мы должны подчиниться.

Председатель: Я не собираюсь говорить по всей линии аргументации Александра Петровича по существу, но я позволю себе выразить сомнение по поводу того, что действительно §19 Устава был внесен без ведома Академии какой-либо правительственной инстанцией. §19 Устава, по-моему, составляет организационную часть того Положения Академии наук, которое было разработано особой комиссией, выбранной [Общим] Собранием, и которое прошло через соответственные органы, будучи утвержденным Общим Собранием.

Президент А.П. Карпинский: Ну конечно, потому что Правительство раньше этот параграф уже включило.

Председатель: Я не могу судить о мотивах действия комиссии, которая составляла этот Устав, но сказать, что пункт навязан комиссией — этого сказать никак нельзя.

Президент А.П. Карпинский: Здесь слово «навязан» неуместно.

Председатель: Но на основании Ваших слов, Александр Петрович, может создаться такое впечатление, что в проекте Уста-

ва, принятого Общим Собранием, этого пункта не было, а потом Ученый Комитет ЦИК'а этот параграф включил.

Президент А.П. Карпинский: Дело обстоит, конечно, не так. Он был прибавлен раньше Правительством.

Председатель: Он был прибавлен нами самими, а не какой-либо вышестоящей организацией.

Президент А.П. Карпинский: Понятно, если кто-нибудь участвует в каком-нибудь заговоре, то он не может оставаться в Академии, но я ничего о заговоре не знаю.

Председатель: Повторяю, что я хочу подчеркнуть, что рассуждения относительно тех или иных мнений не имеют отношения к данному делу. Я совершенно убежден, что среди [членов] Академии наук имеются лица разных мнений и на основании этих мнений мы еще не ставили вопроса о выведении того или иного лица из состава Академии. В данном случае я как неприменный секретарь уполномочен совершенно официально заявить, что речь идет не о тех или иных мнениях, а об организации заговора, об организации инициативной группы, в которой принимали участие означенные действительные члены Академии наук.

Слово имеет Андрей Дмитриевич Архангельский.

Академик А.Д. Архангельский: Мне хотелось бы только продолжить ту справку, которую сейчас дал Александр Петрович.

Мне, Александр Петрович, приходилось участвовать в выработке Устава здесь, внутри Академии, в соответствующей подготовительной комиссии, затем мне пришлось участвовать и в том Общем Собрании, которое принимало Устав. Я должен совершенно определенно заявить, что §19 выработан нами в начале работы комиссии, что затем этот параграф был принят Общим Собранием Академии наук и что решительно никто этого параграфа нам не вставлял извне. Причем, насколько я помню, на Общем Собрании, когда принимался Устав, не было решительно ни одного слова против этого параграфа. Очевидно, было совершенно ясно, для чего вводится этот параграф; было совершенно ясно, что соответствующая деятельность абсолютно не может соответствовать общей деятельности Академии наук и таким лицам не место в ее рядах. Это мы все тогда же знали. Совершенно так же, как мы приняли §2 (и приняли его на Общем Собрании), совершенно так же мы приняли и §19.

Я хотел бы подчеркнуть, что никаких ссылок на навязывание этих двух мест в нашем Уставе быть не может, а раз так, то совершенно естественно мы должны сделать вывод, который вытекает из нашего же постановления.

Председатель: Желает еще кто-нибудь высказаться?

(Желающих нет).

Тогда позвольте поставить вопрос на голосование в такой форме: кто против того, чтобы перечисленных мною членов из состава Академии исключить?

Президент А.П. Карпинский: Дело в том, что [если] это вытекает прямо из этого пункта, то нужно было бы не путем баллотировки, а путем простого исполнения решать [вопрос], если доказано, что они замешаны в контрреволюционной организации, но я повторяю, что я этого не знаю.

Председатель: Александр Петрович, простите меня, но дело обстоит таким образом, что действительные члены Академии наук согласно пункта Устава лишаются своего звания постановлением Общего Собрания, если их деятельность направлена во вред Союзу. Поэтому я обязан поставить вопрос на голосование.

Академик А.Н. Крылов: А в Уставе 1927 г. этот параграф был под номером 22.

Председатель: Позвольте спросить все же, кто против моего предложения? (Нет). Воздержались? (Нет). Позвольте считать, что решение Общего Собрания принято единогласно.

Позвольте объявить наше чрезвычайное Общее Собрание закрытым¹⁴¹.

Первая серия приговоров была вынесена 10 февраля 1931 Тройкой ОГПУ при Ленинградском военном округе. Расстрел с заменой 10 годами получил П.В. Виттенбург, концлагерь на 10 лет — Ф.И. Покровский, Ф.А. Мартинсон, С.П. Розанов, Э.Э. Шольц, Б.М. Энгельгардт, Н.А. Пыпин, М.Д. Приселков, П.Г. Васенко, В.А. Бутенко, С.И. Тхоржевский, М.А. Шангин, С.К. Богдавленский, М.Э. Либталь и еще несколько человек. У остальных были сроки от 3 до 8 лет (Бялыницкий-Бируля, к примеру, получил три года, отбывал лекпомом на командировке Сегежа). Вся эта партия приговоренных была отправлена в основном в лагеря Карелии, откуда весной десятилетников перебросили на Соловки. Дочерей Платонова (также с

¹⁴¹ ЦГАОР. Ф.7668. Оп.1. Д.422. Л.1-7. — «Лен. правда» 4 февраля 1931 отреагировала на происшедшее статьей «Контрреволюционная вылазка академика Карпинского» (в связи с этим см.: Память. Вып.4. С.144). Ленинградцы, которые в январе 1929, к моменту больших выборов, составляли четыре пятых академиков и доля которых после каждых выборов и в результате смертей все уменьшалась, именно после исключения четырех академиков окончательно перестали быть большинством в АН. Что же касается процедуры исключения, то будущее принесло еще большее ее упрощение: в апреле 1938 президент В.Л. Комаров предложил Общему собранию список на исключение (21 чел.) и после трех кратчайших безответно-риторических вопросов (угодно ли высказаться? просить ли разьяснения? все ясно?) подытожил: «Тогда разрешите считать, что Общее собрание присоединяется к мнению Президиума и утверждает исключение названных лиц» (ААН. Ф.3. Оп.4. Д.7. Л.98).

десятилетними сроками) перед самой отправкой сняли с этапа и оставили в тюрьме ожидать приговора над отцом.

Вот одна из судеб: проф. В.А. Бутенко. «После его ареста в апреле 1930 г. летом умерла от тифа его приемная дочь, оставив в одиночестве нервнобольную его жену Веру Михайловну. В июне 1931 г. пришли вывезить его имущество. Оставшись в пустой квартире, жена повесилась на гвозде от снятого портрета мужа. Он прибыл на Лей-Губу совершенно больным скоротечным легочным туберкулезом. Я навещал его умирающего в лазарете на Май-Губе и предложил, что фельдшер-священник его причастит. Он ответил, что он — неверующий. Его похоронили за северным семафором станции Май-Губа на арестантском кладбище, которое потом было затоплено Беломорским каналом»¹⁴².

10 мая последовала более суровая серия приговоров. Были расстреляны «участники военного заговора» В.Ф. Пузинский (по «сценарию», намечен был руководить восстанием гвардейских офицеров и унтер-офицеров при приближении интервентов), П.И. Зиссерман, П.А. Купрянов, Ю.А. Вержбицкий. Остальные члены «военной секции», кроме Измайлова и Петрова (чьи приговоры были отложены на потом), получили, как минимум, по 10 лет лагеря. Расстрелян также А.С. Путилов (по «сценарию» — кандидат Платонова на пост директора Департамента полиции). Расстрел с заменой 10 годами получили Г.С. Габаев, В.В. Гельмерсен, С.П. Шестериков, Б.Н. Молас, Я.Я. Майхровский, С.К. Пилкин, А.И. Заозерский, Г.П. Соколов, А.Ф. Малов, о.Михаил Митроцкий; 10 лет — А.В. Бородин, Г.Н. Соколовский, М.Д. Беляев, Я.Н. Ростовцов, С.С. Абрамович-Барановский... Вторая группа была отправлена вослед первой.

8 августа 1931 Коллегия ОГПУ (более высокая инстанция) вынесла приговор главным обвиняемым, а также главным лицам, сотрудничавшим со следствием. Главные обвиняемые были признаны виновными в том, что «в целях свержения Советской власти, реставрации помещичье-капиталистического строя и установления конституционно-монархического образа правления по инициативе Платонова С.Ф. и Богословского М.М. создали контрреволюционную организацию, так называемый "Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России"», «систематически занимались пропагандой, содержащей призыв к свержению Советской власти», «создали специальные военные организации», «через Платонова, Мерварта и др. вступили в преступно-заговорщицкие отношения с германскими националистическими кругами», «через Тарле вступили также в преступные отношения с правящими кругами Франции», «в целях моральной подготовки интервенции [...] через члена "Всенародного

¹⁴² Ростов А. Указ. соч. С.484.

союза“ Бенешевича В.Н. вступили в отношения с Ватиканом в лице папы Пия XI и его агентов», «для ускорения интервенции против СССР вступили в секретные заговорщицкие отношения с белоэмигрантами», «систематически собирали секретные сведения», «сообщали их» и т.д.¹⁴³. Сроки дали в основном пятилетние, нескольким — по 3 года. Самые видные осужденные были отправлены в ссылку в разные города: Платонов — в Самару, Тарле — в Алма-Ату, Любавский — в Уфу, Лихачев — в Астрахань, Рождественский — в Томск, Бахрушин — в Семипалатинск, Яковлев — в Минусинск, Егоров — в Ташкент, Пичета — в Вятку, Вульфийус — в Омск и т.д. В большинстве случаев эта группа имела возможность работать в местных учебных заведениях или исследовательских учреждениях, а начиная с 1933 (после смерти Покровского?) они начали возвращаться в главные центры страны, хотя Платонов (в 1933), Любавский (в 1936) так и умерли в ссылке. Сравнительная мягкость приговоров и досрочные возвращения основных обвиняемых по «делу АН» еще много лет помогали чекистам прельщать обманными обещаниями новые поколения подследственных. За время своей ссылки члены-корреспонденты не были исключены из состава АН.

Сотрудничавших со следствием Н.В. Измайлова, В.Н. Бенешевича, А.М. Мерварта, А.А. Петрова и некоторых других отправили в Ухтпечлаг, и лагерные судьбы их с судьбами однодельцев не пересеклись.

В общей сложности примерно половина осужденных по «делу АН» вернулась из лагерей и ссылок (с учетом повторных посадок в конце тридцатых годов, это утверждение, может быть, уже неверно). «Большинство поставило крест над научной работой, не писало бесстыдных статей, жило скромно по ссылкам. Мы добывали хлеб уроками языков и случайными заработками. В этом заключался наш подвиг. Так текла жизнь большинства моих однодельцев [...]. Мирно и скромно закончили они свое печальное житие» (С.В. Сигрист)¹⁴⁴.

Лет двенадцать тому назад, на заре коллективной разработки нашей темы, мои друзья и коллеги писали:

«"Дело АН", как мы полагаем, было составной частью гигантского плана, спущенного ОГПУ, согласно которому на открытые процессы 1930-31 должны были быть выведены последовательно все слои русской интеллигенции, точнее, той ее части, которая в течение 1920-х, сотрудничая с новой властью, сохраняла при этом определенную независимость от нее. Процессы "Союзного бюро меньшевиков" (экономисты, плановые работники), "Промпартии" (верхушка инженерии), "ТКП" (агрономы, ученые, связанные с сельским хозяй-

¹⁴³ Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

¹⁴⁴ Ростов А. Указ. соч. С.486.

ством), "Академии наук" (гуманитарная интеллигенция столиц и провинции), наконец, процесс священнослужителей — должны были, с одной стороны, показать, по чьей вине срываются темпы индустриализации и коллективизации, с другой — окончательно подчинить и советизировать интеллигенцию. "Вредители" и "интервенционисты", к тому же, должны были по сценарию представить весь спектр дореволюционных политических партий (и тем самым лишний раз их дискредитировать). "Союзное бюро" — меньшевики, "ТКП" — эсеры, "Промпартия" — в основном кадеты, "платоновцы" — монархисты»¹⁴⁵.

План осуществился частично: «Промпартию» судили в декабре 1930, «Союзное бюро» — в марте 1931. Почему же не вывели на открытые процессы остальных?

Это как раз тот случай, когда без материалов главных ведомственных архивов (включая Центральный партийный) не дать надежно ответа. Относительно «дела АН» можно задать несколько вопросов-предположений.

Не сработало ли здесь соперничество Москвы и Ленинграда? — Похоже, что показательные (знаковые) процессы именно с этого времени стали исключительной прерогативой Москвы.

Не решено ли было наверху сделать приостановку в разгроме интеллигенции? — Сигрист приводит (без ссылки на источник) слова Калинина одному хлопотавшему об арестованных: «Партия должна была нанести удар Академии, чтобы добиться ее подчинения. Поэтому мы прибегли к арестам», а также высказывание Енукидзе: «Мы своего достигли, господа академики поняли, что с ними не шутят. Теперь понемногу их выпустим, но больше антисоветчины они не разведут!»¹⁴⁶.

Не была ли эта приостановка связана с необходимостью сосредоточить все силы на борьбе с крестьянством? Не основывалась ли она на неблагоприятной информации ГПУ о настроении горожан (чреватом взрывом)? Не нужна ли была она для сохранения контроля над самим ГПУ? Не отражала ли тогдашнее соотношение сил в Политбюро и в ЦК? Или смотреший в будущее вождь и верное ему ядро партийного аппарата не хотели слишком сильного удара по монархическим настроениям? Или же ленинградское ГПУ поплатилось «несварением желудка» за жадность — всё хватало и хватало по одному делу — и дело чрезмерно разбухло, а тем временем год пролетел и «поезд ушел»?

А, может быть, отказ от громкого процесса был связан с внешнеполитическими соображениями? С некоторой переориентацией

¹⁴⁵ Память. Вып. 4 С. 144, (А. Добкин, А. Рогинский).

¹⁴⁶ Ростов А. Указ. соч. С. 471.

внешней политики, которая произошла за время развития «дела АН»? — Об этом писал В.В. Чернавин, бежавший в 1932 г. на Запад со строительства Беломорканала¹⁴⁷.

Или правы мемуаристы, видевшие в мужестве арестованных главную помеху открытому процессу? — «Мы, представители "гнилой интеллигенции", в большинстве устояли. Не писали "романов". А собранные следствием "романы" были настолько жалки, что не дали материала для постановки "шахтинского дела научной интеллигенции"» (Н.П. Анциферов)¹⁴⁸.

«Великий перелом» в науке слагался из множества отдельных разгромно-перестроечных кампаний — территориальных, ведомственных, дисциплинарно-тематических. Закрывались подряд ученые общества, издательства, журналы, на их руинах закладывались принципиально другие, тут же начинавшие коренную перестройку неперестроенного. Произошел фактический развал всей системы высшего образования (отдельная тема). От краеведческого движения осталось мокрое место (отдельная тема). Развернулось всемыслимое пересоздание «самой классовой и самой политической из наук», как тогда характеризовали историю. Из крупных ветвей науки, она, пожалуй, испытала наибольшие потрясения. Академик Лукин и другие выступали с обширными докладами о работах «русских буржуазных историков», «освещая их данными процесса Промпартии» и соревнуясь в заострении формулировок. Комакадемия и Общество историков-марксистов разыгрывали свои обвинительные представления и перед московской, и перед ленинградской публикой. Специальные конференции, статьи, сборники. Все старые концепции были объявлены ложными... Но события в исторической науке требуют столь детального анализа и влекут столь дальние последствия, что и эту тему, неотрывную от «дела АН», нам приходится лишь обозначить.

«Дело АН» было, понятно, не единственным, которое произошло по персональному составу Академии. Глава московской математической школы почетный член АН Дмитрий Федорович Егоров арестован в 1930 как член «религиозной секты»; выпущенный в 1931, он умер в больнице в Казани. В том же 1930 арестован академик Д.Н. Прянишников, а по «делу Промпартии» забрали членов-корреспондентов АН М.В. Кирпичева и Е.И. Шпитальского¹⁴⁹. Подавляющая

¹⁴⁷ Он упоминал даже об официальных шагах, предпринятых в этой связи германским правительством: Tchernavin V. I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. London, 1939, p.366.

¹⁴⁸ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.110.

¹⁴⁹ Среди арестованных по «делу Промпартии» отметим кандидатов в действительные члены АН на выборах 1928-29, не прошедших в академики: П.С. Осадчий, Л.К. Рамзин, Н.Ф. Чарновский, а также тех, кто позже — после заключения — был выдвинут в АН и стал ее членом: Н.Р. Брилинг, М.А. Михеев, Б.С. Стечкин.

часть членкоров, «погоревших» на Великом переломе, была, кстати, из пополнения 1929 года.

А в марте 1931 подошла очередь исключать Рязанова. Тогда же схвачен академик П.П. Лазарев (осенью выслан в Свердловск) — но на этом месте надо остановить себя, ибо до лета 1955 не было ни одного момента, когда не сидел бы кто-нибудь из академиков или членов-корреспондентов АН СССР. Пока что нами учтено примерно 150 членов АН СССР, прошедших через арест, заключение, ссылку, в том числе около ста, испытывавших лишение свободы уже после избрания в АН.

Итоги очевидны, они каждый день у нас перед глазами — и все же в заключение соберем вместе хотя бы основной и самый общий счет тогдашних потерь:

Предельное огосударствление науки и бюрократизация ее организационных структур. Пресечение тенденции к саморазвитию, самоорганизации, саморегулированию науки.

Монополизация в науке (при закреплении ведомственной разобщенности), утверждение безальтернативных механизмов ее развития.

Разрушение двуцентризма (Москва и Ленинград) как традиционной схемы организации отечественной науки. Централизация науки, унификация ее региональных структур.

Тотальная идеологизация науки, торжество идеологических предрассудков. Использование науки для подавления религии. Организационное закрепление «партийности» науки (управление через механизмы «планирования» и всепроникающей цензуры; номенклатурные работники над наукой на всех уровнях — от «ученых секретарей» и «заместителей по кадрам» до «отделов по науке»).

Деформация и разрыв информационных связей в науке. Отъединение от мирового научного сообщества.

Ускоренная милитаризация науки. Расползание зон секретности в ней.

Смещение приоритетов в научных исследованиях. Воздвижение препон перед исследованиями фундаментальными. Низведение гуманитарных наук в разряд второсортных.

Вытеснение нравственных норм из научного сообщества. Увеличение бесправия и зависимости основной массы научных работников.

В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТРЕЖИМ

«Их одинокий бой был по сути за всех нас будущих арестантов...»

А.И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛag».

Читатель «Архипелага ГУЛag» имеет представление о том, что в 20-е гг. некоторые категории осужденных содержались на особом — т.н. «политическом» — режиме. Политрежим распространялся, прежде всего, на представителей тех общероссийских партий и движений, которые до 1917 года вели революционную борьбу с царизмом, а после этого боролись с новой властью. Речь идет о социалистах-революционерах и социал-демократах меньшевиках всех направлений, а также о различных группировках анархистов. Политрежимом пользовались также члены армянского «Дашнакцютюна», грузинские социал-демократы и социалисты-сионисты. В дальнейшем для краткости позволим себе называть их всех «социалистами», хотя мы отдаем себе отчет в некорректности применения этого термина к анархистам. Мы будем также употреблять по отношению именно к этой категории лиц выражение «политические заключенные» или «политики». Так они сами определяли себя, так (или еще короче, «политы») именовала их лагерная и тюремная администрация, так называли их другие заключенные, в том числе и те, кто был также осужден по политическим обвинениям, но на политрежим не попал.

Окончательная ликвидация деятельности остатков революционных партий в стране приходится на 1920-1925 годы. В этот период несколько тысяч активных социалистов были арестованы и предстали перед судом или — намного чаще — отправлялись отбывать свои сроки во внесудебном порядке, по решению коллегий ЧК-ОГПУ. Наиболее типичным приговором тех лет для социалистов была ссылка. История политической ссылки представляет самостоятельный интерес, однако мы ограничимся вопросами, связанными с содержанием социалистов в тюрьмах и лагерях.

Документы, публикуемые в этом разделе, охватывают период с декабря 1922 по июнь 1925 года и касаются не всех политзаключенных этого времени, а только лагерников. Таким образом, вне поля нашего зрения остаются Владимирская, Нижегородская, Ярославская, Суздальская тюрьмы, где в это время также шла борьба за политрежим. Опускаем мы и всю предысторию: избивание социалистов в Бутырьках в апреле 1921 г., получившее широкую огласку в стране и за рубежом, рассылка «политиков» по губернским концлагерям и тюрьмам в течение 1921-22 гг.; последовавшее сосредоточение их в северных лагерях особого назначения: Архангельском, Холмогорском, Пертоминском.

К весне 1923 г. всех социалистов, отбывающих срок на лагерном режиме, свезли в Пертоминский лагерь (Архангельская губ.). Летом 1923 они из Пертоминска были перевезены на Соловки и размещены в Савватьевском скиту (Б.Соловецкий о-в). В следующие два года все социалисты, получившие лагерный срок, отправлялись только на Соловки (где возникли еще два «полит-

скита» — на о. Анзер и на о. Большая Муксолма). После ликвидации политсмитов в июне 1925 и вплоть до 1936-37 гг. социалисты — кроме тех, чья принадлежность к революционным партиям и течениям не признавалась властями — приговаривались либо к политизолятору, либо к ссылке. Случаи лагерных приговоров в этот период нам неизвестны.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов заключенные социалисты содержались в пяти политизоляторах: Суздальском, Ярославском, Тобольском, Верхнеуральском, Челябинском. (Начиная с 1927 г., эти тюрьмы наполняются заключенными-большевиками; сначала это оппозиционеры, в основном — троцкисты, в дальнейшем те, кого ОГПУ-НКВД сочли нужным назвать оппозиционерами). Политрежим, постепенно утрачивая свою специфику, существовал здесь до второй половины 30-х годов, когда большинство политзаключенных разослали по лагерям и растворили в общей массе «врагов народа». Можно, однако, предположить, что какие-то особые пометки на личных делах бывших «политиков» имелись: в первые дни войны многие (если не все) из тех, кто в этот момент находился на свободе, в ссылке или в «минусах», были арестованы. Следствие, как правило, сводилось к факту установления бывшей партийности. Те же, кто дожил до 1949 г., закономерно влились в общий поток «повторников», отправленных в вечную ссылку.

Какой смысл вкладывался в 1920-е годы в термин «политзаключенные»? Политзаключенный — это не просто человек, осужденный по политическому обвинению. Таких людей было много (в Соловках, например, — абсолютное большинство), и именовались они каэрами (от сокращения «к.-р.» — контрреволюционер). Бытует мнение, что граница между каэрами и «политиками» была проведена по степени идейной близости последних к правящей партии. Это похоже на правду, и было бы правдой, если бы граница проводилась властями по собственной инициативе. Политрежим был добыт социалистами в длительной и тяжелой борьбе, многочисленными голодовками, обструкциями, организацией протестов внутри страны и за рубежом. Так, Бутырское избитие, упомянутое выше, вызвало даже запросы и дебаты в Московском совете. Ситуация облегчалась, конечно, еще и тем, что отдельные социалистические группировки существовали в 1920-22 гг. в РСФСР если не на легальном, то, по крайней мере, на полуполюгальном положении. Некоторые из них — эсдеки-«интернационалисты», эсдеки-«объединенцы», меньшинство ПСР («народовцы») — считались даже «советскими партиями», т.е. были представлены в Советах. Арестам это обстоятельство было не помехой, но произвол тюремщиков в какой-то мере ограничивало.

В исторической литературе иногда встречаются упреки в адрес заключенных социалистов, что они отъединялись от общей массы заключенных, отстаивали только свои права и не боролись за облегчение участи остальных. Рассмотрим эту проблему применительно к Соловкам. Действительно, за политрежим социалисты «заплатили» своей изоляцией в трех скитах; их охраняли много жестче, чем бараки каэров и уголовников. Условия изоляции политсмитов приближают их к лагерным зонам в современном понимании этого слова. Зато и общий «беспредел», царивший на Соловках, социалистов почти не коснулся.

Могли ли социалисты на Соловках включиться в борьбу казров с администрацией? Насколько нам известно, вне политзаключенных такой борьбы просто не было. Мы ничего не знаем о попытках кадетов или, например, белых офицеров — а их немало было на Соловках — объединившись, добиваться для себя прав политзаключенных. А вот когда прибывшие на острова участники Кронштадтского восстания потребовали перевода на политрежим, социалисты немедленно их поддержали. То же самое имело место, когда в лагерь пригнали повстанцев из тамбовских крестьян.

Отстаивать же статус политических заключенных для людей, которые сами этого статуса не добиваются, в условиях лагеря невозможно и даже в некотором смысле незачем. Однако равнодушными наблюдателями соловецких безобразий «политики» тоже не были:

ОТ ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫХ

Социалисты и анархисты вывезены с Соловков, но на этих заброшенных островах ... осталось еще немало политзаключенных: рабочих-стачечников, участников рабочих движений, крестьян, сосланных за участие в крестьянском движении, отдельных социалистов и анархистов, почему-то не признанных в ГПУ за политических — не говоря уже о многочисленной группе так называемых казров («контрреволюционеров»), осужденных за свои религиозные убеждения и т.п. Все они находятся на общеуголовном режиме, отбывая жестокую каторгу, усугубленную на Соловках для уголовников, заключенных, умирающих от голода и непосильной работы, систематически избиваемых и без суда расстреливаемых безнаказанной администрацией, набранной из уголовных отбросов. Все они остались на Соловках в сугубо тяжелом положении, ибо с увозом основной группы социалистов и анархистов, Соловецкая администрация, ничем более не сдерживаемая, будет расправляться с ними беспощаднее прежнего¹.

Это письмо направлено в мировую прессу летом 1925 г. политическими заключенными, вывезенными из Соловков в Тобольский политизолятор. Но это не единственное упоминание об «общей массе» в документах «политиков». В заявлениях в Социалистический Интернационал и другие международные организации социалисты постоянно упоминали о других категориях заключенных. Вот один из многих примеров:

Рядом с нами тысячи уголовных, осужденных на принудительные работы, изнуряемых тяжелым, непосильным трудом, подвергающихся жестоким истязаниям, и сплошь да рядом даже убийству со стороны бесконтрольной, всевластной, ничего не боящейся администрации².

Что представлял собой особый статус политического заключенного начиная с 1923 года?

Известный исследователь ГУЛага Жак Росси пишет: «*Политический режим* — режим, которым до 1930 г. пользовались политзаключенные [...] самый мягких из всех сов[етских] пенитенциарных режимов, почти такой же

¹ Социалистический вестник. 1925. №23-24. С.11.

² Там же. 1924. №21. С.10.

как в царское время: политические содержатся отдельно от уголовных; у них выборный *староста*, представляющий их перед администрацией; *политпаек* и контроль старостой выдаваемых на кухню продуктов, право получать посылки, в том числе от *Политического Красного Креста*; контролируемая, но неограниченная переписка; выписка всех советских изданий, даже заграничных (но не политических); дискуссии и семинары (но лишь среди политических); неограниченные прогулки в дневное время; спорт. Политические не были обязаны работать³.

Отметим некоторые неточности, естественные для той огромной работы по систематизации сведений о ГУЛаге, которую провел Ж.Росси практически в одиночку.

1. Росси связывает конец политрежима с 1930 годом, т.е., по-видимому, с попыткой жестокого подавления протеста заключенных Верхнеуральского политизолятора в феврале этого года⁴. Однако и после верхнеуральского инцидента политрежим во многих своих существенных чертах сохранялся в тюрьмах (см., например, воспоминания Е.Л. Олицкой)⁵. Конец политрежима наступил не ранее 1936 года (с этим годом связаны последние попытки социалистов отстаивать свои права групповыми голодовками) и не позднее середины 1937-го (ликвидация Помполита — Комитета помощи политическим заключенным, возглавлявшегося Е.П. Пешковой).

2. Режим для политзаключенных в царское время формально не существовал, что сам Росси отмечает в другом месте (С.294). Фактически же диапазон условий содержания политических заключенных в последние десятилетия старой России колебался от чрезвычайно мягких (во всяком случае, несравнимых с соловецким политрежимом) до весьма жестких (Карийская каторга, Акатуйский и Зерентуйский каторжные централы, знаменитая забайкальская «Колесуха»).

3. Право получать продукты на кухню сухим пайком (актуальное, естественно, лишь для лагерных условий) являлось предметом борьбы, и были периоды, когда это право существенно ограничивалось и даже вовсе отменялось. Это же относится и к ограничениям в переписке; право на неограниченную переписку, кажется, никогда не было полностью завоевано «политиками».

4. По документам соловецкого периода создается впечатление, что политзаключенные могли выписывать лишь центральные советские издания; упоминаний о выписке заграничных изданий не встречается. Вряд ли в политизоляторах имели место более либеральные условия подписки.

5. Дискуссии и семинары происходили в тех случаях, когда политических не изолировали друг от друга (т.е., например, в тюрьмах начала 20-х — при условии открытых камер, что было чрезвычайной редкостью). Самое же главное — в тех случаях, когда общение политзаключенных между собой было физически возможным, никому и в голову не приходило оговаривать с администрацией его формы. Политзаключенных везде, за исключением пересылок и этапов, изолировали от других категорий узников, поэтому те никак не могли участвовать в дискуссиях с ними.

³ Росси Жак. Справочник по ГУЛагу. Лондон. 1987. С.296.

⁴ Там же. СС.50, 294.

⁵ Олицкая Е. Мои воспоминания. Т.1-2. Франкфурт/Майн. 1971.

6. Вопрос о продолжительности прогулок был едва ли не самым острым в схватках между политическими заключенными и администрацией. Именно вокруг этого вопроса возник конфликт, вызвавший знаменитый Соловецкий расстрел 19 декабря 1923 года.

7. Одним из существенных элементов политрежима было неупомянутое Росси право совместного проживания супругов. Это право сохранялось и в политизоляторах («семейные камеры»).

В целом же основные черты политрежима перечислены Росси правильно.

Иногда отстаивание «политиками» своего особого статуса расценивалось окружающими как «борьба за пайку», т. е. за определенные материальные привилегии⁶. Действительно, в требованиях, выставляемых социалистами, улучшение условий содержания занимает значительное место. Это и само по себе естественно в экстремальных условиях лагеря и тюрьмы. Однако, кроме того, нельзя не видеть, что спор с властью вокруг размера хлебного пайка значил для социалистов не только выигрыш или потерю добавочных граммов, но и победу или поражение в отстаивании своих прав.

Основу политрежима составляли не материальные блага. Его определяли три позиции, из которых вытекало все остальное.

Первая — и главная — позиция состояла в том, что в отношениях с администрацией «политики» (в целом или отдельные партийные фракции) выступали как единый самоуправляющийся коллектив. Именно этой цели служил институт *старостата*. Каждый из трех соловецких политских имел свой старостат, в который входили выборные старосты от всех фракций, представленных в данном скиту; староста наиболее многочисленной из них считался общескитским. Любые контакты с администрацией происходили только через старостат. Сами старосты были выразителями воли коллектива: наиболее важные решения принимались на фракционных собраниях простым большинством голосов и были обязательны для меньшинства фракции.

Вторая позиция — категорический отказ от принудительного труда. Так, когда в 1924 году соловецкое начальство предложило политским перейти на самозаготовку дров, это предложение — с бытовой точки зрения заманчивое для молодых в массе своей людей, лишенных иной возможности выхода за пределы скита — было решительно отвергнуто как первый шаг к принудработам. Администрация прекратила поставку топлива, инспирировала митинги уголовников и казров с требованием перевода «дармоедвополитиков» на общий режим. Все было напрасно — политскисты стояли на своем. Лишь 17 октября, после успешно проведенной голодовки, старостат, отстоявший ряд принципиальных требований, пошел на компромисс в этом, все-таки второстепенном вопросе.

Можно предположить, что отказ от работы (актуальный, естественно, лишь для лагерей) был принципиальным для политических заключенных по следующему соображению. Принудработы, по замыслу, должны служить исправлению, «перековке» преступников. Социалисты же считали себя не нарушителями законов, а жертвами происходившей в стране политической борьбы, в которой они принимали личное участие, за что были насильно ли-

⁶ Такого рода суждение приведено в «Архипелаге ГУЛаг».

шены свободы победителями — большевиками. Именно этот смысл вкладывался ими в термин «политзаключенные». Таким образом, отказ от работы означал отказ признать себя преступниками, нуждающимися в исправлении трудом.

Третья позиция — отдельное содержание — вытекала из того же самоощущения. Окончательная ликвидация отдельного содержания «политиков» в 1936-38 гг. означала уничтожение коллектива и вместе с ним — самого статуса политзаключенных.

• • •

Нам неизвестно, имелись ли особые правила содержания политзаключенных де-юре, т.е. были ли они зафиксированы в каких-либо законодательных решениях ВЦИК. Судя по всему, если и существовали, то в весьма зыбкой и неопределенной форме. Поэтому признание их де-факто лагерным и тюремным начальством требовало постоянной борьбы.

Политрежим и был результатом этой борьбы — борьбы людей, провозгласивших себя политическими заключенными, и достаточно решительных и сплоченных, чтобы это звание отстаивать от посягательств администрации.

ЗАЯВЛЕНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ПЕРТОМИНСКА И СОЛОВКОВ. 1923-1924 гг.

Публикация А.Мельник и А.Сошиной
Примечания А.Е.

В середине 1970-х гг., при ремонте каменного келейного корпуса в Саватьеве, на чердаке, была обнаружена небольшая пачка документов. Надо думать, что это часть архива политзаключенных, оставленного (спрятанного) ими в момент спешного вывоза на материк 17 июня 1925 г. Бумаги представляют собой черновики заявлений и писем, отправленных в 1923-24 гг. в разные инстанции — в Управление Северных лагерей, руководству ОГПУ, во ВЦИК, лагерной администрации; сохранился также черновик большого письма о положении заключенных, очевидно адресованного за границу, скорее всего, в Социалистический Интернационал. Тексты написаны на листках разного формата, карандашом, иногда достаточно четким, иногда еле читаемым. Документы хранятся в архиве Соловецкого музея-заповедника, три из них публикуются ниже.

I

В Управление Северных лагерей, копии
Архангельскому губернскому прокурору,
Президиуму Госуд. Полит. Управления
Коллектива политич. заключенных
Пертоминского концлагеря

Заявление

29 декабря н/с в Пертоминский концлагерь было доставлено из Москвы 20 чел. эсеров, анархистов и беспартийных, получивших приговоры «в Архангельский концлагерь» на разные сроки. Перед самым отправлением их из Москвы к ним явился представитель Г.П.У. гр. Быховский, заверивший их, что они в Архангельске будут поставлены в условия несравненно лучшие тюремных и ни в коем случае не попадут в Пертоминский концлагерь, предназначенный исключительно для уголовных.

Тем не менее, по приезде в Архангельск, они были обманном образом отправлены в тот лагерь, относительно которого гр. Быховский счел себя обязанным специально оговориться.

Вот в этот-то лагерь, находящийся в 120 вер. от Архангельска, среди болот и лесов, вдали от всяких населенных пунктов, были препровождены 20 чел. политич. заключенных.

Командант, встретивший их грубыми криками и угрозами — «Это вам не Москва!», — попытался применить к ним общеуголовный режим, соединенный со строгой изоляцией от остального лагеря. Они были помещены по 6 чел. в полутемных камерах (в бывших монашеских кельях) со сплошными нарами, изобилующими паразитами, без какого бы то ни было признака постельных принадлежностей, без вентиляции и форточек, и без всякого освещения.

Прогулок не было никаких. Все книги (вплоть до задачника Верещагина, «Капитала» Маркса и др.), записки и рукописи были отобра ны, причем, последние, по заявлению коменданта, сожжены, «чтобы не утруждать ни Вас, ни нас и не разводить грязи».

Питание — один фунт хлеба, «баланда» на обед и немного каши на ужин. Все попытки выяснить условия лагерного режима с администрацией лагеря и присутствовавшим в тот момент здесь помощником начальника Управл. Северных лагерей, успеха не имели.

Далее началась полоса полного произвола и самодурства. Камеры то открыты все время, то закрываются по первому капризу коменданта. Прогулки то разрешаются по 6 часов в день, то уменьшаются до 30 мин., то запрещаются вовсе.

Накладывается нелепое административное взыскание — лишение воды для умывания, отказ в кипятке, уменьшение наполовину пайка, стреляют в подошедшего к окну товарища. Помещение отапливается совершенно неудовлетворительно — по нескольку полен через день-два при жестоких северных морозах, при наличии тяжело больных и совершенном отсутствии медицинской помощи.

31 января в Пертоминск прибыла новая партия эсеров и анархистов в 12 чел., которые еще в Архангельске в результате длительных переговоров с представителями Управл. Северн. лагерей и прокурорского надзора в 20 числах января пришла к соглашению, по которому находящиеся в Пертоминском концлагере и отправленные политические заключенные должны быть поставлены в следующие условия: 1) паек — впредь до разрешения Г.П.У. вопроса о санаторном пайке — по первой премиальной норме, т.е. 1 1/2 фун. хлеба, 48 золот. консервов, 34 золот. крупы, 42 зол. сала, столько же сахару, 1/2 ф. табаку, чай и т.д. с добавлением 1 фунта овощей в день на человека; 2) полное взаимное общение независимо от партийной принадлежности и пола; 3) удовлетворительное ламповое освещение; 4) общая прогулка целый день кроме ночного времени; 5) отдельная кухня и самостоятельная варка; 6) еженедельная доставка почты, центральных и местных газет; 7) снабжение книгами путем обмена между лагерными библиотеками; 8) частые свидания и т.п.

Копия соответствующего предписания коменданту Пертоминского лагеря, вкратце излагавшая основные пункты соглашения, была выдана на руки указанной группе политзаключенных (отношение от 26/1-23 г. за №609). Несмотря на все это, комендант Пертоминского лагеря не только не установил указанных в соглашении условий, категорически заявив, что все это для него ни в какой мере не обязательно, что хозяин в лагере не Москва и Архангельск, а он, — но вступил на путь еще большего издевательства и репрессий.

Начались дневные и ночные вооруженные налеты с внезапными попытками закрытия наших камер, во время которых сам комендант позволяет себе замахиваться на нас обнаженным кинжалом, револьвером и т.д., сдобривая все это площадной руганью. Все поведение коменданта и его сотрудников носит характер вызывающий и явно провокационный. Коллектив политзаключенных Пертом. лагеря в самой категорической форме настаивает на немедленном удовлетворении следующих минимальных требований: 1) вежливое обращение; 2) впредь до разрешения вопроса о санаторном пайке Москвой, мы требуем выдачи пайка, обусловленного соглашением в Архангельске; 3) самостоятельная кухня и выдача пайка на руки; 4) полное взаимное общение; 5) освещение в камерах и коридорах; 6) возможность пребывания на воздухе целый день, кроме ночного времени; 7) ежедневная топка печей; 8) оборудование камер: койки, матрацы, табуретки и пр.; 9) неограниченное пользование горячей и холодной водой; 10) пользование местным культпросветом и доставка книг, газет центральных и местных согласно уговора с Управлением; 11) возврат всех отобранных книг.

Если почему-либо удовлетворение этих пунктов не выполнимо в условиях Пертоминского лагеря — а наше месячное пребывание здесь убедило нас в этом — мы требуем своего немедленного перевода в один из других лагерей.

Если к 5 февраля с/г требования наши удовлетворены не будут, то мы вынуждены будем с утра с того же дня прибегнуть к голодовке и к тем крайним методам борьбы, которые имеются в распоряжении политических заключенных.

[нач. февраля 1923 г.]

Борьба за изменение условий содержания началась, как только политзаключенные прибыли в Пертоминск. Первое развернутое заявление в ОГПУ, требующее наладить освещение камер, улучшить паек, перевести в другие помещения, датировано 18 января 1923 г.: «Размещены по 6 человек в камерах площадью 35 кв. м. (5 × 7), высота 3 аршина, сплошные нары без тюфяков, камеры не освещаются, пребываем по 23 часа в сутки, из которых 17-18 в темноте» (Архив Соловецкого музея-заповедника). Публикуемый текст написан в первых числах февраля 1923 г. У нас нет сведений о том, что голодов-

ка, которую намеревались объявить заключенные, состоялась. По-видимому, частично их требования были удовлетворены. Однако в марте ситуация вновь обострилась и 15 марта голодовка все-таки началась. Главное ее требование — перевод политиков из Пертоминска в Архангельск. Эсеры и эсдеки, поддерживавшие эти требования, в голодовке участия не принимали, считая ее преждевременной, голодали одни анархисты. На 17-й день к голодавшим применили искусственное кормление, вскоре голодовка была прекращена, не принеся видимых результатов. Кажется, в том же марте из лагеря убрали известного своими зверствами коменданта Бачулиса (из проштрафившихся чекистов), между заключенными и администрацией установилось неустойчивое равновесие, продолжавшееся до неожиданного перевоза 30 июня политзаключенных на Соловки.

II

[Черновик заявления в следственную комиссию при ЦИК СССР]

В ответ на предложение прислать представителей для дачи показаний следственной комиссии при ЦИК СССР по поводу совершенного в Савватиевском скиту расстрела социалистов и анархистов 19 декабря 1923 г., мы, политзаключенные Савват[иевского] скита заявляем:

I) В течение месячного срока, протекшего со времени убийства 19 декабря, органами центральной власти не было сделано ни малейшей попытки произвести беспристрастное расследование. Уже 19 декабря мы требовали назначения комиссии с участием представителей Полит[ического] Кр[асного] Кр[еста] и без участия ГПУ; вместо этого увозятся в Москву низшие агенты местной власти, высшие представители ее остаются на местах, и все следствие явно направляется по пути отыскания «стрелочников», вместо выяснения подлинной картины совершенного преступления и выяснения истинных ее виновников.

II) Назначение бюрократической комиссии из представителей ЦИК СССР, ЦКК РКП и НКЮ ни в коей мере не обеспечивает сколько-нибудь беспристрастных расследований событий 19 декабря. Самая работа комиссии протекает в условиях полной безгласности и тайны. Эта комиссия составлена из представителей одной лишь правящей партии, целиком ответственной за тот беспримерный режим террора, который систематически проводится властью в стране, и который по отношению к социалистам и анархистам после целого ряда лет бессудного содержания их в тюрьмах приводит к новой волне — к системе прямых убийств. Не желая своим участием в таком следствии создавать видимость беспристрастного расследования, мы отказываемся от посылки своих представителей для дачи показаний этой комиссии.

III) Вследствие разгрома рабочих организаций в России и ликвидации в ней всякой легальной общественности, мы требуем гласного ведения следствия и включения в следственную комиссию представителей [Комитета] Помощи Политзаключенным. Мы категорически требуем также допущения к следствию Рабоч[его] Соц[иалистического] Интерн[ационала] и Амстер[дамских] Объединен[ных] Профсоюзов в целях беспристрастного расследования и осведомления всех революционно-социалистических организаций Запада.

Только такая комиссия дает минимальные гарантии широкого и всестороннего расследования. Только она сможет выяснить полную картину событий 19 декабря, их связь с общим положением социалистов под режимом террора, ответственность всей большевистской партии и центральной власти за эти события. В такую комиссию мы пошлем наших представителей для дачи показаний.

В случае выполнения настоящих условий мы заявляем, что несмотря на оторванность Солов[ков] в течение всей зимы от материка (и наличия только случайного сообщения с ним при помощи поморских лодок) наши представители выедут в Москву (хотя бы на поморских лодках), чтобы своим участием в комиссии пролить свет на преступление 19 декабря.

[17 января 1924 г.]

Конфликты между политиками и соловецкой администрацией начались с первых дней пребывания на Соловках и достигли критического уровня после конца навигации, когда начальство могло действовать, не опасаясь быстрой огласки. 19 декабря 1923 г., в результате провокации, устроенной руководством лагеря, были убиты пятеро и ранено трое заключенных, один из которых через две недели умер в лагерьной больнице. (Фамилии см. в Списке заключенных..., публикуемом ниже в этом разделе). В тот же день старостат скита отправил через администрацию телеграмму во ВЦИК. Была образована комиссия из чинов лагерного управления, однако заключенные отказались с ней сотрудничать, ограничившись коллективным заявлением об обстоятельствах расстрела. Кроме того, они послали еще телеграмму Президиуму ЦИК и в Комитет помощи политзаключенным (Е.П. Пешковой). История стала известной, и уже 10 января 1924 г. была создана специальная комиссия ЦИК во главе с А.П. Смирновым для разбора происшествия. Из этой комиссии пришел запрос на Соловки, переданный в Савватиево телефонограммой: «Согласно сообщению Москвы, для расследования происшедшего 19.XII. 1923 г. назначена Комиссия ЦИК СССР в составе ЦИК СССР, Президиума ЦКК РКП и представителя Наркомюста. Комиссия постановила: в целях полного освещения происшествия вызвать для допросов двух представителей заключенных. В связи с завтрашним отходом почтовой лодки необходимо срочно сообщить мне, согласен ли коллектив политзаключенных, учитывая естественные трудности, послать с лодкой своих представителей, чтоб мне своевременно решить вопрос о предназначенных к отправке почтовых грузах. Ответ жду к 17-му января 1924 года. 15 час. 40 мин. Зам. нач. упр.

Эйхманс». (Революционная Россия. 1924. №39/40. Ноябрь. С.11). Публикуемый текст — ответ на это предложение. Конечно, такая комиссия, о которой просили политзаключенные, не могла быть сформирована. Выводы официальной комиссии в полном объеме опубликованы не были, однако из газетных сообщений ясно, что виновными были объявлены заключенные.

III

[Записка о тактике борьбы после расстрела 19 декабря]

1) События 19-го декабря внесли существенные изменения в те способы тюремной борьбы, которая до сего времени с большим или меньшим успехом применялась социалистами в советских тюрьмах. Если раньше не только отдельные частные конфликты, но и борьбу за общие нормы режима удавалось разрешить без человеческих жертв, если эти жертвы мыслились как последнее средство, к которому приходится придти, исчерпав все другие способы, то теперь после убийства 19-го декабря все, так сказать, промежуточные способы борьбы и протеста и психологически и политически уничтожены, ибо их действие неизбежно всеми будет рассматриваться в свете только что пережитой трагедии. Даже голодовка, которая сама, при последовательном и стойком поведении, предполагает возможный смертельный исход, представляется уже пройденным этапом в нашей тюремной борьбе.

2) Поэтому в нашем распоряжении по крайней мере теперь остается одно и последнее средство борьбы — смерть, независимо от того, возникает ли борьба по поводу отдельного частного случая или в связи с тюремным режимом в целом.

3) Новые жертвы несомненно не будут иметь того политического значения, которое имеет первый расстрел. Во-первых, потому, что человеческое сознание привыкает ко всяким зверствам и повторение насилия не дает и не может дать при прочих равных условиях такой политической акции, как первый акт. Больше того, если администрация концлагерей первый расстрел инсценировала в обстановке и условиях для себя не выгодных, то при последующих столкновениях, если они будут, она несомненно попытается исправить эту ошибку, создать видимость обоюдной физической схватки, быть может, нападения на караул. И тогда самое впечатление от первого расстрела заведомо мирно гуляющих людей потускнеет и потеряет значительную долю своего политического значения.

4) Кроме этих общих соображений, которые необходимо принимать в расчет при определении нашей тактики на Соловках в ближайшее время, есть еще одно обстоятельство весьма существенное

в данный момент — это абсолютная оторванность наша от воли, невозможность правильно информировать ее, ибо монополия внешней информации до возобновления пароходного сообщения остается в руках администрации.

5) Все эти обстоятельства в своей совокупности определяют нашу тактику на зимнее время как тактику, в основе которой должна лежать максимальная осторожность и игнорирование провокационных вызовов со стороны администрации на выступления. Последовательное проведение ее нелегко, особенно потому, что расстрел 19-го декабря не ослабил нас, не убил в нашей среде чувство протеста и способности идти на новые жертвы. Поэтому эта линия поведения не является реакцией после пережитого. Она — акт сознательного самоограничения, во имя правильно понимаемого политического расчета. Такая тактика должна проводиться теперь до возобновления навигации, когда возможно будет ориентироваться в общей обстановке и свою борьбу здесь на Соловках проводить не в условиях полной изоляции и неосведомленности. Мы допускаем, что эта линия поведения при самом последовательном ее проведении может быть сорвана администрацией, которая, быть может, вынудит нас вступить в новую борьбу с неизбежными в данных условиях жертвами. Но наличие этой возможности ни в коей мере не колеблет сознания целесообразности нашей тактики. Она — эта возможность дает основание только с большей осторожностью взвешивать каждый наш шаг.

[начало 1924 г.]

Сразу после расстрела перед политиками встал вопрос о дальнейшей тактике борьбы. Анархисты хотели немедленно объявить голодовку, социал-демократы считали, что без поддержки с воли, без организованных мощных протестов из-за границы, голодовка обречена на поражение, к тому же они полагали, что цель голодовки должна быть более прагматической, чем собственно протест. Сложные и разноречивые мнения были среди эсеров. Наиболее популярна была точка зрения савватьевского старосты коллектива социалистов-революционеров — А.А. Иваницкого, считавшего, что в создавшихся условиях единственное оставшееся средство борьбы — это принесение себя в жертву. Однако многие эсеры старшего поколения занимали более осторожную позицию, говоря о том, что жертвовать собой способны немногие, да и то, скорее, под воздействием кратковременной экзальтации. В конце концов голодовка тогда не состоялась. Произошла она осенью 1924 г., ее главным требованием стал перевод политиков с Соловков. Публикуемый документ отразил внутренние споры политзаключенных о тактике после 19 декабря.

СОЛОВЕЦКИЕ ПОЛИТСКИТЫ. СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ (1925)

Публикация Е. Жемковой и А. Рогинского

Перед нами фотокопия полного списка политических заключенных, находившихся в Пертоминском и Соловецком концлагерях с конца 1922 года до середины 1925 года. Это классическая тюремная записка, переданная на волю, где на минимуме места размещен максимум информации.

Документ оказался в архиве «Мемориала» после «Недели Совести», проходившей в Москве и организованной обществом «Мемориал» в ноябре 1988 г. К сожалению, принявший документ Д. Г. Юрасов не успел выяснить имя и фамилию женщины, передавшей эти фотокопии. Поэтому нам неизвестна предыстория находящегося в наших руках списка. Где хранился он все эти годы? Когда и кем была сделана фотокопия? Где оригинал списка? — на эти вопросы ответов пока нет.

Внешнее описание документа

Публикуемый документ представляет собой две фотографии (размером 30 × 40 см) текста, расположенного на двух сторонах одного листа бумаги. Текст — без заглавия — написан мелким убористым почерком без полей (за исключением нижнего). На обеих страницах всего 194 строки, 102 — на первой, 92 — на второй. 190 строк занимает список, последние 4 строки — ключ к его прочтению. В некоторых местах видны небольшие клясочки и брызги от чернил. Четкость текста в различных местах не одинакова, особенно плохо читаются записи на сгибах (видимо, подлинник списка хранился сложенным как минимум вшестеро) и у краев страниц. На некоторых сгибах запись вообще утрачена. В целом уверенно прочитывается около 70% текста: с большим трудом читается примерно 20%, а еще 10% утрачены полностью или частично. Информацию, содержащуюся на местах, которые невозможно или почти невозможно прочесть, мы постарались реконструировать.

Общая характеристика

Как удалось установить, в списке заключены данные о 428 политических заключенных, расположенные в алфавитном порядке. Точность порядка иногда нарушается, но не раньше, чем на 3-й или 4-й букве от начала фамилии.

Данные о каждом человеке составляют единую смысловую запись, разбитую на позиции. Расшифровка каждой позиции дана на последних 4-х строках текста: «1 — фамилия; 2 — имя, отчество; 3 — год рождения; 4 — время последнего ареста; 5 — место его; 6 — дата приговора; 7 — срок; 8 — время прибытия в лагерь (до 15 июня 1923 в Пертоминск, после 1 июля 1923 в Со-

ловки); 9 — по делу какой партии привлекается; 10 — изменения, происшедшие в пределах срока; 11 — изменения, происшедшие до лагеря и находящиеся в связи с заключением в лагерь; 12 — дальнейшая судьба по окончании срока или убытия из лагеря.

Записи и позиции внутри записи не нумерованы и отделены друг от друга точками.

Даты в документе записаны без интервала между числом, месяцем и годом, год дан последними двумя цифрами, месяц — римскими цифрами, число и год — арабскими (например, 19 декабря 1923 года будет записано как 19XII23).

Все содержащиеся в списке сведения можно поделить условно на обязательные и дополнительные. Первые — это те, которые зафиксированы в позициях 1-9. В случаях, когда составитель списка не имел данных по какой-то позиции (например, не знал отчества человека или какой-то даты), на этом месте он ставил прочерк. Дополнительные сведения зафиксированы в позициях 10-12, а также в круглых скобках после той позиции, к которой они по смыслу относятся. (После даты ареста, например, сообщаются иногда сведения о предыдущих арестах, после срока заключения — об органе, вынесшем соответствующий приговор).

Составитель по мере создания списка уплотнял текст: почерк становится более убористым, уменьшаются пробелы между строками, упрощаются формулировки. Широко использованы сокращения в именах, отчествах, названиях городов, годах рождения (если человек родился до 1900 года, то год рождения сокращен до двух последних цифр, если после 1900, то — до трех) и т.п. Все сокращения расшифровываются однозначно, хотя они и не унифицированы, а степень редукции к концу текста возрастает (слово «Архангельск» заменяется сначала на «Арханг.», а затем на «Арх.»; формула «в распоряжение Сибирского уполномоч. ОГПУ» — на «в расп. Сиб. уполн.»; если в начале текста составитель пользуется введенной им системой позиций 10-12, то после первых 50-60 строк он от нее практически отказывается).

Принципы публикации

Нам хотелось не только возможно более полно прочесть текст и воспроизвести его, но и максимально облегчить читателю работу с ним. Поэтому для публикации нами была выбрана форма таблицы.

Мы решили пронумеровать список (в подлиннике нумерации нет), при этом порядковый номер стал первым столбцом таблицы. Столбцы 2-9 таблицы соответствуют 1-9 позиции списка (фамилию, имя и отчество, разнесенные в списке на две позиции, мы объединили в один столбец). Всю дополнительную информацию мы свели в один, по счету 10-й, столбец таблицы, который печатается второй строкой, под обязательной информацией. В этом столбце материалы сгруппированы по смысловым блокам, которые отделяются друг от друга знаком //. Мы полагаем, что свести обязательную и дополнительную информацию в единый биографический ряд не составит труда для читателя. Вот, например, как будет выглядеть в этом случае тюремно-лагерная судьба Е.М. Чекмасовой, анархистки. Арестована в Москве 17 августа 1921 г., 14 января 1922 получила приговор МЧК — расстрел. Затем приговор был заменен 5 годами (видимо, концлагеря), а затем срок (видимо,

по амнистии осенью 1922 г.) был сокращен до 3 лет. 20 апреля 1922 г. ее привезли в концлагерь в Холмогорах, здесь она находилась до 28 февраля 1923 г. (т.е. до перевода в Пертоминск). 1 июля, вместе со всеми политзаключенными Пертоминска была перевезена на Соловки. 1 ноября 1924 г. ее перевели на материк, в Кемь, здесь, в пересыльном пункте она должна была ждать конца срока. Однако она «пересидела» и была освобождена только 25 мая 1925 г. (откуда — неизвестно) с запрещением жить («минус») в 6 городах.

Мы также унифицировали сокращения в топонимах, именах и некоторых терминах. Список сокращений приведен ниже.

Места, которые мы не сумели прочесть, обозначены многоточиями. Слова, в прочтении которых мы сомневаемся, заключены в косые скобки. Рядом с цифрами, в случае наших сомнений в правильности их прочтения, поставлен знак вопроса. Все реконструкции заключены в квадратные скобки.

Способы реконструкции

Для реконструкций нам пришлось привлечь целый ряд дополнительных источников, как печатных, так и рукописных. Перечислим важнейшие: 1) Список соловецких политзаключенных на 15.XII.1923 г., опубликованный в «Социалистическом вестнике» (орган Заграничной делегации ЦК РСДРП) Берлин. 1924. №9; 2) Список заключенных и сосланных анархистов: получен из России. // Анархический вестник. 1923. №2. Август; 3) Аресты на Дальнем Востоке. // Революционная Россия: Орган Заграничной делегации ЦК ПСР. Берлин. 1924. №33/34; 4) Информация о массовых арестах студентов весной 1924 г. в Ленинграде и Москве, опубликованная в той же «Революционной России» (1924, №37/38); 5) Информация об арестах социалистов-сионистов из журнала «Знамя борьбы» (орган Заграничной делегации ПЛСР и Союза с.-р. максималистов) Берлин. 1925. №9-10, июнь; 6) Заявление коллектива политзаключенных Пертоминского лагеря в Управление Севлагерей (18 подписей). 18 января 1923 г. Рукопись. // Архив Соловецкого музея-заповедника; 7) Материалы к словарю социал-демократов. / Составил А.Б. Рогинский по устным опросам 1975-79 гг. Рукопись.

Сопоставление списков, представленных в этих источниках, а также другой информации из социалистической и анархистской периодики 1920-х гг. с публикуемым соловецким списком 1925 года позволило установить некоторое количество фамилий и фактов, которые мы решили включить в публикацию. Например, №394. От позиций 1-2 списка здесь читалось лишь «Петр», и было неясно, имя ли это, или начало отчества человека, фамилия которого несомненно начиналась на «Ше». В списке, напечатанном в «Соц. вестнике», мы обнаружили Шестакова В.П. (имен и отчеств этот список не давал, ограничиваясь лишь инициалами, не всегда, к тому же, верными), эсера. Если бы наша информация ограничилась только этим, то второй столбец у №394 в таблице выглядел бы следующим образом: [Шестаков В.] Петр. Такие случаи в списке есть. Однако, в воспоминаниях левой эсерки Б.А. Бабиной (Минувшее. Париж. 1987. №2. С.27) мы встретили упоминание о Шестакове (Бабина сидела в 1922 г. с ним в тюрьме в Кисельном переулке); называлось и его имя — Всеволод. Одновременно С.В. Кривенко любезно предоставил в наше распоряжение запись своей беседы с М.В. Базилинской, родственницей В.П. Шестакова, где не только нашли подтверждение данные из публикуе-

мого списка, но и содержались сведения о дальнейшей судьбе Шестакова (согласно справке, погиб в 1942 г.). Как можно убедиться, в этом случае сошлись вместе сведения с разных сторон, и реконструкция сомнений не вызывает.

Зачастую важным источником для реконструкции служит сам публикуемый список. Например, №71.

Мы знали, что фамилия этого человека начинается с «Га», «Гв», «Гз» или «Ге» (между читаемыми «Гальперин» и «Гельфгот»), что он эсер, осужденный в начале 1923 г., получивший 3 года и прибывший в Пертоминск 21 февраля 1923. В списке «Соц. вестника» (1924, №9) мы обнаружили фамилию — Гейнбух А.К., но, зная, что в этом списке нередки ошибки при написании фамилий, мы не сочли возможным сразу включить эту фамилию в публикацию. Принимая во внимание, что многие из политиков были осуждены по групповым делам и приходили в лагерь одним этапом с однодельщиками, мы проверили по датам прибытия, указанным в списке, кто пришел одновременно с №71. Оказалось, что из 20 эсеров, прибывших в Пертоминск 21 февраля 1923 г., большинство принадлежали к группе, арестованной в один день — 21 октября 1922 г. — в Чите или Верхнеудинске. Обратившись затем к статье в «Рев. Россия» (1924, №33/34), мы обнаружили в перечне арестованных в этот день дальневосточных лидеров ПСР А.К. Гейнбуха. Вся группа была обвинена в подготовке заговора и выслана из ДВР в «Советскую Сибирь», но там не освобождена, а приговорена к 3 годам Ярославского политизолятора. Вскоре после прибытия в Ярославль дело было неожиданно пересмотрено и 13 человек, в том числе и Гейнбух, получили — все в том же административном порядке — по 3 года Северных лагерей. Все вместе они и прибыли в Пертоминск. Таким образом, мы могли теперь смело включить в публикуемый список не только фамилию и инициалы №71, но и восстановить почти всю (кроме года рождения) утраченную информацию: дату и место ареста и — по аналогии — дату вынесения приговора.

Отдельно следует сказать о тех случаях, когда текст не совсем утрачен, но все-таки читался с большим трудом, скорее даже угадывался, чем читался. Особые трудности были связаны с прочтением схожих букв в цифр: «3» и «5», «1» и «7», «V» и «X», «с» и «е», «б» и «в» и т.п. Для уточнений и снятия возникавших сомнений мы пользовались не только данными, зафиксированными в других источниках (это касалось, в основном, фамилий), но и — главное — информацией, извлекаемой из самого публикуемого списка — даты этапов, судов, массовых арестов и т.д. Например, у В.И. Назарова (№239) дату его прибытия на Соловки мы первоначально прочли как «20.III.24». Впрочем, месяц этапа вызывал сомнения. Составив по данным списка перечень этапов, мы увидели, что с середины декабря 1923 г. до середины мая 1924 г. Назаров у нас оказывается единственным человеком, прибывшим на Соловки. Это выглядело тем более странно, что, как известно, навигация между Кемью и Соловками открывается, как правило, не раньше апреля-мая. Оказалось, что вызывавшая сомнения едва видимая цифра на самом деле не III, а VII, и Назаров прибыл на Соловки в составе большого (20 человек) этапа 20 июля. По соображениям объема мы нигде не указываем ни на источники наших реконструкций, ни на то, каким путем мы пришли к тому или иному прочтению.

Оговорим еще одно обстоятельство. Нередко мы могли бы дополнить содержащиеся в списке сведения и внести на места прочерков, поставленных составителем, вполне достоверную информацию. Так, нам, в отличие от составителя списка, известно, что В.Я. Аркавина (№10) родилась в 1901 г., что Машинина (№223) звали Павел, а его товарища, тоже анархиста, Соколова (№323) — Виктор, что покончившего с собой на Муксолме меньшевика Сандомира (№301) звали Леонтий Петрович и т.д. Во многих случаях мы могли бы добавить к именам неизвестные составителю отчества персонажей списка: №90 — Яковлевич, №18 — Миронович и т.д. Однако мы не вносим в список никакой новой информации, видя свою задачу в публикации именно тех сведений, которые содержатся в документе.

Неточности. Описки.

В целом сведения списка сомнений не вызывают. При этом все-таки очевидно, что наиболее точными являются данные о датах этапов и о сроках заключения, ошибки же наиболее возможны в годах рождения и датах ареста. Например, сравнивая информацию, полученную из списка о жертвах расстрела 19 декабря 1923 г. с материалами некрологов, мы увидели расхождения в годах рождения на год-два и столь же незначительные в датах ареста.

	Некролог «Рев. Россия», 1924, №39/40	Список
Е.И. Котова	1898	1900
М.М. Горелик	1896 9.IX.22	1897 7.IX.22
В.И. Попов	1896 26.VIII.22	1897 27.VIII.22
и т.д.		

К сожалению, в нашем распоряжении нет фактов, чтобы решить, какие из этих дат верны.

Есть в тексте и некоторые несообразности и явные ошибки. Например, у №42 (С.М. Бунтарь-Рышков) указана дата вынесения приговора более поздняя, чем дата прибытия в лагерь. Вряд ли приговор М.Д. Самохвалову (№300) мог быть вынесен на следующий день после ареста — думаем, что здесь какая-то ошибка. У М.К. Леонтьевой (№200) вместо года рождения неожиданно указан возраст. Очевидная описка — партийность А.Г. Кричевского (№184), известного меньшевика, оказавшегося в списке эсером. Случай путаницы в такой важной для политзаключенных графе — единственный в списке. Возможно, есть и один случайный пропуск. По данным «Соц. вестника» (1924, №5) в декабре 1923 г. А.П. Гельфгот (№73) был отправлен для лечения в Москву. Гельфгот был крупным эсером, в 1922 г. он опубликовал в Берлине очерк «ВЧК — корабль смерти», о его лечении в тюремной больнице сообщала зарубежная социалистическая печать. Между тем, в списке его отъезд в Москву не отражен. Однако, не исключено, что мы просто не сумели прочесть это место в списке — оно как раз приходится на сгиб.

Отдельная проблема — разночтения в написании фамилий. В списке и других источниках: Зарохович — Зорохович, Дрейзен — Дрейзин, Качоровский — Кочаровский. Как и в других случаях, никаких корректив в список мы здесь не вводили. Так же мы поступили и с фамилией убитого 19 декабря Г.А. Билимы-Пастернака, который в списке обозначен как Белима-Пастерманов.

Когда и для чего был составлен список

Дата составления выявляется легко. Последняя зафиксированная дата в списке — 24 мая 1925 г. В этот день на Соловки пришел первый в 1925 г. этап политзаключенных. Он остался и единственным — об этом существует печатное свидетельство («Знамя борьбы». 1925. №14/15). 17 июня все политики были вывезены с Соловков. Эта дата известна из нескольких источников (см., напр. «Соц. вестник». 1925. №23/24. С.13). Об увозе с Соловков в публикуемом документе не говорится, следовательно, можно с уверенностью заключить, что документ был составлен между 24 мая и 17 июня 1925 г.

По-видимому, список был составлен в Савватьевском скиту. Самый первый из заселенных, самый большой по численности заключенных, с представительством всех фракций (анархистов, например, размещали только тут, в других скитах их не было), он считался как бы центральным лагерем. Косвенным подтверждением тому, что список составлялся здесь, является тот факт, что данные о савватьевцах в списке представлены полнее, чем данные о заключенных, живших в других скитах. (Например, партия ленинградских студентов, арестованных в 1924 г., попала на Муксолму и Анзер, и именно у них зачастую пропущены отчества и года рождения).

К составлению списка несомненно имел прямое отношение старостат Савватьевского скита. Весной 1925 г. это: у с.-д. — А.Я. Малкин; у с.-р. — Г.Л. Гольд; у левых с.-р. — М.Д. Самохвалов; у анархистов — И.М. Браверман или И.А. Чарин. Несомненно также, что в основе списка лежала карточка. Быть может, существовала не единая карточка, а отдельные карточки у каждой фракции, и впервые вместе они были сведены как раз для создания публикуемого документа.

Однозначного ответа на вопрос о предназначении списка мы дать не можем. Целью могла быть передача списка в заграничную партийную печать или в Социалистический Интернационал, или в один из зарубежных профсоюзных центров, или в какую-нибудь организацию, занимающуюся помощью политзаключенным (например, Е.П. Пешковой для уточнения ее карточки). А может быть, назначение списка не было так конкретизировано, и непосредственным поводом к нему послужили именно слухи о скором расформировании Соловков и грядущая неизвестность. Вобравший в себя огромную информацию список как бы подводил итоги первому этапу послеоктябрьского «сидения» социалистов и анархистов.

Перспективы изучения списка

Как нам кажется, список дает возможность разнообразной статистической обработки и получения серьезных результатов. Необходимо рассмотреть вопрос в какой степени численный состав каждой фракции отражает численность соответствующих партийных групп в заключении и на воле. Анализ возрастного состава заключенных политскитов может дать представление о процессах, происходивших в каждой из партий в послеоктябрьские годы. (Отметим сразу, что поражает высокий процент молодежи у социал-демократов в сравнении с социалистами-революционерами). Список представляет материал для изучения динамики репрессий по отношению к каждой из партий. Здесь сразу же бросается в глаза, что основной удар по эсерам

и анархистам был нанесен в 1921-22 годах, а в 1923-24 годах пришел черед эсдеков.

Конечно, обоснованные статистические выводы могут быть сделаны лишь в отношении достаточно многочисленных партийных коллективов политских: с.-д. (176 человек, 41,1%), с.-р. (130, 30,4%), анархистов (67, 15,6%), левых с.-р. (26, 6,1%). Остальные «меньшинство партии с.-р.» (мпср) — 4 человека, с.-р. максималисты — 4, социалисты-сионисты — 9, члены партии «Дашнакцутюн» («дашнаки») — 5, толстовец (в некоторых источниках его причисляют к анархистам) — 1, беспартийных — 4: Н.И. Катасонова (жена руководителя тамбовского восстания А.С. Антонова), ее подруга С.Г. Соловьева, а также два заключенных из «Хорезмской народной советской республики» — все они в сумме составляют лишь 6,8% и вряд ли к ним можно применить методы статистики.

Внимательный читатель сможет воссоздать по данным списка историю обживания политическими заключенными северных лагерей, предшествовавших Соловкам. По списку могут быть прослежены некоторые аспекты карательной политики, ее эволюция в сторону унификации. Например, постепенно устанавливается стандартный срок приговора — 3 года заключения.

В первую очередь, однако, мы надеемся, что список послужит основой для будущего биографического словаря деятелей послеоктябрьского революционного движения.

Дополнительные замечания

Требуют объяснения некоторые реалии внутренней жизни политзаключенных, нашедшие отражение в списке.

В двух записях (№№182 и 289) слово «бежали» включено в кавычки. Дело в том, что имелись сведения, будто данный побег был подстроен ГПУ с целью создать повод для перевода политзаключенных на Соловки (в Пертоминске, якобы, невозможно было организовать надежную охрану). Об этом см.: Соц. вестник. 1924. №5. С.11.

В восьми записях указано, что данный человек «вышел из коллектива», при этом в двух случаях упомянуто о поданном «письме». Выход из коллектива означал не только отказ от участия в жизни фракции, но и разрыв со своим политическим прошлым. Если при этом человек подавал соответствующее заявление властям, то в глазах окружающих оно приравнивалось к прошению о помиловании, т.е. к одному из серьезнейших нарушений революционной этики. В 20-е гг. результатом «подачи письма» обычно являлось или освобождение, или смягчение приговора (например, замена лагеря на ссылку).

В ряде случаев встречаем упоминание о «прибытии к мужу», а в одном случае (№105) — мужа к жене. Это означает, что человек для воссоединения семьи добровольно переводился из ссылки в концлагерь. Насколько мы знаем, в политизолатор из ссылки не переводили, так что эта возможность осталась спецификой Пертоминска и Соловков.

Мы полагаем, что других неясностей у читателя списка не возникнет.

ПОЗИЦИИ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

№ — Порядковый номер	5 — Дата вынесения приговора
1 — Фамилия, имя, отчество	6 — Срок
2 — Год рождения	7 — Дата этапа (до 15.VI.23 в Перто- минск, после 1.VII.23 в Соловки)
3 — Дата последнего ареста	8 — Партийная принадлежность
4 — Место ареста	

СОКРАЩЕНИЯ

Арх. — Архангельск	Перт. — Пертоминск
Благ. — Благовещенск	П. — Петроград (Ленинград)
Бр. — Брянск	Печ. — Печора
В.-у. — Верхнеудинск (Улан-Уде)	Полт. — Полтава
Вин. — Винница	Р. н/Д. — Ростов-на-Дону
В.-в. — Владивосток	Сам. — Самарканд
Влад. — Владимир	Сев. — Севастополь
Вол. — Вологда	Сем. — Семипалатинск
Вор. — Воронеж	Симф. — Симферополь
Вят. — Вятка (Киров)	Смол. — Смоленск
Гом. — Гомель	Сол. — Солигалич
Е.-д. — Екатеринодар (Краснодар)	Сорм. — Сормово
Е.-с. — Екатеринослав (Днепропетровск)	Ставр. — Ставрополь
Енис. — Енисейск	Сух. — Сухуми
Иж. — Ижевск	Тамб. — Тамбов
Ирк. — Иркутск	Твер. — Тверская
К. — Киев	Тифл. — Тифлис (Тбилиси)
Кост. — Кострома	Усм. — Усмань (Вор. губ.)
М. — Москва	Ус. — Усолье
Новг. — Новгород	У.-Ц. — Усть-Цильма
Н.-н. — Новониколаевск (Новосибирск)	Хаб. — Хабаровск
Н.-х. — Новохоперск	Х. — Харьков
Од. — Одесса	Холм. — Холмогоры
Ор. — Оренбург	
ар. — арестован(а)	осв. — освобожден(а)
амн. — амнистирован(а)	оконч. — окончание
бол. — болезнь	приб. — прибыл(а)
вн. — внутренняя	приг. — приговор
губ. — губерния	с прож. — с проживанием
доср. — досрочно	сс. — ссылка
искл. — исключая	ср. — срок
колл. — коллектив	тюр. — тюрьма
конц. — концлагерь	цент. — централ
леч. — лечение	
ан — анархисты	сд — социал-демократы
бп — беспартийные	ср — социалисты-революционеры
дашн — члены партии «Дашнакцутюн»	срм — социалисты-революционеры максималисты
лср — левые социалисты-революционе- ры	сс — социалисты-сионисты
мпср — меньшинство партии с.-р. (груп- па «Народ»)	толст — толстовец
? — возможный вариант прочтения	

№	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Абакшин Ник. Петр.	93	6 IV 23	М.	27 IV 23	3	9 V 23	лср
2	Авдеева Полина Демен.	87	14 III 23	М.	16 V 23	2	9 VI 23	сд
3	Аврускин Мих. Яковл.	94	12 III 24	Симф.	18 VII 24	3	17 VIII 24	сд
4	Адамушко Ив. Дорофеев.	902	7 X 23 17 XI 24	Ирк. в Кемь; 26 V 25 осв. с прож. исключит. в Центр. России, искл. М. и П. губ.	26 V 23	2	28 VII 23	ср
5	Адов Серг. Ив.	901	10 IV 24 студ.бесп.	П.	6 VI 24	3	20 VII 24	ан
6	Айзенберг Дора Ноевна	902	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
7	Анджиевская Людвига Яновна	98	7 X 22	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср
8	Алимова Тат. Петр.	95	3 XI 23	П.	16 V 24	3	14 VI 24	ср
9	Альтшуль Любовь Абр.	98	22 IX 23 XI 21 ар. в Брянске; по приг. ВЧК в сс. в Арх. губ. // IV 22 приб. из М. в Холм. конц.; VI 22 отпр. в сс. в Архан. // XI 24 в Арханг. для оконч. сс.; по оконч. ср. сс. осв.	Арх.	7 IX 23	1	29 IX 23	ан
10	Аркавина Вера Яковл.	-	14 III 23 6 XII 23 в М. для леч.	М.	-	3	28 VII 23	сд
11	Афанасьев Виктор Ефим.	87	13 V 22	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср
12	Ашпис Ольга Иосиф.	903	2? XI 23	М.	7 XII 23	2	26 VI 24	сд
13	Бабин Моисей Израэл.	95	9 VIII 23	М.	V 24	5	14 VI 24	сд
14	Баршпольский Марк Иосиф.	96	7 IX 23	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
15	Барон Арон Давид.	91	18 XII 22	М.	5 I 23	2	1 II 23	ан
			25 XI 20 ар. в Харьк.; XI 22 осв. для выезда за границу // 17 XI 24 в Кемь; 27 XII 24 отпр. в М.Вн.Тюр., оттуда в Новониколаевск в расп. Сиб. уполн. ОГПУ					
16	Бауэр Нат. Арнольд.	92	23 III 21	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср
			19 XII 23 убита					
17	Бахман Анна	-	1 II 24	П.	16 V 24	3	26 VI 24	сд
			студ.бесп.					
18	Бацер Давид	905	VIII 24	Печ.	VIII 24	2	26 IX 24	сд
			28 VIII 23 ар. в М.; X 23 сс. Печору					
19	Башкирцев Степан Парфен.	98	VII 24	Е.-с.	23 XII 24	2	24 V 25	ан
20	Бейнарович А-др Яков.	-	-	-	III 23	2	9 VI 23	лср
			13 XI 24 в Кемь; по оконч. ср. 10 V 25 сс. Урал 3 г.					
21	Белкин Кронид Конст.	94	17 IX 22	Томск	8 VI 23	2	1 IX 23	ср
22	Белоглазов Конст.	95	10 IV 24	П.	16 V 24	2	26 VI 24	лср
			студ.бесп.					
23	Беляев Васил. Дмитр.	-	-	Кост.	-	3	16 VI 23	сд
24	Беляев Ник. Мих.	900	X 21	Ромны Полт.	17 III 23	1	9 VI 23	ан
			XII 19 ар. в М.; 30 I 20 приг. МЧК 5 л. конц.; 27 IX 21 бежал из Орл. цент. // 29 IX 22 вооруж. попытка к побегу из Лефорг. тюр.; приг. М. губ. суда // 13 XI 23 в Кемь; 17 III 24 освоб.					
25	Березин Ив. Вас.	85	10 III 24	Сорм.	23 V? 24	3	14 VI 24	сд
26	Берман Бенцион Исак.	-	7 V 23	М.	8 VI 23	2	1 VII 23	сд
27	Бернштейн Яков Моис.	-	7 V 23	М.	8 VI 23	2	1 VII 23	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
28	Белима-Пастерманов Гавриил Андр.	97	5 IX 21 19 XII 23	М. убит	23 II 23	3	16 VI 23	ср
29	Бирулин Мих. Влад.	92	6 VIII 23 XI 20 ар. в Хар.;	Устюг	29 VII 23	2	28 VIII 23	ан
			6 VI 22 замена тюр. сс. в Устюг		21 приг. ВЧК 2 г. тюр.;			
30	Блох Леонид Израил.	900	14 III 23 13 XI 24 в Кемь;	М.	16 V 23	2	9 VI 23	сд
			24 V 25 в сс. в расп. Сиб. уполн. ОГПУ на 3 г.					
31	Богатов Георг. Георг.	90	13 IV 23 25 IX 24 в М. для леч.	М.	V 23	3	18 V 24	ср
32	Богданов Борис Осип.	85	10 XII 22 13 XI 24 в Кемь;	М.	28 XII 22	2	21 II 23	сд
			II 25 ар. в Арх. и отпр. во Вн. Тюр. ГПУ					
33	Бордюков Афан. Ив.	902	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	10 VI 24	сд
34	Борц Раиса Анисим.	96?	VI 22 4 II 25 умерла	М.	5 I 23	3	21 II 23	ср
35	Божко Дм. Степ.	900	10 IV 24	Полт.	5 IX 24	2	12 XI 24	ан
36	Браверман Иос. Мойс.	97	21 II 23	М.	11 V 23	3	9 VI 23	ан
37	Брауде А-др Арон.	903	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
38	Брейтман Нина Петр.	904	12 IV 23	Од.	25 XI 23	3	14 XII 23	сд
39	Бродова Берта Яковл.	99	26 I 23?	М.	23 III 23	3	15 IV 23	ср
40	Букарев Валент. Серг.	-	В пути на ж-д	II 23	3	21 II 23	ср
41	Буксин Илья Мих.	83	4 IV 24	Баку	3 VII 24	3	17 VIII 24	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
42	Бунтарь-Рышков Серг. Матв.	78	25 IX 24	Х.	5 IX 24	3	12 XI 24	лср
43	Бухтер Фани Ошеровна	98	5 II 22	М.	25 XI 22	3	1 II 23	ср
44	Бяловский Франц Владисл.	89	26 II 23	М.	13 IV 23	3	9 VI 23	сд
45	Вайнцваг Филипп Самойл.	85	12 IV 23	К.	14 IX 23	2	11 XI 23	сд
46	Вайсбурд Виктор Давид.	904	12 I 24	К.	16 V 24	3	10 VI 24	сд
47	Василенко Яков Емельян.	88	26 X 22	Хаб.	20 IV 23	3	28 VII 23	ср
48	Вассерман Анна Мойс.	95	7 IV 23	-	-	2	11 XI 23	ср
49	Вегер Мария Мойс.	-	-	П.	-	3	13? X 23	ан
			28 VI 24 в М. для леч.; 21 XII 24		24 V 25 из М.;		в Кемь приб.	
50	Вегер Тамара Мойс.	96	2 IX 22	М.	2 XII 22	3	1 II 23	ан
51	Вейнир -.	98	- 24	П.	-	3	23 IX 24	сд
52	Вельчанский Станисл. Иосиф.	84	26 X 22	Хаб.	20 IV 23	3	28 VII 23	ср
53	Верхощанский Витал. Ив.	98	17 II 23	Усм.	21 VII 23	5	28 VIII 23	ср
54	Вершинин-Двойченко Анат. Пет.	901	20 III 24	М.	23 V 24	3	14 VI 24	ан
55	Ветухновская Роза Зельман.	905	11 VIII 24	Х.	10 X 24	3	12 XI 24	сд
56	Вигдер[сон] Абр. Лейзер.	904	29 VIII 24	Гом.	22 XI 24	3	24 V 25	сс
			приб. в Кемь 3 I 25					

№	1	2	3	4	5	6	7	8
57	Видерман Елиз. Лазар.	96	15 XI 22 25 IX 24	Смол. отпр. в М. для леч.; освоб.	23 II 23	2 18 III 23		ан
58	Виноградова Татьяна /И/...	..	IX 21	Бр. приг. ВЧК; IV 22 приб. в Холм., где наход. до отпр. в Перт. // 13 XI 23 в Кемь; 4 I 24 осв.	4 I 22	2 15 IV 23		ан
59	Виткуп Лев Абр.	901	6 IX 23	К.	V 24	2 14 VI 24		сд
60	Владимиров Мих. Григ.	99	27 II 23	М.	3 VIII 23	3 13 IX 23		ан
61	Вовков Алексей Вас.	Е.-д. 1 VII 23 вышел из колл.; по оконч. ср. сс. ...	2 XII 22	2 29 XII 22		ср
62	Войт Бруно Карлов.	905	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3 26 VI 24		ср
63	Волкова Мария Ник.	72?	7 IV 23	М.	27 IV 23	3 9 V 23		лср
64	Волченко Арон Ко[пелевич]	900 ? приг. МЧК первонач. к высшей мере; приб. в Холм., где наход. до отпр. в Перт.	14 I 22	5 15 IV 23		ан
65	Волк-Што[цкий] Яков Петр.	91	29?	ср
66	Вольский Влад. Казимирович	76	25 II 22	М.	2 XII 22	3 29 XII 22		мпср
67	Высоцкий [Павел В.] [IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	2 26 VI 24		ср]
68	[Габриэльс Е.И.] 22	М.	23 II 23	3 16 VI 23		ср
69	Гальперин Иосиф Мойс.	903 ?	.. IV? VI? 24? 3? ..	VI? 24?		сд
70	[Ганьшина Елена] [23	Арх.]	[ан]
71	[Гейнбух А.Г.]	...	[21 X 22	Чита	5 I 23]	3 21 II 23		ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
72	[Гельтман А.И.] I 23	3	21 II 23	ср
73	Гельфгот А-др Павл.	87	24 III 21	М.	18 XI 22	3	16 VI 23	ср
74	Ге.....
75	[Геньба] А-др	1	9 VI 23	ан
76	[Герцык Евгения Я.]	902	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	2	26 VI 24	сд
77	Гершевич Мойс Б/ор/.	97	6 VI 23	М.	29? VI 23 24?	3	14 VII 23	сд
78	Гильдебранд Конст. IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	26 VI 24	сд
79	Гиммельфарб Яков Климент.	93? 83?	12 IV 23	Од.	25 XI 23	3	14 XII 23	сд
80	Глебов Влад. Ив.	97	X 21 28 VII 23	Вол. доср. осв.	..	5	1 II 23	ан
81	Гнедов Степ. Ив.	97	6 II 22	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср
82	Годерев Влад. Алекс.	903	15 II 24	П.	30 V 24	3	20 VII 24	лср
83	Головина Лидия Иппол.	903 ?	23 X 23	М.	23 XI 23	2	14 XII 23	лср
84	Голодков Мих. Ив.	82?	VI 22 19? XI 24 в Кемь; по оконч. ср. 24 XI 24 в сс. на Печору на 2 г.	П.	9 XII 22	2	29 XII 22	мпср
85	Голубев Федор Ник.	99	10 IV 24 студ.бесп.	П.	6 VI 24	3	20 VII 24	ан
86	Гольд Гр. Львов.	89	12 IV 23	Од.	26 V 23	2	9 VI 23	ср
87	Горелик Меер Мойс.	97	7 IX 22 19 XII 22 убит	М.	XI 22	3	29 XII 22	ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
88	Горелик Соломон Григ.	901	14 III 23	П.	22 VI 23	2	13 IX 23	сд
89	Готман Лия Исак.	96	[28 III 23 Приг. 2 г. сс.; в лагерь приб. к мужу; 19 V 25 освоб. -6.	Арх.]	21? V 23	2	12 XII 23	ан
90	Грейсер Солом.	900	19 X 22 17 XI 24 в Кемь;	М.	26 V 23	2	28 VII 23	ср
			26 V 25 осв. с прож. в Центр. России искл. М. и П. губ.					
91	Грошев А-др Пав.	94	6 IV 23	М.	27 IV 23	3	9 V 23	лср
92	Губерман Осип Юрьев.	95	9 VI 23	Од.	23 XI 23	3	14 XII 23	сд
93	Губин Ефим Мат.	99	18 X 22	М.	26 I 23	3	21 II 23	ср
94	Гудван А-др Абр.	903	15 X 24	Од.	5 IX 24	3	12 XI 24	лср
95	Гурвич Лев Мир.	903	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
96	Гусев Африкан Алекс.	5 I 23	2	3 V 23	лср
			13 XI 24 в Кемь; по оконч. ср. 18 III 25 в сс. в Зырян. край на 3 г.					
97	Гутанская Галя М....	900 ?	1 X 24	Гом.	22 XI 24	3	24 V 25	сс
			приб. в Кемь 3 I 25					
98	Дерковская Над. Солом.	84	24 VIII 22	Н.-н.	13 VII 23	3	22 X 23	ср
99	Дмитриев Георгий	906 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	26 VI 24	сд
100	Дмитриева Праск. Степ.	901	III 23	Пермь	30 V 23	2	14 VII 23	сд
			ар. в М. XI 22; сс. в Пермь на 2 г. // 13 XI 24 в Кемь.					
101	Добровольская [П]... Павл.	84?	... X 22	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
102	Добровольский Сергей А-др.	87	... X 22	Ирк.	26 V 23	3 28 VII 23		ср
103	Добряков Анат. Мих.	Сорм. 14 VI 24		сд
104	Дороднев Мих. А-др.	93	- IX 22 13 XI 23 в Кемь; 5 I 24 освоб.	Тула	5 I 23	1 21 II 23		сд
105	Дрейзен Юлиан	92	1 V 23 ар. VII 21; II 22 сс. Вятку на 2? г. // 26 V 23 сс. Чердынь на 2 г. // лагерь приб. позже к жене // 13 XI 24 в Кемь.	Вят.	26 V 23	2 14 VI 24		сд
106	Дубинский И... [П]...	76	9 III 23 25 VII 24 в М. для леч.; III 25 доср. осв. по бол.	...	14 V 23	3 1 VII 23		ср
107	Дун [Фавий Ю]... 12 XI 24		сд
108	Дюжакова Екат. А-др.	86	13 III 23	М.	13 IV 23	3 3 V 23		сд
109	Егоров-Лызлов Мих. Сем.	89	6 VI 23 23 ... [псих.] бол., в М. для леч.; доср. осв.	М.	29 VI 23	2 28 VIII 23		сд
110	Евдокимов Никита Егор.	94	26 X 22	Хаб.	20 IV 23	3 28 VII 23		ср
111	Ельник Вл. Исаев.	89	11 IV 23	К.	14 IX 23	2 11 XI 23		сд
112	Еремин Пав. Ник.	99	21 X 22	Чита	5 I 23	3 21 II 23		ср
113	Ерухимович Шолом Израэл.	92	24 X 23	М.	..	3 14 XII 23		лср
114	Жданов Ант. Павл.	86	25 III 23?	Н.-н.	12 VI 23	2 1 IX 23		сд
115	Жмудь Давид Абр.	99	13 III 23	М.	20 IV 23	3 9 VI 23		сд
116	Завадовский Бор. Мих.	..	3 XI 23	П.	16 V 24	3 14 VI 24		сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
117	Загорский Конст. Конст.	91	- VII 22	М.	- 22	3 29 XII 22		ср
118	Зайчик Гр. Ром.	89	10 X 22	Х.	23 III 23	2 3 V 23		сд
119	Заммель Мих. Густав.	900	4 VII 23	Сол.	27 VI? 23	3 12 XII 23		сд
					VII?			
120	Замятин Ник. А-др.	900	30 I 24	Вят.	22? II 24	3 20 VII 24		ср
			ар. в М.; сс. в Вятку на 2 г.					
121	Зарин Ал-ей Мих.	92	21 X 22	В.-у.	20 IV 23	3 28 VII 23		ср
			25 V? 24 в М. для леч.					
122	Зарохович Лев Михайл.	87	X 22	М.	5 I 23	1 21 II 23		сд
			13? XI 23 в Кемь; осв. под наздор					
123	Зауэрбрай Елена Васил.	97	VII 22	М.	25 XI 22	2 - II 23		ср
			9 XI 24 в М. в ГПУ; отпр. Рыбинск под наздор с запр. прож. в губ. гор.					
124	Захаров Филипп Гавр.	-.	-.	М.	24 IV 23	2 16 VI 23		сд
			13 XI 24 в Кемь; 10 V 25 в сс. в расп. Сиб. Уполн. [ОГПУ]					
125	Зелигер Ник. Гр.	904	12 IV 23	Од.	23 XI 23	2 14 VI 24		сд
126	Зельбст Фаня Захар.	90	14 III 23	М.	16 V 23	2 9 VI 23		сд
			13 XI 24 в Кемь; 24 V 25 сс. в Ср. Упонь на 3 г.					
127	Зимин А-др Ник.	903	6 IX 23	К.	9 XI 23	3 26 XI 23		сд
128	Золотарев Зельман Ильич	77	12 IV 23	Од.	23 XI 23	3 14 XII 23		сд
129	Зосимович Леонид Андр.	84	10 IV 24	П.	18 VII 24	3 17 VIII 24		сд
130	Иваницкий А-др Ал-сей.	85	2 VIII 21	М.?	18 XI 22	3 16 VI 23		ср
131	Иванов Бор. Сер.	90	7 XII 20	Х.	18 XI 22	3 29 XII 22		ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
132	Иванов Ив. Ив.	-.	30 II 21	М.	10 IV 23	5 9 VI 23	лср	
			29 IX 22				вооруж. попытка к побегу из Лефорт. тюр.; приг. М. губ. суда [с] зачет. пред. з[акл].	
133	Илясов Исидор Ефим.	73	6 IX 23	М.	28 IX 23	3 11 XI 23	ср	
134	Извекова Екатер.	95	- XII 24	Сев.	14 I 25	3 24 V 25	ан	
			приб. в Кемь 20? II 25					
135	Изгодин Юрий Вл.	905	27 II 23	М.	30 III 23	3 15 IV 23	ан	
136	Изгодина Наталья Ник.	905	27 II 23	М.	30 III 23	3 15 IV 23	ан	
137	Ионова Людм. /Всев./	-.	10 IV 24	П.	16 V 24	3 26 VI 24	ср	
			студ.бесп.					
138	Иоффе Георг.	905	10 IV 24	П.	16 V 24	3 10 VI 24	сд	
			студ.бесп.					
139	Ицелис Гр. Изр.	89	12 IV 23	Од.	23 XI 23	2 14 XII 23	сд	
140	Ицкович Давид /Н/...	93	23 VII 24	Х.	10 X 24	3 12 XI 24	сд	
141	Казakov Борис Конст.	96	[10] IV 24	П.	16 V 24	3 20 VII 24	ср	
142	Каневский Всев. А-др.	903	10 IV 24	П.	16 V 24	3 26 VI 24	ср	
			студ.бесп.				вышел из колл. и переведен 2 I 25 в с.Кондаурово	
143	Канель А-др Мо...	903	6 IX 23	К.	6 V 24	3 10 VI 24	сд	
144	Кампанец Марк Самойл.	94	6 IX 23	К.	9 XI 23	3 26 XI 23	сд	
145	Касаткин Леонид Леонид.	95	21 X 22	Чита	5 I 23	3 21 II 23	ср	
146	Катазаров -.	-.	-.	М.	-.	2 16 VI 23	сд	
			10 VIII 23				вышел из колл.	

№	1	2	3	4	5	6	7	8
147	Катасонова Натал. Иван.	-. 13 XI 24	- VIII 22 в Кемь; 10 V 25	Тамб. в Зарян. край 23	2 15 IV 23		бп
148	Кац Семен Сем.	86	7 VII 24	П.	13 VIII 24	3 26 VIII 24		сд
149	Качоровский Бор. Карл.	99	16 IX 23	М.	12 X 23	3 14 XII 23		сд
150	Качоровский [Георг. Триф.]	90?	16? XI? 22 19 XII 23	М. убит	... XI 22	3 29 XII 22		ср
151	Ке[врик] Вера Ев...	93?	- IX? 22 IV? 17 XI 24	Смол. в Кемь; 5 III 25	23 II 23	2 18 III 23		ан
152	Кейлис [О.Я.]	...	[12 IV 23	Од.	23 XI 23	2 14 XII 23		сд]
153	Ке[рбунов Н.] XII 24	...	13? III? 23	3 20 VIII 23		ан
154	Керопьян [Леонид К.] [29 XII 22		ср]
155	[Клейман?] /Конс. Конс./ XI 23	2 14 XII 23		ан
156	К.... /Степ./	96	8 VIII 23	Тулун Ирк.г.	23 XI 23	2 24		ср
157	Кинэ Мар. Герм.	95	7 X 22	Ирк. приг сс. на Печору на 3 г.	26 V 23	3 28 VII 23		ср
158	Коган Лидия Евсеев.	902	4 VII 23	Арх. 26 II 23 ар. в М.; 27 IV 23 ср. сс. 3 г. // X 24 отпр. в Арх. для оконч. ср. сс.	7 IX 23	1 29 IX 23		сд
159	Кокин Ал-ей Кирил.	81	- X 22	М.	26 ... 23	3 14 VII 23		сд
160	Кокоулин Фед. Фед.	99	30 IV 24	Иж.	8 VIII 24	3 12 XI 24		срм
161	Колмаков Анат. Кирьяк.	95	V 24	У.-Ц. ар. в Харьк. 9 V 23; сс. на Печору 26 V 23	11 VII 24	2 22 VIII 24		сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
162	Колодкин Павел	-.	3 XI 23	П.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
163	Кон Герм. Вениам.	89	12 IV 23	Од.	23 XI 23	3	14 XII 23	сд
164	Кондратенко Егор Никит.	84	27 III 23	М.	-.	3	9 VI 23	ср
165	Кондратьев Мих. Павл.	97	27 VIII 22 28 X 23 осв. под наздор на 2 г.	Вор.	28 X 22	2	1 II 23	ср
166	Коногов Вас. Мойс.	92	21 X 22	В.-у.	5 I 23	3	21 II 23	ср
167	Кононенко Мих. Семен.	-.	-.	Х.	3 VIII 23	3	13 IX 23	сд
168	Константиновский Ал-др. Мих.	903	10 VI 23	М.	29 VI 23	2	14 VII 23	сд
169	Конторович Эмиль Ильич	903	25? V? 23 IV?	Х.	3 VIII 23	3	13 IX 23	сд
170	Копилиович Мойс. Конст.	97	5 IV 24	Р.н/Д	23 V 24	3	20 VII 24	сд
171	Корелиц Саул Бор.	-.	11 X 22	Х.	IV 23	3	9 VI 23	сд
172	Корнеенко Иннок. Ефрем.	95	23 VII 24	В.-в.	31 X 24	3	26 XI 24	ср
173	Коробков Викт. Мих.	85	23 IV 23	М.	8 VI 23	3	1 VII 23	сд
174	Коротнев Игорь Ал-др.	903	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	26 VI 24	ср
175	Косицкая Сарра Наум.	905	29 VIII 24 приб. в Кемь 3 I 25	Гом.	22 XI 24	3	24 V 25	сс
176	Косов Вас. Филипп.	97	12 I 24	Р.н/Д.	24 IV 24	3	24 V 24	ан
177	Котов Пав. Ив.	95	27 I 23	Ор.	27? III 23 29?	3	15 IV 23	ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
178	Котова Елиз. Ив.	900	14 VI 22 19 XII 23	М. убита	25 XI 22	2	1 II 23	ср
179	Кохно Надеж. Влад.	82	3 XI 23	П.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
180	Кранихфельд Андр. Серг.	902	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
181	Красавчиков Фед. Арт.	99	12 XI 21	М.	14 I 22	5	15 IV 23	ан
								приг. ВЧК первонач. к высшей мере; IV 22 приб. в Холм., затем отпр. в Перт.
182	Красовский Влад.	-.	-.	-.	-.	-.	15 IV 23	ан
								17 VI 23 «бежал» из Перт.
183	Кривчик Петр Иов.	95	23 IV 23	Ставр. губ.	1 XI 23	3	12 XII 23	ср
184	Кричевский Ал-др Григ.	92	- II 23	П.	-.	3	28 VII 23	ср
185	Крумин Петр Генрих.	-.	-.	Вор.	-.	1	IV 23	сд
								13 XI 24 в Кемь; IV 23 осв.
186	Кручинин Пав. Георг.	-.	16 II 24	П.	30 V 24	3	20 VII 24	лср
								студ.бесп.
187	Крылова Мария Конст.	87	10 III 24	М.	13 V 24	3	14 VI 24	сд
188	Крюков Петр Аким.	91	30 VI 22	М.	26 XI 22	2	29 XII 22	ср
								10 II 23 в Арх. для леч.; 16 V 24 из Арх.; VII 24 в М. для леч.; 25 XI 24 осв. под надзор на родину на 2 г.
189	Кузнецов Фед. Павл.	900	16 III 23	Твер. губ.	13 VII 23	3	20 VIII 23	ан
190	Кунин Изр. Як.	85	13 IV 23	Од.	23 XI 23	3	14 XII 23	сд
191	Купреянова Ксен. Серг.	903	3 XI 22	П.	14 V 23	3	9 VI 23	сд
192	Курганская Полина Арн.	95	21 VIII 21	М.	14 I 22	5	24 IV 23	ан
								Приг. МЧК первонач. к высшей мере; с VI 22 Холм. до отпр. в Перт.

№	1	2	3	4	5	6	7	8
193	Кушин Ив. А-др.	89	9 VI 23	М.	29 VI 23	3	28 VII 23	сд
194	Кушина Людм. А-др.	902	9 VI 23	М.	29 VI 23	2	28 VII 23	сд
195	Лазарева Вера Ильин.	98	26 II 23	М.	13 IV 23	3	28 VII 23	сд
196	Ланде Мойс. Сам.	97	13 X 22	М.	18 XI 22	3	29 XII 22	ср
197	Ланде Тат. Мих.	97	26 V 22	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср
198	Лебедев Леонид Яковл.	900	27 II 23 19 XII 23	М. ранен //	30 III 23 17 XI? 24	2	15 IV 23 в Кемь; 10 V 25	ан сс. на 3 г. в Сибирь
199	Левин Анат. А-др.	96	14 III 23 13 XI 24	М.	16 V 23	2	9 VI 23 в Кемь; 24 V 25	сд сс. на 3 г. в Сибирь
200	Леонтьева Мария Климент.	34 лет	10 X 22	Од.	30 III 23	2	28 VII 23	ср
			IX 23 осв. // X 23 вновь ар. в М.; 26 XI 23 из М. // 17 XI 24 в Кемь; 10 V 25 сс. на 3 г. Ср. Аз.					
201	Лисютин Вас.	901	20 II 23 13 XI 23	М.	5 IV 23	1?	28 VII 23	сд
			в Кемь; освоб.					
202	Лихтенбаум Мих. Давид.	98	23 X 23	М.	23 XI 23	3	26 X 24	лср
203	Лобе Артур Ив.	902	4 X 24 19 I 25	П.	2 I 25	3	24 V 25	ан
			в Кемь					
204	Лобыцин Петр Конст.	900	21 X 22	Чита	5 I 23	3	21 II 23	ср
205	Лурье Роза Ефим.	-.	14 III 23	М.	-.	3	28 VII 23	сд
206	Любимов А-др Ив.	904	15 II 24	Новг.	30 V 24	3	20 VII 24	лср
207	Любимов Сем. Мих.	93	9 III 24	Х.	23 V 24	3	14 VI 24	сд
208	Люлькова Бася Адольф.	97	10 VII 24 в Кемь 31 I 25	Вин.	12 XII 24	3	24 V 25	сс

№	1	2	3	4	5	6	7	8
209	Лютович Екатер. А-ев.	900	4 IX 22	М.	2 XII 22	3 29 XII 22	ан	5 VII 23 в Арх. для леч.; 5 VIII 23 из Арх.; 28 VI 24 в М. для леч.; 24 V 25 из М.; в Кемь 21 XII 24
210	Макаров Фед. Ив.	903	3 V 23	Влад.	24 VIII 23	2 13 IX 23	толст.	губ.
211	Максимов А-ей Вас.	903	10 IV 24	П.	6 VI 24	3 20 VII 24	ан	студ.бесп.
212	Малиновский Вл. Серг.	98	23 XII 22	Томск	8 VI 23	2 1 IX 23	ср	
213	Малкин А-ей Як.	86	7 V 23	М.	8 VI 23	3 1 VII 23	сд	
214	Малкин Генр. /Семен./	75	3 VIII 23	-.	7 IX 23	2 11 XI 23	сд	3 VII 22 ар. в М.; 3 VIII 22 сс. Усолье на 1 г. // 25 IX 24 М. для леч.
215	Малкова Гинда Борух.	900	1 IX 24	Гом.	22 XI 24	3 24 V 25	сс	в Кемь 3 I 25
216	Мамай Ив. Ив.	-.	-.	-.	-.	-.	9 VI 23	ан IX 23 вышел из колл.; написал письмо; отпр. сс. Ми- нусинск
217	Маркман Елена Львовна	97	X 23	П.	-.	3 [14 XII 23]	лср	28 VI 24 в М. для леч.; VII 24 осв. ...
218	Марцинкевич Вера А-др.	-.	- 21	Р.н/Д.	- XI 22	3 29 XII 22	лср	II 23 в Арх. для леч.; V 24 в М. для леч.; 3 I 25 в Кемь; 20 I 25 переведена на угол. реж.; 8 IV 25 умерла
219	Массовер Марк Соломон.	902	11 IV 23	К.	14 IX 24	2 11 XI 23	сд	
220	Маурин Ник. Ив.	82	VIII 22	Тамб.	28 X 22	2 29 XII 22	ср	28 X 24 осв. под надзор на 2 г.
221	Махов Вас. Дмит.	89	17 VIII 21	М.	14 I 22	5 15 IV 23	ан	Приг. ВЧК первонач. к высшей мере; IV 22 приб. в Холм. до отпр. в Перт.
222	Маш Ной Петр.	89	12 IV 23	Од.	23 XI 23	2 14 XII 23	сд	

№	1	2	3	4	5	6	7	8
223	Машинин -. .	-. .	1 X 21 28 VII 23	Вол. доср. осв.	-. .	5 1 II 23		ан
224	Медведев А-др Семен.	-. .	21 X 22	Чита	5 I 23	3 21 II 23		ср
225	Мееров А-др Сем.	-. .	-. .	Вол.	-. .	3 11 XI 23		сд
226	Мелик-Карамян	-. .	-. .	-. .	-. .	28 VII 23		дашн.
			X 23	доср. осв.				
227	Мельников Ник. Андр.	92	1 X 22 28 VII 23	Вол. доср. осв.	-. .	5 1 II 23		ан
228	Ме[ньшин]ов Илья Иннокент.	89	21 X 22	В.-у.	5 I 23	3 21 II 23		ср
229	Мерхалев Вл. Ник.	91	2 VII 21	Ирк.	18 XI 22	3 28 VII 23		ср
230	Мерхалев Дм. Ник.	88	12 V 22	Н.-н.	23 II 23	3 16 VI 23		ср
231	Минаев Григ. Ил.	-. .	-. .	-. .	-. .	9 VI 23		ан
			IX 23	вышел из колл.; дал письмо; отпр. сс.				
232	Миронова Анна Никиф.	97	1 23 25 VII 24	П. осв. с запр. прож. М., П., Вор. и Тамб. губ.	23 VI 23	1 9 VI 23		сд
233	Митропольский Абр. Исаев.	78	6 VI 23	Од.	-. .	3 26 XI 23		ср
234	Михайлов А-др Ром.	84	23 I 23	Х.	13 IV 23	3 9 VI 23		ср
235	Модин Серг. Ив.	902	3 X 23	Сорм.	22 XI 23	3 14 XII 23		ан
236	Муранова Праск. Григ.	96	3 V 22	Омск	27 VII 23	3 22 IX 23		ср
237	Мухин Ник. Леонт.	81	9 III 23	М.	26 V 23	3 9 VI 23		ср
238	Надежин Герм. Ник.	79	7 X 22	Ирк.	26 V 23	3 28 VII 23		ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
239	Назаров Вл.Ив.	93	7 II 22	М.	4 VII 24	3 20 VII? 24		мпр
240	Неймарк Валент. Людвиг.	М.	..	3 16 VI 23		сд
241	Нестроев Гр. Абр.	77	16 X 24	М.	14 XI 24	3 8 XII 24		срм
242	Нестроева-Ципина Софья Адольф.	79	16 X 24	М.	14 XI 24	3 8 XII 24		срм
243	Николаев Герман А-др.	..	5 IX 21	М.	23 II 23	3 16 VI 23		ср
244	Ойслендер Исак Евсеев.	902	4 XI 22	П.	14 V 23	3 9 VI 23		сд
245	Олицкая Ек. Львов.	98	19 V 24 студ.бесп.	М.	13 VI 24	3 20 VII 24		ср
246	Олонецкий Ал-ей А-сеев.	93	14 XI 23	П.	21 II 24	3 4 VIII 24		ан
247	Опескина Мина Герм.	903	12 IV 23	Од.	23 XI 23	2 14 XII 23		сд
248	Орлова Антонина	..	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3 10 VI 24		сд
249	Осидзе Акакий Юлиан.	94	9 IX 22	Сух.	28 XI 23	5 14 XII 23		сд
250	Оссовский Вл. Адам.	94	3 VII 22 13 XI 24 в Кемь; 18 III 25 сс. на Печору	М.	23 II 23	2 18 III 23		сд
251	Павлов Вл. Степ.	98	10 IV 24 студ.бесп.	П.	6 VI 24	3 20 VII 24		ан
252	Павлоцкая Анна Леонт.	98	12 IV 23 приг. сс.; лагерь [приб.] к мужу	Од.	13 VI 23	3 26 X 24		ср
253	Павлоцкий Мойс. Леонт.	89	12 IV 23	Од.	16 VI 23	3 1 VII 23		ср
254	Панов Серг. Гр.	96	6 IV 23	П.	27 IV 23	3 9 V 23		лср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
255	Панфилов Фед. Флегонт.	88	18 III 22	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср
256	Патрушев Дмит. Гавр.	77	21 X 22	Чита	5 I 23	3	21 II 23	ср
257	Пекарская Мария Як.	99	7 IX 23	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
258	Петренко Ек. Леон.	87	7 VII 24	П.	5 VIII 24	3	26 VIII 24	сд
259	Петренко Петр Сем.	81	7 VII 24	П.	5 VIII 24	3	26 VIII 24	сд
260	Петровский-Кофман Натан Вен.	97	12 I 24	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
261	Подбельский Юрий Ник.	86	28 IX 22	К.	23 II 23	3	1 VII 23	ср
262	Полетика Ел. Конст.	96	26 V 22 13 XI 24 в Кемь; 18 III 25 сс. [Кир.] республ.	М.	23 II 23	2	16 VI 23	ср
263	Полозова Там. Арсен.	98	28 VI 23	Арх.	7 IX 23	3	29 IX 23	ан
264	Попляк Лев Файвел.	-.	-.	М.	- VI 23	2	1 VII 23	сд
265	Попов Андр. Ив.	88	7 XII 22	М.	-.	3	16 VI 23	лср
266	Попов Всев. Ив.	97	27 VIII 22 19 XII 23 ранен; 4 I 24 умер от ран	Вор.	28 X 22	2	1 II 23	ср
267	Попов Ив. Конст.	93	21 X 22	В.-у.	5 I 23	3	21 II 23	ср
268	Попов Серг. Мих.	-.	12 IV 23	Од.	16 VI 23	2	1 VII 23	ср
269	Постников Вас.	95	VIII 24 приб. в Кемь 17? I 25	Е.-с.	23 XII 24	3	24 V 25	ан
270	Предит Евгр. Ив.	84	1? X 22	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
271	Примак Ив. Юлиан.	90	12 V 23 26 X 24 в М. для леч.	Х.	24 VIII 23	3	20 VII 24	ср
272	Прокопьев Конст. Мих.	-. 25 VII 24 в М. для леч.	-. 25 VII 24 в М. для леч.	-. 25 VII 24 в М. для леч.	-. 25 VII 24 в М. для леч.	3	3 V 23	ср
273	Пузырев Серг. Егор.	80	24 VIII 22	Н.-н.	13 VII 23	3	22 X 23	ср
274	Рабинович А-др Мойс.	-. 10 IV 24 студ.бесп.	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	10 VI 24	сд
275	Рабинович Мария Яковлев.	900	8 VII 24	М.	3 X 24	3	26 XI 24	сд
276	Рабинович Юрий	-. 14 VI 24	-. 14 VI 24	-. 14 VI 24	-. 14 VI 24	-. 14 VI 24	14 VI 24	сд
277	Рабкина Мина Марк.	87	12 VI 23	Бр.	12 X 23	3	14 XII 23	сд
278	Равикович Исак Бенцион.	902	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
279	Радин Вл. Евг.	903	1 IX 22	М.	9 III 23	3	15 IV 23	ср
280	Радионов Тимоф. Серг.	904	4 VII 24	Р.н/Д.	5 IX 24	2	26 X 24	ан
281	Раздобедин Тихон Федосеев.	900	13 III 23 приг. коллегии ОГПУ	Н.-х.	31 X 23	10	24 V 24	лср
282	Раппипорт Исидор Самойл.	900	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
283	Раснер Саул Мойс.	91	29 X 21	Ирк.	26 V 23	3	28 VII 23	ср
284	Ратновская Вера Иван.	95	10 IV 24	Псков	18 VII 24	3	17 VIII 24	сд
285	Рашковский Ив.Гр.	92	14 III 23	М.	16 V 23	3	9 VI 23	сд
286	Рогалис Мих. Осип.	83	25 III 23	Н.-н.	22 VI 23	2	1 IX 23	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
287	Розен Исак Абр.	96	25 IV 23 13 XI 24	М. в Кемь;	11 V 23 24 V 25	2	9 VI 23	сд
288	Розова Анна Сем.	902	28 II 23	М.	28 VI 23	2	14 VII 23	ан
289	Романова Татьяна	-.	-. 17 VI 23	М. «бежала» из	-.	2	15 IV 23	ан
290	Ротовский Отто Оттович	902	25 V 24	Юзово	5 IX 24	3	21 XI 24	ан
291	Рубинштейн Влад. Осип.	904	14 III 23	М.	13 IV 23	3	9 VI 23	сд
292	Рубинштейн Юлий Гирш.	901	23 VII 24	Е.-с.	10 X 24	3	12 XI 24	сд
293	Рубинштейн Як. Леонт.	96	21 X 22	Чита	5 I 23	3	21 II 23	ср
294	Рувимский Самуил Аронов.	905	- XII 24 Приб. в Кемь	Сев. 13 II 25	14 I 25	3	24 V 25	ан
295	Рудаков Пантелейм. А-др.	94	20 I 23	Х.	13 IV 23	3	9 VI 23	ср
296	Рюмин А-др Ник.	94	7 II 21	М.	25 XI 22	3	29 XII 22	ср
297	Рябинин Ник. А-др.	91	9 IV 23	Благ.	21 IX 23	3	26 VI 24	лср
298	Сальников Вл. Вульфович	901	6 IX 23	К.	9 XI 23	3	26 XI 23	сд
299	Самарин Ал-др Ив.	-.	1 IV 23	К.	14 IX 23	2	11 XI 23	сд
300	Самохвалов Мих. Дав.	93	23 IV 23	М.	24 IV 23	3	9 V 23	лср
301	Сандомир -.	900	21 X 22 20 X 23	Чита покончил самоубийством	26? V? 23	2	28? VII 23	ср
302	Сандомирская Мария Ульян.	98	3 XI 23	П.	16 V 24	3	14 VI 24	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
303	Сапир Бор. Мойс.	902	11 I 23 10 V 25 сс. на 3 г. на Урал	М.	23 III 23	2	15 IV 23	сд
304	Сарианаки Валент. Федор.	..	20 I 23 в лагерь к мужу взамен сс.	Тунка Ирк.губ.	26 V 23	3	28 VII 23	ср
305	Сафонов Вас. Ант.	83	[14] XII 23	сд
306	Сахаров А-др	903	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	26 VI 24	сд
307	Свежевский	..	- IV 24	П.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
308	Свирская Мина Льв.	900	24 II	ср
309	Севастьянов Ив. Васил.	79	25 VIII 22	Н.-н.	10? VII 23	3	22 X 23	ср
310	Седов Ив. Ал.	86	1 X 21 28 VII 23 допр. осв.	Вол.	..	5	1 II 23	ан
311	Селенкин Мих.	[903	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	VI 24	сд]
312 /Дав./	/ср/
313	Се[мятицкая] Рахиль Хаим.	97?	23 X 23	/М./	30? XI 23	3?	14 XII 23	лср
314	Сендер[ихин Х.О.]	...	[12 IV 23	Од.	23 XI 23	2	14 XII 23	сд]
315	[Серчук И.А.]	[Од.	23 XI 23	2	14 XII 23	сд]
316	[Сизых] Клав[дия] Порф.	90?	Ставр. губ.	/ср/
317	[Силаев Вас.] XI 21 приг. ВЧК; IV 22 приб. в Холм., отпр. в Перт. // 13 X 23 в Кемь; 4 I 24 осв.	Бр.	4 I 22	2	15 IV 23	ан
318	[Скворцов П.]	[лср]
319	С[кегин З]... Мойс.	3	28 VII 23	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
320	Скрипниченко Пав. Вас.	91	12 IV 23	Од.	26 V 23	3	9 VI 23	ср
321	Смирнов Пантел.		-. VII 23 вышел из колл.	-. -	-. -	3	IV 23	ан
322	Снисаренко	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	10 VI 24	сд
323	Соколов -. .	-. .	- X 21	Вол.	17 I 22	2	15 IV 23 [ан]	
			Приг. 2 г. (. /3 по амн.); с IV 22 Холм., до отпр. в Петроминск // 7 V 23 освоб.					
324	Соловьева Соф. Гавр.	-. .	- VIII 22	Тамб. губ.	9 III 23	2	15 IV 23	бп
			12? XI 24 в Кемь; 10 V 25 сс. в Зырян. край 3 г.					
325	Спивак Бор. Ильич	94	25 IV 23	М.	11 V 23	2	9 VI 23	сд
			13 XI 24 в Кемь; 24 V 25 сс. Сибирь					
326	Спирidonов Никол. Андр.	78	24 VI 24	Р.н/Д.	10 X 24	3	12 XI 24	сд
327	Староста Бенцион Ю....	900	1 IX 24 в Кемь 18 I 25	Гом.	22 XI 24	3	24 V 25	сс
328	Степная Дора Мойс.	97	15 XI 22?	Смол.	23 II 23	3	18 III 23	ан
329	Струнская Надежда Григ.	98	19 II 23	М.	16 V 23	2	19 VI 23	сд
			13 XI 24 в Кемь; 24 V 25 сс. Урал 3 г.					
330	Студенецкий Серг. А-др.	82?	30 I 24	Вят.	22 II 24	3	20 VII 24	ср
			II 21 ар. в М.; VIII 22 сс. Вятку на 2 г.					
331	Сысоева Ек. Петр.	901	10 IV 24	Псков	16? VII 24	3	17 VIII 24	сд
332	Табалин Ив. Як.	99	15 II 24	Новг.	30 V 24	3	20 VII 24	срмк
333	Тавровский Лев Наум.	96	7 XII 23	П.	13 VI 24	3	20 VII 24	ср
334	Тарабукин Степ. Кузьм.	78	21 IX 22	Н.-н.	13 VII 23	3	22 X 23	ср

№	1	2	3	4	5	6	7	8
335	Тарасов Бор. Фавстов.	72	21 X 22	Чита	5 I 23	3	21 II 23	ср
336	Тарасюк -.	-.	-.	-.	4 I 22	2	15 IV 23	ан
					Ср. по приг. ВЧК (./3 амн.); IV 22 в Холм. до отпр. Перт. // IV 23 освоб.			
337	Тарловский Герасим Осип.	97	28 IX 22	М.	29? I 23	3	21 II 23	ан
					24?			
338	Тер-Вартанян [Б]...	-.	-.	-.	-.	-.	-.	даши
			X 23 допр. осв.					
339	Терегулов Осман Нигмантул.	98	- II 22	Хива	- XII 22	3	29 XII 22	бп
			Приг. [с] зачет. пред. з[акл]. // 13 XI 24 в Кемь; 23 XII 24 сс. Мценск на 2 г.					
340	Тимковский Вл.Ив.	80?	19? IV 23	Благ.	21 IX 23	2	26 VI 24	ан
341	Толпарова Зин. Ив.	-.	24 IV 23	М.	16 V 23	3	9 VI 23	сд
342	Трахтенберг Беньям. Самойл.	76	5 V 23	К.	1 X 23	2	11 XI 23	сд
343	Трахтенберг Давид Беньям.	904	5 V 23	К.	1 X 23	2	11 XI 23	сд
344	Трейгер Ник. Ив.	903?	1 I 23	Сем.	4 II 23	5	IV 23	сд
			30 IV 22 ар. в Одессе, сс. за пред. Укр. // VII 22 ар. П.; приг. Рев. Триб.; сс. Семипал. 1 г.					
345	Трофимова Вал. Вас.	81	V 22	М.	25 XI 22	3	21 II 23	ср
			5 VII 23 в Арх. для леч.; 5 VIII 23 из Арх.; 6 XII 23 в М. для леч.					
346	Троянский Сем. Фед.	96	11? VII 23	Х.	14 IX 23	3	11 XI 23	сд
347	Тугарин Петр Арк.	83	28 II 22	М.	25 XI 22	3	29 XII 22	мпср
348	Тугова Анна Ив.	98?	15 I 23	М.	20 IV 23	3	3 V 23	ср
349	Турусов Ив. Як.	84	28 VII 24	Р.н/Д.	14 XI 24	3	30 XI 24	ср
350	Тюнина Мар. А-ев.	96	14 III 23	М.	16 V 23	2	9 VI 23	сд
			13 XI 24 в Кемь; 23 V 25 осв.					

№	1	2	3	4	5	6	7	8
351	Удалов Мих. А-ев.	-. -	VII 22	Тверь	5 I 23	3	21 II 23	ср
352	Улитская Ася Абр.	-. -	13 XI 23 в Кемь; осв.	-. -	-. -	1	9 VI 23	ан
353	Уфлянд Лев Менд.	903?	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	10 VI 24	сд
354	Фаерман Тауба Захар.	902	10 VII 24 Кемь приб. 31 I 25	Вин.	12 XII 24	3	24 V 25	сс
355	Файнберг Ел. Абр.	86? 89?	7 X 22	Ирк.	26 V 23	3	22 IX 23	ср
			лагерь приб. [из] сс. к мужу					
356	Фалин Ив.Вас.	94	23 XII 23	М.	15 II 24	3	20 VIII 24	лср
357	Федодеев А-др Вас.	99	19 I 23	М.	20 IV 23	3	3 V 23	ср
358	Фельдман Мойс. Солом.	84	9 VI 23	П.	24 VIII 23	3	13 IX 23	ср
359	Филатов Еф.Сем.	901	6 IV 23	М.	27 IV 23	3	9 V 23	лср
360	Филиппов Вас. Гр.	900	21 X 22	Чита	5 I 23	3	21 II 23	ср
361	Филипповский Вас. Ник.	89	8 XI 21	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср
362	Финкельштейн Наум Арон.	902	12 I 24	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
363	Фишман Абр.Гр.	900	4 XI 22	П.	11 V 23	3	9 VI 23	сд
364	Флегонтов Ант. Мат.	89	21 X 22 25 VII 24 М. для леч.;	Чита	5 I 23	3	21 II 23 1 XII 24 из М.	ср
365	Флейшмахер Ушер Юдов.	96	12 IV 23 25 IX 24 в М. для леч.	Од.	23 XI 23	2	14 XII [23]	сд
366	Фрегер Иуд.Сим.	902	11 IV 23	К.	14 IX 23	2	11 XI 23	сд
367	Фрид Фавий Як.	905	10 IV 24 студ.бесп.	П.	16 V 24	3	26 VI 24	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
368	Фролов Вас.Емел.	90	3 XI 22	М.	20 VII 23	3 5 VIII 23		сд
369	Фурман Абр.Сол.	901	29 X 22	Ирк.	26 V 23	2 28 VII 23		ср
370	Хахаготьян Карапет ...	901	10 III 23	Тифл.	18 VII 24	3 12 XI 24		дашн
371	Хаймович /Юл/ Наум.	88	11 VII 23 25 VII 24 в М. для леч.	Х.	7 IX 23	3 8 X 23		сд
372	Ханданов Гегам Ефрем.	99	10 IV 24 студ.бесп. вышел из колл.	П.	16 V 24	2 10 VI 24		ср
373	Ханзадян Артем	-.	-. X 23 допр. осв.	-.	-.	-.	-.	дашн
374	Харахинов Фед. Харох.	97	29 IX 22 25 IX 24 в М. для леч.	Енис. губ.	26 V 23	3 28 VII 23		ср
375	Хейман Сам.Еф.	90	13 I 24	К.	16 V 24	3 14 VI 24		сд
376	Хоммер Серафим Давид.	902	7 X 22 17 XI 24 в Кемь; осв. с прож. Центр. Росс. искл. М. и П. губ.	Ирк.	26 V 23	2 28 VII 23		ср
377	Хорошин Марк Эмман.	902	12 I 24	К.	16 V 24	3 14 VI 24		сд
378	Цейтлин Мих.Сол.	-.	20 VI 20	М.	18 XI 22	3 16 VI 23		ср
379	Цейтлин Сем. Солом.	88	30 IV 23 13 XI 24 в Кемь; 24 V 25 сс. Сибирь на 3 г.	М.	11 V 23	2 9 VI 23		сд
380	Цейтлина Дарья Солом.	-.	VIII 24 Приг. сс.; в лагерь приб. к мужу	М.	VIII 24	5 5 IX 24		сд
381	Цейтлин Меер Дав.	97	23 III 24 3 V 23 ар. в М.; VII 23 сс. Нарым; 21 III 24 бежал из сс.	Томск	15 V 24	3 10 VI 24		сд
382	Цукерман Мойс. Абр.	98	21 X 22	М.	2 XII 22	3 29 XII 22		ан

№	1	2	3	4	5	6	7	8
383	Чайко Сем.Петр.	900	28 VIII 23	М.	12 X 23	3 14 XII 23		сд
384	Чарин Ив. А-др.	902	18 XII 22	М.	5 I 23	2 1 II 23		ан 25 XI 20 ар. в Харьк.; XI 22 осв. для выезда за границу // 18 XII 22 ар. в М. // 5 IV 23 в Арх. [из Перт.] для леч.; 29 VI 23 бежал из Арх. лаг.; 7 VII 23 ар. в Арх.; 7 IX 23 новый приг. 3 г.; 29 IX 23 из Арх. [на Соловки]
385	Чекмасова Ел.Мих.	95	17 VIII 21	М.	14 I 22	5 28 II 23		ан Срок 5 лет (./3 амн.); приг. МЧК первонач. к высшей мере // 20 IV 22 в Холм. до отпр. Пертом. // 1 XI 24 в Кемь; 25 V 25 освоб. с запр. 6 пункт
386	Четкин А-ей Ив.	94	12 X 22	М.	15 XII 22 ...	21 II 23		ср
387	[Шакс] Сем.Самойл.	94?	13? II 23	К.	14 IX 23	2 11 XI 23		сд
388	Шапиро Илья [Исаев.]	93?	16 VIII 21	М.	14 I 22	2 24 IV 23		ан Приг. МЧК; IV 22 приб. в Холм. до [отпр.] в Пертом. // 13 XI [23 в Кемь; 10 I 24 осв.]
389	[Шапиро Рахиль Давыд.]	...	[16 VIII 21	М.	14 I 22	2 24 IV 23		ан Приг. МЧК; IV 22 приб. в Холм. до отпр. в Перт. // 13 XI 23] в Кемь; 10 I 24 освоб.
390	Шапиро Сам.Бенц.	/Од./	[14 XII 23	сд]
391	Ш.....ов	-.	-.	Од.	2?
392	[Шейнман Зорах Солом.]	Мезень	7 VII 24	3 22 VIII 24		сд [ар. в К.; сс. в Усть-Цильму на 3 г. // II 24] бежал из сс.
393	Шепшелевич Солом. Иуд.	86?	7 X 22	Ирк.	26 V 23	3 28 VII 23		ср 5 VII 24 М. для леч.; 1 XII 24 из М.
394	[Шестаков Всеволод] Петр.	95	19 IX 21	М.	23 II 23	3 16 VI 23		ср
395	Шик Георг. Эман.	92	7 IX 22	М.	19? XI 22	3 29 XII 22		ср 19 XII 23 ранен
396	Шилин А...	95?	9 VII 23	Арх.	7 IX 23	1 29 IX 23		ан 28? IX 24 в Арх.//приг. к тюр. XI 24 в Арх.; замен. сс.

№	1	2	3	4	5	6	7	8
397	Шимшелевич Елиз. Зинов.	79	-. в Кемь 21 XII 24	Р.н/Д.	-. 24 V 25	3	24	сд
398	Шимшелевич Сам. Зинов.	-. VII 23	X.	-. 3 8 X 23	3	8	сд	
399	Школьников Цезик Абр.	93	16 VIII 21 приг. МЧК; Холм. с IV 22 до отпр. Пертом. // 13 XI 23 в Кемь; 14 I 24 осв.	М.	14 I 22	2	24 IV 23	ан
400	Шмелев Никол. Андр.	94	- V 23 13 XI 24 в Кемь; 24 V 25 сс. Марийск. обл. 2 г.	Уфа	26 V 23	2	9 VI 23	ср
401	Ш[мидт] Изр. Нисим.	91	27 II 24	Сам.	6 VI 24	3	8 XII 24	сс
402	Шнейдер Ил. Абр.	-. -. М.	-. -. М.	-. -. М.	- 23	3	28 VII 23	сд
403	Штакельберг Ян Оскар.	901	11 VI 23	М.	14 IX 23	3	8 X 23	сд
404	Штерн Ел. Львов.	902	13 IV? 23	Од.	23 XI 23	2	14 XII 23	сд
405	Штерн Исидор	99	- VII 24 отпр. ГПУ в М.	М.	- VIII 24	3	26 VIII 24	сд
406	Штерн Самуил Гирш.	900	11 VII 24 приб. в Кемь 31 I 25	Вин.	12 XII 24	3	24 V 25	сс
407	Штерн Солом. Ил.	92	26 IX 22	К.	2 III 22	3	29 XII 22	ср
408	Штернберг Зелик Григ.	79	9 VI 23	Од.	23 XI 23	2	14 XII 23	сд
409	Шумилов Вл. Матв.	-. 30 I 24 28 IX 22 ар. К; XI 22 сс. Вятку	Вят.	22 II 24	3	20 VII 24	ср	
410	Щесневская А-дра Ипполит.	94	30 I 24 2 XII 22 ар. в М.; сс. Вятку	Вят.	22 II 24	3	20 VII 24	ср
411	Эгиз Ил. Абр.	-. 26 II 23	М.	13 IV 23	3	9 VI 23	сд	
412	Эйнсильд Ив. Мих.	94?	15 V 23	П.	28 IX 23	3	12 XII 23	ср
413	Эпштейн Арн. Ил.	906	6 IX 23	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд

№	1	2	3	4	5	6	7	8
414	Элиасберг Бор. Ефим.	901	12 I 24	К.	16 V 24	3	14 VI 24	сд
415	Эльман Роза Лазар.	901	3 VIII 23 3 VII 22 ар. в М.;	Ус.	7 IX 23	2	11 XI 23	сд Усолье
416	Юдин Филипп Андр.	86	15 XI 22	П.	16 III 23	3	17 VII 23	сд
417	Юдичева Сераф. Григ.	98	4 VI 22 10 VI 24 в М. ГПУ;	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср 20 VII 24 из М.
418	Юдов Ант. Срег.	-.	12 III 23	Н.-н.	VI 23	2	1 VII 23	сд
419	Юнгеров -.	90	II 22 1 II 23 вышел из колл.	Хива	XII 22	2	29 XII 22	бп
420	Юнкеров Фед. Арх.	86	10 III 23	П.	11 V 23	3	9 VI 23	сд
421	Юсис Гр. Бенциан.	902	7 X 22 17 XI 24 в Кемь;	Ирк.	26 V 23	2	28 VII 23	ср 26 V 25 осв. с прож. Центр. России без М. и П. губ.
422	Яковлев А-др Вас.	89	1 VI 22	М.	23 II 23	3	16 VI 23	ср
423	Яковлева Вера Павл.	94	30 VIII 22 XI 21 ар. в Самаре;	М.	14 XI 22	4	9 VI 23	ан V 22 сс. Северодвинск 2 г. // 27 VII 22 бежала; приг. М. Нар. суда 4 г. за побег
424	Яковлев Ив. Ник.	87	30 VI 24	М.	10 VIII 24	3	26 VIII 24	сд
425	Яковлев Пав. Ив.	96?	10 IV 24 студ.бесп.	П.	6 VI 24	3	20 VII 24	ан
426	Якубсон Изр. Сол.	-.	5 V 23	М.	8 VI 23	3	9 VII 23	сд
427	Якубсон Лев Сол.	901	24 XII 23	Р.н/Д.	18 IV 24	3	10 VI 24	сд
428	фам. утеряна Рубен	-.	-. X 23 допр. освобо.	-.	-.	-.	28 VII 23	дашн

Д.М. Бацер*
СОЛОВЕЦКИЙ ИСХОД

Публикация А.Даниэля

I. МЫ УЕЗЖАЕМ

Конец июня 1925 года. День выдался для северных широт на редкость хороший — безоблачный и тихий. В политических скитах он начался как всегда. После завтрака дежурные на кухне начали готовиться к приготовлению обеда; любители утреннего моциона прогуливались по двору; большинство засело за книги и тетради. Никто и не заметил, как часов около 11-ти — 12-ти староста, в сопровождении караульного, вышел за ворота скита. Тем большим было общее удивление, когда раздался сигнал — удары в самодельный гонг — созывавший всех обитателей скита в здание бывшей церкви. Это было самое обширное помещение в скиту, носившее название «культ» — то ли в качестве напоминания о его прежнем назначении, то ли потому, что в нем проводились общескитские «культурные мероприятия»: чтение лекций и докладов, празднование 1-го мая и годовщины февральской революции, встречи Нового года и т.п. Когда все собрались, староста сообщил, что его вызвали к начальнику команды и тот передал ему распоряжение Управления: всему скиту через три часа быть готовым к отбытию из лагеря.

Куда? На этот вопрос староста ответа не получил, но ему сказали, что другие скиты якобы уже отправились в путь.

Ликвидировать в течение трех часов хозяйство, существующее около двух с половиной лет, было не так просто. Тут же было решено всю принадлежащую коллективу хозяйственную утварь оставить будущим хозяевам скита; имевшиеся запасы продуктов кроме таких нетранспортабельных, как картофель, капуста, взять с собой; библиотеку (более 1,5 тысячи книг) не разрознивать, хотя она состо-

* Давид Миронович Бацер (1905-1987) — в с.-д. движении с 1921 г. Первый арест — в 1922 г. В 1923-34 — ссылки, Соловки, политизоляторы. В 1941-55 (с перерывами) — лагеря, поселение. Экономист, библиограф, историк. Автор (под псевдонимом Т.Тиль) исследования о с.-д. молодежном движении 1920-х гг., напечатанного в сб. «Память» (Париж, 1980. Вып.3) и др. работ.

яла из книг, как принадлежавших лично заключенным, так и присланных Политическим Красным Крестом для всего коллектива.

Собрание длилось недолго, не больше двадцати минут.

Через три часа были поданы подводы, на которые погрузили весь скарб; нас вывели за ворота, где уже ожидал конвой, и мы двинулись в путь.

На рейде Анзера стоял хорошо известный всем нам «Глеб Божий» — пароход УСЛОНа. На нем уже находились товарищи из двух других политскитов — Савватия и Муксолмы. На борт нас перевезли на корабле, в несколько приемов. Когда все были приняты на борт, пароход взял курс на материк.

На станции железной дороги в Кеми стоял состав, какого нам, да наверное и никому другому, ни раньше, ни позже видеть не приходилось: шесть, помнится, арестантских вагонов, один или два двухосных товарных, также один или два обычных пассажирских, а посередине блистающий зеркальными окнами роскошный салон-вагон. Его занимали Андреева, тогда зам. начальника секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, в ведении которой находились все политические заключенные и ссыльные; начальник Тюремного управления ОГПУ Вейс (или Вейсс) и Дукес, ранее начальник Внутренней тюрьмы ОГПУ (Лубянка, 2), а к тому времени, как говорили, заместитель начальника Тюремного управления.

Посадка прошла без суеты, понуканий и окриков. Помнится, что обошлось даже без обычной процедуры приемки этапа по документам — при посадке в вагоны пересчитали количество «голов» и дело с концом. Вагоны оказались не «стольпинскими», а простыми арестантскими, вроде изображенного на известной картине Ярошенко «Всюду жизнь»: дореволюционные вагоны 4-го класса с обычными, по обе стороны, но зарешеченными окнами. Их можно было открывать, и доступ к ним был свободен. Особенность вагонов 4-го класса — в том, что в них не два, а три яруса полков. На каждом ярусе у одной полки была откидная доска, превращавшая полки в сплошные трехметровые нары.

В пассажирских вагонах, по-видимому, ехал тюремный надзор и свободные от смены пассажиры; в багажных — казенное имущество.

Спешные сборы, впечатления от путешествия из скитов на пристань и затем — на пароходе по морю, а главное, от встречи с друзьями, с которыми не виделось кто по два, а кто и по три года, и ранее незнакомыми товарищами — все это не оставляло времени для того, чтобы задуматься над тем, что, собственно, происходит и что сулит нам будущее.

Мы разместились, осмотрелись и, наконец, тронулись в путь.

2. ПРЕДЫСТОРИЯ

Расстрел заключенных в Савватиеве 19 декабря 1923 г. получил широкую огласку: даже в центральных советских газетах были помещены краткие заметки. В высших сферах расстрел, по-видимому, вызвал некоторое смущение: даже в самые острые послеоктябрьские дни в тюрьмах таких заранее подготовленных эксцессов не было. Шингарева и Кокошкина убили не охрана, а ворвавшиеся в больницу «безответственные элементы». Здесь хладнокровно стреляли в людей, повинных всего лишь в нарушении лагерных «правил внутреннего распорядка» — случай беспрецедентный. Позднее из весьма осведомленного источника нам стало известно, что Д.Б. Рязанов на заседании ЦК РСДРП кричал, что «опозорены его седины». Так, если не говорили, то думали многие коммунисты.

Еще больший резонанс имел соловецкий расстрел на Западе, особенно с лета 1924 г., когда с началом навигации появилась возможность информировать о событиях внешний мир. Слово «Соловки» не сходило со страниц зарубежных газет. Социалистический Интернационал требовал расследования с участием представителей международного рабочего движения. Британский Конгресс труд-юнионов, ведущий тогда переговоры с ВЦСПС, настаивал на предоставлении членам его руководства возможности посетить Соловки. Сначала английской профсоюзной делегации ответили чем-то вроде полусогласия, но затем их требование было отклонено под тем предлогом, что инцидент то ли расследуется, то ли уже расследован компетентными советскими органами, и ответственность за него несут заключенные, не подчинившиеся законным требованиям администрации, которая, впрочем, также действовала самовольно и поспешно.

В это же, примерно, время в ОГПУ было подано от имени всех соловецких политзаключенных требование о переводе их на континент. Требование мотивировалось тем, что в течение более полугода Соловки почти полностью отрезаны от внешнего мира, и все это время заключенные остаются во власти безответственной администрации, действия которой, за отсутствием какой-либо связи с континентом, нельзя своевременно обжаловать. Сколько я помню, заявление было сдержанным по форме, но решительным и почти ультимативным.

На исходе лета в Соловки приехал П.А. Красиков (в то время прокурор Верховного Суда), чтобы провести, в порядке прокурорского надзора, обследование Соловецких лагерей. Главной целью Красикова было посещение политсвитов. Сколько я помню, он побывал только в Савватьевском скиту (а может быть, в Муксолмском); вел длительные переговоры со старостатом, главным образом с

Б.О. Богдановым, представлявшим все фракции всех трех скитов. К слову сказать, они достаточно хорошо знали друг друга по Петрограду 1917 г. и, надо думать, едва ли испытывали взаимную симпатию.

В бытность Красикова на Соловках во всех скитах была объявлена голодовка в поддержку требования о переводе на материк. Она была тщательно подготовлена и, несмотря на разобщенность скитов, прошла организованно и дружно; начали и кончили ее во всех скитах в один и тот же день. Продолжалась она, кажется, две недели.

Красиков заверил старост, что вопрос о переводе политзаключенных на материк рассматривается и будет, по его мнению, разрешен положительно.

Первым результатом экскурсии Красикова на Соловки была обширная статья, помещенная им в «Известиях», где подробно описывалось привольное, чуть ли не райское житье соловецких политзаключенных. Статья была хорошо документирована, в ней обильно цитировались письма заключенных, адресованные, впрочем, не Красикову, и не редакции газеты, а родным. И все цитаты были как на подбор: в них расхваливались условия жизни, хорошее питание, красоты природы, писалось об успешности занятий науками. В этих письмах цинга даже не упоминалась; судя по ним, никто никогда не болел, все были бодры и полны оптимизма.

Статья поставила заключенных перед тягостной дилеммой: писать все как есть — это значит вызывать тревогу и излишние волнения близких; писать, как это всегда делалось, успокоительные письма — давать красиковым возможность подкреплять свою ложь свидетельствами самих заключенных. Удовлетворительно решить задачу так никому и не удалось...

Прошла осень 1924 г. и стало ясно, что зимовать придется на Соловках. Когда открылась навигация 1925 г., старостат напомнил о своем заявлении. И вот в конце июня нас вывезли на материк. Требование, предьявленное в прошлом году, удовлетворено. Формально это победа. И тут же невольно вставал вопрос — не пиррова ли это победа, не везут ли нас на еще худшее, чем Соловки.

3. ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Наталкивали на этот вопрос не особая суровость конвоя и «дорожного пайка», и даже не салон-вагон с начальством явно высокого ранга. Тревогу вызывали совершенно необычные условия этапирования. Нашему составу была открыта «зеленая улица». Я помню три остановки на всем нашем долгом пути — в Ленинграде, Вологде и Челябинске. Их несомненно было больше: ведь паровоз не мог со-

вершить таких длинных перегонов без забора на промежуточных станциях воды и пополнения запасов топлива. Можно предположить, что эти промежуточные остановки делались главным образом, если не исключительно, ночью. Это предположение подтверждается тем, как обставлены были те дневные остановки, которые хорошо сохранились в моей памяти.

Первая была в Ленинграде. Там наш состав сразу поставили на какой-то дальний запасной путь. К моменту прибытия по обе стороны были выстроены шпалеры войск. Такой чести мы еще ни разу не удостоивались. В Ленинграде мы простояли целый день. Нам выдали там паек на последующие дни и покормили горячей пищей — в этот паек вещь небывалая.

Днем до нас донеслось из недалеко довольно стройное пение хором революционных песен. Репертуар был обычным в те времена у социалистов: «Вихри враждебные...» (тогда бывшие чем-то вроде общего для всех направлений гимна), «Смело, друзья, не теряйте». Лишь спустя примерно неделю мы узнали, что к нашему составу прицепили еще один арестантский вагон с недавно осужденными ленинградскими социал-демократами, главным образом молодыми. Молодежь получила тогда первое крещение, была полна энтузиазма и дала ему выход в пении революционных песен.

Следующая запомнившаяся мне остановка была в Вологде. Тот же ритуал встречи: шпалеры войск по обе стороны запасного пути, подальше от вокзала; раздача сухого пайка и горячей пищи. Из Вологды путь наш лежал через Буй — Вятку — Пермь на Челябинск. Вятку и Пермь мы по всей вероятности проезжали ночью. Хорошо сохранилась в памяти длительная — с раннего утра до позднего вечера остановка в Челябинске, снова со шпалерами войск.

Подъезжая к Вологде и Челябинску и отъезжая оттуда, изо всех (как потом выяснилось) вагонов мы выбрасывали через окна письма. Мне точно известно, что по крайней мере два письма дошли до адресатов. На стоянках выставляли в окнах листы бумаги, на которых большими буквами был написан примерно один и тот же текст: «Социалистов из Соловков увозят в неизвестном направлении». Конвой никаких мер против этого не предпринимал, рассчитывая, очевидно, на то, что солдаты не дадут подойти к вагонам на такое расстояние, чтобы можно было прочитать написанное.

После Челябинска ехали мы недолго, не более 2-3 часов, и остановились. Выглянув в окно, мы ничего не обнаружили, кроме двух-трех тускло горевших керосиновых фонарей, едва освещавших что-то вроде станционного здания. Порешив, что утро вечера мудренее, мы улеглись спать. Проснулись, когда уже рассвело, от шума открываемых в тамбуре дверей. Через несколько минут раздалась команда: «Выходи по-трое!».

4. «МЫ ЕХАЛИ ПОЛЕМ...»

Вышли, огляделись: голая степь, небольшое станционное здание и на нем вывеска «ст. Чебаркуль», один или два железнодорожных жилых здания, сарай.

Конвоир предложил нам следовать за ним. Пошли. За станционным зданием стояла подвода с возчиком. Мы погрузили в нее свои вещи, уселись сами и тронулись в путь, очень, впрочем, недалекий. Проехав около километра, остановились около группы вооруженных конвоиров, к нам присоединился сопровождавший нас. Через несколько минут подъехала еще одна подвода с тремя товарищами, затем еще, и еще, и еще, пока не растянулся обоз длиной чуть ли не в километр — всего набралось подвод не менее 130, а может быть и все 150. Через некоторое время впереди нашей подводы появилась еще одна с тремя конвоирами и пулеметом, обращенным в нашу сторону. Как мы узнали потом, такая же подвода с пулеметом замыкала обоз. Обоз окружила большая группа вооруженных всадников, как оказалось — местных чоновцев. Один из них в качестве «впередсмотрящего» отъехал по проселочной дороге метров на двести, и мы снова тронулись в путь.

Это было путешествие, не лишенное колоритности. Передовой всадник сгонял с дороги любого встречного — пешего, конного или едущего на подводе. В общей сложности мы провели в пути (не считая остановки на ночлег) не менее 18-ти часов и за все это время проехали только два села, которые, очевидно, никак нельзя было объехать. Наш авангард предварительно загонял всех в дома, и мы не проезжали, а карьером, подымая облака пыли, проскакивали опустевшую сельскую улицу и переходили на шаг только после того, как она оставалась далеко позади.

Когда солнце уже начало клониться к закату, наш обоз свернул на большую поляну, и образовал нечто напоминающее казачий стан — круг, внутри которого, слезши с подвод, оказались мы и который с внешней стороны был оцеплен подводами с конвоирами и спешившимися чоновцами.

В походных кухнях был приготовлен обед. Тут-то мы и обнаружили, что в Ленинграде к нам присоединили человек 50 только что осужденных к трем годам заключения социал-демократов, а в Челябинске еще нескольких, сидевших до того в тамошнем политизоляторе. Но гораздо большего числа мы не досчитались: среди нас не оказалось не менее четверти, а то и трети соловчан. Не было среди нас ни одного из соловецких старост. Потом мы узнали, что трех женщин, бывших на Соловках с маленькими детьми, отправили в ссылку, а все остальные пошли в Тобольский политизолятор.

Отсутствие старост диктовало необходимость выбора новых. На импровизированном тут же на поляне общем собрании было решено фракционных старост не выбирать. В качестве общего старосты был без споров и обсуждений выбран кто-то из социал-демократов старшего поколения, не помню сейчас, кто именно, кажется, Алексей Малкин.

Присутствие среди нас отбывавших срок в Челябинском политизоляторе подсказывало, что ждет нас не лагерь, а тюрьма. Встал вопрос — какой линии поведения придерживаться в случае «завинчивания» режима. Главной задачей было при любых условиях сохранять единый коллектив.

Без долгих прений старосте была вручена верховная и абсолютная власть, а все его распоряжения были признаны подлежащими безусловному выполнению. Далее, было решено по прибытии на место требовать присутствия старосты при приемке этапа; в противном случае своих имен не называть, вещей не брать. Если рассадят — в камеры под замок — немедленно устанавливать всеми имеющимися средствами связь между собой и со старостой. Староста, со своей стороны, тут же дал указание: без его прямого распоряжения не объявлять голодовки, но, если этого потребуют обстоятельства, прибегнуть к другим методам борьбы — пассивному сопротивлению и т.п., не вступая однако ни в какие переговоры с администрацией без участия старосты.

Собрание продолжалось недолго, так как никаких возражений предложенная линия поведения ни у кого не вызвала.

Ночевали под открытым небом на телегах. Впрочем, мало кто заснул в ту ночь раньше 2-3 часов пополуночи. Кто прогуливался парами или небольшими группами внутри нашего казачьего круга, кто разговаривал, усевшись с друзьями на подводе. Все были возбуждены.

На рассвете мы снова пустились в странствование с конным эскортом и пулеметами впереди и сзади.

Днем вдаль замаячили какие-то строения. Когда приблизились к ним, то увидели среди голой степи большого красного кирпича П-образное здание тюрьмы, огражденное высокими, кирпичными же стенами с караульными вышками на углах. Перед тюремной оградой высился трехэтажный жилой дом. Кругом ни деревца, ни здания, только проселочная дорога тянулась к черневшему вдаль поселку. Это был маленький тогда городок Троицкого уезда Челябинской области — Верхнеуральск. Здесь в столыпинские времена был построен военно-каторжный «централ». Теперь он был назван Верхнеуральским политизолятором, и нам предстояло стать первыми его обитателями.

5. ПРИЕХАЛИ

Обоз подъехал к тюрьме и, сделав полукруг, остановился. Мы слезли с подвод. Вскоре из ворот вышло несколько человек в военной форме, в руках одного из них было несколько листов бумаги. Это был небольшого роста, плотный мужчина, как мы узнали позднее, начальник политизолятора Дупер (или Дуппер).

Началась переключка. Называется первая фамилия. В ответ — гробовое молчание; вторая — то же, третья, четвертая, десятая... Все молча стоят. Затем от группы военных отделяются двое — это были надзиратели, «менты», по принятой в те времена тюремной терминологии — и выдергивают из толпы первого попавшегося под руку.

— Берите ваши вещи.

— ...

— Где ваши вещи?

— У старосты.

Выхваченного уводят. То же повторяется со вторым, третьим и т.д. Доходит мой черед. Тот же диалог, и два надзирателя ведут меня через калитку у тюремных ворот во двор, откуда мы сразу попадаем в здание тюрьмы. Входим в небольшую комнату, в ней несколько человек, под зарешеченным окном канцелярский стол и на нем груда папок — «личных дел».

— Ваша фамилия?

— Спросите у старосты.

— Имя и отчество?

На этом разговор кончается. Вопросавшие держатся корректно, ограничиваются этими двумя вопросами и сразу же начинают перебирать папки, взглядывая то на меня, то на очередную папку. Администрация явно предусмотрела возможность пассивного сопротивления такого рода и к нему подготовилась: опознание производилось по фотокарточкам в личных делах, и, надо отдать справедливость, делалось это быстро и безошибочно.

Со мной, впрочем, обошлось без переборки папок. Один из находившихся в комнате начал взглядываться в меня и сказал:

— Постой, постой, я его знаю, он у меня в 1923 г. в собашнике* сидел...

* «Собашником» или «собачником» называлась большая камера в 1-м этаже здания ГПУ на Лубянке, вход в нее был с Лубянской площади. Туда привозили только что арестованных. В собашнике держали не более 2-3 дней и либо отпускали с Богом (были в те времена и такие чудеса), либо переводили в «предварилку» — несколько камер в каком-то из закоулков того же этажа. Из «предварилки» направляли во Внутреннюю тюрьму, или в Бутырки. Пребывание в «предварилке» было тоже непродолжительным — 5-6 дней.

Мое личное дело быстро найдено, и надзиратель повел меня на второй этаж, помнится, даже предварительно не обыскав. Через несколько минут я оказался в довольно просторной камере. В ней уже было человек пять-шесть.

Камера была такой, какой положено быть камере в Столыпинском центральном, цементный пол, стены до половины покрашенные в серый цвет, а выше побеленные, два окна почти под потолком с крутыми откосами вместо подоконников. До намордников царское тюремное ведомство не додумалось; а новое начальство пока еще придерживалось освященных временем традиций.

Меблирована камера была скромно, но мило: большой стол посередине, штук десять табуретов, столько же деревянных топчанов с набитыми соломой тюфяками, подушками и солдатского сукна одеялами. И у двери — улада сердца — милая параша.

На стене около двери красуются в деревянной рамке «Правила внутреннего распорядка», а в них множество пунктов, касающихся того, что заключенные делать обязаны, а что им делать возбраняется; меньше места было уделено тому, на что «заключенные имеют право», а в конце и вовсе кратко перечислены кары, налагаемые за нарушения правил — начиная с лишения закупок в ларьке и кончая заключением в карцерное узилище. Среди прав была переписка с ближайшими родственниками, с ограничением общего числа получаемых и отправляемых писем тремя в месяц.

Было ясно, что безропотно этих правил не примем, что предстоит борьба, а чтобы начать ее, нужно прежде всего связаться с товарищами. Залезши на топчан и ухватившись за решетку, кто-то из нас подтянулся к окну и окликнул. Никто не ответил — ближайшие к нам камеры были еще пусты. Решили выждать, а пока заняться делом. Живя относительно свободно в Соловках, кто знал, успел забыть тюремную азбуку, а кто не знал ее — не выучился. Нужно было вспомнить или учиться заново. Пример подал Валентин Людвигович Неймарк*, самый старый из нас сиделец — в первый раз он был арестован в 1908 г. Улегшись на топчан, он стал выстукивать пальцем по пряжке брючного ремня тюремную азбуку. За ним и остальные занялись тем же, одни вспоминая азбуку, другие — предвительно начертав ее. У всех были карандаши, а кой у кого в карманах нашлась и бумага.

Через некоторое время мы услышали, как несколько раз отворяли и запирали дверь соседней камеры. Выждав, мы простучали. Вот уже шестьдесят лет прошло с того времени и, должно быть, не менее сорока с той поры, когда мне последний раз пришлось пользоваться

* Это тот «Валя» Неймарк, которого так часто вспоминал Илья Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь».

ся тюремной азбукой, но эти три буквы вьелись в мою память неизгладимо.

Тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук; тук-тук-тук-тук; тук-тук-тук; тук-тук-тук; тук-тук-тук. КТО?

Нам ответили. Сначала неуверенно, спотыкаясь, повторяя по несколько раз непонятное слушателям слово, а потом все уверенней и быстрее мы стали перестукиваться сначала с соседней камерой, а потом с расположенными под и над нами. По мере того, как стали заселяться камеры, все в более широких размерах шла перекличка через окна.

Дальше события начали развиваться столь стремительно, что я не могу поручиться ни за правильную передачу их хронологической последовательности, ни за полноту моего рассказа.

На следующий, кажется, день прибыло высокое начальство: Андреева (в просторечьи Андрейха), Вейс и Дукес. По-видимому, они задержались в Челябинске и прибыли в Верхнеуральск следом за нами на автомобиле. Потом они в сопровождении Дупера обходили камеры. Их встречали молча, не вступая в разговоры и либо не отвечая вовсе на вопросы, либо предлагая за ответом обратиться к старосте. В тот же как будто бы день караульный выстрелил в кого-то разговаривавшего через окно. Едва ли он сделал это по собственной инициативе. Думаю также, что промахнулся он тоже не случайно: повторять декабрьские события высшее начальство вероятно не было расположено.

Ответом на выстрел была обструкция. В считанные минуты вся тюрьма ходуном заходила. В двери и оконные решетки колотили чем попало — табуретками, сорванными с топчанов досками; за этим шумом почти не были слышны выстрелы. Надо думать, что если при этом никто не был убит или ранен, то и это было не случайным. Весь этот шум и гам покрывал несшийся изо всех камер крик: старосту!

Много времени спустя родственники, приезжавшие на свидание и останавливавшиеся у местных жителей, рассказывали со слов последних, что шум достигал городка, — а он был расположен довольно далеко: от тюрьмы до ближней окраины было километра два*.

Не помню, сколько времени продолжалась обструкция. Кончилась она тогда, когда надзиратели через кормушки стали кричать, что староста «приказал» прекратить шум, так как он сейчас будет говорить. Действительно, когда все стихло, мы в нашей камере услышали голос старосты, предложившего обструкцию прервать до его дальнейших указаний. Не могу вспомнить, как это происходи-

* К слову сказать, местным обывателям этот шум объясняли тем, что в тюрьме взбунтовались привезенные туда «капланы», т.е. люди, стрелявшие в Ленина.

ло, — говорил ли староста из своей камеры и далее его слова переводили из одного крыла тюрьмы в другое. Как бы то ни было, администрация могла убедиться, что заключенные действуют сплоченно и дисциплинированно: стихийно начавшаяся обструкция была поддержана всеми, и прекратилась она мгновенно по первому слову старосты.

Затем велись долгие и тяжкие дипломатические переговоры старосты с приезжим начальством, и это было главным, так как означало фактическое признание старосты как законного представителя всех заключенных. Тем самым молчаливо признавалось, что заключенные являются не механическим сборищем отдельных единиц, а цельным коллективом.

Переговоры закончились рядом уступок со стороны администрации. Достигнутое соглашение действовало по меньшей мере первые десять лет существования Верхнеуральского политизолятора, и значительная часть «Правил внутреннего распорядка» оставалась мертвой буквой. За эти десять лет было многое: стрельба по окнам, обструкции, голодовки, один раз избиение заключенных, но ни разу ни один человек не побывал в карцере.

Всех деталей соглашения по памяти я восстановить не могу. Помню только главное. Прогулки были удлинены. В каждом дворе гуляли одновременно две камеры. Обитатели каждого этажа одиночного корпуса гуляли вместе, семейные пары были соединены в камерах одиночного корпуса или в маленьких камерах западного; разрешено было перечислять деньги с одного лицевого счета на другой, а это практически означало, что все имевшиеся и получаемые заключенными деньги попадали в общий котел и ими распоряжался староста; все книги, в том числе и личные, передавались в общетюремную библиотеку; в камерах разрешалось иметь ножи, ножницы и бритвы, иголки и даже кой-какой инструмент.

Когда переговоры были закончены, староста дал указание всем забрать свои вещи. Политизолятор начали обживать. Наступил новый период жизни политических заключенных, продолжавшийся до 1936-37 гг.

НАД КАРТОЙ ГУЛАГА

Истории ГУЛага посвящено великое множество художественной, мемуарной и научной литературы. Нет недостатка в эмпирическом материале, дающем представление о том, *как это происходило*. Видимо, пришло время ставить новый вопрос, *что, собственно, происходило*. Какое место занимала чудовищная машина ГУЛага, раскинувшаяся по всей территории страны и по всем семи десятилетиям нашей пореволюционной истории, в политической, экономической, социальной, культурной жизни страны? Какие цели ставились перед ней в разные периоды ее существования, насколько эти цели совпадали с реальным функционированием лагерей? Существуют ли общие закономерности развития для разных «островов» Архипелага, и, если да, то какие? В чем, наоборот, проявляется специфика, например, Колымы или Дубровлага? На эти и подобные вопросы необходимо отвечать; без этого невозможно не только осознать сам факт существования ГУЛага в отечественной истории, но и понять смысл этого факта.

Архивные материалы в большинстве своем все еще недоступны; но даже когда положение изменится, перед исследователем все равно встанет вопрос: насколько можно доверять этим данным? Поэтому необходимо, на наш взгляд, не откладывая, заняться комплексным изучением и систематическим научным описанием имеющихся сведений. Нам представляется, что такому направлению работы лучше всего соответствуют по масштабу большие лагерные комплексы, подчинявшиеся отдельным Управлениям ГУЛага или даже независимые от него (Дальстрой). В двух статьях, публикуемых в настоящем разделе, предприняты попытки научного описания первенца советской пенитенциарной системы — Соловецкого лагеря/тюрьмы особого назначения (СЛОН/СТОН) и типичной лагерной структуры первой половины тридцатых годов — Ухтинско-Печорских лагерей (УхтПечЛар).

Сходство обеих статей обусловлено тем, что каждая из них является комментарием к составленным авторами картам. Однако читатель сразу обратит внимание на коренное методологическое различие. Описание Соловецких лагерей, представленное в первой работе, базируется на принципах современной исторической географии: концепция авторов (обоснование которой осталось за рамками данной статьи) состоит в том, что географическая структура Соловецких островов в значительной мере предопределила систему социально-экономических отношений на этой территории. Поэтому описание ведется по элементам пространственной структуры; каждый такой элемент рассматривается с точки зрения его функционирования в различные исторические периоды. Используемые источники носят, в первую очередь, экономико-географический характер.

Вторая статья опирается на противоположный, чисто исторический подход; структуры УхтПечЛага рассматриваются диахронически, т.е. в своем развитии во времени. Описание же состояния лагеря в каждый данный момент ведется в «пространственных» терминах. Соответственно, источники, которые использует автор, являются «историческими» в традицион-

ном смысле слова. Это, в основном, документы государственных и ведомственных архивохранилищ Коми АССР.

Таким образом, публикуемые материалы демонстрируют два различных подхода к решению одной задачи. Множественность методик представляется нам весьма ценным качеством для той исследовательской программы по истории ГУЛага, которую разворачивает в настоящее время общество «Мемориал».

А.Мельник, А.Сошина (Соловки)
И.Резникова, А.Резников (Ленинград)

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ СОЛОВКОВ

ДВЕ КАРТЫ СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ ЛАГЕРНОГО ПЕРИОДА

ВВЕДЕНИЕ

Историю Соловков можно разделить на пять этапов.

Домонастырский период (до нач. XV в.). В рамках данной работы мы его почти не будем касаться.

Монастырский период (с нач. XV в. до 1920). Для целей настоящей статьи достаточно отметить особый статус островов, закрепленный впервые грамотами Великого Новгорода, обеспечивавшими экстерриториальность монастырских владений.

Лагерный период (1923-1939). Особый статус подчеркивается названиями организованных здесь учреждений: «Соловецкие лагеря особого назначения», «Изолятор особого назначения», «Дивизия особого назначения», «Соловецкий особый полк».

Владелец островов — ОГПУ-НКВД. Непосредственные хозяева менялись. Соловки (СЛОН) вначале подчинялись прямо Москве, затем, в 1930-е гг., стали вначале отделением УСиКМИТЛа (Управления Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей), а после этого отделением БелБалтЛага. В последние три года лагерного периода на островах, наряду с лагерем, функционирует так называемая Соловецкая тюрьма особого назначения, сколько можно понять, подчиненная Москве. Естественно, что подавляющее число жителей острова в 1923-39 гг. — заключенные, причем в последние годы одни из них содержались на Соловках на лагерном режиме, другие — на тюремном. Наличие вольнонаемного состава, строго говоря, противоречило идее самообеспечения лагерей, но практика лагерного строительства показала, что совсем обойтись без него невозможно. Следует также отметить, что в этот период все попытки организовать непосредственно на островах какое-либо стабильное производство, работающее на внешнего потребителя, не имели существенного успеха.

Военно-морской период (1939-1957). В это время хозяином островов является Учебный отряд Северного флота. Особый статус территории определяется абсолютным господством военно-морского начальства в жизни Соловков и подчеркивается особым паспортным режимом на островах (аналоги: Кронштадт, Северодвинск). Отметим наличие школы юнг, в которой жили, обучались и воспитывались подростки, большей частью сироты. Имелось определенное количество штатских вольнонаемных работников, связанных с бытовыми потребностями Учебного отряда, а также с хозяйственной деятельностью, имеющей подсобное значение (в основном животноводство).

Музейный период (с 1967). В этот период центральной (но не абсолютно господствующей) организацией на островах постепенно становится музей (с 1975 — Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник). Особый статус территории определяется утвержденным в Архангельске Положением о музее-заповеднике, согласно которому хозяйственная или иная деятельность на островах контролируется администрацией музея.

ИСТОЧНИКИ

Приступая к описанию внутренней структуры Соловецких лагерей, кратко охарактеризуем источники, которые были использованы при составлении карт. Это, прежде всего, находящийся в экспозиции музея «Реестр зданий Соловецкой тюрьмы на 1 января 1939 г.» (далее Реестр). В нем, с разбивкой по отделениям и географическим пунктам (командировкам), указаны имевшиеся к тому моменту на островах здания и сооружения; материал, из которого они сделаны; внутренняя кубатура; год постройки (в подавляющем большинстве случаев в этой графе записано просто «монастырь» или «УСЛАГ»). Против некоторых сооружений и целых командировок указано, что они «не используются» (так помечено, в частности, все 4-е отделение — о. Анзер).

К сожалению, этот документ имеет значительные пропуски. Так, из 1081 сооружения, числящегося, судя по сплошной нумерации, за тюрьмой, описано лишь 696, т.е. около 65%. Кроме того, из Реестра неясно, где находятся отдельные сооружения и даже целые командировки.

Для уточнения использовались дополнительно следующие документы:

— «Папка индивидуальных учетных карточек на жилые и служебные здания городка №1», в которой находятся документы, составленные в 1940-х — 50-х гг. Учебным отрядом, в том числе — план поселка Кремль с экспликацией.

— «Проект Генплана Соловецкого музея-заповедника», составленный в 1976 г. институтом Ленгипрогор. В нем имеется перечень сохранившихся на островах зданий, относящихся к монастырскому периоду.

— Планы, составленные в 1974 г. Государственной инспекцией по охране памятников (ГИОП). На этих планах изображены и разрушенные постройки на территории бывших скитов и пустыней монастыря.

Кроме того, для уточнения расположения отдельных командировок летом 1989 г. авторами проведены полевые исследования на Б.Соловецком острове, на о.Анзер и о.Б.Муксолма.

В результате местонахождение всех пунктов, указанных в Реестре, можно считать установленным.

Другую группу источников, позволяющих уточнить специализацию лагерных объектов и их историю, составляют издания УСЛОНа — журнал «Соловецкие острова» (просмотрен сплошь) и газета «Новые Соловки» (просмотрена частично), печатные «Материалы Соловецкого общества краеведения» (до октября 1926 — Соловецкого отделения Архангельского Общества краеведения). В них содержатся указания на хозяйственную деятельность лагеря, различные бытовые подробности, по некоторым сообщениям можно установить особенности отдельных объектов. Эти издания прекратили свое существование к 1929 (1932) году.

В работе мы также использовали мемуары соловчан, а кроме этого — письма и устные сообщения.

В необходимых случаях далее в квадратных скобках делаются ссылки на следующие источники (источник указывается номером):

1. Андреев Г.А. Соловецкие острова: 1927-1929 гг. // Грани, 1950, №8.
2. Анциферов Н.П. Из воспоминаний. // Звезда, 1989, №4.
3. Богуславский Г.А. Соловецкие острова. [Архангельск], 1971.
4. Витковский Д. Полжизни. // XX век: Альманах. Лондон, 1976.
5. Волков О.В. Погружение во тьму: Из пережитого. Париж, 1987.
6. Второва-Яфа О.В. Чистый четверг. // Наше наследие. 1989, №4.
7. Зайцев И.М. Соловки: Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти. Шанхай, 1931.
8. Киселев-Громов Н.И. Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936.
9. Клиnger А. Соловецкая каторга. // Архив русской революции. Т.19. Берлин, 1928.
10. Максимов С.В. Год на Севере. Т.1: Белое море и его побережья. СПб, 1859.
11. Материалы Соловецкого Общества Краеведения (Соловецкого Отделения Архангельского Общества краеведения). Соловки, 1926-1929. Вып. I-XXIII.
12. Немирович-Данченко В.И. Поездка на Соловки. СПб, 1899.
13. Никонов М.З. (Сморodin С.В.) Красная каторга. София, 1938.

14. Новые Соловки (газета). Соловки; Кемь. 1925, 1926, 1930.
 15. Пидгайный С.О. Украинская интеллигенция на Соловках. Мюнхен, 1949.
 16. Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре: 1929-39 годы. Кн.1-3. США; ФРГ, 1979-1987.
 17. Седерхольм Б.Л. В разбойничьем стане. (Три года в стране концессий и «чеки»). Шанхай, 1934.
 18. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Кн.2.
 19. Соловецкие острова (журнал). Соловки; Кемь, 1924-1926. 1929-1930.
 20. Соловецкий Патерик. СПб, 1873.
 21. Ширяев В.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк. 1954.
 22. Ясевич О.И. Из воспоминаний // Память: Исторический сборник. Вып.1. М., 1976; Нью-Йорк. 1978.

Рукописные:

23. А.З. Письма. 1989.
 24. Булыгин А.Д. Соловецкая быль. 1981.
 25. Кижло Л. Письма. 1988-1989.
 26. Лихачев Д.С. Соловецкие записи 1929 года.
 27. Олиker Б.Л. Воспоминания.
 28. Старовойтов А.Е. Это была правда. 1988.
 29. Фаворский А.Г. Письма. 1989.
 30. Щегольков С.В. Воспоминания. 1989.
 (№№22, 23, 28 хранятся в Соловецком Музее-Заповеднике, остальные — в ЛО «Мемориал»).

Устные:

31. Калинин В. 1989.
 32. Мартюхин Л.Н. 1989.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ

За основу для картирования взяты пункты и кубатура жилых помещений, предназначенных согласно Реестру для содержания заключенных. Делать выводы о количестве заключенных на каждом объекте из данных о его кубатуре было бы необоснованно, однако некоторые общие оценки представляются нам возможными.

На тюремном режиме плотность была существенно меньше, чем на лагерном. Нет указаний на размещение заключенных в Соловецкой тюрьме иначе, чем на отдельных койках в 1 ярус, койки в камерах стояли почти вплотную, между ними расстояние было 25-30 см [27, с.45-56].

По нашим расчетам, на человека приходилось примерно 1,8 м² или 6 м³ в жилых помещениях, а в целом по зданию, взяв грубо коэффициент 1,5, имеем 9 м³. Поскольку объем тюремных зданий Кре-

мля составлял (по Реестру) примерно 47 тыс. м³, получаем 5200 заключенных на этом объекте.

Можно провести и другой расчет, исходя из Генерального плана Кремля, составленного в Учебном отряде. В нем указана отдельная жилая площадь помещений (до перепланирования). Зная из Реестра, какие здания являлись тюремными, получим жилую площадь тюремных помещений 8900 м². Исходя из приведенного выше предположения о площади 1,8 м² на одного заключенного, определим возможное их число как 4950, т.е. получим цифру, близкую к предыдущей. Таким образом, можно считать, что к началу 1939 года в Кремлевских тюрьмах содержалось примерно 5 тыс. заключенных.

Проведя аналогичные расчеты для скитов, получим, что в тюремных зданиях Савватьева, Б.Муксолмы и в Троицко-Анзерском скиту могло содержаться соответственно 450, 550 и 600 заключенных, всего по скитам 1600.

Всего получаем, таким образом, 6,5-7 тыс. заключенных на тюремном режиме до закрытия Анзерского отделения, а после него — 6-6,5 тысяч.

Гораздо менее точно можно определить количество заключенных на Соловках до образования Соловецкой тюрьмы в 1937 г., а также количество заключенных, находившихся на лагерном режиме в 1937-39 гг.

Косвенно можно оценить плановую кубатуру на одного заключенного в этом случае так. В Соловецком музее имеется вырезка из газеты «Новые Соловки», где указано, что «закончены стройкой 4 барака Каргородка. Общая вместимость бараков — 800 человек». Из сопоставления с Реестром и другими источниками видно, что «Каргородок» (Карантинный городок) — это группа построек, обозначенная в Реестре, как «Пер. пункт ОЛП». Суммарная кубатура этих построек — 2634 м³, т.е. на одного заключенного (около 1930 г.) приходилось по норме 3,3 м³.

Всего, по Реестру, для содержания заключенных на лагерном режиме имелись здания общим объемом 36 тыс.м³, из них к 1939 г. использовались 22 тыс.м³. Исходя из того, что примерно треть помещений в Реестре пропущена, следует увеличить эти цифры. Получим соответственно 49 тыс.м³ и 28 тыс.м³. Далее будем исходить из предположения (его обсуждение выходит за рамки данной статьи) о том, что максимальное число заключенных на Соловках находилось в 1929-30 гг. Если принять, что помещения всегда были заняты по нормам, вычисленным выше (3,3 м³/чел.), то получим, что в них могло разместиться в 1930 году — 15 тыс. человек, а в 1939 — 8,5 тыс. человек.

Однако в 1930 г. заключенные лагеря содержались и в помещениях, занятых позднее тюрьмой, причем, по различным воспомина-

ниям, в этих помещениях они размещались не более плотно, чем в 1937-39 гг. в тюрьме, т.е. там могло содержаться еще 5 тыс. человек.

Кроме того, под жилье в 1929-30 гг. использовались соборы (кроме Преображенского) и трапезная Кремля, имеющие очень большие объемы и заселенные очень плотно (в Никольском соборе нары были в 4 яруса). По разным оценкам, там (в карантинной роте, ротах общих работ и «запретной» 14 роте) могло содержаться еще до 5 тыс. человек. Всего получим, таким образом, на 1930 г. 25 тыс. человек на лагерном режиме.

Итого, в 1930 г. на Соловках содержалось 25-30 тыс. человек, а в 1939 — 14-15 тыс., из них 6-6,5 тыс. в тюрьмах. К сожалению, это очень приблизительные оценки*.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ СОЛОВКОВ ЛАГЕРНОГО ПЕРИОДА

В лагерный период функции государственной власти и территориального управления на Соловках выполняла лагерная администрация. «Здесь власть не советская, а соловецкая», — сообщал прибывшим в лагерь заключенным знаменитый Курилко [26, с.6.]. Рассмотрим здесь территориальную организацию этой «соловецкой власти».

До 1929 года на собственно Соловецких островах в составе лагеря существовали следующие отделения:

- I — Кремлевское
- II — Савватьевское
- III — Муксомское
- IV — Секирное (штрафное)
- VI — Анзерское

Кроме того, уже тогда были отделения на материке и V отделение на Кондострове (эти территории находятся вне Соловецкого архипелага, и мы их рассматривать не будем). [11, 1927, XVII, с.100]; [16, I, с.74]; [19, 1925, №1, с.58-60]; [14, 1925, №4, с.3]; [9, с.164].

В дальнейшем, в 1929-37 гг., территория Соловецких островов входила в качестве отделения в более обширные лагерные структуры (УСиКМИТЛ, СЛАГ, Белбалтлаг ОГПУ, ББК и НКВД). При этом внутренняя структура Соловков складывалась из административных

* С нашей точки зрения, в количественных оценках, предлагаемых авторами, особую ценность представляют не столько итоговые цифры (они спорны прежде всего потому, что рассчитаны при слишком многих жестких исходных предположениях), сколько сама методика расчета. Она, по крайней мере, дает возможность оценить *плановое* количество заключенных как некую норму. Следует, конечно, иметь в виду возможность значительных отклонений от этой нормы как в ту, так и в другую сторону. — *Прим. ред.*

единиц более низкого ранга (лагпункты, командировки), сведения о которых пока очень скудны.

С образованием в 1937 г. Соловецкой тюрьмы и переходом ее в центральное подчинение, вновь возникли отделения, которые и обозначены в Реестре (названия условные, в Реестре они отсутствуют):

I — Кремлевское

II — Савватьевское (включая Секирную гору)

III — Муксомское

IV — Анзерское

V — Морсплав (вблизи Кеми)

Таким образом, общая схема административно-территориального деления Соловков сохранилась, если не считать Секирного отделения, слитого с Савватьевским. Эти два отделения, впрочем, и раньше были тесно связаны: так, в материалах СОК они упоминались вместе через дробь: «отд. II/IV»; по другим данным — возглавлялись одним начальником [7, с. 115].

Из Реестра видно, какие объекты к каким отделениям принадлежали, поэтому можно провести границу между отделениями, что и сделано на карте 1937-39 гг.

Поскольку общая схема не менялась, нет оснований предполагать, что в 1930 г. лагпункты разделялись иначе, чем отделения в 1939 г. (за исключением Секирной горы). На этом основании проведены границы на карте 1930 г., нумерация их взята в упомянутых выше источниках.

Нужно подчеркнуть, что на обеих картах (и в данной работе) рассматривается именно *внутренняя* структура Соловецких островов (в частности, административная), которая, как видно из приведенных материалов, оставалась относительно стабильной, в то время как ранг (и наименование) составлявших ее единиц менялись в соответствии с положением Соловков в системе карательных учреждений и со структурой самих этих учреждений.

Заканчивая рассмотрение административно-территориального устройства Соловков, следует отметить, что, в соответствии с традиционной экстерриториальностью архипелага, обычные органы государственной власти отсутствовали на Соловках от их заселения до 1944 года, когда впервые был образован Островной Совет. Сейчас территория Соловков является административным районом Архангельской области и управляется районным Советом, однако интересно, что соответствующего территориального формирования КПСС на острове нет.

Рассмотрим теперь объекты на Соловках лагерного периода. Перечень объектов и их основные названия взяты из Реестра (если не оговорено иное). При расхождении Реестра с другими источни-

ками или с современной практикой иные названия приводятся в скобках после основного.

Административная принадлежность внутри лагеря не играла существенной роли в жизни заключенных (особенно в пределах Б.Соловецкого острова и Муксолмы), в воспоминаниях «отделения» практически не упоминаются. Обычно употреблялись географические названия островов и мест расположения командировок. Поэтому и мы будем описывать объекты не по отделениям, а по островам.

БОЛЬШОЙ СОЛОВЕЦКИЙ ОСТРОВ

1. Кремль и поселок. Под названием «Кремль» в периоды УСЛОНа и Учебного отряда понимались не только крепостные сооружения монастыря, но и поселок вокруг Кремля, начавший складываться еще в XVII веке.

В 1436 г. здесь были устроены кельи. Впоследствии, с ростом монастыря, возводились храмы, жилые и хозяйственные постройки. В середине XVI века при игумене Филиппе, будущем митрополите Московском, началось каменное строительство, а в конце XVI в. были сооружены стены и башни Кремля. История Соловков — это, в значительной степени, история Кремля и поселка. При монастыре здесь был центр духовной жизни островов, центр основных производств и главный порт. К концу монастырского периода в Кремле и поселке было 10 храмов, 5 гостиниц, известковый, кожевенный, глиняный, лесопильный и салотопный заводы, судостроительные верфи с доком, гидроэлектростанция, радиостанция и почтовое отделение. Было и училище для молодых трудников (так назывались люди, давшие обет работать на монастырь в течение определенного срока). Кроме того, до 1903 г. была тюрьма (примерно на 30 камер). [3, с.100-104].

В лагерный период Кремль и поселок также были центром островов. Здесь в 1930 г. находилась примерно половина всех заключенных архипелага, а в 1939 — 35-40% всех заключенных и 75-80% из бывших на тюремном режиме. Здесь размещалось Управление СЛОИ [11, 1927, I, с.11], а позднее — руководство отделения и управления тюрьмы [Реестр]. Здесь же находился военный городок с казармами для солдат, домами для командиров и подсобными службами. За монастырским кладбищем хоронили умерших и убитых заключенных, и здесь же, у кладбища, был по меньшей мере один массовый расстрел заключенных осенью 1929 г. [5, с.194-195]. Здесь же располагались основные производства лагеря: кожевенное, швейное, столярное и лесопильное; известково-алебастровый, гончарный, механический заводы; бондарная, канатная, наждачная мастерские; до

1929 г. — карбасная мастерская; с 1930-х гг. Йодпром, электростанция, радиостанция и типография [19, 1930, №2/3, с.51].

В документах времен Учебного отряда Кремль и поселок проходят под названием «Городок №1». Здесь также размещалась основная масса военнотружущих (кроме школы юнг); находились главные учебные классы.

В настоящее время поселок является центром архипелага и единственным постоянным населенным пунктом на нем.

2. Савватьево. В 1429 г. здесь поселились основатели монастыря Савватий и Герман. В XVII в. образовалась пустынь — часовня преп. Савватия и несколько келий. В 1860 г. построена церковь Смоленской Божьей Матери и два деревянных двухэтажных корпуса, а в 1880 г. — примыкающий к церкви каменный келейный корпус.

В конце июня 1923 г. в Савватьевский скит была привезена первая партия «политиков» (анархистов и социалистов), Савватьевский скит стал первым и наиболее многочисленным «политским» на Соловках, здесь содержалось примерно 250 з/к. В июне 1925 «политики» из этого и других политскитов были вывезены на материк. [Наст. изд., с.288].

В 1925 г. в Савватьево организовали сельхоз, действовавший, по крайней мере, до 1930 [19, 1930, №2/3, с.52]; из Кремля сюда была переведена часть женщин (существовал отдельный женбарак) [7, с.110-111]. В конце 20-х гг. здесь была молочная ферма, куда в 1928 г. перевели часть заключенных-мусаватистов [5, с.82-85]. В 1930 г. вокруг скита производилась осушка и разделка под луга мест бывших лесозаготовок [19, 1930, №2/3, с.52-53].

С 1925 г. действует электростанция, от которой проведена линия в изолятор на Секирной горе [14, 1925, №4, с.3].

В 1937 г. в Савватьево было 3 тюремных корпуса в монастырских зданиях и некоторое количество лагерных бараков (для занятых на сельскохозяйственных работах). [32].

В Реестре значится каменное тюремное здание (келейный корпус с церковью), после чего идут две пропущенные позиции. Они, по-видимому, относятся к бывшим гостиничным корпусам (деревянным, двухэтажным), один из которых частично сохранился. Судя по его интерьерам, в нем было тюремное помещение. Другой, возможно, служил жильем вольнонаемному составу. В Реестре числятся также клуб постройки 1930 г., 3 барака (не сохранились, позднее на их месте были построены землянки юнг), две бани — тюремная и общая, ограждения с двумя вышками и хозяйственные постройки.

В период Учебного отряда здесь размещалась школа юнг. Юнги жили в специально устроенных землянках, а в каменном корпусе были учебные классы.

В настоящее время каменный корпус с церковью реставрируется под базу отдыха. Один из деревянных корпусов перенесен в поселок в начале 60-х гг., другой полуразрушен и будет снесен. Сохранились, кроме того, две бани и стены одной из монастырских хозяйственных построек. Одна из бывших землянок школы юнг была восстановлена как музей, но в 1989 г. сгорела снова. От остальных построек остались трудно различимые руины.

3. Секирная гора. Название горы происходит от эпизода, относимого к XV в., временам основателей Соловецкого монастыря Савватия и Германа, когда два ангела «вразумили» (высекли) жену местного рыбака-карела с тем, чтобы претензии на острова, принадлежащие инокам, были оставлены [20].

На вершине неоднократно собирались построить храм, но реализованы эти планы были только в 1860 г., когда была поставлена каменная двухэтажная церковь Архангела Михаила и Вознесения. В барабане здания помещался маяк. Маяк продолжал существовать и во времена лагеря, бессменным зрителем его по крайней мере до 1926 г. оставался соловецкий монах Флавиан [19, 1926, №1]; маяк действует до настоящего времени.

С самого основания лагерей здесь был устроен штрафной изолятор с очень суровым режимом. Сюда посылали провинившихся и беглецов (кроме женщин) со всех островов, а также с материка на срок от месяца до года (больших сроков, обычно, впрочем, не выдерживали) [17, с.267]; [7, с.105, 111, 114, 126, 140-142, 144-152]; [8, с.115]; [5, с.88-89]; [21, с.263]; [1, с.54, 57, 80].

В 1925 г. было проведено электричество с Савватьевской электростанции, имелись мастерские [14, 1925, №4, с.3]. Штрафники (основной контингент — отказчики, филоны) были размещены в церкви на двух ярусах: верхний ярус — строгий изолятор, нижний — изолятор №2. В келейном корпусе помещались комендант и канцелярия, жили дежурные надзиратели, в отдельном доме — рота СОП (Соловецкий Особый Полк), вокруг три сторожевые вышки [9, с.188].

Кроме того, по многочисленным свидетельствам, здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры. Расстрелянных и умерших зарывали где-то поблизости.

В 1937-38 годах в церкви также был изолятор, а в келейном корпусе — жилые помещения для заключенных [29].

По Реестру, здания церкви и кельи числятся за портом, т.е. не функционируют как изолятор. Однако названы как действующие собачник ВОХРа, а также «общежитие на смолочурне». Сочетание этих построек с отсутствием жилья для заключенных указывает на специфическое назначение этого места к 1939 г.

В настоящее время здания церкви и келейного корпуса передаются музею. Идут споры об их использовании, среди предложений —

создание здесь филиала экспозиции, посвященной лагерному периоду. В лагерном фольклоре Секирка также занимает особое место: наряду с «комариками», она становится непременным атрибутом характера для Соловков «черного юмора» («Хороши по весне комары, // Чуден вид от Секирной горы // И от всяких ударных работ // Здоровет веселый народ») [16, II, с.23-24].

4. **Исаково.** Первые постройки в Исакове относятся к началу XIX в., здесь тогда жили монахи, занимавшиеся заготовкой сена и ловлей озерной рыбы. Примерно тогда же построена часовня Исакия Далмацкого.

В лагерный период сформировался довольно крупный поселок, была молочная ферма — сельхоз №2 [14, 1926, №1, с.4]. Уже с 1926 года здесь — основное место лесозаготовок, центральный пункт нескольких командировок, связанных телефонной связью с находящейся здесь конторой заведующего лесозаготовками [14, 1926, №2, с.3-4]. К 1927 г. в Исакове имеются клуб, школа ликбеза [11, 1927, XVIII, с.10]. В 1928-29 гг. на первом этаже большого монастырского здания жили работающие заключенные, на втором — помещалась администрация, а на третьем держали сектантов, отказывавшихся от работы [25]. В 1930 г., с прекращением лесозаготовок на островах, выкорчевали пни и стали осушать и разделять болота под луга для нужд Сельхоза [19, 1930, №2/3, с.52-53].

Возможно, позже здесь было что-то вроде дорожно-эксплуатационной службы, т.к. и Л.Кижло [25], и находившийся здесь в 1936-37 гг. Л.Мартюхин занимались ремонтом и строительством дорог [32].

В настоящее время часть строений сохранилась.

5. **Биосад (Филиппова или Иисусова пустынь, Живоносный источник).** В XVI в. здесь, по преданию, жил игумен Филипп. В XV в. построена церковь Живоносного Источника (с колодцем), деревянные кельи.

До середины октября 1925 г. в скиту находились три учреждения — Биосад, завод сухой перегонки дерева [9, с.165] и химическая лаборатория, затем два последних были вывезены [11, 1927, I, с.95-97]. Биосад был организован 13 мая 1925 г. [11, 1927, I, с.96], а 19 июля состоялось торжественное открытие [11, 1927, I, с.13]. Заведующий Биосадам — М.Н. Некрасов. Здесь держали различных животных, проводили опыты по одомашниванию гаги, а также первые опыты по разведению пушных зверей, что и дало толчок и основанию нового учреждения СОАОК — Пушхоза в ноябре-декабре 1925 года. При реорганизации СОАОК в СОК в октябре 1926 г., Биосад был переименован в Биостанцию, заведующим которой стал гидробиолог А.А. Захваткин [11, XVIII, 1928].

Биостанция в Филипповой пустыни просуществовала примерно до 1930 г. В 1934-36 здесь находилась лаборатория о.П.Флоренского.

В настоящее время сохранились жилые помещения, они используются под временное жилье; от культовых зданий остались руины.

6. Хутор Горка (Макарьевская пустынь). Основана в начале XIX в. в глубокой долине между тремя холмами, обладающей, благодаря открытости от ветра, особым микроклиматом.

Здесь была летняя резиденция настоятеля монастыря. Кроме того, здесь находилось уникальное хозяйство, где выращивались плодовые деревья, ягоды, цветы и различные экзотические растения, а в парниках даже арбузы, дыни, розы. Были посажены кедры и лиственницы.

В лагерный период здесь — жилище одного из руководителей УСЛОНа Эйхманса [9, с.165]. «Чудные гобелены, персидские ковры, стильная мебель», — так описывает его интерьер побывавший здесь в 1928 г. немецкий коммунист К.И. Альбрехт [16, I, с.201].

В здешнем отделении Бюсада пытались восстановить и развивать монастырское хозяйство. До арбузов, правда, дело не дошло, но парники были восстановлены и там росли огурцы и цветы; проводились опыты с различными сельскохозяйственными культурами (опытный сельхоз). Место стало называться «хутор Горки» [11, 1927, VIII, с.27].

Впоследствии здесь было пришкольное опытное хозяйство, а сейчас организован ботанический сад и питомник.

7. Кирпичный завод. Кирпичное производство на Соловках начато в середине XVI в. Сырьем служили местные иольдиевые глины. Все монастырские кирпичные постройки на Соловках сложены из здешнего кирпича, который выпускался в десятках размеров и конфигураций. С XVIII в. начали дополнительно производить черепицу и керамику. В XIX в. для работающих на заводе были построены жилые дома.

Зимой 1924-25 гг. кирпичное производство было восстановлено: поставили оборудование, провели электричество, возобновили добычу глины [14, 1925, №4, с.2]. С 10 июня 1925 г. начала действовать узкоколейка Кремль — Кирпичный завод [14, 1925, №28], которую затем продолжили к находившимся поблизости торфоразработкам. Работа на Кирпзаводе — сезонная: зимой заготавливали глину (примерно в версте от завода), летом производили кирпич; работа шла по урокам, при непрерывной рабочей неделе. Из соловецкого кирпича построен Кожзавод, проводился ремонт печей. Часть поставлялась на материк (так, в 1929 году было произведено 1500 тыс. кирпичей, из них 400 тыс. для нужд Кеми) [19, 1930, №1]. В кирпичном производстве были заняты и женщины [7, с.113], для самой тяжелой работы приводили заключенных 13 карантинной роты (роты общих работ) из Кремля [5, с.148]. По-видимому, работа завода прекратилась около 1931-32 гг.

В 1938 г. здесь началось большое строительство нового здания тюрьмы, кирпичи для которого уже завозились с материка [29]. Здание, законченное в 1939 г. рассчитанное не менее чем на три тысячи заключенных (если судить по кубатуре), так и не было использовано по назначению в связи с ликвидацией Соловецкой тюрьмы.

При Учебном отряде это здание было переоборудовано под учебный корпус, а в настоящее время используется под склад воинской части.

8. Филимоново. Поселок Филимоново возник в 1926-27 гг. вблизи от конечного пункта проектировавшейся железной дороги, которая впоследствии так и была названа Филимоновской [19, 1930, №2/3, с.5]. Здесь жили строители, а затем — рабочие железной дороги, бригады лесорубов, рабочие ближайших торфоразработок. В 1931 г. железная дорога была разобрана; поселок, однако, сохранился. В 1938 году здесь была штрафная командировка, содержалось около 200 заключенных [29].

В Реестре: 5 больших деревянных зданий и каменных барак, каменное здание управления (неясно, какого), много других жилых и хозяйственных построек.

Поселок некоторое время использовался Учебным отрядом (обозначался «Городок №3»), однако около 1955 г. был ликвидирован. Кирпичные здания были разобраны, часть деревянных перевезена в Кремль, остальное сгорело. Сейчас на этом месте остались лишь трудноразличимые среди растительности руины.

Около бывшего поселка в строгом порядке стоит 16 крестов квадратом 4 × 4. Никакой другой информации об этом кладбище нет.

9. Старая Сосновая. Деревянная часовня Явления Богородицы, XVII в.; монастырский рыболовный промысел.

Во времена лагеря, по крайней мере по 1925 г., продолжается рыбный промысел [11, 1929, XX, с.22]. С 1926 — лесная командировка, построен новый лесной склад на берегу моря для морского сплава бревен, проложен рельсовый путь до мест лесозаготовок на озере Савино и Филимоново [14, 1926, №2, с.3-4].

По Реестру — жилой барак; смолокурня — не используется. В настоящее время построек не осталось, стоит поклонный крест.

10. Новая Сосновая. Деревянная часовня Всех Соловецких Чудотворцев, XIX в.; монастырские жилые дома и хозяйственные постройки; валунный причал. В 1920-х гг. — рыбный промысел [11, 1929, XX, с.36].

Крупный пункт лесозаготовок 1926-29 гг. От морского склада №1 на берегу проложен рельсовый путь на 3,5 версты в глубь острова [14, 1926, №2, с.4]. Здесь поставлены три барака, на 200 заключенных каждый [1, с.70]. Новая Сосновая подчинена центральному

пункту лесозаготовок в Исакове, соединена с ним телефонной связью [14, 1926, №2, с.3].

В 1931 г. здесь — сбор водорослей [4, с.167], медпункт. Зимой 1936-37 гг. во время организации Соловецкой тюрьмы на небольшом острове в Сосновой губе «Командировка Новая» держали большую группу заключенных, которые строили из валунов дамбу через узкий пролив [28, с.25-26].

В настоящее время сохранилась одна жилая постройка XIX в., используемая сборщиками водорослей. Поблизости сохранились остатки временной узкоколейной железной дороги на бревенчатом основании, заканчивающейся в море.

11. Реболда. «Перевалочный пункт» на обычном пути богомольцев на о. Анзер — здесь пересаживались с лошадей на суда. Монастырский зверобойный промысел, салотопный завод, каменная часовня XIX в.

В лагерный период — перевозка заключенных и грузов на о. Анзер [8, с.97-98]. До конца 1920-х гг. — звероловная артель под руководством соловецкого монаха Паисия [19, 1929, №2, с.15-17]. Затем — лесная командировка, с 1930 г. — сбор водорослей [4, с.167].

В настоящее время — наиболее крупный поселок сезонных рабочих по сбору водорослей.

12. Красное озеро, Валдай, Нов. Корзино, Щучье озеро. Лесные командировки 1926-39 гг. [11, 1927, XVII, с.101], вдоль озер, соединенных судоходной системой каналов. Лес с этих командировок сплавляли по озерам и каналам к пристани на озере Перт, где его грузили на железную дорогу [16, I, с.147]. После 1929 г. — заготовка дров, пней для смолокурения. В Корзине была часовня, разобранный на кирпич в конце 1920-х гг. (один из немногих случаев сознательного разрушения монастырских построек в лагерный период). Судя по Реестру, к 1939 г. все эти командировки не использовались; их постройки до настоящего времени не сохранились.

13. Перт-озеро. В монастырский период — конечный пункт судоходной системы; место перевалки грузов, пристань.

В 1923 г. сюда проведена ветка железной дороги, устроена стоянка двух курсирующих по системе паровых катеров; склады, жилые помещения [7, с.98]. Карбасная мастерская (по-видимому, для озерных судов).

По Реестру — стоянка катера «Чайка» (т.е. по меньшей мере один катер продолжал ходить по системе до 1939 г.); кроме того, — свинарники и жилые помещения при них.

В настоящее время — лодочная станция.

14. Овсянка. Монастырский звероловный и рыболовный промысел; часовня, жилые дома.

В 1926-30 гг. — крупная лесная командировка [11, 1927, XVII, с.101]; для заключенных были построены три больших барака, а в монастырском доме жила охрана [8, с.110-111]. Проложена узкоколейка (примерно 3 км) к морю, по которой вручную перевозили баланы с места заготовки [8, с.123].

Киселев упоминает о двух ямах — одна большая, другая поменьше — заполнявшихся за зиму трупами погибших заключенных. Розанов считает это выдумкой [16, 1, с.153-155], однако в Реестре значатся, как у Киселева, 3 барака и монастырский дом и, кроме того, две ямы разных размеров, используемые в 1937 г. для водорослевой золы.

С 1930 г. до настоящего времени — добыча водорослей.

15. Белужье, Трещанка, Нерпичи, Толстяки. Монастырские избы северного и северо-западного берега острова: звероловный промысел. В лагерный период — добыча плавника, водорослей. Пикеты ВОХР с вышками. Нерпичи, кроме того, — лесная командировка, она к 1939 г. используется, а Белужье, Трещанка и Толстяки — нет.

16. Печуги. Монастырская изба у южной оконечности острова. В лагерный период — добыча водорослей. Сохранились развалины землянки. В настоящее время поблизости — база Полярного института рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО), проводятся опыты по искусственному разведению ламинарий и мидий.

17. Зеленые озера. Здесь, несколько в стороне от Реболдовской дороги, на территории «Заповедника имени Общества Краеведения» (заказник был объявлен приказом по УСЛОН за №103 от 12 мая 1929), в 1927 г. было устроено отделение Биосада — дендропитомник и питомник лекарственных растений, высаживались лиственницы, кедры, бадан (судя по наличию старых, примерно 150 лет, лиственниц, лагерь пошел по стопам монастыря). Здесь работал и жил бывший «ковбой» В.Н. Дегтярев, красочно описанный многими мемуаристами [1, с.48]; [13, с.274]; [9, с.197]; [18, с.66]; [21, с.274]. Некоторое время (по крайней мере, в 1927 г.) он был заведующим дендропитомника [11, 1929, XX, с.39]. Впоследствии посадки лиственницы возобновлялись. Построек никаких не сохранилось.

18. Амбарчик. Лесная командировка на Амбарном озере [16, 1, с.147], в глубине северной части острова. По Реестру — 5 бараков для заключенных, дом ВОХРа. Именно сюда летом 1929 г. спрятали штрафников с Секирки во время приезда Горького, заменив их передетыми чекистами [13, с.179-180].

В 1930-х гг., по-видимому, — сбор порубочных остатков, корчевка пней на смолу.

Здания не сохранились; остатки бараков лежат на дне оз.Амбарного. Сквозь прозрачную воду авторы в 1989 г. видели дверь с «глазком» и «кормушкой».

19. Лопушки. Командировка на Реболдовской дороге — по-видимому, лесная.

Здания не сохранились.

20. Березовая тоня. Монастырская пустынь в юго-восточной части острова, рыбный промысел, жилые постройки и пристань XIV в.

В лагерный период: в 1920-е гг. — рыбный промысел [11, 1929, XX, с.36] под руководством инструкторов-монахов; в 1930-х гг. — рыбный промысел, добыча водорослей, помещения йодпрома. Пикет ВОХР, сторожевая вышка.

В настоящее время — добыча водорослей.

21. Городки, Горелая изба, Еремеева изба. Избы монастырского времени на восточном побережье острова, рыболовство. В лагерный период — пикеты ВОХР, в Еремеевой, кроме того, — барак заключенных, рыболовство.

22. Фильтона. Монастырская пустынь по Реболдовской дороге. Часовня, жилые помещения; рыболовство, покосы.

В лагерное время — командировка, специализация неизвестна.

Здания не сохранились.

23. Варваринская часовня. Деревянная часовня XIX в. по Реболдовской дороге.

В лагерный период здесь размещалась контора лесничества и жили рабочие — до 300 человек. В разное время здесь находились и работали архиепископ Иларион, а также мемуаристы — О.Волков, М.Розанов, И.Зайцев [5, с.165], [7, с.136], [16, с.146]. По Реестру, в 1939 г. помещения командировки относятся к топливной базе. Здания не сохранились.

24. Большое Куликово болото. Лагерная командировка (возможно, сначала лесная); возникла предположительно в 1927 г. В 1928 строилась дорога сюда от Савватьевской дороги, а еще через несколько лет газета «Новые Соловки» сообщала, что здесь «оштукатурены стены барakov-землянок, переделаны нары...» и т.д.

На болоте были проведены мелиоративные работы, затем разведены огороды и устроены покосы. В таком виде командировка существовала до 1939 г.

При Учебном отряде здесь располагалась станция радиоперехвата, продолжали использоваться покосы.

Никаких зданий до нашего времени не сохранилось.

25. Пушхоз. Расположен на двух островах в Глубокой губе площадью по 3-4 десятин каждый (о.Лисий и о.Песцовый).

Первые опыты по разведению пушных зверей на Соловках были начаты в сентябре 1925 г. в Биосаде. Уже в ноябре-декабре по инициативе и под личным руководством Начальника УСЛОН работала Комиссия по выбору места для строительства Питомника, тогда же острова Глубокой губы Приказом по УСЛОН за №103 от 12 мая 1925

были объявлены заказником [11, 1927, I, с.160-161], начальником Пушхоза до 1931 г. был К.Г. Туомайнен, оставшийся работать после освобождения [19, 1929, №2]; [13, с.185]. Здесь содержались черно-бурые, серебристо-черные и рыжие лисицы, голубые и кремовые песцы, кролики, ондатры, и даже было 5 соболей [11, 1927, III, с.31-32]. Пушхоз был организован на паях УСЛОНОм и Госторгом, племенной материал поставлял Госторг. Меха шли на международные ярмарки, часть денег за проданные меха шла в пользу лагеря и непосредственно СОК. Темой постоянного недовольства заключенных, а иногда и либерального начальства, было то, что зверей здесь кормили лучше, чем заключенных: мясо, свежая рыба, овощи, а соболям — даже орехи и мед. Впрочем, работники пушхоза старались до некоторой степени сгладить эту несправедливость [5, с.152-153].

Начальник УСЛОНа Ногтев в своем отчетном докладе за 1929 год говорит: «по пятилетке продукция питомника должна дойти до 725000 рублей в год» [19, 1930, №2/3, с.56-57].

В 1931-32 гг. часть зверей вывезли на Беломорканал, в Повенец, организовав там пушное хозяйство, однако Соловецкий пушхоз, судя по Реестру, существовал до 1939 г.

Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

26. Пересыльный пункт (Карантинный городок). Представлял из себя группу барачков — 3 больших и один маленький — расположенных примерно в 500 м к северу от Кремля. Сюда в 1929 или 1930 году перевели заключенных тринадцатой (Карантинной) роты, размещавшейся до этого в Кремле. Судя по газете «Новые Соловки», этот городок первоначально был рассчитан на 800 человек. Здесь селили заключенных, прибывших с материка, до размещения их по ротам и командировкам.

В 1937 г. сюда свезли множество заключенных со всех Соловков, у многих из них сроки уже закончились. Из переполненных барачков постоянно вызывали: ночью — на расстрел, днем — для объявления нового срока [32].

Пересыльный пункт имел статус «отдельного лагерного пункта» (ОЛП) в составе I отделения. Поэтому, кроме жилых барачков, здесь были необходимые хозяйственные постройки: кухня, столовая, баня, ларек и т.д.

Часть зданий сохранилась, используется под жилье.

27. Песья Луда. Группа построек на одноименном острове в бухте Благополучия.

По Реестру — жилой дом, сарай, маяк.

28. Торфоразработки (Торфогородок). Запасы торфа на Филимоновском болоте интенсивно разведывались весной 1925 года, вслед за этим, уже в июле, была начата их механизированная разработка [11, 1927, I, с.71]. Работы на болоте по рытью канав и корчевке пней

были одними из самых тяжелых на острове [4, с.165]. Здесь работали женщины-«торфушки» — укладчицы торфа [19, 1930, №2/3, с.20]; [7, с.113].

В 1929 г. была сюда протянута ветка железной дороги [24].

С разборкой железной дороги в 1931 г. добыча торфа стала падать и скоро прекратилась совсем. Максимальный объем добычи был в 1930 г. [19, 1930, №2/3, с.57] (примерно 25000 м³). После этого помещения на торфоразработках использовали под скотные дворы, а к 1939 г. прекратили использовать вовсе.

Во времена Учебного отряда здесь некоторое время размещался дисциплинарный батальон. Добыча торфа была на короткое время возобновлена в 1941-42 гг., когда возникли трудности с подвозом дров с материка [31].

Здания торфогорodka не сохранились. По слухам, где-то на болоте находится полузатонувший паровоз.

29. Переговорный камень. Пикет ВОХР с вышкой; расположен был поблизости от «переговорного камня», где в 1855 г. соловецкий настоятель о.Александр вел переговоры с парламентарями угрожавшей Соловкам английской эскадры. В 1937 г. здесь заготовляли плавник [29]. В 1939 г. не используется. Строение не сохранилось.

30. Пикеты на Филимоновской железной дороге. Эти пикеты не следует путать с пикетами ВОХР. Здесь это — железнодорожный термин, обозначающий номер стометрового участка от начала железной дороги, в данном случае — от порта.

Поселок у 8-го пикета начал строиться еще в 1926 г., когда Филимоновской железной дороги еще не было, а была только ветка на Перт-озеро для рабочих и служащих железной дороги. В 1927 г. бараки стали заселяться [24].

С прокладкой железнодорожной ветки здесь образовался железнодорожный узел: развилка на Перт-озеро и на Филимоново. В 1939 г. здесь имелось 22 постройки.

В период Учебного отряда отдельные здания использовались для хозяйственных нужд.

До настоящего времени здания не сохранились, последнее из них было разрушено совсем недавно.

Пикеты №№ 31, 58, 59, 61, 83, 84, 96, будучи первоначально пунктами строительства железной дороги, стали затем ее станциями, разъездами, а при некоторых из этих пунктов было и жилье для заключенных. По-видимому, некоторые из них стали местами погрузки в вагоны леса, трелеванного (в основном, на людях) с вырубок в период лесозаготовок.

Известно, что на 58, 59, 83, 84 и 86 пикетах имелись бараки для заключенных, но в Реестре их количество и размер не указаны.

К настоящему времени никаких построек на пикетах не осталось, а железнодорожная насыпь используется как автомобильная дорога.

АНЗЕР

На Анзере сосредоточено наибольшее число мегалитических сооружений и захоронений домонастырского периода, приуроченных обычно к участкам тундровых ландшафтов. Особенно много их в восточной части острова, полностью покрытой тундрой и лесотундрой. Там множество человеческих останков лежит просто на поверхности земли, в обрамлении камней или без такового.

Начало монастырской колонизации Анзера относится к XVI в., здесь занимались солеварением и промыслом морского зверя. Этапы монастырской колонизации более подробно описаны ниже применительно к отдельным скитам. Здесь же нужно отметить следующее. Сложившийся еще в домонастырский период статус Анзера как «особой территории» внутри Соловков (подобно тому, как сами Соловки были «особой территорией» среди окружающей местности) впоследствии постоянно воспроизводился.

Так, при монастыре это место почиталось особо святым, сюда долгое время не пускали женщин-богомолок. В Анзерских скитах был более строгий устав, сюда посылали исправляться провинившихся монахов. Специфическим было и направление культовой деятельности. «В Голгофском скиту не служат молебнов — одне панихиды», — пишет в 1859 г. С.В. Максимов.

В лагерный период особо характерна ситуация конца 1920-х гг., когда Анзер являлся одновременно штрафной командировкой и больничкой. Сюда посылали следующие категории заключенных:

- тяжело больных, «доходяг»;
- женщин, родивших на Соловках, с детьми («мамок»);
- священнослужителей.

Содержались все они в очень тяжелых условиях и многие погибали.

В этом выявлялось, во-первых, абсолютно непроизводительное значение Анзера, и во-вторых, «особость» содержащихся здесь заключенных. Оба эти признака относились, конечно, и к Соловецким лагерям в целом, но на Анзере они были выражены ярче.

Такой статус Анзера сохранился и донныне. Среди общей заповедной территории архипелага остров Анзер выделяется как «особо охраняемая территория».

1. Троицкий скит (в документах называется просто «Анзерский скит», «Анзер»). Является «центром» Анзера. Некоторое время в XVII в. он был даже независим от Соловецкого монастыря, в это время здесь постригся и жил Никон, будущий патриарх Московский.

В 1924 г. на Анзер привезли «политиков», не более 70 человек. Летом 1925 г. их вывезли на материк [Наст. изд., с.288].

Следующими жильцами Анзера стали проштрафившиеся женщины, а также «мамки» — женщины с детьми, перевезенные после родов из штрафного изолятора на Заяцких островах [8, с.97-98]; [23]. «Мамки» жили в главном каменном корпусе, а в амбаре — проститутки [21, с.344]. Также в главном корпусе в 1929-31 гг. содержались монашки [23]; [6, с.50]. Троицкий скит был и культурным центром Анзера — здесь и театр [19, 1926, №1, с.7-10], и стенгазета «Красный Анзер» [11, 1927, XVII, с.89], и активная лагкоровская работа «перевоспитавшихся» [11, 1927, XVII, с.50-55]. По свидетельству А.З., «мамок» освободили примерно в 1932 г.

В 1929 г. на Анзер вывезли значительную группу православного и католического духовенства, причем иерархи содержались отдельно на Троицкой спасательной станции. В 1932 г. уцелевших вернули на Соловецкий остров [16, I, с.257]. Весной 1930 г. сюда привезли 148 сектантов. Осенью того же года их вывезли и расстреляли на Секирке [13, с.239-243].

В Троицком скиту держали скот, были огороды и парники. Занимались сельским хозяйством в основном женщины. Вплоть до 1937 года была молочная ферма (до 60 коров) [15, с.27].

В конце первой половины 1937 года здесь тюрьмы еще не было, в каменном корпусе жила охрана и заключенные работники НКВД, а в деревянных зданиях — остальные заключенные [29].

Согласно Реестру, в 1937 г. каменный келейный корпус с церковью был переоборудован под тюрьму, остальные помещения были на лагерном режиме и, по-видимому, относились к сельхозу. Числятся скотный двор, два телятника, парники, силосные ямы и т.д.

В период Учебного отряда здесь было подсобное хозяйство.

Основные постройки сохранились, но, за исключением одного деревянного здания, используемого лесхозом, разрушаются.

2. Голгофо-Распятский скит. Основан в 1712 г. на г.Голгофе духовником Петра I Иовом, которому у этой горы явился Богоматерь и велела устроить скит с таким необычным названием.

Деревянная церковь была построена в 1714 г., в XIX в. она была заменена каменной, а деревянная перенесена под гору. С трех сторон церковь окружают двухэтажные здания на склонах горы: один из корпусов был келейным, другой в нижнем этаже имел кельи, а в верхнем — трапезную, третий служил гостиницей. Находившийся здесь скит со времен Иова отличался суровым уставом.

На Голгофе в церкви содержались женщины-уголовницы — больные венерическими болезнями, наркоманки, проститутки, воровки [11, 1927, XVII, с.53]. Общее число заключенных — 300 человек [8, с.98-99]. До 1930 г. здесь были Анзерский кустпром [19, 1930,

№2/3] и художественно-вязальная мастерская [22, с.148]. Ситуацию на Голгофе в конце 1920-х гг. описывают материалы комиссии Шанина, обнаруженные И.И. Чухиным и опубликованные в настоящем сборнике. По свидетельству Олехновича, до 1932 г. здесь содержалась часть католического духовенства [16, I, с.257].

Судя по надписям на стенах зданий, голгофские помещения использовались до 1937 г.

В Реестре южный корпус обозначен как кухня (но, по-видимому, в нижнем этаже были помещения для охраны), а остальные два корпуса и церковь — как жилые (т.е. лагерные) помещения. Однако по внутреннему устройству большой восточный корпус выглядит как тюремное здание (решетки на окнах, двери с глазками).

В настоящее время здание скита не используется и находится в полуразрушенном состоянии.

БОЛЕЕ МЕЛКИЕ ПУНКТЫ АНЗЕРА

— **Троицкая** (б.Троицкая спасательная станция). Основана в 1875 г. Монастырский зверобойный и рыбный промысел. Продолжает его и в лагерное время. Цвибельфиш приводит численность на 1926 год — 137 заключенных и 2 вольных [19, 1926, №7, с.8-9].

Около 1930 г. в изоляции на секретной Троицкой командировке содержали иерархов православной и католической церкви, не менее 15 чел. [6, с.50].

По Реестру числятся атрибуты йодпрома (печи, навесы), 3 жилых монастырских дома и пикет ВОХР. Сохранилось 2 дома и склад.

— **Кеньга**. Основная пристань, соединяющая Анзер с Б.Соловецким островом. В монастырское время была налажена доставка богомольцев из Кремля на лошадях до Реболды, затем морем на карбасе в Кеньгу, где ждала их тройка лошадей до Анзерского скита или Голгофы. Во времена лагеря именно этим путем гнали этапы на Анзер, но без лошадей [8, с.97-98]; [11, 1927, XVII, с.53]. В настоящее время сообщение с Б.Соловецким островом идет в основном через Копорскую губу (от 2 до 4 часов по морю вокруг Соловецкого острова из главного порта), тем не менее «дорога» через Реболду-Кеньгу также используется. По Реестру числятся пристань и два жилых помещения, одно из которых в часовне «Всех скорбящих», а также дежурное помещение ВОХР (для принятия этапов). Ничего не сохранилось.

— **Копорская**. Несколько монастырских зданий на берегу Копорского озера, среди обширных лугов. Использовались, по-видимому, для тех, кто был занят на покосах и рыбной ловлей [19, 1926, №7, с.8-9]. Розанов [16, III, с.46] приводит свидетельство врача с Анзера

о том, что в 1929 году иерархи церкви содержались именно здесь. Сохранилось одно полуразрушенное здание.

— **Старые городки.** Пункт Пушхоза. На Анзере в основном находились песцы на полувольном содержании, кормились они и трупами у Голгофы. К 1931 г. их развелось такое количество, что они стали нападать на людей; Розанов, описывая свое пребывание на Анзере, говорит, что ходил с палкой, чтобы отбиваться от песцов [16, I, с.104].

— **Новые Городки.** База ВОХРа — жилое помещение, кухня, Красный уголок. Находилась между Копорской губой и Старыми Городками. Остались лишь руины.

— **Кирилловское (Кирилловская тоня).** Монастырский зверобойный и рыбный промыслы. Лагерная командировка — заготовка плавника, рыболовство [19, 1926, №7, с.8-9]; возможно — сбор водорослей. По Реестру — 3 жилых дома (один из них в часовне XIX в.), электростанция, склады, ледник для рыбы. Сохранился жилой дом, одна из дверей оборудована запорами и глазками.

— **Могильники.** Домонастырские захоронения, лабиринты в лесотундре. Монастырская изба (для рыболовов?). Землянка УСЛОН. Следы заготовки плавника. Изба и землянка полуразрушены.

— **Плотницкая изба.** Монастырское здание XIX в. В лагерное время — жилье для сборщиков плавника. На поклонном кресте поблизости надписи работавших здесь заключенных. В настоящее время на месте избы — более поздняя постройка.

— **Источник.** Находится в 1,5 км от Троицкого скита. В Реестре не обозначен, но имел важное значение в жизни острова, т.к. снабжал питьевой водой Троицкий скит и Спасательную станцию. Когда-то здесь была часовня. Навес над источником испещрен надписями заключенных, возивших отсюда воду; через это место осуществлялась «почтовая» связь между заключенными Анзерских командировок (возможно, и с Соловецким островом).

— **Колгуй.** Пикет ВОХР с наблюдательной вышкой на высоком холме в восточной тундровой части острова, построен в 1936 г., соединялся телеграфной линией с базой ВОХР в Новых Городках. Здание пикета сохранилось, используется воинской частью.

БОЛЬШАЯ МУКСОЛМА

Свидетельств культовой деятельности в домонастырский период на Б.Муксолме не обнаружено, зато обнаружено одно из немногих свидетельств хозяйственно-бытовой деятельности этого периода — стоянка на северной оконечности острова, аналогичная стоянкам южного берега Белого моря II-I тысячелетия до н.э. Также и в даль-

нейшем (и в монастырский, и в лагерный период) Муксолма играла в основном прикладную хозяйственную роль. Связь сакральных центров с хозяйственно-бытовой стороной подчеркивается дамбой, соединяющей Муксолму с Большим Соловецким островом. Первые монастырские постройки относятся к XVI в., когда при игумене Филиппе в юго-западной части острова был устроен скотный двор и поставлена часовня Св. Власия.

В 1829 г. сюда перенесена от Кремля деревянная церковь преп. Онуфрия, а в 1876 г. построена каменная церковь Сергея Радонежского. В 1827-65 гг. построена дамба, соединяющая Муксолму с Большим Соловецким островом.

На Муксолме в 1923-25 гг. находился третий «политскит».

Здесь, как и во многих других точках Соловков, видна традиционная преемственность. С возникновения лагеря здесь находился сельхоз №4. П.Льдов [19, 1929, №3/4] так описывает Муксолму: «деревня, или во всяком случае милая провинция», противопоставляя ее Кремлю — городу. Основная отрасль Муксолмского хозяйства — это животноводство (коневодство, свиноводство и крупный рогатый скот). К 1930 году Муксолмский сельхоз становится базой распространения молодняка для развития животноводства Севера [19, 1930, №2/3, с.51-53]. Кроме этого, и растениеводство — полеводство, огородничество, луговое хозяйство.

Также на Муксолме находились артель рыбаков, по крайней мере до 1933 г. [5, с.161], кустпром [19, 1930, №2/3, с.51-53], электростанция, школа ликбеза, выходила стенгазета, был театр, драмкружок при ВПЧ; имелся крольчатник на 500 кроликов [14, 1926, №2, с.5].

В 1926 г. сюда перевезли химическую лабораторию, руководимую Н.Н. Простосердовым [11, 1927, III, с.123]. В 1931-33 гг. здесь собирали водоросли и морскую капусту [4, с.163]; [5, с.176]. В бывших монастырских строениях Сергиевского скита — Управление отделения, лазарет, ряд служебных помещений и казарм. Молочной фермой в 1929 году заведовал монах-специалист, проживший на Соловках 40 лет. Основной контингент заключенных — крестьяне, много женщин. Более 100 сезонных рабочих, в том числе женщины-доярки [19, 1929, №3/4].

Работа Муксолмского сельхоза продолжалась и во времена тюрьмы [15, с.27]. В 1937 г. при животноводческой ферме работало несколько сот женщин, среди которых было много украинок, сосланных без суда за людоедство во время голода на Украине в 1931 г.; впоследствии эти женщины были уничтожены [30].

Судя по Реестру, в 1937 г. каменный корпус был переоборудован под тюрьму, устроены прогулочные дворики и заграждения с двумя вышками (объем этого здания в Реестре не указан и взят приблизи-

тельно, по наружным размерам). К 1939 г. животноводческие корпуса (свинарники) не эксплуатировались, т.е. они прекратили работу в 1938 г.

В Реестре, кроме того, значатся клуб вольнонаемного состава, административные постройки, оранжереи и пристань «РПЧ» (рыбопромысловая часть).

Из других пунктов Б.Муксолмы в Реестре значится только гора Фавор, где в часовне XVIII в. был пикет ВОХРа, а недалеко стояла сторожевая вышка.

Во времена Учебного отряда на Б.Муксолме держали скот. Кроме того, здесь был устроен первый на Соловках наземный аэродром (до того воздушная связь осуществлялась только гидросамолетами).

В настоящее время в помещениях Сергиевского скита летом живут сборщики водорослей. Кроме того, пастбища острова (изрядно уже заросшие) используются для выпаса небольшого количества скота подсобного хозяйства воинской части.

МАЛАЯ МУКСОЛМА

С XVI в. здесь в полудиком состоянии содержалось стадо северных оленей.

В 1854 г. построена деревянная Рождественская часовня, в 1827 г. построена дамба, соединяющая Малую и Большую Муксолму (в настоящее время дамба полуразрушена, но, тем не менее, в отлив по ней перебраться можно).

В 1931 г. «в двух бараках под усиленной охраной содержали небольшое количество каких-то секретных заключенных» [4, с.165-166]. Действительно, по Реестру значатся три небольших здания — одно каменное, 1927 г. постройки (в 1939 г. используется под склад), и два жилых, деревянных — б.Рождественская часовня, где жили, по-видимому, заключенные; и бывший келейный корпус, используемый как казарма ВОХР, причем последнее примерно равно по объему двум первым. Других свидетельств о количестве, составе, занятиях населения М.Муксолмы лагерного периода мы пока не нашли.

Сейчас на Малой Муксолме находится один из наиболее крупных сезонных поселков сборщиков водорослей.

ЗАЯЦКИЕ ОСТРОВА

В домонастырский период Заяцкие острова активно использовались в сакральных целях. Здесь обнаружено множество археологических памятников того времени, в том числе крупнейшее святилище на склонах горы Сигнальной на Б.Заяцком острове. Это святилище

включает 14 лабиринтов, более 600 курганов, два дольмена и много других каменных сооружений.

В XVI в. при игумене Филиппе на Б.Заяцком острове была построена каменная гавань, деревянная часовня и келья со службами. В 1702 г. в память посещения острова Петром I была построена деревянная Андреевская церковь. На Заяцких островах содержался мелкий монастырский скот. В 1854-55 гг. сюда дважды с целью захвата скота высаживались англичане.

В период СЛОН здесь был женский штрафной изолятор с суровым режимом. Попадали сюда, в основном, за «половую распущенность». Беременных женщин держали до родов, а затем перевозили на Анзер [21, с.281].

«Воспитательное значение Заяцкого изолятора трудно переоценить. Попав сюда раз, стараются больше не попадать», — пишет газета «Новые Соловки» в 1925 г.

Понаслышке об этом месте рассказывают многие, но прямых письменных свидетельств от лиц, там побывавших, пока не найдено.

О Малом Заяцком острове Солженицын приводит свидетельство Скрипниковой, что в 1930 г. туда без пищи вывезли несколько десятков сектантов, и они все умерли там от голода [18, с.64].

В Реестре на Заяцких островах значатся несколько служебных и жилых построек и указано, что все они не используются. Других данных о Заяцких островах после начала 1930-х гг. пока нет, когда там закрылся изолятор — неизвестно.

В настоящее время сохранилась Андреевская церковь и каменное жилое здание, они эпизодически используются под временное жилье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сбор материалов к Историко-географическому атласу Соловков не закончен, однако появилась возможность приступить к составлению карт, являющихся первым шагом в этом направлении.

В процессе работы определены все лагерные командировки, они исследованы на местности, уточнена их основная специализация, что и отражено в публикуемых картах.

По лагерному периоду авторами в ближайшее время предполагается составить: «Экономическую карту Соловков 1923-1939», «Карту материковых владений УСЛОН», закончить составление планов Кремля и поселка. Эти работы будут включены в готовящийся Соловецкий сборник.

УСЛОВНЫЕ

- ЛАГ. ПУНКТ. КОМАНДИРОВКА
- ОБЪЕМ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ 3%
- ЛАГЕРНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ
- ▣ ТЮРЕМНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ
- ▭ СТРОИТЕЛЬСЯ ТЮРЬМА
- ТЕРРИТОРИЯ ЛАГ. ОТДЕЛЕНИЯ /1923-1925/
- - - ЛАГ. ПУНКТОВ /1930-1937/
- ▭ ОТДЕЛЕНИЕ ТЮРЬМЫ /1937-1939/
- И ГРАНИЦЫ МЕЖДУ НИМИ

- Ш ШТРАФНАЯ КОМАНДИРОВКА
- ПРЕМА
- С СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ
- ПРОИЗВОДСТВА: КОЖЕВЕННОЕ, ШВЕЙНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ, ЛЕСНО-ЗАВОДСКО-ФАБРИЧНО-АЛЕКО-ТОВАРНО-ПИЩАНОЕ, МЕТАЛЛО-МЕХАНИЧЕСКОЕ: ВОЛШЬЯНА, МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЕ, МАШИНО-МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЕ, ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ, МАШИНО-СТАНЦИЯ, ТИПОГРАФИЯ

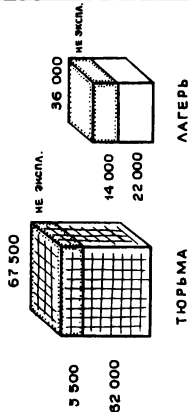
- У МОДПРОМ
- / ПЕРЕРАБОТКА И СБОР ВОЛОС/
- ДОВЫЧКА ТОРФА
- ЛУШНОЕ ЗВЕРОВОДСТВО
- ЖИВОТНОВОДСТВО
- РЫБОВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
- ЗВЕРОВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
- ЛЕСОЗАГОТОВКА, ЛЕСОСПЛАВ
- УПРАВЛЕНИЕ АССОЦИАЦИОН
- ЛЕСОВОДСТВО
- ЛЕСНИЧЕСТВО
- ЗАГОТОВКА ПЛАВНИКА
- ДОВЫЧКА ГИЛНЫ И ЗАПОВКА КИРПИЧА
- СТРОИТЕЛЬСТВО
- ДВОРБАЧНИЧЕСТВО
- СМОЛКУРНЯ

ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ
- Н ВЫШКИ ВОХР С ЗАГРАЖДЕНИЕМ ВОКРУГ ТЮРЕМНЫХ КОРПУСОВ
- ▲ ПИКЕТЫ ВОХР, НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ВЫШКИ
- ⊙ КАЗАРМЫ ВОХР
- ⊕ ВОЕННЫЙ ГОРДАК
- ⊖ ГАРДАЗБОРОМ
- † ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЯ 3%
- ⊖ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ
- ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДИАГРАММА
ТЮРЕМНЫХ И ЛАГЕРНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
НА 1939 ГОД.

/ В КУБ. М. /

А.Н. Канева
УХТПЕЧЛАГ. 1929-1938.

РОДОСЛОВНАЯ

В конце 1920-х годов Управление северными лагерями особого назначения (УСЕВЛОН) уже начало «осваивать» территорию Коми-Зырянской Автономной области. К северо-востоку от Котласа, центра УСЕВЛОНа, заключенные валили лес по Вычегде, тянули автодорогу от Усть-Сысольска на Усть-Вымь.

В «год великого перелома на всех фронтах социалистического строительства» перед УСЕВЛОНОм была поставлена «боевая задача» — начать освоение бассейна Печоры. 21 августа 1929 г. на берегу таежной речки Чибью, притока Ухты, высадился этап заключенных, основавший здесь лагпункт УСЕВЛОНа под названием «база Ухтинской экспедиции ОГПУ». В задачи экспедиции входили оценка промышленного значения Ухтинского нефтяного месторождения, разведка на нефть и газ в Ижемском и Печорском районах, выявление источников радиоактивных вод, разведка угольных залежей в Воркуте.

В подготовке экспедиции принимал участие будущий начальник геологического отдела Ухтпечлага Н.Н. Тиханович. Арестованный 18 ноября 1928 года, он сидел в Бутырской тюрьме. Позже он вспоминал: «Сговор начался в следственных органах, в Москве. /.../ Я был приглашен на собрание неизвестных людей, человек восемь, мне поставили вопрос ребром: как ехать на Ухту, какие вещи брать, какое снаряжение, сколько провизии и т.д. Я написал им маршрут и о снабжении. Я написал, что туда надо везти все до последнего гвоздя, указав два пути: старый (незавершенная дорога, больше даже тропа, с Вычегды, через тайгу и болота, к Ухте. — А.К.) и морской путь — там можно везти более тяжелые грузы, хотя и трудно подавать их [вверх] по Ижме. В количестве 195 человек мы экспедицию сконструировали»¹.

В мае 1929 г. на Соловки из ГУЛага были направлены б.начальник охраны Смольного и Кремля Э.П. Ская (начальник конвоя Ух-

¹ Архив «Мемориала», фонд В.П. Надеждина. № [1]. Л.28-28 об. (Из воспоминаний начальника геологического сектора Ухтпечлага з/к Н.Н. Тихановича от 30.12.1932. Фотокопия).

тинской экспедиции) и хозяйственник ОГПУ С.Ф. Сидоров (начальник экспедиции). В помощники им по научно-технической части спецотдел ОГПУ назначил Д.А. Русанова, студента пятого курса геологического факультета Московской горной академии, члена ВКП(б). «Рабсилу» они отбирали в пересыльном лагере в Кемии, старались взять крепких и молодых. Состав получился разношерстным — политзаключенные, крестьяне, уголовники, бытовики. Специалисты брали с Соловков, выбор там был богатый: только в 1928 году на Соловки водворили 68 инженерно-технических работников по «шахтинскому делу». Вот известные имена специалистов, проследовавших из Соловков на Ухту: горные инженеры А.А. Волошановский, И.Д. Горовец, А.И. Духовский, Л.Н. Зарудный, А.В. Иванов, Б.Р. Компанец, И.М. Лямин, И.Н. Парчевский, А.Г. Прасолов, инженер-геолог М.Н. Липовский, инженер-технолог А.А. Зеленский, инженер-электрик Л.С. Киш, землемер С.П. Жемчужин, лесовод В.А. Кирилин, врач Н.А. Викторов, натуралист-географ А.В. Кулевский; горняки М.В. Рушинский, А.Я. Росселевич, П.И. Дмуховский прибыли с Соловков как политссыльные².

Поскольку ближайшие задачи заключались в геологическом изучении громадной территории, в качестве научных руководителей были взяты крупные специалисты-геологи. Николай Николаевич Тиханович принадлежал к числу ведущих ученых-нефтяников страны, он вел исследования на Сахалине и в Урало-Эмбинском районе. На Ухте он впервые побывал в 1900 году: ездил по поручению частной Московской конторы артезианского бурения для восстановления заявок на нефтеносные участки. Теперь, приговоренный по ст.58, пп.6, 7 к высшей мере наказания, замененной 10 годами лагерей, он в первый же сезон был доставлен в Чибью, где два года работал как з/к и восемь лет — как прикрепленный к Ухтпечлагу. По мере развития дела росли и его функции: начальник геологического отдела Ухтинской экспедиции, старший геолог, начальник геологического отдела Ухто-Печорского лагеря.

Во второй сезон прибыл с этапом геолог-нефтяник Н.М. Леднев, в следующий сезон — И.Н. Стрижов; для развернувшейся на Воркуте углеразведки доставили этапом одного из крупных геологов-угольщиков П.Н. Полевого, для работы с радиоактивными водами — геохимиков И.И. Гинзбурга и Ф.А. Торопова и т.д.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

5 июля 1929 г. в 7 часов утра в Кемии началась погрузка экспедиции на пароход УСЛОНА «Глеб Бокий», закончившаяся к 11 вечера.

² Центральный гос. архив Коми АССР (ЦГАК). Ф.1668. Оп.1. Д.43. Л.148-149.

Тоннаж судна не позволил забрать весь груз, в Кеми пришлось оставить свыше двух вагонов муки, часть ларькового груза и некоторые предметы хозяйственного обихода. К 24 часам была погружена партия из 139 заключенных, и в 2 часа утра 6 июля «Глеб Бокий» отвалил от пристани. Заключенные находились в носовом трюме. «Уже к вечеру в Белом море разыгрался шторм, который чуть не погубил нас», — записал А.В. Кулевский, составлявший отчеты о движении Ухтинской экспедиции³.

О подробностях путешествия мы можем узнать из докладной записки Я.Мороза, Д.Русанова, А.Рашкуева «По вопросам об организации, форме, дислокации и схеме управления лагеря особого назначения ОГПУ в Ухто-Печорском крае»⁴.

«Только благодаря достаточному вниманию, уделенному этой разношерстной массе, удалось довести всю партию до Усть-Цильмы без особых эксцессов. Обращаем особое внимание на отбор надзора, — как вольнонаемного, так и лишенных свободы. Первая группа, подобранная начальником экспедиции т.Ская, почему-то в последнюю минуту получила назначение на Котлас, в результате смешанный набор: с бору по сосенке, отсюда все качества — связь с заключенными, устройство пьянок в Усть-Цильме, за что надзиратель Добровольский переведен на общие работы. На пароходе карцеров устроить не удалось, за исключением якорного трюма, где кое-кто отбывал наказание... В Архангельске за полчаса до отхода парохода бежал надзиратель из заключенных Циолковский... Из личного состава вольнонаемных уволены по собственному желанию Одинцов и Клементьев, неизвестно за какими накоплениями поехавшие в столь ответственную командировку и разочаровавшиеся при довольно большой нагрузке».

«В Архангельск прибыл пароход в 11 часов утра 8 июля. В 12 часов дня началась перегрузка на пароход "Умба", были подведены две баржи с прибывшими из Ленинграда станками Крелиуса [бурильные установки. — А.К.] ... Выяснилось крайне незначительное количество медикаментов, совершенно отсутствовали простейшие хирургические инструменты и ряд предметов санитарии... Партия не была подвергнута медицинскому осмотру по причине спешности отбора. Большинство личного кадра Экспедиции прибыли в Кемь за 3 дня до отправки на Ухту, в силу чего так называемая "соловецкая закалка и проверенность" людей /.../ УСЛОНОм не были выполнены, что впоследствии отозвалось на экспедиции».

9 июля «Умба» вышла в Баренцево море. 11 июля среди плавающего льда обогнули с севера остров Колгуев и вечером при сильном

³ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.17. Л.86-100.

⁴ Там же. Д.151. Л.1-10.

тумане встали во льдах. 13-го вошли в Печорскую губу, остановились у Морской пристани. Тут перегрузились на две речные баржи и, влекомые речным пароходом «Советская республика», ранним утром 16-го тронулись вверх по Печоре. 21 июля прибыли в Щельяюр — базу речного флота на Печоре. Для размещения заключенных сельсовет предоставил пустующую школу. В Ижме с трудом нашли проводников, местные жители не хотели за копейки иметь дело с заключенными. На участке от Щельяюра до Чибыю сменились три группы проводников.

Разместив груз (75 т.) в пятнадцати больших лодках, вернулись из Щельяюра к устью Ижмы и двинулись вверх по Ижме своим ходом. На совещании 29 июля, в присутствии 18 проводников и назначенных старших по лодкам, решено было весь караван разбить на шесть дивизионов. Обязанности старших: организация правильных смен лямщиков, откачка воды, наблюдение за грузом, своевременная раздача обеда. Конвой разместился в голове и хвосте каравана. Шли по-бурлачки: лямочники тянули лодки, сменяя друг друга. Привал делался через каждые два дня. Только 3 августа, в селе Ижма, впервые помылись в бане, получили долгожданную почту. Потом многие этапы повторяют этот путь.

Еще раз обратимся к «докладной записке»: «Начиная с парохода "Умба", стали поступать отдельные сведения о настроениях к побегу некоторых заключенных. Были взяты на учет все подозрительные лица и приняты меры предосторожности... Во время следования в Усть-Ижму, за четверть часа до отхода каравана из Щельяюра, заключенные Яблокас, Владимиров попытались бежать. Но благодаря своевременно принятым мерам были задержаны надзором при участии председателя сельсовета д. Усть-Ижмы... До семнадцатого августа не было обнаружено никаких попыток к бегству... Внимание было обращено на безопасность провода грузов, чем и воспользовались заключенные Белибеков, Жегус, Васильев, скрывшиеся в лес... На розыски в тот же день были отправлены два надзирателя, которые вернулись 25 августа без всяких результатов». В первые дни по достижении конечного пункта попыталось скрыться еще несколько человек. Кривоногова настигли в 25 верстах вверх по Ухте, возле старой солеварни, и застрелили, когда он попытался скрыться в чаще. Коломакин, Кучер, Бережной и Смирнов успешно бежали с работ по заготовке леса в 1 км от Чибыю.

НАЧАЛО РАБОТ УХТИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

«В Чибыю прибыли днем, 21 августа, — пишет Кулевский. — Сжималось сердце при виде дикой, пустынной картины: черная, не-

лепо-огромная, одинокая вышка, две убогие избушки, тайга и болота...»⁵

Измученные люди разгрузили лодки, разбили палатки. Ужин, линейка, пересчет, отбой. Уже на другой день началась работа: людей разбили на партии, установили 12-часовой трудовой день, геологи и топографы вышли в поле. Приступили к ремонту домиков, за два дня провели полевой телефон в Усть-Ухту, запустили керосиновый заводик, осветились своим керосином. Срочно заготавливали лес: предстояло построить продовольственный склад, два барака на пятьдесят человек каждый, кухню, пекарню, баню⁶.

А 23 августа приказом по экспедиции назначаются ответственные за производственные участки. Техноруком определили А.В. Иванова, зав. слесарно-механическими работами — С.А. Соловьева, А.М. Романенко — его замом. Строительные работы возглавил Е.И. Мокрицкий, отдел труда — А.Г. Прасолов, санитарную часть — Н.А. Викторов, административно-финансовую — А.И. Жигаловский, его помощником стал А.В. Кулевский, кладовщиком материально-технического склада — адмоссылный А.Я. Росселевич, а продукто-вещевого — Д.Д. Недоспалов. Позднее лагпункт Чибью, как положено, увенчали надзор, особый отдел под началом старшего уполномоченного УСЕВЛОНа К.И. Матвеева и КВЧ, которую возглавил осужденный за троцкизм А.Я. Тепер.

В октябре прибыло пополнение. Этап из 20 специалистов формировался в Архангельском губисправдоме: геологи Гинзбург и Тиханович, горные инженеры П.И. Антонов, К.В. Эрдели, горные техники В.Н. Нашивочников, А.Е. Некрасов, инженер-технолог Д.Н. Кузанов, инженер-электрик П.А. Тумаян, строительный техник А.О. Петерсон. «Нас водрузили в комнату, восемь человек нас поместили. Окон не было, холодища была невероятная... Через два дня мы собрались в экскурсию — я, Прасолов. Ходили на Седью, я был счастлив, что мы работаем» (Тиханович)⁷. В октябре же появилась и группа коммунистов, среди них — новый нач. охраны Г.К. Иванов, ружейный инструктор В.А. Гаук, нач. радиостанции Куликов. Я.М. Мороз, прибыв в Чибью 29 октября, 2 ноября вступил в обязанности начальника экспедиции. Через некоторое время выяснилось, что он из партии исключен и является заключенным⁸, но начальником он оставался и произвел перестановку кадров. Я.М. Мороз, работавший в системе ВЧК-ОГПУ с 1918 года, в феврале 1929 коллегией Закавказского ГПУ за превышение власти был приговорен к семи годам лишения свободы, после чего и прибыл в Чибью.

⁵ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.16. Л.63.

⁶ Там же. Д.43. Л.226.

⁷ Архив «Мемориала». Фонд В.П. Надеждина. № [1]. Л.28-28 об.

⁸ Партархив Коми обкома КПСС (ПАКО). Ф.663. Оп.1. Д.1. Л.9.

Прибыли буровые мастера. Заключение доставили из деревни Порожск буровые станки и трубы, что были там оставлены самым первым этапом (от Порожска начинался наиболее трудный участок водного пути). 29 октября была заложена первая структурная скважина, закончена бурением 16 ноября. Монтировались и вводились в бурение еще три крелиусных станка, а скважину №5 проходили ударным бурением. Суровой и темной зимой рабочий день оставался 12-часовым, выходных не было ни одного.

ПЕРВЫЕ КОМАНДИРОВКИ

30 июля 1930 УСЕВЛОН сменил вывеску, стал УСЕВИТЛагом — Управлением северными исправительно-трудовыми лагерями. Ухтинской экспедиции это уже не коснулось, ибо 19 июля коллегия ОГПУ приняла решение включить ее как самостоятельную единицу в непосредственное подчинение ГУЛага «ввиду важности работ, производимых экспедицией»⁹. В 1930 г. Ухтинская экспедиция вобрала в себя Печорскую экспедицию и дислоцированные в Печорском крае подразделения архангельского СЕВИТЛага, а также партии заключенных, ранее строивших тракт Сыктывкар — Княжпогост; к началу 1931 года контингент Ухтинской экспедиции вырос до 800 человек¹⁰.

Этапы со стороны Усть-Выми прибывали один за другим: 13 февраля, 9 мая, 26 мая, 1 июня, 6 июня, 15 июня... Вновь прибывших негде было размещать — разбивали палатки. Не хватало на всех зимнего белья, обуви. Муки в 1930 году получили вдвое меньше положенного, крупы — на 100 тонн меньше, а мяса вместо 95 тонн — лишь 10. Росло число больных и ослабевших, голод и цинга косили людей на всех работах, а медицинский стационар экспедиции насчитывал лишь четыре койки.

С марта 1930 г. Я.Мороз дал «послабления»: ввел три выходных в месяц и сократил рабочий день до 10 часов. 26 октября 1930 г. пошла первая промышленная нефть, добытая заключенными. Можно было рапортовать наверх, что ту задачу, которую в течение трех столетий пытались решить частные предприниматели России, доблестное ОГПУ решило за один год.

С пополнением 1930 года прибыли новые геологи (А.А. Аносов, К.Г. Войновский, Н.М. Леднев) и инженеры-технологи (Р.Л. Зомбе, И.М. Таумин), последних немедленно определили инженерами по бурению. Землемеры С.П. Жемчужин, А.И. Бонч-Осмоловский,

⁹ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.44. Л.66 об. (Приказ №337 по ГУЛАГУ).

¹⁰ Там же. Д.43. Л.226.

В.К. Литвинов и горный инженер А.А. Волошановский вошли в группу топографов. В полевой сезон 1930 года в районах Печоро-Ижемского края были заложены постоянные базы — «командировки». Это были такие же лагпункты, как в Чибью, только поменьше. Ключевой проволокой до 1937 г. вокруг лагпунктов не было, побег и без того был делом почти безнадежным. В апреле образована «Печорская группа Ухтинской экспедиции», затем Верхне-Ижемская и Усинская командировки, осенью на Имже и Печоре уже появляются базы-лагеря следующего поколения — подкомандировки. Развертывается строительство грунтовой дороги на Усть-Вымь протяженностью 286 км. Начальник «ударной дистанции» С.В. Коржнев место для базового лагпункта избирает там, где тракт пересечет р.Ухту, и дает лагерю название Веселый Кут. Этот лагпункт послужит основой для создания командировок на трассе через каждые 30 км, через пару лет в десяти лагпунктах «ударной группы» будет работать 1090 з/к. На месте нынешних поселков Ярега и Водный располагался участок «бывший Гансберга» (по имени горного инженера А.Г. Гансберга, проводшего на Ухте почти безвыездно 20 лет и продолжавшего здесь работы на Варваринском промысле вплоть до 1919 г.). Этот участок 2 сентября 1930 г. назван «Командировкой №1 Ухтинской экспедиции ОГПУ», начальником ее назначен з/к Д.С. Кузбасов.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ В УХТПЕЧЛАГ

В июле 1931 г. ГУЛаг реорганизовал экспедицию в самостоятельный Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь — УПИТ-лаг, или Ухтпечлаг. Начальником назначен Мороз, несколько ранее выведенный из положения заключенного. С 18 сентября 1931 г. его, по ходатайству Орджоникидзе и Ягоды, восстановили в рядах ВКП(б)¹¹.

Если в сентябре 1929 г. экспедиция насчитывала 125 человек, то в январе 1931 — уже 824, а еще через полгода — 1982. Из них 799 считались «кулаками», 573 — «подкулачниками», рабочих было 288, специалистов — 62¹². В категорию «прочих» входили 260 человек, среди них — бывшие председатели сельсоветов и секретари райкомов, репрессированные за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание с кулаком». Большинство з/к было неграмотными и малограмотными, поэтому организованы были ликбез и школа повышенного типа для приобретения элементарной технической квалификации. Преподавали: политграмоту — А.Я. (И.Я.) Те-

¹¹ ПАКО. Ф.527. Оп.1. Д.17. Л.4.

¹² ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.12. Л.3 об.

пер, математику — И.Н. Парчевский, физику — К.В. Эрдели, бурение — Р.А. Зомбе, парокотлы и машины — А.А. Зеленский, двигатели внутреннего сгорания — С.А. Соловьев. Занимались по два часа в день, 24 ученика освобождались на час раньше от работы. Уголовники-рецидивисты не желали ни работать, ни учиться. Численность конвоя выросла с 10 человек в 1929 до 37 в октябре 1931 (из них 32 з/к)¹³.

Как и весь СССР, Ухтпечлаг переживал частые реорганизации. Но здесь они были связаны не только с бюрократическим зудом и очередными прожектами, но и с реальным «освоением» территории и развитием производства. В январе 1931 в Печорскую группу командировок (нач. П.А. Жигаловский) включены Малая и Большая Кожва, Щугор, Сопляс, а база перенесена из Медвежки в Усть-Вою (почтовое отделение Воя). В Ижемской группе (нач. А.А. Аносов) база определена в д.Нямод; в эту группу входили командировки Лег-Кем (будущий асфальтовый рудник) и Ошмос. В ближней к Чибью группе командировок (нач. К.В. Эрдели) базой была «Командировка №1»; здесь располагались командировки Ярега и Чуть (по названию реки; потом одно из отделений водного промысла). Базой работ в бассейне Усы и затем административным центром Усинского отделения Ухтпечлага в первые годы служила Усть-Уса. Летом 1931 в этом краю, самом дальнем, были заложены три командировки. 7 ноября 1931 приказом №311 Промыслом №1 было велено именовать Чибью с прилегающими командировками. Бывшая Командировка №1 стала Промыслом №2. Командировки Усинского отделения стали: Воркута — Рудником №1, Тальбей — Рудником №2, Заостренная — Рудником №3. Механическую мастерскую на Промысле №1 переименовали в Механическо-ремонтный завод¹⁴. Разрастались и бюрократические структуры: «стол кадров начальника» превратился в Учетно-распределительный отдел (УРО).

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КОЛОНИЗОВАННЫХ

В начале тридцатых по этапам шла вся страна. Лагерные бараки были забиты до отказа. Переполненность лагпунктов Ухтпечлага превысила все лимиты. Согласно отчетам 1932 г., в бараках на каждого з/к приходилось 0,4 м², что составляло 25% установленной нормы. Не уместившихся на трехъярусных нарах держали в палатках.

«Надо быстрее темпом колонизовать Север, — указывал в 1930 году Г.Г. Ягода, в то время зам. пред. ОГПУ. — Заключение

¹³ Архив производственного объединения «Коминельф» (АПОК). Ф.1. Оп.3. Д.91. Л.93.

¹⁴ Там же. Оп.2. Д.5. Л.126-127.

перевести на поселковое положение до отбытия срока наказания. Надо сделать так: группе (1500 чел.) отборных заключенных в разных районах дать лес и предложить строить избы... Поселок от 200 до 300 дворов. Управляется комендантом. В свободное время, когда лесозаготовки окончены, они [заключенные], особенно слабосильные, разводят огороды, свиней, косят траву, ловят рыбу, первое время живя на пайке, потом — за свой счет. К ним присоединить ссыльных, которых также включить в поселок. Поселки по номерам... Надо это сделать сейчас же, немедленно»¹⁵.

Во исполнение идеи пошли циркуляры. Один из них, за подписью нач. управления лагерей ОГПУ Л.И. Когана, определял: в период строительства поселков-колоний продолжительность рабочего дня заключенных уменьшается на два часа с тем, чтобы, добавив дватри часа, они без отрыва от производства могли возводить дома, прокладывать дороги. К жилью прирезались небольшие участки земли. Но все это не означало, что будущие колонизованные станут «вольными»¹⁶.

Тот же Коган в 1931 г. предписал Ухтпечлагу колонизовать 500 з/к. Выделил три группы. В первую очередь — выходцев из рабочих и крестьян, осужденных за бытовые преступления. Из осужденных по уголовным статьям «вольную» получали лишь те з/к, которые могли вызвать в район колонизации членов семьи. Проездные (300 р. на семью) выплачивал лагерь, но до истечения срока заключения колонизованный был обязан из своего заработка компенсировать эти затраты. Колонизация осужденных по ст.58, пп.1-14, была возможна лишь с разрешения ОГПУ или ГУЛага¹⁷. 20 июня 1931 коллегией ОГПУ колонизованы специалисты Зомбе, Гинзбург, Леднев, Таумин, И.Д. Десятков. На основе письма ГУЛага от 30 августа того же года была колонизована еще одна группа¹⁸.

Поселки-колонии, согласно инструкциям центра, создавались вблизи постоянных лагерей. В Чибью Первый рабочий поселок строили на правом берегу Ухты, возле лагпункта №1. Дома предполагали ставить стандартного образца, на четыре семьи каждый. Но реально к приезду семьи заключенный мог сколотить в лучшем случае небольшую хибарку. В центре поселка — комендатура, школа, изба-читальня, лечебный пункт, столовая, спецларек (кстати, с 1929 г. на Ухте имели хождение внутрелагерные деньги, за подписью Г.Бокия). Административно-хозяйственной деятельностью спецпоселка ведал комендант, назначенный начальником лагеря. Комендант имел груп-

¹⁵ Лично тов. тов. Бокий, Шанину, Эйхмансу, Мейер, Мессингу, Евдокимову. [Записка Г.Г. Ягоды от 12 апреля 1930 г.] Копия. ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.49. Л.51.

¹⁶ АПОК. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.6.

¹⁷ Там же. Оп.6. Д.8.Л.1.

¹⁸ Там же. Оп.5. Д.158. Л.34 об.

пу вохровцев — вооруженную охрану. А с осени 1932 г. в управлении лагеря создали специальное колонизационное бюро, которое организовывало заключенных для поселения, оформляло документы, организовывало труд и оплату труда. Особым циркуляром ГУЛАГа «вольным» разрешалось вступать в брак. «Но это не значит, — оговаривал документ, — что им можно свободно менять место жительства»¹⁹.

О положении колонизованных автору рассказывала ветеран-старожил Ухты Анна Федоровна Каширина²⁰: «Мы из Краснодарского края. В 1932 году отец мужа [А.П. Каширин, бывший председатель колхоза, посажен в 1929 году по 58-й статье. — А.К.] прислал вызов. Мы ехали зимой, в пути были больше месяца... На Котласском пересыльном пункте ждали подводу неделю, посадили нас на подводу, груженую соленой рыбой, мукой. Едем, а вдоль дороги — замерзшие трупы, их никто и не думал убирать. Из Усть-Выми до Ропчи ехали на возу сена. На вахте перевалочного пункта задержали — проверка документов. Поселили в женский барак заключенных, которые выражались, вели себя нагло, грубо». В Чибью Анне Федоровне приходилось выполнять любую работу — вручную штамповать кирпичи, быть поваром в женском лазарете...

Годовой отчет за 1932 дает первые сведения о числе колонизованных по лагпункту Промысла №1: «В составе населения промысла особой категорией являются колонизованные, общая численность которых составляет 303 чел.» А согласно дислокации Ухтпечлага, на 1 июля 1933 в спецпоселках размещалось 1175 колонизованных и 1649 спецпереселенцев. За счет колонизованных крестьян пополнялись ряды вохровцев. Так, в составе отдельного отряда ВОХРа Ухтпечлага из 746 человек конвоя 414 были колонизованными²¹.

УХТО-ПЕЧОРСКИЙ ТРЕСТ

В третью годовщину лагеря Ухтпечлаг посетил сам М.Д. Берман, начальник ГУЛага²². Он издал специальный приказ по лагерю о премировании и некоторых льготах для заключенных²³. Коллегия ОГПУ назвала Промысел №3 именем Я.М. Мороза, а Президиум Коми облисполкома присвоил 1-му Ухтинскому нефтепромыслу

¹⁹ АПОК. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.16.

²⁰ Устное сообщение (май 1989 г.).

²¹ АПОК. Ф.1. Оп.5. Д.44. Л.52 об.-53; Оп.7. Д.261. Л.2; Оп.6. Д.288. Л.122. ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.276. Л.26.

²² ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.22. Л.150 (Берман был в Ухте 22-24 сентября 1932).

²³ ПАКО. Ф.1. Оп.2. Д.1503. Л.20-21 (Северный горняк. 1932. №35, 36).

«славное имя Заместителя Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды..., первого инициатора, организатора и идейного руководителя социалистической индустрии тайги и Севера»²⁴.

Выдающимся событием в истории Ухтпечлага стало обсуждение перспектив лагеря на самом высоком уровне, при личном участии Сталина. 13 ноября 1932 Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «Об организации Ухто-Печорского треста»²⁵. Руководство «трестом» возложено на ОГПУ. Определена также программа работ на 1933 год по нефти, углю, радио. Поручено закончить строительство узкоколейной железной дороги рудник Воркута — Воркута-Вом (70 км) и рудник Щугор — р.Печора (4 км). Построить тракты: Усть-Ухта — Воя (230 км), рудник Воркута — Обдорск (120 км). Даны распоряжения Наркомтяжпрому о выделении буровых станков, шахтного оборудования, рельсов, двух паровозов, 15 гусеничных тракторов «Коммунар», 10 тракторов «Интернационал» и 15 грузовых автомашин в 2,5 т. Наркомводу предписано перебросить на Печору буксирный пароход, 7 буксирных катеров, 22 баржи. Предложено ОГПУ совместно с Наркомпросом и Наркомтяжпромом организовать в районах Ухты и Печоры два техникума — нефтяной и угольный. Комплектовать их выпускниками местных школ и за счет колонизируемых. Завезти на Печору весной 1933 г. до трех тысяч семей спецпереселенцев. Из основных нефтяных и угольных районов Союза решено мобилизовать 25 партийных и хозяйственных работников для укрепления лагеря руководящими кадрами и 25 горных мастеров. Рассмотрены также вопросы финансирования лагеря. ГУЛаг выделил Ухтпечлагу 26 млн 750 тыс. рублей. Установил план поставки «рабсилы»: увеличить число осужденных в Ухтпечлаге с 15 тысяч в первом квартале 1933 г. до 25 тысяч в четвертом квартале. Намечено колонизовать 1700 заключенных. Предстояло построить 80 тыс. м³ жилья для колонизованных, 15 тыс. — для специалистов, 30 тыс. — для заключенных.

16 ноября 1932 вышло, с повторением всего, что было записано в решении Политбюро ЦК ВКП(б), одноименное постановление Совета Труда и Оборона за подписью председателя СТО В.Молотова²⁶. Газеты «Правда Севера» и «Северная коммуна» развернули кампанию восторженных откликов²⁷. «Великий сталинский план превращения тайги и тундры Крайнего Севера в цветущий промышленный край СССР» стал претворяться в жизнь.

²⁴ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.44. Л.73 (постановление от 1 января 1930).

²⁵ ЦАКО. Ф.1. Оп.2. Д.1031. Л.147-151 (копия).

²⁶ ЦГАОР СССР. Ф.9414. Оп.1. Д.1. Л.24-29.

²⁷ Правда Севера. 1932. 11 декабря; Северная коммуна. 1932. 15 декабря.

ЛЮДСКОЙ КОНВЕЙЕР УХТПЕЧЛАГА

На 1 июля 1932 на лагпунктах Ухтпечлага было 4797 заключенных, на 1 апреля 1933 — 17 852. Они распределялись так: Управление лагеря (Чибыю) — 220, третий отдел лагеря (оперчекотдел и ВОХР) — 178, Промысел №1 им. Ягоды — 1432, Промысел №2 им. ОГПУ — 1434, Печорское лаготделение (Воя) — 1291, Усинское отделение (Воркута) — 2599, Управление постройки тракта Усть-Вымь — Чибыю — 1515, Сыктывкарский сельхоз Човью — 191, Усть-Вымский перпункт — 603, Котласский перпункт (это те, кого готовят к отправке в Ухтпечлаг) — 5350, совхоз Кылтово — 316, Воздухолиния (Усть-Цильма) — 107, Ухто-Ижемская группа: судстрой — 540, совхоз Чибыю — 90, Порожский перпункт — 179, Усть-Ижемский перпункт — 81, Ижемский перпункт — 15, Усть-Ухта — 13, Морская — Нарьян-Мар — 25, в пути (в этапах) — 1416 заключенных²⁸.

На 1 июля 1933 — 19 944 з/к; кроме них, на учете в спецкомендатурах лаготделений и лагпунктов — 1175 колонизованных и 1647 спецпереселенцев. И только 731 человек — «вольнораемные»: большинство — недавние з/к²⁹.

На 1 декабря 1935 всего лагнаселения — 23 944, в т.ч.: заключенных — 20 243, колонизованных — 662, спецпереселенцев — 980, вольнораемных — 1160.

К началу 1936 число заключенных — 24 тыс., к 1 июля — 22 тыс., к 1 декабря — свыше 33 тыс. человек³⁰.

Инспекторы УРО лагеря и лагпунктов встречали этапы на пересыльных пунктах, перетасовывали заключенных по категориям и группам трудового использования и котлового довольствия. Первые три категории направляли на тяжелый физический труд (основной котел). Четвертый котел — инвалиды. Были еще котлы штрафной, больничной, вохровцев, освобождающихся заключенных, заключенных в этапах, техническая кухня.

На тракте Усть-Вымь — Чибыю лазареты были в Ропче, Кылтово, Веселом Куту, Горд-Йоле, Шоре. На Ветлосяне находилась слабкоманда 4-й группы (1,5-2 тыс. з/к). Ослабленных, словно отработанный шлак, вываливали в «слабкоманды», откуда чаще всего дорога была одна — через лазарет на номерное кладбище. Информация излагалась шифровкой, была понятна лишь людям посвященным. Один из заключенных, выполнявший работу медстатистика в лагерной санчасти, ежедневно составлял шифровальные цветные сводки для УРО лагеря. Эти сведения выглядели, к примеру, так:

²⁸ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.146. Л.63-64.

²⁹ АПОК. Ф.1. Оп.6. Д.288. Л.122.

³⁰ Там же. Оп.1. Д.94. Л.123.

красных — 7, желтых — 8, зеленых — 5, серых — 13, лиловых — 6, черных — 3. В расшифровке означали: красные — большие воспалительными процессами, желтые — кишечные заболевания, зеленые — малярия, серые — пеллагрики, лиловые — цинготники, черные — мертвые.

За некоторыми лагпунктами среди заключенных прочно закрепилась репутация «гибельных». Один из них был создан в сентябре 1936 на строительстве тракта Чибью — Крутая, куда нагнали в тот год более 900 з/к, распределив их по колоннам. Номерные лагподразделения находились тогда на 7-м километре, на 11-м, 23-м, 35-м... В 1937 г. на строительстве тракта работало 2017 з/к. Лесоповал, корчевка пней, бездонное болото, которое они при помощи тачек засыпали песком и глиной, многим стоили жизни. Одним из тачечников был знаменитый иммунолог, проф. П.Ф. Здродовский, в учетной карточке которого, как и у сотен других представителей интеллигенции, значилось «использовать только на общих подконвойных работах».

К 1937 году общее число заключенных женщин — примерно 6 тысяч чел. Женские лагпункты были во всех совхозах Ухтпечлага: «Ухте» (5 лагпунктов), Седью и Кылтово (17 командировок), Човью и Новом Бору (9 ферм и баз), Кедровом Шоре (5 командировок), сельхозе Кочмес (3 командировки). Работали женщины на кирпичных заводах, лесозаготовках, в коммунальном хозяйстве, снабжении, в лазаретах, управлениях лагпунктов и лаготделений. До конца 1940 г. лагпункты были смешанные: где-то мужские и женские бараки находились в одной зоне, где-то были только мужские или только женские зоны. На Ветлосяне, например, где размещался мужской лазарет, в трех-четыре бараках содержались женщины дородового и послеродового периодов. Новорожденных направляли в Сангородок, где они находились до одного года. Детей-сирот, матери которых умирали, сдавали в детский дом, находившийся в Чибью на первом лагпункте.

Всю многолюдную лагерную махину требовалось держать в постоянной узде и в страхе, под ни на минуту не прекращающимся надзором. Этому способствовало непостоянство состава заключенных, текучесть лагнаселения. Если в 1936 г. на промысел №1 прибыло 4746 заключенных, то и убыло 4981.

СТРУКТУРА УХТПЕЧЛАГА

К 1937 году структура Ухтпечлага, состоявшего из лагерного управления, лаготделений, лагпунктов и командировок, сложилась по производственному принципу. Первое лаготделение — угольное,

с центром в Воркуте (12 122 з/к). Второе — радиовое, с центром в Водном (2281 з/к). Третье — нефтяное, с центром в Чибью (включало нефтепромыслы, с 1-го по 5-й, Ветлосьянскую слабкоманду, а также Котласский пересыльный пункт; общее число з/к — 12 817). В четвертом, сельскохозяйственном лаготделении трудились 6305 заключенных, 18 колонизованных, 641 трудпереселенец, 313 вольнонаемных. И больше всего, 16 059 з/к, было в это время в пятом лаготделении, с центром в Княжпогосте; оно объединяло 27 лагпунктов и командировок (лесозаготовки и железнодорожное строительство)³¹.

В управлении лагеря — номерные отделы. Первый отдел — общеадминистративный, в него входят отдел кадров и спецчасть (26 служащих в 1934). Второй — учетно-распределительный (28 служащих, из них заключенных — 21). Здесь начальниками в разное время были Н.К. Меркулов, Д.В. Фаверо, В.А. Водбольский. Здесь — зам. начальника, инспектор, экономист, центральная аттестационная комиссия, три статистика, 19 регистраторов карточек заключенных. На недосыгаемой высоте — третий, оперчеккистский отдел. В 1935-37 начальником его был А.В. Черноиванов. Отдел имел самостоятельные группы: следственную, оперативную, группу учета, бухгалтерию, спецкомендатуру с местными филиалами, шифровальное бюро, архив. К этому отделу примыкали лагерная прокуратура, лагерный суд, лагерная тюрьма, следственный изолятор. В лаготделениях и лагпунктах — следственный и штрафной изоляторы. В 1937 г. в третьем отделе работали 45 из 88 коммунистов Ухтпечлага, общее число служащих нам неизвестно.

Составная часть лагерной машины — отдельный отряд ВОХРа: в 1929 — 10 стрелков, в 1934 — 746 (из них 414 з/к). В штабе — 14 человек: начальник Г.И. Ратников, его помощники, инструкторы. Оружейная мастерская — 4 чел., команда проводников служебных собак — 25, опергруппа — 64 человека. Местные подразделения ВОХРа — отдельные взводы и первый дивизион. Например, 130 конвойных 1-го дивизиона обслуживали охраной Усинское лаготделение (4200 з/к), 120 охранников 1-го отдельного взвода (в т.ч. 78 з/к) охраняли заключенных Промысла №1, Ухтсовхоза, перпункты и базы в Ухте и Верхней Ижме (4300 з/к).

Еще одна лагерная микроструктура — культурно-воспитательный отдел, который ведает школами спецпоселков и профтехникумом (учкомбинат), соцсоревнованием и ударничеством среди лагерников, их культурным обслуживанием. Первая школа с четырьмя начальными классами организована в Чибью летом 1932 (23 учащихся, завуч А.М. Девицкий). Профтехникум имел буровое, теплотехническое и другие отделения. Вначале занимались (после работы) в канце-

³¹ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.416. Л.1-159; Д.450. Л.316.

лярии и общежитиях колонизованных. В ведении КВО было 30 клубов, лагерный театр, 54 красных уголка, 11 радиоузлов, 1500 радиоточек, 30 радиоприемников, 19 базовых библиотек, 62 библиотечки-передвижки (всего 36 117 книг), 74 музыкальных кружка. Выпускалось 270 стенных газет, распространялось 3877 экземпляров периодических изданий. 10 сентября 1931 вышел первый номер общелагерной газеты «Северный горняк», 6 октября 1933 — первый номер многотиражки «Вышка» (орган КВЧ промысла №1). Вохровцы читали свою газету — «На страже», а угольщики первого, Воркутинского лаготделения — «Полярный шахтер». На судоверфи (Покча) издавалась газета «На верфи», на Водном промысле — «На вахте», в пятом лаготделении — «Тракт», в центральной авторемонтной мастерской — «За рулем». Все лагерные газеты закрыты во второй половине 1937 года. Научный журнал «Недра Советского Севера», обещавший стать ежемесячным производственно-техническим журналом Ухтпечлага, кончился на первом номере.

Пирамиду лагерной структуры венчает лагерное начальство. В элитной группе — начальник лагеря, его заместители, начальники отделов, отделений, лагпунктов. Все они входили в номенклатуру ГУЛага. Для Ухтпечлага кадры поставлялись в основном из проштрафившихся работников ОГПУ-НКВД и ГУЛага. Зам. нач. Ухтпечлага Г.П. Захарьян был осужден по одному делу с Морозом. Нач. лаготделения Чибью Н.К. Меркулов исключен из партии в 1928, восстановлен и освобожден по амнистии в 1931. Нач. Усинского отделения, зам. нач. лагеря К.И. Матвеев в апреле 1929 коллегией Закавказского ГПУ приговорен к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией, в апреле 1931 освобожден с разрешением работать в органах ОГПУ. И.А. Жигаловский в феврале 1928 получил пять лет, в июне 1932 освобожден и выслан на три года в Северный край, где стал начальником лагпункта в Княжпогосте, затем в Котласе. В личном архиве Мороза, как утверждают сотрудники бывшего Ухтпечлага, было много записок из ОГПУ-НКВД и ГУЛага с рекомендациями об использовании «своих кадров», с конкретной рекомендацией, где именно использовать и кем сделать. Только в управлении лагеря и лаготделениях Ухто-Ижемского района на руководящих должностях работали 42 «посланца» ГУЛага.

Пополнялось начальство и за счет выслужившихся вохровцев. Они начинали карьеру, как правило, с конвоя. В большинстве своем малограмотные, грубые работники, они главной целью ставили удержаться «на плаву» и по возможности продвинуться наверх. Некоторым это удавалось. До начальника отдельного отряда ВОХРа Ухтпечлага дослужился имевший двухклассное образование бывший стрелок Г.И. Ратников (в 1934-37 — секретарь партийной организации лагеря). До заместителя начальника лагеря, начальника лагот-

деления Водного и Чибью поднялся бывший охранник и надзиратель Л.И. Кузьмин (в 1929-32 инспектор охраны Соловецких и Северных лагерей, секретарь парторганизации лагеря в 1932-34).

Ко второй группе лагерного начальства, производственной, с первых же дней Ухтпечлага были причастны не только вольнонаемные и колонизованные, но и заключенные. В разные годы руководителями здесь можно было видеть: начальником отдела бурения и эксплуатации — И.М. Таумина, геологического сектора — Тихановича, хим. лаборатории — Гинзбурга, угольного отдела — А.Я. Росселевича, строительного отдела — А.Н. Казакова, первого промысла — А.Г. Прасолова, научно-исследовательского отдела Водного промысла — Ф.А. Торопова, производственного отдела лагеря — Д.Г. Хомякова, начальником Воркутинского рудника — А.Е. Некрасова, главным врачом сангородка — Д.К. Чудновского, а зав. хирургическим отделением — Э.В. Эйзенбраун. Восемнадцать человек из лагерного начальства отбывали наказание по 58-й статье.

ЯЗЫКОМ ЦИФР

С 1930 по 1937 в тундре и тайге работали от Ухтпечлага 134 геологических и 168 топографических партии. Пробурено 847 скважин, ими вскрыто три нефтяных, одно газовое месторождение, около 20 структур для поисков нефти и газа, выявлены миллиардные запасы угля, свыше 100 тыс. т асфальтитов, радиоактивные воды. Организованы и частично введены в эксплуатацию четыре промысла, два угольных и асфальтитовый рудники. Добыто 135 тыс. т нефти, 470 тыс. т угля, 950 т асфальтитов. Заготовлено 854 тыс. м³ строевого леса, построено более 1 млн м³ жилья³². Лагерные владения простирались от Белого моря до Обдорска (на нижней Оби), от Котласа до арктических островов: экспедиции Ухтпечлага работали на Колгуеве и Новой Земле. Согласно отчетам Ухтпечлага, в 1929 разведано 125 км², в 1930 — 35 тыс. км², в 1931 — 300 тыс. км², в 1932 — 340 тыс. км², а в 1933 — 1,5 млн км².³³ Последняя цифра возбуждает, впрочем, вопросы, ибо вся территория Северного края, до Земли Франца Иосифа включительно, составляла лишь 1,1 млн км²: значит, налицо или повторный счет территорий (одну и ту же территорию обследовали разные партии или в суммарный итог включены данные за прошлые годы), или же мы имеем здесь дело с «туфтой».

В декабре 1933 г. Я.М. Мороз издает приказ: с первого января 1934 г. приступить к строительству Второго рабочего поселка, на

³² ПАКО. Ф.1. Оп.2. Д.2645. Л.57-58.

³³ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.44. Л.178.

левом берегу Ухты. «Строительство закончить к первому мая 1934 года». В мае 1934 Остап Вишня, отбывавший здесь срок, написал очерк «Город Чибью»³⁴:

«Пришли на недоступную, на легендарную Ухту большевики... зажгли энтузиазмом массы, воспитали тысячи и десятки тысяч ударников... И все... То же самое, что случилось на Днепре: пришли большевики и вышел Днепрострой. И в Кузбассе — пришли большевики и вышел Кузнецкстрой... Таким способом много чего "вышло" в Советском Союзе: и Сталинградский тракторный, и Харьковский тракторный, и еще много гигантов, и "вышла" за четыре года первая пятилетка, и "вышла" коллективизация сельского хозяйства... Пришли и на Ухту большевики, — да еще большевики-чекисты — "вышло" и на Ухте».

«В 1934 году Чибью и Промысел №1 оформляются в настоящий культурный город. Растет лес нефтяных вышек, в 1934 году их построено 48, строится восемь барачков при буровых, появляется новая электростанция, ремонтно-механический завод пополняется литейным и сварочным цехом, строится большая казарма для ВОХРа, четырнадцать больших домов для вольнонаемных и колонизованных, новая кухня-столовая, школа I и II ступени, клуб-театр на 600 мест, с большой оборудованной сценой, вырастает целый большой на 40 отдельных домов рабочий городок..., развивается большой парк культуры и отдыха, с летним театром, эстрадами, беседками. Проводится десять километров водопровода, пять километров канализации, тротуары, на протяжении шести километров асфальтируются улицы, дороги...»

От Москвы до Чибью по прямой — 1100 км. По железной и затем по грунтовой дороге они преодолевались в лучшем случае на шестые сутки. Могущественный Ухтпечлаг такое положение не устраивало. И вот в деревне Карпушовка Устьцилемского района размещается лагерная «воздухолиния». С 1932 г. очутившиеся в этой глухомани отнюдь не по своей воле начальник авиалинии П.В. Маркус, старший летчик В.А. Гинце, полярные летчики Кайдан, Фарих, Котюков доставляли почту, срочные грузы и командировочных в Архангельск, Ухту, Вою, Воркуту.

Более доступным транспортом был речной. В 1932 г., через год после организации собственного лагерного Судостроя (см. несколько пунктов под этим названием на карте), Ухтпечлаг уже построил 190 единиц транспортных средств. 24 мая 1933 полетела телеграмма в Сыктывкар: «Обкомпарт — Семичеву, облисполком — Тараканову. Из Чибью отправлен караван судов с грузом нефти тридцать тысяч

³⁴ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.17. Л.185-186 (очерк впервые опубликован в газете «Ухта» 25-26 июля 1989).

пудов». Это — начало. В 1934-35 построено 408 плавучих единиц грузоподъемностью 16 069 т. На Печоре у лагеря два своих парохода, 25 катеров. Три лагерных парохода курсируют по Вычегде между Котласом и Усть-Вымью.

К 1932 г. в основном завершено строительство грунтовой дороги Усть-Вымь — Чибью (286 км). В эти же годы построен зимник от Чибью к Вое (320 км). 25 июля 1933 торжественно открыта узкоколейка Воркута — Воркутавом (с подъездными путями — 80 км).

В 1932 г. рождается Ухтосовхоз с тремя фермами. В следующем году лагерь принимает под свое крыло маслосовхоз «Новый Бор», оленьсовхоз «Харьяга», «Кылтово» и расположенный под Сыктывкаром совхоз «Човью», в 1935-36 создаются совхозы «Седью», «Кедровый Шор», «Кочмес». Новые тысячи заключенных, особенно женщины, обеспечены работой: расчистка сенокосных угодий, освоение пашни. Сельское хозяйство Ухтпечлага — это 1500 га пашни, 19 тыс. га сенокосных угодий, 12 тыс. голов скота и рыбо-совхозы, в 1930-37 сдавшие каптеркам 1134 т рыбы. На языке процентов: сельхозы и совхозы лагеря удовлетворяли потребность в овощах на 40, в мясе — на 22, в жирах — на 81 процент. Все лучшее уходило на стол начальства и вохровцев, з/к содержались на самом что ни на есть скудном пайке.

Вот некоторые факты. На строительстве тракта Чибью — Крутая при выполнении нормы (непомерной) з/к получали в день килограмм черного хлеба (вернее, должны были получать). На остальных работах — 600-800 г. При невыполнении норм — 300-400 г. В штрафном изоляторе — 200 г. В ежедневный рацион буровиков входило 75 г крупы и 11 г жира. Прочим рабочим — 60 г крупы и 8 жира. Месячная норма мяса — 2 кг. Мясо — только солонина, которая чаще всего заменялась рыбой (реки были еще богаты ею). Из овощей — турнепс, редко — кислая капуста. Ни сливочного, ни растительного масла, ни молочных продуктов заключенным не полагалось. (А ведь это относительно благополучный в отношении питания период существования лагерей: после 1937 г., в войну, после нее питание становилось все скуднее и распределялось все несправедливее).

Цена продукции, которую Ухтпечлаг давал стране, — это прежде всего тысячи загубленных жизней. Сколько их в каждом из тех нескольких граммов радия, которые были здесь произведены (в 30-е годы именно здесь — главное производство радия в стране) и которые пошли в основном на военные нужды (светящиеся шкалы и т.п.)? И как высчитать «себестоимость» того бензина, который производили на нефтеперегонном заводе в Ухте, закатывали в бочки (их делали совсем в другом месте, а лес валили в третьем) и везли по бездорожью на «свои» бензобазы в Усть-Выми, Сыктывкаре и Архангельске?

НАСЛЕДНИКИ УХТПЕЧЛАГА

В 1936-37 уже более тысячи з/к было переведено на положение колонизованных. Приказом наркома Ягоды от 12 августа 1936 началась колонизация заключенных независимо от статей и сроков, но с обязательным учетом «зачета рабочих дней», при отсутствии попаданий в следственные и штрафные изоляторы. В августе 1937 и.о. начальника Ухтпечлага А.В. Черноиванов составил план ускоренной колонизации. Намечалось перевести в спецпоселки в 1937 г. 1100 заключенных, в 1938 — 1900, в 1939 — 2000, в результате чего общее число колонизованных с семьями составило бы 20 тыс. человек³⁵. Намечались небольшие послабления в бытовом устройстве. Но в 1938 начались массовые расстрелы, тысячи колонизованных были возвращены в зоны, вокруг которых стала теперь вырастать «колючка» (не сразу всюду — только потому, что колючая проволока была тогда острейшим «дефицитом»).

«20 июля 1932 года приказом по лагерю был колонизован на трехлетнюю героическую работу по освоению дальнего Севера в районе Печоры, — с горечью писал политзаключенный А.В. Кулевский. — В конце марта 1938 года был деколонизован, а срок заключения кончился 4 июля 1938-го. Семья выслана из Яреги в двадцать четыре часа...»³⁶

2 ноября 1937 начальник Ухтпечлага Я.М. Мороз в докладной записке начальнику ГУЛага Плинеру сообщает: в Ухтпечлаге — 58 тысяч заключенных, по плану второго полугодия 1938 года намечено довести до 88 тысяч. На многих лагпунктах ускоренными темпами строят каркасно-засыпные сборно-щитовые бараки. УПИТЛag в своем росте и переполнении становится неуправляемым. В конце 1937 НКВД издает ряд приказов «О реорганизации Ухта-Печорского лагеря НКВД». 28 декабря 1937 старший майор госбезопасности Я.М. Мороз подписывает приказ о реорганизации³⁷. Бывшее управление Ухтпечлага стало Управлением Ухта-Печорскими лагерями НКВД. С 31 декабря упраздняются все пять лаготделений. Лагпункты в 1938 стали отдельными лагерными пунктами — ОЛПами.

На несколько месяцев образовалась следующая переходная сеть лагерей: Воркутлаг (рудник, узкоколейка, разведка интинских углей, строительство ширококолейки от Воркуты до Кожвы, сельхоз «Кочмес», оленьхозяйство, перевалочный пункт Адзъвавом), Печлаг (рудник на Щугоре, пятый разведочный нефтепромысел с Нижней Омрой, Судстрой в Покче, Троицко-Печорский и Кожвинский лес-

³⁵ АПОК. Ф.1. Оп.10. Д.19. Л.3.

³⁶ Информационный центр МВД Коми АССР. А-4457. Л.3 об.

³⁷ ЦГАК. Ф.1668. Оп.1. Д.450. Л.51.

промхозы, сельхоз «Кедровый шор»), Ухтлаг (1-й нефтепромысел в Чибью, 3-й — в Яреге, 4-й нефтегазоразведочный — на Крутой, три радиевых промысла на Водном, асфальтитовый рудник, «Ухтосовхоз», сельхоз «Седью»), Усть-Вымлаг (строительство ширококолейки от Чибью до Котласа, лесозаготовки, транспортировка грузов, сельхоз «Кылтово», «Човью»). В самостоятельные лаготделения, до утверждения новой схемы в НКВД, выделены: сельхоз «Новый бор», Архангельское и Котласское лаготделения, Усть-Вымский и Усть-Усинский перевалочные пункты, с непосредственным подчинением их Управлению Ухта-Печорскими лагерями.

С середины 1937 проходили обследования Ухтпечлага, генеральная проверка была проведена в декабре 1937 — январе 1938. Руководители Ухтпечлага Я.М. Мороз, Ю.К. Максимович, А.В. Черноиванов репрессированы в 1938. 15 мая 1938 ГУЛаг создал специальную комиссию по разделению бывшего Ухтпечлага. Приказом НКВД утверждена новая схема северных лагерей: с 1 июля 1938 из Воркутлага и Печлага выделен Печжелдорлаг (центр Абезь), из Усть-Вымлага (центр Вожаель) — Севжелдорлаг (центр Княжпогост). На базе Управления Ухта-Печорскими лагерями и Ухтлага создан Ухтижемлаг. Позднее образван Минлаг, с центром в Инте.

Сформировался один из крупных регионов архипелага ГУЛага. Территория Коми АССР была опутана густой сетью ОЛПов. Дислокация в Коми края лаготделений, лагпунктов, командировок и ОЛПов с многочисленными временными жителями-заключенными и лагнальниками-временщиками разрушающим образом действовала на окружающую среду, оказала негативное влияние на местное население — коми. В процессе сталинской колонизации и «освоения» края происходило размывание народа коми. Были уничтожены веками устоявшиеся традиции крестьянского уклада жизни. В северной деревне начался процесс отрыва крестьян от земли, от пармы. Крестьяне смиренно уходили из деревни в лагерную систему по вольному найму. Массовыми стали смешанные браки. Коми утратили свой быт, свою историю, язык, самобытную культуру, промыслы.

ЗАМЕЧАНИЯ К КАРТАМ

Задачи обзорных карт Ухтпечлага видятся в том, чтобы показать динамику его развития, его пространственную структуру и ту «сосудистую систему», через посредство которой Ухтпечлаг высасывал человеческие жизни из страны. Первая из публикуемых здесь карт отражает период существования Ухтинской экспедиции ОГПУ (1929-31).

На территории, охватываемой картой, видны те подразделения Архипелага, которые к 1929 году составляли подступы к Печорско-Ижемскому краю, образуя широкий полукруг — от Соловецких островов до реки Локчим. Все показанные лагеря располагались на территории образованного в 1929 г. Северного края, куда входила и Коми-Зырянская АО. Все эти лагеря, в той или иной мере, послужили базой для дальнего гулаговского броска на Печорско-Ижемский край и последовавшего затем наступления на него. Выделяются главные «ворота» в Ухтпечлаг: Архангельск и, в особенности, Котлас — наиболее близкий к Ухте пункт на железной дороге, подходившей тогда со стороны Вятки.

Видна неизбежность многократной перевалки людей и грузов: с железнодорожного на морской транспорт, с морского на речной, с речного на гужевой и обратно, с судов одной осадки на суда другой... С самого начала возникло множество перевалочных пунктов, которые далеко не все показаны на карте. Морская перевалочная база Ненецк, размещавшаяся в дельте Печоры в районе будущего Нарьян-Мара, — это вход для наиболее массивных и крупногабаритных грузов; отсюда открывался важнейший путь в усинский сектор работ. Обращает на себя внимание старый путь от Архангельска и Мезени на Печору: по нему этапы шли и зимой. Транспортные пути, еще не законченные строительством (тракт Усть-Вымь — Чибью, зимник Чибью — Щугор — Воя), уже эксплуатировались.

В стремительно и экстенсивно развивающемся Ухтпечлаге отчетливо обрисовывается его пространственная структура, главные территориально-производственные его зоны:

— район разведки и наиболее интенсивной добычи полезных ископаемых (бассейн Ухты, где располагается «столица» Ухтпечлага — Чибью);

— районы первичного освоения территории и по преимуществу геологоразведочных работ (Верхняя Ижма, Средняя Печора, бассейн Усы);

— полосы развития главных транспортных артерий (тракт Усть-Вымь — Чибью, реки Ижма с Ухтой).

В ходе дальнейшего развития Ухтпечлага (броски на новые территории) эта модель повторяла себя в локальных вариантах. Территориально-производственные зоны лагеря при этом поднимались в ранге; командировка превращалась в группу командировок, становилась лаготделением, а затем самостоятельным лагерем.

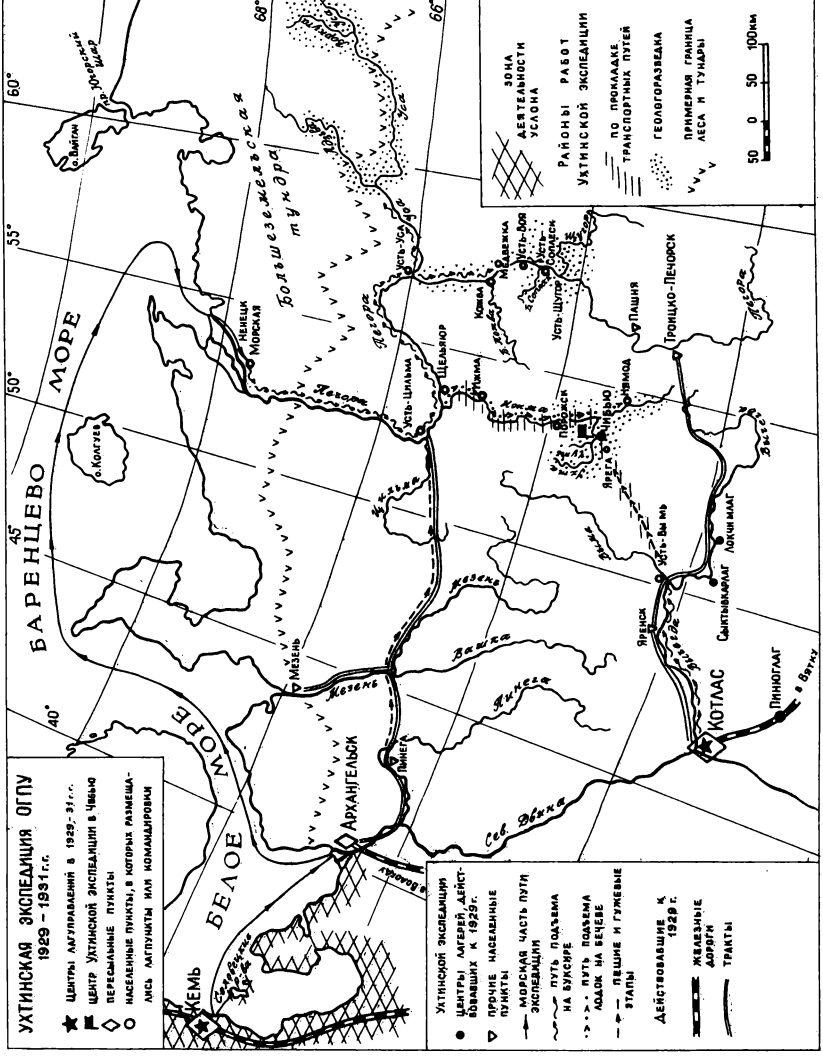
Вторая карта показывает только самые главные итоги развития лагеря. Сильная генерализация диктуется как обзорным характером карты, так и резкой неравномерностью размещения интересующих нас объектов. Показать все командировки и подкомандировки зна-

чило бы, в частности, обозначить едва ли не все места буровых работ, лесосеки, места работы сплавщиков, топографов, радиевые заводы (это были командировки по 4-5 чел., их было в районе Водного до 15), скотные дворы, трудколонны строителей дорог, мостов, таежные избы, где по двое-трое жили заготовители смолы; по Ижме и Усе, например, не было ни одного даже самого малого селения, где не размещали бы заключенных.

Производственная специализация дана без разделения на разведку и добычу ископаемых, тем более что добыча иногда была мизерной и вскоре оказывалась неперспективной. Не отражена разведка металлических руд, сыгравших в 30-е — 50-е гг. несравненно меньшую роль в хозяйстве края, нежели те виды производств, которые выделены картой. Отмечены лишь крупнейшие центры лесхозов. Многофункциональное хозяйство Чибью дано без разбивки по секторам (здесь мехремзавод, нефтеперегонный завод, склады, предприятия деревообрабатывающей, строительной, пищевой промышленности).

Относительные размеры значков отражают концентрацию заключенных в тех или иных географических пунктах, однако они сделаны вне масштаба и носят лишь ориентировочный характер. Наличие в пределах одного населенного пункта нескольких лагпунктов и внутренняя специализация лагерных структур (женские л/п, «слабкоманда», лазарет, следственный изолятор и т.п.) данной картой не фиксировались.

В работе над картами принимали участие М.Смирнов и С.Федоров.

УТИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ОГПУ
1929 - 1931 г.г.

- ★ ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ В 1929-31 г.г.
- ★ ЦЕНТР УТИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧУКОТКУ
- ПЕРВЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
- ◇ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, В КОТОРЫХ РАЗМЕЩАЛИСЬ ЛЕСА
- ЛЕСА ЛАПТУНКАТЫ ИЛИ КОМАНДИРОВЩИ

УТИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

- ЦЕНТРЫ ЛАГЕРЕЙ АКТИВНО РАБОТАЮЩИХ К 1929 г.
- ▽ ПЕРВЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ПУТИ ЭКСПЕДИЦИИ
- ~ ПУТЬ ПОДЪЕМА АЛОДК НА БЕРЕГЕ
- ПЕШИЕ И ГРУЖЕВЫЕ ТРАКТЫ

ДЕЙСТВОВАВШИЕ К 1929 г.

- ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ
- ТРАКТЫ

ЗОНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УСАДБА

РАЙОНЫ РАБОТ УТИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ПРОМЫСЛУ ТРАНСПОРТНЫХ ПУТЕЙ

ГЕОЛОГОРАЗВЕДКА

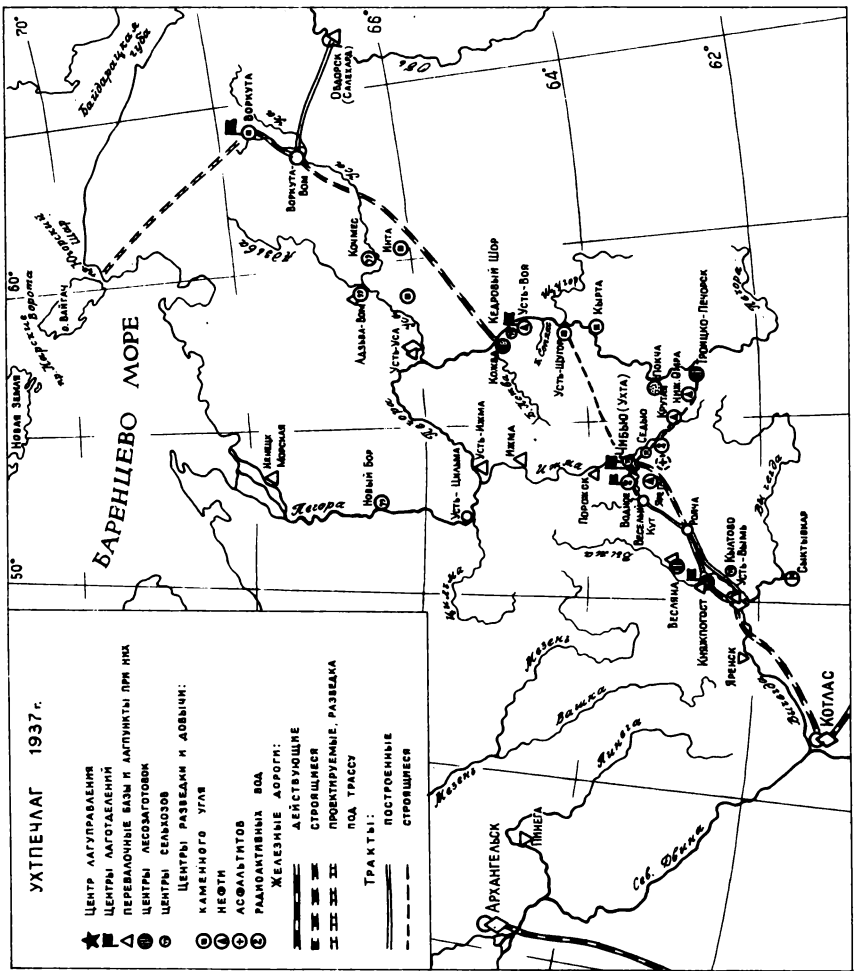
ПРИМЕРНАЯ ГРАНИЦА ЛЕСА И ТУНДРЫ

50 0 50 100 км

УХТПЕЧАЛГ 1937 г.

- ★ ЦЕНТР АДУЛТРАВАЛЕНИИ
- ▲ ЦЕНТРЫ АЛГОТАБЕЛЕНИИ
- ▴ ПЕРВАКОЧЕНЫЕ ВАМЫ И ДАКТИНКТЫ ПРИ НИХ
- ЦЕНТРЫ ЛЕСОЗАГОТОВКИ
- ЦЕНТРЫ СЕЛЫЗООЗ
- ЦЕНТРЫ РАЗВЕДКИ И АДВИЖИ:
- КАМЕННОГО УГЛЯ
- НЕФТИ
- АСФАЛЬТОВ
- РАДОАКТИВНОЙ ВОДЫ
- ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГЫ:
- ДЕЙСТВУЮЩИЕ
- СТРОИШЬСЯ
- ПРОВАТРУРЕНИЕ, РАЗВЕДКА
- ПОД ТРАССУ

- ТРАКТИ:
- ПОСТРОЕННЫЕ
 - СТРОИШЬСЯ

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

ДВА ДОКУМЕНТА КОМИССИИ А.М. ШАНИНА НА СОЛОВКАХ

Публикация И.И. Чухина (Петрозаводск)

За 560 лет своего существования соловецкий монастырь видел всякое. Была великая работа монахов и мужиков-трудников по строительству обители; годы расцвета, когда эта древнерусская Мекка принимала за сезон до 25 тысяч страждущих; знаменитое «соловецкое сидение» (1668-1676), жестоко подавленное царскими войсками. Наконец, в монастыре был создан лагерь и тюрьма Особого Назначения ОГПУ.

Лагерь проработал довольно сложную эволюцию: от политизолятора для анархистов, эсеров и эсдеков, к концлагерю для уголовных и политических заключенных, и наконец — к тюрьме особого назначения. И если заключение социалистов носило превентивный характер, то в концлагере постепенно утверждалась идея принудительного труда заключенных, система жесточайшего потовыжимания, а тюрьма (1937-39) была прямо ориентирована на уничтожение людей. Если на рубеже 20-х — 30-х гг. стыд СЛОНа еще пытались прикрыть фальшивыми кинофильмами и очерками, журнальными и газетными публикациями о кипении творческой жизни лагеря, то позднее и это фарисейство было отброшено. Начальник Соловецкой тюрьмы 1937 г. старший майор госбезопасности И.А. Апетер и его заместитель капитан госбезопасности П.С. Раевский делали свое черное дело тихо и эффективно...

Изучение такой сложной и многогранной темы, как репрессии 20-х — 50-х гг., требует от исследователей особой точности и беспристрастности. К сожалению, воспоминания современников зачастую недостоверны в ряде важных деталей. Их необходимо сопоставлять с документами.

Например, на Днях памяти жертв СЛОНа (июнь 1989 г.) один из соловчан утверждал, что «за стенами Кремля скопились десятки тысяч людей, отбывших срок заключения, но их не отпускали». Однако, по документам, на самом острове Соловки даже в наиболее тяжелые времена не содержалось более 5-8 тысяч заключенных. Д.С. Лихачев приводит факт расстрела в ночь на 29 октября 1929 г. сразу 300 заключенных. Между тем, в следственном деле №885 по преступлениям надзорсостава СЛОНа имеется заявление одного из заключенных в адрес Особой следственной комиссии: «...В конце октября или начале ноября в Соловках расстреляли около 50 человек по обвинению их якобы в организации восстания с целью побега. Я знал нескольких из расстрелянных, жил с ними некоторое время и могу утверждать, что эти люди не способны на такое преступление. Я слышал, что в этом деле работали один или два провокатора, которые между прочим также были расстреляны, чтобы закрыть их след и бы такого заговора не было. Все это дело фантастическое, и не мешало бы его проверить...»

Особый интерес для исследователей представляет, конечно же, работа оперативно-чекистского и следственного аппарата ОГПУ-НКВД в годы ре-

прессий. Ими были сфальсифицированы сотни тысяч дел. Но было бы неправильным забывать и о том, что в то же самое время расследовалось множество дел в отношении настоящих преступников. Среди сотрудников ОГПУ-НКВД было немало честных работников, которые разделили судьбу народа. Порой сами обстоятельства вынуждали систему ГУЛага наводить порядок и хотя бы частично восстанавливать справедливость.

Такой период, — названный самими заключенными «оттепель», — был и в истории СЛОНа. В 1930-32 гг. под руководством члена Коллегии ОГПУ А.М. Шанина в г.Кемь работала Особая комиссия по обследованию соловецких лагерей. За это время ими был расследован целый ряд уголовных дел по преступлениям администрации и надзорсостава лагерей. Практически ежемесячно заключенным зачитывались вслух грозные постановления Коллегии ОГПУ: «... расстрелять, ... направить в концлагерь, ... перевести в штрафизолятор...»

С чем был связан приезд Комиссии Шанина на Соловки весной 1930 г. (с действительным желанием навести порядок или с необходимостью дать хотя бы формальный ответ на усилившиеся в то время обвинения СССР со стороны Запада в бесчеловечном обращении с заключенными и использовании принудительного труда) — достоверно ответить на этот вопрос мы пока не можем.

Из наиболее крупных дел этой комиссии можно назвать дело по Кемперпункту, по Кремлю и командировке Голгофа лагпункта Анзер. Обвинительные заключения по делам Кемперпункта и Голгофы и предлагаются вниманию читателей. Оба документа публикуются полностью, с сохранением орфографии. Следственные дела, в состав которых они входят, цитируются нами в послесловии.

Обращает на себя внимание стилистическая разница между этими двумя документами, свидетельствующая о том, что их канонические формы в то время еще не сложились. В этом смысле первое обвинительное заключение (из дела по Голгофе) более строго по стилю и близко к устоявшемуся вскоре «государственно-правовому» эталону, а второе — эмоциональнее, несет на себе явную печать социального ожесточения первых послереволюционных лет.

I

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу №885 о к/р деятельности надзорсостава и медперсонала Пункта Анзер и к[омандиров]ки Голгофа Лагерей Особого Назначения ОГПУ на Соловецких островах.

г.Кемь 9 июня 1930 г.

Поводом к возбуждению уголовного преследования послужил материал опроса партии заключенных, направленных с пункта Анзер в Кремль, и материал обследования к-ки Голгофа, произведенного по заданию Особой Комиссии ОГПУ по обследованию УСЛОН ОГПУ.

Указанными материалами выявлены случаи массовых и единичных убийств, издевательства над заключенными, как в части применения физической расправы, так и в части неоказания медпомощи со стороны медицинского персонала.

Следствием по делу установлено, что в зиму 1930 года на острове наиболее активизировалось влияние к/р элементов, сгруппировавшихся в отдельных хозяйственных и административных единицах Лагерей на острове, чему способствовало попустительство со стороны вольнонаемного надзорсостава и содействие со стороны комсостава из заключенных, а именно:

Группировки к/р элементов и духовенства

Хозяйственная часть п.Анзер, возглавляемая б.офицером, осужденным за к/р преступления ФЕСЬКОВЫМ Борисом Милентьевичем, является главным пунктом концентрации направляемых в Анзер к/р элементов и отсюда же ими пополняются кадры административно-хозяйственных работников из числа заключенных.

БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...Ярко бросается в глаза подбор сотрудников Хозчасти, личный состав ее на 90% состоит из попов, б.офицеров, старых к-зров и подобной публики. Всякого прибывшего в Анзер ка-эра ФЕСЬКОВ пытался устроить к себе, а если почему-либо не мог, то устраивал на другие теплые места. Однажды ФЕСЬКОВ обратился ко мне с просьбой устроить в артель сторожей одного прибывшего с партией старика, просьбу свою ФЕСЬКОВ мотивировал, что он-де окончил духовную семинарию и вообще интеллигентный человек...»

«...Под углом явного вредительства можно рассматривать факт, что священники и ксендзы (содержавшиеся отдельно на Троицкой) получали в Хозчасти сухой паек, имея для получек

отдельные дни и часы. Ничего подобного никто из других заключенных не имел...»

(л[ист] д[ела] 308)

Используя Хозчасть пункта Анзер, как адмединицу, отсеивающую из прибывающих этапов контрреволюционные элементы, последние группировались в местах, откуда наиболее удобно распространять к/р деятельность, а именно: в надзоре и медучреждениях.

Примером к/р группировки в п. Анзер является стационар на к-ке Голгофа, обслуживание которого организовано в своем большинстве из к/р, в числе которых 5 человек духовенство, а именно: 1) Делопроизводитель КУТОВОЙ, священник, б. офицер; 2) Лекпом ХАРЧЕНКО, монах, ярый к/р; 3) брат-милосердия БАТАЛИНСКИЙ, священник; 4) сестра-милосердия ЗЫКОВА, монашка; 5) брат-милосердия КУБАСОВ, миссионер; 6) сестра-милосердия ЕЛАНСКАЯ, полька, к/р; 7) брат-милосердия ЛАТОНИН, к/р, открыто высказывающий свои взгляды; 8-9) братья-милосердия МУРЗАЕВ и МИРЗАЛИ, мусаватисты; 10) брат-милосердия КЕПП, б. офицер, к/р; 11) Лекпом РАХТ, к/р.

Весь же персонал стационара состоял из одного врача, 7-ми лекпомов и 4-х сестер — т.е. из 12 чел. или 100% к/р элемент. БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...Ка-эровское засилье явно бросалось в глаза в стационаре: КУТОВОЙ — делопроизводитель, б. поп, настоятель собора, полковой свящ. в белой армии, ДЕРИГЛАЗОВ — завхоз, казачий офицер, к/р, МИЛЛЕР — комендант, гвард. офицер, б. крупный помещик и коннозаводчик, ЕЛАНСКАЯ — полька, шпионка 10-летница.

В стационаре практиковался обычай "своих" людей долго не выписывать и даже использовать на работе в стенах стационара. Приехав на Голгофу, я увидел, что в канцелярии работает закл. МИХАНЬКОВ, матерый монархист, проходивший по делу Соловецкого к/р заговора. На мой вопрос, что он тут делает, КУТОВОЙ, смутившись ответил, что он только помогает, а на самом деле числится еще больным...»

«...Аналогичный случай был с б. священником БАКАЛИНСКИМ, который по протекции КУТОВОГО долгое время после выздоровления работал в канцелярии стационара, числясь больным».

«...Закл. ЕЛАНСКАЯ В.Э. будучи Зав. околоском на к-ке Троицкая, поддерживала там самую тесную связь с группой ксендзов. Циркулировали слухи, что один, не то ксендз, не то священник с температурой, укрывался ею в бараке в течение 2-х недель, подвергая весь барак опасности заражения, если бы у него оказалась инфекция...»

(л.д.300)

Издевательства над заключенными

Как установлено следствием, издевательства над заключенными в зиму 1929 г. приняли массовый характер и распространялись преимущественно на рабочую часть заключенных, находящихся на общих работах.

Моральным и физическим воздействием на заключенных, последние доведены до состояния полного притупления инстинкта самосохранения и каждый спокойно ждал своей очереди, как называют заключенные «загнаться», т.е. пройти этап регистрации в стационаре и попасть в могилу. Подобное положение толкало заключенных на отдельные нарушения лагерного распорядка, что вызывало со стороны надзорсостава нервность и усиление репрессий.

Как установлено следствием, отдельные случаи нарушения заключенными лаграспорядка являются преступно спровоцированными самим же внешним и внутренним надзорсоставом, практиковавшим следующее:

- 1) посылку совершенно голых заключенных в баню при 20-град. морозе на расстоянии до 1/2 км от барakov,
- 2) посылку заключенных в одном белье или совсем раздетых с одной к-ки на другую, расположенных на расстоянии 5-6 км,
- 3) поставку продпайка (картофеля) с отходом до 60% и таким образом сокращение и без того недостаточного пайка, чем люди приводились в состояние полного истощения,
- 4) выдача гнилого мяса,
- 5) неоказание медпомощи заболевшим,
- 6) оставление открытыми, на видном месте, ям, в которые бросались трупы сотен заключенных.

КУТОВОЙ показывает:

«...Я видел в окно как из 4 барака голых людей в 20 град. мороз гнали в баню с горы вниз, к озеру, где находилась баня и после бани обратно в гору. После этого часть из них попала в лазареты и умирало в день до 20 чел. Так же видел ужасную картину, как из к-ки Капорская, находящейся в 3 км от Голгофы, в морозный день, в феврале, гнали людей голых, полураздетых на Голгофу, в 4 барак. Видел я, как их БЕЛОВ — комроты принимал и распределял по бараку. По дороге те, которые полузамерзшие не могли идти, подбирались другими одетыми, посланными за ними.

...Когда я прибыл на Голгофу, у меня создалось самое тяжелое впечатление при виде того, как больные ходили из роты в амбулаторию, которая была при стационаре. Часть из больных ходила совершенно голыми, часть полуодетыми и босиком и после оказания медпомощи уходили в бараки в таком же виде.

Некоторые более слабые оставались в лазарете на коечное лечение, а остальных дневальный амбулатории подзатыльниками выталкивал обратно в роты, одиночки-голые не хотели идти, валялись голыми на снегу...»

(л.д.354-355)

РАХТ показывает:

«...Картинка, которую я застал по приезде своем на к-ку Голгофа, была ужасна, название Голгофы вполне оправдалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем более продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз была совершенно раздета, голые в полном смысле слова, на остальных — жалкие лохмотья. Истощенные люди, лишенные подкожного жирового слоя, скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали шатаясь из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда наклонившись, они умирали...»

(л.д.330)

БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...Партия прибыла в несколько приемов, причем сразу привезли 6 или 7 трупов — умерших в пути. Вновь прибывшие люди не заходились в Анзер, обогреться, а проследовали прямо на Голгофу. При утреннем обходе 4 барака я обнаружил несколько заключенных, которые уже агонировали. Так как невзирая на то, что печь по моему распоряжению топилась круглые сутки, температура в бараке была ненормальной...»

«...Через несколько часов, вошедши в барак, я застал ту же картину, т.е. людей, лежащих уже в бессознательном состоянии. Я написал бумажку зав. стационаром с требованием немедленно осмотреть всех заключенных новой партии и нуждающихся положить в лазарет. Дежурный на обороте бумажки написал, что больные подлежат приводу в околодок на общих основаниях...»

(л.д.298)

«...Я получил из Анзера телефонограмму о высылке к утреннему разводу партии в 50 человек, вполне работоспособных и одетых людей для перевозки лыка из Ребольды. Я по телефону позвонил в Анзер и сказал не то ПОЛУПАНОВУ (разнорядчику) не то ЛОСЕВУ, что таких людей на Голгофе нет. Мне ответили, что партию нужно послать обязательно. Я утром сам отобрал на разводе 45-50 наиболее работоспособных и одетых людей и под конвоем выслал из в Анзер. Партия проследовала на Кеньгу и Ребольду и вернулась на Голгофу поздно вечером, 2-х человек конвоиры привезли в полумертвом состоянии (от холода) и сдали в стационар, где они вероятно скоро и скончались...»

«...Одним из серьезнейших вредительств считаю выдачу Хозчастью пункта Анзер картофеля, в котором было 60-70% отхода и мусора. Когда я впервые узнал, что был выдан такой картофель со слов заключенных, получивших на завтрак по чайной ложке пюре (буквально), я вызвал каптера, который мне объяснил, что в Анзере имеются остатки тухлого, гнилого картофеля, который по распоряжению Завхоза ФЕСЬКОВА периодически специально получается командировками. Через 2-3 дня повторился случай выдачи такого картофеля. Я составил акт и направил при рапорте начальнику пункта. Комендант передал рапорт работнику ИСО, но приказал картофель пустить в котел (т.е. 35% основной дачи). После этого было еще несколько случаев выдачи такого картофеля. Я первое время активировал эти случаи, но потом, видя, что это не помогает, прекратил...»

(л.д.299)

Как указано выше, на почве истощения и морально-подавленно-го состояния имели место отдельные проступки и преступления заключенных: воровство продуктов питания и денег, за которые внутренний и внешний надзорсостав учинял физические расправы над заключенными. Установлено следствием, что зачастую физические расправы производились и без повода к тому со стороны заключенных, как например, — избивание и посадка в холодный карцер партии до 20 заключенных с целью, якобы, выявления вора, укравшего у одного заключенного 17 рублей денег, так же следствием установлены случаи, когда лица из числа надзорсостава сами занимались воровством у заключенных, устраивали инсценировки розыска, сопровождаемые физическими расправами над заключенными. В числе методов физического воздействия над заключенными следствием установлены следующие:

1) избивание заключенных, в результате которого имели место случаи смерти

2) посадка заключенных в одном белье на колокольню церкви, расположенной на вершине горы Голгофа. Подобные посадки практиковались в зимнее время, причем заключенному связывались назад руки и привязывались к ним отогнутые назад до крайнего положения ноги. В таком положении заключенные продерживались до 48 часов и за это время до 6 раз на несколько минут помещались в теплое помещение.

Врач санчасти, которому предъявлен закл. ЮЛИС для дачи заключения о состоянии его здоровья, констатировал разрушающее действие на организм указанной инквизиции.

Выписка из заключения врача:

«...28/5-30 г. мне предъявлен закл. ЮЛИС Исаак с сообщением, что этот заключенный в зимнее время был заключен раз-

детым на колокольню, в коей он пробыл 48 час. За это время его 6 раз садили в топленую печь и о том, что этот заключенный был избит.

При наружном осмотре обнаружено: ссадина давнего происхождения на левом плечевом сочленении, язва на правой голени, покрытая струпами, разрыхление десен с незначительной кровоточивостью из них, бледность видимых слизистых оболочек. Объективно: катарр верхушек легких и острый бронхит...»

(л.д.30)

4) посадка заключенных на продолжительное время на так называемые «жердочки», т.е. узкие скамьи. Заключенного заставляли просиживать без всякого шевеления по 18 час. в сутки, выдавая пищу через 2 на 3 день и этим самым резко понижали его трудоспособность. Подобные жердочки были установлены двух видов: первый — считающийся более легким, когда ноги сидящего доставали до пола, второй — когда ноги находились на весу и вызывали отеки конечностей.

5) постановка закл. на так называемые «камни», т.е. в одном белье босого в положении «смирно». Этот вид издевательства практиковался преимущественно зимой или в наиболее холодную, ветреную погоду. В таком положении заключенный выдерживался до полного изнеможения.

Кроме перечисленных, применялся еще ряд методов физического воздействия, разрушающих организм заключенных и понижающих их трудоспособность. Врач, которому было предложено дать заключение о влиянии на организм указанных методов воздействия, дал следующее заключение:

Выписка из заключения врача:

«...28/5-30 г. мне был предъявлен закл. продемонстрировавший способы воздействия на заключенных.

1) закл. раздетый садился на табуретку с опущенными на пол ногами (пятки и носки вместе) с положенными на колени руками. В таком положении не двигаясь, закл. должен был сидеть до 15 час.

2) такое же положение с той только разницей, что ноги закл. не доставали пола. В таком положении то же не двигаясь, закл. должен был пробыть от 14 до 16 час.

3) закл., брошенные на спину, связанные в средней трети плеча руки, а к ним привязывалась согнутая в коленном суставе нога, перетянутая в нижней трети голени веревкой. Пятка ноги касалась крестца. Закл. должен был лежать от 2-4 час.

При применении подобных мер воздействия закл. наносилась психическая травма, вследствие коей закл. мог бы страдать травматическим психоневрозом и вызывался отек ног.

Приняв во внимание 2 категорию трудоспособности, данная врач. комиссией по поводу истощения, было бы достаточно 6-5 раз применения указанных мер, дабы иметь смертельный случай...»

(л.д.58)

РАХТ показывает:

«...”Жердочками“ назывались длинные, узкие скамьи, устроенные в 5 взводе 13 роты. На этих высоких скамьях (ноги не доставали до пола) нужно было сидеть 18 часов в сутки не двигаясь, остальные 6 часов спать под скамьями. Пища выдавалась через 2 дня на третий...»

(л.д.360)

«...У подножья горы Голгофа помещалась маленькая часовня, внутри доверху в 3 этажа застроенная нарами и вмещавшая в себе одно время до 200 чел. В эту часовню, названную командиром Голгофы БЕЛОВЫМ — ”Кровавой харчевней“, о чем он часто смеясь любил рассказывать, часто заходил сам БЕЛОВ. Как говорили, этот зверь в образе человека развлекался тем, что стаскивал за волосы с 3-х нар ”шакала“ и ударял его головой об землю...»

(л.д.330)

КВАША показывает:

«...На к-ке Голгофа в часовне 10/V с.г. были введены ”жердочки“ т.е. узкие скамьи, на которых заключенные должны были сидеть в неподвижном положении и руки держать на коленях. Сидение продолжалось с 5 час. утра до 8 час. вечера. За нарушение такого режима Зав. изолятором ЗЮЗИН накладывал дисциплинарные взыскания и заставлял садиться на высокие скамьи, где отекали ноги...»

(л.д.33)

КРЫЛОВ показывает:

«...Мне известен случай избияния закл. МАСТЮГИНА, ХАРИТОНОВА и еще одного, фамилии коего не помню, произведенного БЕЛОВЫМ (командир роты) и БАККО (пом. ком. роты). МАСТЮГИН и ХАРИТОНОВ были избиты до потери сознания, после чего по приказанию БЕЛОВА и БАККО я брал веревку и раздев до нижнего белья связывал на спину, выше локтя, руки и к рукам привязывал одну ногу, отогнув ее к спине. Такое положение вызывало сильную боль и когда я развязывал такого заключенного, то он не мог долгое время двигать руками. Таким образом связанные заключенные сажались на колокольню, где со всех сторон дует ветер. БАККО говорил, что он сажает туда для охлаждения. Я исполнял обязанности Зав. карцером и меня под угрозой подвергнуть подобному же истязанию заставляли БЕЛОВ и БАККО связывать заключенных и выводить на колокольню...»

(л.д.39)

Принимая во внимание, что на п. Анзер сконцентрированы преимущественно слабосильные заключенные (2-3 категория), перечисленные выше методы воздействия наиболее резко отражались на их состоянии и вызвали значительную смертность.

КУТОВОЙ показывает:

«...За октябрь м-ц 1929 г. по сведениям стационара умерших было 22 ч. за ноябрь — 24 чел. за декабрь — 80 чел. за январь 1930 г. — 135 чел. за февраль — 246 чел. за март — 245 чел. за апрель — 145 чел. и за май м-ц — 82 чел. Итого за 8 месяцев — 979 человек. По диагнозу и по отчетности большинство случаев смерти относится к истощению, поносу от недоедания и туберкулезу. Сыпным тифом по отчетности болело 360 чел. из них умерло 64 чел., которые входят в число 979...»

(л.д.354)

Санчасть и стационары

Как установлено следствием, стационар к-ки Голгофа п. Анзер и Санчасть IV Отделения СЛОН являются главными рассадниками к/р настроений среди заключенных, создавая их путем: 1) преступного саботажа в борьбе с сыпно-тифозной инфекцией 2) издевательства над больными заключенными, попадавшими на лечение в стационары 3) убийства заключенных, совершаемые в стационарах из низменных побуждений 4) сокрытие причин увеличивающейся смертности 5) сокрытие следов убийства 6) преступном доведении лечебных учреждений до крайне антисанитарного состояния и 7) демонстративного кощунства и непогребения трупов умирающих заключенных, в то время, как трупы умирающих к/р хоронились в отдельных могилах и с устройством похоронных процессий.

29/V-30 г. при обследовании к-ки Голгофа обнаружено:

«...При осмотре в присутствии Врид Нач. пункта Анзер МА-МЗЕЛЕВА П.А. ст. стрелка к-ки Голгофа МИНИНА Г.М. ст. надзирателя внутреннего надзора БАККО М.А. Зав. стационаром к-ки ДЗЮБЕНКО Н.Т. и 2-х сторожей кладбища, заключенных ХАРИТОНОВА Л.М. и СОКОЛОВА С.В. обнаружена одна незарытая могила, глубиной около 1,5 мтр, в которой находились небрежно брошенные 3 трупа. На груди первого трупа, лежащего в верхней части могилы (по наклону горы) имеется надпись химическим карандашом: "ПОНАСЮК №2348", два других трупа лежали в противоположном конце могилы, один — лицом вниз, другой — вверх.

Кладбище состоит из 7 больших и 9 малых могил. При вскрытии одной большой могилы обнаружено, что она наложена трупами до ¹/₄ арш. от верхнего основания и трупы прикрыты

еловыми ветками и сверху засыпаны землей. Толщина слоя, прикрывающего трупы не больше одной четверти аршина. По заявлению Зав. стационаром ДЗЮБЕНКО, подтвержденному ст. стрелком МИНИНЫМ, большинство из больших могил зарыты так же как и вскрытая, т.е. набиты полные трупам и сверху забросаны еловыми ветками и землей, толщиной до $1/4$ мтр...»

«...Из числа расположенных на кладбище могил одна маленькая имеет внешнюю отделку и небольшую деревянную табличку с надписью: "ГИЛЯРЕВСКИЙ Николай Александрович". Кладбище расположено на противоположной горе, через овраг от основных корпусов, в которых помещаются заключенные к-ки. По заявлению ст. надзирателя БАККО на кладбище похоронено с лета 1929 года приблизительно около 800 чел. ...»

«Обнаруженные не зарытыми два трупа находились в воде и имеют внешние признаки разложения...»

(л.д.20)

Следствием установлено, что на протяжении всей зимы 29-30 г. большие могилы, в которых помещалось до 800 трупов, были доверху наполнены таковыми и оставались открытыми. Эти могилы, расположенные на видном месте, на противоположном склоне оврага от основных корпусов размещения заключенных. При заведывании стационаром врачами ПИЛЮХИНЫМ и КОЗЛОВСКИМ штат такового был подобран из к/р элементов и бывшего духовенства, которые и осуществляли в нем свою контрреволюционную деятельность. Она видна из следующих выписок из показаний:

КОЗЛОВСКИЙ показывает:

«...Знаю, как факт, что до моего прибытия в стационар п.Анзер д-р ПЕЛЮХИН приказал принести в операционную одного больного, фамилию которого я не помню, с тем, чтобы сделать вскрытие, якобы по случаю его смерти. Присутствовавшая при этом сестра ЗЫКОВА и БОГДАНОВА заметили доктору, что больной жив, что видно из того, что он дышит. Д-р ПЕЛЮХИН сказал, что он знает лучше. Сестры все-таки настояли не делать вскрытия и больной (мнимо умерший) был на носилках отправлен в мертвецкую. По дороге в узком проходе лестницы санитары толкнули носилки, больной пришел в себя и попросил пить. Таким образом остался жить. Знаю тоже, что д-р ПЕЛЮХИН неоднократно избивал больных. Избивал за то, что они будучи трудно больными не могли идти в ванну (так был избит какой-то мулла, из-за чего получилось целое волнение среди мусульман Анзера). Такой же участи подверглись приносимые на излечение...»

(л.д.289)

РАХТ показывает:

«...Естественно, что из таких условий закл. всеми силами стремились попасть в стационар. Когда их не принимали туда, вследствие того, что стационар был слишком мал, они не хотели уходить и ложились на снег и когда их голыми за ноги стаскивали с ледяной горы, воздух оглашался нечеловеческими, душераздирающими звуками...»

«...Тифозные больные лежали на общих нарах, вплотную друг к другу, часто не имея возможности лечь на спину...»

«...В палате №6 для поносников нормально могущую вместить 5 человек, находилось 30 чел. Белья им не выдавалось. Пол, стены и нары в этой палате были сплошь залиты и запачканы испражнениями. Больные также были грязные, наибольшая смертность была в этой палате. Трупы лежали на живых, живые — на трупах. Благодаря этому происходили путаницы: фактически живых на бумаге хоронили, умершие же числились живыми.»

«...Духовные лица, из которых наполовину состоял состав среднего медперсонала, очень мало обращали внимания на рядовых больных, выделяя всячески и оказывая предпочтение больному духовенству и каэрам...»

«...Ст. лекпом и правая рука Зав. стационаром врача ПЕЛЮХИНА, лекпом ЛИТВИНОВ, совершенно разложившийся, аморальный человек, не останавливался перед избиением больных, сплошь и рядом допуская открытые издевательства. Но никто не мог сравниться в этом с врачом ПЕЛЮХИНЫМ...»

«...Беспробудное пьянство, разврат, избиение всех, кто попадался под руку, начиная с obsługi и кончая больными, даже если они находились в агонирующем состоянии, бессмысленные шутки и очень, очень мало ухода, — вот было его времяпровождение. Из его развлечений опишу следующее: ПЕЛЮХИН опускается в коридор 1 этажа, садится за стол и туда к нему по одному выползают из палаты №6 голые, истощенные выпачканные в своих и чужих испражнениях, едва живые поносники. Их взгляд полон мольбы и надежды, от врача они ожидают чуда. С затаенной улыбкой садиста ПЕЛЮХИН спрашивает у них фамилии, имя, отчество, откуда родом, за что сидит и если за кражу или убийство, долго упрекает и ругает его за это. Все поносники сидели на голодной диете, и благодаря этому ПЕЛЮХИНУ доставляло особенное удовольствие говорить с ними о еде. Какие его любимые кушанья, любит ли он котлеты и какое из кушаний он сейчас предпочел бы. Когда больной надоедал, то с такими же шутками, под смех стоящей рядом ДЮНЗЕ, он сопровождался обратно на смерть в палату, а вместо его вызывался другой...»

(л.д.330-331)

ДЗЮБЕНКО показывает:

«...Одного не умершего закл. д-р ПЕЛЮХИН направил в могилу, последний как бы начал вылезать из могилы, а санитары сказали, что доктор лучше знает — жив ты или умер. По словам, он умер в яме...»

(л.д.78)

БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...После изъятия из стационара его (ПЕЛЮХИНА) сожительницы ДЮНЗЕ, он из протеста перенес операционную комнату в темную комнату, а сам поселился жить в операционной, чем свел ее работу к нулю. Ездил на Муксалму к ДЮНЗЕ, он возил ей сливочное масло, полученное для диетических больных стационара...»

«...Самым главным обстоятельством считаю преступно-халатное отношение к цынге, которая до 1 мая (т.е. в бытность КОЗЛОВСКОГО Зав. стационаром) было выявлено всего 40 случаев. ДЗЮБЕНКО же за 3 недели мая выявил свыше 300 цынготных и подозрительных по цынге случаев и утверждал на заседаниях санпютерки п.Анзер, что все они 2-3 месячной давности и при своевременном выявлении могли бы быть предотвращены...»

(л.д.301)

КУТОВОЙ показывает:

«...В бараке №4 температура была средняя и жителей его, этих голых людей называли другие заключенные "песцами". На двор они выходили и оправлялись совершенно голые. Часто я видел такую картину, что "песцов" в виде наказания выставляли на мороз голых, где они на пронизывающем ветру плакали, кричали и просили пустить их в барак...»

(л.д.355)

«...Был случай, когда из Анзера новоприбывшей партии в стационар было доставлено 7 трупов неизвестных, по распоряжению адмчасти таковых взять на списочный учет и числить по дробу. Но один из трупов заговорил, которого дежурный по стационару ФАНГЕР Берта Абрамовна приказала внести в ванну и оказала ему медицинскую помощь, после чего он — назвал свою фамилию — МАКСИМОВСКИЙ...»

(л.д.356)

ПЕЛЮХИН показывает:

«...Командир роты ШМИДТ и Зав. стационаром п.Анзер ЛЕВАНДОВСКИЙ в 28-29 г. зиму организованно отправляли в могилу состоятельных туркменов и проч., никому не заявляли о ценностях, которые оставались в их пользу...»

(л.д.341)

«...Я иногда выходя из себя — теряя спокойствие — давал пощечины, отлично сознавая, что опачковал свое звание и призвание...»

(л.д.339)

«...Смертности способствовали и санобработки, когда гоняли голых закл. в одном белье из бани, а бараки были местами недостаточно отеплены. На санобработки, под угрозой Секирки и суда мне лично, со стороны Пом. Нач. IV Отделения САВКОВА, который мне на заседании санпяртерки IV Отделения сказал: "если вы еще сделаете хотя одно промедление с санобработкой, я вам вышлю спецконвой прямо в Анзер, а оттуда прямо на Секирную". Происходило это в присутствии врачей и Нач. Санчасти АНТИПИНОЙ, Врид Санврача Зав. дезостанцией ВОРОНКО, Нач. КПЧ IV Отделения РУБЦОВА, Нач. пункта Анзер ПРИВАЛОВА, пред. санпяртерки ОРЕШОВА, ПХАКАДЗЕ — коменданта Кремля и инженере ЗАВАДСКОМ...»

(л.д.345)

Убийства

Кроме установленных следствием издевательств над закл. в стационаре, имевшими своим последствием смертные случаи, следствием также установлен ряд случаев прямых убийств, совершенных из низменных, корыстных побуждений Зав. стационаром к-ки Голгофа врачом ПЕЛЮХИНЫМ.

РАХТ показывает:

«...Убийство закл. ЛУКЪЯНЦА. В палате №6 умер один из больных. Брат милосердия МИРАЛИ, дежурный по стационару, записав его фамилию, приказал санитарам отнести труп в покойницкую. Приказание это выполнено не было. Зайдя через некоторое время в палату и застав там этот же самый труп, МИРАЛИ счел его за вновь умершего. Желая установить его фамилию, МИРАЛИ был введен в заблуждение одним из больных, ЛУКЪЯНЦЕМ, который преследуя неизвестные цели, приписал умершему свою фамилию. Таким образом, формуляр и акт о смерти закл. ЛУКЪЯНЦА были отосланы в IV Отделение, а сам ЛУКЪЯНЕЦ оставался в 6 палате. Когда эта история, сразу же получившая огласку, была открыта, раздосадованный ПЕЛЮХИН жестоко избил ЛУКЪЯНЦА и выписал его в роту. В роте продолжились систематические избиения ЛУКЪЯНЦА, в которых принимал участие ПЕЛЮХИН, БЕЛОВ, МИНИН и даже Нач. пункта ПРИВАЛОВ, бывший ЛУКЪЯНЦА, по рассказам МИНИНА, рукояткой револьвера и ногами. ЛУКЪЯНЕЦ через несколько дней после выписки из лазарета был доставлен обратно уже трупом.

Убийство закл. ЩЕДРОВА. ПЕЛЮХИН должен был старику ЩЕДРОВУ 60 рублей (за точность суммы не ручаюсь). Не желая отдавать долга, ПЕЛЮХИН уговорил ЩЕДРОВА лечь в лазарет, обещая ему хорошее питание и спокойную жизнь. В лазарете, в палате №13 ПЕЛЮХИН убил ЩЕДРОВА, впрыснув ему раствор адреналина в мышцу сердца, на глазах у всех больных под видом оказания помощи...»

(л.д.331)

ЛЕВАНДОВСКИЙ показывает:

«...Были случаи умерщвления больных путем впрыскивания морфия для овладения деньгами. Это был случай умерщвления ИВАНОВА-ЛИМАНТА, впрыскивание морфия производил старший лекпом КИШИЦКИЙ, в настоящее время уже освобожден...»

«...На Анзере я пробыл с ноября 28 г. по март 29 г. Был привезен в стационар на Голгофу закл. ЛОБАНОВ Николай Васильевич в полузамерзшем состоянии. Когда я впрыснул ему камфору, подошел д-р ТЕРИБЕЛЛИ и распорядился, несмотря на мои распоряжения, унести его в покойницкую: "пусть унесут, все равно сохнет". Я вытащил ЛОБАНОВА из покойницкой тайно от врача, и тот выжил и находится где-то в IV Отд....»

(л.д.362-363)

Примечание: Давший настоящее показание ЛЕВАНДОВСКИЙ обнаружен на штрафкомандировке Амбарная, куда он был послан за попытки разоблачения преступлений Санчасти в бытность лекпомом стационара Голгофа. ЛЕВАНДОВСКИЙ обнаружен в крайне болезненном состоянии, являющемся следствием запущенной цынги и поноса.

Религиозная пропаганда в Стационаре

В числе установленных следствием контрреволюционных выступлений, совершаемых медперсоналом стационара к-ки Голгофа установлены случаи религиозной пропаганды, проводимые медперсоналом, набранным из служителей культа.

РАХТ показывает:

«...Лекпом, монах ХАРЧЕНКО говорил больным: "сдохнешь, как собака, если не будешь веровать в бога", всячески ругал неверующих и вел открытую религиозную пропаганду с ссылками из апокалипсиса, ему помогал б/м КУБАСОВ. Сестрамилосердия монашка ЗЫКОВА занималась тем же, хотя не ладила с КУТОВЫМ и ХАРЧЕНКО из-за расхождения по некоторым религиозным направлениям...»

(л.д.330)

БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...Лекпом ХАРЧЕНКО (б.монах) говорил закл. что вас мол перевязывать не стоит, т.к. вы в бога не верите, вы грешники и т.д. ...»

(л.д.301)

Пьянство и разложение

Преступная к/р деятельность медперсонала и административных лиц из числа заключенных проводилась на фоне общего разложения работников стационара. Следствием установлено, что разврат и пьянство стали обыкновенным явлением и в нем вольнонаемный адмперсонал в лице Нач. пункта АФОНИНА и др. не только принимал участие, но различными способами поощрял его развитие.

РАХТ показывает:

«...ПЕЛЮХИН был в самых дружеских отношениях с Нач. пункта и со следователем в особенности. Это отношения подкреплялись изрядными дозами спирта и вина, которое ПЕЛЮХИН умел доставать в большом количестве. Если вина не хватало, выписывали еще, если вторая партия выпивалась слишком быстро, составлялся акт о том, что весь спирт упал при выгрузке в море или разлился при распаковке...»

(л.д.332)

ДЗЮБЕНКО показывает:

«...Д-р ПЕЛЮХИН избивал больных в палатах, обходов не делал, не делал их также за время Зав. стационаром КОЗЛОВСКИЙ, а занимался тем, что устраивал пьянства и расходовали тот и другой не только весь спирт, но и некоторые приготовленные на спирту лекарства. В стационаре разводили свидания и ложили не больных, а здоровых, для того, чтобы себя оградить от ареста за сожительство. Например, Зав. стационаром с хозяйкой БОГДАНОВОЙ, почему и ложили здоровых женщин...»

(л.д.78)

ПЕЛЮХИН показывает:

«...РАХТ Святослав Петрович оказался гнусным человеком позволяя себе половое сношение с женщиной, находящейся под хлороформом, в состоянии глубокого наркоза, т.е. сна. Об этой гнусной его черте знала и Нач. Санчасти IV Отделения АНТИПИНА...»

«...За это время РАХТ успел развить свою ненормальную для человека деятельность, устраивал сеансы минета (половое общение через рот) в операционной амбулатории, насиловал там нередко. Так он БАТАЕВОЙ и КОЗЛОВСКОЙ, санитаркам грозил, от имени моего, если они пожалуются кому. "Если ты по-

жалуешься врачу, он тебе набьет морду и сам тоже самое делает...»

(л.д.342)

ЛЕВАНДОВСКИЙ показывает:

«...Зав. Санчастию IV Отделения **АНТИПИНА** развратничала с персоналом...»

(л.д.362)

Смазывание действительного положения

Следствием установлено, что начиная от Нач. Санчасти IV Отделения **СЛОН АНТИПИНОЙ** и кончая делопроизводителем стационара к-ки Голгофа **КУТОВЫМ**, лица, занимавшие административные должности злостно скрывали в официальных документах действительное положение с оказанием медпомощи заключенным и причин все увеличивающейся смертности. По заданиям из Санчасти, исходившим от **АНТИПИНОЙ**, на местах ставились ложные диагнозы: как то умершему действительно от истощения (иноницио) ставили причиной туберкулез и т.п. болезни, скрывающие ненормальные условия содержания заключенных.

Одновременно установлено, что в случаях сокрытия насильственной смерти не проводилось судебно-медицинского вскрытия, оформляя убитого или умершего в бараке, как направленного в стационар и там умершего. Причина смерти в данном случае так же указывалась не соответствующая действительности.

КУТОВОЙ показывает:

«...Было два или три случая, что **ПЕЛЮХИН** и **РАХТ** приносили мне копию старого акта, как образец, с небольшим дополнением и сказали мне, чтобы написал аналогичный акт...»

(л.д.355)

«...Был даже такой случай, когда лекпом **ЦЕЦЕРСКИЙ** Евгений Андреевич, выписывая партию заключенных из лазарета, в том числе был и выздоровевший **БЕЛИЧЕВ**, которого вечером уже принесли в стационар в бессознательном состоянии из 4 барака и не придя в сознание последний умер. Вторично на него записана история болезни с надписью "доставлен в бессознательном состоянии" и в канцелярию была представлена история болезни на **БЕЛИЧЕВА** — оформленная, с диагнозом и подписанная **ЦЕЦЕРСКИМ**...»

(л.д.356)

КУТОВОЙ показывает:

«...Был случай, когда с Капорской доставлен был больной с поврежденной головой, пробыв несколько дней в лазарете умер. Зав. стационаром **КОЗЛОВСКИЙ** в присутствии в/н стрелка **МИНИНА** составил акт о повреждении головы для направ-

ления Нач. пункта Анзер. Лично таковой акт был взят для передачи стр. МИНИНЫМ. Так же был составлен акт с диагнозом — умер от повреждения черепа и мозговых оболочек, но через неделю последовало распоряжение с возвращением акта о пересоставлении, выставив другой диагноз — "менингит" что и было сделано Зав. стационаром. Подписывался акт КОЗЛОВСКИМ, дежурным по лазарету и стрелком...» (л.д.351)

РАХТ показывает:

«...Удачно проведенный прием больных считался тот, кто дал меньше освобождения больным, про него говорили, что он опытный лекпом, потому что за каждое выданное освобождение от работы больному ожидалась какая-нибудь взбучка от командира или Отдела Труда».

«...Однажды меня послал зав. околodком КАТКОВ на общую кухню попробовать там обед и расписаться в кухонной книге. Обед был плохой, из неочищенной рыбы и никуда не годился, и я, несмотря на то, что в кухонной книге за это же число была отметка Нач. Отделения ЗАРИНА, признававшего обед хорошим, все же написал в ней свое настоящее мнение об обеде. После этого меня не посылали больше пробовать обеды, а вызывавшая меня к себе АНТИПИНА долго ругала за это и говорила, что нужно быть внимательнее, когда пишешь в книге. Она думала, что я не видел отметки ЗАРИНА...»

«...Если приходил в околodок закл. с просьбой и жалобой на то, что его избил командир, с просьбой освидетельствовать его, то такому закл. оказывалась только медпомощь, справки же без отношения командира не выдавалось...» (л.д.359, 360)

ДЗЮБЕНКО показывает:

«...Вскрытие трупов (судебно-медицинское) производилось делпроизвод. КУТОВЫМ, которому давалось распоряжение от Зав. стационаром, по его словам для этого просто брали любой акт старого вскрытия и подставлялась фамилия другая, пересоставлялось и перефразировалось то, что написано во взятом акте. Были случаи, когда необходимо было вскрыть уже лежащего в могиле, тогда прямо писалось, что угодно...»

(л.д.71)

Кроме перечисленных в приведенных выше показаниях методов вскрытия действительного положения на к-ках, следствием установлено, что на к-ке Голгофа п. Анзер на официальных заседаниях санпятиерки было принято следующее решение, направленное на сокрытие случаев умирания закл. в бараках, вследствие не оказания им своевременной медпомощи. По обоюдной договоренности лиц, при-

нимавших участие в санпютерке, трупы умиравших в бараках заключенных направлялись в стационар при записке с предложением принять на коечное лечение. В стационаре же эти трупы оформлялись как умершие в стационаре, как принятые живые люди. Таким образом исключалась необходимость производства судебно-медицинских вскрытий и скрывались следы преступного неокказания медпомощи больным закл., в результате чего имели место массовые случаи смерти.

Поощрение индивидуальных похорон контрреволюционных элементов

Наряду с кощунством над трупами рядовых заключенных, осужденных по бытовым статьям и за должностные преступления, демонстративно давались разрешения осужденным за к/р преступления на индивидуальные похороны к/р элементов. Такие похоронные процессии устраивались на глазах у всех заключенных открыто демонстрируя к/р влияние и тем самым дискредитируя Лагерь Особого Назначения ОГПУ.

БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН показывает:

«...Факт индивидуальных погребений нервировал общую массу заключенных. ФЕСЬКОВ являлся инициатором и проводником отдельных похорон БОТЬЯНОВОЙ, ЛЕЛЮХИНА, ГИЛЯРЕВСКОГО, прошлое вышеуказанных людей иллюстрирует что могло руководить ФЕСЬКОВЫМ в данном случае (все три к/р). При таких похоронах на кладбище Голгофы, наряду с полуприкрытыми ямами, из которых были видны голые трупы, допускались десятки людей (монашки из Анзера, стационарское духовенство и др.). Тут же, на могилах заводились разговоры о кощунствах большевиков и т.д. ...»

(л.д.308)

«...ФЕСЬКОВ являлся покровителем индивидуальных похорон сотрудницы Хозчасти б. к/р БОТЬЯНОВОЙ и даже кажется выписал СЕМИНГОРУ за труд по надзору за вырытием индивидуальной ямы, премиальный хлеб...»

КУТОВОЙ показывает:

«...В феврале м-це был доставлен в лазарет больной сыпным тифом ГИЛЯРЕВСКИЙ, Зав. кустарной мастерской — личности его я не знаю. Лежал больным он в первой палате, под наблюдением ЗЫКОВОЙ. Как его лечили, я не знаю, но умер он от тифа. По распоряжению Хозчасти ГИЛЯРЕВСКОГО не хоронить до распоряжения. На другой день только видел, что привезли гроб для него, пришли сотрудницы хозчасти — кустарки, одели, положили в гроб и понесли на кладбище...»

(л.д.357)

Как установлено следствием, об описанной выше преступной деятельности заключенных и вольнонаемных сотрудников IV Отделения СЛОН было известно Начальнику IV Отделения ЗАРИНУ и Нач. Санчасти АНТИПИНОЙ, которые не только не приняли каких-либо мер к предотвращению развивающейся деятельности к/р элементов, но наоборот поощряли таковую.

Поступающие с этапами заключенные, бывш. члены партии и сотрудники Совучреждений, осужденные за различные должностные преступления, терроризировались и открыто преследовались занимавшими административные должности к/р. Вольнонаемная же администрация открыто этому способствовала.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

1. ЗАРИН Владимир Георгиевич, 1887 г. рожд., из рабочих, в момент ареста Начальник IV Отделения СЛОН ОГПУ в том, что будучи Начальником Отделения Лагерьей Особого Назначения на островах, преступно-халатным отношением к выполнению возложенных на него обязанностей допустил:

а) группировку в отдельных хозяйственных и административных единицах лагеря лиц, осужденных за к/р преступления

б) заведомо зная о преступной деятельности, проявляемой сотрудниками внутреннего и внешнего надзора, а также медицинского персонала, выражающейся в издевательствах над заключенными, в результате которых усиливались к/р настроения, не принял никаких мер к прекращению таковой

в) допустил резкое классовое расслоение среди заключенных, поощряя классово-чуждый элемент, осужденный за контрреволюционные преступления

г) способствовал распространению к/р пропаганды среди заключенных, выдавая разрешения на индивидуальные похороны умирающих заключенных к/р

д) злостным неприятием мер допустил значительное увеличение смертности среди заключенных.

Означенные преступления предусмотрены ст. ст.16-58 п.14 и 113 УК.

2. АНТИПИНА Эдит Федоровна, 1892 г. рожд. дочь купца, с 1927 г. по 1928 г. отбывала в лагере наказание по ст.97 УК, в момент ареста Нач. Санчасти IV Отделения СЛОН, в том, что использовала свое служебное положение:

а) группировала в подведомственных ей лечебных учреждениях к/р элементы

б) не приняла мер борьбы с сыпно-тифозной эпидемией

в) злостно способствовала увеличению смертности закл. давая

задание на уничтожение, под видом санобработок вещей закл. и оставлением последних в зимнее время в одном нижнем белье

г) допустила в подведомственных ей лечебных учреждениях расхищение спирта и вина, предназначенных для больных и составления лекарств

д) в целях скрыть действительную картину большой смертности заключенных, давала указания медперсоналу на проставление в документах неправильных медицинских диагнозов

е) давала задания подчиненному ей медперсоналу не оказывать в достаточной мере медпомощь заключенным, нуждающимся в таковой.

Означенные преступления предусмотрены ст.58/14 и 113 УК.

3. ПЕЛЮХИН Иван Филиппович, 1902 г. рожд. из крестьян, осужд. Запорожским Окрсудом в 1928 г. по ст.163 УК на 5 лет, в момент ареста Зав. стационаром к-ки Голгофа пункта Анзер IV Отделения СЛОН в том, что работая в стационаре к-ки Голгофа, в целях возбудить озлобление против совласти заключенных и дискредитации Лагерей Особого Назначения:

а) злостно не оказывал медпомощи больным закл.

б) выгонял больных закл. раздетых на улицу

в) производил санобработки заключенных, выражающиеся в посылке таковых в одном белье в баню в зимнее время

г) способствовал увеличению смертности закл. путем неправильного составления лекарств, через посредство изъятия из них спирто-содержащих веществ и наркотических ср-в

д) в доведении стационара и обслуживаемых им барачков в которых размещены заключенные до крайне антисанитарного состояния, вследствие чего имели место случаи эпидемических заболеваний

е) оставлении, с целью распространения эпидемических заболеваний открытыми могилами, в которых размещалось до 800 трупов умерших заключенных на протяжении всей зимы 1929 г.

ж) злостно скрывал в официальных документах причины смертности заключенных

з) в убийстве находившихся на излечении в стационаре заключенных ЛУКЪЯНЕЦ, ЩЕДРОВА, КОЛОНДАРОВА и ребенка закл. АНДРЕЕВОЙ.

Означенные преступления предусмотрены ст. ст.58/14 , 113 и 136 УК.

4. КОЗЛОВСКИЙ Владимир Васильевич, 1891 г. рожд. из крестьян, служил в белой армии, б. Зав. стационаром к-ки Голгофа п. Анзер, осужден Сев. Кавказ. Тройкой по ст.58/4 на 10 лет, в 1928 г. в момент ареста — лекпом Центр. Лазарета на о.Соловки.

5. РАХТ Святослав Петрович, 1907 г. рожд. сын земского врача, из мещан, осужден Кол. ОГПУ по ст.58/4 и 11 УК на 10 лет, в момент ареста лекпом стационара Голгофа п.Анзер.

6. КУТОВОЙ Эммануил Павлович, 1889 г. рожд., священник, быв. кадровый-белый офицер, осужден Кол. ОГПУ первый раз по ст. 120 на 3 года, отбыл срок в 1927 г. второй раз в 1929 г. по ст.59/3 на 10 лет, в момент ареста — делопроизводитель стационара к-ки Голгофа п.Анзер.

Все трое в том, что работая в стационаре к-ки Голгофа в целях возбудить озлобление против соввласти заключенных и дискредитировать Лагеря Особого Назначения ОГПУ:

- а) злостно не оказывали медпомощи больным
- б) выгоняли больных закл. зимой раздетыми на улицу
- в) производили санобработки закл. выражающиеся в том, что отправляли их в баню в одном белье в зимнее время
- г) способствовали увеличению смертности закл. путем неправильного составления лекарств и не вкладывания в них нужных спиртосодержащих и наркотических средств
- д) довели стационар до крайне антисанитарного состояния, чем увеличили смертность больных
- е) злостно скрывали в официальных документах причины смертности заключенных.

Означенные преступления предусмотрены с.58/14 УК.

7. ХАРЧЕНКО Прокофий Федорович (Пафнутий), 1891 г. рожд. монах из казаков Кубанской обл. осужден Кол. ОГПУ в 1927 году по ст.58/10 на 3 года, в момент ареста — лекпом стационара Голгофа п.Анзер, в том, что работая в стационаре, в целях возбудить озлобление против Соввласти заключенных и дискредитировать Лагеря Особого Назначения ОГПУ:

- а) занимался религиозной пропагандой среди больных заключенных, поступающих на излечение в стационар, систематически отказывая им в медицинской помощи
- б) совместно с ПЕЛЮХИНЫМ, КОЗЛОВСКИМ, РАХТОМ и КУТОВЫМ в тех же целях проводил санобработки заключенных, выражающиеся в посылке таковых в одном белье в баню в зимнее время
- в) довел стационар до крайне антисанитарного состояния вследствие чего значительно увеличилась смертность находившихся на излечении
- г) заведомо зная о совершаемых преступлениях медперсоналом стационара, по религиозным убеждениям, категорически отказался на следствии от дачи показаний о таковых.

Означенные преступления предусмотрены ст. ст.58/10 и 14 и 113 УК.

8. ЛОГВИНОВ Вениамин Иванович 1898 г. рожд., казак, осужд. Кол. ОГПУ в 1927 г. по ст.58/13 УК на 10 лет, в момент ареста — Врид. Нач. Санчасти Кемского Отдельного Пункта, в том, что в бытность санитаром IV Отделения СЛОН и посещая к-ку Голгофу:

а) не принял мер к прекращению издевательства над заключенными со стороны медперсонала стационара

б) в целях увеличения смертности и распространения эпидемических заболеваний производил в зимнее время санобработки заключенных, посылая таковых голыми и в одном белье в баню, расположенную на расстоянии до 1/2 клм от барака

в) не принял мер к изжитию антисанитарного состояния барачков и стационара.

Означенные преступления предусмотрены ст.58/14 и 113.

9. ФЕСЬКОВ Борис Мелентьевич 1896 г. рожд., казак, полковник белой армии, осужден Тройкой СКК в 1927 г. по ст.58/4 и 13 на 10 лет, в момент ареста — Зав. хозяйством п.Анзер IV Отделения СЛОН в том, что использовал свое служебное положение:

а) сгруппировал в подведомственной ему хозчасти лиц, осужденных за к/р преступления и духовенство

б) способствовал группировкам к/р элементов в различных хозяйственных и административных единицах лагеря

в) в целях к/р пропаганды способствовал индивидуальным похоронам осужденных за к/р преступления лиц, производимыми наряду с кошунством над трупами рядовых заключенных

г) в целях увеличения смертности заключенных и возбуждения недовольства против совласти выдавал в счет продпайка закл. картофель, имеющий до 60% отхода.

Означенные преступления предусмотрены ст.58/14 и 113.

10. БЕЛОВ-ШТИЛЬМАН Роберт Робертович 1904 г. рожд. быв. потомственный и почетный гражданин г.Киева, осужден Кол. ОГПУ по ст. ст.113 и 121 УК на 3 года, в момент ареста — ст. надзиратель 1 роты п.Анзер IV Отделения.

11. БАККО Михаил Александрович 1905 г. рожд., сын капитана, осужд. Кол. ОГПУ в 1929 г. по ст.58/2 и 11 на 10 лет, в момент ареста — ст. надзиратель 2 роты п.Анзер.

12. ШАДОВ Амир-БЕК-Тагирович 1905 г. рожд. из крестьян, осужд. Кол. ОГПУ по ст.58/4 на 10 лет в 1928 г., в момент ареста — мл. надзиратель п.Анзер.

13. МИНИН Георгий Михайлович 1905 г.рожд. из крестьян Смоленской обл. Витебского округа, вольнонаемный, в момент ареста — Нач. объединенных к-вок п.Анзер.

14. МАМЗЕЛЕВ Петр Александрович 1904 г. рожд. из крестьян, вольнонаемный, в момент ареста — Врид. Нач. п.Анзер.

15. ПОЛЯКОВ Иван Васильевич, 1889 г. рожд., из крестьян, осужд. Кол. ОГПУ по ст.35 УК на 3 года в 1929 г., в момент ареста — старшина взвода.

16. АНДРИЕВСКИЙ Николай Петрович 1899 г. рожд. из рабочих, осужден Особ. Совещ. ОГПУ в 1928 г. как соц. вред. на 3 года, в момент ареста — дровокол на к-ке Голгофа.

17. БАЛАБАНОВ Аким Гаврилович 1900 г. рожд. из крестьян, осужден Тамбовским Окрсудом по ст.166 УК на 3 года в 27 г. в момент ареста — мл. надзиратель к-ки Голгофа.

18. ГРЕСС Петр Севастьянович 1889 г. рожд. из крестьян, осуж. ОС ОГПУ в 1927 г. по ст.169 на 3 года, в момент ареста — уборщик к-ки Голгофа.

19. ЕЛАГИН Борис Николаевич 1908 г. рожд. из дворян, сын кадрового офицера, осужд. Кол. ОГПУ в 1927 г. по ст.58/6 и 11 УК на 10 лет, в момент ареста — десятник на к-ке Голгофа.

20. ЗЮЗИН Михаил Васильевич 1900 г. рожд. из крестьян, осужд. Кол. ОГПУ в 1927 г. по ст.17, 59/3 на 10 лет, в момент ареста — надзиратель взвода п.Анзер.

21. РАЙН-СЕЛИМОВ Александр Иванович 1896 г. рожд. служащий, осужд. ОС ОГПУ в 29 г. как соцвред. на 3 года, в момент ареста — староста к-ки.

22. ЛОСЕВ Борис Михайлович 1903 г. рожд. из мещан, осужден Кол. ОГПУ в 28 г. по ст.58/6 на 5 лет, в момент ареста — ст. надзиратель роты.

23. СЕМИНГОР Исаак Менделевич 1906 г. рожд. служащий, осужд. Кол. ОГПУ по ст.121 УК на 2 года в 1929 г., в момент ареста — Зав. карцером п.Анзер.

все в том, что занимая командные должности во внутреннем и внешнем надзоре, в целях дискредитации лагерей Особого Назначения ОГПУ и создания контрреволюционных настроений среди заключенных:

а) провоцировали заключенных на совершение поступков и преступлений, нарушающих лагерный распорядок

б) дискредитировали лагерь Особого Назначения ОГПУ путем избиения и издевательства над заключенными

в) применяли опасные для жизни методы физического воздействия на заключенных, в результате чего увеличилась смертность и понижалась трудоспособность заключенных

г) злостно извратили принципы исправительно-трудовой, карательной политики соввласти.

Означенные преступления предусмотрены ст.58/14, 110 ч.11 и 113 УК.

На основании вышеизложенного и принимая во внимание, что материалом следствия обвиняемые по настоящему делу в инкриминируемых им преступлениях в достаточной мере изобличены, а потому, руководствуясь приказами ОГПУ №287 — 22 года и 363 — 1923 года,

ПОСТАНОВИЛ:

Настоящее дело представить на внесудебное рассмотрение Коллегии ОГПУ.

Ст. Уполномоченный ТООГПУ
(Трофимов)

Решение по делу было таким. Согласно Выпискам из протокола Заседания Выездной Сессии Коллегии ОГПУ от 20 июня 1930 года:

Зарин —	заключить в концлагерь сроком на	10 лет
Поляков —	—”—	6 лет
Андреевский —	—”—	—”—
Балабанов —	—”—	—”—
Гресс —	—”—	—”—
Антипина —	—”—	5 лет
Райн-Селимов —	—”—	—”—
Семингор —	—”—	—”—
Минин —	—”—	3 года
Рахт —	перевести в штафизолятор сроком на	2 года
Елагин —	—”—	—”—
Зюзин —	—”—	—”—
Логвинов —	—”—	—”—
Щадов —	—”—	—”—

Остальные 9 человек: Пелюхин, Козловский, Кутовой, Харченко, Феськов, Белов-Штильман, Бакко, Мамзелев, Лосев — согласно черновым записям на общем списке (более 100 фамилий) осужденных по материалам Особой следственной комиссии, — подвергнуты высшей мере наказания — расстрелу.

II

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО ДЕЛУ КЕМПЕРПУНКТА

1930 года мая 25 дня, я, ст. Уполномоченный следчасти АОУ-ОГПУ Григанович, рассмотрев следственное дело №877 по обвинению гр.гр. 1) Курилко Игоря Александровича 2) Белозерова Константина Семеновича 3) Шрейдера Абрама Ароновича 4) Гончарова Владимира Степановича 5) Белых Сергея Андреевича 6) Ржевского Кузьмы Васильевича 7) Брайнина Валентина Дмитриевича 8) Майсурадзе Александра Николаевича 9) Гниппа Тимофея Александровича 10) Хоружик Леонида Марковича 11) Канепа Вильгельма Эдуардовича 12) Зубова Александра Васильевича, арестованных в период с 1 по 18 мая с.г. и содержащихся при Следизоляторе КОПа и в Кемском исправдоме, по ст.ст.110 ч.11 через 16 58/10 ч.11 УК,

нашел:

что настоящее дело возникло в результате проведенного обследования СЛОН Особой Комиссией ОГПУ, в процессе работы которой были выявлены факты преступного извращения классовой карательной политики Советской власти, выразившиеся в систематических избиениях и издевательствах над заключенными, а также в умышленных убийствах последних в целях сокрытия следов преступлений лиц административного и надзорного состава лагерей.

В процессе следствия из допросов ряда лиц из надзора и заключенных выявлена установившаяся в Соловецких лагерях система полного произвола и разложения.

Кроме избиений заключенных в широких размерах процветало пьянство, изнасилование и принуждение заключенных и вольных женщин к сожительству, взяточничества и вымогательства у заключенных, а также расхищение вещевого и продовольственного пайка последних.

Жуткое и совершенно не поддающееся описанию зрелище представляла собой приемка этапов. Так называемая «адмобработка», производившаяся надзорсоставом и продолжавшаяся с утра и до позднего вечера, оглашалась бесшабашным матом, обзыванием заключенных «урками», «шпаной», «филонами» и криками «ЗДРА» — «чтобы в Соловках слышно было». Картина дополнялась «дрыном», — т.е. палками, которые ходили по спинам заключенных. А для того, чтобы понять, где они находятся, заключенным прямо заявлялось, что «здесь власть не советская, а соловецкая», «тут вам не Бутырки», «Прокурора здесь нет и жаловаться некому».

Постановка заключенных в раздетом виде «на камни» и помещение зимой в холодное, совершенно не отапливаемое помещение, носили обычный характер.

Способы терроризирования и издевательства над заключенными применялись самые различные. Кроме избивания дрынами и «шутильниками» — специально обугленными палками, заключенные летом ставились «на комары», т.е. в раздетом виде, в положении смиренно; усаживались «на жердочки», т.е. узкие скамьи, на которых заключенные с утра до вечера должны были сидеть на корточках без движения и соблюдать полнейшую тишину. На ночь им выдавалось по одной теплой вещи. За малейшие нарушения таких правил заключенные избивались и помещались в «кибитки» — досчатые, холодные и неотапливаемые помещения, где и выдерживались до состояния обморожения. На производственных командировках за невыполнение уроков заключенных зимой оставляли на ночь в лесу, где последние отмораживали себе конечности. Совершенно здоровые люди быстро изнашивались, выбывали из строя и, как инвалиды направлялись на о.Соловки. На почве невыносимых условий и уроков на командировках появились массовые случаи саморубства, т.е. заключенные умышленно отрубали себе топором пальцы на руках и ногах. Потерять руку или часть ноги было легче, чем выносить жизнь на к-ке. Били заключенных все: начиная от рукаба и кончая конвоирами. Картина царившего произвола в Соловецких лагерях этим не исчерпывалась. Для издевательств над заключенными выстраивались специальные карцера высотой 1 метр, — пол, потолок и стены которого набивались острыми сучьями, и заключенные, попавшие туда, не выдерживали и «загибались», т.е. умирали.

Устраивались инсценировки «расстрелов». На лесных командировках существовали так называемые «увольнительные записки», когда заключенному за невыполнение по той или иной причине урока, в виде наказания, накладывалось на плечи трехаршинное бревно с соответствующей надписью, с приказанием тащить его в лагерь, зачастую отстоящий от места работы в нескольких километрах.

При переходе через мост, лица из числа надзорсостава, указывая на того или иного заключенного, кричали «дельфин» и те должны были бросаться в воду, неподчинявшиеся подвергались избиванию и насильно сбрасывались в воду.

Заставляли переливать руками воду из проруби в прорубь, переносить снег с одного места на другое и кричать «чайка раз», «чайка два» до 2000 раз, до полного изнеможения и т.д. и т.п.

Все эти безобразия происходили на глазах вольнонаемного начальства, и последние не только никаких мер к прекращению этого не предпринимали, но даже поощряли их.

Практиковались случаи убийства заключенных под видом побегов.

В процессе следствия по данному делу к ответственности привлечена лишь часть обвиняемых в лице Курилко, Белозерова, Шрейдера, Гончарова, Белых, Ржевского, Брайнина, Майсурадзе, Гниппа, Хоружика, Канепа и Зубова, наиболее отличившихся в общей системе избиений и издевательств над заключенными, так глубоко вкоренившихся в Соловецких лагерях Особого Назначения ОГПУ.

Показаниями обвиняемых и свидетелей выше приведенные факты извращения карательной политики Советской власти и системы взяточничества и др. преступлений, целиком подтвердились.

Одновременно с очевидностью установлено, что проводниками системы издевательств и зверского отношения к заключенным являлись бывшие офицеры, члены белогвардейских организаций, лица, осужденные за контрреволюционные преступления или окончательно разложившиеся элементы из среды бывш. советских работников, которые различными способами захватили в свои руки командные должности по внутреннему надзору и, сгруппировав соответственно свои кадры, поставили своей задачей указанными выше методами извращения карательной политики — дискредитировать советскую власть и распространять контрреволюционную пропаганду.

На основании изложенного:

1. Курилко Игорь Александрович, 36 лет, бывш. дворянин и поручик царской армии, осужденный Коллегией ОГПУ по 58/10 ст. УК в концлагерь на 5 лет

2. Белозеров Константин Семенович, 35 лет, бывш. поручик Финляндского полка, арестовывавшийся в 21 году по делу Савинковской организации, осужденный Коллегией ОГПУ по 58/10 ст. УК в концлагерь сроком на 3 года

3. Гончаров Владимир Степанович, 33 лет, бывш. доброволец Деникинской армии, осужден К ОГПУ по 58/10 УК в концлагерь сроком на 3 года

4. Шрейдер Абрам Аронович, 26 лет, служащий, бывш. комсомолец, выбывший из Комсомола из-за несогласия с НЭПом. Осужден К ОГПУ по 58/10 ст. УК в концлагерь сроком на 3 года

5. Белых Сергей Андреевич, 32 лет, служащий, бывш. член ВКП(б), исключен за пьянство в 26 г. как созвредэлемент осужден К ОГПУ в концлагерь сроком на 3 года

6. Майсурадзе Александр Николаевич, 33 лет, служащий, имеющий 2 судимости за растрату, осужден по Постановлению Особ. Сопевания при К ОГПУ как созвредэлемент в концлагерь сроком на 3 года

Работа в котловане шлюза №11. 1932.

Тачколазы.

Детский труд на канале №182. 1933.

Женская бригада им. Фирина на канале №165.

Краснознаменная фаланга нацменов на шлюзе №1.

Сотрудники ГУЛага во время поездки в Повец.
Слева направо: Н.А. Френкель, Г.Д. Афанасьев, М.Д. Берман;
третий слева — главный инженер строительства Вержбицкий.

Начальник строительства С.Г. Фирин. 1932.

Митинг перед взрывом перемычки. 1935.

Плакат на здании КВЧ 9-го лагпункта 3-го отделения.

На трасе.

Орудие труда.

ЛЮБИТЕ КНИГУ-ИСТОЧНИК ЗНАНИЯ, ТОЛЬКО ЗНАНИЕ СПАСИТЕЛЬНО,
ТОЛЬКО ОНО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ НАС ДУХОВНО СИЛЬНЕЙШИМИ, ЧЕСТОВЫМИ,
РАЗУМНЕЙШИМИ ЛЮДЬМИ

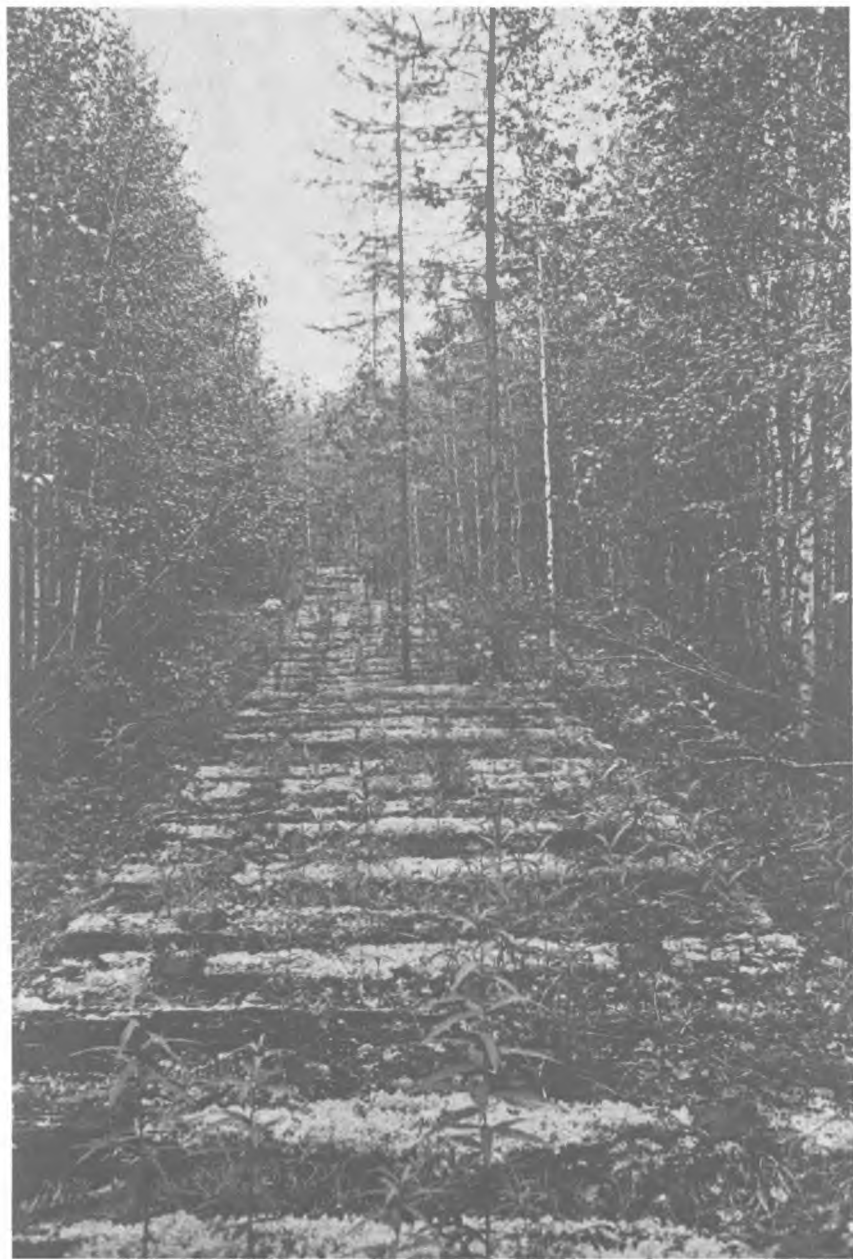
В КВЧ 9-го лагпункта.

Жилой барак 9-го лагпункта.

Штрафной изолятор.

Полотно железной дороги.

Больничное кладбище 2-го отделения.

7. Ржевский Кузьма Васильевич, 33 лет, служащий, до ареста Пом. Нач. I Отделения СЛОН, беспартийный, осужден Минским окрсудом за контрабанду на 3 года условно

8. Брайнин Валентин Дмитриевич, 31 года, служащий, бывш. член ВКП(б), исключен за бюрократизм, бывш. сотрудник органов ОГПУ осужден К ОГПУ по 109 ст. УК в концлагерь сроком на 3 года

9. Хоружик Леонид Маркович, 30 лет, служащий, бывш. сек/сот органов Разведупра, осужден К ОГПУ к ВМН, к замене 10 годам наказания

10. Канеп Вильгельм Эдуардович, 34 лет, служащий, латыш, бывш. член ВКП(б) и сотрудник органов ОГПУ, в 26 г. осужденный К ОГПУ по 106, 97 и 113 ст. УК в концлагерь сроком на 10 лет

11. Гниппа Тимофей Александрович, 32 лет, учитель, беспартийный, осужден К ОГПУ в 27 г. по 58/10 ст. УК в концлагерь сроком на 5 лет и

12. Зубов Александр Васильевич, 26 лет, русский, бывш. военно-служащий Красной армии и член ВКП(б), осужден в 29 г. К ОГПУ по 58/10 и 58/11 ст. УК в концлагерь сроком на 5 лет —

в достаточной степени изобличены в деяниях, предусмотренных ст.ст.110 ч.11, 113 и через 16 58/10 УК, а посему

Постановил:

Руководствуясь приказом ОГПУ за №287 — 22 г. и 363 — 23 г. настоящее дело направить в Коллегию ОГПУ для рассмотрения в внесудебном порядке.

ст. Уполномоченный Следчасти
АОУ ОГПУ

«Утверждаю»
Нач. ОГПУ-АКССР
(Иванченко)

(Григанович)

Согласно Выпискам из Решения Коллегии по этому делу обвиняемые получили следующие наказания:

Шрейдер А.А. — 8 лет концлагеря
Брайнин В.Д. — 8 лет концлагеря
Гниппа Т.А. — 8 лет концлагеря
Майсурадзе А.Н. — 7 лет концлагеря
Белых С.А. — 5 лет концлагеря
Ржевский К.В. — 3 года концлагеря
Канеп В.Э. — 4 года штрафизолятора
Хоружик Л.М. и Зубов А.В. — дело прекратить
Трое: Курилко, Белозеров и Гончаров — расстреляны...

Не вдаваясь в уголовно-правовую оценку доказательств, степени вины и наказания обвиняемых (оба дела в порядке реабилитации не пересматривались), следует все же высказать ряд соображений.

Содержание первого документа противоречит тому представлению об облике интеллигенции и духовенства, заключенных на Соловках, которое складывается при знакомстве с другими источниками. Сами факты издевательств над уголовными заключенными, по-видимому, действительно были. Вопрос в том, насколько мотивы этих издевательств были «классово обусловлены». Для ясного ответа на этот вопрос материала пока не достаточно.

Во втором документе (обвинительном заключении по делу Кемперпункта) нет даже и намека на конкретные факты преступлений, совершенных конкретными обвиняемыми. Прежде всего, вызывает сомнения преднамеренный «отбор» их биографических данных. Так, из 12 обвиняемых по этому делу, служба в органах ОГПУ отмечена лишь у четверых. Однако из протоколов допросов видно, что Курилко, служивший с 1918 г. в Красной армии, работал в органах ВЧК-ОГПУ г. Оренбурга в 1920-23 гг. (затем — в Трамвайном парке г.Москвы); Белых — в 1919-22 гг. был сотрудником Особого отдела Северо-Двинской ГубЧК. Два других «белогвардейца»: Белозоров — с 1918 по 1926 год служил в Красной армии, последняя должность — командир эскадрона 18 Ярославского дивизиона. По делу Савинковской организации он находился под арестом в 1921 г. в течение 6 месяцев, отпущен как невиновный. Вновь осужден по этому же факту в 1926 г. Гончаров — член НКП(б) с 1917 г., красный командир. В 1919 г., больной тифом, оказался на территории, занятой белыми и по чужим документам был мобилизован в армию Деникина, откуда дезертировал. С 1926 по 1928 г. работал начальником милиции г.Новороссийска.

Понятно, для чего понадобилась следователю 1930 г. эта нехитрая подставка — упоминание в обвинительном заключении о службе обвиняемых в Красной армии или ВЧК. Ведь политическим обоснованием обоих обвинительных заключений являлось наличие внутри СЛОНа «антисоветской организации», состоявшей из «бывших» — офицеров, священников и т.п. Преобладание в составе «белогвардейской организации» недавних чекистов и красных командиров выглядело неуместным. Характерно и приписанное обвиняемым в качестве мотива стремление «дискредитировать Соввласть и Лагерь Особого Назначения». Такого рода постановка вопроса полностью снимала вину с Системы и перекладывала ее (по укоренившейся в стране традиции) на так называемых «классовых врагов». Это позволяло к тому же подогреть антагонизм между 58-й и «социально близкими».

Возможно, существовала еще одна причина политизированной трактовки рассматриваемых уголовных дел: только такой подход позволял провести их во внесудебном порядке, через ОГПУ, и — тем самым — избежать гласности, столь нежелательной в данной ситуации.

Наконец, еще один вопрос, который следствие оставило без ответа, а точнее, — даже без поисков ответа. Если «белогвардейцы» были «проводниками» системы издевательств и зверского отношения к заключенным, то кто же был (пользуясь все той же терминологией) ее «генератором»? Думается, что некоторый свет здесь проливают такие строки из показаний обвиняемых:

КУРИЛКО: «...Вся эта система битья и издевательства над заключенными была именно системой, а не единичными случаями. Об этом прекрасно знает вольнонаемное начальство и поощряло это тем, что не предпринимало никаких мер для искоренения. ... Я помню, как Ржевский и Потемкин, при обходе ими, в разное время рот, заключенные заявляли, что их бьют и даже указывали, кто бьет. Но и Потемкин и Ржевский выслушивали эти заявления, но никаких мер не предпринимали. ... Таким образом, каждый, кто бил, считал, что это можно делать и что начальству это нравится...

Мы всегда были убеждены, что ни сам Потемкин, ни сам Кривошеин или Ржевский выдумали и проводили в жизнь всю эту систему избияния. Мы отлично знали, что то же самое (и еще хуже) делалось и делается в Соловках, на Секирке, на всех командировках. Вполне это было, что Потемкин, и такие же Начальники, как он, подчинились общей обстановке, общему положению вещей, ставшему системой...»

КАНЕП: «...Партии были очень большие и бывали по несколько иногда в день. Помещения приготовлены не были, людям приходилось ночевать во дворе или в бараках, где нормально помещалось до 250-300 чел., помещалось от 1500 и 2000 и больше.

Спрашивается, кого винить в этом? Я лично сказал бы, что ЭКО во главе гр. Мисюревича, который должен был обо всем своевременно позаботиться. ...

Я лично сказал бы и то же могут подтвердить многие чекисты, что виновными во всей постановке работы является экономический отдел, коему подчиняются все отделы по производственной линии, и именно они создали такие условия работы и виновен всему этому Пом. Нач. ЭКО гр. Мисюревич, бельгий офицер, бывш. заключенный казр и уполномоченный Лесозаготовительной конторы гр. Левит, известный спекулянт, бывш. заключенный казр, которые являлись диктаторами над производственными командировками и что хотели, то творили и мешать им никто не смел, а если кто-нибудь заговорит или не выполнит их приказание, то таковые горько расплачивались, несмотря что бы он ни был, а о заключенных, бывш. сотрудиках ОГПУ нечего и говорить, те летали, как пешки на общие работы и там "загнулись". ... писалось об этом много в ИСО, но каких-либо мер с их стороны принималось очень мало, или даже можно сказать, почти никаких, полагаю, что они тоже были поставлены в те же условия и боялись Френкеля, Мисюревича и т.п. лиц. ...

В бытность мою лагерным старостой не раз были обходы и обследования лагерей и командированным высшим начальством и прокурором как из центра, так и очень часто местным Кемским Прокурором, и все это поверхностно, сами видели, что творится в лагерях и на командировках, также отмечалось в контрольных журналах.

Помню случай, когда приехал на Соловки Максим Горький с рядом лиц из центра, они были на Секирной горе, и там они оставили свою заметку в контрольном журнале при Начальнике Секирной Сурикове — следующее:

«Кто-то из начальства ОГПУ Москвы отметил "при посещении мной Секирной нашел надлежащий порядок", а Максим Горький ниже приписал следующую фразу "сказал бы, отличный" и его подпись».

БРАЙНИН: «...Пом. Нач. УСЛОН т.Сорокин видел все это ... по распоряжению Потемкина заказывались даже любительские карты для Глеба Бокото и др. начальствующих лиц с изображением условий и быта лагерей, месяцами сидели художники и рисовали карты для Москвы, и у нас складывалось мнение, что и высшее начальство все это знает...»

ХОРУЖИК: «...Я, как и другие заключенные из бывш. советских работников, осужденные отбывать наказание в концлагере, считали, что если в лагере, предназначенном для содержания особо опасных преступников, существует особый от ИТД порядок, то этот порядок не противоречит общей карательной политике и проведению общей классовой линии.

И однако же с первого момента пребывания в лагере, в прошлом 1929 г. нам дали понять и физически и нравственно, что лагерь это не ИТД, не Бутырская тюрьма, а лагерь Особого Назначения ОГПУ, где свои порядки и где Прокурорского надзора нет. ...

И за всем этим чувствовалось чье-то благословение, чьи-то примеры своими действиями, которые толкали администрацию из заключенных, указывало то за страх, то по убеждению, что это проводилось годами и что это так нужно и диктуется высшими органами — проводить режим, так противоречащий политике соввласти.

Что же касается общего режима, то я считаю, что ИСО, УСЛОН и ИСО при Отделениях хорошо знали, ибо нельзя не знать того, что делается на глазах, что приняло якобы законную форму и о чем говорят все. ...

Мы часто собирались у меня в кабинке, а собирались я, закл. Брайнин, закл. Якобсон, закл. Гинзбург и еще кто-то, точно не помню и делились своими, довольно безотрадными впечатлениями, нашли выход и как-то, когда ко мне зашел сотрудник ИСО Болотов, ему все рассказали. Он выслушал нас, сказал, что все это известно, и что скоро всему этому будет полный конец, называя систему френкелевизацией...»

Здесь речь идет о борьбе двух тенденций в исправительно-трудовой политике, приведшей вскоре к замене идеи «перековки» лагерным «хозрасчетом», идеологом которого был известный Н.А. Френкель, заключенный СЛОНа, с середины 1920-х — начальник Экономического отдела лагеря, в будущем — руководитель крупнейших гулаговских строек, генерал-лейтенант (См. подробное нашу публикацию «Каналармейцы» // Север, 1989, №8-9).

Отмеченные особенности публикуемых документов не снижают их историко-исследовательской ценности. Введение их в оборот помогает, по нашему мнению, более точному пониманию существа и смысла Архипелага.

РЕАБИЛИТАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ РАБОТНИКОВ ГУЛАГА

Публикация Д. Юрасова

Содержательная сторона публикуемого документа не нуждается, видимо, в особых комментариях. На исходе «большого террора», весной 1939 г., 11 руководящих работников ГУЛага были осуждены за участие в «правотроцкистской террористической и вредительской организации». Якобы они, выполняя задания Г.Г. Ягоды и своего непосредственного шефа М.Д. Бермана (начальник ГУЛага в 1931-37, в 1939 расстрелян) противодействовали «выявлению антисоветских элементов», создавали льготные условия в лагерях, срывали «боевую и политическую подготовку» лагерной охраны (чем способствовали побегам), вредительски задерживали строительство заключенными железных дорог и т.п. Смехотворность этих обвинений, думаем мы, была очевидна даже видавшим виды бериевским следователям, выбиравшим (и выбиравшим) нужные показания из своих бывших коллег-гулаговцев. Очевидна она и сегодняшнему читателю, знающему, каков на деле был «льготный» режим лагерей 30-х гг. — Колымы, Ухтпечлага, Норильска, и понимающему, что в основе «дела» лежала очередная чистка энкаведистского аппарата, а заодно — очередное ужесточение тюремно-лагерной системы. Через 16 лет все 11 человек были реабилитированы.

Перед читателями — реабилитационное определение по этому делу. История появления подобных документов (их многие тысячи), сама форма их и структура, думаем мы, представляют интерес.

Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР — основной документ надзорного производства. Именно он дает основание для оформления и выдачи реабилитационной справки родственнику или самому потерпевшему.

Какова же процедура его появления? Главная Военная прокуратура (ниже — ГВП) при содействии КГБ при СМ СССР по запросу родственника приступала к проверке сфальсифицированного некогда дела. ГВП или Прокуратура СССР имели право (оно появилось только в 1954 г.) затребовать в таком случае архивно-следственное дело. Над ним начинали работать следственные работники, военные юристы, прокуроры. Вызывались упомянутые в материалах дела свидетели, собиралась разнообразная информация о репрессированном, отправлялись запросы в разные архивы. *Переследствие* (так называлась эта проверка) вправе было допросить бывшего следователя, который в свое время вел дело. В результате проведенной работы вырабатывалось *заключение*, вынесенное работником, руководившим проверкой. На основании этого документа Главный военный прокурор или Генеральный прокурор СССР могли внести (а могли и не делать этого) *протест* (он должен был быть соответствующим образом оформлен), который рассматри-

вался на заседании Военной Коллегии или на Пленуме или на Коллегии по уголовным делам Верховного Суда. Результатом рассмотрения дела одной из этих инстанций являлось *определение*. Оно не обязательно было реабилитационное. Определение, например, могло переквалифицировать предъявленные статьи (политические в уголовные и наоборот), могло оставить приговор в силе, могло снизить меру наказания (говоря языком 30-х гг. — «меру социальной защиты»).

Стиль реабилитационного определения всегда сухой, исключительно делопроизводственный. Ничего лишнего на бумагу не попадает, например, трудно себе представить, чтобы в этом документе были зафиксированы разногласия между членами Верховной коллегии. Их как бы не существует. Аккуратно зарегистрированы все доводы в пользу реабилитации. Обильно цитируются материалы самоговора, полученные из следственных дел, затем следует аргументация, разрушающая эти самоговоры. Делается вывод о надуманности или провокационности предъявленного приговора. И — в заключение — решение Коллегии, которая, согласившись с доводами Главного Военного прокурора, прекращает, руководствуясь соответствующей статьей УПК, дело имярек за отсутствием состава преступления.

Разумеется, работники, проводившие реабилитацию, действовали по шаблону, руководствуясь не столько сутью дела, сколько спущенной сверху установкой (поэтому реабилитационное дело гулаговского начальства, неповинного, видимо, во вредительстве, но вполне вероятно повинного в преступлениях против жизни и достоинства своих «подопечных», будет мало отличаться от дела, скажем, горных инженеров или хозяйственников). Однако, несмотря на то, что реабилитационные определения крайне стандартны и умалчивают о многих подробностях, нужных для полного понимания существа дела, они все же являются важным и необходимым источником для изучения механизма и истории репрессий.

Копия с копии
Секретно

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА СССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 001668р/39
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе:

Председательствующего полковника юстиции ДОЛОТЦЕВА
и членов: полковника юстиции РАВИЧ-ЩЕРБО
подполковника юстиции ШВЕЦОВА

рассмотрев в заседании от 6 августа 1955 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

на приговор Военного трибунала Московского округа внутренних войск НКВД от 7-9 апреля 1939 года, которым о с у ж д е н ы :

1) ИЗРАИЛЕВ Александр Николаевич, 1894 года рождения, уроженец села Марьино, Мологского района, Ярославской области, по ст.58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

2) АСТРОВ-ШИРПАНОВ Георгий Васильевич, 1900 года рождения, уроженец города Смоленска, по ст.ст. 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 (пять) лет, с конфискацией всего имущества и с лишением звания «старший лейтенант УГБ»,

3) БРИЛЛЬ Юрий Павлович (он же Соломонович), 1904 года рождения, уроженец города Кировска, по ст.ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

4) МАТВЕЕВ Владимир Зосимович, 1897 года рождения, уроженец города Ташкента, по ст.ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к тюремному заключению сроком на 15 лет с поражением в правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества,

5) ГИНЗБУРГ Исаак Григорьевич, 1892 года рождения, уроженец города Гомеля, по ст.ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества и с лишением воинского звания «военврач 1 ранга»,

6) ЕРМАКОВ Андрей Петрович, 1903 года рождения, уроженец деревни Волковуша, Семеновского района Ивановской области, по ст.58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

7) СУЛИН-ЭТИН Алексей Лазаревич, 1903 года рождения, уроженец города Ромны, по ст.ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

8) ПОЛИСОНОВ Александр Владимирович, 1896 года рождения, уроженец деревни Пошехоны-Володарск Ярославской области, по ст.ст. 17-58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества и с лишением воинского звания «полковник»,

9) АБРАМСОН Лев Маркович, 1896 года рождения, уроженец города Свеняны бывш. Виленской губернии, по ст.ст. 17-58-8, 58-7, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

10) МАКСИМОВИЧ Юрий Константинович, 1899 года рождения, уроженец города Моздок, по ст.ст. 58-7, 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества,

11) ГОСКИН Михаил Федорович, 1886 года рождения, уроженец села Апраксино Ардатовского района Ульяновской области, по ст.ст. 58-7, 58-11, 58-13 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 августа 1939 года приговор военного трибунала изменен: АБРАМСОНУ Льву Марковичу, ИЗРАИЛЕВУ Александру Николаевичу, БРИЛЛЬ Юрию Павловичу (он же Соломонович) высшая мера наказания — расстрел — заменена лишением свободы в ИТЛ сроком на 20 лет с поражением в правах на 5 лет каждому, ПОЛИСОНОВУ Александру Владимировичу высшая мера наказания — расстрел — заменена лишением свободы в ИТЛ сроком на 15 лет с поражением в правах сроком на 5 лет. АСТРОВУ-ШИРПАНОВУ Георгию Васильевичу, МАТВЕЕВУ Владимиру Зосимовичу тюремное заключение заменено лишением свободы в ИТЛ на сроки, указанные в приговоре.

В остальной части приговор оставлен в силе.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1939 года ГИНЗБУРГУ Исааку Григорьевичу и ЕРМАКОВУ Андрею Петровичу высшая мера наказания — расстрел — заменена лишением свободы в ИТЛ сроком на 25 лет с поражением в правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества каждого.

Заслушав доклад тов. ШВЕЦОВА и

Заключение помощника Главного Военного прокурора подполковника юстиции ПРОШКО, —

У С Т А Н О В И Л А :

Осужденные по делу судом признаны виновными в том, что они, находясь на ответственных должностях в ГУЛАГ'е НКВД СССР, входили в право-троцкистскую террористическую и вредительскую

организацию, где широко проводили установки врагов народа Ягоды и Бермана.

В результате проводимой вредительской работы на строительстве был причинен государству огромный ущерб.

БЕРМАНОМ в эту контрреволюционную организацию были вовлечены ГОСКИН, ЕРМАКОВ, ГИНЗБУРГ, СУЛИН-ЭТИН. Эти лица, кроме ГОСКИНА, впоследствии были взяты для контрреволюционной деятельности в Наркомат связи.

Вербовка основной группы участников организации происходила в 1932-1935 годах.

Антисоветская группа в ГУЛАГ'е организовано проводила вредительство по линии искажения карательной практики в сторону смягчения режима в отношении осужденных за контрреволюционную деятельность путем создания различных льготных условий, путем срыва оперативной работы и сокрытия от разоблачения контрреволюционеров, путем разложения военизированной охраны, торможения строительства и омертвления государственных средств.

Судом каждый из осужденных признан виновным в совершении следующих преступлений.

1) ИЗРАЙЛЕВ, работая начальником горного отдела ГУЛАГ'а, а затем зам. начальника Ухто-Печерского лагеря, тормозил развитие угледобычи в лагере и задерживал добычу нефти и радия. В 1935-1936 годах тормозил лесные разработки, не принял мер к ликвидации последствий вредительства при строительстве автострады.

2) ЕРМАКОВ, состоя в должности секретаря парткома, занимался вербовкой в контрреволюционную организацию, проводил вредительство по линии несвоевременной отправки заключенных в лагеря, где требовалась рабочая сила, направляя на работу таких заключенных, которые были непригодны к труду.

3) ПОЛИСОНОВ, работая в отделе охраны ГУЛАГ'а, создавал невозможные условия в работе для работников охраны, в результате чего срывалась боевая и политическая подготовка, создавались условия для побега арестованных.

Ввиду отсутствия правил и положения для охраны создавались условия для совершения различных преступлений работниками охраны.

4) ГОСКИН, ведая в ГУЛАГ'е отделом железнодорожного строительства, занимался вредительством путем составления нереальных планов и срыва постройки дороги Волочаевка-Комсомолец. Кроме того он занимался подбором и вербовкой вредительских кадров в контрреволюционную организацию.

5) АСТРОВ-ШИРПАНОВ, находясь на оперативной работе в ГУЛАГ'е, тормозил выявление антисоветских элементов и путем ослабления дисциплины разлагал чекистский аппарат.

6) ГИНЗБУРГ, работая начальником санитарного отдела ГУЛАГ'а, не проводил необходимой санитарной работы. Тюрмы и лагеря были предоставлены самим себе. На работу принимались социально-чуждые и враждебные элементы, которые допускали ослабление режима осужденным за контрреволюционные преступления. Плохое медицинское и санитарное обслуживание приводило к значительной смертности заключенных. ГИНЗБУРГОМ были созданы благоприятные условия к освобождению по болезни осужденных за контрреволюционные преступления.

7) МАТВЕЕВ, будучи начальником Норильстроя, по заданию врагов народа Плинера и ГОСКИНА, как участник контрреволюционной организации, занимался вредительством в строительстве Полиметаллического комбината, вредительски построил железнодорожную ветку Норильск-Дудинка.

8) БРИЛЛЬ, ведая в ГУЛАГ'е доставкой и перевозкой грузов для строительства, вредительски тормозил своевременную доставку грузов, в результате чего задерживалось строительство.

9) АБРАМСОН, являясь начальником финотдела ГУЛАГ'а, проводил вредительство в области финансов. Будучи завербован в контрреволюционную организацию Дерibasом, он создавал фонд иностранной валюты, который ДЕРИБАС использовал для проведения антисоветской работы.

10) МАКСИМОВИЧ, работая как инженер на различных должностях в Ухто-Печерском лагере и зная о проведении вредительства главным инженером строительства Морозом, не препятствовал ему в этом. В дальнейшем МАКСИМОВИЧ проводил в жизнь вредительские мероприятия МОРОЗА, в результате чего тормозилось строительство и «замораживались» государственные средства.

11) СУЛИН-ЭТИН, работая в ГУЛАГ'е в качестве секретаря, а затем в должности начальника отдела кадров и личного секретаря Бермана, знал о контрреволюционной деятельности право-троцкистской организации в ГУЛАГ'е. Как начальник отдела кадров он способствовал засорению аппарата ГУЛАГ'а социально-чуждыми элементами.

В заключении Главного Военного прокурора указывается, что обвинение осужденных по делу было основано на показаниях их на предварительном следствии, где они признавали себя виновными в инкриминированных преступлениях, от которых они в суде отказались, и на малоубедительном заключении экспертизы, которая была проведена необъективно.

В заключении ставится вопрос об отмене приговора и определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР по следующим основаниям.

Обвинение ИЗРАИЛЕВА, указывается в заключении, в том, что он по заданию Плинера создавал условия к досрочному освобождению заключенных и не принял мер к ликвидации последствий вредительства, не подтверждается материалами дела.

К делу приобщен приказ НКВД СССР от 20 декабря о зачете рабочих дней заключенным, из которого видно, что ИЗРАИЛЕВ как начальник ИТЛ обязан был производить зачеты, в том числе и осужденным за контрреволюционные преступления.

Проверкой установлено, что Плинер, будучи арестован за измену Родине, на предварительном следствии назвал Израилева участником антисоветской организации, но в суде заявил, что он о себе и о других лицах дал ложные показания по принуждению следователя.

Неправдоподобность показаний ИЗРАИЛЕВА на предварительном следствии подтверждается и тем, что он назвал ЛИХАЧЕВА руководителем антисоветской организации, который работает на ответственном посту и к уголовной ответственности никогда не привлекался.

Обвинение ЕРМАКОВА было основано на показаниях Дибобаса [? — *Сост.*], Плинера, Калачникова и Госкина, которые дали они на предварительном следствии. Однако в суде все эти лица от ранее данных показаний отказались.

Дибобас, утверждавший на предварительном следствии о том, что он вместе с ЕРМАКОВЫМ, ПЛИНЕРОМ и другими состоял в антисоветской организации, судом оправдан, как оговоривший себя и других под воздействием незаконных методов ведения следствия.

В связи с проверкой дела Дибобас был допрошен и он заявил, что знал ЕРМАКОВА, ГИНЗБУРГА, МАТВЕЕВА, ГОСКИНА по совместной работе и охарактеризовал их с положительной стороны.

Сам ЕРМАКОВ на предварительном следствии и в суде свою вину отрицал.

Обвинение ПОЛИСОНОВА было основано на показаниях Кононова, Калачникова и Савицкого.

Однако проверкой установлено, что Савицкий и Кононов оговорили себя и других лиц в совершении контрреволюционных преступлений, и дела в отношении их были прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Показания КАЛАЧНИКОВА не были проверены в суде ввиду его смерти, но эти показания опровергаются показаниями ПОЛИСОНОВА и КОНОНОВА.

Обвинение ГОСКИНА было основана на показаниях МАТВЕЕВА и осужденного по другому делу ФИЛИМОНОВА.

ГОСКИН на предварительном следствии вначале признавал себя виновным. Затем от ранее данных показаний отказался.

В суде ГОСКИН виновным себя не признал и показал, что он дал вымышленные показания в отношении себя, Филимонова и других.

МАТВЕЕВ тоже отказался от ранее данных им показаний в отношении ГОСКИНА и заявил, что давал их по принуждению следователя.

Показания ФИЛИМОНОВА судом не были проверены, а проверить их в настоящее время не представляется возможным ввиду того, что ФИЛИМОНОВ расстрелян.

Обвинение АСТРОВА-ШИРПАНОВА было основано на показаниях КАЛАЧНИКОВА. Однако показания последнего о преступной деятельности АСТРОВА-ШИРПАНОВА в суде проверены не были в связи со смертью его.

Обвинение ГИНЗБУРГА было основано на показаниях ИЗРАИЛЕВА, ГОСКИНА, СУЛИНА, АБРАМСОНА и на показаниях осужденных по другому делу БЕРМАНА и ПЛИНЕРА.

ГИНЗБУРГ свою причастность к какой-либо антисоветской организации отрицал и пояснил, что БЕРМАН и ПЛИНЕР его оговорили.

ПЛИНЕР в суде отказался от данных им на предварительном следствии показаний и заявил, что они ложны и даны им по принуждению.

ИЗРАИЛЕВ, ГОСКИН, СУЛИН-ЭТИН, АБРАМСОН, как уже указывалось, от показаний, данных на предварительном следствии, отказались и виновными себя не признали в совершении контрреволюционных преступлений.

Показания БЕРМАНА не проверены ввиду того, что он расстрелян.

Обвинение МАТВЕЕВА и БРИЛЛЬ в том, что они состояли в контрреволюционной организации и тормозили строительство комбината и железной дороги, было основано на показаниях БЕРМАНА и ГОСКИНА.

Как уже указывалось, ГОСКИН от своих показаний в суде отказался. Показания БЕРМАНА неправдоподобны и опровергаются показаниями осужденных по другим делам МОРОЗА и ПЛИНЕРА, так как последние в суде от своих показаний, данных ими на предварительном следствии в отношении МАТВЕЕВА и БРИЛЛЬ, отказались.

Обвинение АБРАМСОНА было основано на показаниях ГОСКИНА, ЛОВЕЦКОГО, ШИШМАРЕВА, ФРУМЕСА. Показания ШИШМАРЕВА и ФРУМЕСА на предварительном следствии о том, что АБРАМСОН входил вместе с ними в антисоветскую организацию, не могут служить доказательством, так как они в суде отказались от своих показаний, а впоследствии было установлено, что ФРУМЕС и ШИШМАРЕВ были осуждены неосновательно.

Показания ЛОЕВЕЦКОГО неконкретны и сомнительны. ЛОЕВЕЦКИЙ показывал, что в состав антисоветской организации входил и ТАУМИН. Однако последний судом не признан виновным в совершении контрреволюционных преступлений и был оправдан.

Обвинение МАКСИМОВИЧА и СУЛИН-ЭТИНА основано на показаниях МОРОЗА, ТАУМИНА, ПЛИНЕРА.

Как уже указывалось, эти лица в суде от ранее данных показаний отказались, а ТАУМИН, назвавший себя, СУЛИН-ЭТИНА и МАКСИМОВИЧА участниками антисоветской организации, судом был оправдан.

Что касается показаний ФИЛИМОНОВА о преступной деятельности МАКСИМОВИЧА, то он показал, что ему об этом известно только со слов ГОСКИНА. ГОСКИН, как уже указывалось, в суде от своих показаний отказался.

Далее в заключении указывается, что заключение экспертной комиссии о вредительстве со стороны осужденных составлено необъективно, неконкретно и без учета фактических обстоятельств дела. В процессе дополнительной проверки, проведенной в порядке ст.ст. 373-377 УПК РСФСР, была назначена новая экспертиза, которая опровергла заключение прежней экспертизы, указав на несостоятельность его, как основанного на недостаточно проверенных материалах.

Новая экспертиза пришла к выводу о том, что у экспертизы, проведенной на предварительном следствии, не было достаточно материалов для дачи заключения по ряду эпизодов обвинения и то, что ею было расценено как вредительство, относится к производственным недочетам в работе.

Допрошенный в процессе проверки БОРИН заявил, что он не сведущее лицо в хозяйственных вопросах и отказывался от участия в экспертизе, но все же был привлечен для дачи заключения. При проведении экспертизы следователь ТОКМАКОВ дал направление экспертизе и в основном скорректировал ее заключение от 28 января 1938 года.

Проверкой установлено, что расследование дела производилось с грубым нарушением закона, и в частности ст.ст. 111 и 112 УПК РСФСР.

После ареста ПОЛИСОНОВА, АБРАМСОНА и др. они продолжительное время не допрашивались и содержались в тюрьме без предъявления обвинения свыше 2-х месяцев.

После окончания следствия обвиняемые со всеми материалами дела не были ознакомлены.

СУЛИН-ЭТИНУ вовсе не предъявлялся материал для осмотра, и он не знал, какие имеются в деле доказательства его вины.

Несмотря на грубейшие нарушения законности, допущенные на предварительном следствии, суд неосновательно отклонил ходатайство ИЗРАИЛЕВА, ЕРМАКОВА, ПОЛИСОНОВА и других, просивших приобщить к делу ряд документов и вызвать новых свидетелей.

В марте и апреле 1938 года МАКСИМОВИЧ, ИЗРАИЛЕВ, ДИБОБАС, АБРАМСОН и другие подали жалобы, адресованные в военный трибунал войск НКВД, в которых указывали на незаконные методы ведения следствия и возбудили ряд ходатайств перед судом, но эти жалобы администрацией тюрьмы были представлены суду уже после рассмотрения их дела в суде.

ДИБОБАС при дополнительной проверке материалов дела показал, что со стороны следователя применялись запрещенные законом методы ведения следствия.

Установлено, что следователи, принимавшие участие в расследовании этого дела, осуждены за фальсификацию дел и нарушение советских законов.

В итоге в заключении указывается, что при дополнительной проверке установлены новые обстоятельства, которые не были известны суду при вынесении приговора, свидетельствующие о неосновательном осуждении ИЗРАИЛЕВА и других по данному делу, и ставится вопрос об отмене приговора и определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР — и о прекращении дела за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Проверив материалы дела и соглашаясь с заключением, Военная Коллегия Верховного Суда СССР; руководствуясь ст.378 УПК РСФСР,

О П Р Е Д Е Л И Л А :

Приговор военного трибунала Московского округа внутренних войск НКВД от 7-9 апреля 1939 года и определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 августа 1939 года по делу ИЗРАИЛЕВА Александра Николаевича, АСТРОВА-ШИРПАНОВА Георгия Васильевича, БРИЛЛЬЮ Юрия Павловича (он же Соломонович), МАТВЕЕВА Владимира Зосимовича, ГИНЗБУРГА Исаака Григорьевича, ЕРМАКОВА Андрея Петровича, СУЛИН-ЭТИНА Алексея Лазаревича, ПОЛИСОНОВА Александра Владимировича, АБРАМСОНА Льва Марковича, МАКСИМОВИЧА Юрия Константиновича, ГОСКИНА Михаила Федоровича о т м е н и т ь по вновь открывшимся обстоятельствам и дело на них прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

МАТВЕЕВА Владимира Зосимовича, ГИНЗБУРГА Исаака Григорьевича, ПОЛИСОНОВА Александра Владимировича, ИЗРАИЛЕВА Александра Ниолаевича, БРИЛЛЬЮ Юрия Павловича (он же

Соломонович) из-под стражи немедленно освободить. АСТРОВА-ШИРПАНОВА Георгия Васильевича по данному делу освободить из ссылки.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Ст. офицер Военной Коллегии
подполковник адмслужбы — ХОХЛОВ

Копия с копией верна:

Ст. офицер Военной Коллегии
майор адмслужбы (МАЗИН)

А.Л. Войтоловская

СУД НАД СЛЕДОВАТЕЛЕМ

(Из книги «По следам судьбы моего поколения»)

Судебных процессов 1950-х годов над следователями сталинской поры едва ли удастся насчитать два десятка. Немногим из узников Архипелага довелось выступить на них свидетелями. Также мало кому пришлось выслушать признания тех, чья клевета послужила основанием для ареста, лагеря, смерти близких...

Все это выпало на долю Адды Львовны Войтоловской, когда она, возвратившись в Ростов-на-Дону из «вечной ссылки», недоверчиво вдыхала первые запахи «оттепели». Унизительные мытарства в поисках работы; реабилитационные хлопоты, в успехе которых еще не было уверенности; отвычка от жизни на воле... Трудно возвращаться. К тому же, ветер перемен добирается в провинцию неторопливо и осторожно.

И вдруг... Суд над следователем-изувером! Встречи с теми, кто ТОГДА ПОСАДИЛ. Произошло то, чего «не могло быть никогда». Ну, не в пору ли здесь оцепенеть?! Нет, Войтоловская отнеслась к событиям иначе: она расценила их как ответ, хотя и не полный, на свои неотступные мысли о причинах и механизмах происшедшего и постаралась запомнить этот ответ с максимальной точностью.

Имена людей, по чьим наветам были репрессированы Войтоловская и ее близкие, мы обозначили криптонимами. Ведь пафос публикуемого свидетельства не в жажде мщения. Главное в нем — попытка понять, как смыкаются две бездны: государственный терроризм и личное падение.

А.Л. Войтоловская (р. 1900) — историк Нового времени, дочь известного литератора и врача, дом которого в предреволюционном Киеве был центром притяжения левой интеллигенции. Окончив в 1926 г. Ленинградский педагогический институт им. Герцена, Адда Львовна преподавала в школах и вузах, занималась научной работой. С тюремными очередями и справочными окошечками ОГПУ ей довелось познакомиться уже на втором году супружеской жизни. В 1928 г. был арестован и отправлен в Тобольский политизолятор ее муж Николай Игнатьевич Карпов (1894-1973), тоже историк (заведовал кафедрой истории СССР в ЛГПИ), заслуженный партиец и участник троцкистской оппозиции. В 1931 г., по возвращении, он вновь стал преподавать, но через десять дней после убийства Кирова последовал новый арест. Вскоре путь по лагерям и ссылкам начался для самой Адды Львовны, ее сестер Александры и Эллы; муж последней — Николай Викентьевич Дрелинг (1901-1940) был расстрелян.

Перед последним арестом (1949 г.) Войтоловская и Карпов жили в Ростове, сюда же вернулись в 1954 г. после амнистии. Устроиться удалось только на почасовое преподавание. Позднее Николаю Игнатьевичу нашлось штатное место в Воронеже, и он переехал туда. Дети (Леонид и Валентина) также жили в разных местах. Истерзанная семья все никак не могла соединиться. К этому моменту и относится начало публикуемого отрывка мемуаров.

Пытаясь разобраться в событиях, связанных с периодом второго возвращения из тюрем, лагерей и ссылок, я неизменно оказываюсь в клубе густых и горьких противоречий, предопределенных раздвоенностью, неясностями, борьбой разноречивых и даже противоположных исторических тенденций как в явлениях того времени, так и в моем собственном сознании. Лично для нас второе возвращение было не легче и не проще, чем первое. Наверное, потому, что теперь с ним было связано неизмеримо больше надежд и ожиданий. Всю страну возносило на общественный подъем, порыв, сдвиги, невиданные перемены, а нам приходилось барахтаться как бы на периферии событий и сталкиваться с теми, кто во что бы то ни стало цеплялся за неизменность и сопротивлялся тому, что могло нарушить ее.

* * *

...Я не прекращала писать в Прокуратуру заявление за заявлением о реабилитации, но наши дела были точно заколдованы, их ничто не касалось. ...В середине ноября 1955 г. через Университет из Пединститута мне передали письмо следующего содержания:

«Адда! Мне кто-то говорил, что Вы работаете в Ростове, в Пединституте. Я думала, что уже ничему не смогу удивляться, особенно после того, как мой сын слег и лежит уже несколько лет. Однако это оказалось не так, что для меня стало ясно после того, как меня 4 ноября вызывали в прокуратуру. Мне там показали одну подлую штуку. Думаю, что после восстановления истины, что я постараюсь сделать, Элла скоро будет в лоне своей семьи. Об этом я и хочу Вам сказать. После вызова я несколько дней была на наркотиках. Если кто-либо из Вашей семьи будет в Москве, умоляю со мной повидаться. Я работаю ученым секретарем Института Славяноведения Академии Наук.

Вера К-ва. 11/XI 55 г.»

Что показания на следствиях чудовищно искажались следователями и приобретали нередко смысл, противоположный сказанному подследственным, мне было слишком хорошо известно, но письмо вызвало брезгливое чувство. К-ва училась одновременно с нами в аспирантуре ЛИФЛИ и работала в Академии Наук по отделению Русской Истории. Она была женой Моисея Яковлева, прошедшего по одному из процессов и расстрелянного в 1937 г. Я с ней едва была знакома, но как-то в 1935 г. она зашла ко мне на квартиру после моего исключения из аспирантуры, что меня удивило. Заходила она и на квартиру моей старшей сестры Эллы и уговорила ее мужа Нико-

лая Дрелинга, человека необычайно отзывчивого, ввиду ее безвыходного положения принести два раза молоко ее грудному ребенку из молочного пункта. На этом основании на следствии она давала порочащие показания на всех членов нашей семьи. Уже сидя в тюрьме в 1936 году, я узнала, что Вера К-ва давала такие же показания на многих работников Академии наук и в сотрудничестве еще с кем-то составила длинный проскрипционный список «неблагонадежных». В то время как другие, все без исключения, получали большие сроки лагерей, К-ва, жена расстрелянного, получила три года ссылки в Саратов, а вскоре была переведена в Москву через академика Волгина, которому, надо полагать, были даны соответственные указания выше.

На письмо К-вой я, конечно, не ответила, но судьба нас неожиданно столкнула при необычных обстоятельствах.

Однажды после работы встречает меня в квартире сосед Аверин, возбужденно настроенный, и конфиденциально сообщает, что около часа ожидал меня работник Госбезопасности. Не дождался, но Аверин — «под честное слово полковника милиции» взялся передать мне повестку следующего содержания:

«Управление Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР по Ростовской области вызывает вас на 15/II 56 г. к 14³⁰ часам по адресу: ул. Энгельса №33 к тов. Гарбец, телефон 4-50. При явке необходимо при себе иметь паспорт. 12/II 56 г. Нач. Отдела Д.Чертов».

Меня уже вызывали когда-то по аналогичной повестке, после чего отобрали паспорт и приказали в трехдневный срок выехать с семьей из Ленинграда. Только тогда значилось: «немедленно явиться», а сейчас — четыре дня срока. Правда, время иное, но...

Три дня надо было читать лекции, вести себя как ни в чем ни бывало и ждать... Помогла тренировка, приобретенная в тюрьмах и на следствиях: жить механически, убивая чувства и переключая мысли.

Принял меня в Управлении Госбезопасности военный в чине генерала, взял паспорт, посмотрел и тут же вернул. Полегчало. Далее он объявил, что в ближайший понедельник меня ждут в Москве, в Военной Коллегии Верховного суда СССР и что я должна явиться к полковнику Пограницкому. Пропуск будет выписан в бюро пропусков на ул. Воровского 13. Явка обязательна.

Расписалась. Хотела выяснить, по какому делу, но генерал ответил, что более ничего сообщить не может, и предложил от себя бумажку в кассу вокзала о беспрепятственной, срочной выдаче билета. Я ушла.

* * *

В Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Москве на ул. Воровского 13 пропуск на мое имя действительно был заготовлен. Вхожу. Бархатные красные дорожки. Глухая тишина вестибюля и коридоров. Внимательный взгляд военного, выдававшего пропуск. Колокольный стук сердца. Звенящий гул в ушах, какой бывает в абсолютно пустой тишине. Ноги подкашиваются. Я противилась тому, чтобы выдать волнение, но, видимо, все было написано на моем лице против моей воли, потому что когда я вошла, полковник Пограницкий, подав мне руку, сразу начал с извинений за причиненное беспокойство. «По специальному решению ЦК партии, сказал Пограницкий, арестован и находится под следствием в тюрьме по делу Берия и других генерал-лейтенант Госбезопасности Райхман. Вы его знаете?» — «Мое следствие в Ленинграде в 1936 г. вел Райхман, он также вел следствие моего мужа Карпова и многих других научных работников. Тот ли это Райхман, о котором вы спрашиваете, не знаю», — «Тот самый. Вы писали заявление в прокуратуру о характере ведения следствия Райхманом?» — «Да, писала». — «Вы заявление хорошо помните?» — «Еще бы! Это — целая жизнь, могу ли я забыть? Все осталось в силе по сей день». — «Вы восстановлены на работе?» — «Нет, работаю временно на почасовой оплате. Я не реабилитирована, и прокуратура неизменно отвечает, что я осуждена правильно и мое дело пересмотру не подлежит. Потому-то я и писала о характере и ходе следствия». — «Ваше заявление у меня, но для меня многое остается неясным. Я и вызвал вас с целью установить вместе с вами ускользающие моменты и кое-что уточнить. Вы согласны отвечать на мои вопросы? Если у вас нет желания, мы можем прекратить беседу немедленно». — «Безусловно, согласна! Прошлого не вернешь и, больше того, не вычеркнешь, но если есть хоть малейшая возможность восстановить истину, то как я могу на это не пойти?»

Копия моего последнего заявления в Прокуратуру СССР на имя Генерального прокурора сохранилась. Приведу его полностью, так как оно объяснит причину вызова по делу Райхмана.

ЗАЯВЛЕНИЕ

11 декабря 1934 г. был арестован мой муж Карпов Николай Игнатьевич. Меня сняли с работы в Высшей школе Профдвижения и исключили из аспирантуры ЛИФЛИ. 9 месяцев я была без работы и кое-как, на случайные заработки (работа поденная в архиве библиотеки Университета, переводы и пр.) перебивалась с двумя маленькими детьми. За это время меня дважды вызывали в НКВД и предлагали прекратить переписку с мужем. Я отвечала, что не знаю за ним никакой вины, что он был восстановлен

в партии после оппозиции, а потому не нахожу возможным прекратить переписку.

По моему заявлению в ленинградский Обком о восстановлении в аспирантуре меня вызывали к т. Жданову А. А. и после беседы в Обкоме обещали восстановить в аспирантуре. Это было 23/VIII 35 г. Через два дня, 25/VIII, я была вызвана в городскую милицию, где отобрали паспорт и приказали в 3-х дневный срок выехать с детьми из Ленинграда. Поехала хлопотать в Москву о назначении на работу, но когда вернулась, квартира моя была вскрыта, разгромлена и занята работником НКВД. Переехала с детьми к родителям. Получила направление на работу в Пединститут в Новгороде на Волхове. Перевезла детей и работала, отдавая всю жизнь работе и детям. 1/IV 1936 г. я все же была арестована и привезена в Ленинград. Здесь меня и детей посадили в «черный ворон». Детей 4-х и 8-и лет высадили у подъезда дома моих родителей, а меня повезли дальше и бросили в одиночку внутренней тюрьмы НКВД на ул. Воинова.

Отец мой Лев Наумович Войтоловский, автор многих книг, к этому времени ослеп и был тяжело болен. Дети остались на руках у матери, как и больной отец.

Так как за мной никакой вины не было, то все следствие, которое вел следователь Л. Райхман, состояло в том, чтобы ценой самой лживой и бесцеремонной казуистики, подтасовки и фальсификаций привести допросы и показания к выводам, что т.к. Карпов состоял в оппозиции в 1927 г., а оппозиция породила события 1934 г., то есть убийство Кирова и пр., значит я, будучи женой Карпова, не только контрреволюционерка, но и соучастница убийства. Стоило мне усомниться в любом из этих софизмов, как поднимался иступленный крик со стороны следователя Райхмана, поток брани, оскорблений и угроз на всю ночь. Весь смысл моих ответов заключался в том, что я никакого отношения к контрреволюционной деятельности не имела, что ни объективно, ни субъективно ни Карпов, ни я с контрреволюцией никак не связаны, а потому обвинения не имеют под собой ни почвы, ни оснований. Райхман кричал, что у него имеются материалы, порочащие Карпова и меня. Я требовала их предъявления.

«Ах так, взрывался Райхман, значит вы *нам* не верите, не верите *советской юстиции, советской власти*, не верите *НКВД*, значит вы открыто вступили на путь контрреволюции!..» и т.д.

Обвинения строились им примерно так: «Вы были у матери такого-то числа?» — «Да, была». — «Там была ваша сестра Александра?» — «Да, была». — «Она жена репрессированного?» — «Да, жена». — «Вы хотели посылать посылки мужу?» — «Да хотела и посылала».

Сведения поступали стараниями агентов Р-ва В. и К-вой В. Запись Райхмана велась так: «На контрреволюционном сборище на квартире моей матери Анны Ильиничны, на котором присутствовали я, жена репрессированного контрреволюционера, моя младшая сестра Александра, жена репрессированного контрреволюционера, муж моей старшей сестры, репрессированный ныне контрреволюционер, Николай Дрелинг, говорилось об оказании помощи репрессированным контрреволюционерам, то есть о содействии контрреволюции».

Или: «Вы учились в ЛИФЛИ?» — «Да, училась». — «Вы работали с Горловским, Малышевым, Зайделем» — и далее длинный перечень имен... — «Да, работала» или «Нет, не работала».

Запись: «Учась в ЛИФЛИ, я была связана по контрреволюционному подполью с контрреволюционерами такими и такими-то (имярек), проходящими по спецделам таким-то» и т.д.

Показания давал в основном Р-в В., аспирант Горловского.

Возражала, спорила, возмущалась, находясь на допросах по несколько суток подряд. Следователь Райхман уходил домой ночевать или по делам, а меня запирали в «думалку» под наблюдение часового, который не давал вздремнуть всю ночь напролет. Из близлежащих следственных кабинетов неслись душераздирающие вопли мужчин и женщин, звон разбиваемых стекол, мат следователей, ругань, крики, так что «думалка» превращалась в сущую пытку для нервов. Если же отводили в камеру, то для того, чтобы подняться через полчаса и отправить в ту же «думалку» или в «собачник» (Прокуратуре не надо объяснять, что это такое).

Далее я оказалась организатором и руководителем подпольной контрреволюционной группы, куда «завербовала» провокатора Р-ова, и председателем подпольного контрреволюционного Красного Креста, о существовании которого я не имела ни малейшего представления. Подобных обвинений немало.

В ночь на 30-е апреля 1936 г. следователем Райхманом была подстроена инсценировка ареста моей матери. Открылась форточка одиночки и меня якобы вызвали к следователю. «Войтоловская!» — Я ответила, согласно заведенному порядку — «Ада Львовна». В ответ дежурный буркнул: «Нет, не вы, нам нужна Анна Ильинична». Форточка захлопнулась.

Войтоловская Анна Ильинична — моя мать. Решила, что мама арестована, находится в одиночке, а дети остались с больным отцом или направлены в детдома. Звала, стучала, звонила, била ногами и кулаками в дверь — никто меня не унимал, но и не отвечал. Так прошла ночь...

Затем наступили майские праздничные дни. Передач я не получала и оставалась в неизвестности. Добиться вызова к следователю не могла до 10 мая. Наконец Райхман вызвал меня, чтобы пожать плоды своих издевательств. Я отказалась от показаний, пока Райхман не позвонит домой, чтобы я знала, что мать на свободе. Видя мое тяжелое состояние, он позвонил на квартиру родителей и дал мне возможность услышать голос мамы, но было уже поздно. После этой инсценировки я тяжело заболела: ничего не могла проглотить, по утрам неукротимые рвоты желчью и кровью, голова болела и жгла, как раскаленный шар. На прогулку выходить не могла. На следствие меня водили два человека под руки в обморочном состоянии. Однажды у следователя потеряла сознание и очнулась у него в кабинете от укола. Чувствовала запах камфоры, слышала, как врач сказал Райхману: «У нее острая анемия мозга, я заберу ее в больницу». Однако Райхман отправил меня прямо из кабинета в «собачник», туда на ночь вкинули мои вещи, а утром перевели в общую камеру. Через месяц меня вызвали уже к другому следователю (кажется, Голубеву), который сказал мне: «Теперь будем говорить о вашей террористической деятельности». Ответила, что отказываюсь впредь от каких бы то ни было показаний, хотя бы меня здесь держали годы. После нескольких пустых допросов меня вызывать перестали. Протоколы мне не зачитали и еще через полтора месяца вызвали расписаться в приговоре: «Пять лет лагерей».

Прошло много лет.

В 1948 г. арестовали мою младшую сестру Александру в Новосибирске, а в 1949 г. — старшую сестру Эллу, в Ленинграде в один и тот же день со вторичным арестом — меня и моего мужа Карпова Н.И. в Ростове-на-Дону.

По возвращении из ссылки узнаю, что якобы главное обвинение против моих сестер — мои «показания», сфабрикованные, безусловно, следователем Райхманом самовольно. Сестра моя Элла в следственных материалах 1949 г. совершенно не фигурирует, что мне известно из протоколов следствия 1949 г., которые я внимательно прочла на основании ст. 206 Уголовного кодекса в присутствии прокурора, перед окончанием следствия в 1950 г. Там же кратко изложено следствие 1936 г. Сестра Александра в 1936 г. была энтузиасткой-комсомолкой и выслана как жена репрессированного Нотмана. Только в таком плане я о ней и говорила. Все остальное — вымысел и фальсификация. Вся наша семья честно и бескорыстно занималась общественной и научной работой, что составляло основу нашей жизни. Все обвинения нас в контрреволюции — ложь и клевета.

Такой же гнусной фальсификацией моего следствия является сообщение, сделанное Карпову 13 августа 1955 г. замначальником по спецделам Хавченко, будто я на следствии заявила: «После 1930 г. Н.И. Карпов, находясь в партии, оставался на троцкистских позициях». Хавченко введен в заблуждение следователем Райхманом. Такого заявления с моей стороны не могло быть, оно не соответствует ни ходу следствия, ни тому, что я дважды до ареста отказывалась порвать с Карповым.

Знаю Карпова с 1924 г., его жена — с 1926 г. Он — революционер до мозга костей. Карпов был арестован в 1934 году. Мне тогда едва перевалило за 30 лет. Сейчас мне 52 года. За 20 с лишним лет у прокуратуры не хватает времени разобраться в материалах по существу, разоблачить ход следствия, привлечь к ответственности следователя Райхмана и двурушника и провокатора Р-ова, о котором я дважды давала следственные показания, снять с нас обоих — с меня и с Карпова — незаконно-вымышленные обвинения и дать нам возможность жить и работать нормально, как мы того заслуживаем. Что касается 1949/50 гг., то мне вовсе не было предъявлено никаких обвинений, а вместе с тем я просидела ровно год в тюрьме и по ст.58¹⁰; 58¹¹ получила ссылку *навечно*. Когда я спросила прокурора, на каком основании муж и жена составляют «группировку» и что эта группировка делала, прокурор рассмеялся и игриво ответил: «Муж и жена — одна сатана». Ничего не скажешь, аргумент солидный!

До сего дня Прокуратура СССР неизменно отвечает: «Вы осуждены правильно, ваше дело пересмотру не подлежит». Когда же придет этому конец? Прошу мое дело пересмотреть объективно и срочно, и полностью меня реабилитировать.

13 декабря 1955 г.

А.Войтоловская

Полковник Пограницкий не торопился, мы читали и комментировали заявление, но как бы размышлял со мной вслух. Мое дело было лишь небольшой частичкой огромного материала, связанного с одним из ближайших сотрудников и сподручных Ягоды, Ежова, Берии — всего сталинского аппарата НКВД, и заинтересовался Пограницкий мною, ибо я была живым человеком, которого он случайно отыскал среди горы трупов, образовавшейся из бывших подследственных Райхмана. Следствию по делу Райхмана нужны были живые люди, их осталось очень мало, и разыскать затерянных где-то в порях всего Союза оказалось невозможным. Вопросов Пограницкий задавал много, по разным линиям, исходя из каких-то только ему понятных соображений или догадок. Он проверял не меня, а что-то свое. Прохаживался по комнате, подолгу молчал, делал заметки, протокола не вел. Узнав, что я находилась в лагерях близ Воркуты,

осторожно расспрашивал, кто были начальники, об условиях работы, знала ли я Кашкетина...

«Имя Кашкетина вам знакомо?» — «Да, в каждом лагере были свои Кашкетины — убийцы, истязатели и изуверы, проводившие садически массовые расстрелы революционеров по приказам из центра и по собственному, личному почину. Знала многих мужчин и женщин, расстрелянных в период господства Кашкетина». Поняв, что попал в сочащуюся кровью мишень, Пограницкий опустил голову и перевел разговор: «Райхман — крупный и страшный зверь, сказал Пограницкий, опытный, коварный, ловкий. За ним несметное число преступлений. Он работал в Ленинграде, в Москве, руководил НКВД в Закарпатье, потом — снова в Москве. Таких Берия, как магнит, к себе притягивал, и Райхман был при нем одним из руководителей следственного отдела. Он очень много знает, у него отличная память, и он ею умело пользуется в своих интересах. Райхман — один из непосредственных носителей и создателей беззакония, хотя не в нем одна причина зла. Однако он сплетен со всеми уродствами беззакония, и его будут судить. Большинства его подследственных нет в живых, огромного большинства, некоторых мы не можем отыскать... Жива К-ва, и Райхман желает ее видеть на суде в качестве свидетеля. Она фигура для меня сомнительная, но вы ее знаете. Что вы можете о ней сказать?». Я рассказала о недавно полученном письме от К-вой и о том, что она подзащитна Райхмана за доносы теле и ложные показания еще с 1936 г. — «Перейдем к отдельным обстоятельствам вашего дела: дела вашего мужа Карпова Николая Игнатьевича я нигде не нашел, его нет в Москве. Запросил Ленинград — нет и там, запросил Красноярск — ответили, что и там его не было и они не могли даже проставить срок и статью при снятии судимости и освободили его с задержкой, на общих основаниях. Ваше же дело нашел соединенным в папках с делами Н.Дрелинга и Я.Дончака, и я несколько удивлен, скорее обрадован, что вы уцелели, поскольку оба они присуждены к высшей мере». — «Не знаю, в чем тут суть, отвечала я, знаю, что Дрелинг и Дончак погибли, они приговорены к расстрелу по обвинению в каком-то мифическом убийстве, ими не совершенном и никогда не замышляемом. Люди, без сомнения, полностью невинные». — «Да, это так. Они приговорены к высшей мере наказания. Их дело — одно из чудовищных деяний тех лет. Есть ли у вас какие-нибудь соображения на этот счет?» — «Да, есть. Я не сомневаюсь, что это дело рук Райхмана, именно он сочинил злодейскую версию убийства только потому, что Дрелинг, как он мне сам сказал, когда мы случайно встретились в лагерях, написал 17 заявлений, разоблачающих следствие и следователей 1936 года. Дрелинг был уверен, что он едет на освобождение, когда его вызвали на преследствие в 1939 г. Всякое обвинение в те годы соответствова-

ло общей линии на истребление, и Райхман, чтобы себя обелить, готов был на любую версию, самую гнусную. За разоблачения Дрелингу сняли голову, а потом, на всякий случай, в 1949 г. взяли и его бывшую жену, мою сестру Эллу, и дали ей 8 лет закрытых лагерей. Я же считала, что писать заявления в тот период было бессмысленно и опасно и тем самым, быть может, избежала участи Дрелинга. Почему меня соединили с Дрелингом и Дончаком в папках дел, не понимаю, ибо по ходу следствия соединена с Карповым».

Пробыла я у Пограницкого несколько часов. Он много расспрашивал обо мне, о Карпове, моих сестрах, семье в целом. Я охотно и свободно отвечала, не только потому, что разговор шел в заинтересованно-сочувственном тоне, чего до сих пор не бывало ни с одним следователем, но и потому, что Пограницкий верил, что происходит радикальная ломка, потому, что он хотел беспощадно разоблачать с тем, чтобы менять; он стремился добыть достоверные факты, он сам был потрясен документами, которые попали в его руки по делу Райхмана, а возможно и других. Конечно, он не говорил со мной об этом, но мой собеседник, полковник Пограницкий, глубоко страдал и возмущался всем ходом событий за последние годы и не мог этого скрыть. Он был из тех немногих прямых или косвенных участников преступных деяний, которые с полной ответственностью готовы были искоренять прошлое и преобразовывать настоящее. Со мной он не допускал никакой откровенности и был сдержан на словах, однако о Райхмане сказал резко, что он сделал головокружительную карьеру на крови. Спросил, согласна ли я быть свидетелем на его суде. Я ответила, что моя прямая обязанность участвовать в разоблачении преступлений, которые нанесли непоправимый ущерб всей стране, а миллионам людей принесли страдания и смерть. Может быть, это даст мне хоть некоторое удовлетворение в смысле сопричастности к пробуждению от общественной инертности. В конце долгой беседы Пограницкий выразил уверенность в том, что я в скором времени буду реабилитирована, и просил передать Карпову, что если будут препятствия в его реабилитации, чтобы он обратился к Пограницкому в Военную прокуратуру.

* * *

Прошел XX съезд...

В конце апреля 1956 г. я получила справку о реабилитации. То, что я получила ее через Военную Коллегию Верховного Суда СССР, к которой мое дело не имело отношения, означало, что дело мое из Прокуратуры СССР было запрошено для ускорения пересмотра полковником Пограницким. Долгожданная реабилитация была налицо, но она не стала реальностью: мытарства мои не прекратились. Те-

перь формальным препятствием для получения работы служило отсутствие реабилитации у Коли и то, что он не восстановлен в партии.

В Москве пошла к зам. министра Высшей школы Прокофьеву, холемому министерскому чиновнику, который вкрадчиво и вежливо доказывал, что преподаватели Пединститута и Университета — люди разных калибров. «Пединститут готовит педагогов, а Университет — кузница ученых. Вы работали до ареста в Пединституте, для Университета нужна иная квалификация. У этих вузов — разные задачи». Я заметила, что все преподаватели Ростовского пединститута по историческому факультету автоматически переведены в Университет независимо от «иной квалификации». Прокофьев в конце концов примирительно сказал, что он в ближайшее время приедет в Ростов, будет в Университете и на месте разрешит вопрос о моей ставке. «Верьте моему слову, — сказал он, пожимая мою руку на прощание, — у меня отличная память, и о людях я не забываю».

Через некоторое время Прокофьев действительно приехал в Ростов и мы встретились на лестнице в Университете, когда я шла с лекции. Прокофьев остановил меня: «Сегодня вечером решим вопрос о вашей ставке. Не уверен в том, что это будет полная ставка, но за половину ручаюсь. Приходите в кабинет зав. учебной части Кузнецова завтра в час дня. Буду вас там ждать».

Когда я пришла на следующий день в кабинет завуча, Кузнецов предупредительно спросил: «Вы к Прокофьеву? Он вылетел в Москву с 12-часовым самолетом. Вопрос о зачислении вас в штат остался открытым до реабилитации вашего мужа».

Возражать и возмущаться не имело никакого смысла... Бесплезно... Обманул ли меня Прокофьев сознательно или случайно, тоже несущественно. Во всяком случае, ничего не было сделано, чтобы в обмане оправдаться. Потом тот же Прокофьев стал министром просвещения.

На июль приезжали в Ростов Коля и Валюша и я перевела дыхание. В начале августа 1956 г. меня вызвали в Военную прокуратуру на седьмое число к девяти часам утра в качестве свидетеля на суд. Догадывалась, что на суд по делу Райхмана. Хотела и ждала этого вызова, питая надежды на то, что смогу публично высказаться за многие годы. Так ли это будет? Каков будет суд, будет ли он открытым и разоблачительным? Будут ли по существу разбираться вопросы, связанные не только с судьбой и делом Райхмана, одного из крупных работников МГБ, близкого сотрудника Ежова и Берии? Волновалась? Нет, слово это не выражает того, что я испытывала. Все мысли и воля сконцентрировались исключительно на предстоящем процессе. К сожалению, у меня не осталось никаких письменных следов от него, ибо я не решалась ничего зафиксировать.

По приезде в Москву в Военной прокуратуре мне был выдан пропуск на 10 дней в такой-то зал для присутствия на суде над Райхманом. Тут же я была предупреждена, что процесс закрытый и разглашению не подлежит. Приемный зал разделен колоннами на два пролета. Когда я вошла, в той части, которая обращена к окнам, находилось уже несколько человек — две женщины и человек 15 мужчин, многие в военной форме, но несколько человек и в штатской одежде. Все очень настороженно встречали входящих. Большинство лиц стерлось, два-три остались. И вестибюль с колоннами, и зал суда, и все, чему я была свидетелем, при упорном напряжении памяти вспоминается явственно и точно. Многого не запомнила, конечно, но ничего и не прибавляю от себя, кроме своих впечатлений. Сидела у колонны, смотрела в газету, не читала и ни одного слова текста не понимала.

Кто-то подошел близко и назвал меня по фамилии. Невольно встала. — «Адда?» — «Да, это я». Не узнавала говорившую. Предо мной стояла женщина в черном, академически-аккуратном костюме с белой блузкой, среднего роста и средних лет. Голова круглая с редкими седыми волосами, приглаженными и туго затянутыми сзади в пучок. Лицо ничем не примечательное и ничего мне не говорящее. — «Не узнаете? К-ва, Вера К-ва». — Она протягивала мне обе руки. Тут я узнала ее и отодвинулась. — «Нет, я вам руки не подам». — «Почему? Я так хотела вас видеть». — «Вы знаете, почему...» Встреча была мне крайне неприятна и сама по себе, и потому, что Райхману предоставили право вызвать К-ву как свидетельницу. Доносчики же, видимо, продолжают думать, что работали так умно, так секретно, что их никто не распознал.

Ждали долго. Часов в одиннадцать провели по коридору между колоннами и боковой стеной подсудимого Райхмана. Конвоиры спереди и сзади. Он шел легкой походкой, одетый в штатское платье. Лицо плохо разглядела, и пройди он мимо меня по улице, я бы его не узнала. Прошло 20 лет.

Тогда ему было 28. Молодой военный с густой шевелюрой волос, маниакально упоенный следственной деятельностью, наделенный властью так подавать дела, чтобы для людей оставалось два пути: тюрьма — лагерь или тюрьма — расстрел. День и ночь он преследовал одну цель: сломить волю, сломать жизнь. В своих приемах в период моего следствия он был достаточно изощрен, крайне бесовестен, напорист и неутомим. Теперь ему 48, в его арсенале и пытки, и убийства, ведь вплоть до ареста Рюмина он был одним из следственных воротил и шел непрерывно вверх по восходящей. Сколько тайного ему известно! Скольких он толкнул на подлость, провокацию, клевету! Сколько наград у него «за успешную работу по укреплению революционной законности»!

Что же означает этот процесс? Что это? — Искупительная жертва, которой можно прикрыть грехи? Или начало страшных разоблачений и расчистки авгиевых конюшен правосудия? Тогда к чему секретность?

Нас пригласили в зал суда. Зал светлый. Большие окна с поднятыми вверх шторами. Напротив них, под бьющим в глаза светом, председатель и члены суда. Все военные. Левее — прокурор за кафедрой. Внизу, в центре зала — подсудимый Райхман в сером костюме. Конвоиры стоят в зале и у дверей, но Райхман сидит свободно. Перед ним столик с бумагой, карандашами и грудой увесистых фолиантов в различных папках. Подсудимый спокоен, тщательно выбрит. Лицо сытое, без землистого оттенка, нисколько не похож на заключенного, хотя в тюрьме он находится давно, не месяцы, а более двух лет, что мне известно со слов Пограничного. Условия его содержания совсем не те, какие были у нас. Он сидел вполоборота к свидетельским скамьям.

Свидетелей человек двадцать. Направо от Райхмана — адвокат, тоже за кафедрой, как и прокурор, но в гражданской одежде. Перед ним также кипа бумаг, которую он все время нервно перебирает.

Зал большой, круглый, как чаша, и почти пустой. Слова звучат гулко. ...Мне же кажется, что чаша зала наполнена тенями замученных, искалеченных и что снаружи тысячи жаждут проникнуть в зал, чтобы добиться возмездия...

Председатель с пронзительно-черными глазами, которыми он гвоздит всех поочередно. Прокурор с мешками под глазами и вялым ртом.

Женщин-свидетельниц посадили в первый ряд, так что мужчин не вижу, но чувствую за спиной их неровное, сдавленное дыхание.

Заседание суда начинается сдержанно и буднично, в полном несоответствии с накаленной напряженностью всех присутствующих. Председатель предупреждает о закрытом характере суда. Затем один из членов суда зачитывает обвинительный акт по следственному делу номер такой-то по обвинению Райхмана Леонида Федоровича... Обвинительный акт очень длинный. Чтение его идет около двух часов. Голос чтеца звучит невыразительно и опять же в полном несоответствии с содержанием, где перечисляются такие преступления, к которым подходят почти все пункты статьи 58-й и ряд других. Такого обвинительного заключения не доводилось читать даже в отчетах о процессах 30-х годов. Вывод напрашивается один — расстрел. Для Райхмана ничто, по-видимому, не неожиданно, он слушает опустив голову и без протеста.

Только история прочтет это дело правильно и вынесет свой приговор. Я была слишком живым свидетелем, меня била дрожь, и я

бессильна привести или хотя бы изложить этот документ. Его надо читать... Далее начался допрос подсудимого.

Председатель: «Ваше имя?»

Подсудимый: «Райхман Леонид Федорович».

— «Почему Федорович, когда отец Ефраим?» — «Так это имя переводится на русский язык». — «Год рождения?» — «1908 год». — «Где родились?» — «На Украине». — «Социальное положение?» — «Отец ремесленник, затем служащий». — «Семейное положение?» — «Женат». — «Сколько раз?» — «Официально три раза». — «Образование?» — «Двухклассная профессиональная школа». — «И это все образование?» — «Да, все, остальному учился на практике». — «И такое образование дало вам право на звание генерал-лейтенанта?» — «Очевидно, дало. Люди в МГБ и на более высоких должностях имеют четырехклассное образование и звание генерал-лейтенанта. Есть образованные ученые и писатели, не окончившие гимназии...» — «С какого года работаете?» — «С 1924 года». — «Где?» — «В ленинградском отделе НКВД». — «На какой должности?» — «От самой низшей до высокой». — «Какой именно?» — «Начальник спецотдела».

Райхман дает биографические сведения, из которых явствует, что он шел по восходящей линии, имел много поощрений. После 1939 года был переведен на крупную работу начальника МГБ в Закарпатье, а затем в Москву, где работал в следственном отделе под непосредственным началом Берии, одним из его помощников. Подсудимый старается не выпячивать своей роли.

«Имеете награды?» — «Да, имею».

Он перечисляет ордена: Красной Звезды, Отечественной войны, еще и еще и, наконец, орден Ленина. — «Вы были на фронте?» — «Закарпатье фактически было фронтовой полосой». — «В действующей армии были?» — «Нет». — «А за что же получили орден Отечественной войны и звание генерал-лейтенанта?» — «За заслуги». — «Точнее, за какие заслуги?» — «За то, за что получают и другие сотрудники органов безопасности». — «Значит, не знаете, за какие заслуги?» — «Но ведь я же не приписывал их себе, не воровал орденов, а получал, на все есть документация». — «Военное образование имеете?» — «Нет». — «Значит, генерал-лейтенант с образованием двухклассной профессиональной школы?» — Райхман молчит.

Далее шло множество вопросов скорее формального характера. Пишу я через много лет и не берусь их восстанавливать, передаю не букву, а дух суда в течение того короткого периода, когда мне удалось на нем присутствовать.

Допрос свидетелей начался с меня.

Вопрос: «Знаете подсудимого?» — «Подсудимый — следователь по моему так называемому делу в ленинградской внутренней тюрьме

в 1936 году». — «Что можете рассказать суду о ходе следствия?» — «Следствие было построено на систематической фальсификации и подтасовке фактов и совершенно не было заинтересовано в выяснении ни моих убеждений, ни истины». — «Можете изложить подробно ход следствия?» — «Могу». Я рассказываю о ходе следствия. Райхман перебивает меня несколько раз с разрешения председателя, а иногда просто возражая с места. Когда я говорю, что была оторвана от двух маленьких детей, у которых уже не было отца, арестованного раньше, и брошена в одиночку, Райхман кричит: «Сколько вы просидели в одиночке?» — «Шестьдесят четыре дня, — отвечаю я, — но какое это имеет значение?». Райхман: «Я просидел в одиночке 1200 с лишним дней и ничего, а вы...». Отвечаю: «Вы не смеете меня с собой сравнивать. Мы с вами в этом отношении несоизмеримые величины. Я села без всяких оснований, а вы посажены за величайшие преступления, что видно из обвинительного заключения. На вас ответственность за смерти, за лагеря, за издевательство, за детей, за все вместе. Вы не только соучастник преступлений, вскрытых на XX съезде, вы — прямой их виновник. 1200 дней одиночки для вас слишком мало». — Райхман (иронически): «Суд не вынес еще приговора, а вы — не суд». — Председатель: «Подсудимый, не мешайте ходу суда!»

Когда говорю, что Райхман меня не бил и физически не пытал, но на следствии применял пытки морального порядка, Райхман снова прерывает меня: «Что значит "меня не бил", а у вас есть данные, что я избивал других подследственных?» — Отвечаю: «Прямых данных нет, знаю только, что многие мои честнейшие товарищи и сотрудники по работе, следователем у которых вы были, расстреляны». — «Приговоры выносил не я!» — «Но давали заведомо ложные материалы для этого — вы!» — «Откуда вы знаете?» — «Знаю хотя бы по гибели Дрелинга и многих других».

Рассказываю об инсценировке в тюрьме ареста матери. Райхман просит слова: «Я с начала мая передал дело Войтоловской другому следователю, но она в заявлении обратилась ко мне, и я ее вызвал». — «Это неправда, Райхман вел мое дело непрерывно до перевода из одиночки. В середине июня месяца в его следственном кабинете со мной случился обморок, после чего меня продержали всю ночь в "собачнике", площадью едва ли больше квадратного метра и только утром перевели в общую камеру». — Райхман с места: «Понадобилась одиночная камера, ночью нельзя было перевести в общую, а где вас держали — не мое дело». — Продолжаю: «Мой муж Николай Карпов был членом партии в 1934 году. Райхман приписал мне клевету на Карпова, якобы я показала, что он работал в контрреволюционном подполье, будучи восстановлен в партии. Также приписал мне клевету на сестер...» — Райхман вскакивает и заявляет: «Кар-

пов никогда реабилитирован не будет!» — Я: «Не вам судить! Вы забыли, что за время вашего пребывания в тюрьме в стране произошли глубокие перемены...» — Райхман: «Не столь глубокие, чтобы реабилитировать Карпова...» — Я: «В таком случае ничто не изменилось, но тогда бы вас не судили и я не смогла бы здесь присутствовать...» — Председатель: «Замолчите!.. Свидетельница, продолжайте!» — Я: «Для обвинения меня и моих сестер и мужа моей старшей сестры Дрелинга Райхман использовал провокатора и двурушника аспиранта ЛИФЛИ Владимира Р-ова, ныне завкафедрой и декана Ленинградского университета и присутствующую здесь бывшую аспирантку ЛИФЛИ К-ву». К-ва с места: «Ложь, это ложь!» — Председатель прерывает меня: «Разрешите зачитать соответствующие сказанному показания свидетельницы К-вой». Зачитывает: «Такого-то числа 1935 г. на квартире у Войтоловской Анны Ильиничны на контрреволюционном сборище присутствовали Войтоловская Элла Львовна, ее муж Дрелинг Николай Викентьевич, жена врага народа контрреволюционера Карпова Николая Игнатъевича Войтоловская Ада Львовна и жена врага народа Нотмана Константина Вильгельмовича Войтоловская Александра Львовна. На упомянутом к-р. сборище велись контрреволюционные разговоры о незаконности арестов этих врагов народа, выражалось сочувствие им и было принято решение о материальной помощи этим врагам народа, что является уже прямой контрреволюционной деятельностью всех присутствующих». — К-ва молчит.

Председатель обращается ко мне: «Продолжайте». — Я: «Прошу суд привлечь к судебной ответственности клеветника и провокатора Р-ова за ложные доносы и как соучастника преступлений Райхмана». — Суд совещается тут же в зале. — Председатель: «Суд отклоняет рассмотрение этого вопроса как не имеющего прямого отношения к делу». — Обращается ко мне: «Вы имели во время следствия очные ставки с Р-овым?» — «Нет, не имела, но Райхман зачитывал его показания». — «Почему вы знаете, что эти показания не были написаны Райхманом?» — «Потому что некоторые обстоятельства и бытовые факты были известны только Р-ову, который бывал у меня дома, но представлены в неузнаваемо искаженном освещении им и Райхманом. Кроме того, я получила трусливое и мерзкое письмо от Р-ова с заверением, что "подлятинки в моем поведении не было". Это на воле открыло мне глаза на его роль. Письмо взято при обыске». Райхман с места: «Р-ов шенок!» — Я: «Однако за щенячьи свойства он довольно высоко вознесен». — Председатель: «Что за переговоры с мест? Немедленно прекратить пререкания!» — Я продолжаю: «Дрелинг оклеветан Райхманом при содействии К-вой, а в дальнейшем ему приписано злодейское убийство. Он был вызван в 1939 г. из Воркутинских лагерей в Ленинград и расстрелян

по приговору Военной коллегии Верховного суда. Николай Викентьевич Дрелинг — чистейший человек. Он поплатился жизнью исключительно за то, что писал из лагеря во все инстанции заявления с разоблачением следственных методов Райхмана и других следователей...» — Адвокат с места: «Дело Дрелинга здесь не разбирается». — Я: «Я уже говорила, что Райхман не скупился на оскорбления меня и всех, с кем я связана, но этого мало — несмотря на то, что он вел следствие по делам многих научных работников, он огулом порочил общественные учреждения, в азарте он кричал: "Что такое ваше ЛИФЛИ, ваш Университет — банда диверсантов! Ваши профессора — контрреволюционный сброд" и т.д.»

Меня прерывает адвокат: «Свидетель Войтоловская! Вы говорили о грубости Райхмана, издевательских криках во время следствия, я имею совершенно другие данные. В 1955 г. я посетил кабинет, в котором работал Райхман в 1936 г. Это кабинет на трех человек, и работники подтвердили, что в нем работали три человека, и в том числе Райхман. Значит, ваши показания — выдумка». — Председатель предлагает мне ответить. — Я: «Удивительно, что адвокат не знает азбуки следственных порядков. Рабочий кабинет — не следственный кабинет. Следствие ведется в особых кабинетах один на один. Даже конвоир при этом не присутствует, а вызывается звонком. Кабинеты, в которые нас вызывают в начале следствия, как правило, светлые, хорошо обставленные, в верхних этажах. На первых порах следователь может предложить воду, чай, папиросы. Всегда имеется графин с водой, но не только для питья, им можно запустить в подследственного... Позднее следственные кабинеты могут быть зарешеченные, даже захламленные комнатухи, но всегда и обязательно следствие ведется с глазу на глаз, если самому следователю не понадобится подсобное лицо для перекрестного допроса. Неужели любому не ясно, что все безобразия, которые имели место в прошлые годы, не творились публично или при свидетелях? Это безусловно известно адвокату». Председатель: «Довольно!»

Адвокат: «Неправдоподобно, чтобы в ленинградской внутренней тюрьме могла произойти такая путаница в именах даже однофамильцев, о которых говорила свидетельница». Отвечаю: «Я не говорила о путанице или о случайности, напротив, была сознательно предусмотрена замена моего имени именем моей матери в расчете на удар по моей и без того истерзанной психике. И эффект был достигнут».

На этом объявляется перерыв заседания.

Было жарко. Вышла на улицу и зашагала по улице Воровского до Арбата. Тут же семенили, бегали или расхаживали и другие взволнованные свидетели. Больше всех волновался адвокат, он сдавливал лоб бледной рукой, трепал свою шевелюру, дважды заходил в апте-

ку, что на углу, за лекарством. Настолько практика защиты политических не была у нас принята, что адвокат чувствовал себя буквально потеряннным и не мог этого скрыть. Действительно, трудно было себе представить, во что выльется этот необычайный процесс.

К-ва со скорбным выражением лица стояла у дерева и провожала меня укоризненными взглядами. Я же упорно раздумывала над тем, что представляет собой этот странный суд. Райхман сытый, хладнокровно оправдывающийся по мелочам, как будто его не пугает мартиролог его преступлений. А судьи? — Те же, что решали и наши судьбы. Среди них наверно не много Пограничных.

Что скрыто в гвоздящем взоре прокурора, какие замыслы, и почему он благожелательно заслушивает меня? Если это кара, то почему она окутывается тайной? Или небольшая уступка? Нет, не в этом зале решаются судьбы Райхманов и иже с ним... Однако о таком и помыслить никто бы не посмел два года тому назад. Пусть это лицедейство, в котором актеры до конца понимают свои роли, но и на нем печать, ответ времени...

Такие или приблизительно такие мысли бродили в голове в перерыве между заседаниями, и хотелось уловить и запечатлеть каждый звук и вздох в зале суда...

После перерыва свидетельские показания дает К-ва. Председатель обращается к ней с вопросом: «Помните ли вы свои показания на следствии?» — К-ва: При-бли-зи-тельно (растягивая слова). — Тогда я зачитаю часть ваших показаний: «Муж мой, Яковлев, вел подпольную контрреволюционную работу, встречался с такими-то и такими-то. Среди сотрудников Академии наук такие-то (идет перечисление фамилий) также были связаны с контрреволюционным подпольем» и т.д. Затем зачитывается заявление К-вой о разговорах и настроениях сотрудников отдела Академии наук, где она работала. «Вы подтверждаете показания?» — обращается к К-вой председатель. — «Тогда я думала так, теперь думаю по-иному». — «Значит, подтверждаете показания?» — «Я уже ответила — теперь я так не думаю, ибо многое узнала и поняла». — «Дайте прямой ответ». — «Да, подтверждаю». — Райхман: «Скажите, было давление на вас с моей стороны?» — Председатель — Райхману: «Вам слово не дано. Вы его получите после». Я: «Прошу слова для вопроса». — Председатель: «Разрешаю». — «Не кажется ли суду непонятным, почему К-ва, столь хорошо осведомленная о контрреволюционном подполье, о контрреволюционной деятельности своего мужа Яковлева, позднее растерянного, и многих сотрудников Академии наук, получает по представлению ее дела Райхманом 3 года ссылки в Саратов, а затем переводится в Москву на должность ученого секретаря журнала Академии наук, а я, ничего не знавшая ни о чьей контрреволюционной работе и несмотря на то, что мой муж получил лишь 3 года

лагерей в 1935 г., имела срок 5 лет воркутинских лагерей, а затем в 1949 г. просидела еще год в тюрьме, осуждена на ссылку в глуши навечно, а теперь не могу добиться получения работы?»

К-ва выкрикивает с места: «Вы мне завидуете!» — Я: «Нет, *вам* завидовать не в чем. Вы привыкли думать о жизни по мелкому счету!» — К-ва: «Меня вызволил из ссылки человек святой души, прекраснейший человек, академик Волгин. Вот в чем весь секрет». — Я: «Не хочу сомневаться в святости души академика Волгина, но он тут ни при чем. Неужели среди арестованных сотрудников Академии наук не нашлось более талантливого, более ученого, более необходимого для науки, чем К-ва, чтобы его вызвать из тюрем и лагерей? Надо полагать, что академик Волгин не совсем независимая единица и что ему было дано указание свыше». — К-ва кричит: «Вы позорите меня на весь Советский Союз!», рыдает, бьется в истерику. Председатель обращается к конвоиру: «Проводите свидетельницу К-ву в медпункт». К-ву выводят.

Райхман с места: «Войтоловская ущемлена тяжелым материальным положением». — Отвечаю Райхману: «На жизнь мне хватает, я привыкла к несравненно более тяжелым условиям, однако буду добиваться справедливости во что бы то ни стало». Адвокат: «Не смотря на нервную обстановку, которую создает свидетельница Войтоловская, надо признать объективный характер показаний свидетельницы К-вой, говорившей в пользу подсудимого».

Допрашивается свидетельница из Западной Украины М-ко (фамилия мною забыта. — *А.В.*). Она тихо с акцентом говорит по-русски: «Имя Райхмана у нас на Западной Украине все равно, что МГБ, что для многих мужчин — смерть, а для многих женщин — 25 лет каторги. Были у нас и бандеровцы, и противники советской власти, но большая часть, как и я, не знали об их существовании или только слышали, все равно — двадцать пять. В Тайшете я лучше узнала, кто такие коммунисты, чем на воле. Среди заключенных настоящие бандеровцы были связаны с уголовными. Мы же больше были связаны с советскими людьми. На мой взгляд, такие, как Райхман, принесли вред на Западной Украине Советской России. Они никого не помиловали, а всех карали. Я попала в облаву, а получила все сполна — 25 лет. А за что? Райхмана видела один-единственный раз в жизни, но запомнила на всю жизнь. Вин полыхал в лютооти, а теперь як ягненок».

Адвокат задает несколько вопросов, в которых пытается опорочить показания этой свидетельницы как не имеющие непосредственного отношения к Райхману. Председатель отводит его соображения.

На этом допрос подследственных Райхмана заканчивается. Большинство из них уже мертвы, но есть и живые, например, Калапов,

есть свидетели и более поздних и более страшных его преступлений. Почему их не отыскивали и не вызвали в суд? Не знаю. Почему все три свидетельницы — женщины, и одна из них — его ставленница? Тоже не знаю.

В тот вечер я была совершенно разбита усталостью и никому не сказала ни слова. На следующий день уже шел допрос свидетелей-сотрудников.

Первым допрашивался работник органов госбезопасности, полковник лет под шестьдесят. Был он мертвенно бледен, отвечал очень сдержанно и кратко, боясь проронить лишнее слово и взвешивая каждое выражение. Передаю общий смысл его показаний.

«Райхман, — говорил полковник безопасности, — действительно как работник органов вырос на моих глазах, но последние годы я с ним непосредственно не сталкивался. Два года работал с ним в одном служебном кабинете в Ленинграде. С сотрудниками он был большей частью вежлив, хотя бывал и неровен. После перевода его в отдельный кабинет гораздо реже с ним сталкивался. Его считали способным, но карьеристом». Райхман с места: «В чем это выражалось?» — «В непрерывном продвижении вверх, в том, что не отказывался ни от каких дел, что в повышениях обегал многих других, не стеснялся оклеветать сотрудников, в неоправданной заносчивости, подхалимстве». — «Совершенно не убедительно. Может быть, потому что я сутками не уходил с работы, в том, что у меня действительно имелись личные данные для работы следователя, то, что вы называете способностями?» — «Я не менее вас понимаю характер работы следователя по политическим делам. Нам казалось, что подсудимый нюхом угадывал желания начальников и приспособлялся к ним». — «А вы, что же, не подчинялись своим начальникам или выступали против их решений? Когда? Где? В каких вопросах? Напомните мне». — Свидетель (явно напуганно): «Речь идет не обо мне. Я сказал то, что знал и думал». Председатель, обращаясь к свидетелю: «И это все, что вы можете сказать суду? Может быть, вы хотите еще что-нибудь добавить?» — Свидетель: «Я пока воздержусь».

Полковник так дрожал за свою шкуру, так уклончивы и беззубы были его показания, так легко было прочесть, что творилось в его душе и в сознании, где ежом вздыбились все привитые ему представления, так не понимал, что от него требуется, что был жалок. Ко всему, он, видимо, еще побаивался Райхмана как бывшего начальника и так же мало, как он, верил в глубину перемен.

Следующий свидетель — работник ленинградского МГБ, связанный с Райхманом непосредственно по 30-ым годам. (Фамилии тоже не помню). Он принял противоположную тактику по сравнению с предыдущим свидетелем и сразу перешел к открытым обвинениям Райхмана: «Райхман, — говорил он, — беспардонный карье-

рист, он ничем не брезговал в работе, он пек дела, как пироги, он нарушал законы ведения следствия, он груб был с товарищами и подчиненными, а уж о подследственных и говорить не приходится, здесь термин "грубость" ничего не выражает. Райхман незаслуженно получал награды, втираясь в доверие к начальникам. Он именно тот преступник среди работников МГБ, о которых идет речь в делах Рюмина, Берии и других...»

По мере его выступления Райхман накалялся и менялся в лице. Все черты лица натягивались, резко ожесточались и напомнили мне прежнего следователя. Он встал, выпрямился, презрительная, наигранная апатичность в миг слетела с него, он готов был броситься на говорившего.

Райхман кричит: «Я требую фактов. Для обвинения нужны факты, а не болтовня и общие фразы!» — Свидетель: «Что же, вы имеете наглость думать, что против вас нет фактов? Не лгите! Вы перед судом! Не ломайте комедии!» — Председатель: «Суду тоже нужны факты.» — Свидетель: «Хорошо, я буду приводить факты. Как охотник не думает о жертве, так Райхман был одержим и хватал дела, думая лишь о количестве подбитых им людей...» Райхман прерывает его, но после возражений со стороны членов суда, все-таки получает слово: «Вы забыли, что органам НКВД, а значит и его следователям было вменено в обязанность беспощадно разоблачать и уничтожать контрреволюционеров-террористов, агентов фашистской разведки, а не зайцев и уток. Мы выполняли правительственные, государственные задания. Мы были поглощены этой работой все, и вы в том числе. Но где же ваши факты?» — Свидетель: «Вы не даете мне говорить! Будут факты. Много фактов! В июне 37 года Райхман в спешном порядке подготовил несколько десятков дел и все дела подвели людей под высшую меру наказания. Для этого хватались люди даже без ордеров на арест с воли или привозились из дальних лагерей. Вслед за этим он был награжден орденом. Так это или не так?» — «Я был награжден в конце июня месяца 1937 года орденом Красной Звезды и считал это большой честью. По тому же приказу руководителя ленинградского отделения НКВД Заковский «за образцовое выполнение заданий партии и правительства» был награжден орденом Ленина. Что же касается быстроты проведения следствия, то хочу сослаться на постановление ЦИКа СССР, подписанное еще Енукидзе в 1934 г. и состоящее из трех пунктов».

Райхман роется в бумагах, достает нужную и с разрешения суда зачитывает. (Конечно, за дословность я не могу ручаться, но смысл передаю правильно. Приказ секретный, я его нигде найти не могла, передаю приблизительно). «Следствие дел по обвинению в подготовке или свершении террористических актов вести ускоренным темпом; судебным органам не задерживать исполнение приговоров

к высшей мере наказания; приговоры приводить в исполнение немедленно».

«Так что указания об ускоренном ходе следствий и о высшей мере наказания были даны еще в декабре 1934 г., а не в 1937 г.»

Свидетель: «Однако, следственные дела до 37 года вы вели месяцами, чтобы подвести их под террористическую деятельность, и это не всегда удавалось, хотя все подследственные без исключения превращались во врагов народа. В 1937 году все арестованные за два-три дня становились террористами и приговаривались к расстрелу, но этого мало...» — Райхман срывается с места, выскакивает на середину зала и, не слушая никого, выкрикивает: «А вы знаете, кто давал нам такие указания? Вы не знаете, кого выделили на выполнение этого задания? Вы не знаете, *каково* было это задание? Так я вам скажу — именно в это время приехали из Москвы Каганович и Шкирятов и совместно с Ждановым передали работникам НКВД список; это был длинный список лиц, на которых в течение *нескольких* дней должен был быть собран материал и представлено обвинительное заключение...»

Председатель: «Подсудимый Райхман, замолчите, я приказываю вам замолчать! (он стучит кулаком по столу, стремясь заглушить Райхмана). Вы нарушаете все законы ведения следствия. Я вас выведу из зала суда, и дело будет слушаться без вас...»

В зале общее движение, ропот... Не скоро воцаряется тишина...

Председатель: «Войтоловская! Выйдите из зала суда и сдайте ваш пропуск в канцелярию. Суд в вашем присутствии больше не нуждается».

Я встала и направилась к двери. По дороге услышала слова председателя: «К-ва и М-о, покиньте тоже зал суда».

У выхода из зала меня встретил конвоир и проводил на верхний этаж. Здесь у меня отобрали пропуск, выданный до конца судебного следствия, выписали деньги на проезд в Ростов и довольно настойчиво предложили по возможности выехать из Москвы в тот же вечер.

Итак, именно в тот момент, когда театральное представление суда превращалось в подлинный суд, когда могла быть приподнята завеса над неизвестным, когда от обвинения лично Райхмана в нарушении законности суд должен был перейти к вскрытию причин общественной трагедии в целом, когда сама трепещущая жизнь ворвалась в этот полумертвый зал, меня без всяких церемоний выпроводили вон. К чему свидетели? Можно судить Берию, Рюмина, Райхмана, Абакумова. Можно даже осудить «культ личности», но не более...

Реабилитация была уже у меня на руках, и я решила не следовать слепо указанию суда и задержаться в Москве два-три дня по своим делам. Рано утром следующего дня, выйдя из главпочтамта на улице Кирова, я лицом к лицу столкнулась с председателем суда.

Он пробурывал меня взглядом вопросительно-сверлящих своих глаз, не поздоровался. Теперь я уже была для них только ненужной помехой. Я, со своей стороны, тоже пристально впиалась в него глазами и тоже не поздоровалась...

Через несколько дней уехала в Ростов. Однако суд продолжал меня чрезвычайно интересовать. Месяца через полтора-два узнала, что по суду Райхман получил 8 лет.

Райхман срока не отбыл. Его берегли, берегут и выпустили на волю.

* * *

Вскоре начался 1956/57 учебный год, а я так и продолжала работать внештатно и надежды на изменение моего положения не предвиделось. Со студентами у меня отношения отлично наладились. Получала также удовлетворение от работы с учителями города в Институте усовершенствования учителей, но утомительно и нестерпимо было подчеркнуто равнодушное отношение всего аппарата, от обкома до университета, что по сути было одно и то же. Имелось твердое решение палец о палец не ударять в мою пользу до восстановления Карпова в партии. А до этого было еще очень далеко, так как он не был реабилитирован по линии прокуратуры.

В этом я воочию убедилась после разговора с новым ректором Университета Ю. Ждановым, сыном А.А. Жданова. Ю. Жданов занимался химией, философией и биологией. Он, по свидетельству тех, кто с ним работал в Ростове, был человеком образованным и хорошим организатором. Мне пришлось столкнуться с ним в другой, чисто человеческой области, и своим видом, разговором, поведением он произвел на меня отталкивающее впечатление.

Жданов плотно сидел в глубоком кожаном кресле большого удобного ректорского кабинета.

Наследный принц, присланный в Ростов как изгнанник, держался чуть ли не величественно и как бы снисходил до разговора со мной. Выслушал мою довольно длинную речь, не прерывая ее замечаниями и выражая нетерпение лишь постукиванием карандаша о чернильный прибор. — Вы кончили? — заговорил он тоном следователя. — Да. — Почему вы не защитили диссертацию сразу после аспирантуры? — Из моей анкеты видно, что я была арестована в 1936 году, в апреле месяце. Материалы же моей диссертации изъяты при аресте. — Почему не защитили диссертацию, работая в Ростовском пединституте? — Диссертация по совершенно новым материалам была уже готова, автореферат утвержден на кафедре Новой истории в МГУ, защита

назначена на осень 1949 года. 1-го сентября 1949 года я вновь была арестована. — Вам не везет с диссертацией! — В том, что вы называете *моим* невезением, я вижу невезение *общественного*, а не лично-го порядка, в котором диссертация — мелочь. — Для нас это не мелочь. Вы реабилитированы? — Да, реабилитирована. (Предъявляю справку о реабилитации). — Значит, ваше дело шло через военную коллегия — интересно! — Нет, мое дело шло обычным порядком через ОСО и не имело отношения к военной прокуратуре. — Почему же реабилитация получена через военную коллегия? — Это не криминал и не имеет отношения к моей работе в университете. — Ваш муж Карпов реабилитирован? — Пока нет. — Почему? — Не знаю, наверно до него не дошла очередь. Речь идет не о моем муже, а обо мне и о моей работе. — Где ваш муж? — Это не важно. — А все-таки, где ваш муж? — В Воронеже, работает в двух институтах. — Почему бы вам не поехать к мужу в Воронеж и там найти работу? — Потому что я здесь жила и работала и имею право получить работу именно здесь, в Ростове. Я пришла не в ЗАГС, а к ректору университета, где я уже работаю на почасовой работе и имею право на ставку. Меня заверил Прокофьев, что полставки у меня во всяком случае будет. — Ваш муж работал, кажется, тоже в Ростове до последнего ареста? — Я пришла говорить с вами о моей работе, а не о муже. — Для меня важно, где работает ваш муж Карпов и в каком состоянии его партийные дела. — Однако мой муж работал до ареста в Ростове, в Институте сельхозмашиностроения и в Финансово-экономическом институте, будучи беспартийным. — Но времена меняются. — По-вашему, они для нас изменились в худшую сторону? — Ну что вы! Я этого не говорю, но ставки вы не получите до его восстановления в партии. Так складываются обстоятельства. — Значит, в том случае, если он в ближайшее время будет реабилитирован, вы передо мной ставите заранее новое препятствие!

В сердцах, не владея уже собой, переведя дух после напряженного молчания, я сказала: «По какому праву вы задаете мне вопросы о моем муже? Ведь я же не спрашиваю вас, где находится ваша жена и чем она занимается!..»

В тот момент я не вкладывала в свой вопрос и мысли о Светлане Аллилуевой, но услышав его, когда он прозвучал в этом кабинете, поняла, что он воспринят Ждановым как вызов, как выпад против него. Незадолго до того Аллилуева уехала из Ростова, и об этом говорили. Жданов озлился, невозмутимость слетела с него в одно мгновение. Он преобразился, покраснел, вышел из-за стола, переждал несколько секунд и четко произнес: «К сожалению, в университете для вас ставки не найдется...» Он остановился, но не желая поставить точку, добавил с расстановкой: «...пока ваш муж Карпов не будет восстановлен в партии».

Встала и вышла не попрощавшись.

...Когда Коля вновь поехал в Москву по делу о своей реабилитации, он позвонил полковнику Пограничному, и тот ответил, что в Прокуратуре Союза ставился вопрос о реабилитации Карпова весьма ответственным работником юстиции, но возникло непредвиденное препятствие: дело нигде не могут отыскать, оно потеряно. Получалось нечто весьма несуразное и нелепое: мое дело присоединили, неизвестно по какому признаку, к делу Дрелинга и Дончака, а дело Карпова исчезло с лица земли, что не мешало ему получать неизменный ответ на все заявления: «Ваше дело пересмотру не подлежит...»

Снова надо было ехать в Москву или в Ленинград на поиски. Поехала я.

Для того чтобы разыскать «дело» Коли, постаралась попасть на прием к старшему прокурору Ленинграда. Он послал меня по инстанциям. Десятки раз бегала с улицы Белинского на Фонтанку, из прокуратуры в суд и обратно, благо недалеко... Наконец в каком-то окошечке ухватила за нить, по которой суждено было распутать клубок. Помогло упорство. Дело Карпова наконец отыскалось в архиве Ленинградского областного суда, хотя Коля никогда через суд не проходил. Как мне объяснил один из многих прокуроров, к которым я обращалась, дело поступило к ним из пересыльной тюрьмы на Красной Пресне, что находится в Москве, еще в 1950 году и сдано в архив, так как Карпов был осужден «навечно». «Наш режим надежный, — сказал мне этот словоохотливый прокурор, — значит больше с такой пометкой дело никогда не понадобится».

Он же сообщил, что как только дело было обнаружено, его тотчас же направили в Московскую прокуратуру по давнишнему запросу, хотя оно уже назначено на рассмотрение ленинградского городского суда на 30-е ноября 1956 года. В связи с отправкой бумаг по «делу» в Москву, пересмотр будет отложен на неопределенный срок.

Не время было его убеждать в том, что раньше следовало пересмотреть решение суда, а затем уже переправлять материалы в Москву, надо было уговорить его не откладывать пересмотр. Оставалось всего пять дней, но мне удалось упросить прокурора. Я обещала ему немедленно самолетом вылететь в Москву с тем, чтобы бумаги Карпова были возвращены в Ленинград к двадцать девятому ноября. В такие минуты все кажется возможным. Полететь в Москву я не могла, так как мы были крайне ограничены в средствах и времени оставалось слишком мало, но я рассчитывала договориться по телефону с тем доброжелательным советником юстиции, с которым беседовала в Москве несколько дней назад. Он назвался Ряховских и дал свой телефон. Удалось дозвониться. Объяснила, как обстоит дело и как срочно нужно его содействие, чтобы вернуть бумаги в Ленинград к 29-му ноября.

Кое-что на свете зависит и от доброй воли людей. Казалось, шансов на то, что бумаги Коли придут к сроку, не было почти никаких. Ряховских ответил: «Подождите у телефона». Пауза была столь длительной, что я решила повесить трубку, но, подождав еще несколько минут, услышала голос по ту сторону провода: «Алло, алло, вы меня слышите? Вам повезло, сегодня отправляется спецпочта в Ленинград, она захватит бумаги Карпова с протестом Прокуратуры СССР. Спите спокойно!»

Я даже не успела сказать спасибо. Он положил трубку. Осталось только неосуществленное желание поблагодарить этого человека...

Разговор происходил в пятницу, а в понедельник «дело» Коли уже находилось в ленинградском Горсуде. В тот недолгий исторический отрезок пульс времени бился быстро, это я почувствовала в Москве и в Ленинграде в отличие от Ростова. С людей как бы слетало ощущение подвластности Молоху и просыпалось чувство собственной правомочности. В таком настроении облегченности, придающем уверенность в себе и в удаче, я пребывала два дня, остающихся до заседания суда.

1 декабря 1956 года, ровно через 22 года после того, как Сталиным был включен ток высокого напряжения с целью истребления миллионов творцов Октябрьской Революции, я вошла в здание ленинградского горсуда на Фонтанке 16, куда мне велено было прийти за ответом. Трудно было заставить себя спокойно дожидаться. Сомневалась, прихлынуло все, что стало неотделимым от меня — чувство сжатой пружины, которая распрямляется, бьет в мозг и сердце, в руки и в ноги, будто вот-вот лопнет и заполнит мир гулом и грохотом — чувство предельного напряжения... Но кругом было абсолютно тихо, ни звука, кроме редких шагов и отдаленного стрекота машинки. Минуты раздвигались до бесконечности... Наконец меня вызвали и выдали справку о реабилитации Коли. Распалась, не уняв дрожь руки, и выскочила на улицу под неожиданное декабрьское солнце. Тут только я развернула справку и, прочтя ее внимательно, заметила, что в ней пропущена одна из «судимостей» Коли — «довесок», полученный в лагере. Таким образом справка оказывалась недействительной, не действительна и реабилитация. Тотчас же вернулась в Горсуд и вызвала дежурного прокурора. Он поднял дело, обнаружил ошибку машинистки, а я вздохнула легко.

Не стоило бы упоминать об этой канцелярской ошибке, если бы во время ее исправления и перепечатки я не оказалась случайным слушателем разразившейся за стеной бурной сцены. Чей-то несколько надтреснутый, придавленный, но безусловно отдаленно знакомый голос возмущался и негодовал, но негодовал без выкриков, сдержанно, с чувством собственного достоинства. Слышно было каждое

слово: «Вы с ума сошли! С ума сошли! — обвинял хриловатый голос. — Это же история для Гоголя. Это — "Записки сумасшедшего"». Мало вам того, что брат погиб, что жизнь исковеркана, так я еще должен уплатить МГБ за хранение собственной библиотеки, незаконно изъятой, в которой наверно не досчитаетесь драгоценнейших экземпляров книг. Не денег жалко, хотя достатков лишних по вашей милости нет, но это же издевательство. Это же бесит! Не смеете вы меня сюда вызывать, не смеете тревожить более, дайте покой от вас! Вы завтра, *завтра же* привезете мне всю библиотеку домой за ваш счет, как увозили, а я буду по списку ее принимать. И если хоть одна книга пропала, то вы будете платить штраф за неисправное хранение, а не я, и в 100-кратном размере!» Кто-то возражал, но с юности знакомый и все же неузнанный голос снова возмущался. Затем дверь хлопнула и стало тихо.

Тогда я вспомнила, что голос принадлежал брату Григория Александровича Гуковского, крупнейшего советского литературоведа, уничтоженного уже после войны, историку и искусствоведу Матвею Александровичу Гуковскому, знатоку Средневековья и эпохи Возрождения, выступления которого я неоднократно слышала во многих местах. Голос дошел до сознания через двадцатипятилетие...

Получив справку, рванулась к телефону, чтобы позвонить сестре, автомат не работал. Незаметно, в поисках автомата, пошла в другую сторону, а оттуда потянуло на Петроградскую, в мою юность. Мы жили с родителями на бывшем Каменноостровском проспекте, рядом с домом Ленфильма.

Не покидало уже забытое чувство неподвластности, независимости, предвосхищения каких-то начал, пусть и поздних. Будто сбросила с плеч 22 года. Легко шагало по набережной Фонтанки, хотела свернуть на Пантелеймоновский мост, но ноги несли все дальше, параллельно Летнему саду, миновала Соляной городок, где когда-то помещался Институт научной педагогики, откуда мы часто возвращались с Колей в конце двадцатых годов через Летний сад и Марсово поле в «Асторию», свернула по Прачешному мостику, Кутузовской набережной вдоль садовой решетки к Троицкому мосту, к родному дому, где как будто меня еще кто-то ждал... Бледное и редкое для Ленинграда декабрьское солнце давно погасло. День серел, но белели снежной бахромой деревья. Свет окрашивался фиолетовой дымкой... Легко и без боли шла по далекому и милому прошлому...

Поглощенная своим, не заметила или не обратила внимания на того, кто зашагал со мной рядом, потом обогнал меня, резко повернул обратно, и мы очутились лицом к лицу. То был Р-в.

Никогда не думала о встрече с ним, выкинула его из памяти. Однако само собой разумелось, что если столкнемся, то воздам по заслугам...

Прошло несколько секунд. Хорошего настроения как не бывало. Оборвав какие-то слова Р., я резко сказала: «Прежде, чем нам вот так говорить, между нами должен произойти иной разговор... в первый и последний раз». Мы остановились. Его мясостое, розовое лицо выщело, щеки обмякли. Он был мне противен, но я уже не хотела отступать ни в коем случае. — «Хорошо, — сказал он, — я согласен и на *такой* разговор с вами, но не на улице, не в общественном месте. К себе вы меня не пустите, так где же? Я живу рядом». Мы уже шли по Каменноостровскому (ныне Кировскому). «Согласитесь зайти ко мне. Вас это нисколько не унижит». Все было неестественно в этой ситуации, не так, как можно себе представить, но теперь я хотела довести разговор до конца.

В жизни у него не бывала, а теперь должна была зайти в квартиру подлеца и провокатора, к чему меня никто не принуждал... Вечером того же дня я не могла объяснить себе того, что произошло. Но тогда я действовала по законам контрлогикки, по какому-то требовательному зову, идущему изнутри. С другой стороны, трезвые мысли руководили мною, я это тоже помню: мне нужно было узнать, как преступники того периода реагируют на события сейчас, к чему готовы?! Я твердо знала, что иду к преступнику.

Когда мы вошли, Р-в, нервничая, попросил молодую женщину с мальчиком лет шести уйти из комнаты и не беспокоить его. Он запер за нами дверь на два оборота. Я сняла пальто и села. Вопросов я более не задавала. Он начал сам, без промедления и очень волнуясь. «Помните, когда мы оба были исключены из аспирантуры и занимались английским языком у вас дома, я вам сказал, что ездил в Псков... Я не ездил в Псков. Я был арестован на три дня, ну и... выпущен. С тех пор все и началось. Вы были для меня кратчайшей прямой. Мне на вас указали. С вас я и начал. Да, это так, я давал сведения о вас, о своей комсомольской организации после восстановления в комсомоле, об аспирантах. Затем задания ширились. От меня требовали сведения о вашей семье. От этого я отказался. Получал другие задания. Сначала давал сведения устно, но такие показания перестали удовлетворять, от меня потребовали письменных сведений за моей подписью и даже дневниковых записей о тех, с кем я встречался по работе. Еженедельно, т.е. каждую неделю в определенный день, я давал все новые и новые сведения об аспирантах ЛИФЛИ, преподавателях, профессорах, о моем руководителе Горловском и других, даже о тех, кто уже сидел. Иногда становился в тупик, не хотел или... да что об этом говорить... Тогда бежал куда-нибудь из Ленинграда, потом возвращался и снова писал и писал. Один раз бежал на год, так как был на грани психоза от двойственности. Не от сомнений и раскаяния, к чему лгать? С этим давно покончено. От какой-то безвыходности своего положения... Меня нашли, вернули,

создали мне условия для написания диссертации. Я ее защитил и ходил уже реже. Но ходил... Вы хотите знать, как теперь? Теперь ко мне приезжают "советоваться". Я свое отбегал. Не приходите в ужас, ведь я уже спокоен. Вы знали, с кем идете говорить... О вас я не говорил много лишнего — минимум возможного при таких обстоятельствах. (Как будто это имело какое-то значение, но таков был ход его рассуждений). Думаете, это все просто? Вами я мучился, я даже написал вам...» — «Да, помню ваше письмо о "подлятинке"».

Он пропустил мое замечание и продолжал: «Это было давно, я рассказываю о себе, как о чужом человеке. После вас было гораздо проще, но не всегда. Требования усложнились. Я делал то, что стало моей второй жизнью, делал тонко, не вызывая подозрений. Балансировал, выкручивался, бывал даже доволен своим умением обманывать и тех и других, сохранял равновесие будучи одинаково нечестен в обе стороны. Ночами взвешивал аргументы и отношения на аптекарских весах, подыскивал правдоподобие вымысла и действительности. Расстался с семьей, надо было жить одному... И все время работал... занимался наукой...» — «При чем тут наука? Такое с наукой несовместимо!» — «Бросьте, в жизни все совместимо! Жизнь не театр, ничего театрального, а не менее драматично... Да, в качестве историка, завкафедрой и декана проповедовал марксизм и величие науки и в то же время... Не будем сентиментальны. Поскольку у меня был выбор, я не захотел сесть. Я не контрреволюционер, не оппозиционер, не враг народа и не романтик. И я сказал себе: "За все надо платить, и я заплатил"».

Быть может, не стоило бы уделять времени этому скверному разговору с Р., если бы он был единичным случаем, но ведь это явление типическое, массовое, с которым каждый встречался в той или иной форме. Его нельзя обойти.

В последних словах он иронизировал над собой, но шок уже прошел, волнение улеглось. Он самоубийственно плевал себя и одновременно входил в привычную колею оправдания своих действий. Путь был избран давно, принят и утвержден. Он не пытался аргументировать государственными соображениями, для этого он был слишком трезв и скептичен и понимал, что притворяться нет смысла. Он показывал себя таким, каким был — удачливым фальшивомонетчиком, только не в банке или на бирже, а в науке. Раз он откровенно пренебрег совестью и теми основами основ, которые приобретаются воспитанием, образованием, убеждениями, то что он мог еще утратить? Что может остановить человека, потерявшего не только потенциал личности, но и сожаление об этом? — Ничего!

«Что ж, Адда Львовна, — говорил он уже спокойно, — будем рассуждать с точки зрения здравого смысла, который руководил моими действиями — вы были намечены и уже обречены, не я —

так другой, вокруг вас были разные люди. Все равно бы вы сели, и я бы сел рядом с вами, какой в этом толк? — Никакого! А так я работаю, и не плохо работаю! Раз решившись, остальное было уже для меня не качеством, а только количеством. Я от этого не повесился и не повешусь. Я все искупаю своей работой. К чему теперь об этом? Назад ни у кого пути нет. Вам я первой и последней сказал потаенное. Тут уж все сошлось... Но зачем оповещать других? Меня многие знают, сотни студентов и аспирантов учились и учатся у меня и по моим книгам. Кроме того, я многим оказал немалые услуги, помните аспиранта Шапиро? Я его вызволил из маленького городка, куда его загнали в борьбе с коспомолитизмом, помог защитить докторскую. Это теперь — мой человек, есть и другие, не он один. Не в их интересах поверить, не захотят... Нет смысла в разоблачениях. Нас слишком много... Никто на эти издержки не пойдет, это бессмысленно. Я за это спокоен. А сколько тех, кто лжет и виляет, не неся никаких моральных издержек? Ведь люди в основном подлы. Иных насквозь вижу — не пишут, не доносят только потому, что их не приперли к стенке...»

Наконец ушла... Больше мы с ним никогда не виделись...

* * *

Реабилитация Николая Игнатьевича должна была радикально изменить нашу жизнь. Прежде всего жизнь врозь, в разных городах, на бивуачных началах и по-прежнему без детей.

Стремилась мы, конечно, в родной Ленинград, куда мечтали перевезти детей. Но пройдет еще долгих три года мытарств, хождений по мукам различных инстанций и учреждений, разъездов по разным городам, пока нам удастся осуществить нашу мечту и прямое правительственное указание о предоставлении реабилитированным и их детям площади по месту их ареста. К тому времени мы уже успеем перейти на пенсию.

Н.Петров

Справка-дополнение

(Суды над работниками НКВД-МГБ)

Сколько же их было в послесталинские годы — судов, подобных тому, о котором рассказала А.Л. Войтоловская? — К сожалению, точных цифр мы не знаем. В газетах 50-х гг. — лишь несколько скупых сообщений. Затем 30 лет молчания. В последние годы тема вновь замелькала в прессе. Раздаются призывы назвать имена преступников; в итоге же — лишь несколько разрозненных фактов, выплывших на страницы периодической печати; фактов, удручающих своей неполнотой, а иногда и недостоверностью.

При составлении данной справки были сведены воедино все доступные нам источники. В подавляющем большинстве это — публикации советской печати. Изредка мы пользовались устной информацией, а также материалами, опубликованными за рубежом.

Первым был осужден сам Л.П. Берия. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались его многолетние ближайшие сподвижники: В.Н. Меркулов — с 1950 г. министр госконтроля СССР, ранее в 1941 и 1943-46 нарком/министр госбезопасности СССР (далее везде ГБ), В.Г. Деканозов, министр внутренних дел (далее везде ВД) Грузии, Б.З. Кобулов, зам. министра ВД СССР, С.А. Гоглидзе, начальник одного из управлений МВД СССР (с 1934 по 1938 нарком ВД Закавказья, потом Грузии), П.Я. Мешик, министр ВД Украины, Л.Е. Влодзимирский, нач. следственной части по особо важным делам МВД СССР. Все они своим выдвижением были обязаны лично Берия. Все были приговорены к расстрелу.

Они были осуждены по закону от 1 декабря 1934 г., означавшему упрощенное судопроизводство и немедленное приведение приговора в исполнение. Судило их Специальное Судебное присутствие Верховного Суда СССР под председательством маршала И.С. Конева в Москве с 18 по 23 декабря 1953 г.

Последующие четыре процесса проводились Военной коллегией Верховного Суда СССР.

2-7 июля 1954 в Москве же прошел процесс над М.Д. Рюминым, арестованным весной 1953 г. Он сделал бурную карьеру в 1951-1952 гг. на «врачах-вредителях», поднявшись за год из следователей до зам. министра ГБ СССР. Известие о расстреле Рюмина было опубликовано 23 июля 1954 г.

На третьем процессе (Ленинград, 14-19 декабря 1954 г.) обвинялись В.С. Абакумов, генерал-полковник, министр ГБ СССР с 1946 до своего ареста в 1951 г., и его близкие сотрудники, которых он привел на руководящие посты в МГБ из СМЕРШа, возглавлявшегося им в 1943-46 гг.: нач. следственной части по особо важным делам МГБ СССР А.Г. Леонов, два его заместителя — В.И. Комаров и М.Т. Лихачев и крупные работники следственной части И.Я. Чернов и Я.М. Броверман. Процесс не случайно проходил в Ленинграде — центральным эпизодом обвинения была фальсификация в

1949-50 гг. так называемого Ленинградского дела. Чернов и Броверман были приговорены к 15 и 25 годам заключения соответственно, остальные — к расстрелу.

Следующий процесс состоялся в сентябре 1955 г. в Тбилиси. Здесь судили верхушку НКВД Грузии 30-х гг., периода, когда партийную организацию там возглавлял Берия: А.Н. Рапаву, Н.М. Рухадзе, Ш.О. Церетели, К.С. Савицкого, Н.А. Кримиана, А.С. Хазана, Г.И. Парамонова, С.Н. Надарая. Первые двое, генерал-лейтенанты, в разные годы руководили НКВД-МГБ Грузии, а Надарая с 30-х гг. до 1953 служил в охране Берия. Парамонов и Надарая получили, соответственно, 25 и 10 лет, остальных приговорили к расстрелу.

Последний из процессов, нашедших отражение в печати 50-х годов, проходил 12-26 апреля 1956 г. в Баку. Центральной фигурой здесь был М.Д. Багиров, многолетний первый секретарь ЦК КП Азербайджана. Вместе с ним перед судом предстали: Т.М. Боршев — в 1937-38 гг. зам. наркома ВД Азербайджана, затем руководитель НКВД-МГБ в Туркмении и Свердловске; Р.А. Маркарьян — в 30-е гг. на руководящих постах в НКВД Азербайджана, с 1943 до ареста в 1953 — нарком/министр ВД Дагестана; Григорян Х.И. — до 1947 г. на высоких должностях в НКВД-МГБ Азербайджана; затем до 1953 — министр ВД Армении; Атакишиев А.С. — в 1950-53 министр ВД Азербайджана; Емельянов С.Ф. — с 1939 по 1953 (с перерывом в 1941-43 гг.) нарком/министр НКВД-МГБ Азербайджана. Емельянов и Атакишиев были приговорены к 25 годам заключения, остальные — к расстрелу.

Первые два из перечисленных процессов были закрытыми, три других официально числились открытыми. Сообщения о них см.: «Правда», 1953, 17 и 24 декабря; 1954, 23 июля и 24 декабря; «Заря Востока», 1955, 22 ноября; «Бакинский рабочий», 1956, 27 мая.

Кроме того, ряд сотрудников НКВД-МГБ, близких к Берия, были осуждены поодиночке.

Давлианидзе С.С., генерал-майор, работал много лет в НКВД-МГБ Грузии, осужден на 25 лет после процесса в Тбилиси, где он выступал свидетелем («Литературная Армения», 1988, №9. С.31).

Людвигов Б.А., один из секретарей Берия, последнее время начальник его канцелярии, осужден в середине 50-х, содержался во Владимирской тюрьме («Минувшее», Париж, 1989, №7. С.370).

Мамулов С.С., генерал-лейтенант (генерал-полковник?) — длительное время начальник секретариата НКВД-МВД СССР, зам. министра внутр. дел СССР, арестован в 1953. Осужден на 15 лет тюремного заключения после процесса над Берия (Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Париж, 1988. С.122-123).

Мильштейн С.Р., генерал-лейтенант — был в 1938 г. выдвинут Берия на работу в НКВД СССР, работал под его началом около 10 лет. В 1946-48 гг. многие крупные работники МГБ-МВД, в том числе и Мильштейн, были переведены на ответственную советскую и хозяйственную работу. Когда в марте 1953 Берия возглавил объединенное министерство ВД СССР, некоторых из них он вернул в свой аппарат. Мильштейн был назначен зам. министра ВД Украины. По сообщению «Аргументов и фактов» (1988, №26), в 50-е гг. он был осужден. Ни даты суда, ни приговора газета не сообщает.

Мичурин-Равер М.Л., генерал-майор, работник НКВД-МГБ Грузии, давал свидетельские показания на процессе Берия. Вероятно, позже он был осужден, хотя точных сведений об этом нет (Военно-исторический журнал. 1989, №5. С.40).

Мусатов Н.А., полковник, выдвинут Т.М. Борщевым на работу в НКВД Азербайджана в 30-е гг. Осужден на 25 лет после процесса над Багировым в Баку (Аргументы и факты. 1988, №26).

Пачулия Г.А. в 1938 — нарком ВД Абхазии. Арестован, видимо, в 1953, находился в заключении вплоть до 70-х (Хроника текущих событий. №17, 18).

Саркисов Р.С., полковник, арестован в 1953 г. как начальник охраны Берия, допрашивался в Прокуратуре; можно предположить, что был осужден (Известия. 1988, 18 октября; Огонек. 1988, №18. С.30).

Судоплатов П.А., генерал-лейтенант, руководящий работник НКВД-МГБ СССР, арестован в 1953; по устным сведениям, симулировал сумасшествие, находился в психиатрической больнице в 1953-58 гг. В 1958 осужден на 15 лет тюремного заключения, считая с 1953, которое отбывал во Владимирской тюрьме (Меньшагин Б.Г. С.217; Минувшее. №7. С.371).

Сумбатов-Топуридзе Ю.Д., генерал-лейтенант, в 1934-38 — нарком ВД Азербайджана, а затем до 1947 в НКВД-МВД СССР, с 1947 г. зам. пред. Совета Министров Азербайджана. Арестован в 1953 г. в связи с делом Багирова, но не был выведен на процесс или в связи со смертью в тюрьме, или, по устным источникам, из-за помещения в психиатрическую больницу. Между тем, в «Очерках истории Коммунистической партии Азербайджана» (Баку, 1963, с.541) он упомянут как осужденный по делу Багирова.

Цанава Л.Ф., генерал-лейтенант, в ГПУ Грузии до 1933, затем на советской работе. С приходом Берия в НКВД перешел в НКВД-МГБ Белоруссии, которое возглавлял до начала 1952 г. Арестован в апреле 1953 по приказу Берия, покончил с собой в тюрьме (Советская Белоруссия. 1988, 23 марта; Вечерний Минск. 1989, 23 января).

Шария П.А. — сотрудник центрального аппарата НКВД СССР в 1938-43 гг., комиссар ГБ 3-го ранга, после войны секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде, арестован в 1952 г. по «мингрельскому делу». В марте 1953 освобожден, а в день ареста Берия вновь арестован. Осужден на 10 лет тюрьмы (Меньшагин Б.Г., там же; Минувшее. №7. С.369).

Эйтингон Н.И. (Л.А.?), генерал-майор, много работал за рубежом, один из организаторов убийства Л.Д. Троцкого (Лит. газета. 1989, 4 января). Осужден в декабре 1953, по одним сведениям, на 15 (Меньшагин Б.Г. С.219), по другим — на 12 (Рапорт В., Алексеев Ю. Измена Родине: Очерки по истории Красной Армии. Лондон, 1988. С.502-504) или на 10 лет тюрьмы (Минувшее. №7. С.372).

Была еще одна категория бывших сотрудников НКВД-МГБ, осужденных в хрущевское время. Это те следователи, чьи имена всплыли вследствие реабилитации крупных деятелей науки, культуры, партии. Нам известны следующие имена.

Кружков Н.Ф., полковник, в период блокады Ленинграда — старший следователь следственного отдела УНКВД по Ленинградской обл., мл. лейтенант госбезопасности, «допускал незаконные методы, физически и мораль-

но воздействовал на допрашиваемых им людей». В тот период принял участие в фабрикации около 20 дел, по которым свыше 60 человек, в основном, ученых и специалистов оборонных предприятий были осуждены как «враги народа». После войны работал в УМГБ по Новгородской обл., а с 1951 г. — нач. управления милиции УМГБ/УМВД по Новгородской обл. В октябре 1955 г. военным трибуналом приговорен к «максимальному сроку лишения свободы» — 25 лет (Мос. новости. 1988, 8 мая; Петров М.Н. На страже законности и правопорядка. Новгород, 1987. С.54-55; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Париж, 1987. Т.1-II. С.154).

Лангфанг А.И., генерал-лейтенант, в 1937-38 вел дело О.Пятницкого, В.Кнорина, еще в 1955 — в «органах»: зам. начальника УКГБ по Красноярскому краю. Осужден в середине 50-х годов (Мос. новости. 1988, 8 мая). Приговор неизвестен.

Либенсон Е.М., в 1939 вел дело М.С. Кедрова, в середине 50-х осужден; смертный приговор ему был заменен 25 годами заключения (Правда. 1989, 17 февраля).

Родос Б.В., полковник, одно время — зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД/НКГБ СССР, в 1938-39 гг. вел дело С.В. Косиор. В 1956 приговорен к расстрелу (Известия ЦК КПСС. 1989, №3. С.168).

Шварцман Л.Л., полковник, одно время — зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД/МГБ СССР, в конце 30-х гг. вел дела Косарева, Бабеля, Кольцова, Мейергольда. В 1956 г. приговорен к расстрелу (Правда. 1988, 19 августа; Лит. газета. 1988, 4 мая).

Еженедельник «Аргументы и факты» (1988, №26) называет еще несколько имен осужденных в 50-е гг. следователей: Родованский И.И., Генкин З.Г., Кулешов Н.А., Марусов (здесь, видимо, речь идет о Я.Н. Матусове. Инициалы Матусова, как и трех предыдущих следователей, проставлены мной. — *Н.П.*).

Таким образом, нам известно всего лишь 51 имя (вместе с Л.Ф. Райхманом, о котором речь пойдет ниже) работников НКВД-МГБ, привлеченных к ответственности после смерти Сталина. Все они были наказаны в 50-е годы. Данными о судах над сотрудниками «органов» ГБ после XXII съезда партии мы не располагаем. Насколько полны наши сведения? Ответить на этот вопрос сейчас почти невозможно. Недавнее интервью зам. председателя КГБ СССР В.П. Пирожкова, к сожалению, не проясняет картину: на вопрос: «Сколько наказано (и как) ежовских и бериевских палачей, следователей, надзирателей?» он ответил: «За грубейшие нарушения социалистической законности 1342 сотрудника НКВД-МГБ были осуждены к различным мерам наказания, в том числе к расстрелу. В их числе Берия, Ежов, Кобулов, Фриновский, Прокофьев, Агранов, Абакумов и другие. Кроме того, 2370 сотрудников наказаны в партийном и административном порядке (уволены, лишены пенсий, званий и т.д.)» (Неделя. 1989, №26. С.8.).

Многое в этом ответе вызывает недоумение. Здесь смешаны (может быть, неосознанно) осужденные нескольких потоков. Прокофьев и Агранов, заместители Ягоды, были осуждены еще при Ежове, Ежов и его заместитель Фриновский — в самом начале бериевского правления в НКВД, о Берии, Кобулове, Абакумове говорилось выше. Далее, вряд ли правомерно утверждать, как это делает генерал-полковник Пирожков, что все 1342 упомянутых

им бывших сотрудника «органов» были осуждены «за грубейшие нарушения социалистической законности». Конечно, на всех процессах 1953-56 гг. звучали обвинения в намеренной фальсификации следственных дел, в незаконных методах ведения следствия, но не это выступало на первый план. И в хрущевские годы продолжали действовать сталинские судебно-следственные стереотипы. И ежовско-бериевских палачей в полном соответствии с их предшествующей практикой обвиняли, как и их коллег в годы «большого террора», в «измене Родине», «шпионаже», «терроре», «вредительстве», «участии в заговорщических группах» и т.д. (статья 58-1 «б», 58-8, 58-7, 58-11 УК РСФСР). Исключение составил, пожалуй, один М.Д. Рюмин — ему инкриминировали лишь 58-7 («вредительство»).

Нам кажется, что когда В.П. Пирожков называет цифру 1342, то он имеет в виду общую цифру сотрудников «органов», осужденных в разные годы и не е р е а б и л и т и р о в а н н ы х на сегодняшний день. Совершенно очевидно, что количество осужденных в хрущевское время среди этих 1342-х — ничтожно. Думается, что цифра 51 человек, которую назвали мы, хотя и меньше истинной, но вряд ли отличается от нее на порядок. Маловероятно, чтобы общее число сотрудников НКВД-МГБ, привлеченных в 50-е гг. к суду за их предшествующие деяния, превысило, например, 100 человек¹.

Другое дело, когда речь идет о административных наказаниях. Таких людей могло быть довольно много. Однако в печать эти сведения почти не проникли, и дать здесь какую-либо количественную оценку мы и вовсе затрудняемся. Известно лишь, что в 1962 г. некоторые из бывших сотрудников «органов» вынуждены были объясняться в ЦК КПСС, и кое-кого даже исключили из партии. Генерал-лейтенант в отставке А.А. Авсевиц давал объяснения в ЦК КПСС о своем участии в расследовании дела Тухачевского. В 1937 г. он, будучи начальником отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, применял «зверские жестокие методы» к подследственным (Известия ЦК КПСС. 1989, №4. С.48). В 1956 г. он допрашивался об этом в Прокуратуре СССР, но так и не ясно, был ли он впоследствии осужден (Красная звезда. 1988, 4 июля).

В 1962 г. был изгнан из партии следователь, ведший дело Н.И. Вавилова, А.Г. Хват. В 1956 г. его допрашивали в Прокуратуре, но обвинение ему так и не было предъявлено, а в 1957 дело и вовсе было прекращено (Сельская молодежь. 1989. №6. С.41).

До сих пор добивается восстановления в КПСС О.О. Шихмурадов, бывший начальник отдела НКВД Туркменской ССР, а ныне работник Ашхабадского НИИ педагогических наук. Еще в 1940 г. он был изгнан из органов НКВД «за нарушение соцзаконности», но тогда судьба была к нему благосклонна, его карьера продолжалась, и к началу 50-х он уже секретарь ЦК

¹ В связи с этим возникает еще одна проблема. Во второй половине 30-х было уничтожено не менее 20 тысяч чекистов. Почти все они сейчас реабилитированы, т.е., по-видимому, не считаются «нарушителями соц. законности». Но ведь среди них множество таких, кто несомненно несет прямую ответственность за проведение массовых репрессий. Это, например, В.А. Балицкий, С.Ф. Реденс, Л.Б. Залин, М.Д. Берман и др. Велика ли разница между ними и теми, кого назвал Пирожков? Чем, скажем, Прокофьев хуже Балицкого? И т.д.

КП(б) Туркменистана. Лишь позже его исключили из партии (Сов. культура. 1989, 2 сентября).

А.М. Алемасов — бывший нарком ВД Татарии, а затем первый секретарь Татарского обкома партии, пытавший и избивавший арестованных, получил в декабре 1962 г. всего лишь строгий выговор по партийной линии «за нарушение в прошлом социальности» (Сов. Татария. 1988, 3 августа).

Примерно тогда же в Белоруссии был исключен из партии М.Ф. Дечко — в 1930-е гг. оперуполномоченный Мозырского окружного отдела НКВД. Еще в 1958 г. он был снят с поста зам. пред. КГБ при СМ БССР и выведен из кандидатов в члены ЦК КПБ, хотя широкой огласки это событие не получило, т.к. членами бюро ЦК КП Белоруссии было принято решение «не создавать новую кампанию, не поднимать шумиху», а постепенно освобождать скомпрометировавших себя лиц от руководящих должностей (Неман. 1989, №8. С.159)².

Волна разбирательства продлилась недолго, а вскоре опыт некоторых «заслуженных чекистов» даже пригодился.

В 1968 г., в разгар «Пражской весны» были направлены в ЧССР генерал-майор А.Д. Бесчастнов и полковник В.А. Боярский. Последний уже бывал в Чехословакии в качестве советника МГБ и руководил подготовкой судебного процесса над Р.Сланским в 1952 г. (Иностранная литература. 1989, №4. С.237-238). Еще более ранний послужной список Боярского столь же впечатляющ: в 1939 г., будучи лейтенантом госбезопасности, сотрудником НКВД Северо-Осетинской АССР, он сфальсифицировал дело против 103-х человек, из которых 51 был расстрелян. В годы хрущевской оттепели он отделался легким испугом (исключение из партии), и лишь в наши дни, в Институте проблем комплексного освоения недр АН СССР, где работал д.т.н. профессор В.А. Боярский, состоялось собрание, после которого он был изгнан с работы и лишен научных званий и степени. (Московские новости. 1990. №10).

Бесчастнов с 1937 в «органах» госбезопасности, после войны — полковник, начальник УМГБ по Сталинградской области. После командировки в Чехословакию вскоре стал председателем КГБ Узбекистана, генерал-лейтенант, в годы «позднего застоя» даже опубликовал свои воспоминания (см. Новый мир. 1981, №12).

Можно с уверенностью предположить, что если бы география служебных подвигов Бесчастного и Боярского в 30-40-е гг. была иная и включала, скажем, Закавказье, то тогда, учитывая их ранг на соответствующие годы, они неизбежно оказались бы подсудимыми на одном из процессов 50-х гг. Ибо глубинный смысл этих процессов, как легко можно догадаться, был не столько в наказании «нарушителей социалистической законности», сколько в устранении близких к Берия и Абакумову лиц. Совершенно очевидно, что если руководство страны решилось бы на возбуждение уголовных дел против следователей-палачей НКВД-МГБ в с е р ь е з, то пришлось бы привлечь к суду не десятки, а тысячи сотрудников карательных органов. В целом процесс наказания бывших работников «органов», повинных в репрес-

² За период с 1956 по 1961 гг. КПК при ЦК КПСС и местными партийными органами рассмотрено 387 персональных дел «коммунистов, виновных в грубом нарушении социалистической законности» и 347 из них исключены из партии (Известия ЦК КПСС. 1989, №11. С.59).

сиях, проходил вяло и непоследовательно, и не всегда можно понять, почему же к ответственности было привлечено то, а не иное лицо³. Нам кажется, здесь играли роль многие случайные обстоятельства. К примеру, Л.Ф. Райхман, о котором идет речь в воспоминаниях А.Л. Войтоловской, для 1937 г. следователь вполне заурядный, по-видимому, даже не отличавшийся особым садизмом.

Л.Ф. Райхман родился в 1908 г., до 1937 работал в УНКВД Ленинградской области, затем был переведен в Москву в центральный аппарат НКВД. Здесь, в секретно-политическом отделе, сделал быструю карьеру. В 1940 он — майор госбезопасности, в 1945 — генерал-лейтенант. Выезжал в командировки, в том числе на Украину (в 1938 и после войны, в 1946-51 гг.). В 1951 г. был арестован. Похоже, его арест прошел помимо Берия. Это можно предположить из того, что весной 1953 он был освобожден по приказу Берия и ему были возвращены его прежние регалии. Но именно это освобождение, мы думаем, и послужило причиной его ареста после падения Берия (то же произошло с арестованными еще при жизни Сталина по «мингрельскому делу» Шария и Рапава).

По слухам, Райхман был осужден в августе 1956 г., всего лишь по статье 193-17а («халатность») на 5 лет и с учетом отбытого вскоре освобожден. До последнего времени жил в Москве⁴. Умер 14 марта 1990 года.

³ Характерный пример — Г.Г. Карпов, работавший в 1937-38 гг. в Ленинградском УНКВД, а затем начальником Псковского окружного отдела НКВД, избежал наказания в 1941 г., когда после суда над бывшими работниками Псковского НКВД военная коллегия войск НКВД Ленинградского военного округа вынесла определение о возбуждении уголовного дела против него. В 1956-57 гг. к делу Карпова, работавшего тогда председателем Совета по делам Рус. Православной Церкви при СМ СССР, вернулись. Рассмотрев имеющийся материал на него, в КПК при ЦК КПСС записали такое решение: «За допущенные нарушения социалистической законности в 1937-38 гг. т.Карпов Г.Г. заслуживал исключения из КПСС, но, учитывая давность совершенных им проступков и положительную работу в последующие годы, Комитет партийного контроля ограничился в отношении т.Карпова Г.Г. объявлением ему строгого выговора с занесением в учетную карточку» (Известия ЦК КПСС. 1989. №11. С.53).

Вот как описывает следственные приемы Карпова арестованный в 1937 г. в Ленинграде А.К. Тамми, которому запомнились, по его выражению, только «садисты из садистов»: «...Карпов сначала молотил табуреткой, а затем душил кожаным ремнем, медленно его закручивая...» (Сельская молодежь. 1989. №10. С.11).

⁴ См. интервью с ним в статье: Абаринов В. Вокруг Катыни. // Лит. газета. 1989. №36. С.14.

Корректирующее примечание. За время, пока данный материал находился в производстве, стало известно еще об одном крупном работнике НКВД-МВД, расстрелянном в 1950-е гг. Это генерал-лейтенант А.З. Кобулов (брат Б.З. Кобулова), в 1939 зам. наркома ВД Украины, в 1939-1941 — резидент НКВД в Берлине, затем нарком ВД Узбекистана (Известия. 1990, 5 мая).

ΠΑΝΟΡΑΜΑ

ПОСЛЕ ОБСТРЕЛА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Публикация В.Седельникова

О судьбе Кремля во время октябрьско-ноябрьских боев 1917 г. и о тех повреждениях, которые получил тогда архитектурный ансамбль, известно немного. Воспоминания современников и документы той эпохи в основном сообщают о внешних разрушениях памятника. Приказом Московского военно-революционного комитета (МВРК) от 31 октября перед Мастерскими тяжелой осадной артиллерии¹ ставилась такая боевая задача: «обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позицию и немедленно приступить к обстрелу»². В одном из путеводителей 1920-х годов говорилось, что красные обстреливали «Кремль с Никольской ул., из Верхних торговых рядов, со Страстной площади, с Бабьегородской плотины, со стороны Швивой горки, от Бутиковских казарм, от фабрики Эйнем, от центральной электрической станции, с Пресни, из Рогожского района, наконец, 1 ноября его начинают обстреливать из тяжелых орудий с Воробьевых гор. При таком усиленном обстреле неизбежны были повреждения: особенно сильно пострадала церковь 12 апостолов, Большой дворец, Благовещенский собор, купол Успенского собора, Патриаршая ризница, Чудов монастырь и митрополичьи покои при нем, Беклемишевская, Никольская и Спасская башни (на последней помещался наблюдательный пункт белых, по которому красные и дали один орудийный выстрел, повредивший часы)»³.

Известный искусствовед А.М. Эфрос писал, что «при бомбардировке не осталось нетронутым ни одно кремлевское сооружение: следы — от пулевых

¹ Мастерские тяжелой осадной артиллерии (Мастяжарт), образованные в годы первой мировой войны, располагались на Ладужской улице в доме 27-29. В их состав входили также котельный завод б.Кудлинг и жестяная фабрика б.Бонакер, находившиеся на Николаевской (ныне Ткацкой) улице. Штат мастерских состоял не только из рабочих, но и из солдат. На момент восстания там было 60 отремонтированных орудий, перешедших в распоряжение красных. В обстреле Кремля принимало участие даже одно 42-дюймовое орудие, доставленное из мастерских в центр города. (По революционной Москве: Историко-топографический справочник-путеводитель. М., 1926. С.248, 262; 1917 год в Москве. М., 1957. С.7-8, 111, 129).

² Цит. по кн.: 1917 год в Москве. М., 1957. С.170.

³ По революционной Москве: Историко-топографический справочник-путеводитель. М., 1926. С.206. Никольская улица — ныне 25 Октября; Верхние торговые ряды — здание ГУМа; Страстная площадь — Пушкинская; Бабьегородская плотина, стоявшая выше Б.Каменного моста между Берсеневской и Кропоткинской набережными, разобрана в 1937 г.; Швивая горка — улица Володарского; в Бутиковских казармах жили рабочие одноименной мануфактуры (теперь ткацко-отделочная фабрика №2), помещались вблизи Остоженки; фабрика Эйнем — кондитерская фабрика «Красный Октябрь» на Берсеневской набережной; Центральная трамвайная электрическая станция на Болотной набережной; с Воробьевых (Ленинских) гор обстрел велся из 6-дюймовых орудий.

пробоин до снарядных зияний — есть на каждом. Меньше всех пострадал как раз наименее значительный в художественном отношении Большой Кремлевский Дворец. Сильнее всего разворочен Чудов монастырь. Его стены, окна, крыльцо представляли сплошную рану. Стены пробиты насквозь, искрошены наличники окон, разбиты колонны крыльца; внутренние части монастырских помещений, главным образом архиерейские покои, чрезвычайно пострадали. [...] Благовещенский собор лишился интересной и художественно-ценной детали — чудесного крытого «итальянского» крыльца, носящего кличку «крыльцо Ивана Грозного», у него разбит снарядом и осыпался весь угол [...]. Непоправимую рану нанесли снаряды пленительной церкви «Спаса за Золотой Решеткой»: у нее оторван изразцовый угол, и большая часть осыпавшихся изразцов, столь знаменитых своей художественностью и тонкостью выделки, искрошена и непригодна...»⁴.

Как сообщала командированная в Москву комиссия Академии Художеств, были «сильно обстреляны по центральной части Никольские ворота; в Троицких воротах отбит угол балюстрады, есть и другие небольшие повреждения. Сильно пострадал Никольский (Малый Николаевский — В.С.) дворец, Вознесенский монастырь и здание окружного суда»⁵.

А вот каким увидел Кремль Джон Рид, побывавший в нем вскоре после обстрела: «Малый Николаевский дворец... был обстрелян артиллерийским огнем и, действительно, очень сильно пострадал. Но, к счастью, в нем нет ничего такого, что представляло бы собою особую историческую ценность. В Успенском соборе пробита брешь в одном из куполов, но снаряд повредил лишь несколько квадратных футов мозаики, покрывающей потолок. Значительно повреждены снарядами фрески на портале Благовещенского собора. Другим снарядом отбит угол колокольни Ивана Великого. В Чудов монастырь попало до 30 снарядов, но только один из них пролетел через окно внутрь помещения, все же прочие разорвались, ударившись о прочные кирпичные стены или карнизы крыши. Испорчены часы на Спасской башне. Троицкие ворота повреждены обстрелом, но их легко ремонтировать. С одной из угловых башен сорвана остроконечная крыша»⁶.

Тот же Джон Рид описал историю с А.В. Луначарским, подавшим в отставку с поста наркома по просвещению под влиянием сообщений о московских разрушениях. И сам Анатолий Васильевич позднее вспоминал: «Пишущий эти строки был напуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками временного правительства, и подвергся по этому поводу серьезной «обработке» со стороны великого вождя. Между прочим ему были сказаны такие слова: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?»⁷

⁴ А.Эфрос. Письмо из Москвы. // Аполлон. 1917. №8-10. С.105.

⁵ А. Ростиславов. Октябрьские события. // Аполлон. 1917. №6-7. С.81.

⁶ Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С.308-309.

⁷ Литературное наследство: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Т.80. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С.46.

Бомбардировку Кремля пытались представить чуть ли не актом гуманизма. «Правда» писала в ноябре 1917 г.: «Брать штурмом Кремль и дома, где засели юнкера, было бы безумием... Так[им] обр[азом], применение артиллерийского огня диктовалось простым соображением: ликвидировать бойню так, чтобы количество человеческих жертв было бы минимальным»⁸. (В то же время в боях за телефонную станцию в Милютинском переулке МВРК вообще запретил применение артиллерии, желая оградить этот утилитарный объект от серьезных повреждений⁹.)

Правда, в 1918 г. в Кремле начались ремонтно-реставрационные работы. К сожалению, не все можно было воссоздать в прежнем виде. Отмечалось, в частности, что нельзя отреставрировать «снесенную снарядом верхушку Свибловой Беклемишевой башни, древнейшей из всех сохранившихся нетронутыми до наших дней. [...] ибо не существует точных обмеров...»¹⁰. Однако, несмотря на это, в целом реставрация Кремля была выполнена на достаточно высоком научном уровне¹¹. К несчастью, в годы вскоре наступившего богоборчества и сталинской реконструкции столицы все пошло насамарку. Именно тогда были снесены Малый Николаевский дворец, Вознесенский и Чудов монастыри. То, что пострадало, но все-таки уцелело в дни революционных боев, ушло в небытие в тридцатые.

Еще меньше знаем мы о потерях, которые понесли внутренние помещения кремлевских зданий. «Все ценности дворцов, Грановитой и Оружейной палат, Патриаршей ризницы и все остальное было на местах, было цело», — успокаивает нас В.Д. Бонч-Бруевич¹². Есть, однако, и другие свидетельства. Например, о том, что «во время бомбардировки снаряд пробил стену ризницы и, разорвавшись внутри ее, довольно серьезно повредил ряд драгоценных предметов, хранившихся в ней»¹³. Серьезно пострадал интерьер Петропавловской церкви Малого Николаевского дворца. Здесь орудийным снарядом была пробита алтарная стена, сень над престолом, разрушена верхняя часть иконостаса¹⁴. После захвата Кремля красными войсками, к сожалению, имели место и попытки грабежей, одну из которых описал художник Е.В. Орановский, начавший в то время работу в Комиссии по охране памятников искусства и старины и сразу после боев оказавшийся в Кремле: «Около Мало-Николаевского дворца люди из солдатских шинелей спешно укладывали на возы мебель красного дерева. Кто они и по чьему приказу действуют, установить нам не удалось, спешно распорядились по караулу: подвод из Кремля не

⁸ Цит. по кн.: Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность. Повесть об Эрмитаже в трех частях. Ч.1 и 2. Л., 1986. С.68.

⁹ 1917 год в Москве. М., 1957. С.176-178. Милютинский переулок — ныне улица Мархлевского.

¹⁰ Эфрос А. Указ. соч. С.105.

¹¹ См. об этом: Рогожин Н.М. Документы по истории восстановления, реставрации памятников и организации музеев Московского Кремля (1917-1920 годы) // Советские архивы. 1978. №1. С.76-80; Бычков Ю.А. «Восстанавливайте все, как было, делайте прочно и хорошо» // Памятники Отечества. 1987. №2(16). С.12-18.

¹² Бонч-Бруевич Вл. Кремль в октябре семнадцатого. // Красная новь. 1932. №11. С.208. См. также: Смирнова Е. Оружейная палата после Октября (1917-1923 гг.) // Курьезы: Историко-краеведческий альманах. М., 1983. С.280.

¹³ Эфрос А. Указ. соч. С.106.

¹⁴ Рогожин Н.М. Указ. соч. С.76.

выпускать. Я побежал звонить т. Берзиню, военному коменданту Москвы. Мне посчастливилось его сразу застать. Он ответил лаконично: "Еду!". Военный комендант примчался через считанные минуты, мародеры были арестованы, но это происшествие, хотя оно и закончилось благополучно, с наглядностью показало, что для сбережения кремлевских ценностей необходимы срочные и решительные действия революционной власти»¹⁵.

Не все подобные случаи имели столь благополучный конец. Так, «из Оружейной палаты, через разбитое окно, не заложённое кирпичами, несмотря на указание дворцовой комиссии по охране, было вынута из витрины каким-то способом несколько золотых монет [...], и несколько серебряных солонок похищено солдатами из дворцовой утвари, солонок, по счастью, малой материальной и художественной ценности»¹⁶.

В январе 1918 г. была ограблена уже пострадавшая от снаряда Патриаршая ризница. Преступление было раскрыто, однако утешения этот факт не принес — большинство похищенных сокровищ погибло. Грабители, опасаясь сбывать ценности в их первоначальном виде, рубили их на куски, переплавляли, выковыривали камни и т.п. Современники отмечали «ту изумительную обстановку, при которой грабители действовали; окончательно выясняется, что ризницу очищали несколько дней подряд, забирали, что хотели, уносили в мешках, прятали мешки на кремлевских стенах, потом переправляли дальше, а кругом была зевота и спокойствие, точно никому никакого дела до надзора и охраны не было; проходил день за днем, ризница стояла опустошенная, уже плавилась, рубились и сбывались драгоценности, а о разгроме никто ничего не знал, пока, наконец, хранитель ризницы не заглянул в нее»¹⁷.

А вот более ранний погром располагавшегося в Троицкой башне Кремля Московского отделения Общего архива бывшего Министерства двора происходил, можно сказать, на глазах его хранителей, отнюдь не остававшихся равнодушными. Ниже приводятся тексты двух документов, обнаруженных в ЦГИА СССР¹⁸ и свидетельствующих о «стихийном пренебрежении и столь же стихийной ненависти, уничтожавшей не только живые, противоборствующие силы старины, но и ее документальное наследие»¹⁹.

¹⁵ Цит. по кн.: Варшавский С., Рест Б. Указ. соч. С.70.

¹⁶ Эфрос А. Указ. соч. С.106.

¹⁷ Там же. С.113. По свидетельству А.Эфроса, грабившие ризницу братья Полежаевы, которые наверняка могли многое прояснить, ушли из жизни раньше, чем успели это сделать: один был убит во время ареста, второй — при попытке к бегству, третий — удушился в тюрьме.

¹⁸ ЦГИА СССР. Ф.484. Оп.1. Д.1854. Л.6-10. Автор выражает глубокую признательность сотруднице архива Г.Е. Соминич, обратившей его внимание на столь интересный источник.

¹⁹ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. // Русский исторический журнал. 1918. Кн.5. С.206-207.

Б[ывшее] Министерство Двора
И[сполняющий] д[олжность]
заведывающего Московским
отделением Общего архива
17 ноября 1917 г.
№1
Кремль. Троицкая башня.

Господину Заведывающему
Общим архивом б[ывшего]
Министерства двора

Препровождая при сем протокол осмотра архива от 17-го ноября с[его] г[ода], считаю своим долгом представить следующее.

Как только окончилась междуусобная кровавая распря в Москве и явилась возможность проникнуть в Кремль, были поставлены от Дворцового управления охранные солдаты, удостоверявшие личность дворцовых служащих, я по случаю нездоровья немедленно командировал архивариуса Пушкина и чиновника Брауна в Кремль с бумагой в Дворцовое управление, прося последнее принять меры охраны, так как с 27-го октября ключи от запертого архива по установленному порядку были оставлены караульной дворцовой команде. Названные лица, Пушкин и Браун, войдя в Кремль в понедельник 6-го ноября, прежде всего обратились к князю Одоевскому-Маслову с просьбой об охране архива. Князь Одоевский-Маслов сказал, что у него нет власти, которая перешла в Кремле к представителям Военно-революционного комитета, во главе с комендантом Кремля¹. Обратившись к нему, архивариус Пушкин и чиновник Браун усиленно просили об охране архива и о допуске их туда для осмотра, в каком положении находятся архивные дела. Архивариус Пушкин настоятельно просил о немедленном допуске в архив еще и потому, что беспокоился о лежавших в его столе казенных деньгах в сумме свыше 500 рублей. Получавшиеся казенные деньги обычно сохранялись архивариусом Пушкиным в его столе до полной их раздачи служащим в архиве лицам. Так практиковалось прежде, так было и ко времени последнего вооруженного восстания в Москве. В ящике у архивариуса Пушкина находились: 100 р[ублей] неистраченных авансовых денег; невыданные болевшему чиновнику Стравинскому последние % усиленные прибавки², около 200 руб[лей], ему же, Стравинскому невыданное жалованье за октябрь месяц 49 р[ублей] — насколько помнит архивариус Пушкин; невыданное архивариусу Успенскому жалованье за октябрь месяц 87 р[ублей] с коп[ейками] и невыданное архивариусу Пушкину жалованье за октябрь мес[яц] — 130 р[ублей] 66 к[опеек]. Требовательные денежные ведомости не найдены. На настоятельные просьбы о допуске комендант Кремля А.Штыканов отвечал отказом, мотивируя его тем, что он без указания командующего войсками Муралова или же начальника штаба поручика Морозова

не может разрешить допуска. Пошедший тогда же в понедельник в Военно-революционный комитет Пушкин уже не застал приема и, вернувшись обратно в Кремль, снова безрезультатно просил о допуске. Комендант Штыканов уверял только в одном, что он усилит караул в Троицкой башне, и никто туда доступа иметь не будет, а расположение башни он — комендант хорошо знает. Во вторник, 7 ноября архивариус Пушкин был в Военно-революционном комитете у начальника штаба пор[учика] Морозова и, изложив ему свою просьбу, услышал ответ: «да зачем Вы сюда пришли, пустить Вас в башню всецело в ведении коменданта Кремля, и это он мог свободно сделать и вчера, в понедельник 6-го ноября». И только на просьбу архивариуса Пушкина снабдить его бумагой пор[учик] Морозов дал таковую со следующим содержанием: «Коменданту Кремля. Принять меры к охране Дворцового архива и впустить Пушкина в помещение Троицкой башни». Придя с этой бумагой из Военно-революционного комитета в Кремль к коменданту Штыканову, архивариус Пушкин вместе с ним отправился в архив, где во внутреннем помещении они встретили бродивших солдат. Комендант сказал архивариусу Пушкину, что он сейчас еще двум дал хорошую головомойку и сдал их караульным. Когда же архивариус Пушкин вместе с комендантом вышли на стену к караульным солдатам, то последние сказали, что солдаты, сданные им комендантом, вырвались и убежали. На запрос коменданта, зачем они пускают всяких солдат, караульные отвечали: «да их тут много шляется, почем мы их знаем». В самом же архиве, именно в хранилище, куда вместе с комендантом поднялся архивариус Пушкин, было найдено открытым упоминаемое в протоколе³ окно из архива на кремлевскую стену к Арсеналу, через которое могли иметь свободный доступ в архив солдаты. Окно тут же было затворено и затем заперто на железный ставень. Что же могли более мы, чины Московского отделения, сделать по защите архива, когда главные кремлевские власти, не допуская нас в архив, не принимали, как видно из изложенного, надлежащих мер к охране архива в его целом, вопреки своим словам?

Ввиду того, что все замки были сломаны, архивариус Пушкин после осмотра архива, 7-го ноября во вторник, просил ки[язя] Одоевского-Маслова дать приказание дворцовому слесарю Беренсу о починке замка от главной входной двери в башню с кремлевской стены. Беренс, к которому тотчас же обратился архивариус Пушкин, сказал, что в виду вечера, — был 5-й ч[ас] дня, — он приняться за работу не может и вынет замок в среду 8-го и займется, насколько можно, его починкой. В среду же, 8-го числа архивариус Пушкин, отправившись в Кремль и узнав от Беренса, что замок, ввиду его сложности, починить скоро нельзя⁴, взял Беренса в архив и закрыл все двери, иные просто забил гвоздями, иные же запер на отмычки. Таким образом

архив был фактически изолирован от доступа в него посторонних лиц со среды 8-го ноября.

Приступить *in cogrore*⁵ к осмотру архива ранее 17-го ноября я не мог по той причине, что от главной входной двери в архив с кремлевской стены замок не был сделан до 15-го ноября, и только тогда, когда замок был готов, явилась возможность отомкнуть все двери, заколоченные на гвозди, т.е. произвести самый осмотр и составить после него прилагаемый протокол.

И[справляющий] д[олжность] заведывающего С.Кологривов
Архивариус Б.Пушкин

К №1-му

Акт осмотра

Тысяча девятьсот семнадцатого года ноября семнадцатого дня мы, нижеподписавшиеся, чины Московского отделения Общего Архива бывш[его] Министерства двора (бывшего) Московского Дворцового архива), помещающегося в Троицкой башне в Кремле, в составе: и[справляющего] д[олжность] заведывающего отделением С.Н. Кологривова, архивариуса Б.С. Пушкина, чиновников Ф.А. Брауна и М.Л. Стравинского, придя в помещение архива, составили настоящий акт осмотра, причем помещение названного архива и дела оногo после вооруженного восстания 28 октября — 3 ноября сего года представились нам в следующем виде:

Все запертые двери в Московском отделении, за исключением немногих незапертых, взломаны и все помещения архива носят следы самого грубого, самого варварского обращения с документами отделения.

Прежде всего и больше всего разрушение коснулось канцелярии. Она подверглась беспощадному и дикому погрому; все ее шкапы с находившимися в них: 1) ценнейшими для изучения истории и жизни русского народа и государства за XVII-XX вв. документами, 2) имевшимися в одном экземпляре и притом рукописными описями ко всем архивным документам, 3) разнообразной по научному содержанию и ценности библиотечной отделения, 4) специальными делами по канцелярии архива — разбиты и стащены со своих мест. Не говоря уже о канцелярских материалах: как-то: бумаге, чернилах, перьях, ручках, штемпелях, карандашах, резинках и т.п.: все это исчезло из разгромленных шкафов.

На полу канцелярии, равно как и [в] других помещениях архива, даже на самой кремлевской стене, откуда вход в помещение архива, в безобразном хаосе валяются книги библиотеки, подвергнувшиеся

— отметим — почти всецело расхищению и разграблению, разорванные печатные издания отделения, посвященные систематическому описанию документов архива с древнейших годов, затем изуродованные архивные документы, листки и клочки разных канцелярских дел, тысячи алфавитных карточек, за долгие десятки лет терпеливо и кропотливо сработанные архивными тружениками на благо и просвещение русского народа, на разработку его отечественной истории и описания различных памятников искусства и быта русской жизни за разные ее периоды.

Отметим наиболее яркие черты вандализма. Вот лежит богато изданный, в дорогом позолоченном переплете, коронационный сборник 1896 г., он весь исколот штыками. Со стены сорваны часы, механизм из них выдран и только один разбитый футляр от часов валяется на полу. Большой диван в кабинете заведывающего мало того, что разбит, но и вспорот, и торчат выдранные наружу пружины. Не было пощады дано даже старому самовару — он разворочен штыками. Все портреты царствовавших лиц, давно уже снятые со стен и лежавшие в стороне за шкафами, обезображены до неузнаваемости⁶. Часть стен облита чернилами и украшена надписями — есть и прямо заборного характера — посредством обмакнутого в чернила пальца.

Кроме шкафов, в канцелярии разбиты все столы и из ящиков столов исчезли всякого рода хранившиеся там ведомости, оправдательные документы, списки и т[ому] п[одобные] архивно-канцелярские материалы; поломана вместе со столами и архивная мебель, побита электрическая арматура, телефон, исчезло настенное зеркало. Тут же валяются остатки тех орудий, которыми производился разгром архива: штык от русской винтовки и саперная солдатская лопатка.

Сказать сейчас, что погибло и что уцелело в разгромленной канцелярии, невозможно до проверки, требующей громадного количества времени. И тем не менее при описанном диком вандализме и сейчас есть много оснований опасаться⁷ за гибель многих описей к делам XVII-XX вв., без которых немислимо пользоваться архивными документами, а равным образом различных дел по канцелярии, специально-архивных дел и старых планов, бывших в канцелярии п[е]ред восстанием для нужд занимавшихся в архиве лиц. Всего более пострадали описи к делам XVIII в.; а при утере описей немисливо сделать учет наличности архивных документов, ввиду фактически невозможности определить, какие дела по этим описям действительно уничтожены при последнем московском восстании и какие дела по этим описям могли быть переданы в другие учреждения и только в силу этой законной причины в архиве не имеются. Немисливо поэтому пользоваться многими, быть может, тысячами дел;

и ради достижения в ближайшем же будущем прямой и необходимой задачи — открыть для пользования общества целые отделы документов — несомненно придется опять составлять, взамен утраченных ныне, описи к делам, т.е. проделать ту же работу, с которой Дворцовый архив начал свое общественное служение 50 лет тому назад⁸.

Укажем еще, как совершившийся факт, полное уничтожение бывшего в канцелярии в особо запечатанном ящике архива [оставшегося] после покойного гр[афа] П.А. Шувалова, бывшего между прочим русским послом в Германии⁹. От этого шуваловского архива остались жалкие следы, и его особенно усердно растаскивали солдаты по свидетельству очевидцев — сторожей отделения.

Укажем также факт грабежа со взломом. При разгроме архива из взломанного канцелярского стола, целого еще 4 ноября, были похищены казенные деньги свыше 500 рублей, и также трудовые деньги служащих в архиве лиц, живущих от 20 до 20 числа¹⁰; раскрадено из разбитых сундуков сторожей отделения накопленное ими имущество.

От описания разгрома канцелярии перейдем к описанию самого архивного хранилища. Все три ведущие в него двери стоят взломанными, и около одной валяется и орудие взлома — лом.

Здесь, в хранилище, поиски грабителей шли по многим местам, но не сплошь, причем неуклонно разбивались все встречавшиеся на пути ящики, и запертые на ключ и отпертые; поэтому особенно пострадали: большой ящик с различными документами и чертежами, пожертвованный в Московское отделение ныне покойным П.В. Жуковским; ящики, хранившие древнейшие столбцы¹¹, перевернуты и опрокинуты даже ящики, хранившие старые рогожи, бумагу, веревки и т[ому] п[одобный] архивный хлам; разбиты шкафы-ящики для пожарных рукавов, самые же рукава отрезаны.

В частности, в отделении столбцов и древнейших книг (т[ак] н[азываемых] викторовских, по составленному А.Викторовым их описанию¹²) открыты и перерыты многие картоны¹³ со столбцами, выхвачены и частью тут же кинуты книги; есть в этом отделении, можно полагать, книги исчезнувшие или вернее выкраденные, судя по образовавшимся на полках пустотам на тех местах, где стояли книги. Перерыты и папки с планами.

В других отделениях архивного хранилища, где находятся дела XVIII века, в разных местах повытасканы с полок и несомненно покрадены дела, причем со многих дел содраны старые кожаные переплеты и тут же брошены, самих же дел не видно. Этими переплетами интересовались в целях продажи и искали их очень усердно, забывая, что старая кожа к делу негодна, особенно если отрывать ее

кусками, как и было¹⁴. В одном месте хранилища вскрыто окно, выходящее на кремлевскую стену, что ведет к Арсеналу, откуда и куда несомненно шло сообщение, тем более удобное, что проникать этим (от Арсенала и в Арсенал) путем можно было, минуя стоявший у входа в архив, около Троицкой башни, солдатский караул.

Вообще же определить потери, понесенные Московским отделением, до производства общей проверки всего состава архива нельзя. Одно только можно констатировать в заключение: та культурная ценность, — в смысле описания документов, составления к ним карточек, алфавитных указателей и т[ому] под[обного], — которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благо просвещение всех русских граждан, в корне разбита, разрушена; те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших ее времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т.к. разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места.

Когда совершился разгром архива? Описанное опустошение совершено, по словам и[справляющих] о[бязанности] сторожей отделения, живущих в Кремле и бывавших в учреждении, между 3-6 ноября с[его] г[ода], когда Кремль, после ухода юнкеров, был во власти большевиков¹⁵.

Что в разгроме архива участвовали солдаты, об этом, кроме показаний живущих в Кремле сторожей архива, говорит случайно найденный в архиве документ среди хаоса на полу в канцелярии — письмо солдата. Приводим его текст, исправив орфографию и утраченные буквы письма заключая в скобки.

«1917 года 30 октября, во первых строках моего письма дорогой моей маме Анне Михайловне от вашего Евгения Ивановича посылаю я вам, дорогая мама, свое заочное почтение, которое может существовать по гроб вашей жизни; и еще уведомляю я вас, что я сейчас нахожусь в нестройной роте, сейчас на позицию не (по)еду». Дальше письмо вырвано и остались отдельные слова, не дающие определенного смысла. Потом идет следующий более сохранившийся текст: «Ещ(е) низко кланяюсь дорогим сестрам Таисе и Софье, еще (низко кланяюсь) Марье Ивановне, Лизавете Александровне; еще уведомляю я вас, дорогая мама, как мое письмо получите, так опишите мне ответ поскорей, дорогая мама. — Город Шуя, 89 (или 82, вторая цифра сохранилась не вся), запасный... 3 рота...»¹⁶.

Именно от Шуйского полка в Кремле стояла часть после захвата Кремля большевиками.

При осмотре помещений архива присутствовали также: и[справляющие] обяз[анности] сторожей отделения Дарья Сеница и Наталья Каштанова, приглашенный для снятия снимков фотограф Д.М. Гусев и охранный Дворцовой команды А.Ердыгин.

И[справляющий] д[олжность]	
заведывающего	С. Кологривов
Архивариус	Б. Пушкин
Чиновники:	Ф. Браун
	М. Стравинский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реакция начальника Московского дворцового управления Н.Н. Одоевского-Маслова на факт перехода власти к военно-революционному комитету в изложении авторов публикуемого документа существенно расходится со сведениями, приведенными в уже упоминавшейся книге С. Варшавского и Б. Реста. Там сказано, что «престарелый князь Одоевский-Маслов, около двух десятилетий пребывавший в должности начальника Московского дворцового управления и считавший себя даже сейчас первой персоной в Кремле, без обиняков заявил, что новой власти не признает». (С.70).

² Так в тексте.

³ Имеется в виду акт осмотра архива.

⁴ Под руководством Н.В. Беренса в 1918 г. были восстановлены часы на Спасской башне. Он не только отремонтировал механизм, но при участии художника и музыканта М.М. Черемных настроил куранты на исполнение мелодии «Интернационала». (Иванов В. Московский Кремль. М., 1971. С.204).

⁵ В полном составе.

⁶ Династические портреты, статуи, эмблемы повсюду уничтожались с особым озлоблением. Печально, что наряду с рядовыми произведениями искусства были утрачены и подлинные шедевры. Так, при взятии Зимнего погиб знаменитый портрет Николая II кисти В.А. Серова. Обезображенный, с выколотыми глазами и вставленной в рот папиросой, он был выставлен у одной из наружных стен дворца, а после того, как проходивший мимо молодой художник попытался спасти портрет, он был окончательно растерзан стоявшей здесь же толпой. Следует отметить, что доставалось не только изображениям лиц императорской фамилии. В Малом театре в Москве был истыкан штыками портрет выдающегося русского актера С.В. Шумского работы И.Е. Репина. (Ростиславов А. Октябрьские события. // Аполлон. 1917. №6-7. С.82. Он же. Революция и искусство. // Аполлон. 1917. №8-10. С.81).

⁷ В подстрочнике текста примечание к слову «опасаться»: «При первых же поисках пришлось, к несчастью, найти от нескольких описей к архивным делам одни обложки».

⁸ Ряд исследователей в качестве даты образования архива отстает 1869 г., другие считают, что он был создан в 1872 г. Подробнее об этом см.: Самошенко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С.179-180.

⁹ Несмотря на то, что в дореволюционной России не было устойчивой традиции комплектования архивов документами личного происхождения, материалы отдельных лиц по их воле или желанию родственников попадали в те или иные хранилища. Сундук с документами графа П.А. Шувалова (1830-1908) был вывезен его вдовой М.А. Шуваловой из имения в Курляндии до занятия его немцами во время Первой мировой войны и в сентябре 1916 г. передан в Московское отделение Общего архива Министерства двора. В январе 1917 г. последовало «высочайшее соизволение» на передачу шуваловских документов в Московский архив Министерства иностранных дел, однако, по видимому, из-за последовавшей вскоре Февральской революции данное распоряжение осталось невыполненным. (ЦГАДА СССР. Ф.1239. Оп.36. Д.45. Л.135, 140, 141, 167).

¹⁰ Зарплата в архиве выдавалась один раз в месяц, 20 числа.

¹¹ Одна из форм ведения приказного делопроизводства в России XVI-XVII вв. Узкие листы бумаги с написанным текстом подклеивались друг за другом и образовывали длинную ленту, которая затем сворачивалась в рулон (столбец) и в таком виде хранилась.

¹² Имеются в виду «Описания записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов», составленные известным архивистом, палеографом и библиографом А.Е. Викторовым (1827-1883).

¹³ Термин, обозначающий коробку для хранения архивных дел.

¹⁴ Интересно сравнить этот эпизод с картиной, которую наблюдал Джон Рид в Зимнем дворце после штурма: «В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывающих с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги...» (10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С.100).

¹⁵ На этом злоключении архива не кончились. 15 апреля 1918 г. служащие, придя утром на работу, обнаружили канцелярские шкафы взломанными, а содержимое их — перерытым. Кроме того, пропало два канцелярских стола. После этого случая караул был поставлен и во внутренних помещениях архива. (ЦГАДА СССР. Ф.1239. Оп.35. Д.178. Л.5).

¹⁶ В ЦГАДА СССР хранится рукописная копия акта осмотра архива (Ф.1239. Оп.35. Д.172. Л.8-11), редакция которой, особенно в части изложения солдатского письма, несколько отличается от приведенной нами, однако смысла документа не меняет.

В.Седельников

ЧК И АРХИВЫ:

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьский переворот с последующими преобразованиями, пронесшись над российскими архивами, не причинил им того ущерба, которого можно было бы ожидать в дни столь глубоких потрясений. Конечно, было немало случаев и утрат ценнейших материалов, и варварского отношения к документам, и архивного вандализма, наконец, но ситуация в целом оказалась более или менее благополучной. Настолько благополучной, что даже С.Ф. Платонов — выдающийся историк и архивист, которого, несмотря на лояльность и добросовестное сотрудничество с новой властью, трудно заподозрить в симпатиях к ней, свою речь при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 г. начал так: «Общий процесс разрушения, в котором не намечается еще процесс созидания, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле». Нетрудно заметить оттенок некоторого удивления в высказывании ученого — и действительно, налицо своеобразный парадокс. Ключ к его разгадке дал сам Сергей Федорович: «Необходимость охранить беспризорные архивные документы, необходимость внести порядок в наши архивы, — сплотила архивных деятелей и историков вокруг этой задачи»¹, что и обеспечило успех дела.

Известно, что люди интеллигентных профессий в большинстве негативно встретили Октябрь, усматривая в нем подавление молодой российской демократии и узурпацию власти. Настроения эти, еще более окрепшие после разгона Учредительного собрания, вылились, по выражению видного чекиста Я.Х. Петерса, в «стачку интеллигенции», которая была «самым большим в этот период явлением для Советской власти...»². Тем не менее, Союз российских архивных деятелей³ раньше других принимает решение «выделить служащих

¹ Архивные курсы: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С.3.

² Утро страны Советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде: 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С.248.

³ Профессиональная организация, созданная в марте 1917 г. представителями крупнейших архивов, музеев, библиотек и других научных учреждений Петрограда с целью охраны документов, совершенствования архивного дела и подготовки реформы в этой области.

архивов, как учреждений научных и охраняющих национальное достояние, из общей политической забастовки и предоставить им право вернуться на службу»⁴.

Для такого решения были серьезные основания. В процессе ломки старого аппарата архивы подвергались многочисленным опасностям. Новые служащие различных советских учреждений, организуемых на месте прежних министерств, департаментов, канцелярий, чаще всего «были враждебны, по крайней мере — равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому не нужным бумажным хламом, который понапрасну загромождает помещение, получившее новое назначение, попусту занимает шкафы и полки, которые могут еще пригодиться. Дела, бумаги, книги выбрасывались в беспорядке из комнаты в комнату, из этажа в этаж, в коридоры, а то и во дворы. В тех — еще лучших — случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех»⁵. Нужно было спасать оставшиеся бесхозными архивы и от «гнева толпы», видевшей в них символ ненавистного прошлого, и от предприимчивых торговцев и хозяйственников, стремившихся использовать их в качестве обертки для товара и сырья для бумажных фабрик.

Правительство также не осталось безучастным к бедственному положению архивов. Там нашлись люди, понимавшие как научную и практическую ценность документов, так и необходимость проведения архивной реформы, о которой уже давно мечтала научная общественность страны. При ближайшем участии представителей старой гуманитарной интеллигенции — прежде всего историков и архивистов — был подготовлен декрет Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», 1 июня 1918 г. подписанный В.И. Лениным. Этим декретом предусматривалось создание Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Главного управления архивным делом (Главархива), что, конечно, само по себе было шагом вперед по сравнению с прежним принципом ведомственной собственности на архивы.

Успех реформы связан прежде всего с именем Д.Б. Рязанова, по поручению Совнаркома возглавившего ее и ставшего первым руководителем Главархива. Активный участник архивного строительства первых лет Советской власти А.Ф. Изюмов, высланный в 1922 г. из страны и ставший бессменным руководителем отдела документов

⁴ ЦГАОР СССР. Ф.7789. Оп.1. Д.1. Л.98.

⁵ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. // Русский исторический журнал. 1918. Кн.5. С.208.

Русского заграничного исторического архива в Праге, вспоминал, что «Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считающегося с мнением других»⁶, что «он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элементам», однако «ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей»⁷.

Главархив в ту пору стал одним из ведущих научных центров, подлинным очагом культуры. С его деятельностью оказались связаны практически весь цвет тогдашней исторической науки, известные филологи, высококвалифицированные архивисты. В Москве работали Н.Н. Ардашев, С.В. Бахрушин, С.А. Белокуров, Н.Ф. Бельчиков, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер, Е.А. Косминский, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Б.И. Николаевский, В.И. Пичета, Н.В. Рождественский, А.Н. Савин, Г.В. Сергиевский, А.И. Соболевский, В.Н. Сторожев, В.И. Троицкий, А.Н. Филиппов, Д.В. Цветаев, Н.П. Чулков, В.В. Шереметевский; в Петрограде — А.И. Андреев, С.А. Аннинский, Н.П. Ашешов, Я.Л. Барсков, И.А. Блинов, С.Н. Валк, Г.С. Габаев, Н.В. Голицын (до своего ареста в качестве заложника в июне 1919), Б.Д. Греков, В.Г. Дружинин, М.А. Дьяконов, К.Я. Здравомыслов, Г.А. Князев, М.Г. Курдюмов, А.И. Лебедев, И.И. Любименко, А.Н. Макаров, И.Л. Маяковский, А.С. Николаев, Ю.Г. Оксман, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, А.А. Сиверс, В.В. Смигирев, Е.В. Тарле, Н.П. Черепнин, А.А. Шахматов, А.А. Шилов и многие-многие другие. Наверное, значительно проще было бы назвать тех, кому не пришлось в те годы соприкоснуться с архивным миром.

На службу в Главархив и подведомственные ему учреждения охотно шли не только ученые-историки и архивисты-профессионалы. В военных архивохранилищах трудилось немало бывших офицеров, с фондами духовного ведомства работали бывшие священнослужители. В провинции к архивной работе были привлечены краеведы, ревнители местной старины. Нельзя не сказать и о недавних выпускниках гуманитарных ВУЗов, многие из которых вместе со своими старшими товарищами испытали все тяготы архивной жизни тех лет.

⁶ Изюмов А.Ф. Десять лет архивной реформы в Советской России (1/VI-1918 — 1/VI-1928). С.3 — статья из ежегодника «Casopis archivni školy». Прага. 1928. т.VI. С.154-170. Перевод с чешского языка, сделанный в 1933 г. Е.Рашер, хранится в Научной библиотеке ЦГА СССР.

⁷ Изюмов А.Ф. Архивное дело в России в 1918-1922 гг. // Новая русская книга. Берлин, 1922. №9. С.4.

Работали в голоде, в холоде, выгребая документы из подвалов, сараев, с чердаков, таская их на себе в безопасные помещения. «Приходилось проникать в беспризорное учреждение, убеждать, разъяснять и иногда умолять лиц, не отдававших себе отчета в том, к каким тяжелым последствиям, реально тяжелым для жизни, ведет гибель документа, — не выбрасывать архивные фонды, охранять их, дать им временный приют. Равнодушие и непонимание важности дела, вкоренившиеся исторически в сознание широких масс мешали... в творческой строительной работе Главного управления архивным делом»⁸, — это свидетельство выдающегося архивиста профессора А.С. Николаева.

Приведем один пример. Когда сотрудница Петроградского отделения Главархива О.Е. Корнилович, получив задание вывезти архив бывшего Пажеского корпуса, обратилась к коменданту здания корпуса Броншвейгу, то «означенный комендант отнесся к Корнилович с чрезвычайной грубостью, позволил себе кричать на нее, угрожать револьвером, громогласно заявив: счастье Ваше, что Вы женщина, а то бы я Вас немедленно расстрелял...»⁹. Пообещав затем посадить в тюрьму («и пусть Луначарский Вас там разыскивает»), обругав похода Д.Б. Рязанова и комиссара Петроградского учебного округа З.Г. Гринберга, отпустил.

Что же заставляло архивистов сотрудничать с Советской властью, в то же время внутренне не принимая ее? Что, помимо естественного стремления заработать кусок хлеба, заставляло их так самоотверженно отдаваться работе? Прежде всего — сознание своего долга перед народом, перед будущей Россией, национальное достоинство которое они спасали. Архивная работа, по крайней мере, при Рязанове, была политически нейтральным делом и не ставила перед необходимостью поступаться убеждениями. Она была, наконец, своего рода отдушиной в обстановке бытовых лишений, террора, разгула темных страстей. Как образно выразился профессор М.А. Полиевктов, «работа... в Архивном управлении была для него светлым духовным успокоением на безотрадном фоне сумерек петербургской жизни за последние годы»¹⁰.

Осенью 1920 г., воспользовавшись пребыванием Д.Б. Рязанова в зарубежной командировке, его сместили с поста руководителя Главархива. На эту должность был назначен М.Н. Покровский, имевший свой взгляд на проблему старых специалистов. Он считал, что «ни им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с рази-

⁸ Николаев А.С. Главное управление архивным делом. // Исторический архив. 1919. Кн.1. С.7.

⁹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.357. Л.12 об. - 13.

¹⁰ Полиевктов М. Реформа архивного дела в России 1918 г. // Новая русская книга. Берлин. 1922. №2. С.29.

нутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта»¹¹. Не останавливаясь здесь на теме «Покровский и архивы», заслуживающей специального рассмотрения, перейдем, наконец, к основному предмету нашей работы.

Начиная с конца 1960-х гг., появился целый ряд работ, значительно более объективно, чем раньше, освещавших архивное строительство первых лет Советской власти и участие в нем старой гуманитарной интеллигенции¹². В то же время комплекс вопросов, связанных с местом архивов в деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, с взаимоотношениями ЧК и архивных учреждений, до сего времени не затрагивался в исследованиях наших историков¹³.

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранятся два небольших дела. Одно из них называется «О возврате документов, взятых при обысках и арестах»¹⁴, другое — «Окулич-Казарин»¹⁵. Рассказ о них в какой-то степени поможет восполнить указанный выше пробел.

* * *

7 марта 1919 г. газета «Северная коммуна» опубликовала объявление, в котором Петроградская чрезвычайная комиссия доводила «до всеобщего сведения, что заявления о возврате вещей, докумен-

¹¹ Покровский М.Н. Наши спецвещи в их собственном изображении. // Красная новь. 1922. №1(5). С.154.

¹² Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда 13-14 июня 1968 г. Л., 1970. С.19-35; Олигов А.В. Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917-1924 гг.) // Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины: Сборник статей. М., 1980. С.73-76; Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917-1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.194-203; Чудакова М.О., Сажин В.Н. Архивный документ в работе Тынянова и проблема сохранения и изучения архивов. // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С.141-156 и др.

¹³ Применительно к премирникам ЧК — ОГПУ и НКВД в конце 1920-х — 1930-х гг. — эти вопросы получили освещение в ряде исследований и публикаций. См.: Ростов А. Дело четырех академиков. // Память: Исторический сборник. Вып.4. Москва, 1979 — Париж, 1981. С.469-495; Пшеничный А.П. Репрессии архивистов в 1930-х годах. // Советские архивы. 1988. №6. С.44-48; Шумихин С. Судьба архива Ф.Ф. Раскольников: Несколько размышлений об архивной истории. // Наше наследие. 1988. IV. С.79-85; Анциферов Н. Из воспоминаний / Вступительная заметка, публикация, комментарий А.И. Добкина и А.Б. Рогинского. // Звезда. 1989. №4. С.117-165; Брачев С.В. «Дело» академика С.Ф. Платонова. // Вопросы истории. 1989. №5. С.117-129; Шумихин С. Письма наркомам. // Знание — сила. 1989. №6. С.69-74.

¹⁴ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.274.

¹⁵ Там же. Д.95. В заголовке и большинстве документов дела допущена ошибка (Акулич-Казарин).

тов и денег по делам, законченным комиссией к 1 января с.г., будут приниматься лишь до 1 апреля с.г.». Сообщалось, что «вещи, документы и деньги, подлежащие, согласно решению комиссии, возврату и не затребованные к указанному сроку их владельцами, будут почитаться конфискованными и возвращаться не будут»¹⁶.

Петроградское отделение Главархива, решив воспользоваться создавшейся ситуацией, предприняло попытку спасти ценные в научном отношении документы. 24 марта в ЧК было отправлено письмо, в котором говорилось, что «при аресте в качестве заложников или по ордерам Чрезвычайной комиссии б[ывших] офицеров у них производились обыски с выемкой различного рода бумаг, как личных записок, дневников, воспоминаний, так и официальных, имевшихся у них как результат их прежней деятельности. Материалы эти в огромном большинстве случаев представляют значительный научный интерес для истории великой мировой войны и первого периода революции. В виде примера можно указать на документы, принадлежавшие быть у расстрелянного б[ывшего] флигель-адъютанта [М.М.] Веселкина, б[ывшего] Севастопольского градоначальника, находившегося во время войны в так называемой Сербской экспедиции начальником морских и сухопутных сил Морского ведомства, игравшего важную роль в переговорах с Румынией и имевшего вообще большое влияние в делах флота.

При аресте б[ывшего] начальника оперативной части Штаба флота [М.А.] Петрова, ныне освобожденного, были изъяты официальные бумаги оперативного характера. Возможно предположить, что при ближайшем рассмотрении могут оказаться... и другие подобные случаи»¹⁷.

Далее в письме, подписанном заведующим Петроградским отделением Главархива С.Ф. Платоновым и управляющим делами И.Ф. Цызыревым, содержалось ходатайство о передаче вышеуказанных и других такого рода документов непосредственно в Главархив или в подведомственный ему Историко-революционный архив¹⁸.

Ответом ПетроЧК от 27 марта изъявлялась готовность передать испрашиваемые бумаги, но ввиду отсутствия среди чекистов специалиста, способного отобрать ценные с исторической точки зрения документы, секретарь комиссии Шимановский просил прислать квалифицированного архивиста¹⁹.

¹⁶ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.4.

¹⁷ Там же. Л.10.

¹⁸ Там же. Л.10 об.

¹⁹ Там же. Л.5.

Поручением от 2 мая²⁰ розыск и отбор документов в ЧК был возложен на инспектора архивов В.И. Ромишовского²¹, а 9 мая 1919 он уже представил в коллегию Петроградского отделения Главархива докладную записку о проделанной работе, в которой, в частности, говорилось следующее: «Тов. Шимановский... сообщил, что почти все бумаги по делам, законченным производством, отнятые при обысках и арестах б[ывших] офицеров армии и флота, накопившиеся в Чрезвычайной комиссии за продолжительное время *подвергнуты уничтожению*²², отчасти для того, чтобы освободить помещение Ч[резвычайной] комиссии от ненужного балласта, отчасти же в силу "некоторых особых обстоятельств"».

Мне были показаны помещения, где хранятся "вещественные доказательства", к числу которых относятся бумаги и документы, изъятые при обысках. Весьма незначительное количество холщевых мешков, заключающих в себе вещественные доказательства по каждому делу отдельно, по объяснению тов. Шимановского, относятся к текущим делам, не могущим быть переданными в Главархив.

По делу М.А. Петрова никаких документов в комиссии не нашли, по делу же [...] б[ывшего] адмирала М.М. Веселкина мне был предъявлен небольшой опечатанный мешок». В ходе тщательного осмотра документов этого мешка, указывает далее Ромишовский, выяснилось, что все они «составляют исключительно переписку частных лиц, не представляющую особого, а тем более научного интереса [...]

В комиссии я узнал, что имеется еще два хранилища материалов, предназначенных к уничтожению, вследствие чего и просил допустить меня к их осмотру, это: 1) помещение около Амосовской печи и 2) над ледником во дворе.

Тов. Шимановскому я предъявил декрет 1 июня 1918 г. Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] о реорганизации и централизации архивного дела, со ссылкой на пункт 5 этого декрета²³. Шимановский сознался, что о существовании этого декрета ему не было известно.

В запортом помещении у Амосовской печи, ключ от которого находился у вахтера, свалено в кучу довольно значительное коли-

²⁰ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.9.

²¹ Ромишовский Виталий Иванович (род. 1876) — сын врача, выпускник Юридического факультета Петербургского университета (1902). Работал помощником Обер-секретаря канцелярии Сената. В июне 1918 г. был приглашен Д.Б. Рязановым на службу в Главархив. Интересен ответ Ромишовского на вопрос анкеты «К какому сословию и классу принадлежали Вы до Октябрьской революции?»: «К сословию дворянскому, а к классу трудящихся». (ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.833).

²² Подчеркнуто в тексте.

²³ Данный пункт гласил: «Правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного управления архивным делом.

Нарушители сего запрещения будут привлечены к судебной ответственности».

чество бумаг, брошюр, фотографий и книг (приблизительно воза два); помещение темное — без окон. При беглом осмотре мною между прочим был найден составленный кап[итаном] ген[ерального] шт[аба] Д.Лебедевым отчет об императорских австрийских маневрах 1909 г. в Моравии, взятый мною для передачи в I отд[еление] III секции²⁴.

Во дворе, вдоль стены здания, сплошь высоко заставленной дровами, имеется над ледником помещение; взобравшись на дрова, сквозь раскрытую дверь помещения я увидел кучу бумаг и книг, приблизительно тоже воза два, ближе ознакомиться с этим материалом мне не пришлось, но, по словам сопровождавшего меня вахтера, эти бумаги относятся к следствиям по политическим делам отчасти до-революционного, отчасти же и послереволюционного периода.

Если сообщенные вахтером сведения точны, то заключающиеся в этом помещении материалы надлежит отнести к ведению Историко-революционного архива и для ближайшего ознакомления с ними казалось бы следовало бы командировать кого-либо из состава названного архива.

Сверх сего считаю нужным добавить, что, как сообщил т.Шимановский, у следователей Чрезвычайной комиссии постепенно накапливается довольно значительное количество изъятых при обысках материалов, каковые по мере завершения дел становятся им ненужными и до сих пор подвергались уничтожению. Признавая, что среди таких материалов могут попадаться и весьма ценные исторические, характеризующие революцию документы, с своей стороны полагал бы необходимым от лица коллегии Петроградского [отделения] Главархива войти в Чрезвычайную комиссию с заявлением о том, что такие документы ни в коем случае не могут быть уничтожаемы без письменного разрешения Главархива [...] и чтобы, по мере накопления в комиссии ненужных ей материалов, доводилось до сведения Главархива, для командирования представителя соответствующей секции²⁵ с целью отбора»²⁶.

История имела свое продолжение. Из письма руководства Петроградского отделения Главархива в ЧК от 12 июля 1919 г.²⁷ можно

²⁴ ЕГАФ имел секционную структуру. Номер III носила военно-морская секция, I петроградское отделение которой концентрировало в себе фонды органов военного управления, гвардейских и армейских войсковых частей петроградского и окрестных гарнизонов, а также военных учебных заведений.

²⁵ В состав ЕГАФ, кроме уже упоминавшейся военно-морской, входили секции законодательства, верховного управления и внешней политики (I), юридическая (II), народного просвещения (IV), историко-экономическая (V), внутреннего управления и самоуправления (VI), историко-революционная (VII), печатных изданий официально-го характера (VIII). В 1921 г. была создана историко-культурная секция (IX).

²⁶ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.274. Л.12-13.

²⁷ Там же. Д.291. Л.3.

понять, что комиссия передала ЕГАФ какие-то «законченные дела о контрреволюционных и иных выступлениях». Здесь же содержалась просьба передать и иные документы, «изъятые при обысках и конфискациях». Какие материалы были переданы, при каких обстоятельствах, передавались ли документы в дальнейшем — на эти вопросы ответа пока нет.

Неясно и то, как ЧК, почти через год после выхода декрета центрального правительства могла не знать о нем и продолжать возами уничтожать документы. С другой стороны, необычен тот факт, что архивиста приглашают в «чрезвычайку», позволяя не только порыться в конфискованных бумагах, но и кое-что прихватить с собой. Представит нечто подобное в ведомствах Ягоды, Ежова и Берии (равно и их преемников) невозможно²⁸.

Не только ЧК варварски относилась к культурному наследию страны. Тот же Ромишовский, выясняя судьбу «старинных документов в запечатанной коробке», изъятых при обыске особняка Абамелек-Лазаревых 9 сентября 1918 г., попал в судебно-следственную комиссию 2-го городского района (Мойка, 104, угол Тюремного переулка), куда эти документы были переданы. И вот какую картину он нарисовал в своей докладной записке от 30 октября 1919 г.: «По словам т.Васина, заведующего кладовой вещественных доказательств, упомянутые документы несомненно уничтожены. По установленному месяца два назад порядку, в настоящее время все хранящиеся в судебно-следственной комиссии вещественные доказательства вместе с обвиняемыми представляются в соответственные народные суды. До установления этого "нового порядка" не только документы, но и всякие иные вещественные доказательства подвергались уничтожению»²⁹.

* * *

Обратимся ко второму делу. В конце ноября 1918 г. в Пскове вскоре после вступления туда советских войск был арестован Николай Фомич Окулич-Казарин. Это был человек, хорошо известный в мире науки, хотя сам он «считал себя только чернорабочим» от нее, поскольку не имел специального исторического образования. Родился он 19 ноября 1849 г. в Перми, обучался в кадетском корпусе и артиллерийском училище, участвовал в русско-турецкой войне. Затем окончил Александровскую военно-юридическую академию и в тече-

²⁸ Директор Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевич в 1930-е годы напрасно бомбардировал наркомов письмами, призывая обратить внимание на архивы арестованных, не допустить их гибели, привлечь к экспертизе архивистов. Ответом было молчание. Шумихин С. Письма наркомам. // Знание — сила. 1989. №6. С.69-74.

²⁹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.89. Л.95.

ние многих лет служил по военно-судной части. Выйдя в отставку в чине генерал-лейтенанта, поселился в Пскове и целиком отдался краеведной работе. Долгое время он был секретарем и товарищем председателя Псковского археологического общества, самоотверженно и любовно работал над созданием местного музея — одного из лучших в российской провинции, написал целый ряд трудов по истории и археологии Пскова, в том числе капитальный «Спутник по древнему Пскову» (1911 г.)³⁰.

Когда Н.Ф. Окулич-Казарин оказался в Псковской «чрезвычайке», это, естественно, не могло не взволновать научную общественность города. Члены Псковской губернской ученой архивной комиссии и сотрудники музея 6 декабря пишут на имя Д.Б. Рязанова ходатайство о содействии в освобождении своего коллеги³¹. Заведующий Главархивом откликается немедленно: уже 10 декабря в Псков уходит телеграмма с просьбой к местным властям посодействовать скорейшему выходу на свободу арестованного краеведа, учитывая его преклонный возраст и научные заслуги³². В деле есть еще копия справки, не имеющая ни даты, ни подписи, ни адресата. По содержанию она представляет собой характеристику Окулича-Казарина и, как можно предположить, была направлена в «органы» с целью засвидетельствовать его благонадежность. В ней говорилось, что этот человек «исключительно предан науке и всегда был чужд какой бы то ни было политики. Деятельность его в Пскове также лишена была какой бы то ни было политической окраски. [...] Его племянник — офицер гвардии — расстрелян в Петрограде. Но этот племянник никогда в Пскове не жил и не бывал и не имеет ничего общего с дядей»³³. Предпринятые хлопоты достигли цели, и даже еще до получения рязановской телеграммы псковский узник был освобожден.

31 марта 1919 г. Совнарком принял «Положение о губернских архивных фондах», в связи с чем особо остро встал вопрос о подыскании в провинции квалифицированных и преданных делу людей, которые могли бы организовать архивную работу на местах. В Петроградском отделении Главархива, в сферу влияния которого входила и Псковщина, вспомнили о Н.Ф. Окуличе-Казарине. К нему обращаются с предложением возглавить губернский архивный фонд, и он его принимает, испытывая, впрочем, некоторые сомнения, связанные со злополучным арестом. К сожалению, сохранилось только

³⁰ Янсон А. Н.Ф. Окулич-Казарин. // Познай свой край! Сборник Псковского общества краеведения. Вып. 1. Псков, 1924. С.60-64; Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914 гг.). Т. II. М., 1915. С.255.

³¹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.2-3.

³² Там же. Л.4.

³³ Там же. Л.1.

одно (от 22 мая 1919 г.) из двух ответных писем Окулича-Казарина С.Ф. Платонову. Приводим его полностью:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Вероятно, Вы уже получили мое письмо, написанное в ответ на лестное предложение, переданное мне от Вашего имени Григорием Алексеевичем Алексинским³⁴ и Борисом Николаевичем Шатровым. Я не скрыл от них, что состою здесь под надзором Чрезвычайки. По их мнению, это не мешает моему назначению, хотя все-таки лучше было бы освободиться от надзора. Григ[орий] Ал[ексеевич] советовал мне сказать в Чрезвычайке о предстоящем мне назначении и просить избавить меня от надзора, причем ловко намекнуть на возможность просьбы о том же Всерос[сийской] Чрезвычайной комиссией. Однако ж, здешние мои друзья, хорошо знающие местные особенности и условия, не советуют мне это делать.

По их мнению, будет гораздо лучше, если почин будет исходить не от меня, а от Главного архивного управления. Это и побуждает меня теперь беспокоить Вас покорнейшей и убедительной просьбой: не найдет ли Гл[авное] управление возможность предпринять эти шаги? Пусть оно не боится впасть в ошибку относительно моей политической безвредности. История моего "надзора" такова: на 3 день по вступлении советских войск я был арестован шайкой пьяных солдат, не имевших ни ордера, ни иных полномочий и совершенно меня незнавших и никогда в лицо не видевших. Причина ареста — мои отставные генеральные погоны и малиновая подкладка моего пальто. В тюрьме я пробыл 11 дней. Меня допрашивали, но никаких обвинений мне не предъявляли: ч[е]рез 11 дней освободили, обязав подпиской являться дважды в неделю в Чрезвычайку, что я и исполняю с 7 декабря. Впрочем, теперь мне разрешили являться только 1 раз в неделю. В Чрезвычайке я расписываюсь и ухожу — вот и все, по чистой совести.

Теперь происходят какие-то события, смысла коих я не понимаю. Говорят о возможности для поднадзорных *географических изменений*³⁵, а то еще и похуже (не умею выразиться яснее). Заступничество за меня со стороны такой власти, как Главное архивное управление, было бы как нельзя более *своевременным* и *действительным*.

³⁴ Во всех советских энциклопедиях ошибочно указано, что Г.А. Алексинский эмигрировал в 1918 г. По крайней мере, еще в мае 1919 г. он работал инспектором Глав-архива.

³⁵ Подчеркнуто в тексте.

Я уже наметил список моих будущих сотрудников и сослуживцев по архивному делу: это учителя истории или же люди, обладающие архивным опытом. Предложений я еще никому не делал, тем более, что не знаю штатов. Среди намеченных мною лиц есть даже один профессор³⁶, быть может, удастся привлечь еще и другого профессора — Ивана Евсеевича Евсеева.

Засим, позвольте Вам пожелать всего наилучшего и еще раз поблагодарить Вас от всей души за оказанное лестное доверие.

Искренно преданный Вам

Н.Окулич-Казарин»³⁷.

Посылая это письмо, его автор не знал, что уже с 15 мая 1919 г. по рекомендации Г.А. Алексинского он назначен заведующим Псковским губернским архивным фондом³⁸. Однако, поработать ему в этом качестве не пришлось. Вскоре он заболел, а 25 мая Псков был снова занят белыми войсками. Николай Фомич уехал на лечение в Юрьев (сейчас Тарту), долго пролежал там в больнице, а вернуться назад после выздоровления уже не смог (а может быть, и не захотел, помня о своих злоключениях), поскольку Псков вновь оказался отделенным линией фронта. Он остался в Эстонии и умер там 26 сентября 1923 г. в небольшом местечке Обер-Палене близ Феллина (ныне Вильянди)³⁹.

Благородная деятельность руководителей архивного ведомства по спасению попавших в беду людей отнюдь не исчерпывается описанным выше эпизодом. Осенью 1918 г. из Кронштадтской ЧК был вызволен Сергей Петрович Илинский, арестованный в августе того же года как бывший офицер в целях «политической профилактики». В прошлом генерал-майор, командир первой бригады шестой пехотной дивизии, он потом успешно работал заведующим одним из отделов в I отделении III секции ЕГАФ⁴⁰. В марте 1922 г. был арестован заведующий научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Центрархива⁴¹ Виктор Иванович Яцкевич, в ночь с 29 на 30 апреля 1922 г. такая же участь постигла управляющего I отделением III секции ЕГАФ профессора Петра Ивановича Измestьева, а в ночь с 19 на 20 июля того же года арестовали Алексея Сергеевича Путилова — непременно ученого секретаря Петроградского отделения

³⁶ Далее в тексте фамилия неразборчиво.

³⁷ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.5-6.

³⁸ Там же. Л.7.

³⁹ Янсон А. Указ. соч.

⁴⁰ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.28. Л.1.68.

⁴¹ Декретом ВЦИК от 30 января 1922 г. Главархив был преобразован в Центральный архив (Центрархив) РСФСР, под которым понималась совокупность всех архивных учреждений республики.

Центрархива и заведующего отделением частных архивов. За всех троих С.Ф. Платонов ходатайствовал через Комиссию по улучшению быта ученых об освобождении или облегчении участи⁴², однако, какова была реакция на эти обращения, нам пока выяснить не удалось. Известно лишь, что был освобожден А.С. Путилов, впоследствии вновь арестованный и расстрелянный по так называемому «делу Академии Наук»⁴³.

⁴² ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.436. Л.38, 39, 41, 46.

⁴³ Анциферов Н. Из воспоминаний. // Звезда. 1989. №4. С.141, 164.

ИЗ РАННИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О «ДЕЛЕ ПБО»

Предисловие и примечания И. Вознесенского

По «таганцевскому делу» («делу Петроградской боевой организации») летом 1921 г. было арестовано свыше 200 человек. 1 сентября «Петроградская правда» опубликовала сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти». Сообщение заканчивалось словами: «Все активные участники заговора понесли заслуженное наказание». Рядом, за подписью Президиума Петроградской чрезвычайной комиссии, газета поместила список расстрелянных «активных участников» (61 чел.), с указанием вины каждого. Было дано и краткое изложение доклада предгубчека Семёнова Петросовету.

«ПБО» обвинялась в том, что она, вступив в соглашение с бывшим Кронштадтским ревкомом и с группой «Уполномоченные собрания предствителей фабрик и заводов г. Петрограда», подготавливала «кровавый переворот к концу августа — началу сентября, ко времени сбора продналога». Сообщалось, что заговорщики выставляли лозунги «Вся власть народу» и «Всеобщее избирательное право с прямою, равною для всех и тайною подачей голосов», а «главе ПБО», проф. В.Н. Таганцеву, приписывались «подлинные слова»: «сжигать заводы, истреблять жидов, взрывать памятники коммунаров». Среди осуществленных актов ПБО назывались убийство семи человек и поджог первомайских трибун, среди намечавшихся — взрыв центральных складов горючего и убийство Г. Зиновьева, М. Горького, комиссара Балтфлота Н. Кузьмина.

С 20-х гг. и по сей день существуют разные точки зрения на «дело ПБО», вплоть до крайних и полярно противоположных: 1) не было никакой боевой организации — она создана следствием, 2) ЧК разгромило реально существовавшую организацию, мощную и разветвленную.

Для того чтобы всерьез обсуждать вопрос о существовании ПБО (или хотя бы ее зародыша, раздутого в определенных целях), имеющихся в распоряжении современного исследователя (тем более — широкого читателя) фактов явно недостаточно. Необходимо введение в оборот новых источников*, в первую очередь — архивных, но, кроме них, и затерявшихся на страницах периодики прошлых десятилетий. Архивные документы по «делу ПБО» остаются пока недоступными. Здесь мы перепечатаваем две статьи из парижских «Последних новостей» (8 и 10 октября 1922 г.) — одной из круп-

* Появившиеся в последние годы в советской печати новые материалы касаются почти исключительно проблемы неучастия (или участия) в «ПБО» расстрелянного по этому делу поэта Н.С. Гумилева. Даже прекрасная статья О. Хлебникова (Огонек. 1990. №18), в которой впервые опубликованы многие документы из «дела №214224», давая ответ на ряд давних вопросов, касающихся Гумилева, почти не продвигает нас в понимании «дела ПБО» в целом.

нейших газет русской эмиграции, выходявшей под редакцией П.Н. Милюкова. Мы не будем здесь касаться вопроса об источниках сведений, сообщаемых в этих статьях, степени возможного к ним доверия и т.п. Отметим лишь, что целый ряд фактов подтверждается независимыми источниками: такова прежде всего история сговора Таганцева с Аграновым, породившая множество слухов и зафиксированная позже в недавно опубликованных мемуарных записях В.И. Вернадского. Это заставляет нас внимательно отнестись и ко всей остальной информации, которую предоставил «Последним новостям» автор, скрывшийся за криптонимом С.

Два предварительных замечания. Первое касается фактической стороны «таганцевского заговора». Вчитываясь в список расстрелянных, мы находим в нем и моряков (месть за Кронштадт?), и профессоров, и студентов (как раз в это время высшая школа пытается отстоять свою автономию), представителей всех сословий (от крестьянина до князя), всех возрастов (от 19 до 60 лет) и всех партий (от монархиста до бывшего члена РКП). Создается впечатление аптекарской взвешенности списка, рассчитанного, кажется нам, на широкое устрашение определенных групп населения. Даже если ПБО существовала, она не могла представлять собой такого конгломерата, каким ее подали публике. Зная, как не могли в течение всей гражданской войны договориться между собой представители направлений, даже недалеко в идейном отношении стоящих друг от друга, мы как-то не склонны доверять самому факту объединения всех со всеми: монархистов с социалистами, террористов с сестрами милосердия, матросов с профессорами...

Не менее интересными и важными видятся нам и социально-психологические аспекты «дела ПБО». Если верна версия, попавшая на страницы «Последних новостей», то признания (не оговоры!) В.Н. Таганцева и некоторых других, поверивших в конец братоубийства, могут, в известном смысле, рассматриваться как не оправдавшая себя попытка проложить путь к гражданскому миру в условиях окончившейся гражданской войны. Наивной безнравственностью Таганцева и других «разоружившихся» карательное ведомство воспользовалось для нащупывания перспективных, с его точки зрения, методов следствия, от которых прямая дорога к будущим «показательным» процессам.

Напомним также, что «дело ПБО» — это первая крупная карательная акция после объявления НЭПа и, наряду с ликвидацией общественного Всероссийского комитета помощи голодающим, последнее из крупных «дел», находившихся (в какой мере?) под контролем В.И. Ленина. Хронологически оно стало своего рода завещанием ВЧК своему наследнику — ГПУ.

ТАГАНЦЕВСКИЙ ЗАГОВОР

Большевики постоянно имели и имеют нелегальное курьерское сообщение с Финляндией, в частности с фортом Ино¹. На форту Ино были в свое время интернированы спасшиеся из Кронштадта после подавления восстания кронштадтские беженцы и гарнизон. Растворившись в их массе, явились в Финляндию — на Ино — и тайные агенты ЧК. После падения Кронштадта они перенесли работу в Финляндию. Часть их вела агитацию, пользуясь обстоятельствами неприглядной и монотонной жизни кронштадтцев, часть же занималась прямым своим делом, обстоятельно информируя ПЧК о жизни многотысячного лагеря беженцев. А материал для этого имелся обильный.

Изолированный финскими властями колючей проволокой, отрезанный от всякой жизни, томившийся в вынужденной бездеятельности, но вкусивший уже и от революции и от анархии, бывший гарнизон защитников Кронштадта представлял собою весьма благоприятную почву для всякого рода агитации. Это обстоятельство учли представители русских белых организаций в Финляндии и энергично, каждый в свою сторону, повели недружное наступление на лагерь.

Центром политической жизни лагеря, и довольно оживленным, стал бывший кронштадтский ревком², пользовавшийся полупризнанием и со стороны финского правительства. Вождения русских организаций всех оттенков сводились к тому, чтобы, имея кронштадтцев в качестве послушного материала, нелегально перекинуть большое их количество в Петроград, чтобы располагать на случай переворота послушной организацией, раскинутой по всему Петрограду (идея П.Б.О. — Петроградской Боевой Организации). Частичным достижением цели была бы та богатая информация, которую русские организации рассчитывали получать от переправленных ими за границу. Финские власти обещали смотреть сквозь пальцы на утечку кронштадтцев через границу.

Желающих отправиться в нелегальное путешествие оказалась масса. Ревком производил фильтрацию и выбранных рекомендовал русским организациям. Впоследствии ревком раскололся, с.-ры отстранились от этой игры и рекомендацию выдавал почти единолично пред. ревкома Петриченко.

Будучи в курсе лагерной жизни, ПЧК посылала директивы своим агентам в Ино. Одних из этих агентов, на котором безусловно стоит несколько остановиться, был боцман старого времени Паськов с «Петропавловска»³. Уже с проседью, но подвижный и энергичный старый матрос, он был близок со многими членами ревкома, особенно же пользовался доверием Петриченко. Предписанием из ЧК Пась-

кову приказывалось проникнуть в финскую разведочную организацию, затем попытаться сделаться русским белогвардейским или финским курьером, а по возможности и фиктивным организатором матросского элемента в Петрограде. Пользуясь своими хорошими отношениями в ревкоме и привилегированным в тот момент положением ревкома, Паськов, действительно, в короткое время тесно связывается с финскими курьерами, с начальником сыскного отделения, знакомится с двумя русскими белыми организациями и поддерживает с ними добрые отношения. По рекомендации Петриченко он отправляется в Петроград с инструкциями. В первый же свой визит в Петроград Паськов явился к Агранову⁴ и имел с ним продолжительную беседу, в результате которой предложено было ему, Паськову, войти при посредстве заграничных в связь с петроградскими белыми организациями, а для укрепления его положения в Финляндии ЧК бралась снабжать его нужными для финского генерального штаба сведениями. Кроме того, ЧК разрешила ему провести беспрепятственно через границу в Финляндию несколько лиц, выписанных родственниками из Петрограда. Такие поручения Паськов брал и от влиятельных лиц белых организаций и благополучным их исполнением входил все в большее и большее доверие.

После каждого своего похода в Петроград Паськов делал доклад, помимо представителей финского генерального штаба, и кронштадтскому ревкому в лагере на Ино. Пользуясь возрастающим доверием, Паськов становится заведывающим курьерской кронштадтской связью и организатором отправляемых в Петроград матросов. На первых порах дела его шли хорошо: благодаря содействию ЧК он безнаказанно отводит матросам конспиративные квартиры в Петрограде, собирает их для обсуждения дел и вместе с тем, для приобретения популярности в белых группах Петрограда, участвует в мелких террористических актах⁵, расклеивает на улицах Петрограда прокламации от кронштадтского ревкома. Уже к маю месяцу Паськов познакомился с Таганцевым⁶, сблизился с ним и просил принять его в помощники по организации боевых дружин. Таганцев ему доверял и познакомил его с сенатором Лопухиным и Тимофеевым. Будучи финским курьером, Паськов хорошо знал всю технику перехода границы курьерами, знал лично много курьеров.

В помощь Паськову по Петрограду дан был ПЧК-ой и некто Корвин-Круковский, человек, безусловно, интеллигентный и энергичный. Введенный в Таганцевскую организацию, Корвин-Круковский быстро освоился с членами ее и к маю имел уже обширное среди них знакомство. Характерно, что Корвин-Круковский так и рекомендовался некоторым членам Таганцевской организации как служащий ЧК и, несмотря на это, был принят в организацию полноправным членом. Правда, что он, со своей стороны, старался быть по-

лезным Таганцеву в различных организационных мелочах, что ему, как чекисту, и не представляло никаких трудностей.

Таким образом, к маю 1921 г. ЧК обладала уже некоторым материалом для возбуждения белогвардейского процесса.

Агранов решил, что наступила пора действовать открыто. Проходя последний раз из Петрограда в Териоки, Паськов ознакомил чекистов с расположением курьерских пунктов на границе и предупредил Агранова о времени и пути своего возвращения. В Петроград Паськов должен был идти, как было между ними условлено, вместе с Ю.П. Германом (кличка «голубь»), курьером финской службы. Герман был одним из идейных работников Таганцева. К этому приходу Паськова ЧК-ой сделаны были приготовления. Организовано наблюдение за местами перехода границы и путями следования курьеров.

Корвин-Круковский получил в свое распоряжение грузовик и 16 человек конвоя. С ним вместе был и врач ЧК Колосов. Вся эта компания выехала по дороге на Шувалово, далее по Лемболовскому шоссе на деревню Галатово, не доезжая которой и встретила курьеров финского генерального штаба Германа и Болотова, направлявшихся на лошади в Петроград, но арест их оказался неудачным. Паськов был на солидном расстоянии сзади. Болотов убежал. Смертельно раненый Герман достался большевикам. Все старания доктора Колосова привести в сознание Германа были бесполезны, не помогло и впрыскивание морфия. Герман, не приходя в сознание, умер.

Это было толчком, давшим Агранову возможность приступить к массовым арестам в Петрограде. Поводом послужил список адресов и фамилий таганцевских сотрудников, якобы найденный при убитом Германе. В первую очередь арестованы были отец В.Н. Таганцева, сенатор, сенатор Манухин⁷, Воинова (ур. Арсеньева) и другие. За В.Н. Таганцевым посланы были комиссары с Гороховой в Тверскую губернию, где он был в научной командировке, и быстро доставили его в Петроград. Паськов в первую голову выдал всех матросов, переправленных из Финляндии. В это же время Аграновскою комиссией были случайно задержаны два финских проводника. Корвин-Круковский метался из квартиры в квартиру и, под предлогом участия и возможной помощи, узнавал новых лиц, причастных к делу. Комиссия ВЧК, с Аграновым во главе, все ночи напролет допрашивала арестованных, ездила на обыски и аресты и «производила операцию». Таганцев был посажен вместе с женою на Гороховую 2, сначала в первый корпус, потом во второй корпус в пробку ном[ер] 2. Прислуга Таганцева — в особый ярус Дома Предварительного Заключения. Дети отданы в приют⁸. С первых же дней ареста Таганцева Агранов, вызывая его каждую ночь на допросы, всеми силами старался расположить В.Н. в свою пользу, но это ему не удавалось,

Таганцев молчал, — и Агранову не представлялось возможным выявить центральное лицо в «раскрытой организации». Проходили дни и недели, было арестовано много народа, но связать их в общую организованную массу было трудно. Между тем, ВЧК требовала от Агранова существенных данных, дабы возможно скорее сделать доклад ВЦИКу о полезной деятельности Петроградской Комиссии.

Агранов решил прибегнуть к последней мере и принудить Таганцева к сознанию. После сорокапятидневного сидения в пробке проф. Таганцев был вызван в 51-ю комнату на решительный допрос. Объяснив Таганцеву положение дела, Агранов, после долгой беседы, предложил пойти на компромисс: Таганцев дает полное сознание и выдает всех причастных к делу лиц, Агранов гарантирует облегчение участи арестованных. Таганцев поколебался, но определенного ответа все же не дал, тогда Агранов в резкой форме заявил, что он дает на размышление три часа и, если не получит ответа в положительном смысле, то примет «свои меры» и расстреляет всех виновных и невиновных, без разбора. Через три часа Таганцев был вызван к Агранову, и после двухчасового разговора был, наконец, подписан злосчастный договор между профессором Таганцевым и особоуполномоченным ВЧК Аграновым⁹.

Вот этот договор:

«Подписанный по обоюдному согласию председателя выездной комиссии ВЧК Агранова и главы объединенных организаций Союза "Возрождения России" и "Молодой России":

"Я, гражданин Владимир Николаевич Таганцев, признаю себя виновным: 1) в активном выступлении против советской власти, 2) в организации антисоветской группы, 3) в организациях членов нового правительства, на случай переворотов в России, 4) в объединении союза "Возрождения России" и "Молодой России", 5) в приятии главенства и руководства в П.Б.О.

Я, Таганцев, считаю себя глубоко заблуждавшимся и теперь ясно вижу, что новая экономическая политика Советской республики ведет Россию на новую и здоровую дорогу, сожалею, что много людей ввел в заблуждение, и, благодаря мне, они должны понести тяжелую участь.

Я, Таганцев, сознательно начинаю делать показания о нашей организации, не утаивая ничего, буду говорить о наших задачах, целях и взглядах на будущее и не утаю ни одного лица, причастного к нашей группе. Все это делаю для облегчения участи участников нашего процесса.

Я, уполномоченный ВЧК, Яков Соломонович Агранов, при помощи гражданина Таганцева, обязуюсь быстро закончить следственное дело и после окончания передать в гласный суд, где будут судить всех обвиняемых.

Я, Агранов, обязуюсь, в случае исполнения договора со стороны Таганцева, что ни к кому из обвиняемых, как к самому Таганцеву, так и к его помощникам, даже равно как и к задержанным курьерам из Финляндии, не будет применена высшая мера наказания.

Заведующий секретно-оперативным отделом
Республики и уполномоченный ВЧК Агранов».

Собственной рукой Таганцева сделана на договоре расписка:
«Договор читал и подписываюсь

В. Таганцев.
Петроград 28 июля 1921 г.»¹⁰

Этот договор имел следствием расстрел 3-х групп обвиняемых (61 чел., 18 чел., 8 чел.) и несколько отдельных смертных приговоров¹¹.

После подписания договора Агранов по прямому проводу с Гороховой 2 разговаривал с Москвой с Дзержинским, которому гарантировал немедленную ликвидацию Таганцевского дела. 29 июля Таганцев был снова вызван на допрос, и от него в первую очередь потребовали подробный список адресов участников дела. Получив список, Чека в тот же день сделала «установки» и заготовила ордера на обыски и аресты. Аграновская комиссия в тот день к массовым операциям еще не приступала. 30 июля, после допроса Таганцева, Агранову был подан легковой закрытый автомобиль, в котором Агранов вместе с Таганцевым поехали по городу. Таганцев должен был указать все те дома, в которых он бывал, но не запомнил адреса. Автомобиль выехал с Гороховой 2 в два часа дня, а вернулся в восемь. В ночь с 30-го на 31-ое начались операции ЧК. Ордеров на аресты и обыски было заготовлено такое количество, что своих автомобилей в Чеке не хватило. Были мобилизованы машины автогужа, и в первые три ночи в Петрограде работало по обыскам восемьдесят машин. В эти ночи на Гороховую было доставлено до трехсот арестованных. Разместить их в обычных помещениях не представлялось возможным, тогда в Доме Предварительного Заключение был отведен в личное распоряжение Агранова «особый ярус», куда направлялись менее серьезные арестованные.

После подписания Таганцевым договора, арестованный стал получать комиссионный обед (с кухни служащих в П.Ч.К.), во время допросов, в комнате Агранова, где он проводил теперь целые дни и писал лично свои показания, поили его чаем с сахаром, выпекали отдельно хлеб и масло, подавали сыр и семгу. На ночь его уводили в камеру, а утром снова приводили в комнату к Агранову. Таганцев пользовался даже банею с душем, что для обыкновенных арестантов недоступно. Когда Агранов или его следователи испытывали какое-либо затруднение с допрашиваемыми, они обращались за разъ-

яснениями к Таганцеву, и он с готовностью сообщал, что мог. В тех случаях, когда арестованные запирались, не хотели подтвердить показаний Таганцева, его вызывали для увещевания, и так был велик привычный его авторитет, что обыкновенно после переговоров арестованные шли на уступки и соглашались с Таганцевым в необходимости и рациональности добросовестной ликвидации дела и отдаче себя на милость победителя.

Агранов торжествовал, с каждым днем обнаруживая новый материал и новых лиц.

С.

КОМНАТА ДЛЯ ПРИЕЗЖАЮЩИХ

В левом заднем углу на Гороховой 2, где помещаются знаменитые Петроградская и Губернская чрезвычайные комиссии, в нижнем этаже рядом с пропускным пунктом существует дверь с знаменитой вывеской «комната для приезжающих». Комната довольно большая, квадратная, каждая стена длиною двенадцать аршин, пол асфальтовый, три окна, выходящие во двор, замазаны белой краской, с внутренней стороны вставлены железные решетки. Внутренний вид жалкий и запущенный: отчаянно грязные стены и потолок, по углам паутина, совершенное отсутствие обстановки, нет даже печи. Назначение этой комнаты, действительно, для приезжающих из петроградских тюрем и самой чеки людей, приговоренных к смертной казни.

Обыкновенно накануне казни выводят приговоренных из камер чрезвычайки, а, главным образом, предварилочки, объясняя им, что они переводятся в другое помещение или освобождаются на волю, но доставляются в комнату для приезжающих. В комнате читают им приговор, заставляют расписаться под приговором и сразу же надевают наручники, одну пару на двоих, одно кольцо наручников на правую руку первого, другое на правую руку второго приговоренного. Дверь комнаты для приезжающих открывается от 4-х до 8-ми вечера, и только в эти часы пополняются жильцы страшного помещения. Жильцы долго не засиживаются, проводят ночь и день, а в следующую ночь от 3-х до 4-х часов производится отправка их на место казни.

В продолжение полутора суток, которые приходится проводить в комнате приезжающих, арестованные не получают ни еды, ни воды. Охрана арестованных: один часовой под окнами во дворе, другой на лестнице у замкнутой двери, ключ от которой находится у коменданта Губчека. Помимо коменданта доступа к арестованным нет, в течение полуторасуточного сидения никто к ним не приходит, и они все это время остаются на произвол судьбы, их не выпускают

даже для отправления естественных надобностей. Женщины и мужчины находятся вместе. В 1921 году, в дни больших расстрелов, комната бывала битком набита приговоренными. В три часа ночи из гаража чрезвычайки во двор Гороховой 2 подается пятитонный грузовик, во двор приводится усиленный наряд из роты коммунаров, комендант спускается в комнату для приезжающих, открывает дверь, и по списку скованных попарно выводят во двор и сажают в автомобиль. На закрытые борта грузового автомобиля тесным кольцом садятся вооруженные коммунары, машина трогается и катит на артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге. Две легковые машины сопровождают грузовик с арестованными, в них размещаются лица, тем или иным способом участвующие в казни. Здесь непременно находится следователь, который в последний момент, когда уже приговоренный стоит на краю ямы, задает последние вопросы, связанные с выдачей новых лиц. Такие вопросы задаются обязательно каждому приговоренному. Тут же помещаются всегда два или три спеца по расстрелам, которые выстрелом в затылок из винтовки отправляют на тот свет. Кроме них пять-шесть человек, присутствующих при казни со специальными обязанностями снимать наручники, верхнее платье, сапоги и белье и подводить жертву к стрелку-палачу.

Зачастую, при массовых отправках на полигон, арестованные, сидящие в комнате для приезжающих, не выдерживают последних суток и умирают. Труп кладут на автомобиль, не расковыряв соседа, а по приезде бросают в общую яму.

Чрезвычайная комиссия имеет своих дилетантов-палачей, которые ездят расстреливать не по обязанности, а из любви к искусству. За период кронштадтских расстрелов и Таганцевского дела приобрели известность своими расстрелами командир роты коммунаров*, бывший гвардейский офицер Ал.Ал. Бозе, комендант губчека Шестаков, бывший матрос Балтийского флота, и помощник коменданта Прус. Во время Таганцевского расстрела шестидесяти одного, расстреливали первые двое¹². В качестве помощников Бозе и компании, на обязанности которых раздевание приговоренных, отличаются надзиратели Губчека: Балакирев, Бойцов, Серов, Бондаренко, Пу и Кокорев. Первый и последний служат в Губчека старшими надзирателями. Все они «работали» при Таганцевском деле. Следователи, назначенные Аграновым провожать арестованных по Таганцевскому заговору, были Сосновский и Якобсон. Зимой в 1921 г. расстрелы на артиллерийском полигоне Ириновской железной дороги прекратились, и арестованных стали отправлять на полигон Царского Села. На первом полигоне по Таганцевскому делу были расстреляны две

* В настоящее время командир 11 полка ВЧК, прикомандированного к ГЧК.

крупные партии, одна в 61 человек, другая в 17 человек. На втором восемь человек, которых большевики обвиняли в принадлежности к французской организации, связанной с Врангелем, и в принадлежности к Таганцевскому делу¹³.

С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Береговой форт Ино (в наст. время — Приветненское, в 18 км к западу от Зеленогорска) входил раньше в состав Кронштадтской крепости. В 1918, при передаче форта Финляндии, укрепления его были взорваны, но жилые помещения остались целы. В них и разместился лагерь кронштадтских беженцев.

² Временный Кронштадтский ревком, во главе со Степаном Петриченко, избран делегатами от частей армии и флота, от организаций и заводов Кронштадта 2 марта 1921 года. В ночь на 18 марта часть кронштадтцев, в т.ч. уцелевшие ревкомовцы, успела по льду добраться до Финляндии. С.М. Петриченко жил в Финляндии до 1945, когда был выдан Сов. Союзу и затем погиб в ГУЛаге.

³ Линейный корабль «Петропавловск» был очагом и оплотом кронштадтского выступления. Ревком вначале размещался на его борту. Как и другие корабли, «Петропавловск» был скован льдом и достался победителям; значительная часть команды покинула его.

⁴ Агранов Яков Соломонович (1893-1939). Большевик с 1915, с мая 1919 — особоуполномоченный при Президиуме ВЧК. В 1933-37 — зам. председателя ОГПУ (затем — наркома НКВД). Руководил или надзирал за следствием по всем важнейшим делам 30-х гг. — от «Промпартии» и «Союзного центра» до дел Зиновьева-Каменева и Радека-Пятакова. Арестован в 1937. Обстоятельства смерти неизвестны.

⁵ «Мелкими террористическими актами» автор, возможно, считает сожжение трибуны на пл. Урицкого (в ночь на 1 мая), взрыв у памятника Володарскому (15 мая) и т.п. После ликвидации «ПБО» руководители Петрогубчека включали эти диверсии в число «террористических актов» и ставили их в общий ряд с убийством семи и тяжелым ранением восьми «коммунаров» (из 7 убитых по меньшей мере 5 были потеряны при вооруженном сопротивлении в момент задержания «заговорщиков»).

⁶ Таганцев Владимир Николаевич (1889-1921) — географ, исследователь сапропеля (озерного ила), секретарь Сапропелевого комитета АН. Сын почетного члена Российской АН сенатора Н.С. Таганцева (1843-1923), одного из крупнейших юристов-криминалистов. В усадьбе Таганцевых Залучье (под Вышним Волочком) размещалась Сапропелевая станция АН, где, видимо, и был арестован (не позднее середины июня) Таганцев-младший. О тогдашней позиции В.Таганцева и Н.Гумилева «Петроградская правда», цитируя эмигрантскую печать, писала 11 окт. 1921.

⁷ Манухин Сергей Сергеевич (1856-1921) — до 1905 министр юстиции, после Октября консультант Наркомфина, член Сапропелевого комитета. Приговорен 3 окт. 1921 к 2 годам лишения свободы; 22 ноября, «ввиду крайнего болезненного состояния», освобожден из-под стражи и вскоре скончался.

⁸ Дети В.Н. Таганцева, 5-летний Кирилл и 3-летняя Агния, были помещены в два разных детприемника, а потом взяты на воспитание родственниками.

⁹ Достоверность текста договора требует, конечно, проверки и независимого подтверждения. Версия существования договора подтверждается свидетельством арестованного по тому же делу химика проф. А.И. Горбова (см.: Новый мир. 1989, №4. С.264). Договор цитирован А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛаг» (ч.1, гл.8).

¹⁰ Дата под текстом договора требует проверки и сопоставления с датами массовых арестов по «делу ПБО». Ряд арестов прошел в июне. Профессор-химик М.М. Тихвинский взят 25 июля (накануне отъезда в научную командировку в Берлин). Сообщение о раскрытии заговора «Петроградская правда» поместила 26 июля.

¹¹ Расстрельный приговор 61 человеку вынесен Петроградской губчека 24 августа. Часть специалистов, арестованных по «делу ПБО», была — по практическим соображениям и в связи с ходатайствами разных лиц — избавлена от казни. Таковы, напр., исследователи сапропеля геолог-угольщик В.И. Яворский (освобожден в конце августа) и гидрогеологи Н.Ф. Погребов и П.И. Бутов (освобождены позже): за всех троих просил через Ленина знакомый Н.К. Крупской профессор-геолог Н.Н. Яковлев. Ср. судьбы М.М. Тихвинского (после его расстрела Ленин писал Н.П. Горбунову, что «химия и контрреволюция не исключают друг друга». В.И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С.469), А.И. Горбова (освобожден, за него просил Горький), Б.В. Цванцигера (взят по «делу ПБО» в Москве 29 окт. 1921, под стражей до 9 окт. 1922).

¹² Петроградское «Революционное дело» в марте 1922 сообщило такие подробности об этом расстреле: «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской ж.д. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. Начались крики, вопли о помощи. Часть обреченных была насильно столкнута в яму, и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей». (Цит. по: Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918-1923. Изд.4-е. Нью-Йорк, 1989. С.141).

¹³ Военное положение в Петрограде было отменено 20 сент. 1921, однако аресты по «делу икс», как именовали его в высших большевистских кругах (В.И. Ленин и ВЧК. С.490), продолжались еще несколько месяцев. С ним связывались и дальнейшие приговоры (см., напр.: «Петроградская правда» от 15 дек. 1923 о деле Никитина). О «деле ПБО» см.: Голиков Д.Л. Крах вражеского подполья. 1-е изд. М., 1971. С.259-266; Новый мир. 1989. №4. С.263-269 (статья Ф.Перченка и Д.Фельдмана); Николай Гумилев в воспоминаниях современников. / Ред.-составитель В.Крейд. Париж — Нью-Йорк, 1989; Московский новости. 1989. №№44, 48 (статья С.Лукицкого).

В.И. Вернадский
ИЗ ДНЕВНИКОВ 1921 ГОДА
Публикация М.Сорокиной

Отдельная стопка листов небольшого формата, исписанных плотным, мелким почерком (карандаш). История кратковременного ареста Вл.Ив. Вернадского, записанная им по свежим следам. Записи эти говорят сами за себя и почти не требуют комментария. Поставим их только в некоторый событийный ряд.

В ноябре 1917 года академик Вернадский, бессменный член кадетского ЦК, товарищ министра народного просвещения во Временном правительстве, вынужден был бежать из Петрограда ввиду угрозы ареста. Бегство это обернулось четырехлетним отсутствием его в родном городе, и только в феврале-марте 1921 г. медленный поезд вывез ученого из Крыма в Москву, откуда он намеревался вернуться в Петроград. Как раз в это время разразилось восстание в Кронштадте.

8 марта управделами СНК Н.П. Горбунов направляет секретное письмо в Наркомпрос с просьбой охарактеризовать большую группу научной и художественной интеллигенции, среди которой ученые В.А. Стеклов, А.Ф. Иоффе, С.Ф. Платонов, Ф.И. Щербатской, В.М. Бехтерев и др. Пристальный интерес власти к настроениям научной интеллигенции вполне понятен. Ее тяжелое материальное положение, приведшее к гибели многих ученых, отражается на политическом климате. Известная приверженность интеллигенции оппозиционным партиям (на самом деле весьма иллюзорная у большинства) рождает недоверие к ней со стороны многих представителей власти, перерастающее в глубокую, патологическую подозрительность и настоящую манию «заговоров». Именно по такому варианту развиваются события после начала в апреле 1921 г. «профессорской забастовки» в Московском Высшем Техническом Училище. На первые числа июня падают массовые обыски и аресты среди бывших членов к.-д. партии. В июле-августе — стремительное развитие «таганцевского дела» с арестами профессуры и события вокруг организованного интеллигенцией Всероссийского Комитета помощи голодающим, закончившиеся также традиционной формулировкой «заговора» и арестами. Таков событийный контекст ареста Вернадского 14-15 июля 1921 г. Конкретные причины его остаются неизвестными, но, возможно, достаточным объяснением является сочетание дореволюционной общественной деятельности ученого с почти четырехлетним его отсутствием, с участием во Всепомголе и наличием близких друзей во всех перечисленных выше «заговорах».

Арест Вернадского чрезвычайно обеспокоил наркома просвещения А.В. Луначарского, и 19 июля последний обратился с письмом в ЦК РКП(б) с просьбой поставить на рассмотрение Политбюро вопрос об отношении к

академикам С.Ф. Ольденбургу и В.И. Вернадскому. На следующий день с этим письмом ознакомился В.И. Ленин, который направил его секретарю ЦК В.М. Молотову. Существует ли прямая связь между письмом Луначарского и тем, что Вернадский остался далее на свободе? Этого мы пока не знаем. 21 июля начались массовые аресты по «таганцевскому делу», Вернадский же находился в пути. Его отъезду на Мурманскую биологическую станцию ПЧК не препятствовала. Поезд увозил ученого на север, а в конечной перспективе (май 1922) — за границу.

Публикуемые записи хранятся в Архиве АН СССР (Ф.518. Оп.2. Д.11а).

Сохранены все стиливые особенности записи, устаревшие выражения, а также характерное написание Вернадским отдельных слов (например, «коммунист»). Подчеркивания автора выделены курсивом.

17.VII.921

За ст[анцией] Свирь. Челма.

Хочу записать впечатления своего ареста 14-15.VII.921.

Утром нас разбудила Модлена, сказав, что пришел уполномоченный домового комитета швейцар Курда с какими-то людьми. Наташа¹ вышла посмотреть, и мы поняли, что это обыск. Быстро оделись — вооруженные солдаты и два отвратительных типа — один коммунист на вид, «по форме», другой полуинтеллигент. Первый несомненно не полуинтеллигент, д[олжно] б[ыть], бывший студент или гимназист, идейный работник. Какое нравственное падение! Оба в шапках, довольно грубоваты. В глаза не смотрят. Пошли в кабинет. Подал главный бумагу: произвести обыск и арестовать — фамилии нет. На мой вопрос они грубо с окриком заявляют, что так полагается. Курда как представитель домового комитета заявляет, что это всегда, когда действует «летучка» (на бумаге есть надпись «летучий»).

Ст. Токари (бросил письмо Наташе).

Летучка, мол, может произвести ряд обысков. В этом элементарном уме такое действие кажется полезным и целесообразным! Полное чувство и мысль рабов и у русских революционеров, и у русской толпы. Вытряхивают книги: все книги, которые лежали на столе, были внимательно осмотрены. Количество книг приводило их в изумление и некоторое негодование. Отвратительное впечатление варваров... Исполняли свою обязанность не за страх, а за совесть. Ужасно неприятное и тяжелое чувство, когда роются в письмах, бумагах, отбирая то, что им кажется нужным для сыска. Пробуют читать рукописи — полуграмотный один из них... Это отряд т.Иванова. «Товарища» Иванова — из идейного искателя нового строя превратившегося в старый испокон тип сыщика... Спрашивает о телефоне, пытается переговорить с губ[ернской] ЧК, что делать ввиду массы книг и рукописей. Мой рабочий стол был осмотрен внимательно, забраны кое-какие письма и бумаги довольно бессмысленно. Ф.И. Успенский² пробовал с ними говорить — отвечали отвратительно грубо. Затем обыск у жены, дочери — там вещи, и они были в своей сфере. Так и видно, что это люди, которые понимают толк в вещах, мелкие стяжатели. Смотря на все это, у меня росло чувство гадливости и какое-то большое чувство того, что я мог считать людей, создавших такое проявление идеальных исканий, своими товарищами по жизненной цели и видеть в них оттенки того же настроения, которыми живет все время мой дух и дух моих друзей. У жены взяли переписку. Перешли в кабинет. Велели одеться (я был в халате). Жена хотела что-то сказать. Я заявил, чтобы известили Президента³, и тут гаденько держал себя Курда — на меня произвел впечатление

человека, с ними сговорившегося. Он полулежал в качалке и держал себя все время, как их агент. Закончил Бартольда Улугбека⁴ во время обыска.

Одежда — посоветовали взять еду; быстро поел и поехал с ними в автомобиле.

Привезли в ЧК. Грубые окрики. Привели в комнату, где регистрировали, где были уже арестованные с узелками. Тут я провел несколько часов. Солдаты не позволяли разговаривать. Какая-то старая женщина, которую я застал и которая осталась и после того, как я ушел, громко протестовала, истерически всхлипывая. С ней то простодушно, а потом грубо, перекидывались словами и чиновники, и солдаты. Солдаты мальчишки пробовали на нее кричать, смеялись, когда она жаловалась, какая-то чисто детская жестокость — открыто издевались, явно чувствуя себя нравственно неловко, когда она указывала им на свой возраст. Грубость от невежества и невоспитанности, а не от моральной испорченности. Результаты однако те же. Отобрали у меня *Eckermann Gespräche mit Goethe*⁵, палку (можете вы без нее обойтись?). «Отцом» называют меня и те, которых на вид я принимал за интеллигентов. Чиновники чрезвычайно производят впечатление низменной среды — разговоры о наживе, идет оценка вещей, точно в лавке старьевщика, грубый флирт...

Ст[анция] Пай.

День с солнцем и пасмурный: на ст[анции] Токари продают яйца, молоко, чернику только за табак. Билет от Токарей до Петрозаводска [стоит] 26000 р. Выдают рабочим серебром — об этом разговор. Жел[езные] дороги, судя по впечатлениям [от] петроградской кассы, получают не очень много: все командировки, добывают всячески — кормежка чиновников учреждений?

Среди арестованных люди самых разнообразных типов; много малоинтеллигентных.

Деревянка.

Я застал среди ожидавших одного знакомого, которого не узнал — Ал.Ф. Шидловского⁶, которого поместили в список как Жидловского. Здесь с ним нельзя было разговаривать, и его увели раньше — но я еще раз-два с ним встречался в [перипетиях?] тюрьмы и перекинулся словами.

Орзенка.

Шидловский решительно не знал, за что его взяли. Пришли в 8 ч. утра, обыскали, взяли. Взяли в первый раз. Выводили по 4-5 человек. Я вышел с 4-мя, из которых оказалось, что двое меня знали. Один Пантелеев, фармацевт, учившийся в Моск[овском] унив[ерситете] и с 1900 года работающий на хим[ических] казенных заводах.

Александровск. 21.VII.921.

Биологическая станция.

Он стоит сейчас во главе большого дела по изготовлению химических[еских] препаратов для армии. Его взяли и арестовали за то, что он был в гостях у одной старой женщины, муж которой недавно умер. Был ливень, гости были из того же дома, и они остались несколько позже 1 часа ночи, пережидая ливня — им надо было только перейти через двор. Звонок — пришли с обыском к этой даме, обыскали и арестовали ее зятя, жившего ниже, гостей задержали до утра. Утром приехали с ордерами ЧК и забрали их всех троих, не производя обыска. Второй мой знакомый — г[орный] инж[енер] Смыслов, приятель покойного Л.И. Лутугина⁷ — мне кажется, подобно последнему из активных трудовиков. Он арестуется уже не в первый раз, думает, что в связи с производящимися выборами в Петр[оградский] Совет: арестуют всех лиц, могущих влиять: настроение рабочих чрезвычайно враждебное советской власти. При обыске забрали книги, в том числе думские речи и издания. Увидя Соловьева Ист[орию] России — агент заявил, что такие книги надо жечь...

Нас привезли в большую комнату, где помещалось до 30-40 чел[овек], палату №2. Перед ней небольшая передняя с плитой, умывальником, сбоку клозетом; поднявшись на несколько ступенек, комната со сводами, заставленная кроватями и столом. Гвалт и шум разговоров, людей ходящих, смотрящих в одно окно в углу. Горит электричество всю ночь. В конце концов комната заполнилась так, что не хватило постелей и некоторые расположились на полу. Масса клопов, но внешне чисто; чистота поддерживается самими жильцами. Арестованы очень разные люди — артисты — до 35 чел[овек]. Их арестовали из Нар[одного] Дома; привезли ряд евреев из Витебск[ой] губ[ернии], арестованных за «спекуляцию» сахарином. Сахарин — в больших кристаллах — идет сейчас всюду в большом количестве; с ним борются, как с продуктом, нарушающим государственную монополию. Между тем, по словам Пантелеева, есть 2 госуд[арственные] фабрики, изгот[авливающие] лучший даже сахарин т.к. он у нас не приправа, а вкусовое вещество), но его так мало, что в продажу не пускают — идет служащим и работающим в учреждениях, куда приписаны сахарин[овые] фаб[рики] и в немногие фабрики минер[альных] вод и т.п. Зачем при этих условиях преследовать людей? Одна из очередных бессмыслиц. Привезенные евреи рассказывали ужасы и об обращении с ними, и о тюрьмах-клоповниках, в которых они находились в городке Сокольниках. Евреев вообще среди арестованных очень много, не менее 25%.

В той же камере мой сосед — огородник, мелкий служащий, попал в тюрьму из-за того, что пошел к какому-то Румянцеву, одному из современных большев[истских] чиновников сказать ему, что он

уезжает на 2 недели в отпуск и свое обязательство напилить дрова своей доли сделает после возвращения; Р[умянцева] не было дома, сын сказал, что отец пошел к брату, туда пошел и этот огородник. Там засада, забрали его и всех проходящих — торговлю с [слово неразб.] и т.п. Сидит 2 недели без допроса, дома жена и трое детей, очень нервничает, негодует. Ксендз из Колпина больше 2 месяцев сидит за помощь военнопленным; энергичный молодой человек, умный, экспансивный. С ним интересный разговор о религиозн[ом] движении; указывает на рост католического религиозного движения среди русских, частью аристокр[атических] кругов, интеллигентных. Он мне рассказывал о попытках больш[евиков] провести своего ставленника (Путятю?) в патриархи. Напоминает историю тушинского вора?

Сидят матросы анархисты, несколько очень ответственных коммунистов, меньшевик, прис[яжный] поверенный Г., приятель В.В. Водовозова⁸. Его арестовали уже второй раз; подкладка — желание определенных коммунистов захватить его квартиру с обстановкой; на этой почве у него столкновения. Очень любопытный разговор с ним о коммунизме и социализме вообще, теории относительности, новых достижениях науки. Он думает, что б[ольшевики] еще надолго; их все ненавидят, у них нет опор ни в ком, но нет силы, которая бы стала на их место; анархия будет расти. Очень интересна у него критика основ социализма. По его словам, среди коммунистов начался огромный критический процесс в этом направлении и в тюрьме большое количество коммунистов, видных партийных работников. Для него, мне кажется, что критика коммунизма есть уже теперь критика социализма. И он, как недавно В.В. Водов[озов], говорил мне о книге Е.Рихтера⁹ — по его словам, это прекрасная агитац[ионная] книжка для коммунистов — т.к. ирония Р[ихтера] непонятна массам (и интел[лигенции]), а Вод[овозов] указал мне, что Р[ихтер] был прав. В этом согласен и Г. Я помню книжку Рихтера из времен молодости — никогда не думал, что придется пережить ее уже не как утопию. Г. спрашивал, остался ли Вод[овозов] социалистом — он его давно не видал. Сам Г., мне кажется, сейчас теряет всякую путеводную нить, и его прошлое начинает ему вырисовываться как трагическая ошибка...

Легли спать; раздался грохот автомобиля. Ксендз подошел и сказал — не пугайтесь, очевидно, повезут многих — м[ожет] б[ыть], Вас — на Шпалерную, в Д[ом] п[редварительного] з[аключения]. И действительно, скоро вызвали чел[овек] 15, в том числе и меня. Дождь, опий, прохождение через грубых людей, унижение. Тут и Шидловский, и многие, кого видел утром. На автомобиле-грузовике в ужасных условиях — на корточках и коленях друг друга при грубых криках, когда пытались подыматься. Тяжелый переезд.

Выяснилось, что идут новые аресты — надо освободить помещение.

В тюрьме попадаю — в темноте — в камеру 245 — кажется; ватерклозетный запах, три постели, где спят; приняли дружелюбно, как будто полунинтеллигенты, называли «папаша» и «отец». Один предложил примоститься рядом на скамье и табуретках; решили сидеть до 8 утра (было, д[олжно] б[ыть], около 4), когда утром Родин, один из арестованных, обещал освободить койку. Впечатление пытки. Прикурнул, вынув подушку. Тяжел запах клозета. Окно открыто, но воздуху недостаточно. Это уже настоящее не только моральное, но и фактическое истязание. К утру начал писать бумагу в ЧК обо всем этом, настаивал на допросе. М[ежду] п[рочим], и раньше на Гороховой все время разговоры о допросах; там вызвали одного; все ждут, больше недели сидят без допроса. Разговоры о невероятных следователях, трагикомичные анекдоты, подобные тем, которые раньше шли о цензорах. Но тут уже не губители мысли, но губители и мысли, и жизни. Забыл указать, что на Гороховой сидят дети 11-15 лет; у нас 2, в камере №1, где сидел Шидловский, — 3-4. Наш — продукт нового времени — ненавидит большевиков, развешивал воззвания при Кроншт[адтском] восстании — не убит только из-за возраста, теперь живет на тюремном пайке, т.е. медленно умирает от голодания. Но это характерное явление: рост ненависти и чувства мести — его ощущаешь здесь необычайно интенсивно даже по сравнению с тем, что видишь вне тюрьмы. Только побывав в большевистской тюрьме, сознаешь, до какой степени она плодит и раздувает эту ненависть и чувство мести...

Утром я лег и заснул. Интересны разговоры и типы. Запах к утру стал слабее или я привык. Одиночная камера с умывальником и клозетом — где помешаются вместо одного — три человека! Нельзя почти что сделать немногих шагов, 1/2 часа отвратительной прогулки и затем голод. 1/2 ф[унта] хлеба утром, два раза кипяток, два раза жидкий «суп», вода и селедка. Это совершенное издевательство и огромное преступление. Ничего подобного не было при старом режиме, и нельзя было даже думать, что что-нибудь подобное будет в XX веке. Я и сейчас чувствую, как подымается у меня чувство негодования. У меня была еда, я не голодал, многие получали из дому и подкармливали, но все-таки кругом были полуголодные люди, как тот же Родин. А затем ряд лиц лишен передач (т.е. получения из дома пищи) и совершенно изолирован от возможности получить ее от товарищей по тюрьме. Сейчас в таком положении был ряд лиц в «политич[еском] отделении», в том числе женщины в связи с каким-то «заговором»... Когда выходишь на прогулку, многие просят кусок хлеба.

Мои спутники — характерные фигуры. Сидят 1 1/2 — 2 месяца, два без допроса, один еврей.

Солдат красноармеец Николай Родин — сидит из-за 5 селедок! Полуголодный, странный тип, думающий только об еде и в то же время временами глубокий. Раб и в то же время настоящий человек. Был денщиком и вспоминает об этом времени (уже в Красной Армии) как о чем-то прекрасном — как он в это время ел! Рассказывает об убийствах и гибели эпически-спокойно; при этом дает простые и сильные картины; ни малейшего сознания родины, России, каких-нибудь идей; совершенно безграмотный, как будто не может никак обнять, что защищает и за что кладет свою жизнь — а рядом с этим говорит: мы все обреченные, будет порядок и станут жить лучше только, когда нас всех, все наше поколение перебьют. Ругается скверными словами — и мои соседи тоже — как чем-то общепринятым, сознает, что это скверно, воздерживается при мне и говорит: вот когда сидел здесь Дм[итрий] Алекс. (кажется так), разве вы слышали (обращаясь к моим сотоварищам), чтобы я употребил хотя бы раз эти слова. Кто такой Д.А.? — инженер — говорит еврей. *Барин* — говорит Родин.

Удивительное совпадение. Р[один] попал сюда из Моршанска, рассказывал об уничтожении Пичаева, сожжении ст[анции] Вернадовки. Сгорел ли мой дом? Мне говорил Монахов за немного дней по телефону, что только поселок-станция. Но по словам Р[одина], все это уничтожено по распоряжению главнокомандующего украинскими частями. Из его слов ясно, что полного доверия к великорусским частям здесь не было. Сам Р[один] Елатошк[ого] у[езда], и он говорит, что повстанцы уничтожают дома всех тех, которые в Красной Армии, если в семье нет, то к ним пристающих. И он не знает, цел ли его дом. Я не буду приводить его бесхитростных, но по-своему сильных рассказов. Из них видно, что это *парадокс* движения: центр Пичаево, Гагарино — все наиболее живые и энергичные узлы Моршанского уезда. Повстанцев больше во много раз, плохо вооружены, и красные только держатся лучшим оружием. Их отряд 500 чел[овек] отступил, все время отстреливаясь, убив из пулеметов до 600 чел[овек] и потерял несколько человек. Однако их перевели сюда. Ясно, что везде все местные советские власти по деревням Тамб[овской] губ[ернии] исчезли и массы их перебили беспощадно. Ожесточение, по-видимому, ужасное...

Из Моршанска он попал прямо в порт Петрограда, где выгружался пароход с сельдями. Этих сельдей кругом все брали: рабочие, беря массами за пазуху, когда бондарь вскрывал бочку, караулы, которые ели их до отвала, все бесчисленные большевистские чиновники. При отходе с караула каждый солдат получал 10 селедок. Их караул на этом попался; другим сошло это даром. Все это многие тысячи селедок, ушедшие до тех пор, пока сельдь дошла до государственных складов. Сколько ее исчезнет еще, пока она дойдет до по-

требителя среди бесконечных столов (как говорит в своей утопии Чаянов)¹⁰ советских служащих. Из путанного рассказа солдата видно, что слухи о хищениях дошли до ЧК, их агенты пытались сговориться с бат[альонным] команд[иром], тот принял их за провокаторов, и в конце концов и он сам, и 25 солдат попало в Д[ом] п[редварительного] з[аключения], где, голодая, сидят уже чуть не 3-й месяц без допроса. Р[один] всячески делает мелкие услуги — и пришивает пуговицу, и уступает место, и подвергается дружеским насмешкам товарищей, особенно еврея, и временами вспыхивает в нем гнев и он ограждается, но быстро отходит. Как странно, в этом рабе я чувствую какую-то стихийную «героическую» силу. Это те, которые всегда будут поддерживать всякую власть, одинаково служа и большевикам, и царю, и являясь в действительности положительным элементом национальной жизни. Мне сейчас это трудно выразить, но это какая-то бессознательная сила, не герой Чехова, а человек, из которого может выйти и религиозный активист, искатель, и настоящий хозяин-земледелец, и дядька-денщик, преданный без лести, а такой солдат, который дает силу массовой совокупности целого. Герой-раб и человек-раб.

Рядом — волощанин — в сущности каргополец — Новожилов. Нервный, умный, батальонный командир, читающий от скуки Гоголя, полный жизненной сметки. Из крестьян, три раза ранен, думаю, офицер из солдат. Полубразованный. Практический и с сознанием происходящего. Попал без вины — в прежнее время неделя на гауптвахте. Его прикомандировали к Мурманской пограничной страже; он хотел остаться в Петрограде; недавно женился; раньше все служба в разъездах и он жену видит в течение года месяца 3-4. Через коммунистические связи нашел протекцию; рекомендательное письмо раздражило его начальника, и тот, воспользовавшись его резким заявлением и неправильной задержкой бумаг, через Особый отдел проводил в ЧК, и он 1 1/2 месяца сидит без допроса. Жена один день не пришла, и он сам не свой... Его рассказы очень интересны. Верит в будущее России крепко и стихийно. Деревня пережила и поняла. Ропот прекращается. Друг за друга против коммунистов; поняли, что они владели властью, разделяя бедных и богатых. Но и бедные от этого ничего не выиграли и второй раз на эту удочку не ловятся: бедняк указывал, что и где у богатого запрягано, у того отобрали — но попадало не бедному, а увозилось; богатый припрятывал и переставал помогать в нужде бедному. Невыгодно. Его вера в лучшее будущее, как неизбежное, и в происходящее перерождение народа невольно действует: говорит не интеллигент, а представитель того же народа. В армии — все старое; много коммунистов среди офицерства. Большев[истская] власть не прочна; как протянется, неизвестно, но близок конец... Как вы думаете, Алекс. Ник[олаевич], —

обращаясь к еврею — что если прорвется, будет страшная кровавая месть. Страшно и думать, отвечает тот. Будет что-то ужасное.

Сейчас вся тюрьма ждет этого чего-то непреодолимого, но неизбежного. И это говорится на каждом шагу. Меня все спрашивают: что произойдет в П[етрограде] — и удивлялись, когда я говорю, что ничего. Они говорят, что ком[унисты] в ЧК нервничают.

Третий мой сожитель, умный петрогр[адский] еврей, без акцента; в 1917 г. кончил гимназию (еврейскую) и, очевидно, весь вошел в политику; 22 года — я думал, ему за 30. Не коммунист, но служит правдой, важный занимал пост начальника пересыльного пункта, где сосредотачивались дела по освобождению от воин[ской] повин[ности], переходах из одной части армии в другую и т.д. Новожилов был у него, как у начальства, а через 2 дня увидел его в тюрьме. Арестован по обвинению во взятках и освобождению от в[ойнс]кой сл[ужбы] за взятки; резко опровергал и на меня произвел впечатление искренности. Он не похож на вора или взяточника. Сперва арестовали его подчиненных; там были, несомненно, такие случаи, причем, один вызван провокацией ЧК. Он рассказывал (его фамилию я не помню; сложная на -ский) невероятные вещи о следователе и обрисовал всю унижительную и столь же не считающуюся с человеческим достоинством процедуру арестов, обысков и т.д. В среде советских служащих, нередко коммунистов. Ему предлагали его выпустить, если он «даст» 13 человек следователю. Тот на него кричал, когда он не захотел подписать протоколов, где все было написано неверно, и тот говорил сл[едующее] — пусть он его поставит к стенке — но он не подписался. Указывает, что если еще пройдет 1 1/2 месяца, он себя убьет. Не верит в будущее ком[унистов] и считает, что дело подходит к концу. Для него, как и для всех, ясно, что ничего создать ком[унистам] не удалось и они потерпели полное фиаско в устройстве жизни. Как будет, неизвестно — но ясно, что конец подходит.

Удивительно это однообразное впечатление — масса невинных людей, страданий, бесцельных и бессмысленных, роста ненависти, гнева и полной, самой решительной критики строя...

Я переживал чувство негодования, как захваченный какой-то отвратительной грубой силой, и все мое стремление было ей не подчиняться. Решил бороться изнутри, ясно сознавая, что извне сделают друзья все. Но оказалось — нельзя писать по начальству до среды — а я был арестован в четверг, решил писать старосте, вызвал доктора, решившись требовать перевода из клозета. Но в 6 или 7 ч[асов] веч[ера] меня вызвали на допрос. Мои сожители удивились такой быстроте. Следователь Куликов явно дал мне понять свое благожелат[ельное] отношения, и я понял с первых же слов (наслышавшись от окружающих о их поведении), что я здесь имею человека предубе-

жденного в мою пользу. Допрос внешний: человек он интеллигентный, по-видимому, — да и он сам сказал — он знает мое прошлое. Не верил, что я не был в Лондоне в промежутке 1918-1921¹¹. Рассказал ему о моих попытках и необходимости уехать для окончания моей работы, причем я вовсе не хочу эмигрировать, сказал я, — конечно, если вы не станете ставить меня в такое положение, как сейчас. Он, кажется, убедился в том, что я не лгу. Точно также он сперва никак не мог понять, что я непрерывно с 1906 академик и с 1915 председатель КЕПС¹². Рассказал ему сжато, но правдиво, все с 1918-1921, и все занес в протокол. Он знал, что я был в к[а]д[етской] [партии], что я был тов[арищем] мин[истра]¹³ и т.д. Он заявил, что, конечно, Сов[етская] вл[асть] меня отпустит за границу, «временно», конечно (тут я ему и ответил то, что только что написал об эмиграции), что они понимают мое положение. О поездке в Лондон лучше я не буду писать, сказал он, иначе опять может произойти какое-нибудь недоразумение. Как хотите, сказал я. Спрашивал о Палладине¹⁴, по-видимому, в его письме, захваченном у меня, — о поездке в Лондон, и они не разобрали, в чем дело, а м[ожет] б[ыть], и что-нибудь другое. Он заявил, что меня выпустят, вероятно, завтра, наверное, до обеда. Я попросил, чтобы он постарался выпустить меня раньше: в моем возрасте и при моем здоровье сидеть в клозете губительно. Он обещал и исполнил свое обещание. Прощаясь, он сказал — советская власть должна перед Вами извиниться за этот арест. Что-то вроде того, что они сознают мое значение как умственной силы, как ученого и как нужного специалиста... Допрос происходил в большой комнате, где рядом допрашивал другой следователь и раздавались истерические всхлипывания допрашиваемой женщины...

Через 2 часа меня вызвали к освобождению. Такая быстрота была совсем необычной, и тюремщики удивлялись такой быстроте. Еще новый обыск, ряд формальностей, и в 10 1/4 ч[аса] вечера я вышел из тюрьмы, испытывая и переживая чувство негодования, поспраивая своего достоинства и человеческого достоинства и глубокого сострадания к страдающим за ее стенами. Почему-то мне ближе не чувства Достоевского, а чувства Диккенса и впечатления Пикквика, а не Мертвого дома — там, в Мерт[вом] доме все-таки не больше тюремного, чем в большевистской тюрьме...

Оказалось, что хлопотал Кузьмин¹⁵, посланы были телеграммы к Ленину и Семашко и Луначарскому¹⁶. Кузьмин был готов взять меня на поруки. В разговоре с Сергеем¹⁷ — он был ведь тов[арищем] м[инистра] н[ародного] пр[освещения] при Вр[еменном] прав[ительстве] — да того министра, который стоит перед Вами... Кристи¹⁸ нашел лучшим, чтобы я пока не подписывал бумаги КЕПСа — красный бюрократизм не отличим от всякого другого. В субботу Кар-

п[инский] получил телеграмму от Горбунова (секр[етаря] СНК)¹⁹, что я вчера освобожден. Думаю, что распоряжение последовало из Москвы. И Сергей говорил, что освобождение последовало необыкновенно быстро... Когда он сидел — удалось лишь через 4 дня²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жена В.И. Вернадского — Наталья Егоровна (урожд. Старицкая) (1860-1943).

² Успенский Ф.И. (1845-1928). Выдающийся русский историк-византист, академик.

³ Имеется в виду президент Российской Академии наук геолог А.П. Карпинский (1846-1936).

⁴ Речь идет о работе академика В.В. Бартольда «Улугбек и его время» (Пг., 1918).

⁵ Эккерман И.П. Разговоры с Гете.

⁶ Возможно, речь идет об А.Ф. Шидловском (1863 — не ранее 1934), — члене Русского Географического общества, известном библиографе и исследователе русского Севера.

⁷ Лутугин Л.И. (1864-1915) — геолог, профессор Горного института в Петербурге, один из руководителей Петербургского бюро Союза инженеров и техников, известный общественный деятель.

⁸ Водовозов В.В. (1864-1933). Участник освободительного движения петербургского студенчества (1883-1887), сотрудник радикальной демократической печати. Эмигрировал в 1926 г. в Прагу, где покончил с собой.

⁹ Имеется в виду памфлет одного из лидеров немецкой «партии свободомыслия» Е.Рихтера (1838-1906) «Социал-демократические картинки будущего», в котором он выдвинул свою знаменитую «бережливую Агнессу» — бедную швею, имевшую несколько десятков марок в сберегательной кассе и ограбленную «злыми» социалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки в государственную собственность.

¹⁰ Чайнов А.В. (псевд. Ив.Кремлев) (1889-1939). Известный экономист-аграрник. Автор ряда литературных произведений, в том числе «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (М., 1920), о которой идет речь в дневнике.

¹¹ В течение 1918-1921 гг. В.И. Вернадский находился сначала в Полтаве, затем в Киеве, где стал первым президентом Украинской Академии наук, в дальнейшем — в Крыму, где в Таврическом университете читает лекции по геохимии, а в сентябре 1920 г. избирается ректором этого университета. По признанию самого ученого, именно избрание ректором университета и вытекающая отсюда ответственность за его судьбу заставили В.И. Вернадского отклонить предложение об отъезде в Англию.

¹² КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России, основателем и руководителем которой являлся В.И. Вернадский.

¹³ С августа 1917 г. В.И. Вернадский — товарищ министра народного просвещения Временного правительства, которым сначала был С.Ф. Ольденбург, а затем С.С. Салазкин.

¹⁴ Палладин В.И. (1859-1922). Ботаник, физиолог растений. Академик с 1914 г. Работал вместе с Вернадским в Таврическом университете.

¹⁵ Кузьмин Н.Н. (1883-1939). Окончил Петербургский университет. Помощник командующего Балтийского флота.

¹⁶ Приводим текст одной из таких телеграмм, хранящейся в Архиве А.М. Горького: «Только что арестован сегодня четверг академик Владимир Иванович Вернадский орденом губчека 889. Ничем не мотивированный арест произведет самое тяжелое впечатление за границей где Вернадский в ученых кругах широко известен. Мы поражены и глубоко протестуем против такого насилия над заслуженным товарищем. Академия посылает телеграммы Ленину Луначарскому. Академия просит Вашей немедленной помощи. Непременный секретарь Ольденбург».

Луначарский А.В. (1875-1933). Народный комиссар по просвещению РСФСР, которому непосредственно подчинялась Академия наук.

Семашко Н.А. (1874-1933). Народный комиссар здравоохранения РСФСР, активно содействовал возвращению Вернадского из Крыма.

¹⁷ Начиная с этого места, Вернадский передает реплику Ольденбурга в разговоре с Кузьминым.

С.Ф. Ольденбург (1863-1934). Востоковед, индолог. Непременный секретарь АН с 1904 по 1929 гг. Министр народного просвещения Временного правительства в июле-августе 1917 г. Друг В.И. Вернадского со студенческих лет.

¹⁸ Кристи М.П. (1892-1937). В 1918-1926 гг. — уполномоченный Наркомпроса в Петрограде.

¹⁹ Горбунов Н.П. (1892-1937). С 1920 — управляющий делами СНК РСФСР. С 1935 г. — неременный секретарь АН СССР.

²⁰ С.Ф. Ольденбург был арестован в сентябре 1919 г. как бывший член ЦК кадетской партии.

Ю. Айхенвальд

ЛАГЕРЬ НАЧИНАЕТСЯ С ГАРДЕРОБА

«В тяжелые годы разрухи правительство постоянно заботилось об улучшении материального положения работников театра, внимательно и чутко относилось к нашим запросам. По указанию правительства театр был капитально отремонтирован.»

(Вера Пашенная. Искусство актрисы. М., 1954. С.125-126.)

I

9 июля 1920 г. С.А. Головин, выбранный директором материальной части Малого театра, отправляет в Главное управление приудительных работ республики срочную телеграмму:

С сего числа в Государственном Малом театре начинается большой строительный ремонт и другие разного рода приготовления к предстоящему сезону. В виду этого Дирекция Государственного Московского Малого театра просит Вашего распоряжения оставить на работах всех военнопленных, находящихся по наличию на 9-е сего июля, а именно: Кожуховского — Сироштан, Пономарева, Устюгова, Андрианова, Пупышева, Краузе, Папушина, Трефилова, Ушакова, Сторожук, Букс и Ковалева и Андроньевского — Митрополевского, Лебедева, Дюран и Дюмон, так как подыскать взамен их других рабочих нет возможности, и в случае, если военнопленные будут откомандированы, театр останется в безвыходном положении¹.

В телеграмме названы два московских лагеря, которые поставляли театру рабочую силу — Кожуховский (ст. Кожухово, Моск. окр. ж.д.) и Андроньевский (помещался в зданиях б.Андроньевского

¹ ЦГАЛИ. Ф.649 (Государственный Академический Малый театр). Ед. хр.131 («Переписка дирекции Малого театра с администрацией Андроньевских, Кожуховских, Покровских и Семеновских трудовых лагерей г.Москвы о работе военнопленных в Малом театре по ремонту здания, заготовок дров и др. Удостоверения, выданные военнопленным о их работе в театре»). Л.52. — В дальнейшем, ссылаясь на документы, я буду указывать только номера листов (непосредственно в тексте), т.к. фонд и опись, используемые мною в этой статье, остаются теми же.

монастыря, ныне — музей древнерусской живописи им. Андрея Рублева). Официальное название Кожуховского лагеря, видимо, еще не выработалось: на письме лагерной администрации, направленном в Дирекцию Малого театра 9 января 1920 г., стоял штамп: «Кожуховский сборно-распределительный пункт военнопленных» (л.2). Одиннадцать дней спустя угловой штамп определяет лагерь иначе: «Кожуховский сборно-распределительный эвакуационный пункт военнопленных».

Однако еще в начале января 1920 г. Дирекция Малого театра, пренебрегая этими смысловыми нюансами, назвала Кожуховский лагерь «концентрационным». Дирекция обратилась тогда в Хозяйственный отдел Московского Совдепа с просьбой выдать за счет театра «для присланных из концентрационного лагеря военнопленных на работы в театр 50 комплектов белья и 35 штук тюфяков». Резолюция Совдепа была лаконичной: «За неимением отказать» (л.1). Уж не знаю, как обошлись без тюфяков военнопленные, жившие при Малом театре.

Что касается будущего Рублевского музея, то в документах 1920-1921 гг. он именуется: «Андроньевский концентрационный лагерь принудительного труда» (в одном случае — «особый концентрационный лагерь»). Как видно из текста телеграммы, в Андроньевском лагере военнопленные тоже были.

Возможно, неустойчивость наименования как-то связана с неопределенностью самого статуса военнопленных белогвардейцев во время Гражданской войны. (Фамилии заключенных явно указывают на то, что речь идет именно об участниках белого движения, а не о военнопленных поляках.) Ситуацию несколько проясняет (или, наоборот, запутывает) записка коменданта Кожуховского лагеря Теймана, адресованная Пронину, завхозу Малого театра (стилистику и орфографию воспроизвожу полностью; так буду делать и дальше применительно к прочим документам):

Тов. Пронин!

Отвечаю на Ваше письмо. Я вам очень благодарен за билеты, но что касается к рабочим так сожалению не могу вам послать потому что настоящее время в лагере находятся только потслетственные и на внешние работы не годные. Как только придут такой элемент каго можно послать так в первую очередь прошу позвонить по телефону № 47-64 или 3-59-80.

Тейман. (л.230)

Вследствие крайне экономного расходования знаков препинания комендантом Тейманом, последняя фраза плохо понятна. Возможно, Тейман надеялся, что «элемент» придет сегодня же к вечеру. Очевидно, пленные белогвардейцы содержались на положении заключен-

ных, разделенных на разные категории, в числе которых есть и такая, как «потслетственные». Последние содержались, видимо, на более строгом режиме, чем остальные, и не подлежали отправке на «внешние работы».

Заключенных, работавших в Малом театре, не возвращали на ночь в лагерь. Они жили там же, в здании б. Театрального училища на углу Неглинного проезда и Софийки (д.2/6). Всего на 1 мая 1920 (список на л.33) за Малым театром числилось 27 арестантов: 15 человек из Кожуховского лагеря (т.е. точно военнопленные), 3 — из Андроньевского, 7 — из Новопесковского (Новопесковский пер. д.5), про двоих установить, откуда они, мне не удалось. Работали они не столько «по ремонту», сколько на обычных должностях театральных рабочих. В том же списке указаны: бутафоров — шестеро; гардероб — двое; машинное отделение — четверо; дворников театра — трое; дворников школы (имеется в виду Театральное училище) — трое; столяр — один; в помещениях (так в списке) — двое; староста заключенных — один; в больнице — двое; незанятых — двое; у Кондарова (театральный электрик) — один.

Кадры эти были весьма текучи.

6 мая комендант Новопесковского лагеря затребовал бутафора Тимофеева Федора и рабочего машинного отделения Яковлева Василия обратно в лагерь «вследствие полученного приказа Президиума ВЧК за №22 и предписания Управления Московских лагерей Принудительного труда» (л.32). Это распоряжение было датировано 30 апреля 1920 г., а получено в театре только 6 мая.

«Немедленно откомандировать», — наложил резолюцию Головин. Красными чернилами — в знак особой важности дела! — написано: «Получено в 4 часа 6/V от Пронина. 4 ч. 30 м. 6/V-20 г.»

Вскоре комендант затребовал другого Яковлева — тоже из машинного отделения — Яковлева Кузьму, на сей раз для освобождения (л.43). 11 мая 1920 г. был возвращен в Новопесковский лагерь еще один работник машинного отделения, Иван Юхневич (л.34). Из четырех, работавших в этом отделении, остался один Пономарев Захар.

Так что у дирекции театра к 9 июня были все основания волноваться по поводу рабочей силы. В этот день, кроме телеграммы, в Главное Управление принудработ на имя т.Зангель было отправлено отдельное отношение с просьбой оставить на работе в театре в случае их освобождения Айзика Букса и Владимира Краузе (л.50).

Обе бумаги вызваны, по-видимому, слухами о каком-то изменении в положении бывших пленных. Изменение это наступило: в связи с советско-польской войной военнопленных белогвардейцев стали забирать в Красную Армию. Театр оказался в отчаянном положении.

В виду происходящего в настоящее время ремонта Малого театра встречается крайняя необходимость рабочих сил, так как из потребного количества рабочих имеется всего 25% и найти на бирже труда не представляется возможным, а потому, имея в виду срочность работ, дабы окончить таковые к началу сезона, Дирекция Малого театра убедительно просит откомандировать для работы 30 человек, присовокупляя, что в распоряжении Малого театра находилось 45 человек, из которых 4 умерло в Брестской больнице, 12 освобождены и 13 отозваны по разным причинам и таким образом осталось всего 16 человек, т.е. столь малое количество, которое не в состоянии обслуживать даже самые неотложные нужды театра, не говоря уже о работах по ремонту и предстоящих работах по заготовке дров.

Управляющий делами Дирекции (Подпись). (л.56).

Датирован документ 4 августа 1920 г.

Была ли удовлетворена просьба управляющего делами? Вряд ли, особенно если учесть неблагоприятный оборот событий на Польском фронте.

11 октября 1920 г. администрация Малого театра получила телефонограмму от коменданта Кожуховского лагеря с требованием вернуть в лагерь 10 военнопленных-рабочих «ввиду призыва их в Красную Армию». Кое-кого удалось отстоять на короткое время, — например, Папушина до марта 1921 г. Айзик Букс, портной, и Владимир Краузе, «хорошо усвоивший работу по постановочной части», оставались в театре еще в июле 1921 г. 19 июля 1921 г. Дирекция Малого театра просит Политическую Комиссию при Главном Управлении Общественных работ освободить военнопленного Айзика Букса для постоянной службы в Малом театре «ввиду того, что вышеназванных специалистов театрального дела на бирже труда не имеется» (л.357). К этому документу (копии; подлинник надо было представить Комиссии) приложена расписка: «Одношене для пирдаче в политическе комис. получил. Букс». Местечковский портной из бывших белогвардейцев соглашался, что он теперь незаменим. 12 августа 1921 г. с той же просьбой Дирекция обратилась к Московскому Военному комиссару, но теперь она просила за Владимира Краузе. По-видимому, ни Краузе, ни Букса освободить не удалось, хотя за портного театр просил еще и 30 августа 1921 г., обращаясь уже в Центрозвук. После августа 1921 г. имена Краузе и Букса больше не встречаются.

По документам прослеживаются фрагменты судеб некоторых других военнопленных, призванных на службу Мельпомене.

На денежных расписках марта 1920 г. Дюмон расписывался за Дюрана, Дюран за Дюмона. В декабре 1920 г. Дирекция Малого те-

атра опять-таки просит за них двоих; начальственная подпись внизу листа требует, чтобы бумага была написана отдельно про каждого. Сергей Иванович Дюран и Роберт Андрианович Дюмон занимали в театре должностные корреспондентов. Судя по тому, что Дюран то принимал рабочую силу из других лагерей, то привозил комендантам бумаги из Малого театра, «корреспондент» был чем-то средним между экспедитором и курьером. Можно предположить, что люди эти принадлежали к образованному обществу.

На листе 183 есть письмо театра коменданту Кожуховского концлагеря с просьбой отпустить продукты, а также портянки, лапти и мыло для 11 заключенных, прикомандированных к Малому театру. Письмо это (от 23 июля 1920 г.) подписал староста заключенных С.И. Дюран. В декабре Дюмона и Дюрана освободят, и Дирекция оставит их на службе в театре. В юбилейном сборнике, посвященном столетию Малого (1924 г.), на фотографии служащих есть и Сергей Дюран. Это единственный военнопленный и, кажется, единственный бывший заключенный вообще, оставшийся при театре.

Приведем отрывок из еще одного документа, за которым мне видится не то, чтобы биография — так, эпизод, случайное любительское фото 1920 г.

14 октября Михайловский сельский совет Усовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии выдал Папушиной Маланье удостоверение в том, что действительно один сын ее Иван в Красной Армии, другой сын Артемий умер, а третий сын Сергей тоже служит в Красной Армии.

...так что в семье Папушиных осталась только старушка мать и сироты, так что хозяйство у них разорено. Потому просим Вашего распоряжения отпустить Папушина Сергея в отпуск насколько будет возможно для распоряжения имущества.

(л.87).

(К сожалению, невозможно воспроизвести штамп Михайловского сельсовета на этом жалобном Удостоверении. Вид штампа забываем: четырехугольный угловой штамп, как и круглая печать, тщательнейшим образом нарисованы обычным пером. Потребность, более того, сознание необходимости штампа и печати были налицо, но ничего из этого по тогдашней разрухе под рукой не имелось. И, как бы подчеркивая обязательную преемственность канцелярских традиций, сибирский писарь прямо-таки по-кулибински изобрел способ воссоздания их из ничего.)

Между тем Папушин Сергей, даже если он и побывал в Красной Армии, то вряд ли задержался в ней надолго: телеграмма от 9 июля, цитировавшаяся в начале статьи, называет его имя в числе военнопленных белогвардейцев Кожуховского лагеря. Похоже, что в Ми-

хайловском сельсовете знают об этом повороте в судьбе земляка — Удостоверение выдано для предъявления в «Московский отдел пригудительных работ».

Маланья, добравшаяся до самой Москвы через всю искалеченную войной и разрухой Россию, Папушина Сергея могла в Москве не застать: еще в сентябре, как видно из его командировочного удостоверения (л.88), он был отправлен на подмосковную станцию Крюково заготавливать для Малого театра дрова. Но даже если Маланья Папушина и нашла Сергея в Москве, в отпуск домой он не уехал: в марте 1921 г. он по-прежнему оставался при Малом театре.

Вот и все, что нам известно о Папушине Сергее, уроженце с. Михайловское (или Михайловка) Усовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии.

Однако, как мы уже видели, не только военнопленные укрепляли свои трудом фундамент российского искусства.

II

В Дирекцию Малого Государственного театра от 31 мая 1921 г.

При сем препровождаю в Ваше распоряжение 15 заключенных в/м² лагеря согласно прилагаемого списка для постоянных работ с общежитием при учреждении и с ответственностью учреждения за побег.

Основание. Ордер Моск. упр. пр. раб. №53.

Приложение. 1) Список заключенных. 2) Извещение к ордеру №53.³

Комендант лагеря.

Врид зам. канцелярии.

(Подписи неразборчивы). (л.295)

Список заключенных Покровского лагеря, откомандированных в Малый Государственный театр согласно ордера №53.

[№№]	Фамилия, имя, отчество	Кем осужден	За что	Срок наказания	Прим.
51	Базылев Александр Иванович	Народн. Суд Пресненск. р-на	покушение на кражу	6 мес.	портной
5925	Герштейн Вячеслав Николаевич	Нар. Суд Сокольнич. р-на	кража	6 мес.	телефонист

² вероятно — «вверенного мне».

³ Извещения к ордеру в деле нет.

[№№]	Фамилия, имя, отчество	Кем осужден	За что	Срок наказания	Прим.
8314	Гусятников Григорий Семенович	Нар. Суд Брон. р-на	спекул.	1,5 г.	техник
8206	Деменюк Константин Осипович	Нар. Суд. Пр. р-на	кража	6 мес.	слесарь
9926	Ермилов Иван Григорьевич	М.Ч.К.	похищ. прод. кар.	3 г.	литограф
1636	Задерман Григорий Львович	М.Ч.К.	спекул.	3 г. 4 м.	конторщик
1737	Кондаков Михаил Ефимович	Нар. Суд Сокольн. р-на	кража	8 м.	телефонист
6992	Леонов Андрей Михайлович	Стрел.(?) р-н, Нар. Суд	дезерт.	3 г.	телефонист
6398	Михайлов Яков Михайлович	Нар. Суд Стрел.(?) р-на	барышник театр. билетами	6 м.	курьер
1150 ⁴	Озоль Карл Карлович	Ревтрибунал Республики	дача взятки	6 м.	бухгалтер
5365	Привезенцев Козьма Ефимович	М.Ч.К.	спекул.	3 г.	лесопромышленник
8350	Рукованов Егор Федорович	Р.Т.Ч.К. ст.Москва	нелегальный проезд	3 м.	телефонист
1945	Сайкин Константин Филиппович	Нар. Суд Сокольн. р-на	кража	1 г.	железнодорожник
157	Третьяков Алексей Николаевич	Нар. Суд Рогожск.- Симон. р-на	пьянство и неприятие противопож. мер	1 г.	часовой мастер
3458	Лындин Иван Осипович	Нар. Суд Сокольн. р-на	кража		литограф

То было светлое время, когда вместо крючкотворства с разными параграфами и статьями преступление обозначалось душевно, прямо по существу, причем с подробностью, с одной стороны, не оставлявшей места для сомнений, а с другой — стимулирующей фантазию. Что, например, был за сюжет с Третьяковым, часовым мастером, пившим, но не предпринимавшим противопожарных мер?

⁴ Рядом с номером приписано: «Бухгалтер по иностранным языкам».

Или вот еще — Транспортная Чрезвычайная комиссия, подчинявшаяся, как и прочие органы ЧК, самому Дзержинскому, не побрезговала взяться за телеграфиста Рукованова с его «нелегальным проездом». А отношение к Якову Михайлову, барышничавшему театральными билетами? Театр — искусство тонкое, интеллигентное, — и Народный Суд не приравнял Михайлова к спекулянтам (спекуляция каралась так же строго, как дезертирство), дав ему всего 6 месяцев, и лагерная администрация мудро отправила его отбывать срок по специальности, в Малый театр. Среди осужденных люди самых разных профессий: портной, слесарь, лесопромышленник, двое литографов, четверо телефонистов — обилие телефонистов показывает, что данная выборка нерепрезентативна.

Можно ли по этому и подобным документам нашей описи судить о сроках, которые разные инстанции в судебном или административном порядке давали за те или иные нарушения, руководствуясь, за отсутствием Кодекса, революционным правосознанием? По первому впечатлению, здесь трудно усмотреть какие-нибудь закономерности. Так, из материалов на л.л.469-473 видно, что в ноябре 1921 г. был освобожден по амнистии двадцатидевятилетний Василий Константинович Стреблев, получивший «за появление в нетрезвом виде» год заключения. Тот же срок получил двадцатичетырехлетний Николай Александрович Розанов — за дезертирство; а 18-летний Иванов — «за злостное труддезертирство» — всего полгода.

Похоже, что революционная Фемида не увлеклась большими сроками. Но она, освобожденная от повязки законов на глазах, была по-орлиному зоркой и давала малые сроки за малые дела. Например, Григорий Грачев, 20 лет, был приговорен на месяц заключения в лагерь «за утайку дров» (л.187), а однофамилец его Грачев Игнатий Назарович, 26 лет, получил месяц лишения свободы «за халатное отношение к работе» с обязательной явкой после освобождения к «Московскому Бранд. майору».

Призывы руководителя ВЧК сделать концлагеря оружием в борьбе за порядок и трудовую дисциплину (см.: Из истории ВЧК: 1917-1921 гг.: Сборник документов. М., 1958. С.256) неукоснительно выполнялись. Хотя, учитывая уровень исполнителей, загадочно назвавших Карла Озоля «бухгалтером по иностранным языкам», все это было непросто.

Среди заключенных, работавших в Малом театре, был и преступник, которого можно назвать «политическим». Это был Михаил Михайлович Кашин, 34 лет; по решению МЧК он получил три года «за распространение ложных слухов». Кашина арестовали 2 сентября 1920 г. (л.480) и выпустили «с обязательной явкой в комтруд» 19 мая 1922 г. (л.518). Он просидел меньше положенного благодаря осенней амнистии 1921 г.

Чем именно занимались в театре все эти «з/к з/к» — не ясно. Судя по материалам на л.489, они использовались и на внутренних работах. Так что звезды русского театра Вера Николаевна Пашенная, Евдокия Дмитриевна Турчанинова, Александра Александровна Яблочкина имели удовольствие видеть в числе театральной obsługi арестантов. И уже не военнопленных, не этих несчастных, среди которых были люди образованные и воспитанные, вроде Дюмона и Дюрана, — нет, просто мелкую уголовную шушеру. Однако в отличие от военнопленных и зеков двадцатого года, малосрочники 1921-1922 гг. не получали, видимо, театральных специальностей.

III

Итак, в 1920-1922 гг. в Москве возродилась давняя российская традиция — театральное искусство, опирающееся на подневольный труд. Правда, крепостных актеров уже (еще) не было — до Воркутинского театра драмы и оперетты и мейерхольдовских постановок Варпаховского в Магадане оставалось почти два десятилетия. Однако начало было положено. Трудно сказать, насколько волшебная сила искусства способствовала возрождению взятокодателей, дезертиров и безбилетников к новой жизни; обратное же влияние — лагеря на театр — по документам заметно прослеживается. Прежде всего это обратное влияние связано с проблемой охраны заключенных. Дело в том, что передавая театру рабочую силу, Управление принудительных работ предоставляло ему самому обеспечить положенную охрану. Мы не знаем, каким образом дирекция Малого выходила из положения — денег на вольнонаемный конвой у театра явно не хватало, о чем свидетельствует

РАСПИСКА

Дана сия от Кожуховского пункта тов. Голубевой в том, что от нея принят в лагерь Лазарев, возвращенный с работ из Малого театра

(л.28)

Стало быть, в конвоиры приходилось брать даже женщин. Вряд ли при таких условиях охрана могла быть особенно жесткой. И в самом деле, заготавливать дрова для театра заключенных отпускали все без конвоя. Да и из театра всегда можно было отлучиться на часда в город, на волю.

Естественно, были побегии. 19 мая 1920 г. бежали бутафоры Иван Свояковский и Станислав Шубевик, заключенные Кожуховского лагеря, военнопленные, по национальности поляки. Леонов Андрей, дезертир, осужденный на три года, через две с небольшим недели

после прибытия в распоряжение Малого театра «ушел из общежития и до настоящего времени не возвращался» (л.326). И двух недель не прошло, как Константин Деменюк, слесарь, осужденный на полгода за кражу, «оставшись дневальным в общежитии, скрылся. До сего времени не возвращался, о чем хозяйственная часть Вас извещает», — как сообщил коменданту Покровского лагеря завхоз Малого театра (л.321).

Естественно, лагерная администрация требовала от Малого театра более строгой охраны заключенных. Управление Принудительных работ при Отделе Управления Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов 12 июня 1921 г. направило своему представителю при Большом и Малом театрах Москвы отношение, где говорилось:

Предложить администрации Государственных театров

- 1) Увеличить состав конвоя до достаточного числа (1 конвоир на 4 заключенных) для охраны заключенных — работающих в театре.
- 2) Оборудовать строго изолированное и удобное во всех отношениях общежитие для заключенных.
- 3) В случае неприемлемости 1 и 2 пунктов предложения взять подписку с администрации о том, что вся ответственность за побеги заключенных ложится на нее.
- 4) Росписку эту срочно представить в Москвуправление и 5) При отказе выдать росписку — предупредить, что все заключенные будут немедленно отозваны.

(л.356)

Поскольку заключенные не были отозваны, требуемая расписка была дана или договорились устно, без формализма.

После этого 17 сентября 1921 г. з/к Курлятков Федор из Покровского лагеря «скрылся с работ и неизвестно, где находится» (л.401). А 7 октября Макаров Иван из Семеновского лагеря, отправившись «на внешние работы по уборке дров», в Малый театр так и не вернулся (л.433). В результате Мосуправление Принудительных работ 5 ноября 1921 г. обратилось к Дирекции Малого театра:

Ознакомившись с рапортом Представителя Мосуправления Принудработ при Большом и Малом театрах о совершенном отсутствии охраны заключенных, откомандированных из Московских лагерей на постоянные работы в Академические театры с общежитием при них, Мосуправление, считая такое положение нарушением со стороны Дирекции Академических театров принятых на себя обязательств указывает на срочную необходимость организовать охрану хотя бы из вольнонаемных милиционеров.

(л.451)

Сверх того, Мосуправление потребовало, чтобы театр содержал на свой счет «коменданта и двух надзирателей по существующим ставкам, установленным Мосуправлением Принудработ» (л.47). В конце концов Дирекция театра пришлось выдать коменданту Мосуправления Принудработ Черкасову удостоверение, что он «имеет свободный пропуск на сцену во время спектаклей и репетиций для проверки заключенных».

В быту театра появлялись лагерные черты. Пожалуй, наиболее выразительное свидетельство тому — полученная Малым театром бумага со штампом: «РСФСР. Отд. Принуд. работ. Комендант Брестской Центральной Концентрационной больницы» (была уже и такая!).

Бумага эта помечена 20 марта 1920 г. и обращена к «Коменданту Малого театра». В ней сказано: «При сем препровождаю выздоровевших арестованных вверенного Вам лагеря, а именно: Михайлов Петр».

Михайлов Петр, дворник театра, был из Новопесковского лагеря.

Но теперь и самый Малый театр оказывался лагерем.

IV

Все-таки грешно нам сегодня бросать Малому театру безоглядные упреки в осквернении алтаря муз. Наверное, для руководителей театра использование заключенных осмыслялось не только как удачное решение проблемы с рабочей силой, но и как возможность помочь «несчастливым». Можно предположить, что в отношении военнопленных белогвардейцев на эту традиционную жалость к арестантам накладывались и политические симпатии, которые значительная часть русской интеллигенции питала в те годы к белой идее. Что же касается самих заключенных, то вне всяких сомнений, лагерному сидению они предпочитали необременительную работу и полусвободную жизнь при театре. В те патриархальные времена при доброжелательном отношении работодателей можно было, например, получить удостоверение вроде следующего:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Прикомандированный для работ к Государственному Московскому Малому театру из Андроньевского концентрационного трудового лагеря Сухотин Николай состоит рабочим по постановочной части театра и имеет жительство в здании Театрального училища (угол Софийки и Неглинного проезда, д.2/6).
Основание: Распоряжения Заведывающего Отделом Принуд. Работ Республики тов. Медведя и отношение коменданта Андронь-

евского концентрационного Трудового Лагеря от 10 февраля 1920 г. за №636.

(л.10).

Подписано И.Платоном (режиссер, выбранный директором административно-финансовой части) и управляющим канцелярии.

Удостоверение давало возможность его владельцу передвигаться по Москве без конвоя. В марте 1920 г. — до Дюрана — Сухотин был старостой заключенных, откомандированных в Малый театр. Некоторое время спустя его отпустили на неделю для поправки домашних дел в Тулу. 12 октября 1920 г. он принимает десятерых заключенных из Владыкинского лагеря уже в качестве сотрудника хоз. части Малого театра (л.69).

Кроме того, Дирекция театра давала хорошо работающим заключенным положительные характеристики, которые могли ускорить освобождение. Вот пример такой характеристики (л.479).

ОТЗЫВ от 12/ХІІ-21 г.

При канцелярии Государственного Малого театра работает с 23 апреля с/г прикомандированный на работы из Покровского лагеря з/к Задерман Григорий Львович.

С момента своего прикомандирования и до настоящего времени, т.е. в течение 8 месяцев гр.Задерман как сотрудник канцелярии относится к своему делу не только добросовестно, а отдается ему целиком, работая без перерыва не только урочное время, но и выходя из установленных нормой рабочих часов.

Гр.Задерман, арестованный 28 апреля 1920 г. и, таким образом, лишенный свободы 1 год и 8 месяцев, осужден Коллегией Спекулятивного отдела МЧК за подозрение в спекуляции 26/Х-20 на три года четыре месяца. Ныне по амнистии ВЦИК 21 г., срок наказания ему сокращен на $\frac{1}{3}$, т.е. до 2 лет и 2 месяцев, из которых он отсидел по приговору почти 14 месяцев, а с предварительным заключением 20 месяцев.

Принимая во внимание длительный срок заключения (20 месяцев), ревностную службу при примерном поведении, Дирекция Гос. Московского Малого театра просит Моск. Губернск. Распред. Комиссию о досрочном его освобождении.

Директор Головин
Управл. Делами Василевский

(В этом документе обращает на себя внимание совпадение дат: з/к Задерман командирован в театр, отбыв ровно год из своего срока. Не значит ли это, что отправка на работы в театр рассматривалась в каких-то случаях как поощрение, для получения которого требуется примерное поведение в течение первого года?)

На л.480 — точно такой же отзыв о Михаиле Михайловиче Кашине, осужденном «за распространение ложных слухов против Советской власти»; отзыв датирован 12 декабря. Однако Кашину пришлось провести в лагере еще около пяти месяцев, до мая 1922 г. Задермана же освободили в июле 1922 г. на основании Ордера М.Г. О.Г.П.У. за №6928 от 27 июля 1922 г. Ходатайства Малого театра не помогли досрочному освобождению этих двоих, но другие, вероятно, на такие ходатайства все-таки надеялись. Поэтому на службу в Малый театр лагерники скорее всего стремились попасть, так что письмо Василия Яковлевича Ануфриева (л.354) в этом смысле характерно.

Дирекции Малого Государственного театра
от заключенного Покровского лагеря
Василия Яковлевича Ануфриева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Зная, что в Малом театре работают заключенные из Покровского лагеря принудрабт, осмеливаюсь предложить дирекции свои услуги на какие угодно работы физические или на делопроизводстве. С последним хорошо знаком по своей старой работе, если же театру требуется МАШИНИСТ-ПЕРЕПИСЧИК, то покорнейше прошу НЕ отказать истребовать меня из лагеря через Московское Управление Принудрабт из Покровского лагеря — ПЕРСОНАЛЬНО.

Я осужден 4 сентября 1920 г. за растраты на складах Политуправления Реввоенсовета Республики Главным Революционным Трибуналом ВОХР и ныне имею срок в 5-ть лет. — За свои работы при Таганской тюрьме постановлением Центрального Карательного Отдела РСФСР был переведен в разряд ИСПРАВЛЯЮЩИХСЯ, то есть в разряд, который пользуется кое-какими преимуществами против остальных заключенных в смысле отпусков и т.д., так что мой срок в 5 лет не так страшен по случаю перевода меня ЦЕНТРОКАРОТОМ.

Дело мое ныне находится в Ревтрибунале при Реввоенсовете Республики.

Продолжительное заключение заставляет меня обратиться с этим заявлением к Дирекции театра, так как ужасно надоело быть все время в лагере и хочется более продуктивной работы на воле хотя бы с ночевкой в лагерях. За себя могу представить Дирекции поручительство известных лиц.

О последующем прошу не отказать сообщить мне на Покровский лагерь Принудрабт.

Заключенный Покровского лагеря
В.Ануфриев.

Москва. ... Июня 1921 г.

Справка: В настоящее время имею 25 лет. До войны работал в Торговом доме Вогау и К-о, в 1918 г. во Всероссийской Коллегии Организации и Управления Раб. Крестьян. Красноарм.

в 1919 году во Всероссийском Бюро Народных Комиссаров.

С 1920 года по день ареста в Политическом Управлении Реввоенсовета Республики.

Еще в апреле Ануфриев пытался попасть на работы в Малый театр. Тогда он обратился к А.Н. Пронину, завхозу театра, которого лагерное начальство все чаще — в знак уважения к нему! — называло «комендантом»; да и сам он порою так подписывался. Но в апреле ответа не было, хотя Ануфриев сослался на заключенного, успешно работавшего в Малом театре и, видимо, пользовавшегося там авторитетом. И тогда Ануфриев в обход всех инстанций обращается к А.И. Сумбатову, председателю Дирекции, практически — полновластному руководителю Малого театра.

Когда революция отменила все титулы, Сумбатов — революции в ответ — в списке присвоенных ему разнообразных званий первым по порядку поставил: «Князь». И пояснил: «По рождению». А документы он стал после этого подписывать сценическим псевдонимом «Южин» или «Сумбатов-Южин» (указывать титул в этом случае не полагалось).

Так что резолюция на заявлении Ануфриева была подписана просто: «А.Южин». Текст ее был неутешителен для заявителя: «На заключение в Администр.-Фин. часть». Это означало, что руководитель молодому человеку не посочувствовал. Соответственно и директор материальной части театра в тот же день отказал: «Дирекции не дано право ходатайствовать персонально, поэтому нахожу необходимым отклонить. С.Головин».

Наверное, театрѹ машинист-переписчик был попросту не нужен. Когда в тот же году понадобился электрик, — Дирекция дошла до Председателя ВЦИК'а Республики, чтобы Никитина, «знающего электромонтерное дело» перевели из Ивановского лагеря особого назначения в Покровский лагерь, а оттуда в команду при Малом театре (л.226). Видимо, из Ивановского лагеря на работы не выводили.

Что касается условий содержания, то они соответствовали общему положению в стране, т.е. были неважными. Особенно скверно обстояло с одеждой. Ситуация осложнялась тем, что заботы об обмундировании заключенных, как и о конвое, возлагались Управлением принудработ на дирекцию театра. Между этими высокими договаривающимися сторонами, как в узком промежутке, мытарилась арестанты.

3 ноября 1921 г. Управление Принудительных работ потребовало для 59 заключенных, работавших в Большом и Малом театрах, полного обеспечения обмундированием и бельем в связи с наступающими холодами. В противном случае Управление угрожало снять з/к з/к с работ. Но где было Малому театру взять для заключенных одежду?

Коменданту Покровского лагеря

Заключенных вверенного Вам лагеря,
прикомандированных для работ при
Государственном Малом театре
Болеслава Добровольского, Михаи-
ла Кашина, Григория Задермана,
Ивана Уткина

ЗАЯВЛЕНИЕ

Просим Вашего распоряжения о выдаче обмундирования упомянутым выше лицам: как-то обуви, гимнастерок, брюк, белья, так как мы обносились, а купить не имеем средств.

Болеслав Добровольский, Михаил Кашин,
Григорий Задерман, Иван Уткин.

Подтверждается, что у упомянутых заключенных обмундирование совершенно износилось.

Наблюдающий за заключенными от
Дирекции Моск. Малого театра

1/IV-1922 г.

Н.Штер.

Резолюция наискосок заявления:

Ввиду неимения обмундирования находящихся в лагере заключенных выдано быть просимое не должно.

3/IV-22 г.

Комендант (Подпись неразборчива)

(л.507)

На л.510 имеется другой вариант этого заявления с добавлением «шинелей и фуражек» и угрожающей формулировкой: «Мы обносились до того, что не имеем возможности выйти на работу».

Но им все равно ничего не выдали.

Обеспечение продпайком до конца 1921 г. оставалось, однако, за лагерем. За эту и прочие услуги лагерь удерживал из заработка заключенных 75%. Остальное театр выдавал им на руки; из этих 25% арестанты должны были платить за обеды, если Малый театр их сверх лагерной нормы кормил. Судя по распискам, в марте 1920 г. военнопленные з/к от Малого театра получали на обеды деньги (по 33 р. за обед). На эти деньги нельзя было купить даже четвертушку (100 гр.) хлеба. В дальнейшем расписки этого рода не встречаются.

В связи с НЭП'ом заключенные, прикомандированные к госучреждениям, лишались госуд. снабжения. Отношение Управления Принудработ от 16 декабря 1921 г. гласит, что отныне заключенные, находящиеся в распоряжении театра, с государственного продовольственного довольствия сняты. В дальнейшем их должен будет кормить театр по нормам, в соответствии с которыми з/к з/к снабжаются в лагерях. На л.485-486 эти нормы (в расчете на месяц) есть:

Муки 30 фунтов.

Крупы 7 ¹/₂ (семь с половиной) фунтов.

Мясо-рыбы 5 фунтов.

Жиры 1 фунт.

Картофель 12 фунтов.

Сахар ¹/₂ фунта.

Соль ¹/₂ фунта.

Чай-суррогат ¹/₈ фунта.

На таком пайке с голоду не помрешь, хоть и сыт не будешь. Во время Второй мировой войны примерно столько же хлеба, жиров, круп, мяса и рыбы полагалось на рабочую продуктовую карточку. В лагерях значительная часть рациона прилипала, вероятно, к рукам obsługi. Получать сухим пайком для з/к было выгоднее. Хозчасть Малого театра обеспечила своих рабочих мисками и ложками, а учетно-распределительный подотдел московского Управления Принудительных работ «срочно с срочным» предложил:

июля 14 1921 г. Дирекции Большого и Малого театра в трехдневный срок исправить куб для кипячения воды для заключенных, откомандированных к Вам на работы; в противном случае таковые будут сняты с работы 18/VII с/г. Об исполнении ожидается телефонограмма по телефону 1-18-95.

(л.343).

Так что заключенным было где попить кипятку и сварить пайковую картошку.

V

Укажем в заключение список московских лагерей, из которых поступала в Малый театр рабочая сила:

1. Андроньевский лагерь (Андрониевский монастырь);
2. Владыкинский лагерь (ст.Владыкино, Моск. окр. ж.д.);
3. Новопесковский лагерь;
4. Покровский лагерь (Покровский б-р. Б. Трехсвятительский пер., д.3);
5. Рождественский лагерь (вероятно, Рождественский монастырь);

6. Семеновский лагерь;
7. Звенигородский лагерь;
8. Кожуховский лагерь для военнопленных.

В переписке упоминается также Ивановский особый концентрационный лагерь принудительного труда (Ивановский монастырь), но непосредственно оттуда в Малый театр людей не присылали*.

Последние прикомандированные к театру заключенные были освобождены в октябре 1922 г. На том данное архивное дело и кончилось. Но в истории лагерей и Малый, и Большой театры (использование заключенных в Большом — вне рамок этой статьи) вписали пусть не страницу, но все же несколько занимательных строк**.

Что же касается театра, то мне трудно однозначно определить свое отношение к этому эпизоду его истории.

Рабочие были театру совершенно необходимы. Другого источника рабочей силы, кроме концлагерей, не было. Арестантам при Малом театре было несомненно лучше, чем в лагере. В сущности, Дирекция театра делала этим людям добро.

Но если существует Антихристово добро, то вот это добро и было Антихристовым.

Через производственные и даже гуманистические мотивации интеллигентные, по своим убеждениям даже противостоящие системе люди, тем не менее втягивались в ее деятельность противовольно, по чисто житейским обстоятельствам, оттеснившим социальную брезгливость из области быта в область высоких слов.

* К этому списку, по другим источникам, можно добавить Ордынский и Ново-спасский женский лагерь. (Ред.)

** Подневольный труд заключенных «по приказам Советских учреждений» предусматривался в первых же документах, регламентирующих пенитенциарную политику советского государства: см., например, соответствующие декреты ЦИК и ВЦИК в кн. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства./ Сборник декретов за 1919 г. М., 1920. С.80-81, 128-133.

Список московских учреждений, куда в нач. 1920-х гг. командировались заключенные см. в бумагах Московского управления принудительных работ (ЦГАОР. Ф.4042. Оп.1а. Д.8). — Ред.

«ЧТО ЖЕ С НАМИ ДЕЛАЮТ?..»

ПИСЬМА К А.Н. ТОЛСТОМУ — ДЕПУТАТУ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

Публикация Е.Ю. Литвин

Алексей Николаевич Толстой был избран в Верховный Совет СССР по Старорусскому избирательному округу Ленинградской области 12 декабря 1937 года. Естественно, что значительная часть депутатского архива писателя (400 из 600 сохранившихся писем к Толстому-депутату) в той или иной степени отражает события большого террора. Входящие в этот корпус письма избирателей, читателей, литературной братии и, шире, членов всего творческого цеха — мало разнятся друг от друга, как по существу, так и по мотивации: сюжетика репрессий конца тридцатых дает не слишком богатый набор вариантов, а рефлексы боли и страха одинаковы, видимо, во все времена.

Пожалуй, самое интересное в этих письмах — помимо биографической информации, — это образ адресата в том виде, как он вырисовывается в сознании корреспондентов. Депутат, писатель, собрат по перу, — формально эти характеристики вполне приложимы к Толстому. Но насколько же — безотносительно к его личности — их реальный смысл отличается от представлений авторов писем! Народный депутат, то есть народный избранник, защитник народных интересов, обязанный открыто протестовать против беззакония, — а в реальности — номенклатурный чиновник, из всех своих полномочий сохранивший лишь право беспрепятственно двигать бумаги по инстанциям, без возможности повлиять на исход дела. Русский писатель, долг которого — говорить правду, как бы горька она ни была, бороться со злом, какой бы силой оно ни обладало, — а в реальности — винтик агитпроповской машины, строго (и явно в неравной пропорции) отмеривающей правду и заказную ложь.

Что же касается корпоративной солидарности... В разгар «кировского потока» Толстой писал жене: «...в связи с тем, что из Ленинграда столько теперь высылают, думаю, что мне благоразумно подождать числа до 20-25 здесь. Меня же замучают звонками и просьбами. Лучше такое острое время присидеть здесь, в Горках. Правда?» (Минувшее. Париж, 1987. Вып.3. С.304; письмо от 8 марта 1935 г.). И через неделю: «Тусенька, больше писем *таких* [курсив автора. — Е.Л.] мне не пиши. Пока нужно передохнуть и дать возможность *другим* [курсив мой. — Е.Л.] передохнуть от меня». (Там же. С.305). *Такие* письма посылала отзывчивая Н.В. Крандиевская: они наполнены просьбами похлопотать о высылаемых — художниках, литераторах, часто о близких знакомых. *Другие* — это, прежде всего, Г.Г. Ягода, всеслынный наркомвнудел и постоянный посетитель салона Горького — в Москве и в Горках. Здесь, в пряной атмосфере пира во время чумы, Толстой и мог просить о заступничестве за опальных. И просил. А так как богемный стиль

предполагал некое условное равенство между писателем и меценатствующим палачом, то просьбы могли быть удовлетворены. И удовлетворялись. В разумных, конечно, пределах. Через три года ситуация стала совершенно иной. Порожденный террором страх разрушил или свел до минимума внеангажированные связи. Толстой, как и любой чиновник, нашедший свою ячейку в номенклатурных сотах, оказался накрепко связан своим положением (депутат, орденноносец, член высоких комиссий, потом и академик). Он стал еще осторожнее в своих ходатайствах, все чаще удовлетворялся формальными ответами на депутатские запросы. Более того, для поддержания своего статуса Толстому приходилось с каждым годом все откровеннее демонстрировать свою сервильность: кроме обсуждаемого в публикуемых письмах эпизода с романом «Хлеб», можно упомянуть его выступления по поводу процессов Зиновьева — Каменева (Литературный Ленинград. 1936, 23 августа), Радека — Пятакова (Правда. 1937, 24 января), прямые восхваления Сталина-человека (например, в статье «За Родину! За Сталина!» в «Правде» от 25 декабря 1939 г.) и т.д. Так что внучке Салтыкова-Щедрина и троюродной внучке Лермонтова (а среди взывавших к Толстому о помощи были и такие) надеяться было особенно не на что. Как, впрочем, и художнику Шухаеву, писателю Белинкову, биологу Филиппченко.

Старорежимные предрассудки и иллюзии (может быть, они восходили к инстинкту справедливости?) не оправдали себя в обществе нового типа. Но благодаря их живучести высвечивается теперь для нас кривда самоуспокоительного припева: «Мы ничего не знали». Знали. А там, где узнавших правду на своей шкуре — миллионы, тотальное лицемерие невозможно. Поэтому не должны мы верить и другой лжи, сформулированной в послесталинские времена: «Мы все боялись и молчали». Да, большинство молчало. В крайнем случае жаловалось или просило. Но были и такие, которые *не могли молчать*.

Письма к Толстому — яркий тому пример.

Отобранные для публикации письма разнесены по двум разделам: в первый попали подписные тексты, во второй — анонимные. Внутри каждого раздела сохранен хронологический порядок. Тексты писем печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Института Мировой литературы АН СССР (Ф.43. Оп.2. №№3869, 3853, 6860, 3921, 6596, 6844, 6699, 6807, 6581, 6779, 6570, 6853, 6863, 6873). №№4 (3921) и 10 (6779) опубликованы в сокращении в газете «Московские новости» (1988, 27 ноября. С.10), №11 (6570) — в «Московском комсомольце» (1989, 3 августа), №№3 (6860), 12 (6853), 13 (6863) — в ж. «Горизонт» (1989, №12). К сожалению, из-за отсутствия биографических данных о большинстве упоминаемых лиц сделать комментарий к публикации академически полноценным оказалось невозможно. За все поправки и дополнения публикатор заранее приносит благодарность читателям.

— I —

1.

**Прихожане Полновской церкви
Демянского района Ленинградской области**

[22] февраля 1938 г.

Добрейший Алексей Николаевич!

Мы, коллектив верующих Полновской церкви Демянского района просим Вас: потрудитесь походатайствовать нельзя ли нам вернуть нашего священника Владимира Михайловича Борисова.

Наша церковь существует 450 лет. Было два священника, одного взяли 5 октября 1937 года, а второго взяли Борисова 21-го февраля нонче 1938 года. Он находится в гор. Демянске или в Старой Руссе.

Еще просим Вас, все мы верующие 2000 человек, все почти преклонных лет. Священник Борисов для нас был очень хороший, за трыбы он брал кто сколько даст, а с бедных и ничего не брал.

2.

Верующие г.Старая Русса.

25 февраля 1938 г.

**Депутату Верховного Совета Толстому А.Н.
верующих г.Старая Русса**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, верующие просим Вас как депутата Верховного Совета обратить внимание на наше печальное положение, в каком мы находимся в настоящее время. В нашем г.Старая Русса нет ни одного священника — всех арестовали и в окрестностях города также нет. Люди плачут горькими слезами: привозят в город из окрестностей покойников и младенцев крестить и с великими рыданиями едут обратно с покойниками и младенцами. Просим Вашего заступления за нас верующих перед Верховным Советом, чтобы обратили внимание на наше горькое положение. Если нужно, то 10-тки тысяч дадим подписей. Можно адресовать в любую церковь г.Старая Русса.

Старая Русса. Верующие.

3.

Козуб

5 мая 1938 г.

Товарищ Толстой!

Вы хороший писатель, это правда, Вами все гордятся. Но вы бы имели еще больше любви от народа Дона и Украины, если б описали Голодные годы 1932-1933. Описать это можно. Мне не верится, чтоб Вы не решились описать ту страшную сталинскую голодную пятилетку, от которой умерли с голоду миллионы людей. Когда есть факты, что матери ели своих детей (село Рудка Диканьского района Полтавской обл.). Есть живые свидетели этих голодных трагедий и они могут рассказать Вам.

Думаю, что и на Дону тоже это было. А повесть была бы хорошая. Ждем от Вас этой книги.

Полтава.

Козуб.

Народ любит таких писателей, которые пишут одну правду. Но которые пишут неправду, подхалимничают под существующий строй и славят одно имя это *Сталина*, от которого плачут народы и который создал искусственную голодовку¹, от которой умерли миллионы 1932-1933 г., таких писателей зовут «попками».

Народу нужна Историческая правда.

Козуб.

4.

В.В. Калинин

4 августа — 5 октября 1938 г.

Писателю Алексею Толстому.

Случай с братом.

Мой брат Виктор — архитектор, тридцати двух лет, автор многих проектов нашей социалистической стройки, в том числе школ, института Хлебопечения, Дворца пионеров.

Последнее время: в мастерской профессора Гинцбурга проект санатория в Гаграх, в доме детского творчества руководство группой мальчиков по архитектуре².

С октября 1937 г. совместно с братом³ работал над идеей осуществить возможность подъема и посадки самолета без разбега.

17 марта 1938 г. взят НКВД. 4 месяца — Таганка. Сейчас послан через Котлас на Печору с обвинением: П.Ш.8, т.е. подозрение в шпионаже, восемь лет трудового лагеря. Жена, трое детей 10, 4 года и 2 месяца.

Вот и все.

Я заранее знаю, что Вы ничего сделать не можете, что Вы ничем не сможете помочь. Вы получаете сотни писем с подобным содержанием. Я прошу Вас не за брата, у меня другое к Вам.

Вы пишете биографию великого человека, назовите имя того, кто в свое время сказал ему об ужасах стопроцентной коллективизации.

Ведь был же наверное такой?

Неужели нет защиты от карьеристов, подхалимов и трусов, которые на каждом лозунге, вчера на коллективизации, сегодня на бдительности, зарабатывают на хлеб, которые в один мешок с троцкистами, продажными полпредами, отравителями и убийцами пихают честных людей. Неужели вы, депутаты, созданы только для того, чтобы кричать ура Сталину и аплодировать Ежову.

Недаром Фейхтвангер так зло высмеял вас с выставкой Рембрандта, да и сам Сталин к этому случаю дал вам меткую характеристику⁴.

Передайте же это письмо Сталину.

Не бойтесь, я не сумасшедший, я живой человек, у меня есть семья, есть сын, есть работа, которую я люблю, я не карьерист, не подхалим... Трус? — может быть, не больше чем другие. Но сейчас для меня чувство правды сильнее страха перед 10-тью годами лагеря.

О брате можете узнать у профессора Виктора Александровича Веснина⁵.

Архитектор В.Калинин.

Адрес: Москва, ул.Веснина 5/9, кв.19. Василий Валерьянович Калинин. т. Г-1-57-07.

Адрес работы: г.Калинин. Строительство Дворца пионеров. Архитектору Калинин у.

В.К.

5.

О.С. Вигилянская

15 ноября 1938

Алексей Николаевич, я гражданка деревни Домаши, Замошьевского с/с Лычковского р-на Ленинградской области Вигилянская Ольга Семеновна. Решила с Вами письменно посоветоваться и просить Вашего разъяснения. Лично о себе: я бывшая дьяконица, семья из 4-х человек, мне от роду 38 лет, детям от двух лет до восьми старшей. Я подавала два заявления о принятии меня в колхоз. Меня не приняли. Я имела плохую лошаденку, клячу, каковую предлагала купить колхозу, но правление колхоза в виду плохой трудоспособности лошади ни за какую цену ее не

взяли. Лошадь я держала с марта месяца 1937 года до октября 1938 года, заработка я на ней не имела никакого. Но сейчас на меня наложили налог 500 рублей, каковой я уплатить не в силах, нет средств. За неуплату налога у меня описали все имущество на сумму 280 рублей. Правильно ли поступает сельсовет и налоговый инспектор, что описывает такое мизерное имущество и из-за которого все-таки я с детьми должна пойти на самоубийство, ввиду того, что я больше не имею никаких средств на существование. Я малограмотна, специальностей никаких не имею, дочь крестьянина бедняка. Кормилась пока муж занимался дьяконством, а сейчас он с 1937 года взят под стражу по линии НКВД и по сейчасный момент не имею никаких известий жив он или нет, за что взят тоже не знаю.

По всему изложенному выше, я решила обратиться к нашему избранному депутату в Верховный Совет СССР за помощью. Прошу Вас Алексей Николаевич, ответить мне письменно Ваше мнение. Правильно ли у нас делается в Лычковском р-не или нет.

К сему

О. Вигилянская.

6.

Рузский⁶

19 декабря 1938 г.

Писателю Алексею Николаевичу Толстому.

С великим одобрением слушала и читала не только интеллигенция Союза Вашу речь 27.XI.38, в которой Вы клеймите фашизм, организовавший чудовищную расправу над евреями⁷.

Во сто крат большее действие возымела бы эта речь, если бы не тяжелые факты нашей действительности, которые наверное известны и за границей. Сколько раз спрашиваешь себя — кто организовывал эти факты? Враги родины? Почему говорят об этом потихоньку? Знает ли о них наша Верховная власть, или сообщений таких кто-то не допускает до нее? Неужели и Вы побоитесь сказать об этом, где нужно?

А факты такие. Почему у нас пытаются на допросах? Вы спросите — где это? В Свердловске подвешивали за ногу одного еврея, принуждая его сознаться в связи с фашистами. Он интеллигент, его держат в лагерях. Что думают и переживают его родные (из которых никого не тронули), получив теперь его сообщения об истязаниях на допросе, где он невинный отрицал свою вину? Кто одобрил эти пытки? Кто узаконил тайное осуждение невинного? А что пытки это система — вот вам другой случай.

Летом в приемной Прокурора СССР (побывайте там, чтобы узнать изнанку нашей жизни), одна иранка, мать пятерых детей,

(один другого меньше), малокультурная женщина, советовалась с такими же просителями, как и она — подавать ли Прокурору заявление ее мужа, осужденного за то, что он иранский подданный. Он сапожник из Астрахани. Он не выдержал пыток и будучи почти немняемым, истерзанный, подписал предложенный ему следователем текст показаний, в котором сознается в преступлениях, которых никогда не совершал.

Из поезда со ссыльными он бросил письмо, адресованное жене и прокурору; нашлись добрые люди, доставившие письмо жене. На склеенных листках папиросной бумаги можно было прочесть жуткие вещи; ему не давали есть и главное пить (летом!); не давали спать; гладили электроутюгом (об этом утюге часто слышно); так — пока он не «сознался». Он, слабый, не выдержал и подписал сам себе приговор, а теперь просит у Прокурора помощи. Он, как было написано, не ожидал, что так могут обращаться у нас. Кто организовал пытки в Астрахани?⁸ Что теперь говорит о Советском Союзе в Иране эта женщина, родившаяся в Союзе, никогда не бывавшая в Иране, даже не иранка по крови, обреченная, как это говорила она, на отправку в Иран с малыми детьми, отец которых у нас в лагерях.

Кто организовал пытки в Астрахани? Это могли сделать лишь истинные враги родины. Ужасным веет вообще от рассказов об Астрахани. Там не щадили ни юнцов, ни стариков, одна женщина, доведенная до отчаяния допросами, выбросилась из окна 3 этажа и разбилась на глазах у прохожих. Неужели астраханские дела не вопиют о себе? Так и заглохнут? И будут повторяться? Этого быть не должно. Неужели и Вы замолчите? Ведь говорят, что наши верховные руководители не знают, что делается в Союзе и что прошли те времена, когда правители переодевались в нищих и ходили по народу, чтобы узнать жизнь своими глазами, а не глазами придворных и охраны.

Помогите восторжествовать правоте; боритесь против врагов родины и истязателей. Пусть суды наши будут судами правды. Пусть Союз будет истинным светочем гуманности и правды.

Рузский.

7.

А.П. Лящак

ЖАЛОБА

от заключенного ЛЯЩАК Адольфа Петровича, находящегося в Коми АССР Усть-Усинский район Санотдел Севжелдорлаг.

1939, февраль - март.

27.III.38 г. я был арестован Свердловским НКВД и направлен в Свердловскую тюрьму.

2.IV. я был переведен в одну из камер, где специально выделенные старшим следователем Морозовым лица проводили беседы о том, что Советскому государству нужно представить контрсчет фашистским государствам и потому мы все должны подписать требуемые от нас документы. 3 апреля в камеру пришли старшие следователи Горшков и Морозов и заявили то же самое, причем тут же ими было сказано, что это нас ни к чему не обязывает, этим мы только поможем Советскому государству и конечно кары за это никакой не понесем.

5.IV. я вместе с заключенными Шмидтом и Калько были вызваны к следователю Малявину. Он сразу спросил, известны ли нам цели и задачи настоящей кампании. Я заявил, что для меня это кажется странным, чтобы Советское государство могло пользоваться подобного рода документами и что меня ожидает, если я их подпишу. Тогда Малявин повторил то же самое и добавил: «Разве Вы не видите, что вы ни в чем не виноваты? Разве я бы вызвал для допроса из одной камеры сразу 3-х человек? Нет, вы ни в чем не виноваты и даю вам честное слово коммуниста, что не позднее 1 мая вы будете на свободе. Я здесь являюсь не как следователь, а просто как агитатор. Эти документы нужны Советскому государству для дипломатических целей».

Я не знаю случая, чтобы Советское государство кого-нибудь обмануло и поэтому не поверить такому заверению представителя одного из авторитетных органов я не мог и сказал, что раз это принесет пользу, то я согласен подписать нужные документы, где оговорил сам себя в самых ужасных преступлениях, которых я никогда не совершал, а некоторые не могут быть совершены.

Следователь Малявин осведомился о моей профессии и когда узнал, что я студент-медик, то сказал, что если бы Вы были металлург, то я бы знал, что написать, а вот о Вас и не знаю, что и сочинять. Я ответил, что пишите то, что Вам нужно и он написал:

1. Что в 1935 г. я был завербован неким гр. Роо в одну из шпионских организаций и собирал сведения в пользу Польши.
2. Что я дал гражд. Калько (который тут же был на допросе) чумных бацилл и он ими отравил 100 свиней в колхозе.
3. Что я собирал сведения о количестве мужчин, окончивших медицинститут.

4. В целях диверсии разбил лампу Баха.

Моей родиной являлся и является Советский Союз и никогда я ни в какой шпионской организации не состоял и не состою. Я всегда честно работал на пользу Советского государства и указанное в §1 является ложью, выдуманной следователем Малявиным.

В §2 указано, что я дал гр. Калько чумных бацилл и он отравил ими 100 свиней. Насколько мне известно, что отравить чумной палоч-

кой животное не удалось еще ни одному ученому; как это мог сделать гр. Калько, для меня неизвестно. Об этом я говорил следователю Малявину, но он ответил, что это не важно. Следователь Малявин и не подумал задаться мыслью, откуда у меня студента могли бы появиться чумные палочки.

В отношении сведений о количестве окончивших медицинские институты мужчин, по-моему, никогда не было секретом. Об этом аккуратно печатается в советской прессе.

В отношении §4 следователь Малявин спросил, что можно бы сломать у вас. Я ответил, что ценным оборудованием является рентген, напишите, что я сломал рентген. На это Малявин сказал, что мы уже столько поломали в протоколах рентгенустановок, какого количества пожалуй, нет во всей Свердловской области. Тогда я назвал целый ряд медицинского оборудования и он написал лампу Баха. Лампа Баха с установкой стоит 425 руб., а горелка, которую можно сломать, стоит 7 р. 50 к. Отсюда можно сделать вывод о диверсии.

Проходили дни, а обещанной свободы не было видно; на неоднократные заявления никакого ответа не было и вот 23 июля меня вызывают и объявляют постановление особого совещания от 15.VII. д.-1, где сказано, что за контр.революц. деятельность я высылаюсь в исправтрудлагеря сроком на 10 лет. Сразу невольно напрашивается вопрос «За что?» Неужели за то, что поверил представителю Советской власти и подписал этот гнусный, лживый материал.

Я родился в бывшей русской Польше в семье бедных крестьян. Влача полуголодное существование отец и брат в 1906 г. уехали на заработки в Америку, где первый умер в 1924, а второй в 1912 г. В Польше оставались я и мать. Наступила война 1914 года и мы в 1915 г. как беженцы приехали в Россию. Оказавшись совершенно без средств, я в 16 лет поступил на работу, чтобы содержать мать и с этого времени работал в разных учреждениях, главным образом здравотдельских на должности заведующего хозяйством.

В 1933 г. я окончил вечерний медрабфак и поступил в Свердловский мединститут. И вот, окончив 5 курс, накануне госэкзаменов меня арестовали. Я готовился быть советским специалистом, а благодаря доверию стал арестантом.

Мой арест я объясняю тем, что я поляк. Так неужели для меня при наличии Сталинской конституции нет места на свободе. Чем я виноват, что родился не в России, а в Польше? Неужели за это можно карать? А ведь никакой другой вины за мной нет. С момента отъезда из Польши я ни разу никакой ни с кем переписки не имел, и у меня нет никого за границей.

А.Лящак.

8.

А.В. Филиппченко⁹

[начало апреля 1941 г.]

Депутату Верховного Совета А.Н. Толстому

Филиппченко А.В.

Подковырова, 14, кв.13. Ленинград

Обращаюсь к Вам, как к депутату Верховного Совета с просьбой передать мое заявление т.Молотову, или, если это не исполнимо, прокурору Союза и прошу Вас поддержать мою просьбу. Из прилагаемых мною характеристик моего мужа, Вы можете убедиться, что это человек, за которого стоит хлопотать, как за полезного члена общества. Характеристики даны такими людьми, как академик, орденносец, Сталинский лауреат Е.Н. Павловский, как академик Вернадский, как член-корреспондент Академии наук профессор В.А. Догель и др.¹⁰

Мой муж Александр Александрович Филиппченко, заведующий Паразитологическим отделом Института Пастера, был арестован в августе 1937 г. и осужден Военной коллегией Верховного суда в 1938 г. на 10 лет без права переписки. Осужден он, как бывший социалист-революционер, что мне подтвердили и лица, вышедшие из тюрьмы и видевшие моего мужа. Он действительно был с.-р. в 1904-1906 гг., за что и пошел на каторгу, но еще будучи на каторге и изучая Маркса, разочаровался в программе с.-р., а бежавши с каторги за границу, увлекся наукой и от партии отошел.

С 1912 г. никаких отношений с партией не имел. В 1917 г., вернувшись в Россию, ни в какие отношения с партией с.-р. не вступил и поселился со мной в Киеве. В 1923 г. переехал в Ленинград, поступил в клинику проф. Ланга, где увлекся гематологией, что послужило началом его переквалификации из врача в паразитолога. Из прилагаемых характеристик Вы можете увидеть, как много работал этот человек. Кроме научной и педагогической работы он вел большую общественно-полезную работу по борьбе с глистами (учреждение глистогонных пунктов) и по борьбе с мухами. Он был действительно энтузиаст своего дела и горячий поклонник нашего социалистического строительства. И такой человек оторван от любимого дела ислан по ложному доносу за то, что был эсером 30 лет тому назад. От лиц, сидевших с ним, я узнала, что к нему были применены исключительно жестокие меры воздействия, которыми его вынудили подписать ложные обвинения. Я прожила с ним 25 лет, знаю все его поступки, мысли и убеждения и категорически заявляю, что он был абсолютно честный и преданный гражданин нашей советской родины.

Ко времени своего ареста Александр Александрович был серьезно болен: у него был туберкулез почек, часто дававший осложнения с сильными кровотечениями.

Постоянный страх за его жизнь и совершенная уверенность в его невинности заставляет меня так настойчиво обращаться к Вам. Я прошу Вас, Алексей Николаевич, не только передать мое заявление, но и сказать от себя несколько слов, дабы обратить внимание на это вопиющее дело.

А. Филиппченко.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, Александр Александрович Филиппченко, был арестован в августе 1937 г. и осужден Военной коллегией Верховного суда на 10 лет без права переписки. Из слов прокурора я поняла, что он осужден как бывший эсер. [...]

Если Вы прочтете прилагаемые мною характеристики и список трудов, вы поймете, что этот человек много работал и был полезный член родины. Характеристики даны такими уважаемыми людьми, как академик Е.Н. Павловский, академик Вернадский, профессор В.А. Догель, проф. Центрального института усовершенствования врачей Ш.Д. Мешковский, как ленинградские профессора М.Д. Тушинский и П.Н. Кашкин и сотрудники Института им. Пастера. Работал А.А. Филиппченко все эти 15 лет радостно и бодро, с энтузиазмом относился к нашей советской действительности. И вдруг ни с того ни с сего, после статейки в Красной газете, что Институт Пастера засорен чуждыми элементами, служителями культа и бывшими эсерами¹¹, его арестовали и сослали, оторвав от большой и интересной работы над пирамплазмозом коров, которую он вел в последнее время. От лиц, вышедших из тюрьмы и выдавших моего мужа, я узнала, что ему были предъявлены бредовые, по его словам, обвинения, которые после целого ряда методов воздействия его заставили подписать. Когда я сказала, как мог он подписать заведомую ложь, мне ответили — не осуждайте вашего мужа, ибо к нему были применены исключительно жестокие меры воздействия, такие, которые не может выдержать человек и что подпись взята у него при высокой температуре и в полусознательном состоянии, так что он даже не мог вспомнить, что именно он подписал. [...]

Ко времени своего ареста Александр Александрович был настолько серьезно болен (у него туберкулез почек, дававший частые осложнения с кровотечениями), что вынесенный ему приговор равносильно смертному.

Прошу пересмотреть дело Александра Александровича, учтя его заслуги как ученого и общественника с одной, и угрожающее состояние его здоровья с другой стороны.

Я, как и все близко знавшие его, совершенно уверена в полной невинности Александра Александровича.

При сем прилагаю 8 копий характеристик и список трудов А.А. Филиппченко.

А.Ф. Филиппченко.

9.

В.М. Бронштейн

[середина марта] 1941 г.

Уважаемый Алексей Николаевич!

Я знаю Вас — исключительно по Вашим произведениям. Четвертый год продолжается мое «Хождение по мукам». И если я решил обратиться к Вам за помощью, то мной руководили следующие соображения: Вы старый русский писатель; Ваше звание старого русского писателя дает мне право отнести Вас к той плеяде писателей, которые характеризуются известным четверостишием:

Писатель — если он — волна,
А океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия!¹²

«Не могу молчать» Л.Н. Толстого, вызванное столыпинскими военно-полевыми судами, «Я обвиняю» Э.Золя по делу Дрейфуса, визит Горького к властям накануне событий 9 января 1905 года — все эти факты — реализация вышеуказанного писательского долга!

Я был арестован в эпоху «ежовского набора» — 30 декабря 1937 г. в г.Архангельске и постановлением тройки Архангельского областного Управления НКВД от 2 января 1938 г. (суд скорый!) осужден к 10-ти годам лишения свободы, как контрреволюционный элемент. Достаточно сказать — чтобы сразу стала очевидной обоснованность предъявленного мне обвинения — что мне — еврею — поставлена в вину служба в белой армии, когда я в течение всей своей жизни никогда ни в каких армиях не служил — ни в царской, ни в белой, ни в Красной!¹³ Неоднократные мои жалобы в НКВД и Прокуратуру СССР — никаких результатов не дают: наркомат НКВД извещает, что жалоба направлена в Архангельское управление НКВД на разрешение, но последнее не отвечает на жалобы. Прокуратура СССР сообщает, что жалоба направлена на разрешение Архангельскому областному прокурору — последний или не отвечает на жалобу или сообщает, что жалоба оставлена без последствий. Получается — заколдованный круг — из которого нет выхода — какое-то организованное издевательство над ни в чем невинным человеком!

Мне 53-й год — я старый русский интеллигент, по профессии — юрист-адвокат; состоял членом коллегии защитников в г.Архангельске, конечно — прежней судимости нет. Знает меня доктор Никитин, проживающий в Архангельске — домашний врач Л.Н. Толстого¹⁴. Находясь уже 4-й год в лагере — научился *nil admirari**. Но... но все-таки предел должен быть! Все-таки мириться с кошмаром — с 10-ти летним заключением — не совершив никакого преступления — нельзя! Если уж суждено, чтобы Россия шла мудренными и много-страдальными путями — то капля моего страдания на этот алтарь принесена уже в достаточном количестве!

Я прошу Вас как писателя, как депутата оказать мне помощь и обратиться в надлежащие инстанции с тем, чтобы мое дело было затребовано, пересмотрено и чтобы наконец меня — ни в чем невиновного человека — освободили из заключения!

Бронштейн Виктор Моисеевич

Адрес: С.Ж.Д. ст.Пукса, Архангельская область, Онеглаг — почтовый ящик №238/41.

10.

Г.Соловьев

а)

15 августа 1941 г.

Дорогой собрат, славянин!

Я слушал Ваше выступление по радио в связи с общеславянским митингом в гор.Москве¹⁵.

Как и многие другие граждане Советского Союза, я вполне разделяю Ваше мнение по поводу германского вторжения на нашу родину; я вполне разделяю Ваш призыв.

Но, вместе с тем, во время Вашего выступления, у меня возникли недоуменные вопросы; по поводу этих вопросов я и решил обратиться к Вам с этим письмом.

Знаете ли Вы о том, каково положение в местах заключения СССР?

Знаете ли Вы о том, что они заполнены и переполнены в большинстве случаев невинными людьми и что это является результатом полного и бесконтрольного передоверия всего следственного и судебного дела в СССР в основном безграмотным работникам-перестраховщикам, среди которых, впрочем, оставались также вредители — наши враги.

* Ничему не удивляться (*лат.*)

Знаете ли Вы о том, что заключенные проходят исправительно-трудовой стаж номинально, что на самом деле они находятся неотлучно в заключении, теряя всякое человеческое достоинство, не занимаясь никаким производительным трудом?

Знаете ли Вы о том, что заключенные находятся в кошмарных условиях, что их не считают за людей, что их содержат как животных прямо под открытым небом — скопом, что их почти совершенно не кормят, не оказывают медицинской помощи и что благодаря этому они погибают медленной и мучительной смертью, что они, говоря языком сложившейся о них поговорки, «мрут точно мухи»?

Знаете ли Вы о том, что в заключении, в таких условиях, находятся миллионы советских граждан, что среди них имеются тысячи талантливых инженеров, агрономов, врачей и других специалистов, в которых у нас повсюду ощущается острая нужда?

Знаете ли Вы о том, что среди этих миллионов заключенных немало женщин с грудными детьми, что тысячи женщин-заключенных рожают детей в нечеловеческих условиях, без всякой медицинской помощи?

Знаете ли Вы о том, — впрочем, мне кажется, Вы ничего этого не знаете и об этом даже не представляете, иначе Вы не заявляли бы в своем выступлении таким полным голосом, в первую очередь о зверствах фашистов, а коснулись бы, в первую очередь, именно этих миллионов обреченными нашими же органами на верную смерть людей, советских граждан, славян.

И что поразительно — так это то, что в связи с войной, в связи с нависшей реальной угрозой, в связи с неисчислимыми бедствиями обрушившимися на нашу страну — число заключенных не уменьшилось, а во много раз возросло, вследствие того, что карательные органы стали особенно активными, стали хватать и бросать в тюрьмы тысячи совершенно невинных людей.

Они буквально распоясались, пользуясь тем, что никто теперь за ними не следит и в связи с тем, что все заняты войной.

С другой стороны и положение заключенных, в связи с войной, резко ухудшилось, стало прямо-таки совершенно невероятным, не поддающимся никакому описанию.

Вы, может быть, усомнитесь в этом, скажите, что я преувеличиваю, неточно говорю?

Если да — я рекомендую поинтересоваться этим делом, побывать хотя бы в одной из тюрем или исправительно-трудовом лагере, только, конечно, не в своей обычной роли, не в роли маститого писателя-академика, а в роли простого, незаметного, обычного, как говорят, серого посетителя.

Уверяю Вас — Вы ужаснетесь, Вы будете свидетелем кошмаров гораздо более ошеломляющих, чем те, о которых Вы говорили по

радио, в связи с общеславянским митингом в г.Москве. Там Вы говорили о зверствах наших врагов, там Вы говорили о казнях, расстрелах и т.д., а здесь — у нас — утонченные методы наших же органов, направленные к уничтожению миллионов невинных людей медленной и мучительной смертью.

Да, да, дорогой собрат, обязательно постарайтесь увидеть все это своими глазами и тогда — во весь голос, так же как и против зверств фашистов, выступите против этих доморощенных зверей.

Я пишу обо всем этом Вам потому, что сам лично, хотя давно знаю все это (мне случайно пришлось об этом узнать), но бессилён сделать что-либо, хотя, правду сказать, предпринимал решительные шаги в этом направлении.

Возможно Вам, как выдающемуся общественному деятелю, пользуемся большим и заслуженным авторитетом, удастся добиться соответствующих положительных результатов в этом направлении, если Вы обратитесь по этому поводу в высшие органы власти СССР, в частности, к И.В. Сталину и подробно доложите ему обо всем, попросите заняться срочно этим вопросом и принять меры к облегчению участи миллионов советских людей, попросите разгрузить места заключения хотя бы путем амнистии, конечно, в первую очередь женщин и детей, а потом уж и мужчин, так как из всех заключенных — 60-70% наверняка невинные жертвы ретивых следователей и судей.

Разобраться, кто именно из заключенных виноват, кто нет — теперь, конечно, трудно и единственный выход — амнистия; кстати момент подходящий, можно мотивировать военным положением.

Между прочим на днях амнистия предоставлена советским правительством польским гражданам и очень странно почему нельзя было давно предоставить такую же амнистию своим — советским гражданам, они уже давно включились бы в работу и работали активно на пользу родины, на успешное окончание Отечественной войны¹⁶.

Раз зашла речь о спасении братьев-славян, так надо спасать всех и в первую очередь тех, которые невинно страдают у нас самих.

Думаю, что Вы, поскольку беретесь за это дело, сделаете все возможное и добьетесь положительных результатов в самые ближайшие дни.

А я буду считать за активное участие в этом большом, важном, поистине историческом мероприятии (это действительно историческое мероприятие — вопрос идет о 5-6 миллионах людей) то, что сообщил Вам об этом, дал Вам нить к подвигу, к спасению миллионов братьев славян.

С приветом. Соловьев.

Ташкент.

Примечание: О принятых мерах буду знать по тому, как будет обстоять дело с заключенными в дальнейшем. Будут ли их мучить дальше или амнистируют и отпустят по домам.

б)

[...] Вы, Алексей Николаевич, великий человек, известный всему миру как гуманист и художник, ходатайствуйте перед нашим правительством об освобождении из мест заключения всех способных носить оружие, там находится громадное количество невинных людей, загнанных туда в порядке профилактики по статье 58, там имеются легионы и легионы патриотов. *Ряды наши окрепнут и, наконец, это мероприятие устраним недоумение за границей* и еще больше укрепит и объединит моральное единство наших народов. Алексей Николаевич выполните эту миссию, во имя спасения нашего отечества необходимо это сделать.

Опубликуйте по этому вопросу свое заявление в газетах.

Кто я такой?!

Родился в семье крестьянина (впоследствии колхозника). Мне 42 года. Трудился в сельском хозяйстве. В 1917 г. окончил военную школу. Считаю и считаю, что защита отечества есть обязанность и высокая честь каждого гражданина. Измена же родине есть самое отвратительное преступление. В 1918-1919 г. в моем понятии не укладывался Русско-русский фронт и я хотел остаться нейтральным, но мне не удалось, был мобилизован белыми, оттуда дезертировал, служил в Красной армии и был контужен. В 1931 г., очевидно в порядке «профилактики» мне приклеили 58¹⁰ и 3 года высылки. Все это прошло и я стал осторожен и, тоже очевидно в «порядке профилактики», исчез и живу нелегально. Все это, разумеется, меня гнетет.

Желаю Вам сил и здоровья на благо нашей родины!

Ваш Георгий

Честно перед Вами заявляю, что я никогда никаких преступлений перед своим государством и его режимом не совершал. Я — жертва неразумных чиновников из НКВД.

11.

М.Н. Белинкова

13 марта 1944 г.

Дорогой Алексей Николаевич!

Обращается к Вам, к русскому писателю и депутату Верховного совета мать молодого поэта Аркадия Белинкова — Мирра Наумовна Белинкова. Аркадий, которому исполнилось 22 года, с десятилетнего возраста является постельным больным (паратенис всех мышц и

клапанов сердца) и годами не вставал с постели. Такое состояние оторвало его в детстве от обычных детских забав, а в дальнейшем и от нашей действительности.

Руководители Литературного института Союза советских писателей, в котором Аркадий учился, оказались не литераторами, а чиновниками от литературы, не только не учли его состояния, но постоянными мелкими придирками еще более оттолкнули его от себя и от коллектива.

29 января с.г. Аркадий был арестован (ордер №263 управления госбезопасности г.Москвы и Московск. области). При обыске у него были взяты рукописи, в основном черновики и варианты его дипломной работы — романа «Черновик чувств». Я убеждена, что «Черновик чувств» имеет значение только литературное, но разобраться в рукописях Аркадия не так просто.

Говорят, что Аркадий талантлив. Зная Ваше отношение к талантливой молодежи, я очень прошу Вас узнать о судьбе Аркадия и посмотреть его рукописи.

Аркадий очень, очень болен, и если арест его затянется, боюсь, что он не выдержит тюремного режима.

Мой адрес: Москва, Тверской бульвар, д.№29, кв.1¹⁷.

* * * * *

— II —

12.

Неизвестная

ноябрь 1937 г.

Алексей Толстой!

Сегодня я сняла со стены ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование. Самое тяжелое — потеря друга. И то и другое я испытала сегодня. Еще вчера я, если можно так выразиться преклонялась перед вами. Я ставила вас выше М.Горького, считала Вас самым большим и честным художником. Андре Жид писал: «...Я хотел бы всю жизнь, при малейшем ударе издавать звук чистый, честный и подлинный; все люди, которых знаю я, звучат фальшиво...» Вы казались мне тем инструментом, который никогда, ни в каких условиях не может издавать фальшивую ноту. И вдруг я услышала вместо прекрасной мелодии захлебывающийся от восторга визг разжиревшей свиньи, услышавшей плеск помоев в своем корыте... я говорю о вашем романе «Хлеб», содержание которого я прочла в «Лит. газете»¹⁸. Мне стало стыдно, горько и очень, очень больно. Ведь вы очень наблюдательный, умный,

чуткий человек с огромным сердцем, вы написавший «Гадюку», «Любовь», «Хождение по мукам», «Морозную ночь», вы так умевший передать всю «милую тяжесть любви», проникший в тайное тайных человеческой души и с опытностью мастера разбирающийся в сложной механике Жизни... И вдруг вы вступили в свору завывающих с пеной у рта подхалимов, двурушников, разбивающих лоб от усердия кликуш... Неужели вы не видите объективной действительности? Где ваша орлиная зоркость? Андре Жид за два месяца пребывания в СССР сумел разглядеть то, чего не увидели вы, живущий здесь постоянно¹⁹. Как не стыдно вам присоединиться к хору вопящему, что «у нас светлая, радостная, счастливая жизнь, данная нам любимым Сталиным». Неужели вы не чувствуете всей духоты атмосферы, в которой задыхается 170 000 000 советских людей? Неужели вы не видите буквальную нищету во всем Союзе? Или вы оторвались от подлинной жизни? По всей стране волной разлилась реакция. Лучшие люди, преданные ленинской идее, честные и неподкупные, сидят за решетками, их арестовывают тысячами, расстреливают, они не в силах перенести грандиозную Подлость, торжествующую по всей стране, сами уходят из жизни, кончают самоубийством.

Свобода слова!.. — смешно писать эти слова, когда у всех во рту глухой кляп.

Свобода печати! — а вся печать унифицирована.

Демократизм заменен централизмом.

Искусство... — бедные художники, они работают из-под палки.

История... Как ее извращают! В угоду необъятному честолюбию Сталина подтасовываются исторические факты. И вы тоже приложили свою тонкую руку, тоже стали заправским подпевалой. Ведь в «Хлебе» вы протаскиваете утверждение, что революция победила лишь благодаря Сталину. У вас даже Ленин учится у Сталина... Ведь это прием шулера. Это подлость высшей марки!

Прозивол и насилие оставляют кровавые следы на советской земле. Диктатура пролетариата превратилась в диктаторство Сталина. Страх — вот доминирующее чувство, которым охвачены граждане СССР. А вы этого не видите? Ваши глаза затянuty жирком личного благополучия, или вы живете в башне из слоновой кости?.. Смотрите, какая комедия — эти выборы в Верховный Совет... Ведь в них никто не верит. Будут избраны люди угодные ЦК ВКП(б). Назначенство, а не выборы, ведь это же факт. Предвыборная борьба... С кем бороться? Против кого? Где она? — Сплошной фарс!

Партия ушла от массы, она превратилась в диктаторскую партию. Сейчас честные люди не идут в партию. Идут в нее лишь карьеристы и люди беспринципные, аморальные.

Вы показываете Троцкого предателем. Вы негодяй после этого! Пигмей рядом с этим честнейшим гигантом мысли! Ведь это звучит

анекдотом, что он и тысячи благороднейших людей, настоящих большевиков, сейчас арестованных, стремились к восстановлению у нас капиталистического строя... Этому не верит никто! Как вы не замечаете, что сверхакаящая идея Ленина заменена судорожными усилиями Сталина удерживать власть. Где тот великолепный пафос, что в Октябре двинул миллионы на смертельную битву? Под зловонным дыханием Сталина и вот таких подпевал, как вы, вековая идея социализма завяла, как полевой цветок в потных руках мерзавца! И вы, инженер души человеческой, трусливо вывернулись наизнанку и мы увидели неприглядные внутренности продажного борзописца.

Вы, увидя вакантное место, освободившееся после смерти М.Горького, чтобы его занять распластались в пыли, на брюхе поползли, расшибая лоб перед Сталиным, запев ему хвалебные гимны. Где же ваша беспристрастность? Где честность художника? Идите в народ, как Гарун аль Рашид и послушайте чутким ухом. И вы услышите проклятия и неприязнь по адресу Сталина. Вот где настоящая правда!

Или может вас прикормили? Обласкали, пригрели, дескать, Алеша, напиши про Сталина. И Алеша написал. О, какой жгучий стыд!

Оглянитесь кругом и вы увидите, что небо над страной готовит бурю. Народ не потерпит глумления над собой, над идеей социализма, он ударит по зарвавшейся, обнаглевшей кучке деспотов. Уже сейчас, как рокот дальнего грома, доносятся отовсюду отголоски брожения в массах. Сталин это слышит. Он знает, что не долго ему еще царствовать. И с ним началась истерика. Он не чувствует под собой почву. Массовый террор — ведь это доказательство слабости.

Наступит время и ветер истории сбросит вас с пьедестала, как литературную проститутку. Знайте, что уже сейчас, когда люди прочтут ваш «Хлеб», они увидят, что ошиблись в вас и испытают разочарование и горечь, какие испытываю сейчас я.

Я вас, как художника искренне любила. Сейчас я не менее искренне ненавижу. Ненавижу, как друга, который оказался предателем.

И я плюю вам, Алексей Николаевич Толстой, в лицо сгусток своей ненависти и презрения. Плюю!!!

13.

Неизвестная²⁰

22 ноября 1938 г.

Москва

Редакция «Правды», Алексею Толстому (писателю)

Многоуважаемый товарищ!

Мы все возмущены варварским поступком по отношению евреев, проживающих в Германии. Но они могут кричать, вопить и весь ци-

визированный мир в том числе и Вы уважаемый писатель можете протестовать и возмущаться. Но я не думаю, чтобы Вы не знали, что делается у нас и в *наших лагерях*. Они кричать не могут, ибо большинство там женщины, уже обезумевшие от страха, *невинные*, оторвали от них *крошечных детей*, приказали подписаться на приговоре, а то еще избивали. В страшных условиях живут они эти несчастные женщины, не имеют права написать: за что? за что? за что?! Сто раз хуже, чем в Германии. 30% умирают в мучениях.

14.

Неизвестный

[9 марта 1940]²¹

Москва, 6, Пушкинская площадь, редакция газеты «Известия» писателю Алексею Николаевичу Толстому

Алексей Николаевич!

Прочтите это письмо до конца и будьте честным человеком, поделитесь Вашими впечатлениями с властью имущими. Вы приехали в Россию после того, как мысль Ваша прошла через ряд фильтров, когда Ваше личное «Я» прошло через все фазы мучений, угрызений и т.д. и т.п. Ваше хождение по мукам как будто бы внешне закончилось? Но мне кажется, что на этом успокоиться нельзя. Я все же прислушиваюсь и льщу себя надеждой, что Вы, став у власти, сделаетесь тем человеком, которого можно назвать совестью народа. С Вашим мнением должны считаться. Мы, простые граждане, люди, не понимающие всех тонкостей высшей политики, знающие только одно: родина — это есть Родина, а значит на благо ее надо честно и самоотверженно работать. Вот наша политика. Что же с нами делают?

Люди, называющие себя отцами отечества, люди, ставшие во главе народа — вдруг обрушивают на наши головы самый гнусный, дикий и бессмысленный террор! По всему многострадальному лицу России несется вой и стон жертв садистов, именующих себя «бдительным оком революции». Два года диких, открытых издевательств. Об этом циничном разгуле нечего и писать Вам. Вы знаете и... молчите. Где же правда писателя Земли Русской? До сих пор еще томятся в тюрьмах, а тех, кого выпустили, превратили в калек нравственных и физических, которые даже и сейчас лишены собственного крова (отобрали комнатухи и никакого внимания!). Сколько душераздирающих сцен мне лично приходилось и приходится наблюдать в этом «счастливом» государстве. Ну, хорошо! Кровавое дело свершилось, осчастливленные граждане удовлетворились каким-то бормотаньем о конце ежовщины. Но вот неожиданно грянула война!²² Мы поем: «Нас не трогай — мы не тронем!» Помолчим и об этом.

Выслушали со вниманием речь В.М[олотова], который заявил, что карточной системы у нас не будет²³. Успокоились. И вот началось новое хождение по мукам! Почему замалчивают такие мерзости? Почему не выявляют подлецов, которые доводят несчастный народ до умоисступления? Зарплату урезали, дороговизна невероятная. Картофель 7 р. кило, мясо — 25 р., жиров уже не помним, когда видели. Сокращения жуткие. Вот и сейчас. Встречаю нескольких педагогов. Лица жуткие. Что случилось! Да вот среди зимы весь коллектив остался безработным. Как?! Был институт — нет института. Сократили ряд институтов хозяйственных, сеть курсовую. Люди выброшены на улицу без копейки. Холод в квартирах (комнатах!), голод, ходят в отрепьях. И это счастливая жизнь?! Что же дальше делать? Хлеба не хватает! Хвосты уже становятся с рассвета! Какой же может быть энтузиазм? Ведь пора уже перестать думать о страдающих китайцах, испанцах, румынах, финнах. Пора подумать о несчастном русском народе, который голодает, раздет, оскорблен, притеснен! Позор! Реляциями в газете не проживешь! Что же это такое? Неужели же мы — скот для опытов, животные для вивисекции? Без света, без воды, без хлеба, без одежды. Кучка негодяев, спекулянтов, понятно, имеется в каждом городе, в каждом селе, но ведь большинство умирает на медленном огне. Кажется в артиллерии есть такой термин *огонь на погашение*. Вот так и с нами поступают.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. анонимный текст, содержащийся в той же подборке писем: «Посылаю Вам — поэту стихи, которые распространены у нас по школам. Вы их поймете, хотя они написаны по-украински:

Ленин! Ленин! Встань, проснись!
На колхозы подивись!
Як колхозы розжились!
Дви конячки з одним оком,
Инвентар лежить весь боком.
На причолку серп та молот,
А у хати смерть та голод.

Недаром у нас зовут: сталинский голод» (№6883).

² Калинин Виктор Валерьянович (род. 1906) — уроженец Харькова, архитектор, учился во ВХУТЕМАСе (1926-30), потом работал в 3-й архитектурной мастерской Моссовета под руководством проф. Н.Я. Гинцбурга.

³ Калинин В.В. — авиаконструктор, соавтор легкого пассажирского самолета АК-1 «Латышский стрелок» (1924); работал в ЦАГИ. Репрессирован.

⁴ Имеется в виду пассаж в книге Лиона Фейхтвангера «Москва, 1937 год» (М., 1937. С.64-65), посвященный встрече со Сталиным 8 января 1937 г.: «Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, представляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как например, на выставке Рембрандта [выставка проходила в Музее изобразительных искусств с 11 ноября 1936 по 25 февраля 1937 г. — Публ.]. [...] Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. "Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, — приносит больше вреда, чем сотня врагов"».

⁵ Веснин Виктор Александрович (1882-1950) — президент Академии архитектуры СССР (1939-1949), ответственный секретарь Союза советских архитекторов (1939-1949), член АН СССР (с 1943).

⁶ На письме помета Толстого «Архив». Рузский — вероятно, псевдоним.

⁷ Имеется в виду выступление А.Толстого на общемосковском митинге интеллигенции, проходившем 27 ноября 1938 г. в Большом здании консерватории и посвященном осуждению т.н. «хрустальной ночи» — еврейских погромов в Германии 10 ноября 1938 г. Выступление было опубликовано в «Правде» 28 ноября 1938 г. (ср.: Собр. соч. Т.13. С.237-238).

⁸ Начальником Астраханского окротдела НКВД в 1937-39 гг. был капитан госбезопасности И.М. Колосунин (впоследствии, вероятно, репрессированный). Начальник горотдела в 1938 г. — Прошин Василий Степанович (род. в 1902), работавший в органах с 1921 г.; в 1939 г. он — начальник отдела Сталинградского УНКВД, в 1943 — полковник госбезопасности, после войны — начальник управления по борьбе с бандитизмом МВД, генерал-майор. [Справка Н.В. Петрова].

⁹ В тексте «Заявления» купированы места, буквально повторяющие текст письма к Толстому. К письму приложено также извещение: «Москва — Кремль. 29 мая 1941 г. №780/210. Депутату Верховного Совета СССР тов. Толстому А.Н. Присланные Вами заявления гр. гр. Бродской Е.С., Есениной Т.С., Кутузовых и Филипченко А.В. направлены Прокурору СССР тов. Бочкову В.М. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Горкин».

¹⁰ Павловский Евгений Никанорович (1884-1965) — зоолог, паразитолог, академик (1939), генерал-лейтенант медицинской службы, директор Зоологического ин-та АН (1942-62), президент Географического общества (1952-64).

¹¹ Догель Валентин Александрович (1882-1955) — зоолог, паразитолог, член-корреспондент АН СССР (1939).

¹² Имеется в виду статья: Светова В. До конца разоблачить врагов народа в органах здравоохранения. // Красная газета. 1937, 25 июня. С.3. «В одном только институте Пастера, — писалось в статье, — оказалось до 40 чужаков — бывших помещиков, офицеров, троцкистов, меньшевиков, эсеров, людей, имеющих темные связи с границей. [...] Вредители в ленинградских органах здравоохранения разоблачены далеко не до конца».

¹² Неточная цитата из стихотв. Я.П. Полонского «В альбом К.Ш. ...» (1871):

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

¹³ Последняя фраза подчеркнута синим карандашом.

¹⁴ Никитин Дмитрий Васильевич (1874-1960) — домашний врач Л.Н. Толстого (1902-1904). Арестован в 1933, выслан в Архангельск; позднее — проф. Архангельского мед. ин-та, основатель клиники инфекционных болезней.

¹⁵ 10 августа 1941 г. в Москве на Всеславянском митинге А.Толстой произнес речь «Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма» (Правда. 1941, 11 августа; ср.: Собр. соч. Т.14. С.117-120).

¹⁶ Амнистия польским гражданам, находящимся в заключении в СССР, состоялась согласно протоколу, подписанному в Лондоне представителями Польского и Советского правительств 30 июля 1941 г. (См. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №35. 8 августа. С.1).

¹⁷ Под письмом карандашом помета Ю.К. Крестинского: «Собранный материал не дает возможности просить за Белинкова. ЮК». В «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» (Лондон, 1988. С.88) В.Казак сообщает, что после 22-х месячного следствия Белинков был приговорен к расстрелу, но после заступничества А.Н. Толстого и В.Б. Шкловского высшая мера была ему заменена на 8 лет лагерей; второй срок — 25 лет — Белинков получил уже в лагере. Копия ходатайства Шкловского сохранилась (хранится в ЦГАЛИ); свидетельства хлопот Толстого не выявлены; надо учесть также, что если следствие Белинкова продолжалось действительно около двух лет, то к моменту его окончания Толстого уже не было в живых. Аркадий Викторович Белинков (1922-1970), прозаик, критик, литературовед, освободился из лагеря в 1956 г., написал много статей, две книги (о Ю.Тынянове и Ю.Олеше), в 1968 г. эмигрировал, умер в США.

¹⁸ Беседа с А.Н. Толстым о его творческих планах впервые напечатана в «Ленинградской правде» 22 октября 1937 г., а 30 октября перепечатана «Литературной газетой» под заглавием «А.Толстой закончил роман "Хлеб"».

¹⁹ Впечатления А.Жида о пребывании в СССР нашли отражение в его книге «Retour de l'URSS» (Paris, 1936). Критика Жидом советской действительности вызвала соответствующую реакцию в советских органах печати.

²⁰ О поводе к письму см. выше — прим.7.

²¹ Дата установлена по почтовому штемпелю. Отправлено из Одессы.

²² Имеется в виду советско-финская война 1939-40 гг.

²³ Выступление В.М. Молотова об отмене карточной системы на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. (см.: Правда. 1934, 30 ноября).

ДЕЛО ДЖАЛАЛ-АБАДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ
К ИСТОРИИ
МОЛОДЕЖНЫХ АНТИСТАЛИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
Послесловие С.Печуро и В.Булгакова

ПРИГОВОР

Именем Киргизской советской социалистической республики 1941 года февраля 9 дня Джалал-Абадский областной суд КиргССР в составе председательствующего Карелина, народных заседателей Ашмарина, Ярмантович, при секретаре Макаровой, с участием сторон: прокурора Джиенвекова, защиты Москалева, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению:

1. Яцук Иван Иванович, рождения 1922 года 9 октября, уроженец Ташкентской области Мерзачульского р-на село Сырноворосийск, происхождение из крестьян, соц. положение — учащийся, исключен по данному делу из членов ВЛКСМ, холост, со слов ранее не судим, до ареста учился в школе №1 г.Джалал-Абад в 10 классе, проживал г.Джалал-Абад Осоавиахимовский переулок дом №15, обвиняется по ст.ст.58-10 ч.1-я и 58-11 УК РСФСР, находится под стражей с 19/XII-40 г.

2. Шокк Юрий Вильгельмович, рождения 28/VI-1922 г., уроженец г.Ленинграда, по национальности русский, б/партийный, учащийся, происхождение из рабочих, отец в 1937 г. осужден за к-р преступление, мать в 1938 г. выслана из Ленинграда, со слов ранее не судим, учился в школе №1 г.Джалал-Абада в 10 классе, проживал г.Джалал-Абад, Курортный пер., д.№20, обвиняется по ст.ст.58-10 ч.1-я и 58-11 УК РСФСР, под стражей находится с 19/XII-40 г.

3. Елин Александр Иванович, рождения 1-го октября 1924 г., уроженец Саратовской обл. б/Екатерининский р-н Ольшинского с-совета, соц. происхождение из крестьян, б/партийный, по национальности русский, не судим, учащийся, учился в школе №1 в 10 классе г.Джалал-Абада. Проживал в г.Джалал-Абаде ул. Пограничная д. №73, обвиняется по ст.ст.58-10 ч.1-я УК и 58-11 УК РСФСР, под стражей находится с 19 декабря 1940 г.

4. Губайдулин Шамиль Ибрагимович, рождения 13/V-1923 г., уроженец Киргизской ССР, Ошской области, гор. Узгена, по наци-

ональности татарин, соц. происхождение из служащих, учащийся, исключен по данному делу из членов ВЛКСМ, холост, не судим, учился в школе №1 в 10 классе г.Джалал-Абада, проживал на Курорте г.Джалал-Абад, обвиняется по ст.ст.58-10 ч.1-я и 58-11 УК РСФСР, под стражей находится с 23 декабря 1940 г.

5. Салахутдинов Камиль Минухайлович, рождения 29 октября 1923 г., уроженец г.Читы, соц. происхождение из семьи служащих, по национальности татарин, исключен из членов ВЛКСМ по данному делу, не судим ранее, учащийся, учился в школе №1 г.Джалал-Абада, проживал в г.Джалал-Абад, ул.Торговая, №13, обвиняется по ст.ст.58-10 ч.1-я и 58-11 УК РСФСР, под стражей находится с 26 января 1941 г.

На судебном следствии заслушаны показания обвиняемых, свидетелей; обзор материалов предварительного следствия, суд установил:

Вышеуказанные обвиняемые Яцук, Шокк, Елин, Губайдулин и Салахутдинов в октябре месяце 1940 г. организовали контрреволюционный кружок под названием «Истинных коммунистов», ставившие своей целью борьбу с мероприятием партии и Советского правительства.

Массовое вовлечение в данный кружок членов из молодежи из среды морально неустойчивых, чтение антисоветской литературы, агитация среди населения путем выпуска контрреволюционных листовок.

Организаторами данного кружка являются Яцук и Шокк, которые стали заниматься вербовкой данного антисоветского кружка.

На своих сборищах кружка вырабатывали деятельность данного кружка, обсуждали с антисоветской к-р целью мероприятия партии и сов. правительства.

Обвиняемые все виновными себя признали, заявили, что они, будучи политически неразвитыми, не понимали отдельных вопросов политики партии и советского правительства, исходя из изложенного, суд считает, что предъявленное обвинение всем обвиняемым по ст.ст.58-10 ч.1-я и 58-11 УК установлено, поэтому, руководствуясь ст.ст.319-320 УПК, суд приговорил:

Яцука Ивана Ивановича, Шокк Юрия Вильгельмовича на основании ст.58-10 УК подвергнуть мере наказания лишения свободы сроком на 10 лет (десять) каждого и по ст.58-11 УК также подвергнуть наказанию на десять лет (10 л.) каждого, на основании ст.49 УК оставить Яцуку Ивану Ивановичу и Шокк Юрию Вильгельмовичу 10 лет (десять) лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах сроком на пять лет каждого.

Предварительное заключение с 19-го декабря 1940 г. Яцук И.И. и Шокк Ю.В. зачесть.

Елина Александра Ивановича, Губайдулина Шамиль Ибрагимовича на основании ст.58-10 ч.1-я УК подвергнуть наказанию лишением свободы сроком на 8 лет (восемь) каждого. По ст.58-11 УК Елина А.И. Губайдулина Ш.И. подвергнуть мере наказания лишением свободы сроком на 8 лет (восемь) каждого и на основании ст.49 УК оставить меру наказания Елину А.И., Губайдулину Ш.И. по 8 л. (восемь) с последующим поражением в избирательных правах сроком на 3 г. (три г.) каждого. Предварительное заключение Елину с 19/ХІІ-40 г. и Губайдулину с 23/ХІІ-40 г. зачесть.

Салахутдинова Камиля Минухайловича, на основании ст.58-10 ч.1-я УК подвергнуть мере наказания лишением свободы сроком на 6 лет (шесть), по ст.58-11 УК подвергнуть наказанию лишением свободы сроком на 6 лет (шесть). На основании ст.49 УК оставить 6 лет (шесть лет) лишения свободы с поражением в правах на два года (2 г.), предварительное заключение с 26 января 1941 г. зачесть.

Приговор окончательный, но может быть обжалован в Верховный суд КиргССР в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденным.

Меру пресечения всем осужденным до вступления приговора в законную силу оставить содержанием под стражей.

Пп. председательствующий — Карелин
нар. заседатели — Ашмарин и Ярмантович.

* * *

Вопрос, в какой степени можно доверять обвинениям по 58-ой статье, предъявлявшимся на следствиях и судах сталинской эпохи, как правило, не встает перед современным читателем. Полная — от начала до конца — сфальсифицированность обвинений кажется ему несомненной. Оно и естественно. В этой мысли его каждодневно укрепляют многочисленные публикации (мемуары, статьи историков, литературные произведения), которые единодушно рисуют картину террора, перемалывающего миллионы л о - я л ь н ы х советских граждан. Такое представление о сталинских репрессиях ведет свое начало от разоблачений времен хрущевской оттепели. Мысль о том, что участие в действительной, а не выдуманной следователями борьбе с режимом возвышает, а не порочит человека, звучала в ту пору вполне крамольно. В результате в общественном сознании укоренилась легенда, согласно которой в эпоху всеобщего страха и дурмана, окутавшего страну, было и не могло быть людей, усомнившихся в непогрешимости «вождя народов», осознавших порочность господствовавшей системы. А если таковые и обнаруживались — единицы! — то уж наверняка не было никого, кто решился бы на отчаянное и безнадежное сопротивление. Легенда эта живет и сейчас (с поправкой на Рютину и некоторых других партийцев) и иногда используется в целях, весьма далеких от стремления к истине (мы имеем в виду, например, кампанию вокруг книги А.Жигулина «Черные камни»).

Правда же, на наш взгляд, заключается в том, что сопротивление сталинизму все-таки существовало. И не только в 20-е годы в многочисленных и разнообразных формах, но и в начале 30-х (в первую очередь, надо тут говорить о крестьянских восстаниях, связанных с коллективизацией), и позднее. После войны, давшей, несомненно, сильнейший толчок к его развитию, оно возникло с новой энергией.

Оставим в стороне мощные национальные движения на Украине и в Прибалтике — о них, как и о сопротивлении в лагерях мы знаем сравнительно много. Куда менее известны факты сопротивления сталинизму в городах России, Средней Азии, Белоруссии, Закавказья. Большинство здесь были конечно одиночки — «неорганизованные» критики строя («болтуны», «писатели»). Но возникают в послевоенные годы и организации, подпольные группы, почти исключительно молодежные. Их создание было неизбежным следствием и характерным признаком одного из внутренних противоречий тоталитарного строя. Он вынужден создавать героическую легенду о борьбе за правду. Воспитанное на ней поколение начинает искать ей практическое применение, быстро понимает всю глубину несоответствия лозунга и практики и оказывается «по ту сторону» баррикад. Молодежь начала создавать подполье так же естественно и с таким же жаром, с каким вступала в комсомол, бежала в Испанию или на фронт. Участники подпольных организаций — обычно школьники старших классов или студенты-младшекурсники. Задачи, которые они перед собой ставили, как правило, нисколько не соответствовали их реальным возможностям — ни больше ни меньше как перемена всей государственной политики. Развернуть свою деятельность они не успевали (далее разработка организационных принципов, обсуждения программ, впрочем, изредка и первых листовок, дело, сколько мы знаем, не заходило), довольно быстро следовали аресты, жестокие допросы и расправа. Молодежные группы исповедовали преимущественно марксистско-ленинскую идеологию. Позднее, в лагерях, у многих участников сопротивления она, после встреч со всем спектром идейных конструкций, отошла на задний план и заменилась, так сказать, чистым антисталинизмом: вот скинем Сталина, потом разберемся.

Не преувеличивая реального значения (и тем более — объема деятельности) молодежных антисталинских групп, мы все-таки считаем, что в их существовании был не только символический (достаточно очевидный), но и реальный смысл. По оценке первого исследователя проблемы В.В. Иофе, они, несмотря на скоротечность существования и несоразмерность целей реальным силам, все же «оказали подспудное влияние на внутреннюю жизнь СССР, и, хотя механизмы этого воздействия скрыты от глаз (от секретных решений наверху до разнослойных и разновременных слухов), учет влияния тайных политических организаций послевоенных лет на жизнь страны — необходим» (Память: Исторический сб. Вып.5. Париж, 1982. С.227).

О молодежных группах мы знаем с разной степенью достоверности и подробности.

О «Коммунистической партии молодежи», созданной в Воронеже в 1948 г., говорить не будем, отсылая интересующихся к уже названной книге Анатолия Жигулина «Черные камни».

В 1950 году в Москве несколько месяцев существовал «Союз борьбы за дело революции». Группа студентов и школьников, объединившаяся в организацию с таким названием, ставила своей целью как можно более широкую агитацию против диктатуры Сталина и подготовку в будущем условий для активной революционной борьбы за возвращение страны к ленинским принципам построения общества. Представления о будущем устройстве общества базировались, главным образом, на книге В.И. Ленина «Государство и революция».

Руководитель организации, 18-летний студент-историк Борис Слуцкий написал «Программу», в которой дал определение существующему режиму как бонапартистскому. Программа определяла цели и задачи борьбы и была отпечатана на самодельном гектографе. Члены организации вели агитацию, главным образом, среди сверстников, и, как правило, встречали полное понимание и согласие.

«Союз борьбы за дело революции» был уничтожен в январе-марте 1951 года. Были арестованы не только участники, но и некоторые их знакомые, которые не являлись членами организации. После 13-ти месячного одиночного заключения и мучительного следствия Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила Бориса Слуцкого, Владлена Фурмана и Евгения Гуревича к высшей мере наказания, которая была приведена в исполнение. (В 1955 г., при пересмотре дела, им заменили по смертно расстрел 10 годами заключения). 11 человек получили по 25 лет лагерей с последующим поражением в правах, и двое — по 10 лет.

Достоин внимания, что одного из авторов настоящего текста, тогда 17-летнюю школьницу, проходившую по этому делу, усиленно допрашивали о несуществующем «центре», который якобы направляет деятельность подобных групп. В этом, как нам кажется, проявилось не столько стремление устроить громкий процесс, сколько нежелание власти признать возможность собственно молодежного протеста, попытка все списать на «вражеское влияние».

27 января 1950 года Военный трибунал Южно-Уральского военного округа приговорил по аналогичному делу к разным срокам заключения группу студентов: Ивана и Анатолия Лариных, Геннадия Подкопаева, Петра Кузякина, Бориса Арсентьева и Юрия Лукьянова. Сведения об этой организации сообщены «Мемориалу» Юрием Лукьяновым.

Наиболее поздняя из известных нам подростковых групп называлась «Армия революции». Эти 16-17-летние московские мальчишки разработали программу будущего государственного устройства, в основе которой лежала все та же «настоящая книга» юных революционеров — «Государство и революция». Группа продержалась по тем временам долго: более 2-х лет. В ночь с 4 на 5 марта 1953 г. (!) был арестован лишь один из них (Виктор Булгаков). Имен остальных следствию добиться не удалось.

В г.Мытищи Московской обл. живет М.С. Захарова — участница молодежной организации, которую мы можем считать (пока) первой из всех известных нам послевоенных организаций. «Рыцари удачи», как они себя называли, действовали с начала 1945 года, и были арестованы только в конце февраля 1947 г. У них была программа и даже устав. Они (по классическому образцу) делились на «пятерки» и ставили своей целью агитацию против

сталинского режима. Муза Сергеевна была студенткой МИСИ, остальные участники тоже, в основном, студентами. «Рыцари удачи» действовали не только в Москве. Так, активную агитацию проводил в Харькове Георгий Семенов, создавший там, по словам М.Захаровой, довольно сильную группу.

От нее же стало известно еще об одной группе 1945-46 гг. В нее входили московские школьники, совсем еще дети, 14-15 лет. Они писали и распространяли антисталинские листовки. Во главе этой группы стояла девочка лет 15, по имени Майя. Ребят после ареста держали на Лубянке и в Лефортово, допрашивали, как рассказывает Муза Сергеевна, в присутствии учителей и дали «детские» срока: по 3-4 года. Сейчас в Москве живет один из участников этой группы, Иван Сухов, но, к сожалению, по состоянию здоровья он ничего уже не может рассказать.

Сведения об организации, называвшейся «Всероссийским демократическим Союзом», получены от одного из участников — Израила Аркадьевича Мазуса, живущего сейчас в Москве.

«Союз» состоял из двух групп: московской и воронежской и действовал с сентября-октября 1948 по ноябрь 1948 — январь 1949 гг. Конечная цель — создание демократического общества на основе марксистской идеологии. Основную часть составляли студенты философского и филологического факультетов ВГУ. Состав «Союза»: Белкин Виктор — руководитель (сейчас живет в Сибири), Черепинский Семен, Винокурова Анна, Михайлова Людмила, Гаркавцев Василий, Климов Василий. Кроме них, московские студенты: Мазус Израиль, Тарасов Александр, Воробьев Борис (умер), Заводова Анна.

Приговоры участникам этой организации еще сравнительно «мягкие» — 8-10 лет.

В тюрьмах, лагерях, на пересылках, в этапах ходило множество легенд о юных подпольщиках. Сам факт их распространения говорит уже о многом и характеризует настроения и чаяния общества последних лет сталинского правления.

Со слов заключенных Малой Лубянки и Бутырок мы знаем о группе студентов МГПИ им. Ленина во главе со студентом II курса биофака Сергеем Шевченко. Все участники группы получили большие срока, а Сергей Шевченко вскоре после суда умер от энцефалита, привитого ему, по словам соседней по камере, во время следствия.

В Бутырках нам приходилось слышать — одной в 1952 г., другому в 1953 — один и тот же рассказ: о подростках-москвичах 14-16 лет, создавших группу «ОСИП» («Общество свободы и правды»). По рассказам, мальчишки держались стойко. А приходя в общие камеры, обращались к находившимся в них с вопросом: «А есть здесь учителя? Кто-нибудь может нас учить? А то ведь мы в школу не ходим...»

В лагерях Инты тогда же рассказывали о группе ленинградских школьников во главе с 16-летней Майей Клешиной, смелой девочкой, обводившей следователей вокруг пальца.

Участники лагерного восстания в Норильске 1953 года упоминали о школьнице из Якутска Вале Ивановой, участнице молодежной организации, вошедшей в повстанческий комитет и погибшей при подавлении восстания.

Имеются сведения и о других студенческих организациях Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Казани, Минска и т.д.

Характерны названия молодежных организаций. Кроме уже перечисленных «Коммунистической партии молодежи», «Союза борьбы за дело революции», «Армии революции», это — «Юные ленинцы», «Юные коммунисты», «Молодая гвардия», «Ленинская гвардия» и т.д. А школьники из Ульяновска назвали свою организацию «Всесоюзной партией против Сталина».

Рассматривая в контексте всего известного нам по этой теме опубликованный выше Джалал-Абадский приговор, мы пришли к убеждению, что организация, за создание которой судили юношей — не «липа», придуманная бериевскими следователями. И «классическое» название — «Истинные коммунисты», и возраст участников, и присутствие среди них ленинградского юноши из сосланный семьи, и упоминание о листовках — все это, соединенное вместе, — несомненные приметы подлинности.

Особая ценность публикуемого документа в том, что он представляет нам одну из предвоенных оппозиционных молодежных групп. О них известно очень мало. Кроме приговора «Истинным коммунистам», мы располагаем лишь одним свидетельством. Недавно в «Мемориал» пришло письмо от жены тяжело больного жителя Тайшета Виктора Михайловича Савиных. Он — единственный оставшийся в живых из группы, в которую входило 9 сибирских школьников в возрасте от 14 до 17 лет. Эти ребята были арестованы в мае 1940 года за то, что написали письмо Сталину «о недопустимости отправки фашистской Германии эшелонов с зерном в то время, когда советские люди голодают». Дети, пройдя через пытки, получили по 10 лет лагерей и погибли на Колыме. А о скольких молодых людях, которые смели «свое суждение иметь», мы не знаем? Как, к сожалению, не знаем и дальнейшей судьбы школьников из Джалал-Абада.

ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ У М.А. СУСЛОВА

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е.И. ДОЛИЦКОГО)

Публикация А.Вайсберга

Публикуемый отрывок касается обстоятельств, непосредственно предшествовавших уничтожению в конце 1948 года Еврейского антифашистского комитета (ниже ЕАК), и представляет собой версию, имевшую, очевидно, хождение среди людей, близких к погибшим руководителям этого Комитета. Если эта версия близка к истине, то не только разгром ЕАК в 1948 году, но и некоторые события следующего пятилетия предстают перед нами в несколько новом освещении.

Принято связывать планы массовой депортации советских евреев на Дальний Восток прежде всего с делом «врачей-убийц» 1952-53 гг. (Впрочем, и эти многочисленные слухи не имеют пока четкого документального подтверждения). С другой стороны, хорошо известны разнообразные попытки решения еврейского вопроса путем создания «еврейской автономии» на территории СССР. Эти, более или менее неудачные, попытки начались едва ли не с первых лет Советской власти (Биробиджан — наиболее известный, но не единственный пример)* и по существу не выходили из рамок старой сионистской идеи еврейской государственности; последняя в классическом, герцлевском варианте тоже не всегда связывалась с Палестиной. Важно подчеркнуть, что мысль о еврейской автономии никогда раньше не трактовалась как геноцид.

Настоящий текст дает промежуточный вариант решения проблемы, вариант, все еще национальный по форме, но уже наполненный совершенно новым содержанием: уже в 1948 г. обсуждается вопрос о вывозе всех советских евреев в отдаленные районы Дальнего Востока (т.е. тот вариант, который вроде бы планировался только в 1952-53 гг., но еще обеспеченный идеологическим прикрытием со стороны ЕАК, «представляющего» еврейское население страны, о чем четыре года спустя речи уже не было).

Рассказ о встрече руководителей ЕАК с М.А. Сусловым принадлежит Ефиму Ильичу Долицкому (1901-1984) и входит отдельной главой в его многочисленные воспоминания. Е.И. Долицкий, участник Гражданской и Отечественной войн, человек почти энциклопедических познаний (полиглот,

Считаем своим приятным долгом выразить глубокую признательность вдове Е.И. Долицкого М.Е. Вишневской, М.Засухиной, Д.Фефер и Н.Железновой, сообщившим ряд сведений о ЕАК, а также А.Даниэлю и А.Рогинскому за участие в подготовке настоящей публикации.

* Стоит выделить «Крымский вариант», который обсуждался по крайней мере дважды: на рубеже 1920-30-х годов и в 1944 году.

литературовед, экономист, педагог) и — одновременно — редкого мужества, был арестован в 1948 г. и семь лет пробыл в Дубровлаге (Мордовия).

По возвращении в Москву он вскоре восстановил былые связи — и с уцелевшими деятелями еврейской культуры в СССР (Долицкий, свободно говоривший и писавший на идиш, был в свое время тесно связан с наиболее блестящими ее представителями — Галкиным, Маркишем), и с бывшими товарищами по службе в Совинформбюро. Естественно, что одной из важнейших тем их бесед был погром 1948-52 гг., размышления о его причинах, о непосредственных к нему поводах. Как можно понять, в результате сопоставления устных свидетельств и некоторых попавших в руки Долицкого и его друзей письменных источников, и сложилась та версия, которую мы предлагаем вниманию читателей.

Удалось восстановить наиболее важные события, предшествовавшие аресту членов комитета. В результате сопоставления различных версий мои друзья (к сожалению, за эти годы мне довелось участвовать в их похоронах) помогли установить некоторые нужные даты, факты, обстоятельства. Все члены Еврейского антифашистского комитета, за исключением Ильи Эренбурга, оказались за столом заседаний у секретаря ЦК КПСС Сулова. Каждый из них получил приглашение и явился по вызову. Почему не было среди явившихся Эренбурга, потому ли, что он не был вызван, или не явился, хотя и был приглашен, остается тайной. Это обстоятельство впоследствии вызвало много толков, как известно, сам Эренбург пытался ответить на эти толки. Вел протокол встречи один из ближайших помощников Сулова. Секретарь ЦК сделал, как он сказал, доверительное сообщение. Он сказал, что Центральный комитет и Советское правительство озабочены судьбою еврейского народа, принесшего огромные жертвы в период войны, шесть миллионов, сказал он, это вряд ли точный минимум погибших. Советский Союз был одним из ведущих войну государств, может быть, даже единственным, кто и после войны проявлял заботу о судьбах еврейского народа, и отстаивал право его на собственное государство и соответственно этому его представитель голосовал в ООН. И надо было ждать, что вновь созданное при активном участии Советского Союза государство Израиль пойдет по пути, по которому после войны идут прогрессивные силы мира, на правом фланге которых стоит Советский Союз, принесший больше всех других государств жертв в борьбе за мир во всем мире. К сожалению, новое государство Израиль, вместо того чтобы идти по пути серьезных забот о действительных нуждах еврейского народа, после всяких виляний, согласилось следовать в фарватере государств, враждебных делу мира, которым нет дела до настоящих нужд и интересов народов, до путей мирного труда и в новом государстве Израиль. От такого ложного выбора страдают евреи, живущие в разных странах мира. Мимо их страданий не могут пройти народы нашей страны, все прогрессивные люди. Как им помочь? Никто не может и не должен сказать: что же, разве не самый народ нового государства должен заботиться о своей судьбе, о судьбе своего государства, почему ему должны помогать другие. Люди нашей страны приучены помогать своим братьям, страдающим народам... И мы уверены, об этом думают и евреи, живущие, строящие новый общественный строй на своей родине, в Советском Союзе. Как помочь? Об этом мы много думали. Единственно разумное решение, мы уверены, это создание настоящего еврейского государства, заботящегося о нуждах своего народа, способного с помощью других народов, привыкших помогать другим народам, трудящимся всех стран, идти по пути социального и экономи-

ческого прогресса, идти вместе с передовыми государствами мира. И так как государство Израиль оказалось неспособным идти по такому пути и ведет народ к неизбежной катастрофе, очевидно, единственный выход в создании государства, которое показало бы, что еврейский народ не хочет быть прихвостнем империализма, хочет и способен строить государство социальной справедливости, а не создавать за счет интересов народа базу для капиталистических эксплуататоров. Такое государство может быть построено силами, волей талантливого и трудолюбивого народа, вместе со всеми народами нашей страны проделавшего большой и успешный путь строительства социализма. Такое государство может быть создано евреями, родившимися и живущими в Советском Союзе. В этом окажут необходимую помощь все народы нашей страны. Центральный Комитет КПСС пришел к этому выводу после многочисленных бесед с представителями еврейского народа, которые с энтузиазмом приняли эту идею и выразили большую признательность Центральному Комитету за проявление такой затрагивающей коренные интересы еврейского народа заботы. Настало время действовать. По мнению Центрального Комитета на базе Еврейской автономной области в Биробиджане должна быть создана Еврейская автономная республика, в границах, обеспечивающих возможность расселения всех евреев, проживающих на территории Советского Союза, и возможность предоставить убежище всем евреям, которые пожелают переехать из других стран. В эту автономную республику должны переехать все евреи, проживающие на территории Советского Союза. Этим с самого начала будет дан нужный темп развития экономики, культуры, превращения первого еврейского государства нового типа в преуспевающий во всех отношениях центр создания и развития еврейской социалистической государственности. Здесь с самого начала должны найти себе место евреи всех профессий, всех уровней образования, от рабочего и колхозника до академика. С самого начала должны быть завязаны тесные связи во всех областях и сферах экономики, культуры, социального развития с другими автономными республиками Российской Федерации и всех Союзных Республик. Все Союзные Республики, надеемся, придут на помощь вновь создаваемой Еврейской автономной республике. Через относительно короткое время эта республика явится образцом решения национальных и культурных проблем. Центральный Комитет КПСС считает, что Еврейский антифашистский комитет, в котором представлены лучшие люди еврейского народа, должен считать своей главной задачей в ближайшее время не только разъяснить и довести до самых широких кругов еврейского народа решение о создании Еврейской автономной Советской Социалистической республики, но и превратиться в рабочий аппарат, призванный подготовить осуществление этого

исторического решения. Считаю, что мне оказана большая честь выступить перед вами и вместе с вами начать практическое осуществление трудной задачи, какую выдвинула история. Мы стоим на крутом и решающем повороте в решении судеб народа, какой принес так много жертв в недавней войне, в которой все народы Советского Союза, все сыновья и дочери нашей страны показали, на что способны люди страны строящегося социализма. Советский народ разгромил всех врагов человечества, всех тех, кто готовил уничтожение и еврейского народа. Советская страна теперь явит всему миру пример активной помощи и этому народу в решении его исторических задач. Все вместе, вместе со всеми народами нашей великой родины будем решать задачу создания еврейского автономного советского государства.

Первым с ответом на сообщение секретаря ЦК выступил член Еврейского антифашистского комитета Соломон Лозовский. Возможно, что право высказаться первым Лозовский присвоил себе без основания. По возрасту он был, вероятно, старше других, но в подобных случаях число лет от роду вряд ли решает. Лозовский был известным деятелем рабочего движения, в свое время он был председателем Профинтерна, интернационала революционных профессиональных союзов, и в этой роли был членом исполкома Коммунистического интернационала, созданного в 19-м и ликвидированного во второй год Второй мировой войны. В среде членов Еврейского антифашистского комитета Лозовский был наиболее известным политическим деятелем, долгое время был членом Центрального Комитета коммунистической партии. Теперь, в связи с исключительным решением, принятым в самой высокой инстанции руководством коммунистической партии, Лозовский, возможно, считал себя обязанным первым откликнуться на это решение. Он сказал, что не имеет полномочий выступить от имени Еврейского антифашистского комитета, он считает себя обязанным изложить свое отношение к решению, о котором было сообщено секретарем Центрального комитета, но это не личное отношение. Он напомнил, что больше пятидесяти лет стоит под знаменем партии рабочего класса, два десятилетия был с Лениным. Еще на заре своей революционной деятельности и в России и в эмиграции он твердо верил, что так называемые национальные проблемы еврейского народа могут быть решены только вместе с победой революции рабочего класса, социалистической революции. И сейчас его очень трогают заботы партии, к которой он принадлежит много десятилетий, об исторических судьбах еврейского народа. На определенном этапе развития революции, начатой под руководством Ленина в октябре семнадцатого, после победы в самой страшной войне, угрожавшей самому существованию Советского государства, Центральный Комитет поставил и решает очень

сложную проблему и, видимо, намерен держать совет с единственной организацией еврейской общественности в Советском Союзе, родившейся в самом начале войны и сыгравшей, как известно, очень большую роль не только внутри страны, но и в воздействии на общественное мнение за рубежом, в пользу страны Советов. Он, как коммунист, как член еврейского антифашистского комитета, горд тем, что его партия проявляет так много забот о судьбах всех народов Советской страны, о судьбах народов мира, об их интересах. На протяжении десятилетий он вел борьбу с националистическими партиями, пытавшимися отделить борьбу рабочего класса и трудовых масс еврейского народа от борьбы рабочего класса страны, в которой родились, развивались и боролись против гнета царизма и господствующих классов различные народы, среди них и евреи. После победы Октябрьской революции народы бывшей царской империи, жившие компактно на определенной территории страны, по своей собственной воле обрели государственную самостоятельность и образовали единый Союз Советских Социалистических Республик. Это было выражением ленинской национальной политики. Главной чертой этого процесса образования автономных республик и затем союзных социалистических советских республик надо считать обеспечение наиболее благоприятных условий развития экономики, культуры, языка, искусства отдельных народов на территории, где они исторически осели компактно, где сложилось своеобразие национальных черт, традиций, где выросла исторически определенная национальная особенность этих народов. Процесс формирования союзных и автономных республик знаменателен тем, что он протекал на основе и вместе с укреплением единства советской государственности. Каковы особенности исторического развития еврейского народа на территории, на которой вырос Союз Советских Социалистических республик? Нет ни одного сколько-нибудь значительного по своим границам района в Советской стране, в котором евреи жили бы компактно и составляли заметное большинство населения данного района, и пользовались бы своим родным языком как исключительным языком общения даже в своей национальной среде. На какой же почве может быть создана Еврейская автономная республика, где тот территориально обособленный район, какой мог бы оказаться доступным для развития еврейской государственности, разумеется, в границах современного Советского Союза? Остается искать такую территорию в отдаленных, малообжитых, малозаселенных окраинах нашей большой страны. Чем могут такие окраины привлечь разбросанные по всей стране массы еврейского населения? Неужели можно предположить, что удастся убедить эти массы, что это продиктовано их так называемыми национальными интересами? До сих пор еврейский народ, массы еврейского народа, родившиеся, выросшие

и всеми корнями связанные с исторической судьбой, с многовековой борьбой русского, украинского, белорусского и других народов, считали, и не без основания, что их судьба неотрывна от того, как развиваются народы, в среде которых, вместе с которыми, они жили, трудились, развивались как граждане общей для них родины, и если видели в этом необходимость, принимали в той или иной форме участие в развитии еврейской языковой культуры. Они знают, что не только в конституции, но и в реальной действительности ни один из народов, живущих в Советской стране, ни один гражданин Советского Союза не знает никаких национальных ограничений на всей территории его родины. Какие доводы могут убедить еврейские массы в необходимости покинуть места, в которых они живут, и вместе со своими семьями переехать в создаваемую Еврейскую автономную республику. Для чего и во имя чего они должны это делать? И если в ответ на советы поехать туда, мы услышим: спасибо за совет и за заботу о моих благах, предоставьте мне самому решить, как мне поступить, что остается нам сказать, неужели мы должны сказать: ты обязан поехать, ты обязан покинуть то место, в котором ты живешь, ты здесь не можешь оставаться. Как к такому нашему заявлению отнесутся люди, привыкшие всерьез выслушивать решения верховных органов нашей страны и всерьез пытаться понять их смысл, их цель, их мотивы? Можно ли в оправдание такого решения сказать, что в отъезде еврейского населения в создаваемую Еврейскую автономную республику заинтересована страна в целом и они, евреи, в интересах всех народов должны согласиться переехать. Нельзя придумать более бессмысленный довод. Нельзя объявлять о создании Еврейской автономной республики без того, чтобы представить себе все связанные с этим проблемы, и в первую очередь, проблему населения этой автономной области. Какие другие мотивы могут возникнуть не только в сознании тех, кто должен добровольно переехать в эту автономию, но и тех, кто должен их побудить к этому, какие доводы, кроме одного: сказать каждому, уезжай добровольно, а если не уедешь добровольно, ты уедешь по принуждению, ты обязан переехать. На этом могут быть закончены все доводы. Что касается меня лично, то я не считаю возможным выступить в роли такого проповедника, какого и в его личной жизни не ждет ничего, кроме презрения. Я привык со всей прямотой говорить тогда, когда речь идет о важных проблемах, какие ставит перед нами наша эпоха. Думаю, что Центральному Комитету очень было нужно выслушать доводы, предупреждающие о возможных последствиях проведения в жизнь проектов, затрагивающих судьбы не только отдельных народов нашей страны, но и будущее нашей социалистической системы. Это трогает каждого из нас. Чего я меньше всего опасаясь, это обвинения в том, что во всех своих доводах я исходил только из так на-

зываемых национальных интересов народа, сыном которого я продолжаю быть. Ведь для меня судьба этого народа уже много десятилетий неотделима от исторических судеб, от путей исторического развития класса, к которому я принадлежал, интересами которого я жил и продолжаю жить. Никогда я не был националистом, но с тех пор, как я считаю себя осознавшим свой путь в жизни, я вижу смысл своей жизни в борьбе вместе с авангардом рабочего класса, с авангардом человечества за победу того общественного строя, для создания и развития которого я вместе со всей партией, к какой я принадлежу, делаю все, на что только способен. Это обязывает меня оставаться верным этому знамени.

После Соломона Лозовского слово получил Перец Маркиш, председатель Еврейского антифашистского комитета*. Маркиш беспартийный, награжден орденом Ленина в годы после первого съезда Союза советских писателей, на котором присутствовал Алексей Максимович Горький. Он получил самую высокую награду вместе с группой писателей, поэтов, литераторов народов Советского Союза, прославивших литературу и этим самым себя. После гибели Михозлса председателем антифашистского комитета оставался Маркиш. Маркиш начал с того, что хотя он и формально, и по существу считает себя ответственным за деятельность Еврейского антифашистского комитета, он здесь может выразить лишь свое отношение к тому, что было изложено в доверительном сообщении секретаря Центрального комитета. Еврейский комитет, естественно, не имел возможности обсудить сделанное предложение предварительно, это оправдывает необходимость изложить лишь свою позицию. Об этом приходится только сожалеть. Но в одном случае он считает себя обязанным говорить как председатель Еврейского антифашистского комитета, это в выражении огромной признательности Центральному Комитету Коммунистической партии за неизменную заботу о тех огромных задачах, какие стоят перед всеми народами нашей страны, перед народами страны социализма. Опираясь на опыт, накопленный страной и ее народами в строительстве новой общественной системы, Центральный Комитет партии ставит новую задачу и перед еврейским народом, перед народом, жизненные интересы которого связаны неразрывно с успехами всех остальных народов Советского Союза. Как председатель Еврейского антифашистского комитета, единственной общественной организации еврейского населения советской страны, и от себя я выражаю благодарность Центральному комитету, всей партии, за то огромное внимание, какое уделяется

* Подтверждения тому факту, что Перец Маркиш возглавлял после гибели Михозлса ЕАК, мы не обнаружили. — *Публ.*

еврейскому народу, более всех других народов пострадавшему в войне. Вместе с другими народами сыновья и дочери еврейского народа участвовали в борьбе против фашизма. И естественно, что в самом начале этой войны был создан Еврейский антифашистский комитет. Фашизм, разбойно напавший на Советский Союз, угрожал и ставил целью поработить все народы советской страны. Этот гнусный замысел народы нашей страны встретили так, как только и могут и должны поступить люди страны социализма. Не щадя жизни, все народы поднялись на защиту социалистической родины и разбили фашистские полчища, освободили захваченные районы нашей страны от гитлеровской чумы, помогли народам Европы восстановить свою государственность. Для еврейского народа эта война имела и дополнительную черту, это была война и против угрозы поголовного истребления евреев. Эта угроза превратилась в реальность там, где гитлеровцам удалось захватить и оккупировать территорию нашей и соседних стран. Евреи-воины в Красной армии вместе со всеми народами сражались за советскую родину, защищали ее, не щадя жизни, но евреи-воины, как и весь еврейский народ, видели и другую задачу, нанося поражение гитлеровской армии, они спасали и свой народ от нависшей угрозы быть истребленным. Нет необходимости напоминать о шести миллионах уничтоженных гитлеровцами евреев. Евреи не отделили задачу спасения еврейского народа от поголовного истребления от поставленной перед всеми народами Советского Союза задачи отстоять свою родину, ее независимость, отстоять социалистическую систему. У евреев-воинов, у еврейского народа во время войны не было лозунгов, отличных от тех, с какими шли в бой все советские воины. Но в душе каждого воина-еврея жил и его вдохновлял лозунг борьбы за спасение своего народа от угрозы поголовного истребления. Эта особая черта борьбы еврейского народа против фашизма нашла отражение в самой идее создания Еврейского антифашистского комитета. Она громко прозвучала на первом большом собрании, созванном комитетом в самом начале войны. Комитет и его руководители, его первый председатель Шлоймо Михозлс уже в самом начале своей деятельности, делали все, что только было в их силах, чтобы мобилизовать все силы еврейского народа на активную борьбу против фашизма. Всем памятна поездка руководителей комитета Михозлса и присутствующего здесь Фефера в Соединенные штаты Америки и другие страны, мы помним, каких успехов добились они, какую роль они сыграли в том, чтобы склонить общественность США в пользу Советского Союза, в пользу оказания помощи советскому народу, вступившему в смертельный бой с фашизмом. Посланцы комитета поступили так, как должны поступать советские люди, как должны действовать сыны Советской родины. Этим самым они поступали и как достойные сыны еврейского наро-

да. Помощь Советскому Союзу — это и помощь еврейскому народу в его борьбе за сохранение этого народа. Одно неотделимо от другого. Никому не удастся это опровергнуть, так же, как никому не удастся найти основание для утверждения, будто Еврейский антифашистский комитет — это просто национальная еврейская общественная организация, ограничивающая свою деятельность кругом так называемой заботы о еврейском населении советской страны. Еврейский антифашистский комитет сохраняет тот круг деятельности, какой был определен в момент его возникновения. И тогда и теперь во всей его деятельности оставались неразделимыми заботы об активном участии самых широких масс еврейского народа в решении всех задач, какие стоят перед всей страной, перед всеми народами, в решении этих задач вместе со всеми советскими народами. Подобно тому, как в начале войны оказалось необходимым создать Еврейский антифашистский комитет, и это было вызвано особыми чертами борьбы еврейского народа вместе со всеми другими народами с нависшей над нашей страной угрозой, и сейчас, когда еще не залечены раны, нанесенные войной, условия, в которых оказалось значительное большинство еврейского населения страны, видимо, требуют сохранения Еврейского антифашистского комитета. Что это за условия? Это, раньше всего, то, что большинство евреев, выживших во время войны, оказались далеко от тех мест, в каких они жили до войны, возвращаются и вернулись из эвакуации. Это очень сложный и очень трудный процесс восстановления на старых пепелищах, возвращения к нормальной жизни, к работе в нормальных условиях, восстановления разбитых семей, восстановления очагов просвещения, культуры, восстановления связей с родными местами. Если бы всего этого не было, то отпала бы необходимость в сохранении Еврейского антифашистского комитета. Он существует, хотя решительным образом изменился круг тех забот, какими занят этот комитет. Изменился круг конкретных забот, но остался неизменным круг деятельности и те основополагающие черты, какие характерны для всей работы комитета. Раны, какие нанесла война всем народам, еще не залечены. Это чувствуем мы, члены Еврейского антифашистского комитета, это остается нашей заботой. Может быть, и поэтому нас трогают заботы, какие проявляет Центральный комитет Коммунистической партии, о судьбах еврейского населения.

У меня, председателя Еврейского антифашистского комитета, и, думаю, у комитета в целом, об этом скажут и другие его члены, нет иного представления, иных планов решения тех трудностей, с каким связано послевоенное восстановление, экономическое, культурное, социальное, демографическое, еврейского населения нашей страны, как только на путях упорного труда каждого человека, каждой семьи, каждого гражданина, считающего себя евреем, вместе и

рука об руку с сынами и дочерьми всех других народов, на путях активного участия в решении всех задач дальнейшего развития нашей страны, ее социалистической экономики, ее социального строя, ее культуры, ее могущества. Нет и не может быть в нашей стране никаких ограничений, никаких исключений ни по признаку пола, ни по расовой и национальной принадлежности. Это знают все народы, это знают и евреи, они считают себя гражданами великой страны, строящей социализм, здесь их родина, с ней они связывают свое будущее, будущее своих детей, будущее своего народа, его культуры, его самосознания. Я говорю об этом не только как один из членов Еврейского антифашистского комитета. Я считаю себя еще и участником сложного процесса сохранения и развития еврейской культуры. Она растет вместе с культурой всех других народов нашей страны, она остается национальной по языку, она изменяется вместе с тем, как изменяется весь строй жизни народа, как развивается идеология человека, строящего социалистическое общество. Культура народа теснейшим образом связана с его историческими корнями, с его традициями, с его подъемом на новые социальные высоты. Культуру нельзя оторвать от вековых привязанностей народа, и культура хорошо знает свою родину, вместе с народом она черпает в ее соках те силы, без которых не может жить народ, не может жить его культура. Культуру нельзя переместить, перевести из одного места в другое. И это потому, что и народ нельзя перевести из одного места в другое. Отдельные люди могут менять место, но они не могут менять родину. А в культуре не вырежешь ни одного кусочка, который может продолжать развиваться в отрыве от всей культуры народа. Во внешних чертах процесса труда рабочего на заводе, колхозника на тракторе, может оказаться трудным различить национальные черты, разве только по этнографии, здесь может казаться нет никаких национальных привязанностей, никаких национальных особенностей. Но стоит всмотреться в поведение работающего и выступают более или менее отчетливо выраженные черты национального различия. Что уже говорить о культуре, о внешнем ее проявлении, о внутреннем ее дыхании. Она не перевозима, без того, чтобы ее переселить вместе с народом. Но в том-то и вся суть, что народ переселить нельзя, его нельзя оторвать от исторически сложившихся связей с родной землей, с родиной.

Мне предстоит явиться перед народом, который, не буду излишне скромн, знает мой голос, знаком с его звучанием, привык к его тембру, перед народом, дыхание которого я научился познавать, и это я хотел бы считать своей силой. Что я должен сказать этому народу? Неужели я должен сказать ему «лейх лехо», архаическими звуками повеления «ступай себе»? Куда, почему, с какой целью? Куда? Может быть, это просто значит назвать станцию назначения? Но с

каких пор я оказался в роли дежурного на маленькой станции в старину, который объявляет, куда уходит поезд? Почему? Что иное я могу сказать, кроме того, что объявить, что так приказано. Вряд ли этого ждет он, народ, от меня, а другое я сказать не могу. Разве кто-нибудь сочтет убедительным мой довод, что и я иду вместе с ним. Ведь «ступай себе» относится ко всем, и никакого не может и не должно быть исключения. «С какой целью?» Не окажется ли, что после моего ответа на вопрос «почему?», я услышу надрывный голос: «Если приказано "ступай себе", и ты счел возможным это передать мне, можешь ли ты думать, что убедил меня, сообщив, что и ты идешь со мной, что другое я могу подумать о твоих намерениях, кроме того, чтобы заподозрить, что ты готов сделать второй шаг и по пути ударить меня ножом в спину». Так ли не прав этот голос, прийти к народу и сказать ему «собирайся, ступай себе», не звучит ли такой призыв криком, идущим рядом с ударом в спину народа? Ударить в спину народа я не могу.

Секретарь ЦК ерзал на стуле, но не оборвал Маркиша и дал ему досказать все до конца. Когда Маркиш закончил свое слово, секретарь ЦК объявил перерыв до следующего дня. Час будет сообщен по телефону.

Были отмечены пропускные листки и приглашенные поспешно вышли из здания ЦК. Под утро следующего дня все они были взяты. Кое-кто сообщил своим близким о заседании в ЦК. Впоследствии оказалось, что сохранились в разных руках записи речей секретаря ЦК, Лозовского и Маркиша. Они были сделаны, видимо, уже после заседания. Эти записи были сопоставлены и через ряд лет оказались в нужных руках.

Главнейший вопрос, встающий перед нами по прочтении опубликованного выше текста, — достоверна ли сообщаемая в нем информация. Иначе говоря, действительно ли имело место такое совещание в ЦК, таковы ли были предложения Сулова, такова ли, как это зафиксировано в тексте, была реакция Лозовского и Маркиша. Параллельно возникает еще множество более мелких вопросов — о дате совещания, о *прямой* (или косвенной?) его связи с арестами руководителей ЕАК и т.д. Скажем сразу, в литературе упоминаний об этом совещании мы не встречали¹. К тому же мы не располагаем ни черновиками Долицкого, ни теми материалами, на основании которых он и его друзья производили свою реконструкцию. Это, однако, само по себе ничего не значит: мы можем назвать много примеров, когда о каком-то событии — случалось, что и важно — историки узнавали из единственного источника. Поэтому мы попробуем пойти по другому, также вполне принятому пути — попытаемся понять, противоречат ли другие, проверенные и имеющиеся в нашем распоряжении, данные той информации, которая содержится в воспоминаниях Долицкого. В первую очередь это касается истории ЕАК и его отношений с властью в период его существования. Поскольку отечественный читатель не знаком с историей ЕАК, нам придется коснуться ее несколько подробнее, чем это требуется для понимания нашей проблемы.

Первый митинг еврейской общественности, посвященный борьбе с фашизмом, прошел в Москве 24 августа 1941 года². Как и последующие, он транслировался по радио на весь мир. По свидетельству ответственного секретаря ЕАК Шахно Эпштейна, к практической работе ЕАК приступил в феврале 1942 г.³ I-й пленум ЕАК состоялся 28 мая 1942 г.⁴ Печатный орган ЕАК — газета «Эйнкайт» («Единение») начала выходить 7 июня 1942 г.⁵ Главной целью ЕАК в годы войны было сплочение евреев всего мира в борьбе против фашизма. Отсюда вытекали ближайшие задачи: распространение информации о зверствах фашизма, о героизме Красной Армии, о вкладе советских евреев в борьбу на фронте и в тылу; привлечение симпатий к СССР среди евреев других стран; сбор материальных пожертвований у нас в стране и за рубежом⁶.

Перечисляя все это, следует, однако, иметь в виду, что Сталин, давая санкцию на создание ЕАК, держал в уме и другие цели. По некоторым свидетельствам, Сталин и Берия планировали осенью 1941 г. создание Всемирного еврейского комитета, некоего аналога Коминтерна, целиком послушного Москве. Однако в декабре 1941 г. от этой цели отказались, расстреляв тех,

¹ Советских работ о ЕАК, за исключением нескольких газетных статей (см., например: Дубсон В. России с любовью. // Вестник еврейской сов. культуры. 1989. №7. 19 июля) не существует. Из зарубежных наиболее серьезным исследованием является: Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist committee in the USSR, 1941-1948. Colorado, 1982. См. также библиографию: Hundert G., Bacon G. The Jews in Poland and Russia: Bibliographica Essays. Bloomington, 1984.

² ЦГАОРСС СССР. Ф.8114. Оп.1. Д.898. Л.1 (ниже — ЕАК, Д. ... Л. ...).

³ Там же. Д.903. Л.97.

⁴ Там же. Л.81.

⁵ Там же. Л.108.

⁶ См.: Еврейский народ в борьбе против фашизма: Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума еврейского антифашистского комитета в СССР. М., 1945.

кто должен был ее реализовать⁷. Очевидно, что часть задач по идеологическому и политическому проникновению в другие страны была возложена Сталиным на созданные в ту пору в СССР Антифашистские комитеты (Все-славянский, Ученых, Молодежи, Женский)⁸, в том числе и на ЕАК. Как и другие комитеты, ЕАК подчинялся до 25 августа 1946 года Совинформбюро и непосредственно его начальнику (одно время замначальника) Соломону Лозовскому⁹. Прямое незавуалированное подчинение общественных организаций государственному органу¹⁰ кажется абсурдом даже для военного времени. Однако государственность эпохи сталинизма имела свою логику.

На I-м Пленуме был сформирован руководящий аппарат ЕАК. Председатель — С. Михозлс, ответственный секретарь и ответственный редактор «Эйникайт» — Ш.Эпштейн, а также Д.Бергельсон, И.Фефер, Л.Квитко, С. Галкин¹¹. Председателем финансовой комиссии стал Б.Шимелиович¹². Оплачиваемый аппарат ЕАК (литературные редакторы, переводчики, машинистки) составлял в разное время 15-25 человек, не считая штата редакции «Эйникайт»¹³. Кроме того, членами ЕАК в 1942-1944 годах стали поэты Д.Гофштейн, П.Маркиш, С.Маршак; критик И.Добрушин, артист В.Зускин, архитектор Б.Иофан; пианист Э.Гилельс; академики А.Фрумкин и Л.Штерн, проф. И.Нусинов, герои Советского Союза Я.Крейзер, И.Фисанович, Р.Мильнер; поэт и партизан А.Суцкевер, а также еврей — хозяйственные и партийные деятели среднего звена, писатели Дер Нистер, Ноах Лурье и т.д., в общей сложности несколько десятков человек¹⁴. Высшим органом ЕАК являлся пленум. II-й пленум состоялся в феврале 1943 г. в Москве, III-й — в апреле 1944 г. в Москве. Руководящий аппарат стал называться Президиумом. Авторский актив ЕАК (то есть писавшие для ЕАК материалы) превышал в годы войны 300 человек. Среди них были И.Эренбург, Д.Заславский, Л.Кассиль, В.Гроссман, А.Фадеев, П.Тычина, М.Рыльский, Г.Рыклин, М.Мержанов, В.Кирпотин, А.Эфрос, В.Шкловский, К.Паустовский и др.¹⁵

За годы войны ЕАК провел следующую работу. На нужды Красной Армии на Западе было собрано не менее 45 миллионов долларов¹⁶. Во многом под влиянием ЕАК в США возникло 2230 еврейских комитетов помощи СССР, объединившихся в еврейский совет помощи Советскому Союзу во главе с А.Эйнштейном и писателем Шоломом Ашем. Подобные организации возникли в Англии и других странах¹⁷. Все это формировало общественное

⁷ Leneman Leon. La tragédie des Juifs en URSS. Paris, 1959. P.108; Redlich S. Op. cit. P.15-38.

⁸ Об этих комитетах немало написано. См., напр.: Савин В.М. Деятельность общественных организаций СССР по укреплению антифашистской солидарности с народами Латинской Америки в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. О ЕАК ни в этой книге, ни даже в БСЭ последнего издания нет ни слова.

⁹ ЕАК. Д.869. Л.40.

¹⁰ См., напр., в ЦГАОРСС СССР Ф.р-8561 Совинформбюро. Оп.1. Д.2, 12.

¹¹ ЕАК. Д.903. Л.101.

¹² Там же. Д.898. Л.86.

¹³ Там же. Д.737. Л.10, 50, 54, 63.

¹⁴ Там же. Д.899. Л.1; Еврейский народ в борьбе против фашизма... С.108.

¹⁵ Еврейский народ в борьбе против фашизма... С.85.

¹⁶ ЕАК. Д.916. Л.32.

¹⁷ Там же. Л.28-32.

мнение и сказывалось на размерах правительственной помощи СССР этими странами. ЕАК отправил в зарубежную прессу 23125 статей, 12 рукописей книг, 330 фотоочерков, свыше 3000 фотографий. Все это распространялось через 8 западных агентств и публиковалось в 264 периодических изданиях 13 стран. Опубликовано было 65% посланных материалов. Было проведено 944 радиопередачи на Англию и США¹⁸. Особо следует отметить многомесячную поездку С.Михозлса и И.Фефера в 1943 г. в США, Канаду, Мексику и Англию. На некоторые митинги с их участием собирались десятки тысяч человек. Газета «Эйникайт» выходила сначала еженедельно, затем еженедельно тиражом 10 тыс. экземпляров. Представляет интерес история создания «Черной книги». Архивные материалы дают версию, несколько отличную от предложенной И.Эренбургом в его мемуарах¹⁹. Литературная комиссия по изданию «Черной книги» была создана по решению ЕАК, автором идеи являлся А.Эйнштейн и еврейские организации США, участвовавшие в составлении и издании английского варианта книги: был создан редакционный совет из представителей США, Англии, Палестины и ЕАК; Эренбург, протестуя против издания «без его ведома» части «Черной книги» в США, отказался от председательства в литкомиссии и его на этом посту сменил В.Гроссман²⁰. Архивный экземпляр «Черной книги» — 6211 листов, сформированных в 27 томов (таким образом, то, что опубликовано на Западе — малая ее часть). Этот архивный вариант не был уничтожен в 1948 г. До августа 1956 года он хранился в учетно-архивном отделе КГБ вместе с другими документами ЕАК, а затем был передан в ЦГАОР СССР²¹. После этого более 30 лет советская архивная служба скрывала от общественности и ученых документы о преступлениях... не сталинизма, нет, но фашизма! (Многозначительный факт. Судя по листам использования, автор данного послесловия — первый исследователь «со стороны», допущенный к фонду ЕАК. Причем к «Черной книге» и к «секретным делам» его пока не допускают).

После окончания войны аппарат ЕАК несколько уменьшился. В связи со смертью Ш.Эпштейна ответственным секретарем ЕАК стал И.Фефер²². В круг деятельности ЕАК теперь включены Франция, Польша, Румыния, Болгария, Чехословакия, Финляндия, Швеция, Венгрия, Аргентина, Бразилия, а задачей номер один является «распространение правильной информации о Советском Союзе и контрпропагандистские материалы для борьбы с реакционной антисоветской печатью»²³.

Конечно, послевоенный ЕАК не стал менее лояльным, конечно, как и прежде, он выполнял спускаемые сверху указания, но, полагаем мы, в силу некоторых объективных причин, у него стало возникать индивидуальное, не предусмотренное Сталиным и его ближайшими сподвижниками-идеологами, лицо, и в этом смысле он постепенно становился как бы менее управляемым. Причины, о которых мы упомянули, это, в первую очередь, рост еврейского национального самосознания под влиянием Халакауста (Катаст-

¹⁸ ЕАК. Д.916. Л.34-40.

¹⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн.5-6. М., 1966. С.214, 224-225.

²⁰ ЕАК. Д.916. Л.9, 40, 146-147.

²¹ Там же. Предисловие к оп.1, л.5. «Черная книга» — Д.940-966.

²² Там же. Д.869. Л.113.

²³ Там же. Д.916. Л.50.

рофы) еврейского народа в годы войны, и во-вторых, — нагнетание не только спонтанного, но и санкционированного антисемитизма, ставшее заметным уже в конце войны, и не прошедшее мимо внимания ЕАК²⁴.

В архиве Еврейского антифашистского комитета находим отголоски борьбы (отчасти скрытой от постороннего глаза, но от этого не менее напряженной) вокруг вопроса, будет ли ЕАК обычным органом государственной пропаганды, работающим, в основном, на заграницу, или он должен развиваться в организацию, представляющую и защищающую социальные и культурные интересы советских евреев. Среди сторонников этой второй концепции такие заметные фигуры, как Маркиш, Нусинов, генерал Крейзер, Эренбург²⁵. Проводники партийного влияния в Комитете (Эпштейн и др.) обвиняли их в создании «оппозиционной группировки», «национализме» и проч.: «...член нашего комитета И.Эренбург так развивал теорию, что ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать ЕАК, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде, главная задача ЕАК должна заключаться в борьбе против антисемитизма у нас в стране. Имеется группа, возглавляемая поэтом Перцем Маркишем и литератором Нусиновым, которая с первого дня основания ЕАК выражает свое недовольство узкими функциями ЕАК... Так как евреи в СССР не имеют своей республики и своего представительства как народ, эта группа требовала превращения ЕАК фактически в Комиссариат по еврейским делам... И направление Эренбурга, и направление Маркиша и Нусинова, которые, собственно, представляют собой две крайности по своей идеологии, встречали все время со стороны руководящих работников ЕАК должный отпор»²⁶.

Мы не думаем, чтобы предлагавшие развивать еврейскую культуру и бороться с антисемитизмом деятели ЕАК осознавали свою позицию как фрондерскую, скорее, наоборот — они были убеждены, что они-то и верны «генеральной линии», что в «социалистическом отечестве» все нации равны, что антисемитизм — «печальное наследие прошлого», реанимировавшееся в результате гитлеровского нашествия. Однако Сталину, с его послевоенной национальной политикой, в основе которой лежали откровенно шовинистические тенденции, споры в ЕАК должны были видиться в совсем ином свете. По меньшей мере они должны были его раздражать.

Почему же в таком случае ЕАК смог просуществовать почти до конца 1948 года? В годы войны Сталин рассматривал ЕАК как полезное для дела

²⁴ Там же. Д.903. Л.253; Д.919. Л.50. Эта проблема освещена в многочисленных исследованиях и мемуарах, в том числе и самого Долицкого, отражена и в художественной литературе (ср., напр., линию Штрума в «Жизни и судьбе» В.Гроссмана). Михозлс и Эпштейн 26 мая 1944 года написали следующее письмо Л.П. Берия: «Дорогой Лаврентий Павлович! Посылаем Вам копии некоторых писем, полученных Еврейским антифашистским комитетом, свидетельствующих о ряде ненормальных явлений по отношению к евреям на местах» (ЕАК. Д.792. Л.56). 21 ноября 1944 г. в секретном донесении В.М. Молотову зам. наркома госконтроля СССР В.Полов утверждал, что проведенная проверка по заявлению Михозлса и Эпштейна не подтвердила их жалоб (ЕАК. Д.792. Л.66). Эти и многие другие факты свидетельствуют, что хотя точка зрения Эпштейна на ЕАК и отличалась от точки зрения Маркиша, но с другой стороны, заметно отличалась от точки зрения В.Кружкова (см. ниже — прим.33).

²⁵ Там же. Д.916. Л.138, 141; Д.919. Л.50-55.

²⁶ Там же. Д.919. Л.36, 101.

победы учреждение, как один из каналов проникновения на Запад и Ближний Восток. После войны ЕАК частично утратил это значение. Но в пору, когда актуальным было создание государства Израиль, казалось неразумным отказываться от посредничества ЕАК во влиянии на международное еврейство. Создание Израиля было провозглашено в мае 1948 г. и немедленно вслед за этим началась арабо-израильская война. В этой войне СССР сначала принял сторону Израиля (поставки чехословацкого оружия, статьи в советских газетах, речь А.А. Громыко в ООН), но уже вскоре ситуация начала меняться. От сочувственных материалов по отношению к Израилю — «жертве агрессии» советская пресса переходит к глухому молчанию, либо к невятным обвинениям в адрес «империалистических разжигателей междоусобной войны»²⁷. Решающую роль в переоценке (какое-то время — неясной) отношения к Израилю сыграла его независимая внешнеполитическая позиция. Как справедливо отмечает западный исследователь Д.Шехтман, «ослабление английского влияния не повлекло за собой усиления советских позиций. Вместо этого на Среднем Востоке стало расти влияние Соединенных Штатов. Израиль не высказывал склонности стать советским сателлитом»²⁸.

Пытался ли Сталин летом — в начале осени оказать какое-либо воздействие через ЕАК на израильскую позицию, нам неизвестно. Не исключаем, что такая попытка могла иметь место. Но независимо ни от чего, к осени он должен был придти к мысли, что преувеличивал влияние «своих», советских евреев на евреев других стран, что надежда на то, что Израиль окажется в зоне советского влияния — иллюзорна.

Явственная дата перелома — сентябрь²⁹. 7-го сентября в «Эйникайт» появляется статья Льва Гольберга, критикующая не только сионизм, но и израильских лидеров, и обозначившая новые тенденции в отношении к Израилю. Хотя статья была рассчитана только на читающих на идиш, значения ее преуменьшать не следует. По-видимому, она должна была переориентировать советских евреев, многие из которых (в отношении полного соответствия своей позиции правительственному курсу) бурно приветствовали создание еврейского государства в Палестине, а иные (по некоторым сведениям, их было не так уж мало), в основном, бывшие солдаты и офицеры Великой Отечественной, даже подавали заявления в различные инстанции, в т.ч. в ЕАК, с просьбой отправить их на Ближний Восток для участия в «справедливой», «национально-освободительной» войне. Намек, однако, не был понят. Это стало ясно 11 сентября, когда во время посещения московской синагоги израильским послом Голдой Меир приветствовать ее собралась многотысячная толпа. «Этого нам никогда не простят», — сказал в те дни своей жене И.Фефер. Большая толпа встретила Голду Меир 16 сентября на Малой Бронной, возле Еврейского театра³⁰. Через несколько дней после этого в «Правде»

²⁷ Ср., напр.: Литературная газета. 1948. 22 мая и 15 сентября.

²⁸ Шехтман Д. Советская Россия, сионизм и Израиль. // Евреи в Советской России. Иерусалим. 1975. С.93.

²⁹ О переломной роли сентября 1948 г. упоминал еще Д.Шехтман. (Указ. соч. С.94). Однако более полную картину мы находим у S.Redlich (op. cit. P.165-167).

³⁰ О словах Фефера сообщила Д.Фефер. Подробности о «демонстрациях» сентября 1948 г. не всегда совпадают у мемуаристов и исследователей. См., напр., в кн. Евреи в Советской России... С.28.

была напечатана (конечно, заказанная на высоком уровне) статья Ильи Эренбурга, в которой проводилась резкая разграничительная черта между советскими евреями и израильскими и утверждалось, что в СССР евреям созданы прекрасные условия для их социального и культурного развития³¹.

Не сомневаемся, ЕАК в этот момент уже вовсе не был нужен Сталину и в высшей степени раздражал его. Впрочем, оставалась еще одна возможность использовать ЕАК — та самая, о которой идет речь в опубликованном тексте. Мысль о создании «своего еврейского государства», противостоящего Израилю как «истинное» — «ложному» («социалистического» — «капиталистическому») вполне могла прийти ему в голову. Нам кажется, что такого рода конструкции, сколь глобальные, столь и оторванные от реальности, характерны для Сталина последних лет жизни. Вчитываясь в речь Суслова, произнесенную перед руководителями ЕАК: мы не можем не услышать сталинскую интонацию: близкая к катехизисной форма подачи материала, ход мысли, движущейся в пределах двух-трех антиномий, характерные повторы, и, в особенности, полное отсутствие упоминаний лично о товарище Сталине — все это заставляет подозревать за текстом Суслова высочайшую руку. Скорее всего, секретарь ЦК пользовался неким письменным текстом, восходящим непосредственно к Сталину.

Причины, по которым И.В. Сталин не хотел в 1948 году повторить с евреями то, что он с такой легкостью проделал с крымскими татарами, калмыками и другими народами за четыре года до этого и что он намеревался сделать с теми же евреями четыре года спустя, очевидны. Он слишком хорошо помнил реакцию мирового общественного мнения на антисемитскую политику Гитлера — а в 1948 году эта реакция была для него еще значимым фактором. В 1948-м же необходимо было заручиться убедительной пропагандистской интерпретацией готовящейся акции, то есть отправить евреев на Восток под знаменами их собственных вождей. Совсем другая эпоха — 1952 год, разгар корейской войны, ошутимо приближившей третью мировую; тут уже было не до пустяков...

Таким образом, мы полагаем, что совещание, описанное в воспоминаниях Долицкого, могло иметь место. Дату его, скорее всего, следует отнести к ноябрю 1948 г., к середине месяца. Официальной даты закрытия ЕАК нам обнаружить не удалось, в литературе она отсутствует, но закрытие издательства «Дер Емес» произошло 17 ноября³², а спустя 3 дня вышел последний номер газеты «Эйникайт». Аресты же руководителей ЕАК произошли позднее, и одновременно, а не «на следующий день» после встречи с Сусловым, как утверждает Долицкий. Первым из наиболее крупных еврейских деятелей

³¹ Эренбург И. По поводу одного письма. // Правда. 1948. 21 февраля. Нельзя не отметить сходство некоторых пассажей Эренбурга с тезисами «речи Суслова» в нашей публикации. Ср., напр.: «Судьба еврейских тружеников всех стран связана с судьбой прогресса, с судьбой социализма. Советские евреи вместе со всеми советскими людьми отстаивают свою социалистическую родину. Они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее. И я думаю, что трудящиеся государства Израиль, далекие от мистики сионистов, взыскующие к справедливости, смотрят теперь на Север — на Советский Союз, который идет впереди человечества к лучшему будущему».

³² Gitelman Z. The Jews of Russia and the Soviet Union: 1881 — to the Present. N.Y. 1988. P.233.

был арестован Д.Гофштейн — но это событие состоялось рано — еще в сентябре. Основные аресты начались в конце декабря. 24-го взяли И.Фефера (сообщила дочь — Д.И. Фефер), затем в январе были арестованы Лозовский, Маркиш, Квитко, Шимелиович и другие. Аресты продолжались и после этого. 12 августа 1952 года 13 человек по делу ЕАК были расстреляны. (О следствии и гибели см. статью А.Ваксберга в «Лит. газете» №11 от 15 марта 1989 и интервью с генералом Н.Петуховым в «Неделе» №7 от 13-19 февраля 1989).

Однако установив возможность описанной в воспоминаниях Долицкого встречи в ЦК, мы должны отдельно рассмотреть вопрос о поведении на этой встрече руководителей ЕАК. По версии Долицкого, они ведут себя героически. Угадав за предложением Сулова (Сталина) депортацию, они отказываются покрыть ее своими именами, срывают планы Сталина и тем самым подписывают себе смертный приговор. Могло ли такое быть?

Сначала о С.А. Лозовском. Один из старейших большевиков (с 1901 член РСДРП, большевиком стал в 1905), лишь два года за долгие десятилетия проведенный вне партии (в 1918-19 — лидер с.-д. интернационалистов), благополучно прошедший сквозь все чистки 1920-30-х гг., ухитрившийся не попасть в жернова «большого террора», возвысившийся в конце 30-х (после многолетнего кандидата избран в 1939 в члены ЦК ВКП(б)), в 1939-46 — зам. наркома иностранных дел, руководитель кафедры в ВПП (с 1940 до ареста в 1949), фактический глава (в 1941-48) Совинформбюро, пожалуй, самый высокопоставленный (после Кагановича) советский еврей, мог ли он сказать «нет», в ответ на по сути прямую директиву Сталина? Позволим себе в этом усомниться.

З.С. Шейнис, встречавшийся с Лозовским в ту эпоху, характеризует его как «сломленного, но не порвавшего с честностью и порядочностью человека»³³. Сломлен Лозовский был, конечно, не столько потерей поста в МИД и лишением руководимого им Совинформбюро той роли, которую оно играло раньше, но, в первую очередь, убийством Михозлса и разворачивавшейся антисемитской кампанией. Вряд ли он сказал Сулову «нет», но не исключено, что он не сказал твердого «да», уйдя от прямого ответа и ограничившись осторожными сомнениями относительно того, что задуманная акция не встретит понимания за рубежом.

Другое дело — Перец Маркиш. О его «неуправляемости» имеется достаточно много свидетельств³⁴. Нам кажется, что он мог, аргументируя тем, что «культуру нельзя переместить», в той или иной форме выразить свое

³³ Устное сообщение З.С. Шейниса. Нам известно, что, по крайней мере в 1943 году С.Лозовский не препятствовал тому, чтобы точка зрения Маркиша на ЕАК возоблада: «Считаю политически вредным тот факт, что руководство Еврейского антифашистского комитета [занимаясь] ходатайствами материально-бытового характера от советских граждан-евреев, принимает на себя заботу об удовлетворении просьб и затевает переписку с советскими партийными органами.

Если вы сочтете мое замечание правильным, прошу Вас дать указание тов. Лозовскому в Куйбышев». (Из секретного донесения работника Совинформбюро В.Кружкова секретарю ЦК ВКП(б) начальнику Совинформбюро А.С. Щербакову. — ЕАК. Д.792. Л.9).

³⁴ И наоборот, свидетельств того, что после смерти Михозлса он возглавлял ЕАК, как о том пишет Долицкий, мы не нашли.

отрицательное отношение к сталинской идее. Впрочем, последняя часть выступления Маркиша (начиная со слов «мне предстоит явиться перед народом»), вызывает некоторые сомнения. Трудно представить себе такую интонацию в беседе с секретарем ЦК. Таким образом, нам кажется, что вторая часть опубликованного текста, содержащая выступления оппонентов Сулова, отчасти мифологизирована.

Не исключено, конечно, что весь разговор проходил в несколько иной тональности. Что Сулов не сообщил руководителям ЕАК о сложившемся «мнении», а как бы обратился к ним за советом, консультацией, т.е. попросту говоря — «прощупывал» настроения приглашенных им деятелей. В таком варианте, думаем мы, допустимы были и более прямые высказывания, приближающиеся к тем, какие находим в воспоминаниях Долицкого.

Но как бы то ни было, судьба ЕАК была решена. Любопытно тут отметить, что материал на руководителей ЕАК собирали в МГБ давно. Например, Е.И. Долицкого, арестованного в начале 1948 г., принуждал дать показания о шпионской деятельности Лозовского, Маркиша и др. (в самые первые месяцы следствия — в январе-феврале), — сам генерал Горгонов, крупнейший абакумовец. Это известно нам достоверно — не из поздних воспоминаний, а из заявления, которое Долицкий отправил из лагеря в МГБ в конце 1950 г., протестуя против арестов членов ЕАК. Поразительно, что автор мужественного заявления не был немедленно этапирован в Москву и присоединен к «делу ЕАК» — его лишь перевели «на общие» — на торфоразработки³⁵. Однако этот вопрос, как и важнейший — о связи убийства Михоэлса (почему-то сразу всем стало известно, что это именно убийство...) со сталинскими планами относительно еврейского народа, выявившимися осенью 1948 г., — выходит за пределы нашего повествования.

³⁵ Объяснение тут видится лишь одно — заявление не вышло за пределы лаготделения, т.е. не дошло до адресата.

Я.Я. Этингер

КОГДА НАЧАЛОСЬ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»?

В известном сообщении ТАСС 13 января 1953 г. «Арест врачей-вредителей», опубликованном во всех центральных газетах, упомянут и мой отец Я.Г. Этингер, профессор-терапевт. Однако, в отличие от коллег, отец был арестован не в конце 1952 года, а значительно раньше, 18 ноября 1950 г., и не в связи с готовящимся «делом врачей», а по стандартному обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 58-10).

В нашем доме действительно говорили довольно свободно и на разные темы. Отец совсем не походил на замкнутого в профессиональную сферу специалиста. Он был широко образованным человеком, прекрасно разбирался в литературе, любил театр, живопись. У нас часто бывали актер Н.П. Хмелев и балерина Е.В. Гельцер, художники Н.П. Крымов и С.В. Малютин, писатели А.С. Яковлев и С.Я. Маршак. Помню дружескую надпись, сделанную Маршаком на сборнике переводов Шекспира: «Пришли сонеты в СССР // Сквозь долгие века. // Тому причиной Этингер, // Лечивший Маршака». (Книга эта была изъята при аресте отца, и следователи пытались использовать ее как доказательство «преступной связи» между отцом и Маршаком, на которого «собирали материал»). Конечно, отец интересовался политикой. Он внимательнейшим образом читал газеты, потом мы с ним подолгу обсуждали происходящие события — и «лысенковщину», и отношения с Югославией, и разворачивавшуюся антисемитскую кампанию. Говорили мы открыто и в оценках не стеснялись. Оказалось, что наши беседы аккуратно прослушивались... Это и послужило ближайшим поводом к аресту нас обоих.

В аресте отца участвовала большая группа работников МГБ СССР во главе с М.Рюминым, тогда, кажется, подполковником. Насколько я могу судить (по косвенным, конечно, источникам), в ходе следствия вопрос о каком бы то ни было лечении Этингером руководителей партии и государства не вставал. Между тем, основания для разговоров с отцом на эту тему у следователей были: в течение многих лет отец был консультантом Лечсанупра Кремля, среди его пациентов — Киров, Ходжаев, Лакоба, Чичерин, Литвинов, Карahan, Тухачевский, Тольятти, Пик, Димитров, Коларов... (К слову, несмотря на то, что отец на протяжении многих лет лечил Орджони-

кидзе, практически был его домашним врачом, ознакомиться с медицинским заключением о смерти этого пациента ему не удалось). Отцу инкриминировались «клеветнические измышления» в адрес Сталина и Берии, сомнения в том, что Бухарин и другие видные деятели являлись иностранными агентами, ему вменяли в вину осуждение «борьбы с космополитизмом», квалификация ее как проявления антисемитизма и т.п.

Широко бытует версия, прямо связывающая смерть моего отца во время следствия и начало «дела врачей». А.И. Солженицын пишет: «Возвышенный Абакумовым и приближенный Абакумовым Рюмин пришел к нему... с сенсационным сообщением, что профессор-врач Этингер сознался в неправильном лечении (с целью умерщвления) Жданова и Щербакова. Абакумов отказался поверить, просто знал он эту кухню и решил, что Рюмин забирает слишком (а Рюмин-то лучше чувствовал, чего хочет Сталин). Для проверки устроили в тот же вечер перекрестный допрос Этингеру и вынесли из него разный вывод: Абакумов — что никакого дела врачей нет, Рюмин — что есть. Утром бы проверить еще раз, но по чудесным особенностям Ночного Заведения ЭТИНГЕР ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ УМЕР! Тем же утром Рюмин, минуя Абакумова и без его ведома позвонил в ЦК и попросил приема у Сталина! (Я думаю, не это был его самый решительный шаг. Решительный, после которого уже голова стояла на кону, был — накануне — не соглашаться с Абакумовым, а может быть ночью убить и Этингера. Но кто знает тайны этих дворов, а может быть контакт со Сталиным был еще и раньше?). Сталин принял Рюмина, дал ход делу врачей, а АБАКУМОВА АРЕСТОВАЛ. Дальше Рюмин вел дело как бы самостоятельно...» («Архипелаг ГУЛаг», т.1, ч.1, гл.4). Версия эта недавно в общем виде была продублирована в «Науке и жизни» бывшим сотрудником МГБ Трубачевым (1988, №12). Но вместо Этингера здесь назван М.Б. Коган, который, после признания Абакумову и Рюмину, повесился в тюремной камере. Помимо того, что возможность повеситься во внутренней тюрьме МГБ (да еще арестанту, сделавшему такое важное признание, а значит и особо надзираемому) маловероятна, вся версия о М.Б. Когане представляется откровенно ошибочной. М.Б. Коган, чье имя находим в списке «врачей-вредителей», опубликованном ТАСС 13 января 1953 г., умер 26 октября 1951 г. К этому времени Абакумов уже несколько месяцев как не был министром госбезопасности. Когану были посвящены официальные некрологи (напр. «Клиническая медицина», 1952, №2), что заведомо исключает его смерть в следственном изоляторе (ср. заметку по этому поводу его сына: «Наука и жизнь», 1989, №6). По делу проходил брат М.Б. Когана — Б.Б. Коган, но он умер своей смертью через несколько лет после того, как «дело врачей» было закрыто.

Что касается смерти моего отца, то, если верить свидетельству о смерти, выданному нашей семье в 1955 г., он скончался 2 марта 1951 г. «от самопроизвольного разрыва стенки левого желудочка сердца». Получив в Свердловском ЗАГСе Москвы свидетельство, мы с матерью долго гадали, можно ли верить этой дате — 2 марта 1951. И пришли к выводу, что скорее всего она правдива. Я и сейчас склоняюсь к тому же мнению. Дело было слишком громкое, реабилитированы врачи были рано, до начала массовых реабилитаций, когда обычной практикой стало «разбрасывать» в справках даты смерти, да и реабилитация врачей произошла «на высочайшем уровне». К тому же отец был единственным из названных в сообщении ТАСС врачей, кто погиб в тюрьме, скрывать какой-нибудь массовый расстрел здесь не надо было — какой резон был лгать относительно даты его смерти?! Действительно, отец страдал тяжелой формой стенокардии, в 1951 он был далеко не молод (64 года), а испытания следствием могли приблизить его смерть. Еще одно — ни мне, ни матери, не дававшим нужных следствию показаний на отца, на его и других врачей «преступную деятельность», не давали очных ставок с отцом и не предъявляли его показаний (для сравнения — когда наши с матерью показания относительно какой-то мелочи разошлись, нам тут же дали очную ставку). Мне также неизвестно, чтобы показания отца предъявлялись кому-то другому. Наконец, последнее: почему-то мне врезался в память мой допрос 5 марта 1951 года (возможно, по ассоциации с другим 5 марта). Следователи вели себя как-то необычно, было ощущение в чем-то изменившейся интонации. Дело мое вскоре после этого допроса было закончено, и я уже ждал приговора. Думаю, что это было связано с только что происшедшей смертью отца. Но если принять официальную дату смерти за истинную, то тогда возможно несколько уточнить и подправить версию Солженицына.

Даже если отец умер после перекрестного допроса Рюминым и Абакумовым, то дальнейшие события развивались не так стремительно. Пускай даже Рюмин сумел 3-го марта утром пробиться к Сталину, но арестован-то Абакумов был несколькими месяцами позднее — по недавнему сообщению в «Известиях ЦК КПСС» (1989, №3, с.169), его только в июне исключили из партии, а развернулось всюю «дело врачей» еще спустя год с небольшим, когда на месте Абакумова давно уже сидел С.Д. Игнатъев. Главное, однако, в другом.

17 октября 1950 г., за месяц до ареста отца, арестовали меня, тогда студента-экстерна исторического факультета МГУ. Арестовали на улице, ордер, с которым я познакомился уже на Лубянке, был подписан Абакумовым и Генеральным прокурором, кажется, Сафроновым. До конца весны 1951 г. шли допросы, неоднократным участ-

ником которых был и Рюмин. Обвинения, предъявленные мне, были близки тем, которые, насколько известно, инкриминировались отцу и базировались, в основном, на содержании наших бесед с отцом. Меня спрашивали о чем угодно — об отношении к Сталину, Тито, о внутренней и внешней политике, но ни одного вопроса о «вредительском лечении» мне не задавали. 17 мая 1951 г. в Лефортово мне объявили приговор ОСО — 10 лет лагерей, 5 июня — отправили этапом на Колыму. В июле несколько недель провел я в Ванино, ожидая парохода на Магадан.

За это время в Москве были арестованы моя мать врач-терапевт Р.К. Викторова и — чуть позже — много лет жившая в нашей семье М.П. Харецкая (в 1941 г. именно с ее помощью мне удалось бежать из немецкого концлагеря в Минске). М.П. Харецкую допрашивали о гостях, разговорах в доме и вскоре, отобрав подписку о невыезде, отпустили. Мать, арестованную 16 июля 1951 г., на «общие» темы допрашивали лишь в самые первые дни, и вскоре полностью переключились на вопросы «вредительского лечения». Произошло это, как я понимаю, в конце июля — начале августа. (Позднее она была приговорена решением ОСО к 10 годам тюрьмы и отправлена сначала во Владимир, а потом в Новочеркасск).

В первых числах августа 1951 меня вызвали в комендатуру лаг-отделения и сообщили о том, что возвращают в Москву на следствие. До отправки поместили в изолятор. Возвращался я не через пересыльные тюрьмы, а через внутренние тюрьмы областных управлений МГБ. Если в Ванино я ехал в «купе» на двадцать человек, то назад в Москву я был в таком же купе совершенно один — изоляция соблюдалась строжайшая. 1 сентября меня доставили в Лефортово и на первом же допросе заявили примерно следующее: «Нам хорошо известно, что ваш отец вместе с профессорами Виноградовым, Вовси, Гельштейном, Зелениным занимался вредительским лечением выдающихся советских деятелей. Они все признались в этом (в действительности врачи были еще на свободе, аресты начались гораздо позже). Отец с вами был в доверительных отношениях, поэтому вы не могли не знать обо всем. Рассказывайте». Отец, в частности, обвинялся во вредительском лечении умершего в мае 1945 г. секретаря ЦК, кандидата в члены Политбюро А.С. Щербакова, которого он вместе с Виноградовым лечил с конца 1944 до последних дней.

Меня последовательно допрашивали несколько офицеров из следственной части по особо важным делам МГБ. Сначала это были майор Чечуров, капитан Меркулов, подполковник Полянский, потом дело стал вести полковник Носов, в допросах участвовал и полковник Родованский, а кроме него и полковник Герасимов (дело матери вел полковник Седов). Неоднократно, как при первом следствии, присут-

ствовал на допросах Рюмин, теперь уже полковник, небольшого роста, довольно плотный, с гладко зализанными волосами. Обычно он врвался в кабинет следователя, осыпал меня бранью и угрозами, в кресло не садился, а все время бегал с криками по кабинету. Об «агитации и пропаганде», за которые я был осужден, теперь и речи не было (Рюмин называл их «камуфляжем»: «подумаешь, ругали товарища Сталина»), весь интерес был сосредоточен на отце и его коллегах, их «преступном лечении». Допросы продолжались до середины марта 1952 г., когда меня отправили в Кировскую область, в Вятлаг.

Из приведенных мною фактов получается, что «дело врачей» начали фабриковать не позднее августа 1951 года (у А.И. Солженицына — осень 1952 г.), но и не ранее, чем в июне этого года, т.е. спустя не меньше чем три месяца после смерти моего отца. Ибо если бы этот вопрос разрабатывался в МГБ уже весной 1951 г., то меня или бы спрашивали об этом, или — по крайней мере — не отправили бы на этап — какой смысл загонять на Колыму потенциального «свидетеля». Да и вернуть меня МГБ могло с любой точки пути, однако наряд на обратное этапирование пришел (телеграммой!) лишь в начале августа, т.е. в те именно дни, когда и мою мать начали допрашивать о «преступном лечении». Я вовсе не отвергаю возможности конфликта между Рюминым и Абакумовым на почве «дела врачей», я лишь отношу события к определенному сроку и не вижу прямой связи между делом отца и разворачиванием «дела» об «убийцах в белых халатах». Конечно, я сознаю шаткость своих утверждений, основывающихся во многом на доверии к официальной справке. Но, как я уже говорил, официальная дата смерти отца находит и ряд косвенных подтверждений. Безусловно, серьезные выводы здесь могут быть сделаны не раньше, чем станут доступными следственные дела отца и его коллег. Только тогда, возможно, мы получим ответы не только на затронутые выше достаточно частные вопросы, но и поймем истинный смысл «дела врачей» — должно ли оно было ограничиться только врачами, стало бы началом депортации еще одного народа, или, кроме всего прочего, процесс над кремлевскими медиками явился бы прологом новой гигантской чистки, нового «большого террора»*.

* Другой вариант данной статьи опубликован автором в ж. «Наука и жизнь», 1990, №1 (Ред.).

НОРИЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1953 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ Б.П. ДУБИЦКОГО И Л.А. ПОЖАРСКОГО

Посвятив в «Архипелаге ГУЛаг» несколько глав (едва ли не самых впечатляющих) лагерным восстаниям 50-х гг., А.И. Солженицын с сожалением замечал: «...и крупное восстание в Горлаге (Норильск), о котором сейчас была бы отдельная глава, если б хоть какой-нибудь был у нас материал. Но никакого...» (т.3, ч.V, гл.11). Сегодня в архиве «Мемориала» находятся несколько небольших мемуарных текстов о событиях в Норильске летом 1953 г. Два из них публикуются ниже.

Автор первого — Борис Петрович Дубицкий. Во время войны он был угнан из Харькова в Германию, в апреле 1945-го освобожден советскими войсками из концлагеря в Эберсвальде и уже на следующий день арестован. Обвинение — агент гестапо, выполнял специальные задания Гитлера, Гимmlера и Шелленберга. Следствие вели смершесцы из 61-й армии 1-го Белорусского фронта ст.лейтенант Евдокимов и его помощник Юсупов. Приговор — 10 лет. Отправлен в Норильск. Возможность сравнить лагеря в Германии и в СССР: «По моему личному мнению, сталинская система была гораздо более бесчеловечной и жестокой. ...В системе ГУЛага, помимо гораздо больших физических мучений, давил груз моральных переживаний — никакой надежды, никакой перспективы». В октябре 1954 г. освобожден, в 1957 г. реабилитирован, с конца 50-х живет в Запорожье. Инженер.

Лев Александрович Пожарский на три года младше Дубицкого (род. в 1924 г.), тоже был угнан с Украины в Германию. По возвращении успел поучиться в Ленинградском кинофототехникуме, в мае 1950 г. прямо с лекции увезли в «Большой дом». Получил 25 лет (террор через намерение, антисоветская агитация), вначале попал в Песчлаг (Казахстан), быстро заслужил репутацию смутьяна и в составе знаменитого карагандинского этапа был отправлен в Норильск, откуда — уже после восстания — на Колыму (Берлаг). В 1956 реабилитирован. Живет в Армавире. Занимается фотографией.

В общих чертах воспоминания этих двух очевидцев норильского восстания совпадают и не противоречат ни изданным за рубежом запискам С.Ю. Бадаша (Континент. 1983. №36; отд. изд.: Колыма ты моя, Колыма... Н.-Й., 1986), ни устным свидетельствам профессора-геолога М.Н. Годлевского, тоже горлаговца, где речь идет о тех же событиях. Конечно, есть и несоответствия, объясняемые отчасти ошибками памяти, отчасти отличием взгляда мемуаристов на происходившее: более широкого, но зато и более отстраненного у Б.Дубицкого, и — «взгляда изнутри» у Л.Пожарского, который будто заново переживает свое прошлое. Несовпадения очевидны и не нуждаются, кажется нам, в комментариях, тем более что источников для серьезного анализа у нас пока недостаточно. Рассматривая эти свидетельства

рядом с известными материалами о других лагерных восстаниях 50-х гг. (Воркута — здесь особенно ценными видятся готовящиеся к печати рассказы И.М. Доброштаня; Кенгир и др.), сразу же замечаешь, что и первопричины восстаний (жестокость спецлаговского режима, усилившийся беспредел администрации и охраны в контрасте с ощущением меняющегося «духа времени») и ход их (убийство стукачей, забастовка, бегство администрации из зоны, переговоры, военное подавление восстания) были везде более или менее схожими. Схожими были и требования, обращенные, как правило, к Москве, а не к местному начальству: отменить номера на одежде, снять ограничения на переписку, сократить рабочий день, не запирать з/к в бараках, ввести оплату труда и «зачеты», иногда — распространить на всю массу политических амнистию 27 марта 1953 г. В центре восстаний обычно — бывшие участники национальных движений (из Западной Украины и Прибалтики), а также бывшие солдаты и офицеры советской армии (многие — из военнопленных, перемещенных из немецких концлагерей в отечественные особлагы)*, т.е. заключенные основных послевоенных потоков, знакомые и с оружием, и с опытом коллективных действий.

Поведение администрации стандартно: выявление зачинщиков и изоляция их, разнообразные попытки расколоть заключенных, вызов комиссии или псевдокомиссии из Москвы, угрозы и — одновременно — обещания разобраться, затем штурм зоны войсками, расправа над активистами восстания, пересортировка остальных участников.

Все восстания были жестоко подавлены, но демонстрация готовности к борьбе дала плоды. Похоже, что восстания сыграли свою роль не только в постепенном смягчении особлаговского режима (зачастую — временном), но и в немалой степени ускорили процесс хрущевской разгрузки лагерей. В этом смысле лагерные восстания следует, по-видимому, рассматривать в широком контексте — сопротивления сталинизму как в «малой», так и в «большой» зонах.

Публикуемые отрывки не дают все-таки достаточно объемной и точной картины восстания в Норильске. Многое по-прежнему остается неясным. Не хватает не только важных деталей, но и укрупненных портретов людей из «толпы» и лидеров. Восполнить эти пробелы — наша ближайшая задача. (Ред.)

* Конкретно в Норильском восстании эта последняя категория з/к не играла заметной роли среди зачинщиков и активистов.

Б.П.Дубицкий
ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1953 ГОДА

К осени 1947 года размеренную жизнь исправительно-трудовых лагерей Норильлага, состоявшего более чем из 24 лаготделений (по 4-5 тысяч человек каждое), окружавших промышленную площадку Норильского горнометаллургического комбината НКВД СССР, стали потрясать муки преобразований.

Гулаг никогда не страдал от застоя. Теперь было принято решение — на базе ИТЛ создать новую формацию в виде целого ряда особлагов со своими номерами и кодовыми названиями.

Так возникли «Леслаг», «Озерлаг», «Песчлаг» и т.п. В Норильске же Особлаг №2 получил название «Горлаг». Первоначально, в кругах заключенных, самодеятельные «дешифровальщики» решили, что в названии скрывается смысл «государственный особорежимный лагерь», но скоро выяснилось, что все гораздо проще: Особлаг №2 назван Горным, поскольку обслуживает Горно-металлургический комбинат, вернее его строительство. Всего в системе Горлага было создано шесть лаготделений, одно из которых, естественно, было женским.

Где находилось первое отделение, установить трудно, вероятнее всего оно обслуживало рудник известняка на Каларгоне. В системе ИТЛ это была штрафная командировка с каторжными условиями труда и жестокой, доходящей до зверства, дисциплиной.

Второе лаготделение обслуживало новый кирпичный и цементный завод, и контингент его состоял из лиц, приговоренных к каторжным работам на сроки 20-25 лет. Третье — находилось на вершине горы Рудная и использовалось на эксплуатации рудника «Медвежий ручей».

Четвертое лаготделение было создано на базе выстроенного поселка, состоявшего из десятка кирпичных трехэтажных домов. Основной задачей здесь было обеспечение строительства нового медеплавильного завода, пуск которого был приурочен к 70-летию со дня рождения вождя народов всего мира — 21 декабря 1949 года. После сдачи в эксплуатацию этого завода контингент лаготделения был переведен на стройплощадку города — Горстрой.

Пятое лаготделение примыкало к территории старого кирпично-блочного завода с западной стороны. Использовалось частично для нужд этого завода, а частично и на строительстве города — в «Горстрое».

Шестое, женское лаготделение в основном работало на строительстве города. Временами женщин бросали на кирпичный завод.

Зона женского лагеря, как и зона пятого отделения, примыкала к территории завода с восточной стороны.

Принцип отбора во вновь созданные лагеря уловить было трудно, так как производился он в несколько этапов. Лица с одинаковыми статьями, не попавшие в первый эшелон, попадали во второй, третий, а то и вообще не попадали в Горлаг. Карты все время перемешивались. Однако, при внимательном анализе можно было установить, что в первый эшелон попали бывшие военнопленные, лица, угнанные на каторжные работы в Германию и впоследствии освобожденные Советской Армией, лица, заподозренные в связях с украинскими националистами, а также откровенные уголовно-бандитские элементы, необходимые, видимо, в качестве помощников лагерной администрации для управления всей массой заключенных.

Вторым эшелоном Горлаг был пополнен лицами набора 1937-38 годов, репрессированными коммунистами разных стран, русскими, «репатрированными» с территорий примыкающих к СССР государств, а также остатками офицерских корпусов бывших прибалтийских государств.

В третий эшелон Горлага попали заключенные, переведенные из других лагерей, в том числе контингент, снятый со строительства железной дороги Салехард-Игарка, так называемой «сталинки».

Разница в условиях существования заключенных ИТЛ и Горлага была огромной. Так, охрана заключенных ИТЛ осуществлялась гражданскими лицами — ВОХР, провожавшими колонны или бригады на работу и с работы с определенной мерой либерализма. Охрана заключенных Горлага была поручена внутренним войсками НКВД, для чего в Норильск перевели специальную воинскую часть. Солдаты свирепствовали повсюду, устраивали порой, в порядке развлечения, откровенную охоту на заключенных с применением оружия.

Жестокость внутрилагерного режима постоянно и методично наращивалась. Территория лаготделений была оградена тремя рядами ключей проволоки с вышками через 20-30 метров. При смене караулов на вышках следовал доклад: «Пост по охране особо-важных государственных преступников сдал». Аналогичным был ответ принявшего охрану. В общежитиях солдат были развешаны плакаты с изображениями полувампиров-полубандитов, сосущих кровь живых людей, с надписью: «Солдат, помни, кого ты охраняешь». Через два года после организации всем заключенным Горлага было вменено в обязанность носить на спине всех видов одежды персонально присвоенные номера, состоящие из буквы и трех последующих цифр. Такие же номера следовало носить на брюках справа выше колена.

Если кто-нибудь из «скромности» рисовал номер, недостаточной, по мнению администрации, величины, при следовании через

вахту на работу услужливые лагерные работники из заключенных «поправляли» этот номер во всю спину.

С пятидесятого года все бараки на ночь стали закрывать на замки снаружи, до утренней поры, когда дневальные уходили на кухню получать пищу. Усилились репрессии за малейшее нарушение лагерного режима. Если в ИТЛ за нарушение обычно давали 10 суток штрафного изолятора с выводом на работу, то в Горлаге обычным был месячный срок строгого карцера со стенами, покрытыми льдом, и пищей через день.

Положение в лагерях Горлага становилось все напряженнее; особенно оно обострилось после того, как в пятое отделение осенью 1952 года прибыл этап из Карагандинского особлага.

Уже сама обстановка, в которой этапиремые заключенные провозжались в зону лаготделения, была странной. Лагерная обслуга — заключенные, приближенные к начальству, без всяких видимых причин избивали вновь прибывших, отнимали у них вещи, всячески оскорбляли. Как это ни странно, в ответ те даже не огрызались, как это обычно было принято между зэками. Затаенная злость была загнана внутрь, а со временем мы узнали, что этот этап был собран из числа «смутьянов», отличившихся в Караганде, и направлен на Север для усмирения, согласно летучей фразе: «дальше едешь — тише будешь». Однако на этот раз не вышло.

Скоре после прибытия карагандинского этапа в четвертом и пятом отделениях произошла серия явно целенаправленных убийств заключенных. Убийства происходили по утрам, в период между отмыканием барачков для получения дневальной пищи из кухни до развода, т.е. до выхода на работу. Все убитые были явными стукачами. Несмотря на все усилия оперативников, обнаружить и схватить террористов не удалось. Более того, напуганные таким ходом событий уцелевшие стукачи даже близко не подходили к дверям «хитрого кабинета», опасаясь, что за ними ведется наблюдение. На официальные приглашения кого-либо из заключенных в кабинет оперуполномоченного «для разговора по душам» обычно приходили вдвоем-втроем, так же и уходили из кабинета. Это уже была тактика.

В короткий срок оперативная служба лагеря полностью утратила информацию о состоянии дел внутри лаготделений, кроме той, которую получала от лагерной обслуги. Однако, лагерная обслуга тоже не хотела проявлять активность ввиду происходящих событий.

Как ни странно, но после смерти Сталина обстановка в Горлаге не облегчилась, а даже наоборот — ухудшилась. Жестокость охраны возросла, и достаточно было небольшой искры для взрыва.

В один из теплых майских вечеров толпа заключенных пятого лаготделения собралась у входа в лагерный клуб для просмотра оче-

редного кинофильма. В конце лагерной зоны, примыкавшей к территории кирпично-блочного завода, послышалась короткая автоматная очередь. В лагерной жизни, как на фронте, автоматная очередь была не в диковинку, поэтому толпа у кинотеатра, перебросившись по этому поводу несколькими ядовитыми репликами, продолжала ожидать киносеанса. Неожиданно к толпе подошел офицер лагерной охраны. Вид у него был явно расстроенный. Он сообщил, что кинофильм отменяется, т.к. в лагере беспокойная обстановка, и предложил разойтись по баракам. В бараках мы узнали подробности происшедшего. В самом конце зоны вплотную к ограждению находился один из барачных крылец, на крыльце которого собралась толпа мужчин, наблюдавших, как на территорию кирпично-блочного завода под конвоем вводят на ночную смену колонну заключенных женщин из шестого отделения. Расстояние между мужчинами и женщинами было 15-20 метров, и по привычке между обеими группами возникла перекличка. Кому-то из конвоя эта перекличка показалась «нарушением», и он, недолго думая, дал очередь из автомата по стоявшим на крыльце, убив одного наповал и ранив четырех человек.

Стрельба по людям, находившимся внутри зоны, — это было уж слишком, и лагерь мигом взорвался. К начальнику лагеря явилась группа возмущенных заключенных с требованием выдать стрелявшего солдата. Последовал естественный отказ, и заключенные удалились с угрозой принять ответные действия. Вечером, до закрытия барачных крылец, по всем бригадам прошли «делегаты» в плащах и с завязанными лицами. Они объявили, что завтра, под угрозой расправы, никто на работу выходить не должен. Помня о судьбе убитых стукачей, можно было предположить, что угроза вполне реальна.

Зона оцепления строительной площадки города — Горстрой, обслуживаемая заключенными как пятого, так и четвертого лаготделения, находилась на расстоянии прямой видимости из пятого лаготделения. Среди заключенных обеих сторон нашлись бывшие моряки, владевшие азбукой морского телеграфа, и пока лагерная охрана заметила, что между лагерем и стройплощадкой ведутся переговоры, все уже было передано. Возвратившаяся в четвертое лаготделение ночная смена передала информацию, и этот лагерь примкнул к забастовке.

В короткий срок информация распространилась на все лагерь Горлага, и количество бастующих достигло 25 тысяч.

Раздача пайка на следующее утро после инцидента прошла как обычно. Но когда раздался сигнал построения на развод, площадь перед вахтой, обычно заполненная рабочими задолго до начала выхода на работу, оказалась пустой. Нарядчики, с перекошенными от злобы лицами, метались от барака к барачному двору, от бригады к бригаде, прося и угрожая, но ни один человек даже близко не подошел к вахте.

Тайно сформировавшийся актив, в основном из карагандинского этапа, по-видимому, прибывший с уже готовой организацией (главную роль в ней, по-видимому, играли украинцы), через лагерную службу передал администрации требование о вызове для разбора инцидента комиссии из Москвы, а до ее прибытия объявил забастовку.

Такое требование администрации Норильлага показалось наглостью. За всю историю лагерной жизни здесь привыкли обходиться без Москвы даже в более сложных случаях. Но такого размаха волнений Норильлаг никогда не знал.

Прошло несколько напряженных дней, и однажды вечером по внутрилагерному радио было объявлено, что прибывший из Красноярска подполковник Зверев желает разговаривать с заключенными. Зверева, бывшего главного инженера, а затем директора комбината, многие заключенные хорошо знали, и к назначенному сроку на площади перед вахтой собралась толпа. Однако вышедший Зверев оказался совсем не бывшим директором, а всего лишь однофамильцем. Увидев «подставку», заключенные подняли крик и свист, вынудив «самозванца» удалиться.

Еще через несколько дней в Норильск по своим делам прибыл бывший директор комбината Панюков, и управление Норильлага, зная его авторитет среди норильчан, решило использовать его в переговорах. Снова по лагерному радио было передано сообщение: «Депутат Верховного Совета, бывший директор комбината генерал-майор Панюков желает разговаривать с заключенными».

В назначенное время на площади снова собралась толпа. На возвышение поднялся Панюков и, улыбаясь, шутливо спросил: «Ну, что, сегодня тоже будут свистуны? Чего вы хотите, о чем будем говорить?» Выступившие из толпы представители, не приняв шутливого тона Панюкова, сказали, что говорить собственно не о чем, ибо Панюков не уполномочен выполнить требования заключенных. В ответ Панюков выразил недоумение: «Какие у вас могут быть требования? То, что вам положено, вы получите и без требований, а то, что не положено, вы не получите, как бы ни требовали». Разговор потерял всякий смысл, и толпа быстро рассеялась.

Большого козыря Норильлаг выложить не смог, и, видимо, следовало ожидать более решительных действий. Опасаясь внезапного налета лагерной администрации, актив принял решение не допускать закрывания бараков на ночь. Было организовано пикетирование и постоянное дежурство внутри зоны, благо на дворе стояли светлые полярные ночи. Опасения оказались не напрасными.

Управление Норильлага, собрав в одну из ночей весь офицерский состав города, включая медиков и интендантов, организовало налет на зону пятого лаготделения, с целью захватить и закрыть бараки и

таким образом локализовать, а затем поодиночке усмирить забастовщиков.

Часов около трех ночи группа офицеров, состоявшая из 200-300 в основном невооруженных людей, ворвалась через проходную в зону лагеря, но успела добежать только до половины территории лагеря. Рельсовый набат, дикий рев и свист тысяч выкатившихся из барачных заключенных смял эту группу. Полетели камни, доски, все, что попадалось под руку. Окруженную группу уже беспомощных, оправдывающихся офицеров с руганью и улюлюканьем вытеснили за пределы зоны. Сразу же по лагерному радио выступил начальник лагеря с истерическим заявлением: «Опомнитесь! Что вы делаете?! Досками и камнями вы ранили многих ни в чем не повинных людей. Стрелявший солдат арестован, и ведется следствие. Прекратите безобразия, отмените пикетирование зоны!»

Итак, эта акция не удалась. На самых высоких местах зоны появились на флагштоках черные флаги с красной полосой. По мнению знатоков геральдики из числа актива, это должно было означать, что на территории лагеря господствует террор.

Обращение начальника лагеря к командиру части, охранявшей зону, с просьбой ввести в зону солдат принималось с условием, что солдаты будут вооружены и вероятно возможность применения оружия. На это начальник лагеря пока не соглашался, забастовка продолжалась, вызов московской комиссии стал неизбежным. Вокруг лагеря появились окопы с установленными в них пулеметами; администрация, видимо, опасалась прорыва массы заключенных в город. Через две недели со времени начала забастовки в Норильск прибыла-таки уполномоченная Берией комиссия во главе с полковником Кузнецовым в сопровождении двух генералов. Поздним вечером по лагерному радиовещанию было объявлено о ее прибытии с предложением выделить для переговоров группу делегатов из состава заключенных. Пока будут вестись переговоры, активу следовало организовать выход заключенных на работу, что и было сделано на следующий день: все бригады организованно вышли на развод.

Выделенная группа делегатов приступила к подробному разбору произошедших событий. По некоторым пунктам требования считались обоснованными, на некоторые требования комиссия не соглашалась, обещая рассмотреть их по возвращении в Москву. Обстановка как будто успокаивалась, но внимательное наблюдение показывало, что пулеметные точки не убираются, значит, впереди, видимо, следовало ожидать еще каких-либо событий.

Через пару дней после приезда комиссии, в выходной день, по лагерному радио было объявлено, что по производственной необходимости часть заключенных пятого лаготделения должна быть переведена в четвертое лаготделение колоннами по 100 человек. Несмо-

тря на то, что технология перевода показалась подозрительной (переводили не пофамильно, не побригадно, а чуть ли не тех, которые сами желают) первая колонна беспрепятственно вышла из зоны и под конвоем охраны направилась в сторону четвертого лаготделения. Через пару часов собралась и вторая колонна, но едва она миновала вахту, в лагере поднялся шум и дальнейший выход был прекращен, т.к. каким-то способом в лагерь была передана информация, что состав вышедших из зоны подвергается «чистке». Окруженная усиленным конвоем группа заключенных, отведенная в лошину, останавливалась, и из нее с помощью нарядчиков, начальников колонн и бригадиров некоторых рабочих бригад, знающих активистов забастовки лучше, чем лагерная администрация, изымались активисты, их отводили в сторону, раздевали, избивали и собирали в группы для отправления в карцер. Остальные же отводились в четвертое лаготделение. Чистка была, конечно, относительной, ибо всех активистов не знала и лагерная обслуга. Восстание в четвертом и пятом лагерях происходило по-разному в деталях и последовательности действий. Влившиеся в четвертое отделение две колонны пятого принесли полную информацию о том, что было у них. Забастовка вспыхнула с новой силой. Снова появились черно-красные флаги, снова прекратился выход на работу. Следует заметить, что в середине 1953 года контингент заключенных был очень разношерстный и реакция на действия активистов забастовки была неоднозначной. Большинство из набора 1945 года уже с нетерпением ожидали окончания своих сроков, и решительность активистов их настораживала. Солидарна с ними была и группа набора 1938 года, получивших по 15 лет и также ожидавших скорого освобождения. Единственным подразделением Горлага, которому терять было нечего, был каторжный лагерь: там почти все имели 20-25-летние сроки, и никаких милостей от властей они не ожидали.

Основным ядром организаторов забастовки была группа з/к карагандинского этапа с частью примкнувших к ним горлаговцев. В основном это были бывшие участники национальных партизанских движений Украины, Белоруссии и Прибалтики, получившие 20-25-летние сроки, терять которым было нечего.

Способом действия был избран откровенный террор с самосудами и приговорами. Именно после суда и смертного приговора нескольким лицам из лагослужбы начальник Горлага и дал согласие на ввод в зону вооруженных солдат, оправдываясь необходимостью спасения этих людей от расправы.

Однажды ночью в четвертом отделении (здесь восставшие захватили хлебопекарню, и это дало возможность долго держать оброну) услышали в стороне пятого лаготделения серию автоматных очередей, после чего красно-черный флаг исчез. Как рассказывали

очевидцы и участники событий, проволочное ограждение зоны в нескольких местах было разрезано и группы вооруженных автоматчиков-солдат вошли на территорию лагеря.

Высыпавшие из бараков заключенные были окружены солдатами, кольцо которых постепенно сужалось. Не выдержав нервного напряжения, окруженные стали бросать в солдат камни, доски, в ответ командир части приказал открыть огонь. После нескольких автоматных очередей и команды «ложись» толпа заключенных упала на землю.

Точное количество убитых и раненых, конечно, нигде не сообщалось, но по слухам составило 250-300 человек. Остальное было делом техники — забастовка в пятом лаготделении была подавлена. Теперь на очереди было четвертое. Через два дня, утром, было обнаружено, что в нескольких местах по периметру зоны оцепления лагеря установлены громкоговорители, и часов около десяти с обращением к заключенным лагеря выступил представитель московской комиссии. Осудив забастовочное движение в целом, он подчеркнул, что знает о том, что у большинства заключенных осталось по году-два до окончания сроков, и они, видимо, не поддерживают экстремистов, но боятся их террористических действий. Он предложил всем лицам, не одобряющим действия активистов забастовки, покинуть территорию зоны, для чего в определенных, специально указанных местах, ограждение зоны было разрезано и солдатам охраны дан приказ оказать содействие всем оставляющим лагерь. При отказе выполнить это распоряжение будет отдан приказ о подавлении сопротивления силой оружия, как это было сделано в пятом лаготделении. Выступление было закончено словами: «Не бойтесь, мы вам поможем!»

Такой поворот событий, конечно, совершенно не устраивал активистов забастовки, и они тотчас же взяли под контроль все места проходов, не подпуская к ним желающих выйти из зоны. Но силы были далеко не равными. Люди всеми способами проривались к проходам, зачастую прикрываемые винтовочным огнем солдат. Один человек с отчаяния бросился на проволоку в том месте, где не было мешающих выйти, повалил ее и выбежал из лагеря. За ним кинулись другие и бежали в тундру. Там сидели до тех пор, пока их не нашли. К полудню около тысячи человек вышло из зоны. Они были разысканы, собраны и после «небольшой чистки» отконвоированы в уже «чистое» пятое отделение.

В дальнейшем все происходило аналогично тому, что было в пятом лагере: солдаты с оружием вошли в зону, окружили большую группу заключенных и когда полетели камни, доски и прочее, поступила команда «огонь!» До вечера операция была закончена. Так окончательно была прекращена забастовка в четвертом отделении. А через день-два на стадионе лаготделения было организовано вы-

ступление представителя московской комиссии, объявившего о снятии и аресте Берии и о грядущих в связи с этим изменениях в судьбах большинства заключенных. «Мы знали, — заявил он, — что большинство из вас являются честными невиновными людьми, настоящими коммунистами. Все ваши дела в ближайшее время будут пересмотрены и невиновные реабилитированы. Но мы не можем просто так открыть ворота и выпустить всех вас из лагеря. Среди вас есть разные люди, в том числе и настоящие преступники. Наберитесь терпения, ждать осталось недолго. Все, что можно сделать для облегчения вашего положения, мы сделаем в кратчайшие сроки».

Ликвидация забастовки в женском лаготделении не представляла особой трудности: туда ввели пожарную машину и водяной струей рассеяли наиболее ретивых активисток. Зная судьбу двух соседних лагерей, женщины сопротивлялись только из солидарности.

Теперь осталось расправиться только с каторжным лагерем при кирпичном заводе. В нем содержались националисты решительного характера, многие из них партизанили, да и терять им было нечего. Поэтому они решили оказать вооруженное сопротивление, изготовив для этого примитивное холодное оружие, и даже избрали руководителей обороны, присвоив им соответствующие чины.

Уговоры представителей московской комиссии и руководства лагеря на них не подействовали. Введенные в зону вооруженные автоматами солдаты жестоко расправились со всеми, кто оказывал сопротивление.

В общей сложности забастовка продолжалась около месяца. Вскоре все люди были возвращены по своим лагерям и бригадам, возобновилась нормальная работа по строительству города, отменено ношение номеров на одежде, прекращено закрывание барачков на ночь. Режим резко и заметно облегчился. Через несколько месяцев были возобновлены так называемые зачеты: добросовестно работающим заключенным по представлению администрации предприятий за один рабочий день засчитывали полтора-два дня срока.

В лагерях были организованы специальные буфеты, где за заработанные деньги заключенные могли получить приличное питание, отказавшись от «гарантированной» лагерной баланды.

С легкой руки какого-то остряка из заключенных события лета 1953 года были названы «сабантуем». Это название осталось навсегда в памяти узников Особлага №2 — Горлаг.

Л.А. Пожарский
КАРАГАНДИНСКИЙ ЭТАП*

В середине лета 1952 года в лагпункте Майкадук недалеко от Караганды (нач. л/п капитан Удодов) стали собирать числовой этап человек на триста. «Числовой» этап назывался потому, что начальство лагеря имеет право выбирать по своему усмотрению заключенных, ему неугодных. Попал туда и я. Собирали нас недели две, три, умышленно пустили слух, что едем то ли на волю, то ли на вольное поселение — вроде ссылки. Дали разрешение снять номера, которые были на одежде, и ацетон дали, чтоб смывать номера. Все это была хитрость граждан начальников, чтоб мы спокойней были. Этап. И вот 17 августа станция Енисей Красноярского края, затем Красноярская пересыльная тюрьма. Повели нас в баню на санобработку, и там от банщиков мы узнали, что отправляют нас вниз по Енисею, вплоть до Дудинки, а затем Норильск, Талнах, Каеркан, и вечная мерзлота — на край Ойкумены. Оттуда возврата нет — навечно. Единственно только с биркой на ноге, в мешке с пробитым черепом. По методу «граф Монтекристо» там не хоронят. Череп пробьют мертвому кувалдой так, на всякий случай. Лежать в вечно мерзлой земле — не сгниешь. Вот почему номера с нас сняли: на бирку №42 подвели (документ №42 — акт на умершего заключенного).

То стучали колеса поезда, теперь плещется за бортом баржи вода великой сибирской реки, да временами шаркает дно баржи обо что-то — пороги, объясняли бывалые. Катится солнце вкруговую, как по краю тарелки. Вот и Дудинка. Узкоколейка, вагончики маленькие, паровозики какие-то карапузы, смешные. По стуку колесиков кажется — быстро едем, а выглянуть наружу — курица перегонит. И через весь Норильск — топом.

«Вынь ботинки из шнурков!» — раздалась команда. Мы прибыли — будет шмон.

...На воротах лагеря, как галки на сучьях, торчали заключенные. Они смотрели на нас с нескрываемой злобой и любопытством, но им и в голову не приходило, что пришла к ним «Немезида» за дела грязные и подлые по отношению к таким же заключенным, как они сами. Это была «вторая администрация», у них и палки для битья в руках были, чего мы в Песчлаге не видали. Все эти холуи лагерного начальства в основном из уголовников. По положению уголовного нельзя сажать с 58-й, но выход нашли. Уголовному элементу стали

* Глава из воспоминаний «Немезида приходит в Горлаг». Печатается в сокращенном варианте. — *Ред.*

давать статью вторым судом, и он теперь 58-я, а в моральном облике — бандит. Делалось это специально для того, чтобы нас смешать с бандитами. В Песчлаге это делалось осторожно, но здесь стесняться было некого. Я еще заметил, что нас очень серьезно разглядывал один тип из-за воротной решетки, держась обеими руками за железные прутья. На кисти правой руки, на темляке, болталась большая, до белизны надраенная палка. Одежда у него была лагерная, первого срока, новая, номера были не тряпки, пришитые к одежде, а наклеенные через трафарет серебрянкой. Что простому зеку не позволялось. Я понял, что это «гусь» и имел если не из первых, то недалеко от первого места в руководстве лагерем. Это был «Ворона», уголовник, по происхождению где-то Польша. Да, начальство на таких надеялось и ими хотело нам перебить рога, выросшие в Песчлаге. Ворона (кажется, это его фамилия) так хорошо чувствовал себя в лагере, что никогда не задумывался, что у палки, с которой он никогда не расставался, было два конца, и второй конец бьет больше. В нем как бы аккумулируются все удары первого, собираются в одну силу и убивают с первого раза. Ворона заслужил свое — был утоплен в уборной живьем. Он один из первых, к кому притронулась Немезида.

Нас распределили по бригадам и вывели на работу, но толку от нас не было. «Бугры» — бригадиры из уголовников, неистовствовали, но карагандинцы их не боялись. Я не помню случая, чтоб бугор или «шестерка» бугра ударили карагандинца. Били они своих заключенных. Карагандинцы заступались за них, и вся работа в лагере стала разваливаться. Рушились старые устои лагпункта, основанные на подлости. Вся сила начальства была в руках холуев, а те стали выбрасывать палки. С момента гибели Вороны палок не стало и не стало рукоприкладства. Пришлось руководству лагеря взять власть в свои руки. А это мы и в Песчлаге прошли. Нам что с гуся вода — их БУРЫ, карцеры — ничего не помогало.

Доносы на нас сыпались, как пряники из рога изобилия. «Наседки», стукачи — все это имелось. Стали их глушить. Вдруг на строительстве жилого дома лестничная ступенька сама пошла на них и угодила на голову бугру по непонятной причине. Грош цена была теперь буграм, что улею, где меда нет. Немезида работала не покладая рук. Буграм, шестеркам и им подобным стали делать «темную». Первый раз насмерть не убивали, если вина небольшая. Темная делалась на глазах у других, «мокрая» так же, но все будут молчать, такой закон лагеря. Но если кто-нибудь твякнет куда-нибудь что не надо, «сход» решает его судьбу.

Начались аресты в нашем контингенте. Начальство посадило в БУР половину карагандинцев, человек 120-140, и я туда попал. Просидели месяцев шесть, а уже солнышко катается по горизонту и с каждым днем, как по спирали, все выше и выше забирается — скоро

лето. За время нашего отсутствия в зоне лучше для начальников не стало, ибо все так развалилось, что и не исправишь. Вороны уже за- были, где их палки и баночки с их серебрянкой. Сами ходили в рванье и тряслись за свою шкуру. Кто знал их прошлое, тот и бил их по старой памяти. Стали «воронята» умолять начальство, чтоб их в другой лагпункт перевели. Но начальник сам боялся руководства Горлага за развал лагеря. Кто там ему позволит каких-то бандитов спасать, никому они не нужны. Придумали граждане начальники разэтапировать весь контингент лагеря, а в этот впустить свежий «товар».

Был май месяц. В одно утро ушли люди на работу и не вернулись — их увезли втихаря. Мы сразу поняли этот фокус и сказали начальнику, чтоб вернули товарищей. Просьба удовлетворена не была. Тогда всем лагерем не пошли на развод, объясняя тем, что опять тот же фокус повторится. Так до расстрела и не ходили на работу. Это дошло до других лагерей. Там тоже не пошли на развод. Причин было много. Сам конвой провоцировал беспорядки — подходил к строю и бил прикладом. Вертухай с вышек стреляли беспричинно в зону. Залихорадило Горлаг. «Верните товарищей, которых увезли», «снимите с окон решетки», «дайте написать письма домой». Начальство пообещало разобраться, а на развод приказало выйти.

Верить им нельзя, никто на развод не пошел. Началась забастовка. Та часть заключенных, которая все-таки была на строительных объектах, не пошла на съём, а забаррикадировалась, мотивируя тем, что их могут погрузить в машины и увезти куда-нибудь. Бастующие в лагере переговаривались с бастующими на стройплощадке флажками, как на кораблях (были и моряки у нас, что знали азбуку).

Загнали граждане начальники пожарную машину в зону, хотели нас водой обливать, но мы эту машину вверх колесами поставили. С большим трудом поставили вертухай эту машину на ноги, и она попятилась задом. Побежали за вахту и вертухай, и золотопогонное начальство. Пятившаяся машина придавила какого-то майора к воротному столбу. Началась паника в руководстве Горлага. И все это на глазах у жителей города, т.к. лагерь был в городе и жители выглядывали из окон, залезали на крышу домов.

Власть в лагере взяла в свои руки 58-ая статья. Погромов, беспорядков не было: работали кухня, санчасть, баня, но не было начальства и часть «воронят» убежала за вахту, кто успел. Продукты нам граждане начальники давали и медикаменты тоже. Привезут, сложат возле вахты. Мы забираем и несем на склад, т.е. была уже у нас своя «республика». Тогда начальники, чтобы ослабить лагерь, объявили: «Кто хочет выйти из лагеря, идите с вещами на вахту». Кое-кто пошел, им не препятствовали. Это были из старых и воронят. Потом опять объявление: «Кто освобождается в 1953 году — с

вещами, на вахту». Здесь еще кое-кто потянулся. Потом опять: «Кто освобождается в 1954, затем в 1955, затем в 1956». Люди шли, и их не держали. Лагерь поредел. Хитрость вроде удалась, частично.

Приехала комиссия из Москвы от ГУЛага, человек 8, среди них генерал-майор и полковники. Поставили длинные столы на площади лагеря, накрыли красной тряпкой, принесли стулья и уселись. Начались переговоры. Первое, что они сказали: «Мы уполномочены Лаврением Павловичем Берия навести здесь порядок!» Согласились снять решетки с окон, разрешили писать письма родным (не знаю, дошли ли эти письма), а товарищей вернуть не соглашались. Забастовка продолжалась. Тогда начальство приступило к предпоследнему приему: развесили репродукторы вдоль колючего ограждения и в двух местах по ограждению, с противоположных сторон, сделали проходы, прорезав колючее ограждение на метров 15-20. Поставили снаружи автоматчиков и дегтяревские пулеметы. Объявили по радио, чтобы люди выбегали из зоны в прорези и чтоб садились на землю возле автоматчиков. Стрелять не будут. Кое-кто выскакивал. Их собирали и уводили. Вскоре этих беглецов не стало. Где-то в последних числах июня (26-27), в 4 часа утра, в прорезы вошли солдаты-автоматчики и стали стеной от одного прореза до другого и еще раз предложили заключенным выходить через прорезы с двух боков. Когда заключенные отказались выходить, грянули автоматные очереди прямо по людям. Я услышал отрывистые автоматные очереди и крики заключенных. Было страшно. Кто-то мимо меня пробежал и кричит: «Убили Юрка!» Он из Прибалтики, кажется эстонец. Лет 38-42. Высокий, в больших круглых очках, волосы всегда копной стояли, поседевшие. Был очень эмоционален, нервен, м.б. душевнобольной. До того, как его убили, я его видел в первых рядах перед залпом. Он что-то сильно кричал и жестикулировал. Юрка знал весь лагерь, и его уважали и жалели. Его даже «воронята» не трогали — боялись других. После нескольких очередей, когда толпу обуял страх, все кинулись врассыпную, но бежать было некуда — люди оказались как бы в мешке. Я заскочил в кочегарку кухни, благо топки были холодные, и залез в поддувало. Оно было очень большое (котел на 1500 литров). Лежать в поддувале не пришлось долго. Я увидел, как кто-то направляет на меня револьвер. Ну, думаю, конец... «Ну, вылезай... твою мать, пристрелю». Я попятился задом и вылез. Узнал «Кума» лагеря. Мы были с ним «друзья». Я на работу не ходил, и меня к куму побеседовать таскали. Так и познакомился, и еще оказалось, что он мне земляк. Он из Калининской области, из Луковинково — 50 км от Торжка, а я из Торжка. «Это ты? — сказал кум. — Хана тебе здесь будет, придут, пристрелят. Я тебя сейчас выведу. Иди в ту сторону, куда я тебя буду толкать. Если побежишь, они тебя прикончат». И мы пошли. Я впереди. Он сзади.

Револьвером в спину мне злобно тычет. Злобно, нарочно, чтобы не стреляли в меня. Якобы он ведет меня куда-то. Ведет кум меня, а под ногами убитые с посиневшими физиономиями. Да раненые. Много крови. Прыгаю я через трупы, да через раненых, а кум сзади скачет, стволом то в одну, то в другую сторону поворачивает — дорогу мне указывает. Видел я, как военные санитары, девушки делают уколы противостолбнячной прививки. Это в одном конце лагеря, а в другом конце — бьют. А кум сдержал слово — вывел меня в один из прорезов, спрятал наган и сказал: «Садись здесь и моли Бога, что спасся, для тебя все позади». И ушел. Сел я на землю, слышу стрельбу, крики, стоны, матерщину. На меня хоть и смотрели два дегтяревских пулемета, да с десятков автоматчиков, но у них была другая функция. Они мне не страшны. Что было бы со мной, если бы не кум?

Людей, покинувших зону, стало прибавляться. Нас поставили в колонну и повели в сторону от Норильска. Постепенно крики и стрельба стали затихать, то ли всех забили, то ли ушли далеко. Конвой не кричал, не ругался, все молчали. Солдаты, что нас вели, в расстреле не участвовали. Расстреливали новобранцы. Им дали побаловаться, пострелять по живым мишеням. Преступление от имени Лаврентия Павловича Берия, как нам потом скажут, через месяц. Наконец мы выбрались из топкого мха на асфальтовую дорогу и вскоре увидели какой-то лагпункт. Когда приближались, увидели висящих на воротах «воронят», сбежавших с нашего лагпункта. С усмешкой смотрели на нас, как бы говоря: «Ну, заходите сюда, мы вам покажем». Но мне повезло. Меня не пустили в эту зону, как особо опасного. Когда стали заводить, то полковник Кузнецов, который командовал, держал около себя стукача, и тот что-то шепнул полковнику (очевидно, что я карагандинец), и полковник показал мне рукой в сторону.

Мы опять пришли в Норильск, с восточной стороны. Снова вокзал, снова вагончики, погрузили, проехали 10 км. Здесь для нас был пустой лагерь, рядом с аэродромом. Ввели в зону. Конвой оцепил, и нам сказали, что на кухне есть уголь и продукты, будьте хозяевами сами. Нас оставили одних. Ни начальства, ни надзирателей, прямо как в рай попали. Маячат вертухай на вышках, но они нам не страшны. Очень устали от нервного напряжения. Ночью сварили кашу. Кто-то ел, другим было не до каши. Никаких работ в помине не было. Привозили продукты. Пили, ели, спали. Курорт после расстрела. Рай, да и только. Но вот однажды, утром, бежит через вахту какой-то солдат. В руках у него кипа газет. «Ребята, это по приказу Берия в вас стреляли. Берия враг народа, английский шпион. Он арестован». После полудня к нам приехали офицерские чины и были очень вежливы. Давали разъяснения. Спрашивали имена, т.к. не знали, кто здесь в лагере. Потом спросили, кто в каком бараке жил,

какие вещи там остались, постель, обувь. Все нам привезли. У кого ничего не нашлось, то раздетыми не оставили. Через некоторое время увидели перед лагерем поезд. За нами. Куда? Приехало большое начальство, конвой, погрузили нас, и мы поехали на «материк». Снова Красноярская пересылка. Каково было удивление стариков-банщиков, что черепа у нас не пробитые.

17 августа 1953 года поезд повернул на восток, в Берлаг (Магадан). Руководство Берлага хорошо было осведомлено о наших норильских «шалостях» и проявило предусмотрительность. На магаданской пересылке нас расчленили на мелкие группы и распределили по Колыме.

С этого момента карагандинский этап прекратил свое существование.

М.М. Молоствов РЕВИЗИОНИЗМ — 58

О политических репрессиях первых лет хрущевской эпохи широкий читатель знает мало. В течение короткого периода собственно «оттепели» (февраль — ноябрь 1956 г., т.е. от Двадцатого съезда до подавления Венгерской революции) арестов по политическим мотивам, видимо, не было: во всяком случае, мы не располагаем свидетельствами о таких арестах. Существует даже версия, что весной 1956 г. было принято специальное закрытое постановление правительства о неприменении статьи 58¹⁰ Уголовного кодекса, действовавшее вплоть до появления в декабре закрытой же директивы ЦК об усилении борьбы с «демагогическими и антиобщественными элементами». Впрочем, документального подтверждения этой версии мы также не имеем.

Так или иначе, в 1957 г. репрессии, хотя и в небольших масштабах, возобновились. Как и следовало ожидать, аресты затронули, в основном, интеллигентную молодежь («студентов», по лагерной терминологии). Известно несколько громких судебных процессов против участников подпольных и полуподпольных политических кружков: дело Трофимова-Тельникова (Ленинград, 1957), дело Пименова-Вайля (там же и тогда же), дело Краснопецева (Москва, 1958) и др. Как правило, речь шла о группах, объединявших два-три десятка человек (считая сочувствующих) и существовавших в рамках одного или нескольких вузов. Схема возникновения и деятельности таких групп представляется следующим образом:

1. Один-два «идеолога» создают ряд теоретических работ, в которых подвергается критике «советская действительность» и политика правительства. Критика, за редкими исключениями, ведется с позиций марксизма, по крайней мере — в пределах марксистской терминологии (исключение — универсалист Пименов, который в качестве основы для своей деятельности пытался создать нечто вроде идеологического эсперанто; зато и не был понят большинством своих соратников).

2. Основополагающие тексты распространяются и обсуждаются в кругу личных знакомых автора, после чего происходит размежевание и консолидация на данной идейно-теоретической основе. На этом этапе иногда возникают организационные структуры.

3. Сформировавшийся кружок приступает к активным действиям: пропагандистская и просветительская работа, привлечение новых членов, попытки установить связи с рабочим классом. «Подпольщики» не уклонялись и от активных открытых выступлений на собраниях, диспутах, в вузовской стенной печати и т.п. Согласно классической революционной схеме конца прошлого — начала нынешнего столетия, «легальная» деятельность дополняла «нелегальную» и одновременно помогала выявлению единомышленников. Апофеозом обычно становились акции по распространению листовок. Впро-

чем, если подготовка к последнему мероприятию затягивалась, власти могло надоесть долгое ожидание. Тогда происходили аресты.

Публикуемые заметки М.М. Молостова с точки зрения вышеприведенной схемы нетипичны. Строго говоря, Молостов не занимался никакой организационной деятельностью; написанная им статья почти целиком находилась в сфере его профессиональных интересов философа и обществоведа. Мы имеем здесь дело с не таким уж частым для тех лет случаем пресечения крамолы на первой же стадии ее возникновения. Собственно, нет никаких данных о том, что Молостов и его друзья намеревались пойти дальше. Тем не менее, власти (быть может, также сформулировавшие для себя тезис: «От революционной теории — к революционной практике») восприняли их интеллектуальную активность как политическую, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Марксистское кредо было выбрано в свое время Молостовым не как оружие в политической борьбе, а как философия, адекватная его собственной личности. Вероятно, поэтому он, в отличие от многих своих сотоварищей по лагерю, остался марксистом и по сей день. Утраченную работу «Моя феноменология», написанную на рубеже 60-70 гг., Молостов заканчивает словами:

«Ты все еще марксист?» — спрашивают меня. «И буду им, — отвечаю, — буду до тех пор, пока не потеряю чувство юмора».

Молостов Михаил Михайлович, 1934 г.р. Родился в семье ленинградских драматических актеров. В 1935 годовалым ребенком был выслан с родителями в Саратов в связи с общей высылкой дворян из Ленинграда (семья Молостовых принадлежала к старинному дворянскому роду). В 1941 эвакуирован в Петропавловск (Казахстан). В 1945-52 жил с родителями в Омске.

Воспоминания Молостова и послесловие к ним В.Иофе в несколько иной редакции были опубликованы в историческом сборнике «Память» (Париж, 1982. Вып.5).

24-25 июля 1958 года были арестованы: Гаранин Леонтий Яковлевич, старший преподаватель Высшей школы профдвижения в Ленинграде, участник Великой Отечественной войны, имеющий боевые награды, выпускник философского факультета ЛГУ, Козлов Евгений Андреевич, инструктор Обкома ВЛКСМ в Кургане, в прошлом тоже студент-философ, Солохин Николай Дмитриевич, только что окончивший отделение журналистики филологического факультета ЛГУ, и я, Молоствов Михаил Михайлович, ассистент кафедры филологии Омского сельхозинститута.

В октябре нас судили на Фонтанке. «Молоствов и др., — говорилось в приговоре, — начиная с 1956 года по день ареста, распространяли ревизионистские взгляды... что объективно (!) подпадает под действие статей 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР».

Лето 1958 года было ознаменовано последней встречей между Н.С. Хрущевым и Мао-Цзедунем. В кратком совместном коммюнике говорилось, что «ревизионизм должен быть разгромлен не только идейно, но и организационно».

Боюсь, что главы тогда еще дружественных партий уже по-разному понимали слово, вынесенное мною в заголовок воспоминаний. Н.С. Хрущев, который не был, конечно, так утончен, как его китайский партнер, да и не столь решителен, едва ли помышлял о том, чтобы «разбить собачьи головы ревизионистов» буквально. В мордовском лагере мне довелось жить в бараке, украшенном двумя лозунгами: «Отсутствие правильных политических убеждений равносильно отсутствию души» (Мао) и «Нет людей неисправимых» (Хрущев).

Голова осталась на плечах, душу не вытрясли. Спасибо и на том. А теперь — о формировании моих взглядов, о поисках истины, о переоценке ценностей, которая ревизионизмом была названа не мною.

* * *

Когда в десятом классе я объявил дома, что буду поступать на философский, мама выронила тряпку и заплакала. Материнское сердце — вещун. Но выбор факультета, сделанный мной, не был случайным. Семья привила мне любовь к классической литературе, школа — любовь к математике. Равнодействующая и вынесла меня на Менделеевскую линию Васильевского острова. Темноватые коридоры, небольшие аудитории, стенды, рассказывающие о марксизме и вопросах языкознания, об экономических проблемах социализма. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. 1952 год.

Мне чрезвычайно повезло. В то время, как головы старшекурсников наполнялись исключительно «высшей мудростью», нам, еще

не оперившимся, читали аналитическую геометрию и основы математического анализа, логику (можно было пользоваться не только учебником Строговича, полным примерами из речей Вышинского, ловившего «врагов народа» на «логических противоречиях», но и учебником В.Ф. Асмуса), курс физики, в котором профессор Родионов имел мужество не отрицать ни теорию относительности, ни квантовую механику; мы зубрили немецкий и латынь, и даже винегрет из цитат под названием диалектического материализма побудил меня (ни доцент Степанов, ни профессор Тугаринов в этом не виноваты) начать систематическое конспектирование Гегеля.

Настал день 5 марта. Должен сознаться: меня душили слезы. Как и многие мои товарищи по курсу, я был дитя войны. Эвакуация, бомбежки, недоедание, беспокойство за близких и зависть к тем, кто шел на фронт, горькая радость победы вошли в нашу плоть и кровь. Лозунг «За Родину! За Сталина!» не резал мне слуха. Впрочем, летом 1951 г. я написал письмо «дорогому Иосифу Виссарионовичу», где упрекал его за то, что он сменил «простую солдатскую шинель» на мундир генералиссимуса, и указывал на неблагоприятное положение в колхозах. Конверт с обратным адресом я бросил в ящик у Кремлевской стены. Слава Богу, в канцелярии нашелся добрый человек и порвал, должно быть, мое благонамеренное послание.

Но вот слезы просохли. Подул ветер перемен. Нашему поколению, в отличие от поколения отцов, выпала счастливая пора: перемены, совершавшиеся на наших глазах, были переменами к лучшему. Из-под ледяных глыб догматизма поднималась научная мысль. Ушел в анекдоты членкорр Максимов, выступавший в газете «Красный флот» против «реакционного эйнштейнианства». Перед философами выступал академик Фок, огромный, как медведь, и тоненьким, но уверенным голосом говорил о заслугах копенгагенской школы, о своих беседах с «величайшим физиком наших дней Нильсом Бором». Поговаривали о споре академика Сукачева с самим Лысенко. Даже наш декан В.П. Тугаринов уже отказывался а priori решать спорные вопросы естественных наук (а к шестидесятым годам даже признал право на существование парапсихологии). Если раньше на Гегеля по программе было отведено всего четыре часа, то теперь нам предстояло прослушать годовой курс по «Феноменологии духа» и «Большой логике», который читал у нас вернувшийся с Колымы М.В. Эмдин. Появилась новая дисциплина — математическая логика. Как выяснилось, и кибернетика — это не лженаука.

Молодежи свойственно легко усваивать новое и «бежать впереди прогресса». Помню, как 18 апреля 1955 г. я, тогда председатель НСО факультета, предложил почтить вставанием и минутой молчания память «отца современной физики, мыслителя-гуманиста Аль-

берта Эйнштейна». Факультет постоял и помолчал. Потом ко мне подошли с вежливой озабоченностью: было такое указание?

Еще более забавная сценка разыгралась в декабре 1956 года на Волковом кладбище. 100-летняя годовщина со дня рождения Г.В. Плеханова. Заблаговременно я заказал венки. Нес его, гремя жестяными листами, по Невскому и через Дворцовый мост (в троллейбус меня с ним не пустили). На факультет поднялся — хоть выжимай рубашку. Дело в том, что собрать нужное количество денег среди нищей философской братии мне не удалось («Мишка как организатор = 0», — написала в одном из писем моя жена. Письмо потом подшили к «делу» как доказательство «организационной деятельности»). Не собрав нужной суммы, я подался в Военно-медицинскую академию, сдал кровь, получил деньги (тогда там было просто) и теперь, ослабевший и гордый, стоял под сенью красно-черной ленты «Георгию Валентиновичу Плеханову от студентов философского факультета».

— Кто умер?

— Плеханову!

— Было такое указание?

До Волкова кладбища добрались на трамваях. Протоптали тропинку, возложили венок. Не успел я закончить речь о «европейском стиле мышления достойнейшего из преемников Белинского, Чернышевского и Добролюбова», как появилась синяя милицейская шинель.

— Проходите, проходите, граждане. Здесь нельзя.

— ???

Да, норовили мы «вперед прогресса». Говоря же серьезно, я сейчас еще в большей степени, чем тогда, в 56 году, чту этого марксиста-ортодокса. Он посягнул «понять Россию умом», измерить нашу судьбу общим аршином. Мы предпочли жить вопреки ему, и что же? Счастливы мы с нашим иррационализмом, исключившим нас из общего правила? Книги Г.В. Плеханова — прямое (быть может, прямолинейное) применение марксизма к условиям развивающейся страны. Это не «руководство к действию» в том смысле, как принято понимать эти слова, — в духе исторического идеализма, выдаваемого за исторический материализм. Плеханов не давал ответа на вопрос «Что делать?». Он писал о том, чего не делать, отстаивая взгляд Маркса на общество как на естественно-исторический процесс.

Прямолинейность теории Плеханова, о которой я упомянул, проистекала, как мне кажется, из его мировоззрения, сложившегося под воздействием общей научной картины мира, характерной для XIX века. Случайность для него — разменная монета необходимости, мелочь, которой можно пренебречь. Историческим идеалистам он предсказывал крах, а не победу и, конечно, не верил, что случай-

ные отклонения от прямого исторического пути резюмируются в такую «необходимость», как этатистский тупик. XX век утвердил взгляд на мир, который коробил самого А.Эйнштейна. Как оказалось, Господь Бог не только не злонамерен и утончен, но, подобно ребенку из грез Гераклита, играет в кости. Вероятностный характер нашей вселенной признан официально и физикой, и математикой нашего века. Точнее теперь не случайность уподоблять разменной монете, а необходимость рассматривать как ассигнацию, представляющую золотые россыпи случайностей. С такой оговоркой я принимаю плехановскую ортодоксию. Ленину же, в особенности его работе «Государство и революция», я обязан эгалитарным пафосом, захватившим меня тогда, «на заре туманной юности», и навлекшим на меня гнев государственной безопасности.

Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса были проштудированы мной в хронологическом порядке уже после того, как я почувствовал себя «дома» внутри гегелевской системы и выработал вкус к диалектической игре мысли.

В отличие от левой интеллигенции Запада, открывавшей тогда для себя «молодого Маркса», я вначале просто не знал другого. Как мог не сочувствовать я Марксу, когда он, борясь с прусской цензурой, доказывал абсурдность цензуры вообще и разоблачал сущность бюрократизма. Причем свободолюбие Маркса, вытекающая из гегельянского любомудрия, обещало не меньшую основательность. Когда слово «отчуждение» проникло в мой лексикон, я уже понимал, какие явления оно означает — в духовной, политической и экономической областях. Сциентизм Маркса, свободолюбие его, широта его исторического кругозора и системность социального анализа остаются для меня неизменными ориентирами в моем, увы, утопическом (в точном смысле этого слова) социализме.

Какие еще идейные влияния испытал я в ходе моего философского образования? Бьющая мимо цели точность логического позитивизма не обольстила меня, хотя Расселу, Франку, Витгенштейну я обязан не только часами интеллектуального наслаждения, но и более определенной формулировкой моих взглядов. Прагматизм и инструментализм не произвели на меня сильного впечатления. Слова Рассела о «космической непочтительности» точки зрения, которая отождествляет истинное и полезное, казались мне очень верными.

Из философов-марксистов XX века я считаю своим учителем Георга (Дьердя) Лукача. Его книгу «Der junge Hegel» я прочел еще в университете, а «Die Zerstörung der Vernunft» (история иррационализма от Шеллинга до Гитлера) я возил в вещевом мешке с одного лагпункта на другой.

«Опять Мишаня штудирует своего Лукича!»

Известный надзиратель Швед, видя меня с «Разрушением разума» в одной руке и немецко-русским словарем в другой, ворчал обыкновенно: «Одной книги ему мало, две таскае, ревизуе, мабудь».

Пафос книги Лукача — защита диалектического разума, не отступающего перед противоречиями, а преодолевающего их.

«Теория, мой друг, сера, но вечно зелено золотое древо жизни». Кто не повторял этих слов, забывая об их источнике! А дело в том, что они были произнесены духом зла, принявшим обличье почтенного профессора, и тот же дух говорил Фаусту: «Презри только разум и науку, высшие силы человека, и тогда ты мой безусловно».

И если окружающий нас мир — космос пополам с хаосом, это еще не аргумент в пользу аморализма в этике и иррационализма в философии, тем более не оправдание личной непорядочности. Кстати говоря, экзистенциализм Камю симпатичен мне не только пластичностью и изяществом притч, не только пониманием нашей культуры (от Федора Достоевского до Ивана Каляева), но прежде всего стоическим противостоянием личности жестокой игре безликих сил, Чуме.

Подведу итог. «Кто не был социалистом до двадцати лет, — любил повторять чей-то афоризм один мой добрый приятель, — тот бессердечен; кто остался социалистом после тридцати — просто дурак». Аз есмь такой дурак. Моя глупость не расщелась, а усугубилась философским образованием. Читая тома Маркса, я открыл в себе и в истории неистребимую жажду свободы — не обособления, нет, свободы для всех, ближних и дальних, свободы, не знающей различия между «эллином и иудеем». Свобода — не роскошь, а единственно возможный способ существования в век, когда мы не только открыли для себя вероятностную вселенную, но и внедрили в нее. Альтернатива свободе — смерть, и совсем не индивидуальная. И вот этой-то ценности я и был лишен.

За что меня лишили свободы? На заседаниях открытого в 1956 году и вскоре закрытого дискуссионного клуба я не присутствовал. Случайно. Не был я и на площади Искусств, где вместо дискуссии о Пикассо произошла проверка студенческих билетов.

«Возник» я общественно-значимо на общеуниверситетской комсомольской конференции в октябре 1956 года. Делегацию философского факультета на конференции составляли лица вроде меня, недаром им пришлось впоследствии стать либо «подельниками», либо свидетелями по делу. Конференция шла как обычно, но вот на трибуну начали подниматься «философы». Один (Борискин) высказался за отмену решения об Ахматовой и Зощенко, другой осудил обязательные аплодисменты после каждого выступления Н.С. Хрущева — это-де возрождение «культы»; третий усумнился в способностях Хрущева как теоретика и высказал свое «личное мнение» о не-

обходимости перемещения его на пост министра сельского хозяйства.

Президиум заволновался, встал секретарь обкома ВЛКСМ и предложил «дать по рукам тем, кто покушается на основы нашего политического строя». Эта реплика и подстегнула меня. Помню себя летящим «головой вниз» — над пестрой, разноликой толпой делегатов. «И радость жертвовать собой, и случая слепой каприз».

— Да, бить надо по рукам тем, кто покушается на основы социалистической демократии. Право каждого человека иметь свое собственное мнение и высказывать его...

— Мы, молодые граждане СССР, комсомольцы, студенты, хотим знать из первых рук — со страниц нашей печати — правду о том, что происходит сейчас в Польше и Венгрии...

— Последствия культа личности не могут быть изжиты сами собой, с ними надо бороться, надо в себе развивать гражданское чувство, добиваться полной гласности во всем...

Мели, Емеля, твоя неделя.

Выступление мое, хоть и не было заклеено публично, в кулуарах было названо демагогическим. Именной стипендии меня лишили.

Прошел тем временем польский «октябрь», «Венгрия».

— А ты говорил: «рабочие советы»...

— И сейчас говорю...

Был у нас на курсе некто Виктор Комаров. Способностями не блистал, зачеты и экзамены сдавал в срок и вполне удовлетворительно. За какие заслуги его избрали в комитет комсомола на факультете — сейчас не помню. И вдруг этот обычно молчаливый и не склонный к писательству юноша выступил в газете «За освоение марксизма» с поразившей нас всех статьей.

В статье говорилось, что молодежь теперь не та. Прежде Павки Корчагины и Александры Матросовы «не рассуждая» готовы были выполнить любой приказ. Теперь кое-кто «слишком много рассуждает». И рассуждения эти помогают чуждому влиянию. Есть и среди нас, к стыду нашему, такие: они предпочитают носить венгерские ботинки и польские носки, слушают зарубежные радиопередачи и хранят дома огнестрельное и холодное оружие.

Мы потребовали созыва комитета и обсуждения статьи.

— Ты что, Виктор, хочешь, чтобы завтрашние философы не рассуждали?

— Ты что, Виктор, серьезно про эти ботинки, носки и оружие?

— Пусть он скажет: может быть, с его точки зрения, и среди нас есть такие — в венгерских ботинках, польских носках и с ножом за пазухой?

Комаров спокойно и с достоинством выслушал нервно-иронические вопросы, обращенные к нему. Встал и, как Марат в Конвенте, пальцем показал... на меня и еще на нескольких присутствующих.

— Ну, ты даешь!

Стыдно вспоминать, мы оказались настолько нетолерантными, что вынесли Комарову порицание за его мнение о нас. Более того, постановили снять со стены газету.

Тогда партбюро собрало комсомольское собрание факультета. Перед собранием секретарь парторганизации Казаков вызвал меня к себе в кабинет и начал задушевный разговор.

— Раньше я просто бы снял трубку и позвонил в ГБ, а сейчас вот сижу и беседую с вами. Разве это не доказательство подлинной демократизации в стране?

Я ввязался в спор. Меня волновала истина. Его — практический результат. Естественно, что час времени пропал даром.

В той же аудитории истфака — огромный амфитеатр, куда я в свое время влетел, будучи «из ряда выделен волной самой стихии», — собрались комсомольцы факультета. В президиуме все партбюро во главе с Казаковым.

В докладе излагались те же мысли, что и в снятой нами газете, только еще страннее и с указанием наших фамилий. Впервые прозвучало слово «ревизионизм». После доклада никто не хотел выступать, но я полетел вниз, на арену. Говорить я пытался спокойно.

— Я не ревизионист. Своих взглядов не таю. Как и все, осуждаю культ личности. Но считаю, что убийство невинных людей — это не отступление от марксизма, а уголовно наказуемое преступление. Полагаю, что гарантией от повторения подобных преступлений была бы полная гласность. Заблуждаюсь ли я? Возможно. Но тогда докажите мне, что я заблуждаюсь, а не пугайте меня звонком в КГБ, как это сделал сегодня товарищ Казаков. Прошу собрание защитить меня от шантажа.

Мне хлопали. Когда же на трибуну вышел Казаков и начал обвинять меня во всех смертных грехах, аудитория ответила ему свистом и топотом. За подготовленную резолюцию голосовал один Комаров.

— Комсомольцы философского факультета, — закричал фальцетом Казаков, — идут не за партией, а за Молоствовым.

Собрание закрыли.

Говорят, что на экстренном заседании парткома самые крайние меры были предложены не только против меня, но декан профессор Тугаринов предложил «не выносить сор из избы». Меня временно оставили в покое.

Конечно, никто из преподавателей не говорил уже, как прежде, об аспирантуре. Конечно, были кое-какие неприятности во время за-

щиты диплома. Официальный оппонент, например, предложил поставить «неуд», но свою отрицательную оценку не смог вразумительно обосновать, а приведенные мною высказывания Маркса принял за мои собственные и обрушился на них как на «заведомую тарбаршину». Защититься мне было легко. Мой научный руководитель М.В. Эмдин стоял за меня горой. Мне поставили пять. На экзамене по диамату завалить меня по поручению партбюро взялся Вася Ельмеев. Наслышанный, что я ревизионист, Вася задавал дополнительные вопросы такого рода:

— Так значит, по-вашему, сознание первично?

Профессор Резников, председатель комиссии, в конце концов не выдержал:

— Прошу не задавать экзаменуемому глупых вопросов.

И тут обошлось.

Я поехал в Омск преподавать философию.

Статью с латинским названием «Status quo», главное, что было инкриминировано нам по делу, я написал поздней осенью 1956 года. «Мы не можем жить согласно поговорке — кто старое помянет, тому глаз вон», — так начиналась эта статья.

В первой ее части, называвшейся «Культ личности и сталинизм», я пытался марксистски «взглянуть окрест себя». У меня получалось, что не обожествление Сталина было первопричиной «нарушений законности», а, напротив, нарушение законности, ставшее системой, имело следствием культ фактического главы аппарата насилия.

Во второй части («Демократия и диктатура») я излагал тогда еще не еретическую мысль о том, что общенародного государства не может быть: когда оно станет общенародным, его просто не будет. Выборность всех должностных лиц, сменяемость их, установление им окладов не выше средней заработной платы рабочего — вот благодаря чему власть, возникшая в результате пролетарской революции, отомрет сама собой.

В третьей и последней части, озаглавленной «Чего мы хотим?», содержались, согласно обвинительному заключению, «требования, направленные на изменения политического строя»: я хотел гласности общественной жизни, всенародной реабилитации жертв сталинского террора и всенародного покаяния участников его, гарантий от рецидива бериевщины. Потом «демократии вместо бюрократии» и еще, кажется, «передачи профсоюзам функций управления производством».

Вся статья от начала до конца была пересыпана хлесткими фразами. Особенно отягчила мою участь последняя: «Венгерский народ сказал свое слово, армия перешла на его сторону, а госбезопасность повисла в воздухе».

Статья эта была напечатана в четырех экземплярах. Ее читали многие, кое-кто даже переписывал. Экземпляры были изъяты при обыске у меня и моих поделщиков в июле 1958 года. Думаю, что хлесткие фразы сыграли роль катализатора в моем процессе. Но, конечно же, процесс имел бы место и без них. Обвинительное заключение квалифицировало «Status quo» как «документ программного характера».

В ДПЗ, обрамленном серой коробкой Большого Дома, я жил около месяца с человеком, судьба которого, как мне кажется, бросает дополнительный свет на такое явление, как «ревизионизм — 58».

Звали его Пантелеймон Никифорович Зеленин. Был он обычным питерским работягой. Писатель Шукшин заинтересовался бы им: натура русская со всеми положительными и отрицательными качествами, конечно же нервный, конечно же фантазер, конечно же правдоискатель.

В свободное от работы время Зеленин «ревизовал» Большую Советскую Энциклопедию, труд его оказался прерванным еще на букве А. Причиной для обыска и ареста послужил следующий акт, совершенный Пантелеймоном Никифоровичем: он роздал в цеху изданные Политиздатом экземпляры «Государства и революции», в каждом из которых красным карандашом были подчеркнуты требования выборности всех должностных лиц, сменяемости, ограничения жалованья им средней зарплатой рабочего. «Пусть содрогаются господствующие классы, — будто бы говорил Зеленин, — перед наступлением коммунистической революции».

Либерально-эгалитарная тенденция, не отягощенная ни высшим образованием, ни свойственными мне потугами на остроумие, дала тот же результат: наши судьбы пересеклись в Большом Доме.

Ну, а если бы написанная в 1956 году и напечатанная в четырех экземплярах статья просто попала бы в мусоропровод, или была бы, наконец, сожжена, то миновала бы меня чаша сия? Конечно, нет. «Каждому воздается по его вере», — это так же верно, как и то, что «рукописи не горят». И ни при чем тут фатализм. Вполне достаточно научного предвидения. Вася Ельмеев предвидел, например, неизбежность моего ареста.

«Ты напиши про Молодцова куда следует. Его все равно посадят, а тебе зачтется», — советовал он моему тогдашнему приятелю. Приятель не торопился воспользоваться Васиным советом, но когда в июле 1958 года к нему пришли, он дал собственноручные показания. И не только сочинил в них, будто я физически принуждал его высказывать вслух сокровенные мысли, но и открыл во мне — обратите внимание! — «врожденный ревизионизм». Теперь этот Рене Декарт — доктор философии, кажется, в Саранске.

«Врожденный ревизионизм»! Задумаешься о своем происхождении. Дед мой со стороны матери, Павел Федорович Бондарь, был тихий хохол из Курской губернии. Какой уж тут ревизионизм. Бабушка, Екатерина Михайловна, урожденная Назарова, та действительна... В 1905 году ее, шестнадцатилетнюю няньку из новгородской деревни, на улице Петербурга ни за что, ни про что огрели нагайкой, а в 1935 году выслали из Ленинграда за то, что ее дочь вышла замуж за Молоствовова, моего отца. Причем деда, Владимира Михайловича, который, собственно говоря, и был причиной высылки — «В.М. Молоствов — землевладелец Казанской губернии» — из Ленинграда тогда не выслали, он работал в Институте растениеводства с Вильямсом, был в командировке. Когда вернулся, ему сказали: «Может оставаться. Будет надо — вышлем»*. А бабушка, вспоминая достославную ленинградскую «социальную чистку», всегда вслух подвергала сомнению цели и характер ее проведения. «Князьев да баронов (камушек в молодоствовскую сторону) пооставляли, а простых рабочих и крестьян повысылали». Быть может, отсюда и проистекает мой ревизионизм?

Но лично мне представляется более вероятным все же не это — в духе саранского Рене Декарта — объяснение. Скорее всего прав Локк: жизненный опыт наносит свои письмена. Моя же «заслуга» лишь в том, что я содержал в должном порядке *tabula rasa*, соблюдая душевную и интеллектуальную гигиену. Мне выпало счастье быть воспитанным в традициях гуманизма, просветительства, демократии, я привык доверять собственному разуму и собственным ощущениям. Естественно, что я не мог в конце концов не ударить лбом в реальность, «данную нам в отчуждении».

В 1958 году на суде я не признал себя виновным, сейчас, двенадцать лет спустя, я признаю себя ответственным (и не только в юридическом плане) за ход моих мыслей и за сорвавшиеся с языка слова. Тогда я был, пожалуй, чрезмерно по-юношески строг к другим, будь это Комаров, Казаков или сам Никита Сергеевич, сейчас я понимаю: они действовали не столько злонамеренно, сколько механически. Отсюда совсем не следует, что я согласен подставить затылок тому, обо что я уже ударился лбом. Прощать следует людям, а не машине.

Как долго еще переплетение исканий и сыска будет оставаться быющим в лоб фактом? Не знаю. Не футуролог.

Тогда был 58 год и 58 статья, сейчас на исходе семидесятые.

* Дед был человеком широко образованным, но в общем законопослушным и спокойным. Насколько мне известно, он только дважды позволил себе «возникнуть». В 1905 году вместе со своим товарищем по Петровско-Разумовской академии попал на несколько дней в «кутузку» и после революции пережил увлечение баптизмом — к большому огорчению бабушки Натальи Николаевны, урожденной Астафьевой, крепко державшейся православия, и своих сыновей, которые, как и положено было молодым людям 20-х годов, были правочерными атеистами. (Прим. автора).

В.Иофе НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Со своей работой «Status quo» Молоствов широко знакомил сокурсников и приятелей. Более того, читал ее на квартире у Гаранина; обычном месте встреч студентов-философов. Леонтий Гаранин, тоже студент, был намного старше их всех (р. 1927), воевал, окончил войну в звании сержанта, был награжден медалью «За отвагу», вступил в партию и к этому времени стал парторгом курса. Он был женат, жил своим домом, и дом его стал притягательным местом, где за чаем друзья-студенты могли обсуждать волнующие проблемы. По университетской классификации того времени, Гаранин тяготел к «ревизионистам», но в целом, разумеется, был вполне ортодоксален, хотя и доброжелателен к своим увлекающимся друзьям. На одной из таких встреч Молоствов и прочитал свою работу, вызвавшую интерес и споры.

Его друзья-«ревизионисты», по-видимому, обеспечили этой статье и дальнейшее хождение. По крайней мере, известно, что Евгений Козлов (позже Борискин охарактеризует его просто как «адьютанта Молостова») читал ее в студенческом общежитии университета, а вероятно, были и другие случаи, оставшиеся в тени. Вряд ли вся эта активность долго оставалась в секрете для надлежащих властей. Однако никакой организационной деятельности студентов-философов усмотреть во всем этом было невозможно, а потому все дело как «незрелое» подлежало дальнейшему наблюдению.

Весной 1957 г. Молоствов и его друзья окончили университет и разъехались по местам своих назначений. Они вступили друг с другом в активную переписку, обменивались мнениями по наболевшим вопросам (кое-какие из этих писем вскоре окажутся случайно попорченными на почтамтах, вскрытыми с «целью установления адресата», сданными «куда надо» и подшитыми к делу). Особенно активно переписывался Молоствов с Козловым и Николаем Солохиным. Последний раньше тоже учился на философском, и их знакомство восходило к тому времени. Среди друзей Солохин был известен под прозвищем «дедушка университетской демагогии», которое заслужил, выступив на университетском митинге по случаю открытия XX съезда. Тогда он высказался в том духе, что решения съезда будут несомненно хорошими, только вот жизнь у нас, товарищи, плохая. Решения съезда, как известно, оказались такими, что «выпад» пришлось оставить без последствий.

В своих письмах молодые люди обменивались многими неосторожными фразами, которые им припомнили потом. Молоствов в письме к Козлову заявил, что «каждый из нас должен создавать вокруг себя нравственное поле», а Солохин подверг сомнению правдивость газеты «Правда». В марте же 1958 г. Молоствов отправил Солохину письмо, в котором говорил о том, что начал новую работу, которая, разумеется «потрясет мир» (имелись в виду тезисы по Гегелю, которых он, впрочем, так и не написал). Вскоре после этого он был откомандирован в область, проверить работу философских кружков среди партактива, к отцу же его пришли из «угрозыска» и попросили разрешения пустить в дом на несколько дней двух оперативников, потому

что в доме напротив «готовится преступление». И действительно, несколько дней подряд, пока сын был в отлучке, а утром из дома все уходило на работу, два молодых человека регулярно являлись в дом заниматься неизвестно чем. Через много лет человек, живший в квартире над ними, уже умирая, признался, что в эти же самые дни к нему тоже пришли «оттуда» и установили свою «аппаратуру» (которую сняли только после суда в Ленинграде).

Приближалось лето, время первого их отпуска, который все они хотели провести в Ленинграде с друзьями. О предстоящей встрече много писалось. Козлов в письме обмолвился: «съезд философствующей братии». Это уже было «дело».

Встретиться им дали. Ликвидация была приурочена ко времени разъезда. 23 июля 1958 г. уезжавший в Курган Козлов неожиданно столкнулся на перроне Московского вокзала с давним их антагонистом Комаровым. Несмотря на былую неприязнь, Комаров радостно бросился к Козлову и расцеловал его. Удивленный неожиданной встречей, Козлов сел в вагон. Когда поезд тронулся, к нему подошли некие люди в штатском, обвинили его в краже дамской сумочки и предложили предъявить вещи для осмотра. В вещах была обнаружена рукопись «Status quo», переписанная собственной рукой Козлова. Он был снят с поезда и на машине доставлен в ленинградский Большой Дом.

А в следующие два дня были проведены обыски у всех выпускников философского факультета. Кроме Козлова, в эти дни были арестованы Молоствов, Солохин и Гаранин. У всех нашли по машинописной копии «Status quo». Допрошены были несколько десятков сокурсников и друзей арестованных. Кое-какой обличительный материал был добыт. Было установлено по крайней мере 9 читателей статьи Молостова, но из собранных материалов усмотреть сколько-нибудь явственную «деятельность» было невозможно. Расчеты на «съезд» оказались неоправданными.

Осложняла положение арестованных философов главным образом сама принадлежность к идеологическому сословию, к «своим». Вина каждого выглядела следующим образом. Авторство Молостова (он его не отрицал) и распространение им статьи были установлены быстро. Против Козлова свидетельствовало чтение в общежитии и факт собственного переписывания. С Солохиным и Гараниным дело обстояло хуже. В отношении Солохина не было даже известно, что он читал имевшийся у него экземпляр (он все отрицал), так что, кроме писем, против него была еще таинственная пометка в записной книжке: «манифест рабочего класса», что могло быть интерпретировано как злонамеренность. И это было все.

Экземпляр «Status quo», изъятый у Гаранина, имел пометки, из которых явствовало, что Гаранин с мнениями Молостова не согласен, так что для него оставалась только роль хозяина на чтении. Потом на суде прокурор сформулирует главную претензию к Гаранину следующим образом:

— Как могли вы, фронтовик и член партии, не схватить Молостова за шиворот и не доставить в Комитет государственной безопасности?!

Этим риторическим вопросом, пожалуй, все претензии к Гаранину и исчерпывались.

На следствии Козлов и Солохин старались все отрицать, но признали свою виновность; Молоствов «деятельность» свою отрицал и виновным себя

не признавал, а Гаранин, по сути замешанный в деле меньше всех, не только отрицал какую-либо виновность, но и доказывал правоту и правильность инкриминируемых ему действий и речей. Весь собранный следствием небогатый материал с присовокуплением должного количества внушительных формулировок был скомпонован в обвинительное заключение, и материал был направлен в суд.

Первый раз Ленинградский городской суд по делу группы Молостова собирался в октябре 1958 г. На суде все обвиняемые заявили себя невиновными. Здесь же, на суде, Гаранин решил принять тактику своих поделщиков, отступил от занятой им на следствии боевой позиции (которая ему, фронтовику, была проще и ближе) и стал высказываться в духе своей непричастности, тем более, что его несогласие с Молостовым было зафиксировано документально в деле. Тут в зал суда влетела его жена, публично заявив, что порывает с ним, потому что он предатель своих друзей. Еле через сочувствующий обвиняемым конвой удалось ее убедить, что все делается по общему уговору. В результате все отрицали виновность и криминальность своих действий и формулировали свою позицию как лояльную, в духе XX съезда. Суд назначил: Молостову — 5 лет, Гаранину — 5 лет (сказалось раздражение его поведением), Солохину — 4 года, Козлову — 3.

Этот приговор по протесту Генерального прокурора был отменен Верховным судом РСФСР «за мягкостью».

Второй раз Ленгорсуд собрался в декабре 1958 г. Перед судом Гаранин и Молостов оказались в соседних камерах и вступили в контакт перестукиванием. Гаранин считал, что «наступила реставрация сталинизма и терять нам нечего, кроме чести», и предложил снова вернуться к более твердым формулировкам. Так они и сделали. Это совпало с намерениями суда, стремившегося в свете указаний сверху «дать побольше». На этот раз приговорили их так: Молостову — 10, Солохину — 10, Гаранину — 8, Козлову — 6 лет.

Теперь Верховный суд считал, что дали «чересчур» (в это время как раз готовился переход на новые основы уголовного законодательства, по которым максимум за «пропаганду — агитацию» предполагался 7 лет вместо прежних 10). Окончательно по кассации вышло: Молостову — 7, Солохину — 6, Гаранину — 5, Козлову — 4 года.

После суда приятели были разосланы по лагерям: в Воркуту (Молостов), Тайшет (Солохин и Гаранин), в Мордовию (Козлов). К 1960 г. все они попали в Мордовию, в Дубровлаг.

Здесь в январе 1960 г. произошла замечательная и приобретающая некоторую известность сцена встречи Молостова с Борискиным, который оказался к тому времени преподавателем философии Мордовского университета в Саранске*. Борискин был направлен для прочтения лекции «Миф о Христе» обитателям зоны 7-1 Дубровлага, куда незадолго до этого попал Молостов. После окончания лекции «врожденный ревизионист» встал и попросил разрешения задать вопрос. Вопрос оказался таким:

— Гражданин лектор доказывал нам тут, что Христа как исторической личности не было. Но сможет ли он доказать нам, знающим его, что не было и Иуды?

* Тем самым «Рене Декартом», который обвинял Молостова на следствии во «врожденном ревизионизме».

Зал взорвался от восторга и заулюлюкал, начальство заметалось в растерянности, Борискин исчез. Молоствову дали семь суток штрафного изолятора и вскоре перевели на 3-е л/о.

Солохин побывал в Тайшетских лагерях (Озерлаг), где участвовал в лагерных беспорядках (неповиновение конвою, когда колонна з/к села на дороге и отказалась идти), отсидел на штрафном в Дубровлаг, а после — на той же «тройке».

Гаранин (вместе с Козловым) побывал на «бесконвойке» в Сасово, где на досуге писал работу по марксистской эстетике — о прекрасном. «Пиши, генерал (это за сержантское звание), — прекрасное — это партийность в чувственной форме», — зубоскалили местные остроумцы. При всем при том Гаранин занимал активную позицию, укорял Козлова в пассивности и рекомендовал ему «почитывать Гегеля».

Все подельники освободились, отбыв свои сроки полностью. После освобождения все разъехались в разные стороны. Козлов — на Северный Кавказ в Геленджик, где стал работать в местном музее, Гаранин в Минск, где стал специалистом в области белорусского языка и литературы, автором многих работ в этой области. Солохину удалось вернуться в Ленинград и устроиться на работу в районную газету Всеволожского района. Зачем были посажены эти люди, все это время не мог понять никто, с приходом же перестройки дело стало выглядеть совершенно бессмысленным. В октябре 1988 года Верховный Суд РСФСР полностью реабилитировал всех четверых.

Сам Молоствов через все годы пронес верность своим социалистическим убеждениям. Во время заключения он был постоянным сочленом «марксистских сообществ». Освободился в 1965 году, в 1966-67 лечился от лагерного туберкулеза, а затем повел жизнь кочующего сельского учителя — преподавал немецкий язык и, если позволяли, историю. Вместе с женой, тоже учительницей, и двумя дочерьми скитался по школам отдаленных районов Псковской, Новгородской, Омской областей и Карельской АССР. Ныне (1989) постоянно проживает в Калининской области, где работал поначалу в сельской школе, а затем сельским почтальоном*.

Все эти годы, работая в обреченных к закрытию школах (в другие его просто и не брали), всегда пользовался уважением местных жителей за постоянную готовность к защите интересов простых людей против всевластно-го в сельской глубинке начальства. Так реализовывался демократический и просветительский импульс наследника многих поколений русской интеллигенции. Когда Молоствов работал в деревне Рвы в 36 км от города Дно, дружеская эпиграмма так и звучала: «Романтики с берегов Невы! Куда же вы? — На Дно, во Рвы».

Несколько работ Молостова на общественные темы было опубликовано сначала за границей, затем, как водится, и в отечественной печати. Написаны им и воспоминания: «Ревизионизм — 58» и «Моя феноменология».

* В настоящее время (1990 г.) М.М. Молоствов — депутат Верховного Совета РСФСР. (Ред.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А.Б. 215
А.З., информант 306, 322
Абакумов В.С. 421, 430, 433, 435, 556-557, 559
Абашкин Н.П. 260
Абамелек-Лазаревы, домовладельцы 459
Абаринов В. 436
Абрамович Д.И. 163
Абрамович-Барановский С.С. 201, 217, 231
Абрамсон Л.М. 392, 394, 396-398
Авдеева П.Д. 260
Аверин, сосед Войтоловской А.Л. 402
Аверьянов И.М. 16
Аверьянов И.П. 15
Аверьянов Н.П. 15-16
Аверьянов П.М. 15
Аверьянов Ф.М. 15
Аверьянова А.П. 15
Аверьянова В.Е. 15
Аврусин М.Я. 260
Авсеевич А.А. 434
Агафонов В.К. 206
Агранов Я.С. 204, 433, 465, 467-471, 473
Адамушко И.Д. 260
Адов С.И. 260
Айзенберг Д.Н. 260
Айналов Д.В. 177, 224
Аксельрод Л.И. 179, 182
Алдошин, следователь ГПУ 212, 218
Алекин О.А. 422
о.Александр, настоятель Соловецкого монастыря 320
Александра Федоровна, имп. 202
Алексеев, народный заседатель 49, 51
Алексеев А.М. 212
Алексеев В.М. 181
Алексеев Ю. 432
Алексеева, народный заседатель 49, 51
Алексинский Г.А. 461, 462
Алемасов А.М. 435
Алехин-Смоляров М.С. 48
Алехина-Смолярова М.М. 48
Алимова Т.П. 260
Аллилуева С.И. 423
Аллой В. 7
Алферов Н.С. 33
Альбрехт К.И. 314
Альтшуль Л.А. 260
Аминев, судья 18, 20
Анджиевская Л.Я. 260
Андреев А.И. 204, 212, 453
Андреев Г.А. 305
Андреева, з/к 377
Андреева А.А. 289, 297
Андрей Владимирович, вел.кн. 211, 213
Андреианов, военнопленный 488
Андриевский Н.П. 380, 381
Аникиев П. (о.Павел) 217
Анинский С.А. 453
Аносос А.А. 336, 338
Антипина Э.Ф. 370, 372-374, 376, 381
Антонов А.С. 258
Антонов П.И. 335
Ануфриев В.Я. 500, 501
Анциферов Н.П. 213, 216, 220-221, 234, 305, 455, 463
Апетер И.А. 357
Ардашев Н.Н. 453
Аркавина В.Я. 256, 260
Арсентьев Б. 532
Архангельский А.Д. 229
Асмус В.Ф. 580
Астанин И.П. (в монашестве Игнатий) 217
Астров-Ширпанов Г.В. 391-393, 396, 398-399
Атакишиев А.С. 431
Афанасьев В.Е. 260
Афонин, врач СЛОН 372
Ахматова А.А. 583
Аш Ш. 548
Ашешов Н.П. 453
Ашмарин, народный заседатель 528, 530
Ашпис О.И. 260
Бабель И.Э. 433
Бабенчиков П.П. 218-220
Бабенышев А.П. см. *Максудов С.
Бабин М.И. 260

- Бабина Б.А. 254
Багалея Д.И. 180
Багиров М.Д. 431, 432
Бадаш С.Ю. 560
Базелева Н.П. 120-123
Базилинская М.В. 254
Базылев А.И. 493
Бакко М.А. 365-367, 379, 381
Балабанов А.Г. 380-381
Балакирев, надзиратель 472
Балицкий В.А. 434
Бальковская В. 33
Баранова О. 155
Баранцова М.И. 152-153
Баришпольский М.И. 260
Барканов, судья 49, 51
Барон А.Д. 261
Барсков Я.Л. 453
Бартольд В.В. 182, 478
Батаева, санитарка СЛОН 372
Баталинский (Бакалинский), з/к 360
Бауэр Н.А. 261
Бах А.Н. 173-175, 181
Бахман А. 261
Бахрушин С.В. 220, 222, 232, 453
Бацер Д.М. 256, 261, 288
Бачулис, комендант лагеря 248
Башкирцев С.П. 261
Безлюдный, учитель 30-31
Бейнарович А.Я. 261
Белибеков, з/к 334
Белинков А.В. 506, 520-521, 527
Белинкова М.Н. 520-521
Белинский В.Г. 581
Беличев, з/к 373
Белкин В. 533
Белкин К.К. 261
Белов-Штильман Р.Р. 359-362, 365, 369-370, 372, 375, 379, 381
Белова А.Я. 33
Белоглазов К. 261
Белозеров К.С. 382, 384-386
Белокуров С.А. 453
Белопольский А.А. 163
Белых С.А. 380, 384-386
Бельчиков Н.Ф. 453
Беляев В.Д. 261
Беляев М.Д. 211, 231
Беляев Н.М. 261
Беляева М.Ф. 141-142
Бенешевич В.Н. 179, 183, 211, 212, 217, 222, 232
Бенешевич Д.Н. 218, 221, 222
Берг Л.С. 180-181
Бергельсон Д.Р. 548
Бергер В.И. 195
Бердяев Г.С. 46
Бережной, з/к 334
Березин И.В. 261
Беренс Н.В. 444, 449
Берзинь Я. 442
Берия Л.П. 37, 47, 57, 403, 407, 410, 413, 420, 421, 430-433, 435, 436, 459, 547, 550, 556, 567, 570, 574, 575
Берман Б.И. 261
Берман М.Д. 340, 389, 393, 394, 396, 434
Бернштейн С.Н. 194
Бернштейн Я.М. 261
Беспалов В. 32
Бесчастнов А.Д. 435
Бехтерев В.М. 475
Билима-Пастернак (Билима-Пастерманов) Г.А. 256, 262
Бирулин М.В. 262
Блинкина О.Е. 7
Блинов И.А. 453
Блок А.А. 209
Блох Л.И. 262
Блумберг-Коган Т.И. 222
Богатов Г.Г. 262
Богданов Б.О. 262, 291
Богданова, з/к 367, 372
Богородицкий В.А. 180
Богословский М.М. 210, 223, 231, 453
Богоявленский С.К. 222, 230, 453
Богуславский Г.А. 305
Божко Д.С. 262
Бозе А.А. 472
Бойков И. 19
Бойцов, надзиратель 472
Бокий Г.И. 339, 387
Болотов, курьер 468
Болотов, сотр. СЛОН 388
Бондаренко, надзиратель 472
Бондарь (урожд. Назарова) Е.М. 588

- Бондарь П.Ф. 588
Бонч-Бруевич В.Д. 441, 459
Бонч-Осмоловский А.И. 336
Бор Н. 580
Бордюков А.И. 262
Борин, эксперт 397
Борискин В.М. 583, 589, 591, 592
Борисов В. 32
Борисов В.М. 507
Борисяк А.А. 205
Боровикова Е.В. 144-145
Бородин А.В. 217-218, 231
Бородин И.П. 176, 185, 190
Бородин Н.М. 32
Бородулин И.Ф. 199
Борц Р.А. 262
Борщев Т.М. 431, 432
Ботьянова, з/к 375
Бочков В.М. 526
Боярский В.А. 435
Браверман И.М. 257
Брауде А.А. 262
Брачев В.С. 210, 455
Брайнин В.Д. 382, 384, 385, 387, 388
Браун Ф.А. 443, 449
Брежнев Л.И. 150
Брейтман Н.П. 262
Брехов Л.С. 17
Брехов С.И. 17
Брилинг (Бриллиг) Н.Р. 234
Бриль Ю.П. (Ю.С.) 391, 392, 394, 396, 398, 399
Броверман Я.М. 430, 431
Бродова Б.Я. 262
Бродская Е.С. 526
Бродский Ю.А. 7
Броншвейг, сов. чиновник 454
Бронштейн В.М. 516-517
Бруева А.Е. 136
Будькина М.Н. 143-144
Бузескул В.П. 176
Букарев В.С. 262
Букс А. 488, 490, 491
Буксин И.М. 262
Булгаков В.А. 532
Булгакова Х.В. 118
Булыгин А.Д. 306
Бунтарь-Рышков С.М. 256, 263
Бутенко В.А. 230, 231
Бутенко В.М. 231
Бутов П.И. 474
Бухарин Н.И. 165, 175, 179, 181, 186, 190, 191, 193, 194, 204, 212, 215, 556
Бухтер Ф.О. 263
Быкадорова Н.И. 25-28
Быховский, сотр. ГПУ 245
Бычков Ю.А. 441
Бяловский Ф.В. 263
Бялыницкий-Бируля (Бируля) А.А. 202, 223, 230
Вавилов В. 139-141
Вавилов Н.И. 33, 434
Вавилова З.Б. 139-141
Вайль Б.Б. 577
Вайнциг Ф.С. 263
Вайсбурд В.Д. 263
Ваксберг А.И. 553
Валк С.Н. 453
Вальденберг В.Е. 183
Варпаховский Л.В. 496
Варшавский С. 441, 442, 449
Васенко П.Г. 200, 230
Василевский, театр. администр. 499
Василенко, учитель 30
Василенко Ю.Д. 28
Василенко Я.Е. 263
Васильев, з/к 334
Васильев А.В. 197
Васин, зав. кладовой 459
Васнев, пред. Мосгорсуда 32
Вассерман А.М. 263
Вегер М.М. 263
Вегер Т.М. 263
Вейнир, полит. з/к 263
Вейс (Вейсс), сотр. ОГПУ 289, 297
Величко А.Ф. 217
Вельчанский С.И. 263
Вересов Д. 106
Верещагин И.П. 246
Вержбицкий Ю.В. 217, 231
Вернадская (урожд. Старицкая) Н.Е. 477, 486
Вернадский В.И. 163, 167, 171, 173, 180, 182-185, 188, 194, 203, 205, 206, 465, 475-487, 514, 515
Верхоцанский В.И. 263

- Вершинин-Двойченко А.П. 263
Веселкин М.М. 456, 457
Веселовский С.Б. 222, 223, 453
Веснин В.А. 507, 526
Вегухновская Р.З. 263
Вигдерсон А.Л. 263
Виге, пред. облсуда 18, 20
Вигилянская О.С. 509, 510
Видерман Е.Л. 264
Викторов А.Е. 447, 450
Викторов В.П. 202, 203, 207
Викторов Н.А. 332, 335
Викторова Р.К. 558
Вильчек Н.И. 53
Вильямс В.Р. 52, 181, 588
Виноградов В.Н. 558
Виноградова Т.И. 264
Винокуров, судья 216
Винокурова А. 533
Витгенштейн Л. 582
Витковский Д. 305
Виткуп Л.А. 264
Виттенбург П.В. (П.-Л.) 220-222, 230
Вишневская М.Е. 535
Вишня О. 347
Владимиров, з/к 334
Владимиров А.И. 43-44
Владимиров М.Г. 264
Владимирова Л.А. 43-44
Владимирцов Б.Я. 186
Влодзимирский Л.Е. 32, 430
Воблый В.К. 110
Вовков А.В. 264
Вовси М.С. 558
Водбольский В.А. 344
Водовозов В.В. 480, 486
Вознесенский И. см. Перчёнок Ф.Ф.
Воинова (урожд. Арсеньева), з/к 468
Войновский К.Г. 336
Войт Б.К. 264
Войтоловская А.И. 405
Войтоловская Ад.Л. 400-430, 436
Войтоловская Ал.Л. 400, 404-406, 415
Войтоловская Э.Л. 400-402, 406, 409, 415
Войтоловский Л.Н. 404
Волгин В.П. 174, 180, 183, 208, 223, 224, 226, 402, 418
Волков О.В. 305, 318
Волкова М.Н. 264
Волк-Штоцкий Я.П. 264
Волошановский А.А. 332, 337
Волошин С.И. 45-46
Волченко А.К. 264
Вольский В.К. 264
Вольфович В. 33
Воробьев Б. 593
Воробьев П.И. 195
Ворона, з/к 572
Воронко, врач 370
Воронов Е.П. 174, 188, 202, 223
Ворошилов К.Е. 37
Воскресенский, инженер 29
Врангель П.Н. 473
Второва-Яфа О.В. 305, 306
Вульфиус А.Г. 220, 232
Высоцкий П.В. 264
Вышинский А.Я. 37, 52, 173, 174, 580
Вяткина К.В. 196
Г., адвокат 480
Габаев Г.С. 211, 217, 218, 231, 453
Габриэльс Е.И. 264
Гай-Гулина М.С. 53
Галкин С.З. 536, 548
Галлай Я.С. 49-51
Гальперин И.М. 255, 264
Гансберг А.Г. 337
Ганьшина Е. 264
Гаранин Л.Я. 579, 589-592
Гарбец, сотр. КГБ 402
Гаркавцев В. 533
Гаук В.А. 335
Гегель Г.В.Ф. 580, 589, 592
Гейнбух А.К. 255, 264
Гейштор В.М. 46
Гельмерсен В.В. 198, 231
Гельтман А.И. 265
Гельфгот А.П. 255, 256, 265
Гельцер Е.В. 555
Гельштейн Г.Г. 558
Гензель П.П. 179
Генкин З.Г. 433
Геньба А. 265
Гералит Эфесский 582
Герасимов, полковник МГБ 558
Гергенс И.А. 200

- Герман, монах 311
Герман Ю.П. 468
Герцык Е.Я. 265
Гершевич М.Б. 265
Герштейн В.Н. 493
Гилельс Э.Г. 548
Гильдебранд К. 265
Гильдебрандт В.Ф. 199
Гиляревский Н.А. 367, 375
Гиммельфарб Я.К. 265
Гиммлер Г. 560
Гинденбург П., фон 211
Гинзбург, з/к 388
Гинзбург И.Г. 391-396, 398
Гинзбург И.И. 221, 332, 335, 339, 346
Гинцбург Н.Я. 508, 525
Гинце В.А. 347
Гирс М.М. 201
Гитлер А. 552, 560, 582
Глазычев В.Л. 16
Глебов В.И. 265
Гнедов С.И. 265
Гниппа Т.А. 382, 384, 385
Гоглидзе С.А. 37, 430
Гоголь Н.В. 426, 483
Годерев В.А. 265
Годлевский М.Н. 560
Гозулов А.И. 109
Голинков Д.Л. 474
Голицын Н.В. 453
Головин С.А. 488, 490, 499, 501
Головина Л.И. 265
Голодков М.И. 265
Голубев, следователь 406
Голубев Ф.Н. 265
Голубева, сотр. Малого театра 496
Голубцов И.А. 222
Гольд Г.Л. 257, 265
Гольдберг Л. 551
Гончаров В.С. 382, 384-386
Горбачев М.С. 158, 159
Горбов А.И. 474
Горбунов Н.П. 165, 168, 174, 175, 188, 194, 206, 474, 475, 486, 487
Горгонов И.И. 554
Горелик М.М. 256, 265
Горелик С.Г. 266
Горин М. 172
Горкин А.Ф. 526
Горловский С.С. 405, 427
Горовец И.Д. 332
Горская, учительница 212
Горшков, следователь 512
Горький А.М. 189, 317, 387, 464, 474, 487, 505, 516, 521, 523, 542
Горькова Е.Ф. 19-20
Горячкин В.П. 180
Госкин М.Ф. 392-398
Готман Л.И. 266
Готье Ю.В. 212, 222, 453
Гофштейн Д.Н. 548, 553
Грачев Г. 495
Грачев И.Н. 495
Гревс И.М. 221
Грейсер С.Я. 256, 266
Греков, генерал 46
Греков Б.Д. 209, 453
Гренстрандт М.М. 198, 199
Гресс П.С. 380, 381
Грибачев С.А. 135
Григанович, сотр. ОГПУ 385
Григоренко П.Г. 93
Григорьянц М.С. 109
Григорян Х.И. 431
Гринберг З.Г. 454
Громова Т.В. 7
Громько А.А. 551
Гроссман В.С. 548-550
Грошев А.П. 266
Грум-Гржимайло В.Е. 178-180, 210
Грушевский М.С. 182
Грюнвальд (Гринвальд) М.К. 220
Губайдулин Ш.И. 528-530
Губерман О.Ю. 266
Губин Е.М. 266
Губкин И.М. 181, 186
Гудван А.А. 266
Гузев И.А. 37-39
Гуковский Г.А. 426
Гуковский М.А. 426
Гульбин Г.Г. 218
Гумилев Н.С. 464, 473, 474
Гурвич Л.М. 266
Гуревич Е. 532
Гусев А.А. 266

- Гусев Д.М. 449
Гусятников Г.С. 494
Гутанская Г.М. 266
Давлианидзе С.С. 431
Дальская Е.М. 60-61
Данилов В.П. 69, 106, 108
Даниэль А.Ю. 535
Дарвин Ч. 202
Деборин А.М. 165, 175, 179, 182-186, 188, 190
Девицкий А.М. 344
Дегтярев В.Н. 317
Деканозов В.Г. 430
Деменюк К.О. 494, 497
Демусяк Г.И. 197, 202
Демченко, партработник 94
Демченко Ф. 33
Деникин А.И. 386
Дер Нистер 548
Деревянко, генерал 57
Державин Н.С. 184, 224
Дерибас Т.Д. 394
Дериглазов, з/к СЛОН 360
Дерковская Н.С. 266
Десятков И.Д. 339
Дечко М.Ф. 435
Джиенвеков, прокурор 528
Джунковский В.Ф. 206
Дзержинский Ф.Э. 165, 470, 495
Дзюбенко Н.Т. 366, 367, 369, 372, 374
Дибобас А.С. 395, 398
Диккенс Ч. 485
Димитров Г.М. 555
Дмитриев Г. 266
Дмитриева П.С. 266
Дмитриевский А.А. 163
Дмуховский П.И. 332
Добкин А.И. 233, 455
Добровольская П.П. 266
Добровольский, надзиратель 333
Добровольский Б. 502
Добровольский С.А. 267
Добролюбов Н.А. 581
Доброштан И.М. 561
Добрушин И.М. 548
Добряков А.М. 267
Довнар-Запольский М.В. 223
Догадов В.М. 172
Догель В.А. 514, 515, 526
Докторов Б.Н. 43
Докторов В.М. 43
Докторов К.М. 43
Докторова А.Ф. 43
Долгая Т.Л. 7
Долгов И.И. 54-55
Долицкий Е.И. 535, 536, 547, 550, 552-554
Долотцев, военюрист 391
Домбровский В.Р. 212
Дончак Я. 408, 409, 424
Дороднев М.А. 267
Дорожинская П.К. 125
Дорош, прокурор 48
Достоевский А.А. 223
Достоевский Ф.М. 485, 583
Дояренко А.Г. 179, 182
Дрейзен (Дрейзин) Ю. 256, 267
Дрейфус А. 516
Дрелинг Н.В. 400, 402, 405, 408, 409, 414-416, 424
Дробнис А. 33
Дронов М.С. 27
Дружинин В.Г. 212, 453
Дубинский И.П. 267
Дубицкий Б.П. 560, 562-570
Дубовицкий Г.И. 24
Дубовицкий И.П. 24-25
Дубовицкий П.И. 24
Дубовицкая К.И. 24-25
Дубсон В. 547
Дукес, нач. тюрьмы 289, 297
Дун Ф.Ю. 267
Дупер (Дуппер), нач. тюрьмы 295, 297
Дурново Н.Н. 224
Дурново Н.П. 200, 222
Дурново П.Н. 200
Духовский А.И. 332
Душник-Блестен Р.А. 13-14
Дьяконов М.А. 453
Дюжакова Е.А. 267
Дюмон Р.А. 488, 491, 492, 496
Дюнзе, з/к 368, 369
Дядькин И.Г. 71, 107, 111, 112
Дюран С.И. 488, 491, 492, 496, 499
Евдокимов, сотр. СМЕРШ 560

- Евдокимов Г.Е. 339
Евдокимов Н.Е. 267
Евсеев И.Е. 462
Егоров Д.Н. 177, 179, 222-224, 232, 233, 453
Егоров Д.Ф. 180, 234
Егоров-Лызлов М.С. 267
Ежов Н.И. 37, 407, 410, 433, 459, 509
Елагин Б.Н. 380, 381
Еланская В.Э. 360
Елизаров С.Н. 197
Елин А.И. 528-530
Ельмеев В. 586, 587
Ельник В.И. 267
Емельянов С.Ф. 431
Енукидзе А.С. 174, 203, 420
Ердыгин А. 449
Еремин П.Н. 267
Еремина Л.С. 7
Ермаков А.П. 391-393, 395, 398
Ермилов И.Г. 494
Ерухимович Ш.И. 267
Есаков В.Д. 175, 189, 205
Есенина Т.С. 526
Есиков, фельдшер ОГПУ 207
Жарова М.И. 31-32
Жданов А.А. 37, 421, 422, 556
Жданов А.П. 267
Жданов Ю.А. 422, 423
Жебелёв С.А. 183, 184, 186, 187
Жегус, з/к 334
Железнов В.Я. 179
Железнова Н. 535
Жемкова Е.Б. 7
Жемчужин С.П. 332, 336
Жигаловский А.И. 335, 345
Жигаловский П.А. 338
Жигулин А.В. 530, 531
Жид А. 521, 522, 527
Жидловский - см. Шидловский Ал.Ф.
Жмудь Д.А. 267
Жуков Г.К. 47
Жуковский П.В. 447
Жупахин С.Г. 211, 214, 219, 222
Забелин И.Е. 448
Завадовский Б.М. 267
Завадский, инженер 370
Заводова А. 533
Загорский К.К. 268
Задерман Г.А. 494, 499, 500, 502
Зайдель Г.С. 209, 405
Зайцев А.А. 72, 108
Зайцев И.М. 305, 318
Зайчик Г.Р. 268
Заковский Л.М. 420
Залин Л.Б. 434
Заммель М.Г. 268
Замятин Н.А. 268
Зангель, сов. чиновник 490
Заозерский А.И. 201, 231
Зарин А.М. 268
Зарин В.Г. 374, 376, 381
Зарудный Л.Н. 332
Заславский Д.И. 211, 548
Засухина М. 535
Зауэрбрай Е.В. 268
Захаров Ф.Г. 268
Захарова М.С. 532, 533
Захарьян Г.П. 345
Захваткин А.А. 313
Збарский Б.И. 173
Зверев, сотр. ГУЛага 566
Зверев Д. 32
Здравомыслов К.Я. 453
Здоровский П.Ф. 343
Зеленин В.Ф. 558
Зеленин Д.К. 224
Зеленин П.Н. 587
Зеленко В.А. 172, 184
Зеленова (урожд. Кундеш) Л.Э. 34-35
Зеленский А.А. 332, 338
Зелигер Н.Г. 268
Зелинский Ф.Ф. 217
Зельбст Ф.З. 268
Зимин А.Н. 268
Зиновьев Г.Е. 163, 167, 174, 189, 209, 464, 473, 506
Зиссерман П.И. 217, 231
Злотникова Ф.Л. 48
Зозула С. 93
Золотарев З.И. 268
Золя Э. 516
Зомбе Р.Л. 336, 338, 339
Зорохович (Зарохович) Л.М. 256, 268
Зосимович Л.А. 268
Зошенко М.М. 583

- Зубов А.В. 382, 384, 385
Зускин В.Л. 548
Зыкова Э.А. 360, 367, 371, 375
Зюзин М.В. 365, 380, 381
Иваницкий А.А. 251, 268
Иванов, з/к 495
Иванов, сотр. ЧК 477
Иванов, чл. комиссии Фигатнера 198
Иванов А.В. 332, 335
Иванов Б.С. 268
Иванов В. 449
Иванов Вяч.И. 176
Иванов Г.К. 335
Иванов И.И., математик 177
Иванов И.И., чл. ПЛСР 269
Иванов-Лимант, з/к 371
Иванова В. 533
Иванова Г.К. 41-42
Иванова Л.В. 435
Иванцов, пред. колхоза 17, 18
Иванченко, сотр. ОГПУ 385
Ивницкий Н.А. 106
Игнатенко Е.А. 44
Игнатьев С.Д. 557
Извекова Е. 269
Изгодин Ю.В. 269
Изгодина Н.Н. 269
Измайлов Н.В. 212, 213, 218, 231, 232
Изместьев П.И. 462
Израилев А.Н. 391-393, 395, 396, 398
Изюмов А.Ф. 452, 453
Иларион, архиеп. 318
Илинский С.П. 462
Ильин А.А. 183
Илясов И.Е. 269
Иов, духовник Петра I 322
Ионова Л.В. 269
Иофан Б.М. 548
Иофе В.В. 12, 531, 578
Иоффе А.Ф. 173, 180, 186, 475
Иоффе Г. 269
Ипатьев В.Н. 225
Истарова, судья 18, 20
Ицелис Г.И. 269
Ицкович Д.Н. 269
К-ва В. 401, 402, 405, 408, 411, 415, 417, 418, 421
Кавельмахер Е.А. 29-30
Каганович Л.М. 35, 37, 421, 553
Казак В. 527
Казаков А.Н. 346
Казаков А.П. 585, 588
Казаков Б.К. 269
Казанович Е.П. 176
Кайдан, летчик 46
Калапов, свидетель в суде 418
Калачников А.В. 393, 396
Калинин В. 306
Калинин В.В. 508, 525
Калинин Вас. В. 508, 509
Калинин Викт. В. 508, 509, 525
Калинин М.И. 233
Калинников И.А. 217
Калько, з/к 512, 513
Каляев И.П. 583
Каминский Э. 32
Каменев Л.Б. 473, 506
Кампанец М.С. 269
Камю А. 583
Каневский В.А. 269
Канель А.М. 269
Канеп В.Э. 382, 384, 385, 387
Капитонов, свидетель в суде 51
Каплин, чл. трибунала 32
Карахан Г.Д. 20
Карахан Л.М. 555
Каргин Н.А. 27
Кареев Н.И. 176
Карелин, судья 528, 530
Карлсон К.М. 94
Карпина Л.Д. 42
Карпина С.Д. 42
Карпина Х.Д. 42
Карпина Э.М. 42
Карпинский А.П. 175, 178, 184, 185, 190, 191, 201, 202, 205, 208, 223, 226-230, 477, 485, 486
Карпов Г.Г. 436
Карпов Л.Н. 400
Карпов Н.И. 400, 403, 404, 406-410, 414, 415, 422-426, 429
Карпова В.Н. 400, 410
Касаткин Л.Л. 269
Кассиль Л.А. 548
Катазаров, полит. з/к 269
Катасонова Н.И. 258, 270

- Катков, сотр. СЛОН 374
Катырева, секретарь суда 49, 51
Кац С.С. 270
Качоровский Б.К. 270
Качоровский (Кочаровский) Г.Т. 256, 270
Кашин М.М. 495, 500, 502
Каширин А.П. 340
Каширина А.Ф. 340
Кашкетин, сотр. ГУЛага 408
Кашкин П.Н. 515
Каштанова Н. 449
Кваша, з/к 365
Квитко Л.М. 548, 553
Кеврик В.Е. 270
Кедров М.С. 433
Кейлис О.Я. 270
Кепп, з/к 360
Кербунов Н. 270
Керенский А.Ф. 204
Керженцев П.М. 180
Керопьян Л.К. 270
Кижло Л. 306, 313
Кизветтер А.А. 163, 453
Ким Г.А. 54
Кинэ М.Г. 270
Кипарисов Ф.В. 195, 208
Кирилин В.А. 332
Кирилл Владимирович, вел. кн. 211
Киров С.М. 35, 36, 174, 213, 404, 555
Кирпичев М.В. 234
Кирпотин В.Я. 548
Киселев-Громов Н.И. 305, 317
Кислова Е.В. 125-128
Киш Л.С. 332
Кишицкий, з/к 371
Клейман К.К. 270
Клементьев, вольнонаемный 333
Клер М.О. 178, 218, 221, 222
Клешина М. 533
Климин А., и.о. прокурора 44
Климов В. 533
Клинггер А. 305
Кнорин В.Г. 174, 433
Князев Г.А. 453
Коблов, секретарь трибунала 32
Кобулов А.З. 436
Кобулов Б.З. 37, 430, 433, 436
Ковалев, военнопленный 488
Ковалев С.И. 209
Ковалевский В.И. 179
Коган Б.Б. 556
Коган Л.Е. 270
Коган Л.И. 339
Коган М.Б. 556
Козлов, следователь 29-30
Козлов Е.А. 579, 588-592
Козловская, санитарка СЛОН 372
Козловский В.В. 367, 369, 372-374, 377, 378, 381
Козуб, автор письма к А.Н. Толстому 508
Койвистолайнен И.И. 31
Койвистолайнен М.П. 31
Койранская К.Л. 199
Кокин А.К. 270
Коковцов П.К. 183
Кокорев, надзиратель 472
Кокоулин Ф.Ф. 270
Кокошкин Ф.Ф. 290
Коларов В.П. 555
Колмаков А.К. 270
Кологривов С.Н. 445, 449
Колодкин П. 271
Коломакин, з/к 334
Колондаров, з/к 377
Колосов, врач 468
Колосунин И.М. 526
Колошина А.А. 123-124
Колчак А.В. 164
Кольцов (Фридланд) М.Е. 433
Кольцов Н.К. 163, 180, 181, 224
Комаров В. 584, 585, 588, 590
Комаров В.И. 430
Комаров В.Л. 188, 195, 197, 208, 230
Комаров Н.П. 174
Комарович М. 224
Компанец Б.Р. 332
Кон Г.В. 271
Кондаков М.Е. 494
Кондаков Н.П. 177
Кондауров, электрик 490
Кондратенко Е.Н. 271
Кондратьев И.И. 174
Кондратьев М.П. 271

- Конев И.С. 430
 Конквест Р. (Conquest R.) 71, 107
 Коногов В.М. 271
 Кононенко М.С. 271
 Кононов, репрессированный 395
 Конради В.Г. 200
 Константин Константинович, вел.
 кн. (*К.Р.) 177, 213
 Константиновский А.М. 271
 Конторович Э.И. 271
 Копелев Л.З. 91
 Копилович М.К. 271
 Коплан Б.И. 215
 Кораблев В.Н. 184
 Корвин-Круковская Т.А. 218, 222
 Корвин-Круковский, сотр. ЧК 467,
 468
 Корелиц С.Б. 271
 Коржнев С.В. 337
 Корнеев И.Е. 271
 Корнилов К.Н. 177
 Корнилович О.Е. 454
 Коробков В.М. 271
 Коробухин М.Т. 136
 Коротнев И.А. 271
 Корпусов С.Е. 159
 Корчак-Чепурковский Ю.А. 72-75,
 79, 105, 109
 Корышев, свидетель 51
 Косарев А.В. 48, 433
 Косиор С.В. 48, 433
 Косицкая С.Н. 271
 Косминский Е.А. 453
 Косов В.Ф. 271
 Костычев С.П. 185
 Котляревский Н.А. 180
 Котов П.И. 271
 Котова Е.И. 256, 272
 Котульский В.К. 221
 Котюков, летчик 347
 Кохно Н.В. 272
 Кравченко Н.А. 7
 Краевич (урожд. Платонова) Н.С.
 214
 Крандиевская Н.В. 505
 Кранихфельд А.С. 272
 Красавчиков Ф.А. 272
 Красиков П.А. 290, 291
 Красовский В. 272
 Краснопевцев Л.Н. 547
 Краузе В. 488, 490, 491
 Крачковский И.Ю. 163, 176
 Крейд В. 474
 Крейзер Я.Г. 548, 550
 Кремлев Ив. - см. Чайнов А.В.
 Крестинский Ю.К. 527
 Кржижановский Г.М. 167, 174, 175,
 181, 186, 188, 190, 194, 208, 226
 Кривенко С.В. 254
 Кривоногов, з/к 334
 Кривошеин, сотр. СЛОН 387
 Кривчик П.И. 272
 Крымян Н.А. 431
 Крицкий Ю. 42
 Кристи М.П. 485, 487
 Кричевский А.Г. 256, 272
 Криштафович (Криштофович) А.Н.
 218, 221, 222
 Крогиус А.А. 182
 Кроленко, адвокат 49
 Кружков В. 550, 553
 Кружков Н.Ф. 432
 Крумин П.Г. 272
 Крупская Н.К. 474
 Кручинин П.Г. 272
 Крыжановский В.И. 221, 222
 Крылов, з/к 365
 Крылов А.Н. 180, 182, 183, 186, 188,
 226, 230
 Крылова М.К. 272
 Крымов Н.П. 555
 Крюков П.А. 272
 Кубасов, з/к 360, 371
 Кузанов Д.Н. 335
 Кузбасов Д.С. 337
 Кузнецов, сотр. ГУЛага 567, 575
 Кузнецов, сотр. Ростовского ун-та
 410
 Кузнецов Ф.П. 272
 Кузьмин, нач. колонии 54
 Кузьмин Л.И. 346
 Кузьмин Н.Н. 464, 485, 487
 Кузьмина Е.И. 137-138
 Кузякин П. 532
 Куйбышев В.В. 165, 174, 178, 188,
 194

- Кукушкин, пред. сельсовета 17, 18
Кулагин Н.М. 180
Кулевский А.В. 332-335, 349
Кулешов Н.А. 433
Куликов, следователь 484
Куликов, нач. радиостанции 335
Кульчицкий С.В. 106
Кундеш А.И. 34-35
Кундеш В.Э. 34-35
Кундеш Вл.Э. 34-35
Кундеш Р.Э. 34-35
Кундеш Э.В. 34-35
Кунин И.Я. 272
Купреянов П.А. 217, 231
Купреянова К.С. 272
Курганов И. 69, 71, 106
Курганская П.А. 272
Курда, швейцар 477
Курдюмов М.Г. 453
Курилко И.А. 308, 382, 384-386
Курлятков Ф. 497
Кутовой Э.П. 360, 361, 366, 369,
373-375, 378, 381
Кутузовы, авторы писем к А.Н. Тол-
стому 526
Кучер, з/к 334
Кушин И.А. 273
Кушина Л.А. 273
Лавров П.А. 185
Лазарев, военнопленный 496
Лазарев П.П. 180, 226, 234
Лазарева В.И. 273
Лазута Т. 155
Лакоба Н.А. 555
Ланг Г.Ф. 514
Лангельд Ф.К. 52-53
Лангфанг А.И. 433
Ланде М.С. 273
Ланде Т.М. 273
Лаппо-Данилевский А.С. 163
Лапшин, моряк 53-54
Ларин А. 532
Ларин И. 532
Ларин Ю. 175
Ларичев В.А. 217
Латонин, з/к 360
Лебедев, военнопленный 488
Лебедев А.И. 453
Лебедев Д. 458
Лебедев Л.Я. 273
Левандовский, з/к 369, 371, 373
Левин А.А. 273
Левина Е.С. 175
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 163, 167,
194
Левит, з/к 387
Левкоев Д.Г. 17-20
Левкоева М.Н. 17
Леднев Н.М. 332, 336, 339
Лейбензон Л.С. 177
Лелюхин, з/к 375
Леметти В.М. 43
Леметти Е.И. 43
Леметти Е.Ф. 43
Леметти Л.М. 43
Леметти Р.И. 43
Ленгник Л.Р. 57-59
Ленин В.И. 28, 125, 154, 176, 189,
190, 297, 440, 452, 465, 474, 476,
485, 487, 522, 523, 525, 532, 539,
579, 582
Леонов А.Г. 430
Леонов А.М. 494, 496
Леонтьева М.К. 256, 273
Лепешкин В.В. 176
Лермонтов М.Ю. 506
Либенсон Е.М. 433
Либталь М.Э. 220, 230
Линденер Б.А. 171, 222
Линник М.Е. 12
Липовский М.Н. 332
Лисютин В. 273
Литвинов, лекпом 368
Литвинов В.К. 337
Литвинов М.М. 174, 555
Литвинюк У.С. 28
Лифшиц Ф.Д. 110
Лихачев, госслужащий 395
Лихачев Д.С. 306, 357
Лихачев М.Т. 430
Лихачев Н.П. 215, 216, 223, 227,
232, 453
Лихтенбаум М.Д. 273
Лобанов Н.В. 371
Лобе А.И. 273
Лобыцин П.К. 273

- Логвинов В.И. 379, 381
Логоновский Ю. 33
Лоевецкий Д.А. 396, 397
Лозовский С.А. 539-542, 546-548, 553, 554
Локк Дж. 588
Лопухин А.А. 467
Лордкипанидзе, пред. Президиума ВС Аджарии 38-39
Лосев Б.М. 362, 380, 381
Лузин Н.Н. 179, 182, 183, 194
Лукач Г. (Д.) 582, 583
Лукин Н.М. 175, 182, 184, 186, 188, 190, 209, 234
Лукиных Е.Ф. 42
Лукиных И.П. 42
Лукиных Л.П. 42
Лукьянец, з/к 370, 377
Лукьянов Ю. 532
Луначарский А.В. 165, 174, 175, 188-192, 223, 440, 454, 475, 476, 487
Луппол И.К. 183, 223
Лурье Н.Г. 548
Лурье Р.Е. 273
Лурье Я.С. 186
Лутугин Л.И. 479, 486
Лучицкий В.И. 180
Лучко В. 89-90
Лучко О. 89-90
Лындин И.О. 494
Лысенко Т.Д. 52, 580
Львов П. 29
Льдов П. 325
Любавский М.К. 182, 222, 227, 232, 453
Любименко И.И. 453
Любимов А.И. 273
Любимов С.М. 273
Людвигов Б.А. 431
Люлькова Б.А. 273
Лютювич Е.А. 274
Лямин И.М. 332
Лящак А.П. 511-513
Мазин, военюрист 399
Мазус И.А. 533
Майсурадзе А.Н. 382, 384, 385
Майхровский Я.Я. 199, 231
Макаров, практикант ОГПУ 212
Макаров А.Н. 453
Макаров И. 497
Макаров Ф.И. 274
Макарова, секретарь суда 528
Максименко С.И. 136
Максимов А.А. 580
Максимов А.В. 274
Максимов С.В. 305, 321
Максимович Ю.К. 350, 392, 394, 397, 398
Максимовский, з/к 369
Максудов С. (Бабенышев А.П.) 65, 106-113
Малашонок Е.М. 125
Маленков Г.М. 37, 55
Маликов, з/к 56-57
Малиновский В.С. 274
Малкин А.Я. 257, 274, 294
Малкин Г.С. 274
Малкова Г.Б. 274
Малов А.Ф. 217, 231
Малышев, сотр. ЛИФЛИ 405
Мальцева Н.В. 55-56
Малютин С.В. 555
Малявин, следователь 512, 513
Мамай И.И. 274
Мамзелев П.А. 366, 379, 381
Мамулов С.С. 431
Мамышева Н.В. 200
Манухин С.С. 468, 474
Мао Цзедун 579
Марат Ж.П. 585
Маркарьян Р.А. 431
Маркиш П. 536, 542-548, 550, 553, 554
Маркман Е.Л. 274
Маркс К. 246, 514, 579, 581-583, 586
Маркус П.В. 347
Маровский В. 177
Марр Н.Я. 167, 173, 183, 188, 194, 206, 221
Мартенс Л.К. 180
Мартинсон Ф.А. 199, 212, 230
Мартюхин Л.Н. 306, 313
Марусов (Матусов Я.Н.) 433
Марцинкевич В.А. 274
Марченко В. 71, 108
Маршак С.Я. 546, 555

- Масленников И.И. 57-58
Массовер М.С. 274
Мастюгин, з/к 365
Маськов Л.И. 100
Матвеев В.З. 391, 392, 394-396, 398
Матвеев К.И. 335, 345
Матусов Я.Н. - см. Марусов
Маурин Н.И. 274
Махов В.Д. 274
Мачинин И.Х. 27
Маш Н.П. 274
Машинин П. 256, 275
Маяк Р. 190
Маяковский И.Л. 453
Мдивани Б. 37-38
Медведев А.С. 275
Медведев Н. 128
Медведева Ал.В. 160
Медведева Ан.В. 128-130
Медведь, зав. отд. Принудработ 498
Мееров А.С. 275
Межлаук В.И. 178
Меир Г. 551
Мейер, сотр. ОГПУ 339
Мейерхольд В.Э. 433
Мекк Н.К., фон 217
Мелик-Карамян, полит. з/к 275
Мельгунов С.П. 474
Мельник А.В. 28
Мельников Н.А. 275
Мельников Р. 157
Мензбир М.А. 186, 224
Меньшагин Б.Г. 431, 432
Меньшинов И.И. 275
Мерварт А.М. (Г.-Г.) 212, 218-220, 231, 232
Мерварт (урожд. Левина) Л.А. 219
Мержанов М. 548
Меркулов, сотр. МГБ 558
Меркулов В.Н. 37, 430
Меркулов Н.К. 344, 345
Мерхалев В.Н. 275
Мерхалев Д.Н. 275
Мессинг С.А. 174, 339
Мешик П.Я. 430
Мешковский Ш.Д. 515
Микоян А.И. 94
Милевский М.М. 200
Миллер, з/к 360
Мильнер Р. 548
Мильштейн С.Р. 431
Милюков П.Н. 464
Милютин В.П. 168, 174, 188
Минаев Г.Д. 26
Минаев Г.И. 275
Минаева, пенсионерка 40-41
Минаева И.Г. 26
Минаева К.А. 26
Минин Г.М. 366, 367, 370, 373, 374, 379, 381
Минин К. 210
Минько, свидетельница в суде 418, 421
Мирали, з/к 370
Мирзали, з/к СЛОН 360
Миронова А.Н. 275
Мисюревич, сотр. СЛОН 387
Миткевич В.Ф. 181
Митрополевский, з/к 488
Митропольский А.И. 275
Митроцкий М.В. 217, 231
Митроцкий П. (о.Павел) 217
Михаил Александрович, вел. кн. 202-204, 210
Михайлик, прокурор 94
Михайлов, следователь 54
Михайлов А.Р. 275
Михайлов Е.Н. 46-47
Михайлов Н. 32
Михайлов П. 496
Михайлов Я.М. 494, 495
Михайлова Л. 533
Миханьков (Миханков) А.Н. 360
Михеев М.А. 234
Михеева, пенсионерка 40-41
Михозлс С.(Ш.) М. 542, 543, 548-550, 553, 554
Мичурин-Равер М.Л. 432
Моди Дж.Дж. 168
Модин С.И. 275
Мозаков А.С. 150
Мокрицкий Е.И. 335
Молас Б.Н. 199, 204, 205, 209, 212, 231
Молоствов В.М. 588
Молоствов М.В. 588

- Молоствов М.М. 578-592
 Молостова (урожд. Астафьева) Н. Н. 588
 Молостовы, семья 578
 Молотов В.М. 37, 67, 77, 173, 194, 341, 476, 514, 525, 527, 550
 Монахов, знакомый Вернадского В. И. 482
 Мороз (Иосем) Я.М. 333, 335-337, 340, 345, 346, 349, 350, 394, 396, 397
 Морозов, поручик 443, 444
 Морозов, следователь 512
 Мосевич А.А. 211, 214, 215
 Москалев, адвокат 528
 Муралов Н.И. 443
 Муранова П.Г. 275
 Мурзаев, з/к 360
 Мусабеков Г.М. 37
 Мусатов Н.А. 432
 Мухин Н.Л. 275
 Мэйс Дж. 107
 Надарая С.Н. 431
 Надеждин В.П. 331, 335
 Надеждин Г.Н. 275
 Назаров В.И. 255, 276
 Нашивочников В.Н. 335
 Недоспалов Д.Д. 335
 Неймарк В.Л. 276, 296
 Некрасов А.Е. 335, 346
 Некрасов М.Н. 313
 Немирович-Данченко В.И. 305
 Непомнящая (Левина) Е. 59-60
 Нестроев Г.А. 276
 Нестроева-Ципина С.А. 276
 Нечаев А.П. 179
 Никитин, военнопленный 501
 Никифоров П.М. 173, 195, 201
 Никитин, з/к 474
 Никитин Д.В. 517, 527
 Николаев А.С. 453, 454
 Николаев В.С. 29
 Николаев Г.А. 276
 Николаевский Б.И. 453
 Николай II, имп. 167, 199, 202-204, 449
 Николай Михайлович, вел. кн. 163
 Никольский Н.К. 170
 Никольцев А.П. 53
 Никон, патриарх 321
 Никонов М.З. (Сморозин С.В.) 305
 Нищенко В.К. 172
 Новиков Л.А. 22-24
 Новикова М.Л. 22-24
 Новожилов, з/к 483, 484
 Новосельский С.А. 71-74, 78, 79, 82, 83, 101, 109
 Ногтев А.П. 319
 Нордгейм В.В. 187
 Носов, полк. МГБ 558
 Нотман К.В. 406, 415
 Нусинов И.М. 548, 550
 Одинцов, вольнонаемный 333
 Одоевский-Маслов Н.Н. 443, 444, 449
 Озоль К.К. 494, 495
 Ойнас Е.И. 31
 Ойслендер И.Е. 276
 Окинин Н.М. 219
 Оксман Ю.Г. 453
 Окулич-Казарин (Акулич-Казарин) Н.Ф. 455, 459-462
 Олехнович, з/к 323
 Олеша Ю.К. 527
 Олигов А.В. 455
 Оликер Б.Л. 306
 Олицкая Е.Л. 242, 276
 Олонецкий А.А. 276
 Ольденбург Е.Г. 184, 185, 203, 205, 206
 Ольденбург С.Ф. 163, 165, 167, 168, 170, 172, 175, 176, 181, 183-188, 190, 194, 195, 201, 202, 204-209, 221, 475, 485-487
 Опескина М.Г. 276
 Орановский Е.В. 441
 Орбели И.А. 184
 Орбели Р.А. 172, 173
 Орвел Дж. 11
 Орджоникидзе Г.К. 36, 337, 555, 556
 Орешов, з/к 370
 Орлов, пред. трибунала 57
 Орлов А. - см. Фельдбин Л.Л.
 Орлова А. 276
 Осадчий П.С. 174, 234
 Осидзе А.Ю. 276
 Осипов В.П. 184

- Осипова И.И. 7
Оссовский В.А. 276
Павленко, учитель 30
Павлов В.С. 276
Павлов И.П. 70, 180, 181, 185, 186,
189, 190, 194
Павловский Е.Н. 514, 515, 526
Павлоцкая А.Л. 276
Павлоцкий М.Л. 276
Паевский В.В. 71-74, 78, 79, 82, 83,
101, 109
Паисий, монах 316
Палладин В.И. 485, 487
Пальмов И.С. 163
Пальчинский П.И. 194, 210, 217
Паничев К.Б. 142
Паничев М. 124
Паничева А.А. 147-149, 162
Паничевы, крестьяне 124
Панов С.Г. 276
Пантелеев, фармацевт 478, 479
Панфилов Ф.Ф. 277
Панцерный П. 32
Панюков А.А. 566
Папушин А. 492
Папушин И. 492
Папушин С. 488, 491-493
Папушина М. 492, 493
Парамонов Г.И. 431
Парчевский И.Н. 332, 338
Паськов, боцман 466-468
Патрушев Д.Г. 277
Паустовский К.Г. 548
Пачулия Г.А. 432
Пашенная В.Н. 488, 496
Пекарская М.Я. 277
Пелюхин (Пиллюхин) И.Ф. 367, 373,
377, 378, 381
Переверзев В.Ф. 223
Пережогин, моряк 53
Перец В.Н. 185
Перчёнок Ф.Ф. (*Солодов) 107, 110,
474
Песковский, моряк 54
Петерс Я.Х. 198, 204, 208, 451
Петерсон А.О. 335
Петр I, имп. 171, 172, 322, 327
Петренко Е.Л. 277
Петренко П.С. 277
Петри Г.Э. 220
Петров А.А. 217, 231, 232
Петриченко С.М. 466, 467, 473
Петров М.А. 456, 457
Петров М.Н. 433
Петров Н.В. 526
Петров Ф.Н. 173, 174
Петрова В.Ф. 29
Петрова П.Ф. 153-155
Петровский Г.И. 188
Петровский-Кофман Н.В. 277
Петрушевский Д.М. 177, 182, 186
Петухов Е.В. 180
Петухов Н. 553
Пешкова Е.П. 242, 249, 257
Пидгайный С.О. 306
Пий XI 232
Пик В. 555
Пикассо П. 583
Пилкин С.К. 200, 212, 231
Пименов Р.И. 577
Пирожков В.П. 433, 434
Писаржевский Л.В. 223
Пичета В.П. 222, 232, 453
Платон И. 499
Платонов С.Ф. 168, 180, 186, 188,
204-206, 208-218, 223, 226, 227, 231,
232, 451, 453, 455, 456, 461, 463, 475
Платонова М.С. 214, 230
Платонова Нат.С. 213, 230
Платонова Нина С. 209, 211, 214, 230
Платоновы, семья 217
Плеханов Г.В. 581
Плинер И.И. 349, 392-397
Пограницкий, военюрист 402, 403,
407-409, 412, 417, 424
Погребов Н.Ф. 474
Подбельский Ю.Н. 277
Подкопаев Г. 532
Подьячих Г.П. 106
Пожарский Д., кн. 210
Пожарский Л.А. 560, 571-576
Познер Б.П. 174, 184
Покидько Н. 89
Покидько Ол. 89
Покидько Ол. 89
Покидько С. 89

- Покидько Т. 89
Покровский М.М. 179
Покровский М.Н. 165, 174, 175, 182,
192-194, 209, 215, 232, 454, 455
Покровский Ф.И. 212, 230
Полевой П.И. 222, 333
Полежаевы, грабители 442
Полетика Е.К. 277
Поливанов Е.Д. 177
Полиевктов М.А. 454
Полисонов А.В. 392, 393, 395, 397,
398
Полозова Т.А. 277
Полонский, секретарь райисполкома
89
Полонский Я.П. 527
Полупанов, з/к 362
Поляков И.В. 380, 381
Полянский (Д.Л.?) 558
Понасюк, з/к 366
Пономарев З. 488, 490
Попляк Л.Ф. 277
Попов А.И. 277
Попов В. 550
Попов В.И. 256, 277
Попов И.К. 277
Попов С.М. 277
Попова, врач 61
Поповский М.А. 190
Постников В. 277
Постышев П.П. 93
Потемкин, сотр. СЛОН 386, 387
Прасолов А.Г. 332, 335, 346
Предит Е.И. 277
Преображенский Е.А. 190
Пресняков А.Е. 182, 442, 452, 453
Привалов, нач. лагпункта 370
Привезенцев К.Е. 494
Примак И.Ю. 278
Приселков М.Д. 222, 230
Прокопович С.Н. 71, 108
Прокопьев К.М. 278
Прокофьев Г.Е. 433, 434
Прокофьев М.А. 410, 423
Пронин А.Н. 489, 490, 501
Простосердов Н.Н. 325
Прошин В.С. 526
Прошко, военюрист 392
Прус, сотр. ЧК 472
Прянишников Д.Н. 234
Птуха М.В. 72, 73, 75, 80, 81, 109,
110
Пу, надзиратель 472
Пузинский В.Ф. 217, 231
Пузырев С.Е. 278
Пупышев, военнопленный 488
Пустоход В.И. 110
Путилов А.С. 212, 231, 462, 463
Путята В.Н. 480
Пушкин А.С. 212
Пушкин Б.С. 443-445, 449
Пхакадзе, комендант СЛОН 370
Пшеничный А.П. 455
Пыпин Н.А. 223, 230
Пятаков Г.Л. 471, 506
Пятернев М.С. 142
Пятницкий О. (И.А.) 433
Р-ов В. 405, 407, 415, 426-428
Рабинович А.М. 278
Рабинович М.Я. 278
Рабинович Ю. 278
Рабкина М.М. 278
Равдин Б.Н. 7
Равикович И.Б. 278
Равич-Щербо, военюрист 391
Радек К.Б. 473, 506
Радин В.Е. 278
Радионон Т.С. 278
Радлов В.В. 163
Радлов Э.Л. 179, 180, 182
Раевский П.С. 357
Раздобедин Т.Ф. 278
Разоренов, чл. Коллегии РКИ 195
Разумовская Е.Н. 149, 160
Райн-Селимов А.И. 380, 381
Райхман Л.Ф. 403-421, 433, 436
Раков А.А. 100
Рамзин Л.К. 216, 217, 234
Рапава А.Н. 431, 436
Раппипорт И.С. 278
Раппопорт В. 432
Раскольников Ф.Ф. 455
Раснер С.М. 278
Рассел Б. 582
Ратников Г.И. 344, 345
Ратновская В.И. 278

- Рафаил М.А. 174
Рахт С.П. 360, 362, 365, 368, 370-373, 378, 381
Рашер Е. 453
Рашковский И.Г. 278
Рашкуев А. 333
Реденс С.Ф. 434
Резников, профессор ЛГУ 586
Рембрандт Х. ван Р. 509, 526
Репин И.Е. 177, 449
Рест Б. 441, 449
Ржевский К.В. 382, 384-387
Рид Дж. 440, 450
Рихтер Е. 480, 486
Рогалис М.О. 278
Рогинский А.Б. 190, 233, 254, 455, 535
Рогожин Н.М. 441
Родин Н. 481-483
Родионов Н.А. 35-37
Родионов С.Ф. 580
Родионова Н.Б. 35-37
Родованский И.И. 433, 558
Родос Б.В. 433
Рождественский Н.В. 453
Рождественский С.В. 201, 211-213, 218, 232, 453
Розанов М.М. 306, 317, 318, 323, 324
Розанов Н.А. 495
Розанов С.П. 230
Розен И.А. 279
Розенталь, секретарь облсуда 18, 20
Розова А.С. 279
Рокоссовский К.К. 46
Романенко А.М. 335
Романова Т. 279
Романовы, династия 210
Романовы, имп. семья 203, 211
Ромишовский В.И. 457
Роо, фигурант по делу Лящика А.П. 512
Росселевич А.Я. 332, 335, 346
Росси Ж. 241-243
Ростиславов А. 440, 449
Ростов А. (Сигрист С.В.) 168, 202, 209, 211-215, 217, 231-233, 455
Ростовцев М.И. 184
Ростовцов Я.Н. 202, 212, 231
Ротовский О.О. 279
Ротштейн Ф.А. 175, 224
Рубинштейн В.О. 279
Рубинштейн Ю.Г. 279
Рубинштейн Я.Л. 279
Рубцов, сотр. СЛОН 370
Рувимский С.А. 279
Рудаков П.А. 279
Руднев Д.Д. 195
Рузский, автор письма 510-511, 526
Рукованов Е.Ф. 494, 495
Румянцев, сов. служащий 479
Румянцев А.Н. 32
Румянцев И.Н. 32-33
Румянцева Е.В. 32-33
Русанов Д.А. 332, 333
Рухадзе Н.М. 431
Руцинский М.В. 332
Рыклин Г.Е. 548
Рыков А.И. 174-176, 188, 194, 205, 214
Рыльский М.Ф. 548
Рышков Ю.М. 199
Рюмин А.Н. 279
Рюмин М.Д. 411, 420, 421, 430, 434, 555-559
Рютин М.Н. 530
Рябинин Н.А. 279
Рябокоть А.Д. 53
Рязанов Д.Б. 174, 175, 177, 182, 188, 190, 191, 193, 194, 234, 290, 452-454, 457, 460
Ряховских, военюрист 424, 425
С., автор «Последних новостей» (Париж) 465, 471, 473
Савватий, монах 311
Савин А.Н. 453
Савин В.М. 548
Савина Г.А. 226
Савиных В.М. 534
Савицкий, репрессированный 395
Савицкий К.С. 431
Савков, сотр. СЛОН 370
Садиков П.А. 223
Садовский, чл. Коллегии РКИ 195, 196, 200, 201
Сайкин К.Ф. 494
Сажин В.Н. 455

- Сакулин П.Н. 186, 187
Салазкин С.С. 487
Салахутдинов К.М. 529, 530
Салтыков-Щедрин М.Е. 506
Сальников В.В. 279
Самарин А.И. 279
Самойлович А.Н. 182
Самохвалов М.Д. 256, 257, 279
Самошенко В.Н. 450
Сандомир Л.П. 256, 279
Сандомирская М.У. 279
Сапегин А.А. 180
Сапёрова А.И. 150-151
Сапир Б.М. 280
Сапогов Г. 19
Сарианаки В.Ф. 280
Саркисов Р.С. 432
Сафонов В.А. 280
Сафронов, прокурор 557
Сахаров А. 280
Свежевский, полит. з/к 280
Свердлов В.М. 165, 173
Светенков И.С. 155-156
Светов В. 526
Свирская М.Л. 280
Свояковский И. 496
Святский Д.О. 220
Севастьянов И.А. 180
Севастьянов И.В. 280
Седерхольм Б.Л. 306
Седов, полковник МГБ 558
Седов И.А. 280
Селенкин М. 280
Семашко Н.А. 485, 487
Семенов Б.А. 464
Семенов В. 115-118
Семенов Г. 533
Семенов-Тян-Шанский В.П. 221, 224
Семенова А.Ф. 115-118
Семингор И.М. 375, 380, 381
Семичев, партработник 347
Семятицкая Р.Х. 280
Сена О.Е. 49-51
Сендерихин Х.О. 280
Сергеев П.Н. 151
Сергиевский Г.В. 453
Серебряков М.В. 172
Серикова (Василенко) А.Г. 20-21
Серов, надзиратель 472
Серов В.А. 449
Серчук И.А. 280
Сиверс А.А. (отец) 183, 453
Сигрист С.В. - см. Ростов А.
Сидоров В.А. 106
Сидоров С.Ф. 332
Сизых К.П. 280
Силаев В. 280
Симаньков Т.Д. 142-143
Синица Д. 449
Синицкий, пред. колхоза 136
Сиповский В.В. 179, 180
Сироштан, военнопленный 488
Сифман Р.И. 73, 80, 81, 100, 109, 110
Ская Э.П. 331, 333
Скворцов П. 280
Скворцов-Степанов И.И. 175
Скегин З.М. 280
Скобелев В.Е. 49-51
Скопин-Шуйский М.В. 210, 211
Скрибанович Ф.Ф. 199, 212
Скрипникова А.П. 327
Скрипниченко П.В. 281
Скрышник Н.А. 70
Сланский Р. 435
Слепнева Г.С. 145-146, 161
Слуцкий Б. 532
Смирнов, з/к 334
Смирнов, нач. районной милиции 93
Смирнов А.П. 249
Смирнов В.И. 220
Смирнов М.Б. 352
Смирнов М.И. 220
Смирнов П. 281
Смирнов Я.И. 163, 177, 184
Смирнова Е. 441
Сморозин С.В. - см. Никонов М.З.
Смыслов, горный инженер 479
Снигирев В.В. 453
Снисаренко, полит. з/к 281
Соболевский А.И. 163, 224, 453
Соколов В. 256, 281
Соколов Г.П. (Ю.П.) 217, 231
Соколов М. 32
Соколов С.В. 366
Соколова Н.Н. 51

- Соколовский Г.Н. 172, 199, 204, 212, 231
Солженицын А.И. 239, 306, 327, 433, 474, 556, 557, 559, 560
Соловьев В.С. 179
Соловьёв Г. 517-520
Соловьёв С.А. 335, 338
Соловьёв С.М. 479
Соловьёва С.Г. 258, 281
Солодов см. Перчёнок Ф.Ф.
Солохин Н.Д. 577, 589-592
Соминич Г.Е. 442
Сорокин, сотр. СЛОН 387
Сосновский, следователь 472
Спивак Б.И. 281
Спиридонов М.А. 281
Сталин И.В. 13, 14, 28, 32, 33, 37-39, 46-47, 53, 55, 57, 70, 71, 94, 107, 167, 177, 189, 212, 341, 425, 433, 436, 506, 509, 519, 522, 523, 526, 531, 532, 547-553, 556, 558, 559, 564, 579, 580, 586
Старицкий Г.Е. 203
Старовойтов А.Е. 306
Старовойтов В. 119-120
Старовойтова А.П. 119-120
Старовойтова Т.С. 159-160
Староста Б.Ю. 281
Стеклов В.А. 168, 170, 175, 176, 180, 475
Степанов, доцент ЛГУ 580
Степанова Е.Т. 149-150
Степная Д.М. 281
Стечкин Б.С. 234
Сторожев В.Н. 453
Сторожук, военнопленный 488
Стравинский М.Л. 443, 445, 449
Стреблев В.К. 495
Стрижов И.Н. 332
Строгович М.С. 580
Стромин А.Р. 212, 213, 215, 220, 221
Струве П.Б. 204
Струнская Н.Г. 281
Студенецкий С.А. 281
Судоплатов П.А. 432
Сукачев В.Н. 580
Сулин-Этин А.Л. 391, 393, 394, 396-398
Сулухия, прокурор 39
Сумбатов А.И. (Сумбатов-Южин) кн. 501
Сумбатов-Топуридзе Ю.Д. 432
Суперфин Г.Г. 7
Суслов М.А. 535, 537-539, 546, 547, 552-554
Суриков, сотр. СЛОН 387
Сухов И. 533
Сухотин Н. 498, 499
Суцкевер А. 548
Сушкин П.П. 180, 224
Сысоева Е.П. 281
Табалин И.Я. 281
Тавровский Л.Н. 281
Таганцев В.Н. 464, 465, 467-471, 473
Таганцев К.В. 468
Таганцев Н.С. 163, 468, 473
Таганцева А.В. 469
Тамми А.К. 436
Тарабукин С.К. 281
Тараканов, совработник 347
Тарасов А. 533
Тарасов Б.Ф. 282
Тарасюк, полит. з/к 282
Тарковский А.А. 13
Тарле Е.В. 188, 208, 209, 211, 213, 215, 216, 218, 220, 223, 227, 228, 231, 232, 453
Тарловский Г.О. 282
Таумин И.М. 336, 339, 346, 397
Тейман, комендант лагеря 489
Тельников В.Н. 577
Тепер А.Я. 335, 337-338
Тепцова Н.В. 106
Тер-Вартанян Б. 282
Терегулов О.Н. 282
Терех А.П. 30-31
Терибелли, врач 371
Тиль Т. см. Бацер Д.М.
Тимковский В.И. 282
Тимофеев, фигурант по делу ПБО 467
Тимофеев Л.М. 111
Тимофеев Ф. 490
Тито И.Б. 558
Тиханович (Тихонович) Н.Н. 221, 331, 332, 335, 346
Тихвинский М.М. 474

- Токмаков, следователь 397
Толпарова З.И. 282
Толстой А.Н. 505-527
Толстой Л.Н. 516, 517, 527
Тольц М. 110
Тольятти П. 555
Томилина А.К. 32
Томсинский С.Г. 209
Томсон А.И. 179
Торопов Ф.А. 332, 346
Травина А.В. 174
Трахтенберг Б.С. 282
Трахтенберг Д.Б. 282
Трейгер Н.И. 282
Третьяков А.Н. 494
Трифонов М. 68, 106
Троицкий В.И. 453
Трофимов, военнопленный 488
Трофимов, сотр. ОГПУ 381
Трофимов В.И. 577
Трофимова В.В. 282
Троцкий Л.Д. 165, 174, 432, 522
Троянский С.Ф. 282
Трубачев, сотр. МГБ 556
Тугарин П.А. 282
Тугаринов В.П. 580, 585
Тугаринов И.А. 173
Тугова А.И. 282
Тулайков Н.М. 52
Тумановская И.А. 7
Тумаян П.А. 335
Туомайнен К.Г. 319
Тураев Б.А. 163
Турко Г. 89
Турусов И.Я. 282
Турчанинова Е.Д. 496
Тухачевский М.Н. 434, 555
Тушевский, строитель 29
Тушинский М.Д. 515
Тхоржевский С.И. 230
Тынянов Ю.Н. 455, 527
Тычина П.Г. 548
Тюнина М.А. 282
Угаров А.И. 174
Удалов М.А. 283
Удодов, сотр. ГУЛага 571
Улитская А.А. 283
Ульрих В.В. 37
Упекин Я.П. 33
Упекина А.Г. 33
Урланис Б.Ц. 72, 99, 108
Усов М.А. 180
Успенский, архивариус 443
Успенский, свидетель 51
Успенский Ф.И. 180, 477, 486
Успенский Я.В. 183, 225
Устинова Ш.Ш. 35
Устюгов, военнопленный 488
Уткин И. 502
Уфлянд Л.М. 283
Ушаков, военнопленный 488
Фаверо Д.В. 344
Фаворский А.Г. 306
Фадеев А.А. 548
Фадеева Т.П. 143
Фаерман Т.З. 283
Файнберг Е.А. 283
Фалин И.В. 283
Фангер Б.А. 369
Фарих, летчик 347
Фармаковский Б.В. 177
Федодеев А.В. 283
Федоров Е.С. 163
Федоров С. 352
Федорова Н.Н. 215
Федорчук О. 89
Федотов А.А. 217
Федотов С.С. 225
Фейхтвангер Л. 509, 526
Фельдбин Л.Л. 70, 107
Фельдман Д. 474
Фельдман М.С. 283
Ферсман А.Е. 171, 176, 180, 188, 194,
195, 205, 208, 221, 222
Феськов Б.М. 359, 362, 363, 375, 379,
381
Фефер Д.И. 535, 551
Фефер И.С. 543, 548-550, 553
Фигатнер Ю.П. 195-208, 212, 223
Филатов Е.С. 283
Филимонок Д.И. 138-139
Филимонов, расстрелянный 395-397
Филипп, митр. Московский 310,
313, 325, 327
Филиппов А.Н. 453
Филиппов В.Г. 283

- Филиппов К.Ф. 41
Филиппова, пенсионерка 40-41
Филипповский В.Н. 283
Филиппченко А.А. 506, 514-516
Филиппченко А.В. 514-516, 526
Финкельштейн Н.А. 283
Фиолетов П.А. 32
Фисанович И.И. 548
Фишман А.Г. 283
Флавиан, монах 312
Флавиан (в миру Городецкий), архиеп. 197
Флегонтов А.М. 283
Флейшмахер У.Ю. 283
Флоренский П.А. 314
Флоринский Т.Д. 163
Фок В.А. 580
Франк С.Л. 582
Фрегер И.С. 283
Фрейман А.А. 181
Френкель И.А. 387, 388
Фрид Ф.Я. 283
Фридлянд Г.С. 209
Фриновский М.П. 433
Фриче В.М. 175, 182-186, 188, 190, 223
Фришфельд А.Ф. 212, 220
Фролов В.Е. 284
Фрумес, сотр. ГУЛага 396
Фрумкин А.Н. 548
Фрунзе М.В. 174
Фурман А.С. 284
Фурман В. 532
Фурман Э.Б. 220
Фурса С. 91
Хавченко, сотр. КГБ 407
Хазан А.С. 431
Хаймович Ю.Н. 284
Хакенен И.И. 31
Халтурин Д.Н. 175, 186, 197, 199
Ханданов Г.Е. 284
Ханзадян А. 284
Харахинов Ф.Х. 284
Харецкая М.П. 558
Харитонов, з/к 365
Харитонов Л.М. 366
Харлампович К.В. 163
Харченко П.Ф. 360, 371, 372, 378, 381
Хахагогьян К. 284
Хват А.Г. 434
Хейкинен И.М. 31
Хейман С.Е. 284
Хлыстов Д.Г. 31
Хмелев Н.П. 555
Ходжаев Ф. 555
Хоменко А.П. 72, 73, 109
Хоммер С.Д. 284
Хомяков Д.Г. 346
Хорошин М.Э. 284
Хоружик Л.М. 382, 384, 385, 388
Хохлов, военюрист 399
Хренников С.А. 210, 217
Хрушев Н.С. 47, 93, 94, 110, 579, 583, 588
Худякова М.Е. 19-20
Цанава Л.Ф. 432
Цаплин В.В. 65, 112
Царевский С.Ф. 202
Цатурян О.И. 7
Цванцигер Б.В. 474
Цветаев Д.В. 453
Цвибак М.М. 209
Цвибельфиш, автор «Соловецких островов» 323
Цейтлин М.Д. 284
Цейтлин М.С. 284
Цейтлин С.С. 284
Цейтлина Д.С. 284
Ценкевич, член трибунала 32
Церетели Ш.О. 431
Цецерский Е.А. 373
Циолковский, надзиратель 333
Цукерман М.А. 284
Цыганков Я.А. 21-22
Цызырев И.Ф. 456
Чайко С.П. 285
Чапский К. 33
Чарин И.А. 257, 285
Чарновский Н.Ф. 217, 234
Чаянов А.В. (Кремлев Ив.) 483, 486
Чебанов, прокурор 49
Чеканов И. 32
Чекмасов Е.М. 253, 285
Челпанов Г.И. 179
Чепурин Н.В. 217
Черемных М.М. 449
Черепинский С. 533

- Черепнин Л.В. 222
Черепнин Н.П. 453
Черкасов, сов. чиновник 498
Чернавин В.В. 233
Чернов И.Я. 430, 431
Чернойванов А.В. 344, 349, 350
Чернышевский Н.Г. 581
Чертов Д. 402
Четкин А.И. 285
Чехов А.П. 483
Чечуров, майор МГБ 558
Чирсков Б.Ф. 220
Чичерин Г.В. 555
Чичибабин А.Е. 225
Чуваев А. 32
Чудакова М.О. 455
Чудновский Д.К. 346
Чуков Н.К. 217
Чулков Н.П. 453
Чухин И.И. 323
Шакс С.С. 285
Шамонина В.С. 209
Шангин М.А. 230
Шанин А.М. 323, 339, 357, 358
Шапиро, аспирант 429
Шапиро И.И. 285
Шапиро Р.Д. 285
Шапиро С.Б. 285
Шария П.А. 432, 436
Шарков, адвокат 49
Шатров Б.Н. 461
Шауро В.И. 195
Шафир Г.М. 49
Шахматов А.А. 163, 203, 215, 453
Шваркунов М.Ф. 124
Шварцман Л.Л. 433
Швед, надзиратель 583
Шверник Н.М. 188
Швецов, военюрист 391, 392
Шевченко С. 533
Шейнис З.С. 553
Шейнман З.С. 285
Шекспир В. 95, 555
Шелков С. 144
Шелленберг В. 560
Шеллинг Ф.В. 582
Шепшелевич С.И. 285
Шереметевский В.В. 453
Шестаков, сотр. ЧК 472
Шестаков В.П. 254, 255, 285
Шестериков С.П. 231
Шехтман Д. 551
Шидловский А.Ф. 172, 478, 480, 481, 486
Шик Г.Э. 285
Шилин А. 285
Шилов А.А. 453
Шимановский И.Я. 456-458
Шимелиович Б. 553
Шимшелевич Е.З. 286
Шимшелевич С.З. 286
Шингарев А.И. 290
Ширенков В.М. 26-27
Ширенкова В.И. 27
Ширяев В.Н. 306
Шихмуратов О.О. 434
Шишмарев А.П. 396
Шишмарев В.Ф. 223
Шкарупа А.И. 30
Шкирятов М.Ф. 47, 421
Шкловский В.Б. 527, 548
Школьников Ц.А. 286
Шмелев Н.А. 286
Шмидт, з/к 512
Шмидт, комроты СЛОН 369
Шмидт И.Н. 286
Шмидт С.О. 455
Шмит Ф.И. 224
Шнейдер И.А. 286
Шокк Ю.В. 528, 529
Шольц Э.Э. 199, 220, 230
Шондыш А.Н. 212
Шпакова С.Р. 131-135
Шпет Г.Г. 179, 182
Шпитальский Е.И. 234
Шрейдер А.А. 382, 384, 385
Штакельберг А.А. 172, 212, 220
Штакельберг Н.С. 172, 212
Штакельберг Я.О. 286
Штакельберги, бар. 172
Штер Н. 502
Штерн Е.Л. 286
Штерн И. 286
Штерн Л.С. 548
Штерн С.Г. 286
Штерн С.И. 286

- Штернберг З.Г. 286
Штыканов А. 443, 444
Шубевик С. 496
Шубин, пенсионер 40-41
Шубина Г.К. 40-41
Шувалов П.А. 447, 450
Шувалова М.А. 450
Шукшин В.М. 587
Шумилов В.М. 286
Шумихин С.В. 455, 459
Шумский С.В. 449
Шухаев В.И. 506
Щадов А-Б.Т. 379, 381
Щегольков С.В. 306
Щедров, з/к 371, 377
Щерба Л.В. 224
Щербаков А.С. 553, 556, 558
Щербанов, пред. трибунала 32
Щербатской Ф.И. 183, 188, 194, 206, 475
Щесневская А.И. 286
Эберман В.А. 201
Эгиз И.А. 286
Эйзенбраун Э.В. 346
Эйнсильд И.М. 286
Эйнштейн А. 548, 549, 581, 582
Эйтингон Н.И. (Л.А.?) 432
Эйхенвальд А.А. 176
Эйхманс Ф.И. 250, 314, 339
Эккерман И.П. 486
Элиасберг Б.Е. 287
Эльман Р.Л. 287
Эмдин М.В. 580, 586
Энгельгардт Б.М. 223, 230
Энгельс Ф. 579, 582
Эпштейн А.И. 286
Эпштейн Ш. 547-550
Эрдели К.В. 335, 338
Эренбург И.Г. 296, 537, 548-550, 552
Этингер Я.Г. 555-559
Этингер Я.Я. 555-559
Эфрос А.В. 548
Эфрос А.М. 439-442
Юдин Ф.А. 287
Юдичева С.Г. 287
Юдов А.С. 287
Юлис И. 363
Юнгеров, полит. з/к 287
Юнкеров Ф.А. 287
Юрасов Д.Г. 210, 252
Юсупов, сотр. СМЕРШ 560
Юхневич И. 490
Юцис Г.Б. 287
Яблокас, з/к 334
Яблочкина А.А. 496
Ягода Г.Г. 48, 53, 337, 338, 341, 349, 389, 393, 407, 433, 459, 505
Ягодкина (урожд. Карпина) Э.Э. 42-43
Якобсон, з/к СЛОН 388
Якобсон, следователь 472
Яковлев А.В. 287
Яковлев А.И. 222, 232
Яковлев А.С. 555
Яковлев В. 490
Яковлев И.Н. 287
Яковлев К. 490
Яковлев М. 401, 417
Яковлев Н.Н. 474
Яковлев П.И. 287
Яковлев Я.А. 194
Яковлева В.П. 287
Якорский В.И. 474
Якубсон И.С. 287
Якубсон Л.С. 287
Янсон А. 460
Ярилов А.А. 173
Ярмантович, народный заседатель 528, 530
Ярошенко Н.А. 289
Ясевич О.И. - см. Второва-Яфа О.В.
Яцкевич В.И. 462
Яцук И.И. 528, 529
Ячевский А.А. 180

* * *
Anderson В.А. 72, 109
Bacon G. 545
Biraben J.-N. 73, 78, 81-83, 100, 101, 109
Birman I. 107
Dalrymple 69, 106
Davies R. W. 107
Feshbach M. 71, 107
Gitelman Z. 552

-
-
- Gregory P. 107
Hanter H. 107
Hundert G. 547
Jasny N. 106
Krawchenko B. 106
Leneman L. 546
Lorimer F. 71, 73-75, 78, 80, 82-84,
100, 102, 108, 109
Mace J. 108
- Nove A. 107
Redlich S. 547, 551
Rosefielde S. 72, 107, 108
Serbin R. 106
Silver B.D. 72, 109
Tawdul A.J. 107
Thurston R.W. 107
Wheatcroft S.G. 72, 107, 108

ББК 63.3(2)
3-43

Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. — М.: Прогресс:
3-43 Феникс : Atheneum, 1991. — 624 с.; ил.

В альманахе, подготовленном научным центром Общества "Мемориал", собраны ранее не публиковавшиеся материалы по истории политических репрессий в СССР с 1918 по 1958 г. В публикуемых документах государственных и личных архивов, мемуарах, записях устных рассказов, статьях отражены судьбы крестьянства и интеллигенции, деятельность общественных организаций, история лагерей и тюрем, трагические перипетии в жизни отдельных людей.

Книга предназначена для историков-профессионалов и для широкого круга читателей, интересующихся "белыми пятнами" в советской истории.

3 4702010206 – 063 — без объявл.
006 (01) – 91

ББК 63.3 (2)

Редакция литературы по истории
Зав. редакцией О. А. Зимарин
Редактор Т. В. Хордина

"ПРОГРЕСС"; "ФЕНИКС"; "ATHENEUM"

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Звенья: Исторический альманах. Вып. 2.

В сборник, подготовленный научным центром "Мемориал", вошли дневник З. Гинзбург 1917–1918 гг., письма известного политического деятеля Д. И. Шаховского, воспоминания и переписка В. Н. Фигнер, статья А. А. Мейера "О судьбе социализма в России" (1917 г.) и другие уникальные материалы, дополняющие наши представления об отношении интеллигенции к революции и власти.

Книга предназначена для историков, филологов и широкого круга читателей.

ЗВЕНЬЯ

Исторический альманах

Выпуск 1

В книге использованы архивные фотодокументы

Редактор *Т. В. Хордина*

Художник *Т. В. Божучаева*

Художественный редактор *Е. А. Антоненков*

Технический редактор *Е. В. Левина*

ИБ №19196

**Издание подготовлено на микроЭВМ
с помощью программы «Вентура Паблишер».**

Фотоофсет. Подписано в печать 24.01.91.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Услови.печ.л. 39,0 + 2,0 печ.л. вклеек. Усл.кр.отг. 41,0. Уч.-изд.л. 40.25.

Тираж 50.000 экз. Заказ № 1080. Цена 9 р. 50 к.

Изд.№ 48201.

**Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс"
Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва,
Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.**

**Ордена Трудового Красного Знамени Московская
типография № 7 «Искра революции» В/О «Совэксспорт-
книга» Государственного комитета СССР по печати.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.**

SBLEHBR

—

